

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

NAUCHNYI DIALOG

Научный диалог

2021. № 7

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011 г., Роскомнадзор
Год основания	2012
Периодичность	12 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • EBSCO • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620050, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620098, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cnior@bk.ru

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	07.00.00 Исторические науки	
	10.01.00 Литературоведение	
	10.02.00 Языкознание	
География авторов выпуска	Бишкек (Кыргызстан)	Омск
	Брянск	Ростов-на-Дону
	Екатеринбург	Санкт-Петербург
	Елец	Саранск
	Калининград	Ставрополь
	Майкоп	Тобольск
	Москва	Тюмень
	Нальчик	Улан-Удэ
	Нижний Новгород	Челябинск
	Новосибирск	Череповец
		Якутск
Авторы, имеющие ученую степень	86 %	

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

2021. № 7

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Informa- tion Technologies and Mass Com- munications)	PI № FS 77-47018 of 18.10.2011
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Presence in Citation Bases, indexa- tion	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• EBSCO • RSCI — All published articles are publicly available for reading and citing on the jour- nal’s website and in the National E-Library • CyberLeninka
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

Главный редактор

Татьяна Валерьевна Леонтьева, д-р филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, канд. филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, д-р исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Алессандро Витале, д-р наук, профессор (Италия, Милан)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, д-р филологических наук, профессор (Болгария, София)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Владимировна Гусейнова, д-р педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

Редакционный совет

10.02.00 Языкознание

Александр Константинович Киклевич, д-р филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Арто Мустайоки, д-р философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, д-р филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Вадим Витальевич Сдобников, д-р филологических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)
Евгения Викторовна Терехова, д-р филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, д-р филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Рenate Ратмайр, д-р филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Татьяна Николаевна Бунчук, канд. филологических наук, доцент (Россия, Сыктывкар)
Тимур Беньюминович Радбиль, д-р филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

10.01.00 Литературоведение. Журналистика. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, д-р филологических наук, профессор (Кыргызстан, Бишкек)
Андреана Борисова Ефимова, д-р наук, профессор (Болгария, София)
Галина Ивановна Родина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Евгения Николаевна Кузьмина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Новосибирск)
Иво Поспишил, д-р наук (Чешская Республика, Брно)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Павел Федорович Лимеров, канд. филологических наук, доцент (Россия, Сыктывкар)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Алексеевна Савоськина, канд. филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

07.00.00 Исторические науки. Этнография. Этнология

Александр Геннадиевич Нестеров, д-р исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, д-р наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, д-р исторических наук, профессор (Казахстан, Усть-Каменогорск)
Андрей Александрович Иванов, д-р исторических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, д-р исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Английский перевод аннотаций: Ирина Волгина

EDITOR-IN-CHIEF:

Tatyana Valeryevna Leontyeva, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

SCIENCE EDITORS

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Anna Viktorovna Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Tatyana Vladimirovna Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL BOARD

LINGUISTICS

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)
Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)
Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)
Evgeniya Viktorovna Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Nina Markovna Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)
Tatyana Gennadyevna Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)
Tatyana Nikolayevna Bunchuk, PhD in Philology, associate professor (Russia, Syktyvkar)
Timur Benyuminovich Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)
Vadim Vitalyevich Sdobnikov, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. JOURNALISM. FOLKLORE

Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Aleksandr Samuilovich Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)
Andreana Borisova Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Galina Ivanovna Rodina, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Arzamas)
Evgenia Nikolayevna Kuzmina, Doctor of Philology, professor (Russia, Novosibirsk)
Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno))
Olga Yurevna Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)
Pavel Fyodorovich Limerov, PhD in Philology, associate professor (Russia, Syktyvkar)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Tatyana Alekseyevna Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

HISTORY. ETHNOGRAPHY. ETHNOLOGY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Albina Sovetovna Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)
Andrey Aleksandrovich Ivanov, Doctor of History, professor (Russia, St. Petersburg)
Yuri Dmitriyevich Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Бабенко Л. Г., Эльстон-Бирон А. В.</i> Дискурс «Объяснение в любви»: проблема автоматического выявления (на материале произведений А. П. Чехова)	9
<i>Берестнев Г. И.</i> Когнитивная структура случайности	27
<i>Бушугева Л. А.</i> Фрейм поступка «измена в любви» и его эвфемистические репрезентации в русской и английской лингвокультурах	45
<i>Головкин Н. В., Шейко Д. В.</i> Обзор актуальных исследований трансязычия как коммуникативной практики мультилингвов	60
<i>Климова М. В., Турко У. И., Абреимова Г. Н.</i> О значении слова контент в языковом сознании молодежи	91
<i>Орлова Н. В.</i> Семантические ряды как инструмент анализа дискурса (на материале дискурса о поколениях)	108
<i>Руженцева Н. Б., Кошкарлова Н. Н.</i> Феномен искажения информации в СМИ : версии фактов	123

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Борунов А. Б., Афанасьева О. В.</i> Таксономия как жанро- и циклообразующий паттерн «фандоринского корпуса» Б. Акунина	140
<i>Ван Юй, Шелемова А. О. Коваленко А. Г.</i> Орнитологическая мифологема сокол в «Слове о полку Игореве» и древней китайской литературе	154
<i>Зинцова Ю. Н., Матвеева И. В., Саможенов С. Н.</i> Своеобразие авторской позиции как игровой диалог с читателем в романе М. Энде «Der Spiegel im Spiegel»	165
<i>Кудаева З. Ж., Паранук К. Н., Голодова А. П.</i> Этические предания адыгов : жанровые критерии и основные мотивы	183
<i>Ляпина А. В.</i> Журнал «Охотничий вестник» : история возникновения и функционирования на рынке специализированной печати	198
<i>Мартыненко Е. А.</i> Глазгианский роман в творчестве Аласдера Грея	212
<i>Осовский О. Е., Дубровская С. А.</i> Бахтин, Россия и мир : рецепция идей и трудов ученого в исследованиях 1996—2020 годов	227
<i>Сатанар М. Т.</i> Семантика мифологического образа Юрюнг Айыы Тойона в его первооснове (на материалах архаических текстов олонхо)	266
<i>Чернов А. В., Всеволодов А. В.</i> Публицистическая рефлексия российского предпринимательства второй половины XIX — начала XX веков в контексте истории отечественной журналистики	286

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Абдрахманов Б. Д.</i> Осуществление политики репрессий в Киргизской ССР в 1937—1938 годах	307
<i>Адоньева И. Г.</i> Русские юристы второй половины XIX века о политико-правовых концепциях Екатерины II	325
<i>Аксарин В. В., Королев К. П.</i> Льноводство Тюменской области : история становления и развития в XX веке	341
<i>Актамов И. Г., Григорьева Ю. Г.</i> Монгольская трудовая миграция в Республику Корея в новейший исторический период : вынужденная мобильность и социальное событие	359
<i>Амоглонова Д. Д.</i> Буддийская традиционная Сангха России в социокультурных процессах современной Бурятии	381
<i>Батомункуева С. Р., Хартаев В. В.</i> История буддизма в Монголии в сочинении Кенсур Агван-Нимы «Освещение классических источников по истории буддизма»	400
<i>Верemenko В. А., Крылова Е. Н.</i> Типография Министерства внутренних дел Российской империи в середине XIX — начале XX веков : структура, функции, кадровый состав	412
<i>Красильникова Е. И., Вальдман И. А.</i> История городов Западной Сибири в репрезентациях журнала «Сибирские огни» : политические и историко-краеведческие контексты 1920—1940-х годов	428
<i>Сагимбаев А. В.</i> Концепция Британского Содружества в деятельности группы «Круглого стола» в начале XX века	449
<i>Солнышкин А. А., Корнева Н. М.</i> Ответственность за святотатство в Российской империи XIX — начала XX веков (право и правоприменение)	463
<i>Старикова Н. В., Шуришкова А. В., Шляхов М. Ю.</i> Официальная и реальная биографии в контексте советской традиции нематериального стимулирования труда в годы Великой Отечественной войны	479
<i>Фоменко В. А., Джумагулова А. Т.</i> История колонии Каррас и близлежащих поселений европейцев XIX — первой половины XX веков на современном этапе изучения	496
АВТОРАМ.....	513
CONTENTS.....	518

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

.....

Александр Владимирович Эльстон-Бирон, аспирант (Екатеринбург, Россия)

Галина Николаевна Абреимова, канд. филол. наук (Елец, Россия)

Геннадий Иванович Берестнев, д-р филол. наук (Калининград, Россия)

Дарья Владимировна Шейко, канд. филол. наук (Ставрополь, Россия)

Людмила Александровна Бушуева, д-р филол. наук (Нижний Новгород, Россия)

Людмила Григорьевна Бабенко, д-р филол. наук (Екатеринбург, Россия)

Марина Витальевна Климова, канд. филол. наук (Елец, Россия)

Наталья Борисовна Руженцева, д-р филол. наук (Екатеринбург, Россия)

Наталья Васильевна Орлова, д-р филол. наук (Омск, Россия)

Наталья Николаевна Кошкарлова, д-р филол. наук (Челябинск, Россия)

Николай Вячеславович Головкин, канд. филол. наук (Ставрополь, Россия)

Ульяна Игоревна Турко, канд. филол. наук (Елец, Россия)

Бабенко Л. Г. Дискурс «Объяснение в любви»: проблема автоматического выявления (на материале произведений А. П. Чехова) / Л. Г. Бабенко, А. В. Эльстон-Бирон // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 9—26. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-9-26.

Babenko, L. G., Elston-Biron, A. V. (2021). Discourse “Declaration of Love”: Problem of Automatic Identification (Works of A. P. Chekhov). *Nauchnyi dialog*, 7: 9-26. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-9-26. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-9-26

**Дискурс «Объяснение
в любви»: проблема
автоматического
выявления
(на материале произведений
А. П. Чехова)**

Бабенко Людмила Григорьевна
orcid.org/0000-0002-9250-3232
доктор филологических наук
профессор
lgbabenko@yandex.ru

**Эльстон-Бирон
Александр Владимирович**
orcid.org/0000-0002-5978-0852
аспирант
кафедра фундаментальной и
прикладной лингвистики и
текстоведения
eleston@mail.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой
поддержке РФФИ в рамках научного
проекта № 20-312-90017/20

**Discourse “Declaration
of Love”: Problem
of Automatic Identification
(Works of A. P. Chekhov)**

Ludmila G. Babenko
orcid.org/0000-0002-9250-3232
Doctor of Philology
Professor
lgbabenko@yandex.ru

Alexander V. Elston-Biron
orcid.org/0000-0002-5978-0852
Post-graduate student
Department of Fundamental
and Applied Linguistics
and Textual Science
eleston@mail.ru

Ural Federal University
named after the first President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:
The study was carried out with the financial
support of the RFBR in the framework
of a scientific project № 20-312-90017/20

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблема выявления дискурса «Объяснение в любви» в художественных произведениях. Представлена авторская разработка по автоматическому обнаружению ситуации *объяснения в любви*, апробированная на материале творчества А. П. Чехова. Поиск осуществлен на базе Национального корпуса русского языка. Всего выявлено свыше 200 текстов, содержащих текстовые репрезентации ситуации *объяснения в любви*. 40 из 200 текстов выделяются авторами статьи как наиболее полно репрезентирующие искомую ситуацию. Совокупность текстовых отрывков, описывающих ее, рассматривается в качестве когнитивно-дискурсивного множества *объяснения в любви*. Разработка алгоритма проводилась с опорой на выявление когнитивных схем писателя и статистический анализ лексического состава ситуации *объяснения в любви*. Среди частотных компонентов когнитивной модели, которой следует А. П. Чехов при описании процесса *объяснения в любви*, выявлено открытое пространство, заполненное растениями, птицами и др. В общем когнитивно-дискурсивном множестве *объяснения в любви* выявлены и проанализированы ядерная и спутниковая зоны, лексические компоненты которых относятся к определенным функционально-семантическим классам и функционально-семантическим группам.

Ключевые слова:

дискурс «Объяснения в любви»; когнитивно-дискурсивные множества; автоматический анализ; семантика художественных текстов; А. П. Чехов.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The problem of revealing the “Declaration of Love” discourse in works of art is considered. The author’s development on the automatic detection of the situation of *declaration of love*, tested on the material of the work of A. P. Chekhov, is presented. The search was carried out on the basis of the Russian National Corpus. In total, more than 200 texts have been identified containing textual representations of the situation of *declaration of love*. 40 out of 200 texts are identified by the authors of the article as the most fully representative of the desired situation. The set of textual passages describing it is viewed as a cognitive-discursive set of *declarations of love*. The development of the algorithm was carried out based on the identification of the cognitive schemes of the writer and the statistical analysis of the lexical composition of the situation of *declaration of love*. Among the frequency components of the cognitive model, which A. P. Chekhov follows in describing the process of *declaring love*, an open space filled with plants, birds, etc. was revealed. In the general cognitive-discursive set of *declarations of love*, the nuclear and satellite zones were identified and analyzed, the lexical components of which belong to certain functional-semantic classes and functional-semantic groups.

Key words:

discourse “Declaration of Love”; cognitive-discursive sets; automatic analysis; semantics of literary texts; A. P. Chekhov.

Дискурс «Объяснение в любви»: проблема автоматического выявления (на материале произведений А. П. Чехова)

© Бабенко Л. Г., Эльстон-Бирон А. В., 2021

1. Введение

Предметом теоретического изучения дискурс стал относительно недавно и в настоящее время представляет собой многозначное понятие. Одним из первых, кто попытался закрепить за дискурсом конкретное терминологическое значение, был Эмиль Бенвенист. Французский лингвист понимал под дискурсом речь, присваиваемую говорящим, и противопоставлял его объективному повествованию [Бенвенист, 1974, с. 292—300]. Широкое распространение термин *дискурс* получил во второй половине XX века в связи с работами М. Фуко, Р. Барта, Ж. Деррида, М. Мински, П. Серио и др. В отечественной лингвистике того периода термин *дискурс* как продукт функционально-коммуникативного подхода был близок понятию «функциональный стиль». Отечественные академики В. В. Виноградов и Г. О. Винокур под функциональным стилем понимали не только особый тип текстов (разговорных, бюрократических, газетных и т. п.), но и «соответствующую каждому типу лексическую систему и свою грамматику» [Цит. по: Горбунов, 2013, с. 11]. Выдающийся отечественный исследователь М. Н. Кожина отмечает, что отечественная функциональная стилистика во многом предвосхитила современный дискурсивный анализ, имея с ним один общий объект исследования — речь, взятую в функциональном аспекте. Под функционализмом она понимает «функционирование языка в целом в актах речевого общения с учетом социокультурных факторов» [Кожина, 2004, с. 11—24]. Зарубежный исследователь П. Серио видит истоки дискурса в теории речевых жанров М. М. Бахтина. Исследователь указывает на неверный перевод понятия «речевой жанр» на французский и другие европейские языки: «Бахтин писал не по-французски, а по-русски, а значит и говорил он не о “видах дискурса”, а о “жанрах речи” или “речевых жанрах”» [Серио, 2012, с. 8—21]. Таким образом, в современном понимании основы изучения дискурса проистекают из западноевропейской, американской и отечественной школ дискурсивного анализа. Сегодня термин *дискурс* востребован в исторических, философских, социальных, психоаналитических и лингвистических дисциплинах и, соответственно, имеет разные значения. Дополняющие друг друга представления о дискурсе в различных на-

учных школах и направлениях гуманитарного знания способствуют развитию общей дискурсивной теории.

В «Объяснительном словаре теории языка» А.-Ж. Греймаса и Ж. Курте под *дискурсом* понимается семиотический процесс, протекающий в различных видах дискурсивных практик: неязыковых (значимое поведение, манифестирующееся в формах, доступных чувственному восприятию) и языковых (способы словесного поведения) [Степанов, 1983, с. 488]. Во втором случае *дискурс*, с одной стороны, является синонимом *текста* и становится объектом изучения дискурсивной лингвистики. В то же время одним из важнейших компонентов современной дискурсивной теории является понятие «дискурсивные формации». По мнению О. Г. Ревзиной, у основоположника данного термина М. Фуко *дискурсивная формация* в общем виде «осуществляет спецификацию разных видов знаний через разное вербальное воплощение» [Ревзина, 2005, с. 66—78] и может относиться к различным авторам, сферам функционирования, эпохам, языкам. В таком прочтении релевантным для дискурса становится принцип «семейного сходства» Л. Витгенштейна [Микешина, 2005, с. 433]. Дискурс предстает в виде динамически открытого множества текстов или высказываний. В то же время Н. Д. Арутюнова дает другое хрестоматийное определение дискурса как речи, «рассматриваемой как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [Арутюнова, 1990, с. 136].

Таким образом, опираясь на видение дискурса А.-Ж. Греймаса и Ж. Курте, на представление о дискурсивных формациях М. Фуко и на классическое определение дискурса Н. Д. Арутюновой, под дискурсом мы понимаем открытое и динамическое множество текстов, имеющих один денотат. В нашем исследовании таким денотатом является ситуация *объяснения в любви*. При этом грамматические, синтаксические, лексико-семантические и функционально-семантические средства выражения дискурса «Объяснение в любви» базируются на когнитивных структурах авторского сознания. По словам А. И. Новикова, «вычленивая реалии из континуума окружающей действительности, субъект воспринимает некую реальную ситуацию — денотативный источник текста» [Новиков, 1990, с. 68].

Т. А. ван Дейк указывает, что «дискурс дает представление о предметах или людях, об их свойствах и отношениях, о событиях или действиях или об их сложном сплетении, то есть о некотором фрагменте мира, который мы именуем ситуацией» [Дейк, 2000, 68—69]. Текст, считает исследователь, следует рассматривать неотрывно от когнитивных особенностей его автора. Для этого ученый использует понятие «ситуативной модели», под

которой понимает форму представления личного опыта. Причем данный опыт, по мнению Т. А. ван Дейка, не просто хранится в памяти субъекта и воспроизводится им при необходимости. Опыт является предписанием определенных действий в соответствии с динамическим изменением условий ситуации. Новые возникающие условия трансформируют ситуативную модель, в результате чего появляются ее варианты. Таким образом, ситуативные модели выступают как особые формы структуры организации знания о возможных формах взаимодействия с окружающим миром и могут отражаться автором в литературном художественном тексте [Там же, 68—110]. Создание художественного текстового описания ситуативной модели *объяснения в любви* обязательно затрагивает когнитивные структуры знания автора. Для того, чтобы учесть данный аспект, каждый вариант текстового воплощения типовой ситуации *объяснения в любви* воспринимается нами как когнитивно-дискурсивная единица (далее — КДЕ). Весь же дискурс «Объяснение в любви» представляет собой совокупность таких КДЕ и видится как соответствующее когнитивно-дискурсивное множество (далее — КДМ) [Бабенко, 2020, с. 34].

Целью нашей статьи является разработка алгоритма по автоматическому выявлению текстовых репрезентаций ситуации *объяснения в любви* в творчестве А. П. Чехова, а также анализ общих и специфических дискурсивных особенностей лексического состава общего дискурса «Объяснение в любви». Исследование проводилось на базе Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ). Материалом послужил подкорпус произведений А. П. Чехова, включенный в аннотированную базу НКРЯ. Общий объем подкорпуса составляет 280 текстов, которые принадлежат различным литературным жанрам и охватывают период творчества с 1883 по 1904 годы.

В процессе работы использованы различные методы исследования, среди которых метод корпусного анализа текста, метод статистического анализа лексического состава ситуации *объяснения в любви*, метод полевого структурирования дискурса «Объяснение в любви» с выявлением ядерных и спутниковых зон, метод когнитивно-дискурсивного анализа, метод интерпретации. В процессе разработки был решен комплекс задач, связанных с моделированием алгоритма по автоматическому выявлению ситуации *объяснения в любви* в произведениях А. П. Чехова. Среди них:

- определение лексико-семантического состава репрезентаций ситуации *объяснения в любви* в произведениях А. П. Чехова;
- определение функционально-семантических групп (далее — ФСГ) [Кузнецова, 1975] и функционально-семантический классов (далее — ФСК) выявленных лексических единиц;

— установление числового показателя для лексических маркеров, который отражает вероятность обнаружения ситуации *объяснения в любви* в конкретном произведении автора;

— формирование общего дискурса «Объяснение в любви» на основе полученного КДМ.

Подход к анализу текстовых репрезентаций ситуации *объяснения в любви* в творчестве А. П. Чехова с позиций дискурсивной теории является сегодня принципиально новым, актуальным и теоретически значимым.

2. Ситуативные модели в художественном тексте. Проблема репрезентативности любовного дискурса

В современной лингвистике глобальный литературно-художественный любовный дискурс еще далек от полного и всестороннего освещения. В нашей работе основным ориентиром в определении литературно-художественного дискурса является видение В. И. Карасика. Ученый полагает, что такой тип дискурса выступает формой художественного осмысления фундаментальных характеристик бытия индивидуальным сознанием, воплощающемся в литературном тексте [Карасик, 2002, с. 240—243]. Такое представление подчеркивает связь когнитивных и дискурсивных процессов в ситуативных моделях как формах знания, воплощенных в литературно-художественных текстах.

Исследователи, обращающиеся к различным ситуативным моделям в глобальном любовном литературно-художественном дискурсе, ограничивают материал рамками одного автора, одной ситуации или тем и другим. Например, выдающийся семиотик Р. Барт в работе «Фрагменты речи влюбленного» [Барт, 2002] создает структуральный портрет влюбленного на основе глобального художественного любовного дискурса, то есть концентрируется только на субъекте дискурса. Работа французского семиотика алогична по структуре и выдает себя за книгу о любви. Однако читать ее следует как металитературный текст. Р. Барт оформляет свой комментарий речи влюбленного «как хаотичное множество отрывков — “фигур”, “приступов речи”, более или менее случайно перетасованных» [Там же, с. 2]. Сам автор дает следующую характеристику: «Фигуры вычлениются, когда удается распознать в протекающем дискурсе что-то, что было прочитано, услышано, испытано. Фигура очерчена (как знак) и памятна (как образ или рассказ)» [Там же, с. 32]. Такая характеристика сближает «фигуру» с ситуационной моделью Т. А. ван Дейка. Представленное Р. Бартом собрание фигур отдаленно напоминает идеографический словарь, раскрывающий смыслы таких понятий, как «восхищение», «встреча», «ревность» и др., в контексте любовного дискурса. Хаотичность, отмеченная самим Р. Бар-

том, касается и выборки материала для исследования. В качестве примеров Р. Барт приводит цитаты из самых различных источников: Библии (Новый Завет), «Страдания юного Вертера» И. Гете, «Тошнота» Ж.-П. Сартра, «Жюстина, или Несчастливая судьба добродетели» маркиза де Сада, «Рождение трагедии из духа музыки» Ф. Ницше и др. С одной стороны, такая разнонаправленность оправдана формационным, синкретичным подходом к дискурсу М. Фуко, о котором речь шла выше. С другой — действительно вносит хаос, поскольку материал совершенно не систематизирован и отбирается на основе личного опыта Р. Барта. Безусловно, опыта богатейшего, однако ограниченного в силу объективных причин.

А. Греймас и Ж. Фонтани обращаются к проблемам анализа семиотики страстей и дискурса страсти (как любви) и трактуют эмоциональность и страсть как образ жизни, существующий за пределами рациональности и семантической компетенции. Исследование проводится на материале художественных произведений «Отелло» У. Шекспира, «Любовь Свана» и «Пленница» М. Пруста, «Ревность» А. Роб-Грийе, а также нескольких сцен из трагедий Ж. Расина. Объектом исследования становится «ревность» как эмоция, сопутствующая любовному дискурсу. Ученые разрабатывают дискурсивную схему «ревности», в которой ими обнаруживаются определенные последовательности в действиях героев литературных произведений на микро- и макроуровнях развития сюжета [Греймас, 2007, 271—322]. Отбор литературных произведений вызывает уважение, однако является далеко не исчерпывающим.

Большая конкретика в отборе материала наблюдается в литературоведческом дискурс-анализе, представленном в диссертационном исследовании любовного дискурса О. А. Велюго. Работа носит название «Художественное воплощение дискурса любви в прозе Джулиана Барнса и Иэна Макьюэна» [Велюго, 2019]. Как видно из названия, материалом послужили художественные тексты двух британских авторов. Исследователь приходит к выводу о том, что в творчестве этих писателей существует определенное противопоставление классического романтического (пасторального) дискурса и современного (жесткого и жестокого) дискурса любви. О. А. Велюго считает, что дискурс любви в творчестве данных британских писателей является рефлексией персонажей, «функции которой — создание образа “героя нашего времени” и поиск рефлексивных стратегий, необходимых человеку для анализа собственных чувств, взаимоотношений, ситуаций» [Там же, с. 2]. Однако исследователь в качестве материалов использует только отдельные произведения Дж. Барнса и И. Макьюэна и не охватывает их творчество целиком.

Более детальный подход к отбору материала представлен в работе М. В. Ползуновой. Исследование проводится с позиций теории речевых

жанров М. М. Бахтина и носит название «“Объяснение в любви” как сложный речевой жанр: лексика, грамматика, прагматика» [Ползунова, 2008]. Анализу подвергаются 84 текстовых фрагмента из трилогии Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах». Все фрагменты получены методом сплошной выборки. Ученый приходит к выводу, что «особенностью сложного речевого жанра “Объяснение в любви” является его внутрижанровая структура, представляющая собой комбинаторику простых речевых жанров» [Там же, с. 23]. Различия в комбинациях дают варианты текстовых репрезентаций речевого жанра «Объяснения в любви».

Перечисленные выше работы имеют одно общее свойство. Исследования проводились на материале художественных текстов, принадлежащих ограниченному числу произведений. Это обусловлено методом ручной сплошной выборки текстовых репрезентаций той или иной ситуативной модели. В случае с Р. Бартом такая выборка, охватывая огромный материал, порождает проблему систематизации. Выводы, к которым приходят ученые, касаются только конкретных (отобранных) литературно-художественных произведений, то есть далеко не всего творческого наследия автора, и тем более глобального любовного дискурса, имеющего динамическую структуру. Следом возникает проблема интерпретации, выражающаяся в вопросе, какие критерии необходимо применить к тексту, чтобы говорить о наличии в нем исследуемой ситуации. Современные методы корпусной лингвистики позволяют обработать практически неограниченную базу художественных текстов с целью автоматического выявления необходимых текстовых репрезентаций для их дальнейшего многоаспектного исследования. Статистические методы компьютерной лингвистики могут быть использованы для оценки формальных параметров текста. Подобные данные можно использовать в качестве аргумента при решении о включении конкретной текстовой репрезентации в общий дискурс.

Для того, чтобы обеспечить репрезентативность КДМ *объяснения в любви* — то есть указать на реальное распределение изучаемых КДЕ в глобальной совокупности художественных текстов А. П. Чехова — нами был учтен ряд обязательных условий:

- каждая КДЕ *объяснения в любви*, включенная в соответствующее КДМ, имела равную вероятность попадания в выборку;

- выборка КДЕ производилась независимо от изучаемого признака, то есть независимо от выводов о наличии репрезентации ситуации *объяснения в любви* в тексте конкретного произведения;

- отбор КДЕ производился из однородных совокупностей, то есть из всех художественных текстов А. П. Чехова, доступных в НКРЯ;

— число КДЕ в финальной выборке было достаточно большим по отношению к количеству текстов А. П. Чехова в подкорпусе НКРЯ.

Следование этим принципам позволило в дальнейшем сформировать КДМ *объяснения в любви* в произведениях А. П. Чехова.

3. Выявление структуры КДМ *объяснения в любви*: лексико-семантического ядра и спутниковой зоны

При попытке выявить ситуацию *объяснения в любви* в материалах НКРЯ пришлось столкнуться с рядом традиционных для лингвистических корпусов ограничений. Лингвистическая разметка художественных текстов А. П. Чехова, содержащихся в соответствующем подкорпусе, ориентирована на уровневую языковую модель. Функциональной, коммуникативной или речежанровой характеристики подкорпус А. П. Чехова не имеет. Фонетическая, морфологическая, синтаксическая разметки могут служить только дополнительными инструментами при анализе прагматической семантики ситуации. Хотя выделенный нами подкорпус обладает семантической разметкой, однако «семантическая омонимия в Корпусе не снимается: многозначным словам приписывается несколько альтернативных наборов семантических признаков» [НКРЯ, 2021]. Таким образом, семантическая аннотация НКРЯ в большинстве случаев не учитывает актуализацию значений языковых единиц, обусловленную прагматикой коммуникации. При попытке поиска по отдельным лексемам *объяснение* и *любить* количество случаев омонимии оказалось настолько высоким, что поиск стал нецелесообразным. С другой стороны, при поисковом запросе показать ситуацию *объяснения в любви* через соответствующую фразу, мы получили в результатах лишь 7 вхождений в 280 текстах автора, например: *пропускают описания природы и прочитывают объяснения в любви по пяти раз; встречи, наши поездки за город, объяснение в любви и погоду, которая ...; лунного вечера на Волге, ни объяснений в любви, ни поэтической жизни; меня она ... Отлично помню наше объяснение в любви. Она сидит ...; Compliments, любезности, объяснения в любви — ваша речь; В маленькой зале, происходило, по-видимому, объяснение в любви; объяснялись их дочь ...; В обязанность наблюдать: а) чтобы объяснения в любви производились высоким слогом ...* [Там же].

Для того чтобы решить проблему малого количества репрезентаций, нам пришлось установить дополнительные лексико-семантические компоненты ситуации *объяснения в любви*. Автор описывает ситуацию с опорой на свои когнитивные стратегии и ментальные репрезентации. Обнаружение этих механизмов позволило выявить конкретный лексико-семантический состав КДЕ и способствовало решению поставленной нами задачи.

Анализ семи представленных выше примеров показал, что чеховская ситуация *объяснения в любви*:

- разворачивается в уединенном пространстве;
- данное пространство может быть открытым;
- описывая открытое пространство, автор указывает на близкое расположение природных водоемов, растений или присутствие птиц.

В результате мы смогли уточнить лексические границы КДЕ *объяснения в любви*, то есть охарактеризовать ту лексику, которая может гипотетически относиться к искомой ситуативной модели. При этом некоторые лексические компоненты обладают более устойчивой ситуативной семантикой (*объясняться в любви, объяснение в любви, любовь*), другие с относительно высокой вероятностью сопутствуют описанию ситуации *объяснения в любви* (различные наименования птиц, растений, типы водоемов). Следовательно, можно говорить о наличии у КДЕ *объяснения в любви* ядерной и спутниковой лексической зон. В связи с этим мы обратились к теории риторических структур [Taboada, 2006; Ковальчук, 2016]. В соответствии с данной теорией ядро каждого дискурса связано с его общей семантикой и выражается на уровне макротемы. Спутники дискурса, во-первых, конкретизируют ядро, а во-вторых, участвуют в процессе когерентности всего дискурса. Основываясь на этих теоретических предпосылках и результатах нашего анализа, мы предположили, что к ядерной зоне КДЕ *объяснения в любви* относится глагол *любить*. Однако дискурсивные связи становятся лучше различимы на уровне предложения. В соответствии с актантной теорией Л. Теньера [Теньер, 1988, с. 121—126] к предикативной компоненте *любить* мы добавили актанты *Я* и *Вас / тебя*. Глагол задал позиции актантов в качестве агента и объекта. В результате мы получили 12 возможных синтаксических конфигураций, относящихся к ядерной зоне. Запрос на уровне высказывания *Я Вас / тебя люблю* позволил снизить число случаев с возможной омонимией ядерного глагола *любить*. Поиск в НКРЯ среди подкорпуса художественных произведений А. П. Чехова по всем возможным конфигурациям позволил выявить уже 43 текстовых отрывка, содержащих КДЕ *объяснения в любви*. Репрезентации относятся к таким текстам, как, например, «Вишневый сад» (1904), «Три сестры» (1901), «Рассказ неизвестного человека» (1893), «Моя жизнь» (1896), «О том, как я в законный брак вступил» (1883), «Злой мальчик» (1883), «Жалобная книга» (1884), «Черный монах» (1893) и др.

Статистический анализ частотных лексических единиц, находящихся в данных текстовых репрезентациях ситуации *объяснения в любви*, показал наличие новых ядерных и спутниковых лексических компонентов. Это позволило уточнить когнитивные схемы, которым следует А. П. Чехов при

описании ситуации *объяснения в любви* и установить конкретные лексические компоненты, что подтверждает выявленные ранее характеристики данной ситуации:

— автор регулярно помещает участников ситуации в уединенное пространство;

— это пространство чаще является открытым (объяснение происходит на природе или в садово-парковых сооружениях);

— в описании ситуации *объяснения в любви* присутствует высокочастотное описание растений и указание на близкое расположение различных птиц.

Лексические компоненты были объединены нами в определенные ФСГ и ФСК. В качестве примера приведем некоторые лексемы с указанием зоны, к которой они относятся. Ядерная зона представлена глаголами (*любить, полюбить, влюбиться, влюбляться / объясниться, объясняться, признаться*), существительными (*любовь, влюбленность / объяснение, признание*), прилагательными (*любимый, влюбленный*), модально ориентированной конструкцией (*Да или нет?*). В спутниковой зоне выявлены существительные, встречающиеся в хронотопических характеристиках КДЕ. Существительные спутниковой зоны относятся к различным денотативно-идеографическим классам (далее — ДИК): строения (*беседка, беседочка*), искусственные насаждения (*клумба, аллея, налеса, цветник* и др.), цветы (*ландыш, сирень, тюльпан, роза, гелиотроп, ирис* и др.), деревья (*черемуха, акация*), птицы (*голубь, бекас, дрохва, утка, гоголь, журавль, воробей, галка, выпь, иволга, кориун* и др.). Также в спутниковой зоне выявлены частотные прилагательные (*лунный, ночной* — относятся к хронотопическим характеристикам / *ландышевый, сиреневый, черемуховый* — производные от наименования растений) и глагол (*пахнуть*). Поскольку данные денотативно-идеографические группы (далее — ДИГ) и ДИК оказались важны для автора при описании ситуации *объяснения в любви*, то мы обратились к частотным словарям языка А. П. Чехова. Это «Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А. П. Чехова с электронным приложением» [Частотный ..., 2012] и «Частотный словарь рассказов А. П. Чехова» [Частотный ..., 1999]. В данных словарях методом сплошной электронной выборки были выявлены все лексические единицы, относящиеся к обозначенным нами частотным ДИГ и ДИК слов. К ДИК относятся: птицы, цветы, деревья, кустарники, астрономические объекты, водные объекты, рукотворные парковые сооружения и др. Всего в ядерной зоне нам удалось обнаружить 15 (рис. 1) высокочастотных лексических единиц, в спутниковой — 74 (рис. 2). Результаты статистического анализа мы приводим частично. Общее количество выяв-

ленных текстов, потенциально содержащих КДЕ *объяснения в любви*, составляет свыше 220 наименований. Всего А. П. Чеховым написано около 550 художественных произведений.

№	1	2	3	4	5	6	15	ИТОГО
№ РАССКАЗ / ЛЕКСЕМА	любобы	любить	полюбить	объяснение	объясниться	объясняться	влюбливаться	
1 Актерская гибель (1885-86)	1	4		1		1		7
2 Анна на шее (1895)								0
3 Антрепренер под диваном (1885-85)								0
4 Ариадна (1895)	13	12				1	2	32
5 Архиерей (1902)	2	1						3
6 Бабы (1891)		3						3
7 Бабые царство (1894)	11	12		1				25
215 Чайка (1896)	11	16	1					32
216 Человек в футляре (1898)	1	2		1				7
217 Черный монах (1893)	8	10				1		22
218 Шило в мешке (1885-86)								0
219 Экзамен на чин (1884-85)		1						1
220 Юбилей (1892)		5						7

Рис. 1. Статистика лексем ядерной зоны КДМ *объяснения в любви*

№	1	2	3	4	5	6	74	ИТОГО
№ РАССКАЗ / ЛЕКСЕМА	ночь	соловей	скамейчка	запах	пахнет	цветок	луна	
1 Актерская гибель (1885-86)	2			2			1	15
2 Анна на шее (1895)	1			1	3	1	1	10
3 Антрепренер под диваном (1885-85)								3
4 Ариадна (1895)	7			1	1	1		51
5 Архиерей (1902)	3			1			5	19
6 Бабы (1891)	4	2			1		3	22
7 Бабые царство (1894)	4		1	9	4	2		51
215 Чайка (1896)	10					17	9	95
216 Человек в футляре (1898)	5						4	19
217 Черный монах (1893)	11	1		1		8	2	69
218 Шило в мешке (1885-86)								1
219 Экзамен на чин (1884-85)								1
220 Юбилей (1892)	1					1		11

Рис. 2. Суммарная статистика лексем КДМ *объяснения в любви*

Каждая лексема (в своей полной грамматической парадигме) была проанализирована на предмет вхождения в тексты А. П. Чехова. Например, существительное *любовь* искалось нами во всех падежах, глагол *любить* — во всех временных формах, прилагательное *любимый* — по роду, числу, падежу, краткости и т. д. В результате были выявлены тексты, в которых лексема встречается. При этом нами учитывался параметр количества вхождений лексемы в конкретный текст. Таким образом, мы смогли указать на концентрацию выявленных лексем в каждом тексте. Далее, путем сложения количества лексем, относящихся к ядерной и спутниковой зонам, мы установили общую сумму вхождений (см. на рис. 1. столбец

«итога»). Проведенный анализ дал несколько важных для разработки алгоритма результатов.

Во-первых, посредством спутниковых лексем нам удалось обнаружить новые текстовые отрывки, в которых присутствует КДЕ *объяснения в любви*. При этом КДЕ может быть выражено другими лексическими средствами, не учтенными нами ранее. Например, ядерное высказывание *Я Вас / тебя люблю* неоднократно заменяется или дополняется А. П. Чеховым ситуативно синонимичным *жить я не могу без вас*: *Жить я не могу без вас, моя дорогая!* [Чехов, 1975, с. 262] — или *я понял для чего живу: Увидев впервые вас, я понял, для чего я живу, я узнал цель моей жизни!* [Чехов, 1974, с. 103] и т. п. Все новые лексические единицы или фразовые единства, показавшие высокую статистику, использовались нами в новых поисковых запросах. Это давало возможность обнаружить новые репрезентации ситуации *объяснения в любви*. Данный метод можно обозначить метафорически как наматывание клубка из разных нитей. Каждая новая найденная высокочастотная лексема или фраза потенциально отсылала к текстам, в которых ранее на основе уже известной нам лексики не удавалось автоматически выявить ситуацию *объяснения в любви*. То есть поиск в НКРЯ давал не только сами репрезентации, но и, совершенствуясь, позволял найти новые лексические единицы для запроса.

Во-вторых, количественный учет пересекающихся ядерных и спутниковых лексем в одном произведении дал возможность выявить те художественные тексты, в которых вероятность обнаружения КДЕ выше. Например, для рассказа «Архиерей» (1902) число таких взаимных вхождений составляет 19. Тогда как для рассказа «Из записок вспыльчивого человека» (1887) это число равно 37. Следовательно, первое произведение с меньшей вероятностью содержит КДЕ *объяснения в любви*, чем второе, что легко подтверждается эмпирически. При этом отметим, что при переводе полученных результатов в процентную величину (отношение числа вхождений к числу слов всего текста в произведении) результаты сохраняются.

В-третьих, нам удалось частично решить вопрос об основаниях интерпретации наличия ситуации «объяснение в любви» в конкретных текстах. Спорные случаи стало возможным оценивать по статистическому параметру с учетом когнитивной стратегии автора по отбору лексики для описания ситуации.

Отметим, что первостепенное значение в работе с алгоритмом по автоматическому выявлению КДЕ *объяснения в любви* имеют лексемы ядерной зоны. Например, для рассказа «В Москве» (1891) число вхождений равно 48, в то время как для повести «Степь» (1888) оно составляет 111. Интерпретация этих результатов должна в первую очередь основываться

на учете ядерной лексической зоны КДЕ и ее семантике. Несмотря на то, что повесть «Степь» имеет большой показатель, вероятность содержания в ней КДЕ *объяснения в любви* ниже, поскольку свыше 100 лексем данного произведения относятся к спутниковым зонам (*цветок, ночь, запах, пахнет* и др.), а лексем ядерной зоны имеют иную, отличную от искомой семантику. Рассказ «В Москве» содержит всего 9 вхождений. Однако 3 из них непосредственно относятся к макротеме КДЕ и выражены лексемами *объяснение* (1 вхождение) и *любовь* (2 вхождения). Таким образом, рассказ «В Москве» с большей долей вероятности содержит КДЕ *объяснения в любви*, что легко доказывается обращением к тексту произведения.

4. Определение порогового числового значения для КДЕ.

Формирование КДМ *объяснения в любви*

На основании полученных статистических результатов мы смогли установить пороговое числовое значение, которое отражает вероятность обнаружения КДЕ *объяснения в любви* в произведениях А. П. Чехова. Пороговое значение устанавливается в отношении ядерной и спутниковой зон КДЕ суммарно. Оно говорит о минимально необходимой концентрации ядерных и спутниковых лексем в составе КДЕ *объяснения в любви*. Наш эмпирический анализ показал, что таким пороговым значением является число 20 (при условии распределения ядерной и спутниковой лексем в минимальном соотношении $\frac{1}{3}$). В случае роста ядерной зоны вероятность содержания КДЕ *объяснения в любви* возрастает, в случае уменьшения — снижается. Однако встречаются такие исключения, как, например, «Жалобная книга» (1884). Здесь обнаруживается лишь одно вхождение, представленное ядерным глаголом *любить* с актантами *я, Вас / тебя* и почти целиком репрезентирующее всю КДЕ *объяснения в любви*. Полный текст данной КДЕ следующий: *Катинька, я вас люблю безумно!* [Чехов, 1975, с. 359]. Остальные компоненты относятся исключительно к экстралингвистическим факторам.

На основании полученных статистических данных можно констатировать, что дискурс *объяснения в любви* для А. П. Чехова является частотным. Всего автором создано свыше 550 произведений, из которых 220 потенциально содержат КДЕ *объяснения в любви*. Учитывая пороговое значение (20 единиц), мы можем с большой долей уверенности сказать, что ситуация *объяснения в любви* содержится в 40 произведениях автора, таких как «Ариадна» (1895), «Бабы» (1891), «Бабые царство» (1894), «Безотцовщина» (1878), «В родном углу» (1897), «Вишневый сад» (1904), «Дама с собачкой» (1899), «Дачные правила» (1884-85), «Драма на охоте» (1884),

«Дуэль» (1891), «Иванов» (1887), «Из записок вспыльчивого человека» (1887) и др.

Представив репрезентации ситуации *объяснения в любви* в вышеперечисленных рассказах как КДМ, мы можем указать, что центральными произведениями, более полно репрезентирующими ситуацию, можно считать «Драму на охоте» (1884), «Дуэль» (1891), «Три года» (1895), «Чайка» (1896). Помимо этого, статистика свидетельствует о более частом обращении автора к ситуации «объяснение в любви» после 1887 года. Здесь можно особо выделить 1891 год и повесть «Дуэль». В тексте этого произведения содержится 100 лексических единиц, относящихся к ситуации *объяснения в любви*. 1893 год представлен повестью «Черный монах» и рассказом «Из записок вспыльчивого человека», насчитывающими соответственно 69 и 37 лексических единиц. К 1895 и 1896 годам относятся повести «Три года» (104 лексических единицы) и «Моя жизнь» (117), пьеса «Чайка» (106) и т. д.

5. Заключение

Разработанная нами методика по автоматическому обнаружению репрезентаций ситуации *объяснения в любви* в произведениях А. П. Чехова позволила сформировать соответствующее КДМ. Всего нами выявлено свыше 200 произведений, потенциально содержащих исследуемую ситуацию. Помимо этого, мы можем указать на 40 конкретных художественных текстов А. П. Чехова, в которых ситуация *объяснения в любви* содержится обязательно. К сожалению, рамки статьи не позволяют перечислить их все, выше мы указали некоторые примеры.

Разработанный алгоритм прошел проверку на произведениях, отсутствующих в НКРЯ. В настоящее время нами формируется электронная база данных всех произведений А. П. Чехова. Алгоритм уже позволил выявить два дополнительных текста, содержащих ситуацию *объяснения в любви*. Это «Моя Нана» (1883—1884) и «Верочка» (1887). Дальнейшая работа в этом направлении позволит охватить все творчество автора и более полно исследовать ситуацию *объяснения в любви* с позиций дискурсивной теории. Многоаспектный анализ выявленных нами репрезентаций позволит указать на особенности проявления дискурса «Объяснение в любви» в творчестве А. П. Чехова. Помимо этого, сформированное КДМ, может способствовать изучению общего любовного дискурса в творчестве писателя.

Разработанный алгоритм может быть внедрен в компьютерные самообучающиеся системы по автоматическому анализу различных типов дискурсов и автоматическому анализу семантики текстов.

Источники и принятые сокращения

1. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения 11.05.2021).
2. *Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений* А. П. Чехова (с электронным приложением) / О. В. Кукушкина, Е. В. Суровцева, Л. В. Лапонина, Д. Ю. Рюдигер ; под общ. ред. А. А. Поликарпова. — М.: МАКС Пресс, 2012. — 571 с. ISBN 978-5-317-04249-3
3. *Частотный словарь рассказов* А. П. Чехова / авт.-сост. А. О. Гребенников ; под ред. Г. Я. Мартыненко. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. — 171 с. ISBN 5-288-02166-X.
4. *Чехов А. П. И то и се : (Поэзия и проза)* / А. П. Чехов // Полное собрание сочинений и писем : В 30 т. Сочинения : В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — Москва : Наука, 1974—1982. Т. 1. [Рассказы. Повести. Юморески], 1880—1882. — Москва : Наука, 1974. — С. 103—105.
5. *Чехов А. П. Знамение времени* / А. П. Чехов // Полное собрание сочинений и писем : В 30 т. Сочинения : В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — Москва : Наука, 1974—1982. Т. 2. [Рассказы. Юморески], 1883—1884. — Москва : Наука, 1975. — С. 262.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнова Н. Д.* Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. — Москва : Советская Энциклопедия, 1990. — С. 136—137.
2. *Бабенко Л. Г.* Типы лексических множеств в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лексикографическом освещении : динамика интерпретаций / Л. Г. Бабенко // Научный диалог. — 2020. — № 9. — С. 9—47. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-9-47.
3. *Барт Р* Фрагменты любовной речи / Р. Барт. — Москва : Ад Маргинем, 2002. — 432 с. — ISBN 978-5-91103-208-1.
4. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист. — Москва : Прогресс, 1974. — 448 с.
5. *Велюго О. А.* Художественное воплощение дискурса любви в прозе Джулиана Барнса и Иэна Макьюэна : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / О. А. Велюго. — Минск, 2019. — 26 с.
6. *Горбунов А. Г.* Дискурс как новая лингвофилософская парадигма : учебное пособие / А. Г. Горбунов. — Ижевск : Изд-во «Удмуртский университет», 2013. — 56 с. — ISBN 978-5-4312-0215-5.
7. *Греймас А.* Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души / А. Греймас, Ж. Фонтаньй : Перевод с французского И. Г. Меркулова. — Москва : Издательство ЛКИ, 2007. — 334 с. — ISBN 978-5-382-00061-9.
8. *Дейк Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — Благовещенск : Типографкомплекс, 2000. — 308 с. — ISBN 5-80157-202-3.
9. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552-2.
10. *Кожина М. Н.* Речеведение : функциональная стилистика и дискурсивный анализ / М. Н. Кожина // Стил.-Београд-Бањалука. — 2004. — № 3. — С. 11—24.
11. *Микешина Л. А.* Философия науки : учебное пособие для гуманитарных и негуманитарных направлений и специальностей вузов России / Л. А. Ми-

кешина. — Москва : Международный университет в Москве, 2006. — 463 с. — ISBN 5-9248-0121-7.

12. Новиков А. И. Семантические расстояния в языке и тексте / А. И. Новиков, Е. И. Ярославцева. — Москва : Наука, 1990. — 135 с. — ISBN 5-02-010986-X.

13. Ползунова М. В. Объяснение в любви как сложный речевой жанр : лексика, грамматика, прагматика : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / М. В. Ползунова. — Екатеринбург, 2008. — 24 с.

14. Ревзина О. Г. Дискурс и дискурсивные формации / О. Г. Ревзина // Критика и семиотика. — 2005. — № 8. — С. 66—78.

15. Серю П. Почему Бахтин — не Пешё? Об одном большом недоразумении по поводу анализа дискурса / П. Серю // Язык, коммуникация и социальная среда. — 2012. — Выпуск 10. — С. 8—21.

16. Степанов Ю. С. Семиотика / Ю. С. Степанов. — Москва : Радуга, 1983. — 637 с.

17. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер ; пер. с франц., под общ. ред. В. Г. Гака. — Москва : Прогресс, 1988. — 656 с.

18. Taboada M. Rhetorical Structure Theory : looking back and moving ahead [Electronic resource] / M. Taboada, W. C. Mann // Discourse Studies. — 2006. — № 8. — Pp. 423—459. — Access mode: <http://dis.sagepub.com/content/8/3/423>.

MATERIAL RESOURCES

Chekhov, A. P. (1974). And this and that: (Poetry and prose). *The complete collection of works and letters: In 30 vols. Essays: In 18 volumes, 1. [Stories. Stories. Humoreski]. AS of the USSR. Institute of World Literature named after A. M. Gorky.* Moscow: The science. Moscow: The science. 103—105. (In Russ).

Chekhov, A. P. (1975). The Sign of the Time. *The complete collection of works and letters: In 30 vols. Essays: In 18 volumes, 2. [Stories. Humoreski]. AS of the USSR. Institute of World Literature named after A. M. Gorky.* Moscow: The science. Moscow: The science. 262. (In Russ).

Grebennikov, A. O. (1999). *Frequency dictionary of stories by A. P. Chekhov.* St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. 171 p. ISBN 5-288-02166-X. (In Russ).

Kukushkina, O. V., Surovtseva, E. V., Laponina, L. V., Ryudiger, D. Yu. (2012). *Frequency grammatical and semantic dictionary of the language of literary works of A. P. Chekhov (with an electronic application).* Moscow: MAKS Press. 571 p. ISBN 978-5-317-04249-3. (In Russ).

NKRYA — *The National corpus of the Russian language.* Available at: <https://ruscorpora.ru/new/> (accessed 11.05.2021). (In Russ).

REFERENCES

Arutyunova, N. D. (1990). Discourse. *Linguistic encyclopedic dictionary.* Moscow: Soviet Encyclopedia. 136—137. (In Russ).

Babenko, L. G. (2020). Types of Lexical Sets in Structural-Semantic, Cognitive-Discursive and Lexicographic Coverage: Dynamics of Interpretations. *Nauchnyi dialog*, 9: 9—47. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-9-47. (In Russ).

- Bart, R. (2002). *Fragment of a love speech*. Moscow: Ad Marginem. 432 p. ISBN 978-5-91103-208-1. (In Russ).
- Benveniste, E. (1974). *General linguistics*. Moscow: Progress. 448 p. (In Russ).
- Deik, T. A. van. (2000). *Language. Poznań. Communications*. Blagoveshchensk: Printing House. 308 p. ISBN 5-80157-202-3. (In Russ).
- Gorbunov, A. G. (2013). *Discourse as a new linguophilosophical paradigm: a textbook*. Izhevsk: Publishing house "Udmurt University". 56 p. ISBN 978-5-4312-0215-5. (In Russ).
- Greimas, A, Fontania, J. (2007). *Semiotic of passions. From the state of things to the state of the soul*. Moscow: LKI Publishing House. 334 p. ISBN 978-5-382-00061-9. (In Russ).
- Karasik, V. I. (2002). *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Smena. 477 p. ISBN 5-88234-552-2. (In Russ).
- Kozhina, M. N. (2004). Speech production: functional stylistics and discursive analysis. *Steele.Beograd-Bangalore*, 3: 11—24. (In Russ).
- Mikeshina, L. A. (2006). *Philosophy of science: a textbook for humanitarian and non-humanitarian areas and specialties of Russian universities*. Moscow: International University in Moscow. 463 p. ISBN 5-9248-0121-7. (In Russ).
- Novikov, A. I., Yaroslavtseva, E. I. (1990). *Semantic distances in language and text*. Moscow: The science. 135 P. ISBN 5-02-010986-X. (In Russ).
- Polzunova, M. V. (2008). *Explanation in love as a complex speech genre: vocabulary, grammar, pragmatics*. Author's abstract of the PhD Diss. Yekaterinburg. 24 P. (In Russ).
- Revzina, O. G. (2005). Discourse and discursive formations. *Criticism and semiotics*, 8: 66—78. (In Russ).
- Serio, P. (2012). Why is Bakhtin not a pedestrian? About one big misunderstanding about the approach to the analysis of discourse. *Language, communication and social environment*, 10: 8—21. (In Russ).
- Stepanov, Yu. S. (1983). *Semiotics*. Moscow: Rainbow. 637 p. (In Russ).
- Taboada M., Mann, W. C. (2006). Rhetorical Structure Theory: looking back and moving ahead. *Discourse Studies*, 8: 423—459. Available at: <http://dis.sagepub.com/content/8/3/423>.
- Tenier, L. (1988). *Fundamentals of structural syntax*. Moscow: Progress. 656 p. (In Russ).
- Velyugo, O. A. (2019). *The artistic embodiment of the discourse of love in the prose of Julian Barnes and Ian McEwan*. Author's abstract of PhD Diss. Minsk. 26 p. (In Russ).

Берестнев Г. И. Когнитивная структура случайности / Г. И. Берестнев // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 27—44. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-27-44.

Berestnev, G. I. (2021). Cognitive Structure of Randomness. *Nauchnyi dialog*, 7: 27-44. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-27-44. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-27-44

Когнитивная структура случайности

Берестнев Геннадий Иванович

orcid.org/0000-0003-1783-6253

доктор филологических наук,
профессор

Института гуманитарных наук
berest-gen@mail.ru

Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта
(Калининград, Россия)

Благодарности:

Работа выполнена при финансовой
поддержке РФФИ,
грант № 19-012-00030 «Акаузальные
семантические совпадения
с точки зрения когнитивной
лингвистики»

Cognitive Structure of Randomness

Gennady I. Berestnev

orcid.org/0000-0003-1783-6253

Doctor of Philology, Professor
of the Institute of Humanities
berest-gen@mail.ru

Immanuel Kant
Baltic Federal University
(Kaliningrad, Russia)

Acknowledgments:

The work was carried out
with the financial support of the RFBR,
grant № 19-012-00030 “Acausal semantic
coincidences from the point of view
of cognitive linguistics”

© Берестнев Г. И., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается когнитивная структура случайности, которая составляет исследовательский интерес для современной когнитивной лингвистики, обладающей свойством экспланаторности — объяснения глубинных механизмов явлений, допускающих содержательную интерпретацию. Реализуется впервые намеченная в лингвистике цель — выявление глубинных когнитивных характеристик в структуре мысли о случайности в русской и индоевропейской языковой ментальности с привлечением типологических данных. Методическую базу исследования составил комплекс аналитических приемов, позволяющих реконструировать глубинные содержательные структуры познавательной сферы человека по поверхностным семантическим данным языка. Осуществленный анализ мотивации слов с семантикой случайности в ряде родственных и неродственных языков позволил установить, что выявленная когнитивная структура случайности не является строго универсальной и в некоторых аспектах оказывается культурно обусловленной. Отмечается, что когнитивное начало мысли о случайности имеет комплексный характер, но по своей природе диффузно. Указывается на экспланаторную силу современной лингвистики, открытой к выходам в широкие междисциплинарные сферы. Делается вывод о том, что результаты данного исследования имеют междисциплинарную значимость и актуальны для современных фундаментальных наук.

Ключевые слова:

когнитивная структура, концепт, реконструкция, типология, семантика, синхроничность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The cognitive structure of randomness, which is of research interest for modern cognitive linguistics is considered. It has the explanatory property — an explanation of the deep mechanisms of phenomena that allow meaningful interpretation. The goal, first outlined in linguistics, the identification of deep cognitive characteristics in the structure of thought about randomness in the Russian and Indo-European linguistic mentality with the involvement of typological data is being realized. The methodological basis of the research was made up of a complex of analytical techniques that make it possible to reconstruct the deep content structures of the human cognitive sphere on the basis of the surface semantic data of the language. The analysis of the motivation of words with the semantics of randomness in related and unrelated languages made it possible to establish that the revealed cognitive structure of randomness is not strictly universal and, in some aspects, turns out to be culturally conditioned. It is noted that the cognitive principle of thinking about randomness is complex, but diffuse in nature. It points to the explanatory power of modern linguistics, which is open to entering broad interdisciplinary spheres. It is concluded that the results of this study are of interdisciplinary significance and are relevant for modern fundamental sciences.

Key words:

cognitive structure; concept; reconstruction; typology; semantics; synchronicity.

Когнитивная структура случайности

© Берестнев Г. И., 2021

1. Введение

За последние несколько десятилетий общие парадигмальные очертания лингвистики претерпели заметные изменения. Прежде всего, существенно расширились ее междисциплинарные связи, в результате чего она обратилась к новым для нее проблемным сферам и категориям, а сам язык определился как источник необходимых данных. Под влиянием этой тенденции сложились такие новые лингвистические направления, как лингвокультурология, этнолингвистика, когнитивная лингвистика, психосемантика, см.: [Ковшова, 2013, с. 54; Толстой, 1983; Петренко и др., 2018]. Все более отчетливо проявляется экспланаторная способность лингвистики: она объясняет вопросы, стоящие перед другими научными дисциплинами: психологией, культурологией, гносеологией, философией, историей религий, см.: [Кубрякова, 1995]. Как особо важную парадигмальную черту современная лингвистика демонстрирует антропоцентричность: имеющиеся языковые факты интерпретируются в ней в отношении человека как познающей инстанции и носителя смыслов. Наконец, расширилась объектная база «новой» лингвистики: обнаружилась особая продуктивность рассмотрения с позиций глубинной семантики таких экзотических культурных феноменов, как профетизмы и профетические сновидения, знамения, народные приметы, серийные катастрофы, эффект Баадера-Майнхоф [Берестнев и др., 2018; Берестнев и др., 2019; Берестнев, 2020; Сны ..., 2002; Сафронов, 2004; Харченко и др., 2008].

Один из наиболее интересных объектов, предполагающих рассмотрение с позиций современной лингвистики и с привлечением ее категориального аппарата и методик, — феномен синхронистичности. «Я выбрал этот термин потому, — объяснял сущность синхронистичности К. Г. Юнг, — что главным критерием мне представлялось одновременное возникновение двух событий, связанных не причинно, а по смыслу. Поэтому я использую общую концепцию синхронистичности в особом смысле совпадения во времени двух или более причинно не связанных между собой событий, которые имеют одно и то же или сходное значение. Эту концепцию не следует путать с “синхронностью”, которая просто означает одновременность протекания двух событий» [Юнг, 1997, с. 217—218.]. В этой связи К. Г. Юнг привел следующий пример: во время беседы с пациенткой, рассказывавшей ему о подаренном ей во сне золотом скарабее, в комнату за-

летел скарабеевидный жук. Его желто-зеленая окраска напоминала цвет золота [Там же, с. 186—187].

Рассмотрение синхронистичности в самых разных проявлениях (функционально-языковых, концептуальных, образных) предполагает обращение к двум ее основным характеристикам, определяемым как «совпадение» и «случайность». Эти характеристики составляют единство, что уже само по себе показательно в плане когнитивных закономерностей. Действительно, синхронистичность по сути является совпадением, которое внешне складывается случайно, не обуславливается какими-либо очевидными факторами, и снятие любой из них познавательно уводит от самого явления синхронистичности.

Когнитивная структура совпадения уже рассматривалась исследователями [Берестнев и др., 2021]. Было установлено, что мысль о нем имеет чрезвычайно глубокие познавательные корни и несет в себе представления об особой когнитивной реальности, лежащей за пределами понятийного мышления человека.

Не менее интересны истоки и когнитивная структура представления о случайности. С одной стороны, в ней видится одно из основополагающих организующих начал бытия — в силу этого случайность активно обсуждалась в философии, а затем в математике, физике, квантовой механике. С другой стороны, она связывается с познавательной деятельностью человека — собственно с относительностью осуществляемой человеком категоризации действительности. В связи с этим случайность понимается как еще не понятая человеком закономерность явления или как его видимая уникальность, как проявление относительности знания человека о мире или как статистически низкая вероятность события [Чайковский]. При этом в математике вероятность понималась как мера случайности, а теория вероятности определилась как часть общей науки о случайном, ср., например: [Налимов, 1989; Ахромеева и др., 1992].

Когнитивно-языковой подход к феномену случайности обещает внести в эту картину дополнительную ясность. Язык, понимаемый как средство хранения имеющихся у человека знаний о мире, позволяет реконструировать на основе метода глубинного семантического анализа закрепившиеся в нем представления о случайном. Типологические обобщения полученных данных существенно повысят достоверность этих реконструкций, выведут на уровень особых когнитивных универсалий.

Обозначившаяся, таким образом, проблема первичного освоения человеком мысли о случайном и структуры этой мысли является чрезвычайно важной, поскольку касается знаний человека о фундаментальных принципах

пах бытия. С этих позиций становится возможным далее глубокое научное постижение нового для когнитивной науки объекта — феномена синхронистичности.

2. Намеченные к рассмотрению вопросы, цель и методы исследования феномена синхронистичности

Специфика заявленной проблемы предполагает поиск ответов на ряд вопросов более частного характера. Они таковы:

1. Как осмысляются случай и случайное носителями русского языка? Является ли их осмысление универсальным по своим когнитивным установкам или различается в условиях разных языков?
2. Какие когнитивные тактики при формировании концептов СЛУЧАЙ, СЛУЧАЙНОСТЬ определяются в разных языках?
3. Какие глубинные системные отношения связывают концепты СЛУЧАЙ, СЛУЧАЙНОСТЬ с другими концептуальными образованиями в русской языковой ментальности? Как выглядят подобные связи в более широком плане межъязыковых соответствий?

Общую цель исследования составляет решение проблемы первоначального когнитивного освоения мысли о случайности в разных языковых ментальностях и тем самым прояснение ее общих когнитивных оснований. В этой связи предполагается также реконструировать исходную признаковую структуру концептов СЛУЧАЙ, СЛУЧАЙНОСТЬ в русской и — шире — индоевропейской языковой ментальности. Наконец предполагается рассмотрение системных связей данных концептов в разных (в том числе неродственных) языках и на этой основе — реконструкция обязательной содержательной структуры концептов СЛУЧАЙ, СЛУЧАЙНОСТЬ на глубинном уровне человеческой ментальности.

Специфика целевой установки исследования и решаемых задач предполагает обращение к следующим исследовательским методам:

- семантическая реконструкция, при которой по вариативным данным языка воссоздаются глубинные инвариантные начала соответствующих фактов, имеющие уже статус когнитивных начал;
- ономазиологический анализ, позволяющий реконструировать первоначальную мотивацию слов, обозначающих случайное в русском языке, и тем самым выявлять когнитивные основания концептов СЛУЧАЙ, СЛУЧАЙНОСТЬ в русской языковой ментальности;
- словообразовательный анализ, благодаря которому определяются ступени лексического выражения концептов СЛУЧАЙ, СЛУЧАЙНОСТЬ в русском языке и тем самым более надежно реконструируются их первоначальные содержательные состояния;

- концептуальный анализ, на основе которого надежно воссоздаются содержательные структуры концептов СЛУЧАЙ, СЛУЧАЙНОСТЬ;
- сопоставительный анализ, позволяющий определять универсальные когнитивные тактики в актах формирования концептов СЛУЧАЙ, СЛУЧАЙНОСТЬ в разных языковых ментальностях;
- метод словарных дефиниций, позволяющий определять семантическую структуру и семантические связи концептов СЛУЧАЙ, СЛУЧАЙНОСТЬ по данным различных словарей.

3. Мотивирующие основания мысли о случайности в старославянском языке

Общее представление о способе когнитивного освоения человеком мысли о действительности дает рассмотрение обозначений этой мысли в языке. Именно номинация составляет собой акт, в котором некое идеальное начало (результат когнитивного освоения мира человеком) соединяется с началом материальным (его именем в языке), получая при этом опору в уже имеющемся знании о мире. Таким путем структуры сознания оказывают опережающее влияние на язык [Кубрякова, 2004, с. 94—95], а ономаσιологический анализ языковых единиц позволяет реконструировать эти структуры.

В русском языке слово *случай*, на основе которого образовались далее слова *случайный* и *случайность*, является индоевропейским по происхождению и входит в обширное этимологическое гнездо слов с семантикой разнообразной, но обнаруживающей единый познавательный архетип.

Так, уже в старославянском языке показателен корень *лоук-* / *лоуч-*, обозначающий четыре семантические позиции: «событийность». «спонтанность», «некое спонтанное единство» и «положение в обществе» — ср.: *сьлоучаи* ‘случайность, случай’, *слоучати са* 1. ‘происходить. совершаться, случаться’, 2. ‘встречаться, случайно сталкиваться (в пути)’ [Старославянский словарь, 1999, с. 655—656]; сюда же относятся конструкции *по прилоучаю* ‘случайно’ [Там же, с. 506], *по приключаю* ‘случайно’ [Там же, с. 504], *лоучати са* ‘случаться’ [Там же, с. 311], *прилучаи* ‘случай’ и ‘звание, положение’ [Там же, с. 506].

Единство этих смыслов объясняется следующим. *Случай* мыслится в связи с событийностью и на ее основе: он по своей когнитивной природе является событием (ср. рус. *Вот был такой случай*), *случайный* — это признак события, *случайно* — признак действия.

На более глубоком уровне языковой семантики мысль о случайном обнаруживает в своем составе характеристику единства: она с этой точки зрения определяется как «спонтанное объединение в одном целом того,

что ранее единства не составляло» (в аспекте движения живых существ или считающихся таковыми данное содержание концептуально оформилось как «встреча»).

С этих позиций объясняется далее логика значения ‘звание, положение’ у слова *прилоучаи* — ср.: *глаголи ... има свое ... и прилоучаи*. В приведенном контексте слова *има* и *прилоучаи*, как представляется, сведены закономерно с когнитивной точки зрения: первое обозначает то, что человек «имеет», что составляет его безусловную сущностную черту [Топоров, 1991, с. 508], а второе обозначает то, что связывается с человеком внешне (на это указывает семантика приставки *при-*) и составляет с ним в социальной сфере условное, метонимическое единство.

Таким образом, в старославянском языке глубинное семантическое начало группы слов с корнем *лоук-* / *лоуч-* составляет комплекс «спонтанность — единство». На поверхностном концептуальном уровне языка он реализуется по преимуществу как СЛУЧАЙ, СЛУЧАЙНОСТЬ, а в аспекте единства — как (случайная) ВСТРЕЧА, СОЕДИНЕНИЕ и при осуществлении дополнительных, более существенных семантических преобразований — как (социальное) ПОЛОЖЕНИЕ.

Расширение круга слов с данным корнем в других индоевропейских языках усложняет выявленную картину, но не меняет ее радикально. Так, в славянских языках определяется группа глаголов, обозначающих фазы целенаправленного и успешного броска: ср. укр. *лучіти* ‘метить, попадать’, блр. *лучыць* ‘случиться, попасть’, болг. *луча* ‘целью’, словен. *lučiti*, *lučiti* ‘бросать, кидать’, чеш. *lučiti* ‘бросать, попадать’, польск. *łuczyć* ‘метить, попадать’. Семантика всех этих слов сложилась на основе выделения в реконструированном содержательном начале уже самостоятельных признаков «спонтанность» и «единство», а затем их дальнейшего концептуального преобразования: значение ‘метиться, целиться’ составило переосмысление признака «спонтанность» (почти до конверсного ему «контролируемость»), а значение ‘попадать’ определилось как ситуативное оформление признака «единство». Значение же ‘бросать, кидать’ составило языковое выражение мысли о простейшем действии, в котором связались воедино все эти содержания.

Выход за рамки славянской группы языков делает картину преобразований реконструированного глубинного семантического начала «спонтанность — единство» еще более разнообразной. В частности, в этих условиях отчетливо просматривается общая семантика зрительного восприятия, на основе которой затем складывается значение ‘искать’ (букв. выглядеть нечто) и обозначения глаза — ср.: др.-прусск. *laukīt* ‘искать’, лтш. *lūkāt* ‘глядеть, пытаться’, англ. *to look* ‘смотреть’, *to look after* ‘искать’,

греч. *λέωσσω* ‘вижу, замечаю’, др.-инд. *loc* ‘смотреть, созерцать’, *lōcatē* ‘видит, замечает’, *lōcana* ‘глаз’ [Фасмер, т. II, с. 538]. Другое направление преобразования семантики зрительного восприятия реализовалось в сложившемся в литовском языке значении ожидания: ср.: лит. *laukiu*, *laukti* ‘ждать’, *lūkiù*, *lūkeiti* ‘поджидать’, *sulaukti*, *susilaukti* ‘дождаться’ и в связи — с этим ‘дожить’ и ‘получить’.

Таким образом, в индоевропейской языковой ментальности глубинным когнитивным основанием мысли о случае с точки зрения мотивирующих оснований выступает целостный семантический комплекс «спонтанность — единство». Его реконструкция обеспечивается уже данными старославянского языка, но косвенно подтверждается фактами языковой семантики слов с соответствующим корнем в других индоевропейских языках.

4. Когнитивная структура мысли о случайности по данным лексической семантики (русский язык)

Выявление глубинных содержательных оснований лексических значений реализуется в процедуре семантической реконструкции. Ее правила впервые определил в середине прошлого столетия Э. Бенвенист. Прежде всего, он скорректировал взгляд на лексическую семантику, составляющую исходный материал для таких реконструкций. «Единственный принцип, на который, считая его общепризнанным, мы будем опираться в последующем анализе, — специально отметил он, — заключается в том, что “значение” лингвистической формы определяется всей совокупностью ее употреблений, ее дистрибуцией и вытекающими из них типами связей» [Бенвенист, 1974, с. 332]. С лексикографической точки зрения, значение слова — это все представленные в толковых словарях варианты и вариации его семантики, определяющие его функциональный потенциал в языке.

Кроме того, Э. Бенвенист определил сам принцип семантической реконструкции. В общем плане она сводится к поиску содержательного инварианта, составляющего начало непосредственно данных семантических вариантов слов [Там же, с. 442]. Следует признать, однако, что таким путем могут выявляться глубинные структуры человеческой ментальности, лежащие уже за пределами концептуальных систем языка. Таким образом, семантическая реконструкция, по сути, оказывается реконструкцией характерных для данной языковой ментальности глубинных содержательных величин, не подвергшихся строгой категоризации и имеющих доязыковой характер. Не случайно для их описания порой используются весьма пространственные тексты, передающие полноту их содержания на дискурсивном уровне. Ср. у Э. Бенвениста: «Понятие *pánthāḥ* включает в себя труд, неуверенность и опасность, у такой дороги есть непредвиденные по-

вороты, она может меняться вместе с тем, кто ее проходит, и к тому же она не только земная: у птиц своя такая дорога, у рек — своя. Pánthāḥ, следовательно, — это дорога, которая не проложена заранее и по которой нет регулярного движения. Это скорее “переход”, который пытаются проделать через неизвестную и часто враждебную местность <...>, короче говоря, дорога куда-то, куда не ходят просто, средство преодолеть опасное, полное непредвиденных случайностей пространство» [Там же, с. 339].

С другой стороны, реконструированные по данным лексической семантики глубинные содержания такого рода могут представляться на основе признаков комплексов, характеризующих их отдельные аспекты (при этом вопрос об их логической совместимости считается непринципиальным). Так, по наблюдению В. Н. Топорова, истоки мысли о «знании» в индоевропейской языковой ментальности связываются с тремя идейными линиями: во-первых, обособлением, выделением из среды остального (единого) через некое отличие, во-вторых, родами и рождением и, в-третьих, обретением формы знания — знака [Топоров, 1980, с. 158—159]. Он показал также, что семантика др.-греч σοφία ориентирована на идеи обособления, выделенности, самости (процесс индивидуализации), но вместе с тем связывается с мыслью о включенности в некую общность (процесс генерализации) [Там же, с. 160—161].

С этих установочных позиций могут рассматриваться и глубинные когнитивные начала мысли о случайности в русском языке. Они в целом отвечают выявленному по данным старославянского языка комплексу «спонтанность — единство», однако обнаруживают некоторые изменения и дополнения в структуре этого комплекса. Обращает на себя внимание и особая взаимосвязь указанных характеристик — их объединенность в рамках того или иного семантического варианта слова с базовой семантикой случайности.

А. Событийность. Эта семантическая характеристика вновь обращает на себя внимание в силу того, что она еще более отчетливо показывает себя в этих условиях как принадлежность глубинным семантическим основаниям случайного. Все случайное проявляет себя в событиях и реализуется в нем. О внеграмматичности характеристики событийности говорит и то, что она достаточно отчетливо прослеживается в семантической структуре глаголов. Так, характеристика событийности отмечается в следующих примерах: *случай* ‘то, что случилось, непредвиденное событие, происшествие’ (Николай Петрович рассказывал разные случаи из своей жизни ... Не было случая в моем путешествии, чтоб кореец не держал своего слова. Гарин-Михайловский. По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову); семантику событийности выражают конструкции типа *при удобном случае, в данном случае* (Воображение мое, как всегда бывает в подоб-

ных случаях, ушло далеко вперед действительности. Толстой. Детство); с этой характеристикой связываются конструкции **в случае (чего)** ‘если случится, если возникнет что-либо (какое-либо событие, обстоятельство и т. п.)’ ([Фоме Фомичу] приказали явиться, угрожая силою в случае отказа. Достоевский. Село Степанчиково), **во многих случаях, редкий случай, в этом / таком случае, в любом случае**.

Б. Спонтанность. Это идейное начало прослеживается в следующих примерах, показывающих его взаимодействие с идеей событийности: **случай** ‘то, что случилось, непредвиденное событие, происшествие’ (Николай Петрович рассказывал разные случаи из своей жизни ...), **по случаю (купить, приобрести и т. п.)** ‘случайно’ (Это не мой костюм. Я купил его по случаю. Гайдар. Школа), **на случай** (устар.) ‘случайно, неожиданно’ ([Городничий] Так сделайте милость, Иван Кузьмич, если на случай попадетс я жалоба или донесение, то без всяких рассуждений, задерживайте. Гоголь. Ревизор), **случаи заболевания, случаи нарушения (правил), счастливый / несчастный случай, дело случая; случайный** ‘возникший непредвиденно, непреднамеренно’ (Случайная встреча. Случайное совпадение, Случайный попутчик); **случайность** ‘непредвиденное, неожиданное обстоятельство’ (Думаю я, что оплошности вы не сделаете, хотя случайности могут быть всякие. Сергеев-Ценский. Лютая зима), **случайно** — наречие от прил. **случайный** (Случайно вас когда-то встреча, В вас искру нежности заметя, Я ей поверить не посмел. Пушкин. Евгений Онегин).

В. Акаузальность. Важная семантическая особенность случайности, определяющаяся в данных условиях, — ее акаузальность, принципиальная вообще для синхронистических совпадений. Как представляется, эта характеристика связана с характеристиками событийности и спонтанности в когнитивной структуре случая. Ср.: **случайный** ‘возникший без достаточных оснований, причин’ (Вы порицаете мое направление, а кто вам сказал, что оно во мне случайно, что оно не вызвано тем самым народным духом, во имя которого вы ратуете? Тургенев. Отцы и дети); **случайность** ‘обстоятельство, не вытекающее с необходимостью из каких-либо условий, не обусловленное причинно’ (Рождение человека — случайность, а смерть — закон. Куприн. На покое). Важно отметить при этом, что случай акаузален в своей событийности. Однако сам он может быть причиной других событий: **по случаю чего** — ‘вследствие какого-либо обстоятельства’ (По случаю волнения на море пароход пришел поздно. Чехов. Дама с собачкой).

Г. Бессистемность. Эта характеристика определяется наличием трех имплицитных признаков составляющих: «множественность», «повторяемость» и «нерегулярность» — причем последний признак связан с тем,

что случайность спонтанна и находится вне контроля со стороны человека. Ср.: *при случае* ‘при некоторых обстоятельствах, иногда’ ([Анна Андреевна] *очень любопытна и при случае выказывает тщеславие*. Гоголь. Ревизор); *случайный* ‘такой, который бывает или появляется иногда, от случая к случаю’ (*Он перебивался случайными заработками; Он даже и не служил нигде в последнее время, а жил случайными уроками*. Сергеев-Ценский. Зауряд-полк).

Семантический комплекс «множественность — повторяемость — нерегулярность» почти иконически представляется и сочетанием *от случая к случаю*. При этом идея бессистемности оказывается как будто бы «за пределами» случайности, выражаясь на ее основе.

Д. Ошибочность. Этот идейный аспект мысли о случае достаточно отчетливо прослеживается в семантической структуре действия и определяющего его наречия *случайно* — ср. *Я случайно положил в портфель чужие очки; Я нажал эту кнопку случайно*. В ситуациях подобного рода ошибочные действия в целом являются незначительными, ведут к некоему нежелательному результату и связываются с идеями *непреднамеренности* и *непроизвольности*.

Исходя из всего этого может быть определена общая структурная модель мысли о случайном на глубинном уровне русской языковой ментальности. Она имеет следующий вид (рис. 1):

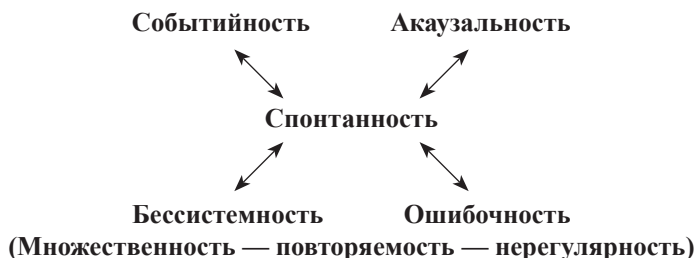

Рис. 1. Общая структурная модель мысли о случайном в русской языковой ментальности

5. Когнитивная структура случайного в типологическом аспекте

Рассмотрение языковых явлений с типологической точки зрения и, собственно, с позиций их повышенной частотности (в предельных случаях — универсальности) позволяет увидеть их познавательную природу. Еще Дж. Гринберг, Ч. Осгуд и Дж. Дженкинс в «Меморандуме о языковых универсалиях» высказали мнение о том, что «все явления, встречающиеся в разных языках с частотой, выходящей за рамки случайности, могут пред-

ставлять интерес для психологии» [Гринберг и др., 1970, с. 35]. В настоящее время речь шла бы о познавательной сфере человека.

Определенные типологические параллели в плане когнитивной структуры случайности прослеживаются уже в русском языке в семантике производных и.-е. **lonk-o-s* / **lenk-*: **lonk-* [Pokorny, v. I, с. 676], прасл. **lqč-* с базовым значением кривизны, искривленности. Эти производные обнаруживают некоторые новые и важные для данной темы содержательные обстоятельства. Весьма показательны в этом отношении производные от основы *при-лук-* / *прилуч-*, которые связываются со следующими смыслами:

А) Событийность. Эта признаковая характеристика прослеживается в семантике таких примеров, как *прилученье*, *прилучай* м. стар. *прилучье* ср. сиб. ‘случай, приключение, стасовое дело, похождение, что сбилось над кем, происшествие’ [Даль, т. III, с. 424]; *С ним беда прилучилась* — ‘произошло негативное событие, определяемое как беда’.

Б) Спонтанность. В числе слов с основой *прилуч-*, выражающих идею спонтанности, у В. И. Даля приводятся два примера, которые он, однако, прямо не объяснил. Первый пример таков: *На какое число ныне пасха прилучается?* [Там же, т. III, с. 423]. Употребление глагола *прилучается* в данном случае предполагает апелляцию к идее спонтанного и неконтролируемого совпадения события и даты. Спонтанность при этом также коррелирует с событийностью. Второй пример: *По прилучаю прииде св. Апостол Андрей* [Там же, с. 424]. Здесь конструкция *по прилучаю* просто может быть заменена на семантически тождественную ей конструкцию *по случаю*, выражающую идею спонтанности, неконтролируемости основного события.

В) Бессистемность. Эта идейная характеристика прослеживается в выражении *Не ровна удача бывает, по прилучью* ‘как случится’ [Там же]. Семантику конструкции *по прилучью* сам В. И. Даль определил путем обращения к семантике случая, но вполне очевидно, что, по сути, в этом выражении имеется в виду б е с с и с т е м н о с т ь удачи.

Рассмотрение когнитивной структуры случайности в типологическом аспекте обнаруживает еще одно важное обстоятельство, проливающее дополнительное свет на ее глубинное понимание человеком. Речь идет о том, что в этих условиях вновь показывает свою актуальность признаковая характеристика «единство» и ее производное значение «бросок». Так, идею е д и н с т в а выражают слова *прилучать*, *прилучить* ‘присоединить к чему’ (*Его к этому делу не прилучишь*; *Они прилучили к себе еще товарища*); *прилучиться* ‘присоединиться по доброй воле’; идею б р о с к а выражают слова *лукать*, *лукнуть* ‘кидать изруч, метать, бросать, швырять’ (*Не лукай в собаку*, *Лукнул в окно камнем*), *лукать друг в друга* (*Ребяточки лукаются грязью*) [Даль, т. II, с. 272], *прилукнуть* ‘докинуть, подать бро-

ском' [Там же, т. III, с. 423] и косвенно (на основе метонимического сдвига) *прилукать руки* 'притомить руки, швыряя' [Там же].

Дальнейшее расширение объектного поля в подобных сопоставлениях, с одной стороны, подтверждает верность реконструированной когнитивной структуры случайности в индоевропейской языковой ментальности, а с другой — показывает наличие в некоторых языках и иных смысловых начал мысли о случайном, возможно, имеющих типологический характер. Так, лат. *cāsus* 'случай, повод, возможность', 'случайность, превратность', 'происшествие, событие' выражает идеи с о б ы т и й н о с т и , с п о н т а н н о с т и , а связанные с ним англ. *case* 'случай', *casual* 'случайный, непреднамеренный, нерегулярный, непостоянный', сущ. 'случайный посетитель, клиент, покупатель' вновь актуализируют идейные начала «с п о н т а н н о с т ь» и «бессистемность». Одновременно с этим лат. *accidēns* 'случайность', 'несчастный случай', (филос.) 'случайный признак, входящее (побочное) обстоятельство', *accidentia* 'случай, случайность', образованные от *accidere* 'падать, выпадать', 'случаться, приключаться'; *incidere* 'падать, упасть', 'случаться, приключаться' связаны идейно с практикой игры в кости и случайностью выигрыша [Дворецкий, 1986].

Лат. *sporadic* 'спорадический, случайный, единичный, нерегулярный' восходит к греческому названию островов в Эгейском море Σποράδες от σποράς 'отдельный, разбросанный, рассеянный' и мотивируется мыслью о бессистемности, но относящейся к организации объектов в двухмерном пространстве [Там же].

Нем. *der Zufall* 'случай, случайность', *zufällig* 'случайный, побочный' восходят к *fallen* 'сыпаться, повалиться, попадаться, опуститься', значения которого связаны с идеей бессистемности, спонтанности, но в аспекте внешнего протекания процесса [Немецко-русский словарь, 1968].

Вместе с тем тур. *yanlışlıkla* 'случайно (по ошибке)' [Рыбальченко, 2011, с. 707], *kazara* 'случайно (нечаянно)' [Там же, с. 314] указывают на то, что в данной картине мира случайность в отношении действия, как и в русском языке, может концептуально оформляться в связи с его ошибочностью, неконтролируемостью.

Отмеченная тенденция к расширению спектра опорных смыслов при когнитивном освоении мысли о случайности более отчетливо видна при рассмотрении соответствующих слов в языках других семей. Так, эст. *juhuslik* 'случайный' образовано от *juhus* 'совпадение' и демонстрирует глубинную недифференцированность идей совпадения и случайности в соответствующей языковой ментальности [Русско-эстонский словарь].

Корейск. 무작위성 (*mujag-wiseon*) 'случайность' строится как соединение двух самостоятельных лексических единиц с автономной семанти-

кой — 무작 (mujaq) ‘случайный’ и 위성 (wiseon) ‘спутник’. Можно заключить отсюда, что случайность в корейской языковой ментальности мыслится на основе культурной ситуации странствия и спонтанным появлением в ней попутчика (аналогичная идейная связь прослеживается в нем. *beiläufig* ‘случайный, попутный’) [Русско-корейский словарь].

В суахили идея случая, случайности устойчиво связывается с мыслью о событийности, но вместе с тем о судьбе (в ее положительных и отрицательных аспектах), определяется в отношении родового и социального положения человека. При этом мысль о судьбе, в свою очередь, связывается с идеей игры, основанной на случае (лотерея), и смерти. Ср.: *ajali* ‘рок, судьба’, *ajali hailindiki* (посл.) «От судьбы не уйдёшь», ‘случай, случайность’, *kwa ajali* ‘случайно, непреднамеренно’, ‘[несчастный] случай’, ‘происшествие’, ‘гибель’, *patikana na ajali* ‘встретить свой смертный час’; *bahati* ‘судьба, участь’; ‘рок’; ‘случай, случайность’ (*tumia bahati* ‘пользоваться случаем’, *kwa bahati* ‘случайно’), *bahati nasibu* ‘лотерея’; *nasibu* ‘случай, случайность’, ‘случайный’, ‘участь, судьба’, ‘удача, счастье’; *kwa nasibu* ‘случайно, непреднамеренно’; *bahati nasibu* ‘лотерея’, ‘восходить (к роду и т. п.)’, ‘происходить (из рода, семьи и т. п.)’ [Суахили-русский словарь].

Очевидно, таким образом, что когнитивная структура случайности не является строго универсальной и в некоторых аспектах оказывается связанной с культурными условиями, в которых живет человек, моделируется на их основе (рис. 2).

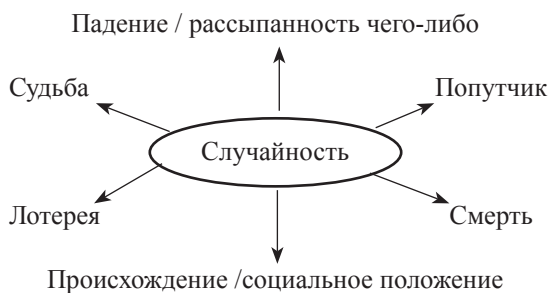

Рис. 2. Когнитивная структура случайности

6. Заключение

Осуществленное исследование позволяет сделать несколько обобщающих выводов теоретического и методологического характера.

1. Когнитивная структура мысли о случайности весьма сложна и с точки зрения поверхностных дискретных единиц языка представляется

идейными комплексами «спонтанность — единство», «спонтанность — событийность — акаузальность — бессистемность — ошибочность». На глубинных уровнях языковой ментальности эти комплексы предстают как целостные, диффузные содержательные образования. Разные направления его семантической эволюции дают далее концепты судьбы, лотереи, смерти, поиска, ожидания, счастья / удачи и др.

2. Сама мысль о случайности формируется в единстве идейных характеристик «событийность», «акаузальность», «спонтанность», «бессистемность», «ошибочность». Этот комплекс в целом может иметь типологическую значимость, однако его отдельные компоненты (такие, например, как «спонтанность» или «событийность») могут представлять собой в отношении мысли о случайности некие глубинные универсальные начала.

3. Осуществленное исследование в новом аспекте показывает экспланаторную силу современной лингвистики и собственно актуального для нее метода семантической реконструкции. При определенных исходных позициях этот метод обнаруживает силу также в отношении когнитивной науки, но может обеспечить выходы и в более широкие междисциплинарные сферы. При этом принципиально важной оказывается следующая установка: чем дальше друг от друга отстоят сравниваемые явления, тем более глубоким является воссозданное в реконструкции состояние.

4. Во всех случаях общий принцип подобных реконструкций составляет поиск инвариантного начала, лежащий в основе непосредственно рассматриваемых вариантов. Результат этой процедуры будет принадлежать уже собственно познавательной сфере человека.

5. Результаты осуществленного исследования имеют междисциплинарную значимость и актуальны для современных фундаментальных наук (в частности, квантовой механики), исследующих случайность и неопределенность в физической реальности и определяющих меру случайности — вероятность. При соответствующих установках реконструированная когнитивная структура случайности может рассматриваться как базовое психофизическое начало, близкое глубинному основанию двух реальностей разного порядка — физической и психической. Детальное рассмотрение подобных связей и феноменов составляет дальнейшую перспективу когнитивных исследований.

Источники

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х томах / В. И. Даль. — Москва-Санкт-Петербург, 1880—1882 (1955).

2. *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. — Москва, 1986. — 843 с.
3. *Немецко-русский словарь* / под ред. А. А. Лепинга и Н. П. Страховой. — Москва : Советская энциклопедия, 1968. — 991 с.
4. *Русско-корейский словарь* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.google.ru/search?q=Русско-корейский+словарь> (дата обращения 14.01.2021).
5. *Русско-эстонский словарь* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.google.ru/search?q=Русско-эстонский+словарь> (дата обращения 12.01.2021).
6. *Рыбальченко Т. Е.* Русско-турецкий и турецко-русский словарь / Т. Е. Рыбальченко. — Москва : Русский язык, 2011. — 740 с.
7. *Старославянский словарь*, 1999 — Старославянский словарь / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. — Москва : Русский язык, 1999. — 842 с.
8. *Суахили-русский словарь* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://gufo.me/dict/swru/> (дата обращения 18.05.2021).
9. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4-х томах / М. Фасмер. — Москва : Прогресс, 1964—1973.
10. *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch : 2 v. / J. Pokorny. — Francke : Bern-München, 1959.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахромеева Т. С.* Нестационарные структуры и диффузионный хаос / Т. С. Ахромеева, С. П. Курдюмов, Г. Г. Малинецкий, А. А. Самарский. — Москва : Наука, 1992. — 542 с. — ISBN 5-02-014252-2.
2. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист. — Москва : Прогресс, 1974. — 448 с.
3. *Берестнев Г. И.* Лингвистические критерии разграничения примет и предписаний народной магии / Г. И. Берестнев, Л. Б. Бойко // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия : Филология, педагогика, психология. — 2019. — № 2. — С. 31—40.
4. *Берестнев Г. И.* Серийность событий в русском лингвокультурном сознании / Г. И. Берестнев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2020. — № 1. — С. 115—121. — DOI: 10.20916/1812-3228-2020-1-115-121.
5. *Берестнев Г. И.* Язык и когнитивная структура профетических текстов : Античность и русское православие / Г. И. Берестнев, Я. А. Киреева. — Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2018. — 221 с. — ISBN 978-5-9971-0511-2.
6. *Ковшова М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры / М. Л. Ковшова. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 456 с. — ISBN 978-5-397-02652-9.
7. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. — Москва : Языки славянской культуры. 2004. — 560 с. — ISBN 5-94457-174-8.
8. *Налимов В. В.* Спонтанность сознания : Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. — Москва : Прометей, 1989. — 287 с. — ISBN 5-7042-0083-4.
9. *Петренко В. Ф.* Методологические пересечения психосемантики сознания и квантовой физики / В. Ф. Петренко, А. П. Супрун. — Москва : КРАСАНД, 2018. — 304 с.
10. *Сафронов Е. В.* Вещное сновидение и сбывшееся событие : механизмы соотношения / Е. В. Сафронов // Народная культура Сибири : Материалы XIII научного семинара

Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 2004. — С. 220—224. — ISBN 5-8268-0822-5.

11. *Сны и видения в народной культуре : Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты* (Серия «Традиция, текст, фольклор»). — Москва : Изд-во РГГУ, 2002. — 382 с. — ISBN 5-7281-0335-9.

12. *Толстой Н. И.* О предмете этнолингвистики, о ее роли в изучении языка и этноса / Н. И. Толстой // *Ареальные исследования в языкознании и этнографии* (Язык и этнос). — Москва : Наука, 1983. — С. 181—190.

13. *Топоров В. Н.* Еще раз о др.-греч. Σοφία : происхождение слова и его внутренний смысл / В. Н. Топоров // *Структура текста*. — Москва : Наука, 1980. — С. 148—173.

14. *Топоров В. Н.* Имена / В. Н. Топоров // *Мифы народов мира*. — Москва : Советская энциклопедия, 1991. — Т. I. — С. 508—510.

15. *Харченко В. К.* Лингвистика народной приметы : монография / В. К. Харченко, Е. Е. Тонкова. — Белгород : Изд-во ОАО «Белгородская областная типография», 2008. — 224 с. — ISBN 978-5-86295-173-8.

16. *Чайковский Ю. В.* Что такое случайность? [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.kudrlnbi.ru/public/431/index.htm> (дата обращения 18.05.2021).

17. *Юнг К. Г.* Синхроничность / К. Г. Юнг. — Москва : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 1997. — 320 с. — ISBN 5-87983-057-8.

MATERIAL RESOURCES

Dal, V. I. (1955). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language: v 4-h t.* 2nd ed. Moscow-Saint Petersburg. (In Russ).

Dvoretzky, I. H. (1986). *Latin-Russian dictionary*. Moscow. 843 p. (In Russ).

Fasmer, M. (1964—1973). *Etymological dictionary of the Russian language: v 4-h t.* Moscow: Progress. (In Russ).

Leping, A. A., Strakhova, N. P. (eds.) (1968). *German-Russian dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia. 991 p. (In Russ).

Old Slavic Dictionary. (1999). Moscow: Russian Language. 842 p. (In Russ).

Pokorny, J. (1959). *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. 2 v.* Francke: Bern-München. (In Germ).

Russian-Estonian dictionary. Available at: <https://www.google.ru/search?q=Русско-эстонский+словарь> (accessed 12.01.2021). (In Russ).

Russian-Korean dictionary. Available at: <https://www.google.ru/search?q=Русско-корейский+словарь> (accessed 14.01.2021). (In Russ).

Rybalchenko, T. E (2011). *Russian-Turkish and Turkish-Russian dictionary*. Moscow: Russian Language. 740 p. (In Russ).

Swahili-Russian dictionary. Available at: <https://gufo.me/dict/swru/> (accessed 18.05.2021). (In Russ).

REFERENCES

Akhromeeva, T. S., Kurdyumov, S. P., Malinetsky, G. G., Samarsky, A. A. (1992). *Unsteady structures and diffusion chaos*. Moscow: The science. 542 p. ISBN 5-02-014252-2. (In Russ).

Benvenist, E. (1974). *General linguistics*. Moscow: Progress. 448 p. (In Russ).

- Berestnev, G. I. (2020). Seriality of events in the Russian linguocultural consciousness. *Questions of cognitive linguistics*, 1: 115—121. DOI: 10.20916/1812-3228-2020-1-115-121. (In Russ).
- Berestnev, G. I., Boyk, L. B. (2019). Linguistic criteria for distinguishing the signs and prescriptions of folk magic. *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Philology, pedagogy, psychology*, 2: 31—40. (In Russ).
- Berestnev, G. I., Kireeva, Ya. A. (2018). *Language and cognitive structure of prophetic texts: Antiquity and Russian Orthodoxy*. Kaliningrad: Publishing house of the I. Kant BFU. 221 p. ISBN 978-5-9971-0511-2. (In Russ).
- Jung, K. G. (1997). *Synchronicity*. Moscow: Refl-book; Kiev: Vakler. 320 p. ISBN 5-87983-057-8. (In Russ).
- Kharchenko, V. K., Tonkova, E. E. (2008). *Linguistics of folk signs. Monograph*. Belgorod: Publishing house of JSC “Belgorod Regional printing House”. 224 p. ISBN 978-5-86295-173-8. (In Russ).
- Kovshova, M. L. (2013). *Linguoculturological method in phraseology. Codes of culture*. Moscow: Book House “LIBROCOM”. 456 p. ISBN 978-5-397-02652-9. (In Russ).
- Kubryakova, E. S. (2004). *Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world*. Moscow: Languages of Slavic culture. 560 p. ISBN 5-94457-174-8. (In Russ).
- Nalimov, V. V. (1989). *Spontaneity of consciousness: Probabilistic theory of meanings and semantic architectonics of personality*. Moscow: Prometheus. 287 p. ISBN 5-7042-0083-4. (In Russ).
- Neklyudov, S. Yu. (ed.). (2001). *Dreams and visions in folk culture: Mythological, religious-mystical and cultural-psychological aspects (Series “Tradition, text, folklore)*. Moscow: Publishing House of RSUH. 382 p. ISBN 5-7281-0335-9. (In Russ).
- Petrenko, V. F., Suprun, A. P. (2018). *Methodological intersections of psychosemantics of consciousness and quantum physics*. Moscow: KRASAND. 304 p. (In Russ).
- Safronov, E. V. (2004). Prophetic dream and a fulfilled event: mechanisms of correlation. In: *Folk culture of Siberia: Materials of the XIII scientific seminar of the Siberian Regional University Center for Folklore*. Omsk: Publishing house of OmSPU. 220—224. ISBN 5-8268-0822-5. (In Russ).
- Tchaikovsky, Yu. V. *What is randomness?* Available at: <http://www.kudrinbi.ru/public/431/index.htm> (accessed 18.05.2021). (In Russ).
- Tolstoy, N. I. (1983). On the subject of ethnolinguistics, on its role in the study of language and ethnos. In: *Areal studies in linguistics and ethnography (Language and ethnos)*. Moscow: The science. 181—190. (In Russ).
- Toporov, V. N. (1980). Once again about others-Greek: the origin of the word and its inner meaning. In: *Structure of the text*. Moscow: Nauka. 148—173. (In Russ).
- Toporov, V. N. (1991). Names. In: *Myths of the peoples of the world, I*. Moscow: Soviet Encyclopedia. 508—510. (In Russ).

Бушуева Л. А. Фрейм поступка «измена в любви» и его эвфемистические репрезентации в русской и английской лингвокультурах / Л. А. Бушуева // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 45—59. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-45-59.

Bushueva, L. A. (2021). Frame of Act of “Infidelity in Love” and Its Euphemistic Representations in Russian and English Linguocultures. *Nauchnyi dialog*, 7: 45-59. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-45-59. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-45-59

**Фрейм поступка
«измена в любви»
и его эвфемистические
репрезентации
в русской и английской
лингвокультурах**

Бушуева Людмила Александровна
orcid.org/0000-0001-9077-252X
доктор филологических наук, доцент
кафедра зарубежной лингвистики
sebeleva@yandex.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

**Frame of Act
of “Infidelity in Love”
and Its Euphemistic
Representations in Russian
and English Linguocultures**

Lyudmila A. Bushuyeva
orcid.org/0000-0001-9077-252X
Doctor of Philology, Associate Professor
Department of Foreign Linguistics
sebeleva@yandex.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Бушуева Л. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются эвфемизмы, выступающие средствами языковой репрезентации поступка «измена в любовных отношениях» в русском и английском языках. Новизна исследования видится в том, что ситуация поступка «измена в любви» представлена в виде фреймовой модели, в структуре которой выделяются слоты, актуализирующие различные аспекты рассматриваемой ситуации. Показано, что в русской лингвокультуре объектированы слоты «Агент поступка и его свойства», «Контрагент поступка», «Пациент поступка», «Действие как проявление поступка», «Оценка поступка, агента поступка», «Место совершения поступка». Выявлено, что в английской лингвокультуре, помимо указанных слотов, актуализируется также слот «Мотив поступка». Сопоставление семантики эвфемистических единиц двух языков показало, что в основе эвфемизации поступка «измена в любви» лежат сходные приемы: механизм языкового обобщения, замена прямой номинации иноязычной лексемой, прономинализация, мейозис, метонимический / метафорический перенос. Показано, что актуализация измены осуществляется на основе сходных метафорических концептов ДВИЖЕНИЕ, ОТНОШЕНИЯ, РАЗВЛЕЧЕНИЕ / ОТДЫХ, ЗАГРЯЗНЕНИЕ, которые выявлены как в русском, так и в английском языках, а метафорический концепт СПОРТ обнаруживается только в английском языке.

Ключевые слова:

поступок; измена; фрейм; эвфемизм; стигма; языковое обобщение; метафора; метонимия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Euphemisms that act as means of linguistic representation of the act of “infidelity in love relationships” in the Russian and the English are examined in the article. The novelty of the research is seen in the fact that the situation of the act of “infidelity in love” is presented in the form of a frame model, in the structure of which slots are allocated that actualize various aspects of the situation under consideration. It is shown that in Russian linguoculture the slots “Agent of an act and its properties”, “Counterparty of an act”, “Patient of an act”, “Action as a manifestation of an act”, “Evaluation of an act, an agent of an act”, “Place of the act” are objectified. It was revealed that in the English linguistic culture, in addition to the indicated slots, the “Motive of Action” slot is also updated. Comparison of the semantics of the euphemistic units of the two languages showed that the euphemization of the act of “infidelity in love” is based on similar techniques: the mechanism of linguistic generalization, replacement of direct nomination with a foreign lexeme, pronominalization, meiosis, metonymic / metaphoric transfer. It is shown that the actualization of infidelity is carried out on the basis of similar metaphorical concepts MOVEMENT, RELATIONSHIP, ENTERTAINMENT / RECREATION, POLLUTION, which are identified both in Russian and in English, and the metaphorical concept of SPORT is found only in English.

Key words:

deed; infidelity; frame; euphemism; stigma; linguistic generalization; metaphor; metonymy.

Фрейм поступка «измена в любви» и его эвфемистические репрезентации в русской и английской лингвокультурах

© Бушуева Л. А., 2021

1. Введение

Знание о «поступке» имеет несомненную значимость в мирознании представителей разных лингвокультур: поступок соединяет человека с внешним миром, воплощает мотивы и потребности человека. Поступок в нашем понимании — это разумное действие человека, вызывающее реакцию со стороны окружающих и получающее их оценку.

Выделяются поступки, являющиеся воплощением социально неприемлемого поведения и вызывающие этическое и правовое осуждение. К таким поступкам относится любовная измена. Лексика, обозначающая поступок «измена в любви», исследовалась ранее. Например, Я. В. Малькова изучает особенности языковой репрезентации соперничества в любви на материале диалектной лексики [Малькова, 2019]; В. С. Кучко изучает лексику со значением измены в любви на материале русских народных говоров [Кучко, 2017]; Е. В. Осетрова и М. В. Челушкина рассматривают «роман» и «измену» как скрипты типичных жизненных ситуаций [Осетрова и др., 2016].

Существующие в обществе ценности выступают в роли регулятора поведения людей и определяют систему стигм [Торопцева, 2019]. Стигмой называется «любая дискредитирующая черта или качество, неуместные у представителя данной группы или носителя конкретной социальной роли с точки зрения обобщенных социальных ожиданий» [Гилинский и др., 1993, с. 25]. Стигма меняет характер коммуникации, что обусловлено стремлением избежать коммуникативного дискомфорта при обращении к «опасным» темам, таким как человеческие пороки, интимные отношения, преступления и др. С этой целью в речи используются эвфемистические единицы, которые служат средством смягчения неприглядной действительности [Москвин, 2001, с. 61; Neaman et al., 1995; Matthews, 1997], позволяют избежать коммуникативных неудач и конфликтов, оградить собеседника от коммуникативного дискомфорта [Крысин, 2000].

Вслед за А. М. Кацевым, мы считаем, что эвфемизмы отражают негативную реакцию говорящего или пишущего на обозначаемое [Кацев, 1988, с. 54]. Выбирая эвфемизм вместо прямого наименования объекта, коммуникант указывает на негативное отношение к называемому явлению либо

на неуместность ситуации для его прямого наименования, при этом стигматичность самого денотата не меняется.

Любой поступок, в том числе «измена в любви», представляет собой совокупность элементов: агент, побуждаемый определенным мотивом, совершает действие, которое получает внешнюю оценку. Оценке (в частности, моральной) подлежит не действие само по себе, а только поведение человека и как его составляющие — отдельные поступки.

Ситуацию совершения поступка можно представить в виде фрейма, который представляет собой схематизированный на концептуальном уровне опыт, хранящийся в памяти человека. Фрейм — это семантическая схема мира, элементы которой описываются определенными лексическими единицами [Evans et al., 2006, p. 222]. Инвариантная фреймовая модель поступка состоит из следующих элементов: мотив, действие как проявление поступка, агент, объект (факультативный элемент), оценка, результат. Имена поступков по-разному репрезентируют данную фреймовую модель: говоря о поступках, люди не всегда разграничивают указанные выше стороны, элементы поступков [Бушуева, 2019].

2. Прямые и эвфемистические номинации измены в любви

В данном исследовании предлагается рассмотреть фрейм поступка «измена в любви» в русской и английской лингвокультурах, а также проследить, какие аспекты этой структуры получают эвфемистическую репрезентацию. Вслед за Л. В. Порохницкой, полагаем, что «на современном этапе развития теории эвфемии осуществление значительного “прорыва” возможно именно в области сопоставительного анализа семантики эвфемистических единиц» [Порохницкая, 2014, с. 52].

Источниками материала исследования послужили данные толковых словарей русского и английского языков, словарей эвфемизмов, современные контексты. Рассматривалась семантика эвфемизмов со значением ‘измена’ и языковых единиц, которые репрезентируют элементы данного поступка. Кроме того, изучалось функционирование указанных языковых фактов в речи: было проанализировано около 10 000 русско- и англоязычных контекстов, в которых используются лексемы со значением измены.

Дефиниционный анализ позволил выявить прямые номинации различных элементов ситуации измены в любви в лексических системах русского и английского языков: *измена, изменник, изменщик, изменница, изменщица, изменять, изменнический, изменнически, любовник, любовница; adultery, adulterise, adulterous, adulterer, adulteress, infidelity*. Ср.: *изменить* ‘нарушить супружескую верность или верность в любви’ [СлРЯ, т. 1, с. 647]; *adultery* — ‘married person has sex with someone that they are not married to’

[Collins ..., 1996, p. 11] (*измена* ‘сексуальная связь супруга (-и) вне брака’ — здесь и далее перевод наш. — Л. Б.); *infidelity* ‘person who is married or in a long-term relationship has sex with another person’ [Ibid., p. 329] (*неверность* ‘сексуальная связь супруга (-и) / партнера с другим человеком’). Интересно, что в словаре английского языка в дефинициях упоминаются более формализованные составляющие процесса измены, то есть названия действий, связанных с сексом (*сексуальная связь*), форм отношений (*брак*) и их участников (*супруг, партнер*). В определении из словаря русского языка используются метафорические единицы (*супружеская верность, верность в любви*), то есть русское определение само эвфемизировано.

С помощью метода сплошной выборки из словарей эвфемизмов [Сеничкина, 2008; Айто, 2007; Holder, 2002; Rawson, 2002] были отобраны эвфемизмы, называющие измену.

Анализ контекстов, извлеченных из Национального корпуса русского языка [НКРЯ], British National Corpus [BNC], Corpus of Contemporary American English [COCA], социальной сети Twitter [Twitter], позволил дополнить группу эвфемизмов, репрезентирующих измену.

Методом фреймового моделирования структурированы представления о ситуации измены в виде слотов — элементов ситуации. Выбор метода исследования обусловлен тем, что фрейм позволяет определить, какие именно элементы занимают центральное место в его структуре, а также показать, чем отличаются друг от друга единицы внутри одного концептуального класса [Макаров, 2003].

3. Эвфемистические единицы как средства языковой репрезентации фрейма «измена в любви»

В качестве эвфемистических номинаций поступка «измена» используются следующие лексемы: в русском языке — *адольтер, неверность, прелюбодеяние, интрижка на стороне, запретная любовь, обман, ложь, связь / история / роман / любовь / отношения / приключения на стороне, временное развлечение, уход / поход налево*; в английском — *act of desperation / self-preservation, activities / extracurricular activities, adventure, affair / extramarital / emotional / love / physical affair, amour, consensual relationship, crisis of faith, disloyalty, extramarital connection / excursion / experience, faithlessness, fling, fornication, free love, hanky-panky, inappropriate friendship, inconstancy, indiscretions, jolly, lapse, liaison, left-handed honeymoon, long-term / extramarital / inappropriate / minor relationship, mid-life crisis, misbehavior, mistake, one-night stand, open / left-handed marriage, phony act, restless period, romance, reaction to loneliness, spur of the moment passion, straying (stray + vacation), thing going, two-time*.

В русской лингвокультуре с помощью эвфемизмов объективированы 6 слотов: «Агент поступка и его свойства», «Контрагент поступка», «Пациент поступка», «Действие как проявление поступка», «Оценка поступка, агента поступка», «Место совершения поступка»; в английской лингвокультуре, кроме данных слотов, объективирован также слот «Мотив поступка».

Слот «Агент поступка и его свойства» объединяет языковые единицы, называющие активного участника ситуации, совершающего поступок, а также свойства его характера. Прямые номинации (далее — ПН): в русском языке — *изменник, изменичник, изменница, изменилица*; в английском языке — *adulterer, adulteress*; эвфемистические номинации (далее — ЭН): в русском языке — *ветреница, ветренность, ветреник, ловелас, дамский угодник, ходок, гулена, человек с низкой системой ценностей, полиамор*; в английском — *cheater, fornicator, player, two-timer, to have a roving eye, to have itchy feet*.

Слот «Действие как проявление поступка». Действие является физическим проявлением поступка. ПН: в русском языке — *изменять*; в английском языке — *to commit adultery / infidelity, to adulterise*; ЭН: в русском языке — *ветреничать, на сторону / налево ходить, похаживать на сторону, мутить на стороне, наставить рога, завести / затеять интрижку, иметь кого-то (у него / нее кто-то есть), быть с другим / другой, мотаться, гулять, гульнуть, погуливать, дружить, что-то скрывать, хлыстать по бабам, нарушить супружескую клятву, обманывать, лгать, пуститься во все тяжкие, пойти в загул, волочиться за / не пропускать ни одной юбки, завести подружку, крутить шашни, левачить, срывать розы в чужом саду, молотить зерно в чужом сарае*; в английском — *to break a commandment, to carry on with, to cheat, to chase / to chase tail, to commit misconduct, to creep around, to deceive, to do the dirty on, to do wrong, to go outside marriage, to go with, to hurt (partner), in flagrante (delicto), to fool around, to get someone on the side, to have it away, to have a bit on the side, to hike the Appalachian trail, to hurt (partner), to mess, to mess around, to misbehave, to play away / away from home / around, to play the field, to run around on someone, to sin, to sleep around, to sleep on the other side of the bed, to sleep over, to sneak around, to sneak off with another woman, to step out on, to stray, to take up with, to take up a lover, to two-time, to wander*.

Слот «Контрагент поступка» объединяет лексические единицы, называющие активного субъекта, который принимает участие в агентивной ситуации (слот выделен в соответствии с классификацией семантических ролей Е. В. Кашкина и О. Н. Ляшевской [Кашкин и др., 2013]). ПН: в русском языке — *любовник, любовница*; в английском — *mistress*; ЭН: в русском языке — *возлюбленный (-ая), друг, пассия, подруга, фаворит (-ка)*; в английском языке —

ке — *admirer, amour, bit / piece on the side, co-respondent, friend, extramarital partner, fancy man / woman / bit / piece, girlfriend, gentleman / lady / more than a (good), lover, other woman / man, third person, left-handed wife*.

Слот «Пациент поступка» — участник ситуации, претерпевающий самопроизвольно или под воздействием другого участника изменения — включает в себя ЭН в русском языке — *рогоносец, рогатый, рогатая*; в английском языке — *cheatee*. В современной речи русские лексемы *рогоносец, рогатый, рогатая* могут выглядеть несколько резкими. С другой стороны, исследователи отмечают, что внешне грубая форма не нарушает основную функцию эвфемизма — маскировать неприятное содержание [Кацев, 1988, с. 55]. Данные лексемы по-прежнему рассматриваются в группе эвфемизмов [Сеничкина, 2008].

Слот «Оценка поступка, агента поступка» репрезентирует отношение к поступку, установление его соответствия нормам и принципам морали. ПН: в русском языке — *изменнический, изменнически*; в английском языке — *adulterous*; ЭН: в русском языке — *ветреный, ветреная, непостоянный, любвеобильный, рыльце в пушку*; в английском языке — *disloyal, errant, faithless, unfaithful, untrue*.

Слот «Место» подразумевает участок пространства, где локализуется ситуация поступка. ЭН: в русском языке — *на стороне, любовное гнездышко*; в английском языке — *on the side, love nest*.

Слот «Мотив поступка» получает вербализацию в английском языке посредством эвфемизма *seven-year itch*. Под мотивом понимается действие, свойство или положение вещей, объясняющее совершение поступка агентом.

Примечательно, что «Мотив поступка» не получает эвфемистической репрезентации в русском языке, при этом находит выражение в группе английских выражений. Словосочетание *seven-year itch* (букв. «зуд седьмого года») обозначает не саму измену, а только желание, возникающее у супругов на седьмом году брака, вызванное однообразием семейной жизни. Предположительно, мотив измены имплицитно выражен также в некоторых эвфемистических номинациях самого поступка: *act of desperation, act of self-preservation, reaction to loneliness, spur of the moment passion, mid-life crisis*. В данных выражениях прочитывается попытка объяснить, что именно побудило агента поступка изменить, и, следовательно, снять ответственность за неприглядный поступок.

Наибольшей заполненностью эвфемизмами в двух языках характеризуется слот «Действие как проявление поступка»: стигматично, главным образом, само действие, которое в результате оценивается как измена. Второе место по степени актуализации занимают слот «Агент поступка, оценка агента поступка» в русском языке и слот «Контрагент поступка» —

в английском языке. К ключевым элементам фрейма «измена в любви», судя по количеству выявленных эвфемистических единиц в рассматриваемых языках, также можно отнести слоты «Агент поступка, его свойства», «Контрагент поступка» и «Оценка поступка, агента поступка».

4. Ключевые приемы в основе эвфемизации измены

Проведенное исследование позволило выявить когнитивные и языковые механизмы, на основании которых осуществляется продуцирование эвфемизмов, репрезентирующих измену в русском и английском языках.

Механизм языкового обобщения — переименование измены с помощью единиц более общей или более диффузной семантики. Широким значением обладают такие русские единицы, как *обман / обманывать, ложь / лгать, быть с кем-то / другим, скрывать что-то*; английские — *activities, thing going, affair, physical / emotional affair, phony act, hanky-panky, misbehavior, mistake, to cheat, to deceive, to do wrong, to commit misconduct, to fool around*.

Данные лексемы, благодаря большему по сравнению с прямыми номинациями семантическому потенциалу, выражают поступок измены в любви ситуативно, в определенных контекстах.

Английские лексемы *thing, activities, affair* характеризуются наличием «потенциальной семантической структуры» (определение Е. Г. Беляевской [Беляевская, 2007, с. 6]) и могут соотноситься практически с любым стигматичным денотатом. Ср.: *Over the course of this weekend, Jon's activities have left me no choice but to file legal procedures in order to protect myself and our children* (M. Peters, Hiking the Euphemistic Trail) / **Деятельность** Джона в течение всего уикенда не оставляет мне никакого выбора, как только обратиться в суд с целью защитить себя и своих детей; *Me and Mrs. Jones we got a thing going on. And ... it's ... adultery*» (Twitter, 2016) / **Между нами с Миссис Джонс что-то есть. И это ... измена**. Лексема **thing** занимает шестое место в списке наиболее частотных английских существительных, что объясняется ее референтной и концептуальной диффузностью [Ириханова, 2014, с. 105]. Благодаря диффузности, выражения с существительным *thing* способны выводить в фокус внимания различного рода намеки, что и находит свое применение в эвфемизации измены.

Несмотря на наличие оценочной коннотации у единиц *обман, ложь; phony act, hanky-panky, misbehavior, mistake, to cheat, to deceive, to do wrong, to commit misconduct* (все единицы выводят на первый план отклонение от допустимых в обществе поступков), данным словам удастся дефокусировать то, в чем конкретно заключается это отклонение. Ср.: *15 признаков того, что муж вас обманывает. Вот распространенные признаки того, что от вас что-то скрывают* (Е. Сарычева, Домашний очаг); *I know in my*

*heart that if he didn't push me away I never would have **cheated*** (R. Reynolds, Six types of affairs: fallen in love) / В глубине души я знаю, что, если бы он не оттолкнул меня, я бы никогда не стала **обманывать** его.

Выделяется большая группа русских и английских эвфемизмов, в основе образования которых лежит мейозис — замена словом, выражающим «неполноту действия или слабую степень свойства» [Крысин, 2000]: *неверность, faithlessness, disloyalty, unfaithful* и др. Эвфемизмы, основанные на отрицании противоположного, выражают «сдержанное порицание» для отрицательно оцениваемых свойств [Апресян, 1995, с. 312]. Ср.: *Даже если ты ему изменяешь, то это вовсе не предательство или измена, а только **неверность, шалость, момент, счастливая секунда*** (М. Гиголашвили, Экобаба и дикарь, 1998—2007) — лексема *неверность* смягчает эффект высказывания, частично снимает ответственность за поступок. Ср.: *Oh, I have an update on her rumoured **indiscretion**. It's with a foreigner, because she feels that doesn't count*» (The Durrells movie, Season 4) / *Ходят слухи о ее **неблагоразумном поступке**. Она уверена, что с иностранцем это не считается.*

Единицы *прелюбодейание, fornication* приобретают эвфемистическую функцию благодаря своей принадлежности к книжной лексике в отличие от слов с нейтральной или разговорной окраской. Ср.: *На вопрос Лили, верит ли он в Бога, он раздраженно говорит: «Я в факты верю, я юрист, Лилия», после чего популярно объясняет ей, что если об их **связи** никто не узнает, то и **прелюбодейания** нет»* (В. Краснова, Царь гордецов, 2015); *According to him, the board has recorded four rape cases, 149 **fornication**, <...> within the period under review»* (News Agency of Nigeria, Hisbah reconciles 3079 couples in 2020) / *По его словам, коллегия зафиксировала четыре случая изнасилования, 149 случаев **прелюбодейания**, <...> за отчетный период.*

Своеобразным «очарованием» обладают также иноязычные заимствования, например, *адюльтер, in flagrante delicto* (букв. ‘в пылающем преступлении’): «иноязычные слова меньше шокируют и кажутся более благородными» [Видлак, 1967, с. 278]. Ср.: *А вот он подозревает лучшего друга Диму, после его **адюльтера** с Лилей, в присвоении денег* (В. Краснова, Царь гордецов, 2015); *The wife is a good actress, not showing that she's suspecting. I can see through one of my visions that they will be caught in **flagrante delicto*** (Mai Te, Twitter, 2018) / *Жена и виду не подает, что подозревает, но что-то мне подсказывает, что их застукают **на месте преступления**.*

Эвфемизация номинаций измены в любви создается на основе нарочито двусмысленной речи. Одной из ведущих стратегий является метонимическая репрезентация измены как *отношений* вообще, с помощью которой эксплицируется идея «легальности» поступка: *отношения, связь; consensual / inappropriate / long-term relationship, liaison, extramarital connection.*

Представление об измене как об отношениях может конкретизироваться как представление о 1) романтических отношениях: *роман, запретная любовь, любовь на стороне, возлюбленный*; *amour, free love, romance, admirer*; 2) дружеских отношениях: *дружить, завести подружку / друга*; *friend, girlfriend, inappropriate friendship, more than a (good) friend* — с помощью данных единиц профилируется идея непредосудительности такого общения между людьми. Ср.: *Вышла ему навстречу и его неверная жена Клитемнестра, <...> только и ждавшая момента, чтобы убить мужа и царствовать вместе со своим возлюбленным Эгистом ...* (И. Архипова, Музыка жизни, 1996); *Год назад мой муж завел себе подружку, <...>, прямо на рабочем месте. Постепенно все узналось* (Анонимист Шахунский, Твиттер, 2014); *this story reeks of toxic behavior masked as free-love. "People don't belong to each other" is not an excuse for cheating and abandoning your family* (El, Twitter, 2019) / *вся эта история попахивает токсичными отношениями, замаскированными под свободную любовь. То, что люди не принадлежат друг другу, не является оправданием обмана членов своей семьи.*

Метафорический перенос — еще один прием, позволяющий создать завуалированное высказывание. Говорящий сдвигает фокус настолько, насколько ему представляется необходимым для решения прагматической задачи. Эвфемизмы, репрезентирующие измену, имеют в основе своей семантики действие разных метафорических концептов (далее — МК), наиболее продуктивными из которых являются МК РАЗВЛЕЧЕНИЕ / ОТДЫХ, ДВИЖЕНИЕ, ЗАГРЯЗНЕНИЕ — в русской и английской лингвокультурах, СПОРТ — в английской лингвокультуре.

МК РАЗВЛЕЧЕНИЕ / ОТДЫХ актуализирует представление об измене как о приятном времяпрепровождении, захватывающем опыте: *временное развлечение, приключения на стороне*; *adventure, extramarital excursion, jolly, straycation (straying + vacation)*. Ср.: — *Вы о любовнице? Возможно, Леня имел какие-то приключения на стороне, но я не в курсе этого* (А. Троицкий, Удар из прошлого, 2000); *50 % of all long-term relationships are subject to adultery. <...> Men enjoy boasting with their adventures while females keep their mouth shut* (F. Heyne, Will a fling kill your relationship?) / *В 50 % пар, находящихся в длительных отношениях, случаются измены. Мужчины любят хвастаться своими приключениями, женщины предпочитают не распространяться.*

Положительные ассоциации вызывает английское *left-handed honeymoon*: *honeymoon* в первую очередь связано с представлением о каникулах / приятной поездке с любимым человеком, при этом слово *left-handed* вносит дополнительные негативные коннотации: *Here's the bloke David, who had a left-handed honeymoon with a stunner called Bathsheba*» (Stephen

Guthrie, Twitter, 2018) / *Это Дэвид, у которого был медовый месяц на стороне с красоткой по имени Вирсавия.*

Эвфемизмы, имеющие в основе своей семантики МК ДВИЖЕНИЕ, фокусируют внимание на разных его аспектах: *ходить на сторону / налево, гулять / гульнуть / погуливать / пойти / уйти в загул, ходок, гулена* — сема ‘нарушать верность’ вытесняется, при этом сема ‘временно отсутствовать’ выдвигается в интенционал; *мотаться* — в фокусе внимания сема ‘скитаться, слоняться без дела’, при этом суть поступка максимально затемнена; *to chase* — в фокусе внимания *to chase* находится потенциальный контрагент поступка, на который нацелены действия агента поступка; *to chase tail* — потенциальный контрагент поступка обозначается через единицу *tail* — маркирует склонность мужчины к ветреному поведению и в некоторых контекстах может актуализировать значение измены; *to go with* — за счет способности глагола *to go* наполняться разным содержанием в зависимости от ситуации максимально «затемнена» идея противозаконности измены; *to go outside marriage* — *to go* в сочетании с предлогом *out* создает образ, имплицитующий идею выхода откуда-либо: брак символизируется как здание; *to stray, to wander* — глаголы обозначают измену благодаря семе ‘отдаляться от места, где ты должен находиться’, то есть от дома; *errant (husband / wife / partner)* — *errant* профилирует идею заблудшего, сбившегося с пути человека; *to have a roving eye, to have itchy feet* — в основе семантики данных выражений лежит идея мобильности, неспособности оставаться на одном месте; *to creep around, to sneak around, to sneak off with another woman* — метафорический перенос в данных единицах осуществляется на основе акцентирования признака «действовать секретно».

МК ЗАГРЯЗНЕНИЕ воплощает идею порочности поступка, ретушируя его суть: *мутить на стороне; to mess around*. Ср.: *Я не понимаю людей, которые любят человека, а на стороне начинают еще с кем-то мутить, пока тот в отъезде* (Душевный, Твиттер, 2012); *Should a married woman confront the woman she heard was **messing around** with her husband?* (Quora forum) / *Стоит ли жене сводить счеты с женщиной, которая **путается с ее мужем**?*

МК СПОРТ репрезентирует идею заполнения досуга: *to play away / around / away from home, player, to play the field, to hike the Appalachian trail*. Ср.: *Henry VIII beheaded one of his wives for **cheating on him**. Men could **play around** because it didn't undermine their authority but there was nothing resembling **free love** because women could not **play around*** (Fritz Zennist. Twitter, 2016); *Tudge broke a commandment shalt not commit adultery. Also criminal behavior. Pastor Morrison said its ok **to have a wandering eye and play away from home*** (Robert, Twitter, 2016) / *Генри VIII обезглавил одну из своих*

жен за то, что она **обманывала** его. Мужчинам позволялось **заводить интрижки**, поскольку это не подрывало их авторитет, однако никакой **свободной любви** не существовало, так как женщины не могли позволить себе никаких **шалостей**). Эвфемистический потенциал данные выражения приобретают за счет актуализации идеи непредвзятости номинируемого поступка.

5. Заключение

Как показало проведенное исследование, выделяется группа русских и английских эвфемистических единиц, репрезентирующих разные аспекты поступка «измена в любви». В русской лингвокультуре актуализированы 6 слотов: «Агент поступка и его свойства», «Контрагент поступка», «Пациент поступка», «Действие как проявление поступка», «Оценка поступка, агента поступка», «Место совершения поступка»; в английской — помимо указанных слотов, также «Мотив поступка».

Слот «Действие как проявление поступка» является наиболее заполненным эвфемизмами и в русском, и в английском языках. В русском языке по количеству эвфемистических единиц также выделяется слот «Агент поступка, оценка агента поступка», в английском — слот «Контрагент поступка». Данные элементы ситуации в первую очередь подлежат «маскировке», что вызвано, во-первых, желанием скрыть неприятную сторону измены, во-вторых, стремлением смягчить эффект высказывания, в-третьих, представить себя или третье лицо в более выгодном свете.

В основе эвфемизации выражения *измена в любви* в двух языках лежат сходные приемы, наиболее продуктивными из которых являются метонимический и метафорический перенос. Для актуализации значения измены действует одна и та же система концептуально-метонимической и концептуально-метафорической репрезентации. Различия касаются реализации некоторых метафорических концептов, например, в русской лингвокультуре не объективирован МК СПОРТ. Наиболее активным концептом в двух языках в рассматриваемой семантической области следует признать МК ДВИЖЕНИЕ; менее активным — МК ЗАГРЯЗНЕНИЕ, что объясняется ключевой задачей эвфемизации, заключающейся в стремлении завуалировать в речевой практике отрицательные явления, к которым, вне всякого сомнения, относится измена.

Источники и принятые сокращения

1. НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 14.12.2020).

2. Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е. П. Сеничкина. — Москва : Флинта, 2008. — 464 с. — ISBN 978-5-9765-0219-2.

3. *Словарь русского языка* : в 4-х томах / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык, 1985. — Т. 1. — 696 с. — Т. 2. — 736 с.
4. *Ayto J. Wobbly bits and other euphemisms* / J. Ayto. — London : A&C Black, 2007. — 352 p. — ISBN 0713678402.
5. BNC — *British National Corpus* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.english-corpora.org/bnc/> (accessed 19.12.2020).
6. *Collins plain English dictionary*. — London : HarperCollinsPublishers, 1996. — 758 p. — ISBN 0003750566.
7. *Holder R. W. How not to say what you mean. A dictionary of euphemisms* / R. W. Holder. — Oxford : Oxford university press, 2002. — 412 p. — ISBN 0-19-860762-8.
8. *Rawson H. Rawson's dictionary of euphemisms and other doubletalk* / H. Rawson (ed.). — New Jersey : Castle Books, 2002. — 463 p.
9. *Twitter* [Electronic resource]. — Access mode : <https://twitter.com/> (accessed 23.01.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беляевская Е. Г. Культурологическая информация в семантике лексических единиц* / Е. Г. Беляевская // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2007. — № 4. — С. 44—50.
2. *Бушуева Л. А. Категории поступков и их лингвокогнитивное моделирование* : монография / Л. А. Бушуева. — Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2019. — 306 с. — ISBN 978-5-91326-535-7.
3. *Видлак С. Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля* / С. Видлак // Этимология. — Москва : Наука, 1967. — С. 267—285.
4. *Гилинский Я. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения* / Я. Гилинский, В. С. Афанасьев. — Санкт-Петербург : Питер, 1993. — 167 с.
5. *Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования* / О. К. Ирисханова. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — 320 с. — ISBN 978-5-9551-0678-6.
6. *Кацев А. М. Языковое табу и эвфемия* / А. М. Кацев. — Ленинград : Ленинградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена, 1988. — 79 с.
7. *Кашкин Е. В. Семантические роли и сеть конструкций в системе FrameBank* / Е. В. Кашкин, О. Н. Ляшевская // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. — 2013. — № 12 (19). — С. 325—343.
8. *Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной речи* / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). — Москва : ЯРК, 2000. — С. 384—408.
9. *Кучко В. С. Русская диалектная лексика со значением измены в любви : семантико-мотивационный аспект* / В. С. Кучко // Славянский альманах. — 2017. — № 3—4. — С. 479—498.
10. *Макаров М. Л. Основы теории дискурса* / М. Л. Макаров. — Москва : Гнозис, 2003. — 280 с. — ISBN 5-94244-005-0: 2500.
11. *Малькова Я. В. Соперничество любви в зеркале диалектной лексики (на материале говоров Русского Севера)* / Я. В. Малькова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2019. — Т. 11. — Выпуск 3. — С. 47—56. — DOI: 10.17072/2073-6681-2019-3-47-56.

12. Москвин В. П. Эвфемизмы : системные связи, функции и способы образования / В. П. Москвин // Вопросы языкознания. — 2001. — № 3. — С. 58—70.
13. Осетрова Е. В. «Роман» и «конфликт» как типы медийных скриптов : интенсификация оценки (на материале журнала «Караван историй») / Е. В. Осетрова, М. В. Челушкина // Экология языка и коммуникативная практика. — 2016. — № 2. — С. 293—301.
14. Порохницкая Л. В. Концептуальные основания эвфемии в языке (на материале английского, немецкого, французского, испанского, итальянского языков) : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Л. В. Порохницкая, 2014. — 413 с.
15. Торопцева Е. Н. Эвфемистические наименования в аспектах языка, истории, культуры : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. Н. Торопцева, 2003. — 193 с.
16. Evans V. Cognitive linguistics. An Introduction / V. Evans, M. Green. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. — 816 p. — ISBN 9780748618316.
17. Matthews P. H. Euphemism / P. H. Matthews // The Concise Oxford Dictionary of Linguistics. — Oxford : Oxford University Press, 1997. — 464 p. — ISBN 978-0-19-920272-0.
18. Neaman J. C. The Wordsworth Book of Euphemisms : The Hilarious Guide to the Unmentionable / J. C. Neaman, C. G. Silver. — London : Cumberland House, 1995. — 420 p. — ISBN 1-85326-339-7.

MATERIAL RESOURCES

- Ayto, J. (2007). *Wobbly bits and other euphemisms*. London: A&C Black. 352 p. ISBN 0713678402.
- BNC — *British National Corpus*. Available at: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (accessed 19.12.2020).
- Collins plain English dictionary*. (1996). London: HarperCollinsPublishers. 758 p. ISBN 0003750566.
- Evgenieva, A. P. (ed.). (1985). *Dictionary of the Russian language: in 4 v., 2*. Moscow: Russian Language. 696 p. (In Russ).
- Evgenieva, A. P. (ed.). (1985). *Dictionary of the Russian language: in 4 v., 4*. Moscow: Russian Language. 736 p. (In Russ).
- Holder, R. W. (2002). *How not to say what you mean. A dictionary of euphemisms*. Oxford: Oxford university press. 412 p. ISBN 0-19-860762-8.
- NKRYA — *The National corpus of the Russian language*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 14.12.2020). (In Russ).
- Rawson, H. (2002). *Rawson's dictionary of euphemisms and other doubletalk*. New Jersey: Castle Books. 463 p.
- Senichkina, E. P. (2008). *Dictionary of euphemisms of the Russian language*. Moscow: Flint. 464 p. ISBN 978-5-9765-0219-2. (In Russ).
- Twitter. Available at: <https://twitter.com/> (accessed 23/01/2021).

REFERENCES

- Belyaevskaya, E. G. (2007). Cultural information in the semantics of lexical units. *Questions of cognitive linguistics*, 4: 44—50. (In Russ).
- Bushueva, L. A. (2019). *Categories of actions and their linguocognitive modeling: monograph*. Nizhny Novgorod: Publishing House of N. I. Lobachevsky National State University. 306 p. ISBN 978-5-91326-535-7. (In Russ).

- Evans, V., Green, M. (2006). *Cognitive linguistics. An Introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 816 p. ISBN 9780748618316.
- Gilinsky, Ya., Afanasyev, V. S. (1993). *The sociology of deviant (deviant) behavior*. St. Petersburg: Peter. 167 p. (In Russ).
- Iriskhanova, O. K. (2014). *Focus games in the language. Semantics, syntax and pragmatics of defocusing*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 320 p. ISBN 978-5-9551-0678-6. (In Russ).
- Kashkin, E. V., Lyashevskaya, O. N. (2013). Semantic roles and a network of constructions in the FrameBank system. *Computational linguistics and intellectual technologies*, 12 (19): 325—343. (In Russ).
- Katsev, A. M. (1988). *Linguistic taboo and Euphemia*. Leningrad: Leningrad State Pedagogical Institute named after A. I. Herzen. 79 p. (In Russ).
- Krysin, L. P. (2000). Euphemisms in modern speech. In: *Russian language of the end of the XX century (1985—1995)*. Moscow: YARK. 384—408. (In Russ).
- Kuchko, V. S. (2017). Russian dialect vocabulary with the meaning of infidelity in love: semantic and motivational aspect. *Slavic Almanac*, 3—4: 479—498. (In Russ).
- Makarov, M. L. (2003). *Fundamentals of the theory of discourse*. Moscow: Gnosis. 280 p. ISBN 5-94244-005-0: 2500. (In Russ).
- Malkova, Ya. V. (2019). The rivalry of love in the mirror of dialect vocabulary (based on the material of the dialects of the Russian North). *Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology*, 11 (3): 47—56. DOI: 10.17072/2073-6681-2019-3-47-56. (In Russ).
- Matthews, P. H. (1997). Euphemism. In: *The Concise Oxford Dictionary of Linguistics*. Oxford: Oxford University Press. 464 p. ISBN 978-0-19-920272-0.
- Moskvin, V. P. (2001). Euphemisms: system connections, functions and methods of education. *Questions of Linguistics*, 3: 58—70. (In Russ).
- Neaman, J. C., Silver, C. G. (1995). *The Wordsworth Book of Euphemisms: The Hilarious Guide to the Unmentionable*. London: Cumberland House. 420 p. ISBN 1-85326-339-7.
- Osetrova, E. V., Chelushkina, M. V. (2016). “Novel” and “conflict” as types of media scripts: intensification of evaluation (based on the material of the magazine “Caravan of Stories”). *Ecology of language and communicative practice*, 2: 293—301. (In Russ).
- Porokhnitskaya, L. V. (2014). *Conceptual foundations of euphemia in language (based on the material of English, German, French, Spanish, Italian)*. Doct. Diss. 413 p. (In Russ).
- Toroptseva, E. N. (2003). *Euphemistic names in aspects of language, history, culture*. PhD Diss. 193 p. (In Russ).
- Vidlak, S. (1967). The problem of euphemism against the background of the theory of the language field. In: *Etymology*. Moscow: Nauka. 267—285. (In Russ).

Головкин Н. В. Обзор актуальных исследований транслангизации как коммуникативной практики мультилингвов / Н. В. Головкин, Д. В. Шейко // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 60—90. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-60-90.

Golovko, N. V., Sheiko, D. V. (2021). Review of Current Research on Translanguaging as a Communicative Practice of Multilinguals. *Nauchnyi dialog*, 7: 60-90. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-60-90. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-60-90

Обзор актуальных исследований транслангизации как коммуникативной практики мультилингвов

Головкин Николай Вячеславович

orcid.org/0000-0003-1703-5042

кандидат филологических наук, доцент
кафедра культуры русской речи
для технических специальностей
ngolovko@ncfu.ru

Шейко Дарья Владимировна

orcid.org/0000-0003-2260-8394

кандидат филологических наук, доцент
кафедра культуры русской речи
для технических специальностей
dsheiko@ncfu.ru

Северо-Кавказский федеральный
университет
(Ставрополь, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке гранта
Президента Российской Федерации
для государственной поддержки молодых
российских учёных — кандидатов наук
(номер гранта: МК-4297.2021.2)

Review of Current Research on Translanguaging as a Communicative Practice of Multilinguals

Nikolay V. Golovko

orcid.org/0000-0003-1703-5042

PhD in Philology, Associate Professor
Department of Russian Speech Culture
for Technical Specialties
ngolovko@ncfu.ru

Daria V. Sheiko

orcid.org/0000-0003-2260-8394

PhD in Philology, Associate Professor
Department of Russian Speech Culture
for Technical Specialties
dsheiko@ncfu.ru

North Caucasus Federal University
(Stavropol, Russia)

Acknowledgments:

The study was funded by President
of the Russian Federation's grant for
state support of young scholars —
candidates of sciences
(grant number: MK-4297.2021.2)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос об актуальных проблемах и перспективных направлениях исследований трансязычия как коммуникативной практики мультилингвов в англоязычных и русскоязычных научных публикациях последних лет. Представлены результаты сопоставительного анализа научных работ по трансязычию с выделением ключевых опорных идей и концепций. Новизна исследования видится в том, что настоящий обзор обобщает современные публикации по трансязычию как коммуникативной практике, ещё не анализировавшиеся или в недостаточной степени освещавшиеся в сходных обзорных работах. Актуальность исследования обусловлена тем, что трансязычие представляет собой новую в историческом масштабе идею, приобретающую значительную популярность в течение последних лет, что в свою очередь вызывает потребность в систематизации и упорядочении массива научных работ, накопившихся за это время. Выполнен обзор предлагаемых различными авторами подходов к содержанию понятия «трансязычие» в тех случаях, когда последнее рассматривается как коммуникативная практика, а также методологических принципов и фундаментов, на которых строятся различные исследования трансязычия как коммуникативной практики. На основе анализа публикаций выделены возможные проблемы и перспективные направления исследований по трансязычию.

Ключевые слова:

трансязычие; транслингвизм; коммуникативная практика; мультилингвы; обзор; прикладная лингвистика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issue of topical problems and promising areas of research of translanguaging as a communicative practice of multilinguals in English-language and Russian-language scientific publications of recent years is considered in the article. The results of a comparative analysis of scientific works on translanguaging, highlighting key supporting ideas and concepts, are presented. The novelty of the research is seen in the fact that modern publications on translanguaging as a communicative practice that have not yet been analyzed or sufficiently covered in similar review works are summarized. The relevance of the study is due to the fact that translanguaging is a new idea on a historical scale, which has gained significant popularity over the past years, which, in turn, causes the need to systematize and streamline the array of scientific works that have accumulated during this time. A review of the approaches proposed by various authors to the content of the concept of “translanguaging” in those cases when the latter is considered as a communicative practice is performed, as well as of the methodological principles and foundations on which various studies of translanguaging as a communicative practice are built. Based on the analysis of publications, possible problems and promising areas of research in translanguaging are highlighted.

Key words:

translanguaging; translanguism; communicative practice; multilinguals; overview; applied linguistics.

Обзор актуальных исследований трансязычия как коммуникативной практики мультилингвов

© Головкин Н. В., Шейко Д. В., 2021

1. Введение

Теоретический обзор отечественных и зарубежных источников по теме трансязычия как коммуникативной практики является начальным этапом научно-исследовательской работы авторов данной статьи по проекту «Трансязычные и мультиязычные коммуникативные практики иностранных студентов в российском вузе», поддержанному грантом Президента РФ для молодых учёных — кандидатов наук.

Трансязычие (translanguaging) — новая в историческом масштабе концепция, истоки которой обычно возводят к лингводидактическим работам К. Уильямса (C. Williams) 1994—1996 годов. В наиболее общем виде её можно понимать как идею об одновременном и равноправном применении разных языков, средства которых составляют так называемый «репертуар» многоязычного человека, без выстраивания иерархии языков с выделением среди них «главных» и «второстепенных», в том числе — в лингводидактическом учебном процессе. Представляется возможным утверждать, что в последнем случае данная концепция позиционируется как приходящая на смену традиционным представлениям об обучении неродным языкам, где принято выделять основной язык, являющийся целью такого обучения, и сопутствующий язык (либо их совокупность), обычно — родной, рассматриваемый как источник позитивного или негативного влияния на усвоение основного. Сущность трансязычия, однако, всё ещё остаётся предметом дискуссий, и конкретизация данного термина является одной из задач настоящей статьи.

Другая задача статьи — составить обобщённое представление о том, каким образом трансязычие исследуется в отечественных и зарубежных научных работах последних лет, в первую очередь — как коммуникативная практика студентов вузов. Это позволит нам в дальнейшем выстраивать методологию сбора и обработки речевых образцов для нужд нашего исследовательского проекта. Третья существенная задача — выделить наиболее перспективные и требующие внимания вопросы и направления научной работы по трансязычию. Постановка этих задач обусловлена проблемой исследования: трансязычие как новое направление нуждается в упорядочении и систематизации разрозненных индивидуальных достижений учё-

ных, педагогов и их групп, в критической оценке различных подходов и интерпретаций, предложенных к настоящему моменту, а также в очерчивании перспектив и проблем, требующих решения.

В рамках предварительных замечаний отметим, что термин *мультилингв* мы используем в широком значении, охватывая им всех тех, кто не моноязычен. Этот подход в целом согласуется с принципами, которым следуют основные идеологи трансязычия (например, О. Гарсия, см. далее), и представляется нам допустимым. В качестве мультилингва при изучении трансязычия может рассматриваться как тот, кто владеет несколькими языками с рождения, так и тот, кто только начал изучать неродной язык (для последних нью-йоркская школа трансязычия предлагает, например, термин *emergent bilinguals*, то есть *начинающие билингвы*).

2. Материалы и методы

Для теоретического обзора источников отбирались англоязычные и русскоязычные научные статьи и монографии по теме трансязычия за последние 10 лет с полнотекстовым открытым доступом, преимущественно в рецензируемых научных изданиях, в том числе проиндексированные в библиографических базах данных, таких как Web of Science, Scopus, Google Scholar, РИНЦ, а также размещённые в репозиториях ResearchGate и «Киберленинка». Приоритет отдавался работам, в которых трансязычие рассматривалось как коммуникативная практика студентов вузов. Общее количество публикаций, отобранных для обобщения в настоящей статье, составило 45.

При работе с материалом использовались общенаучные методы сравнения, анализа и синтеза. Представление результатов и их обсуждение организованы по тематическому принципу, где каждую выделенную нами значимую тему представляют несколько публикаций, рассмотренных более или менее подробно по мере нашего личного представления об их новизне и размере их вклада в соответствующую область.

3. Научные публикации по вопросам трансязычия

3.1. Англоязычные научные публикации по трансязычию как коммуникативной практике мультилингвов

Обобщая, можно сказать, что в англоязычных публикациях последних лет трансязычие рассматривается с нескольких различных, хотя и пересекающихся, точек зрения: как педагогический метод, коммуникативная практика, лингвистическая теория и общественная идеология. Каждый из этих вариантов заслуживает рассмотрения и комментирования, однако, учитывая ограниченный объём научной статьи и тематику нашего ис-

следовательского проекта, мы намеренно фокусируем внимание только на втором из этих подходов.

3.1.1. Определение трансязычия как коммуникативной практики

В собранных нами для обозрения публикациях можно найти около 80 вариантов понимания и определения трансязычия, не считая повторяющихся. Перечисление всего этого разнообразия было бы, на наш взгляд, неоправданным при всей своей познавательности, поэтому мы сосредоточимся на относительно небольшом количестве узловых идей, которые так или иначе прослеживаются в большинстве интерпретаций.

Представляется уместным начать с обобщающих умозаключений исследователя из Пенсильванского университета С. Канагараджа, которые содержатся в его работе «Translanguaging in the classroom: emerging issues for research and pedagogy» [Canagarajah, 2011]. Этот автор известен среди учёных, занимающихся трансязычием, и его труды часто цитируются в последующих работах иных специалистов в качестве теоретической отправной точки. Стоит отметить, что во вводной части упомянутой статьи [Ibid., p. 2] дан перечень терминов, соотносящихся с трансязычием или конкурирующих с ним; в общей сложности автор приводит 12 терминологических слов и выражений, предложенных исследователями в разное время, а также перечисляет контексты, в которых может проявляться трансязычие как коммуникативная практика.

С. Канагараджа постулирует ряд ключевых тезисов о сущности трансязычия, которые впоследствии в той или иной форме обнаруживаются во многих других источниках: многоязычная личность формирует из ресурсов известных ей языков единый «репертуар», компоненты которого далее использует для достижения своих коммуникативных целей как целостную систему, так что у этой личности формируется так называемая «мультикомпетенция», которая не является простой суммой уровней владения разными языками, а следовательно, целью обучения становится именно построение этого репертуара, а не достижение максимально возможного мастерства в каждом отдельном языке.

Лексические и грамматические языковые средства при этом обычно не различаются, то есть в коммуникативный репертуар мультилингва входит и то, и другое; данное обстоятельство подчёркивается, например, в одной из недавних работ В. Ли [Li, 2016], заметного теоретика трансязычия, также часто цитируемого в иных исследованиях. Говоря о сущности рассматриваемого явления, он предлагает связывать с префиксом *транс-* такие три особенности многоязычных коммуникативных практик, как выход за пределы языковых систем и видов речевой деятельности (включая перемещение между ними), трансформативность (преобразующий потенциал,

развитие навыков и умений многоязычного человека, формирование его идентичности), трансдисциплинарность [Ibid., p. 8]. В. Ли в своей интерпретации термина *translanguaging* отталкивается от понятия «*language*», примерного эквивалента «*langage*» Ф. де Соссюра, которое можно было бы связать с термином *речевая деятельность*. Заметим к слову, что с этой точки зрения *трансязычие* — не совсем точный перевод термина *translanguaging*, поскольку вызывает смысловые ассоциации с состоянием чего-либо или кого-либо, в то время как в оригинале имеется в виду процесс, активность говорящего или пишущего.

Как С. Канагараджа, так и В. Ли в той или иной форме акцентируют внимание на интересном уподоблении трансязычия переключению между территориальными, социальными и стилистическими разновидностями одного языка. На этой почве они и их последователи высказывают идею о том, что никто из нас не является в полном смысле слова одноязычным и разница между моноязычием и мультиязычием может быть, в сущности, сведена к широте упоминавшегося выше репертуара: у тех, кого принято называть билингвами или мультилингвами, есть больше способов и средств выразить мысль или реализовать иную коммуникативную цель, и они применяют эти способы и средства сообразно ситуации — точно так же, как, например, в официальной обстановке говорящий или пишущий подбирает языковые ресурсы, отвечающие требованиям делового стиля речи.

По этому поводу отметим также статью Дж. Симпсона «*Translanguaging in the contact zone: language use in superdiverse urban areas*» [Simpson, 2015], где различаются несколько видов трансязычия: межязыковое, внутриязыковое, межсемиотическое и междискурсивное. В частности, примером внутриязыкового (intralingual) многоязычия автор предлагает считать переходы от специализированных регистров, таких как язык науки и техники, к повседневному языку и обратно [Ibid., p. 219]. Важно упомянуть и о том, что понятие трансязычия в рассмотренных нами публикациях часто связывают с мультимодальностью, понимаемой как переключение между видами речевой деятельности и способами передачи и представления информации в рамках одного речевого произведения. Характерным примером выступает общение в интернете, где текстовые сообщения дополняются изображениями или видеороликами.

Во многих работах используется определение, предлагаемое идеологическим лидером нью-йоркской школы трансязычия О. Гарсией и её соратниками, см., например: [Vogel et al., 2017]). Ньюйоркцы рассматривают трансязычие в первую очередь как педагогическую практику, в рамках которой приветствуется и поддерживается использование учащимися всех доступных им языковых ресурсов безотносительно к так называемым «именно-

ванным» (named) языкам (то есть тем, которые названы по национальности носителей: английский, китайский и т. п.), а также предпринимают попытки возвести трансязычие на уровень глобальной лингвистической теории, позиционируемой как вызов структурализму. На эти подходы и интерпретации наслаиваются дополнительные максимы идеологического характера, повествующие о социальной справедливости, борьбе с национализмом и наследием колониальной политики. В рамках данного обзора мы позволим себе не касаться этой обширной темы; в той части, которая описывает трансязычие как коммуникативную практику, нью-йоркская школа в целом повторяет тезисы С. Канагараджи, которые мы упоминали выше.

Стоит, впрочем, добавить, что именно в работах О. Гарсии и её единомышленников особенно отчётливо прослеживается идея, которую можно назвать «созданием смысла» (sense-making). Эта концепция нередко находит применение и в их определениях трансязычия. По мнению ньюйоркцев, мультилингвы пользуются трансязычием для осмысления (в том числе более полного) окружающей действительности, а также для конструирования значений. Упрощая, можно сказать, что для этих исследователей первично именно значение, которое хочет выразить в своей речи говорящий или пишущий, а далее это значение воплощается любыми доступными ему и подходящими для его целей коммуникативными средствами из разных языков.

Возвращаясь к С. Канагарадже и составленному им теоретическому фундаменту его статьи, остановимся на одном из аспектов вопроса о терминологическом разнообразии рассматриваемой предметной области. После того как идеологи трансязычия заговорили о нём как о коммуникативной практике, они столкнулись с необходимостью отграничить его от описанного ранее феномена, известного как «переключение кода» (code-switching), и эта тема тем или иным образом звучит во многих работах из нашей выборки. Сущность переключения кода действительно можно выразить схожим образом: порождая высказывание, говорящий или пишущий переключается между разными языками. В отдельных случаях исследователи употребляют этот термин в качестве близкородственного *трансязычию*, как, например, в [Clarkson, 2020]; в иных работах обсуждается их разведение, см., в частности [Lin et al., 2017]). Нью-йоркская школа и В. Ли придают этой разнице идеологическое измерение, называя ключевым отличием трансязычия его трансформационный потенциал и отказ от идеи различения «именованных» языков. Обобщая выборку, с которой мы работали, можно прийти к выводу, что в основном в исследованиях последних лет переключение кода рассматривают в составе трансязычия наряду с другими близкими коммуникативными практиками; пример такого подхода можно найти в работе [Daniel et al., 2016]. При этом представ-

ляется интересным отметить, что авторы столь же часто вводят в состав трансязыковых коммуникативных практик и обычный перевод с одного языка на другой, следуя педагогическим идеям нью-йоркской школы, как, например, это сделано в [Kiramba, 2017]. Мы обнаружили в выборке только одну публикацию, где предлагается различать трансязычие и перевод: коллектив авторов из Бирмингемского университета даёт им определения по отдельности и рассматривает их как коммуникативные практики параллельно [Creese et al., 2018].

Обобщение и систематизация публикаций показывают, что в исследованиях эмпирического толка, которые интересуют нас прежде всего, авторы, как правило, ограничиваются общим определением трансязычия, взятым у кого-либо из упомянутых выше ключевых теоретиков (С. Канагараджи, В. Ли, О. Гарсии и др.), и — что важно — не конкретизируют его применительно к своим исследовательским материалам, то есть не указывают, что именно они будут считать проявлениями трансязычия в собранных ими речевых образцах. Анализ расшифровок аудиозаписей и других подобных данных, которые содержатся в этих статьях, свидетельствует о том, что исследователи считают трансязычными любые высказывания, состоящие из единиц разных коммуникативных систем: включение отдельной лексемы одного языка в предложение на другом языке, повтор целого предложения на разных языках, постановку вопроса на одном языке и ответ на него на другом и т. п., вплоть до интернет-сообщений с эмотиконами (эмодзи). С долей условности одним из немногочисленных исключений можно назвать работу М. Мартин-Белтран «“What Do You Want to Say?”: how adolescents use translanguaging to expand learning opportunities» [Martin-Beltran, 2014], где автор вводит понятие речевого оборота (speech turn) и указывает, что трансязычием она будет считать использование нескольких «“социально сконструированных языков”, таких как испанский и английский» [Martin-Beltran, 2014, с. 215], в пределах одного оборота или между несколькими оборотами (в некоторых других исследованиях применяются более привычные выражения «*intrasententially*» и «*intersententially*» соответственно). Также следует заметить, что, хотя в парадигме трансязычия, как уже было отмечено выше, не проводится принципиального различия между применением лексических и грамматических средств разных языков, де-факто авторы публикаций из нашей подборки ориентируются преимущественно на лексическое трансязычие.

В контексте этого подраздела можно упомянуть исследование Дж. Дуарте «Translanguaging in mainstream education: a sociocultural approach» [Duarte, 2019]. Хотя предметом изучения в нём были коммуникативные практики старших школьников, оно представляет для нас интерес не толь-

ко вследствие близости таких учащихся к студенчеству, но и благодаря аналитичному подходу к типологии трансязычия в учебном процессе. Так, среди прочих статистических выкладок представлено распределение частотности трансязычия в различных типах речевых актов (лидируют «утверждение», «спрашивание» и «информирование») [Ibid., p. 157], а в заключительной части дан перечень коммуникативных целей, для которых применяется трансязычие [Ibid., p. 162].

Итак, в англоязычных публикациях последних лет трансязычие в качестве коммуникативной практики рассматривается преимущественно как использование целостной системы всех доступных многоязычному индивиду языковых ресурсов, позволяющее максимизировать коммуникативный эффект в зависимости от ситуации (целей, участников и обстановки). По мере приближения к настоящему времени сущность трансязычия (включая его широкое понимание) постепенно конкретизируется и уточняется (ср. [Li et al., 2018]), в том числе под влиянием критики, см., например: [De Meulder et al., 2019]). Ясное и ёмкое обобщение особенностей развития трансязычия до 2017 года можно найти в руководстве «Routledge Handbook of Migration and Language» под редакцией С. Канагараджи [Blackledge et al., 2017].

3.1.2. Методологии исследований по трансязычию как коммуникативной практике

Отметим ещё одну работу В. Ли «Moment Analysis and translanguaging space: discursive construction of identities by multilingual Chinese youth in Britain» [Li, 2011] (см. также последующее развитие темы в [Li et al., 2013]), которая так же, как и исследование С. Канагараджи, освещенное в предыдущем подразделе, относится к началу обозреваемого нами интервала времени и определённым образом примечательна — в данном случае тем, что в ней предлагается авторский методологический подход, называемый «анализом моментов». В. Ли исходит из идеи о том, что современная лингвистика, по его мнению, чрезмерно увлекается обобщениями, поиском шаблонов, образцов и тенденций, которые являются не более чем долговременными следствиями оригинальных и моментальных действий индивидов. Следовательно, именно эти конкретные моменты, в которых проявляется трансязычие, необходимо фиксировать и анализировать с фокусом на том, как люди выражаются и самопозиционируются в метаязыковой практике [Ibid., p. 1224]. Исследователь очерчивает круг методов, используемых в рамках данного подхода: наблюдение естественного коммуникативного взаимодействия и его запись, фиксация комментариев человека по поводу его собственных языковых практик, в том числе в ходе индивидуального и группового интервьюирования, запись диалогов, изучение дневников и автобиографий и т. п.

Обобщённо говоря, этот спектр исследовательских методов является почти исчерпывающим: хотя отнюдь не все авторы рассмотренных нами статей ссылаются на В. Ли и пользуются его методом «анализа моментов», почти любое взятое наугад из нашей выборки исследование по трансязычию как коммуникативной практике будет основано именно на таких инструментах и операциях. Например, концептуально аналогичный подход применяется в уже упоминавшейся работе [Martin-Beltran, 2014], где схожие идеи называются «микрогенетическим анализом» и «исследованием лингвистически релевантных эпизодов» [Ibid., p. 210, 214].

Сопутствующим ответвлением методологии исследований трансязычия является анкетирование, как правило, с целью выяснить отношение учащихся и преподавателей к трансязыковым коммуникативным практикам, хотя такие исследования сравнительно немногочисленны в нашей выборке. Конечно, есть и работы, где анкетирование сочетается с наблюдением, как, например, в статье Э. Карузо «Translanguaging in higher education: using several languages for the analysis of academic content in the teaching and learning process» [Caruso, 2018]. Заметим, что данная статья может вызвать интерес и по иным причинам: например, автор предлагает различать у многоязычных людей «актуальный репертуар» и «полный репертуар» [Ibid., p. 70] по аналогии с активным и пассивным словарным запасом, а также фокусирует внимание на различиях между спонтанным и преднамеренным трансязычием, показывая примечательные особенности последнего в том случае, если к нему прибегает преподаватель. (Впрочем, преднамеренное использование трансязычия преподавателями относится уже к области трансязычия как педагогического метода, поэтому в рамках данного обзора мы не будем рассматривать его подробно.) Иногда для выяснения отношения к трансязычию применяется и интервьюирование, как, например, в публикации [Ganuza et al., 2017]. Китайский автор Д. Ван сочетает анкетирование студентов с интервьюированием преподавателей и наблюдением за ходом занятий, демонстрируя тем самым весьма широкий методологический охват [Wang, 2019].

Заметной особенностью методологии ряда исследований по трансязычию как коммуникативной практике является стремление к индивидуализации. Это отчасти ясно по использованию интервьюирования в качестве исследовательского инструмента, однако приобретает дополнительную рельефность за счёт того, что нередко авторы применяют метод кейс-стади и работают с чрезвычайно малочисленными наблюдаемыми. Так, в статье В. Ли, о которой мы говорили в начале подраздела, рассматриваются коммуникативные практики троих студентов китайского происхождения, обучающихся в английском университете, а, например, работа Б. Шрайбер «“I am

what I am”: multilingual identity and digital translanguaging» [Schreiber, 2015] основана на интернет-активности одного студента. В подобных случаях участники, как правило, подбираются целенаправленно на основе предварительно заданных критериев, как это сделано, например, в [Daniel et al., 2016].

Говоря о контингенте исследований, отметим вкратце, что статьи о трансязыковых коммуникативных практиках студентов университетов относительно немногочисленны. Это не только следует из нашей выборки, где большая часть публикаций касается школьников и дошкольников (типовой пример последнего случая — недавняя работа [Seals et al., 2020]), но и фиксируется другими авторами, например Элизой Карузо (смотреть выше). Ещё реже встречаются статьи о взрослых, такие как уже упоминавшийся нами материал бирмингемских учёных [Creese et al., 2018]. В поле зрения исследователей попадают билингвы и мультилингвы, что вполне естественно, поскольку концепция трансязычия неразрывно связана именно с многоязычными индивидами и их коммуникативными действиями; в рефлексивной статье П. Кларксона [Clarkson, 2020] содержится указание на то, что исследований по восприятию трансязычных практик моноязычными людьми явно недостаточно, и наша выборка также свидетельствует об этом.

Мы также готовы согласиться с тезисом Э. Карузо [Caruso, 2018, с. 68] о том, что в подавляющем большинстве случаев в исследованиях по трансязычию так или иначе участвует английский язык. Он рассматривается в научных трудах с позиций выполняемых им функций: английский как лингва франка (ELF, см., например [Batziakas, 2017]), английский как средство обучения (EMI, подробно разбирается, в частности, в работе Т. Ишикавы «EMF and translanguaging in the Japanese EMI higher education context» [Ishikawa, 2021]), как средство коммуникации в классе или, например, как инструмент усвоения предметного содержания неязыковых дисциплин в рамках концепции CLIL (предметно-языкового интегрированного обучения) — этому посвящена, в частности, уже упоминавшаяся публикация А. Лин и П. Хе [Lin et al., 2017].

Развивая тему предметно-языкового интегрированного обучения, нельзя не отметить примечательную концептуализацию, предложенную коллективом шведских учёных в статье «Multilingual students’ use of translanguaging in science classrooms» [Karlsson et al., 2019]. Отталкиваясь от идеи о том, что заметное место в научном знании и рассуждении занимают парадигматичные по своей природе таксономические отношения, авторы обращают внимание на связь «парадигматика языка — парадигматика научных концепций» и отмечают, что с использованием родного языка учащиеся проще усваивают вышеупомянутые отношения, а следовательно, и научные концепции, которые они изучают. В работе также упоминается, что «домашний» язык

тяготее к сфере повседневного общения, а второй (условно говоря, «школьный») — к области научного знания; следовательно, учащиеся склонны применять родной язык, связанный с их жизненным опытом, для семантизации научных терминов на втором языке, то есть для наполнения абстракций конкретизирующими смыслами [Ibid., p. 2052—2054].

Отметим также, что, несмотря на популяризацию дистанционной работы в 2020 году, в нашей выборке почти не оказалось работ о специфике онлайн-обучения. Эта тематическая область рассматривается только в публикации В. Ли и Е. Вин «Language learning sans frontiers: a translanguaging view» [Li et al., 2018], о которой мы уже говорили. Вероятно, такие работы ещё не успели появиться.

Наконец, ещё одним методологическим ответвлением является описание «лингвистических ландшафтов» (linguistic landscaping). Этот подход представлен в статье Дж. Симпсона [Simpson, 2015] и частично воспроизводится в исследовании ещё одного — шведского — коллектива учёных [Straszer et al., 2020], занимавшихся трансязычными коммуникативными практиками на уроках родной речи в начальной школе. Суть метода заключается в увязывании трансязычия с физическим контекстом и окружением, например, путём фотографирования вывесок на нескольких языках, которые часто встречаются во многонациональных (так называемых «сверхразнообразных») городских микрорайонах. В работе шведского коллектива классная комната выступает в роли осязаемого пространства, в границах которого существует родная речь школьников.

В качестве промежуточного итога по подразделу скажем, что типовой для нашей выборки публикаций методологический сценарий — это лонгитюдное (1—3 года) исследование, построенное на «этнографическом» наблюдении за коммуникативным взаимодействием преподавателя и учащихся в классе или аудитории (иногда — с участием самого исследователя, как, например, в [Torpsten, 2018]), фиксации происходящего посредством письменных заметок исследователя вкупе с аудио- и видеозаписью, интервьюировании, расшифровке и последующем анализе собранных таким образом речевых образцов. Представляется возможным утверждать, что именно так видит эмпирическую работу большинство исследователей трансязычия. Термин «*этнографическое*» мы берём в кавычки потому, что здесь он отражает не столько цель, сколько стиль наблюдения.

3.1.3. Актуальные проблемы и перспективные магистральные направления в англоязычных публикациях по трансязычию как коммуникативной практике

Начнём с обобщённого описания проблем, на которые обратили внимание при изучении отобранных публикаций.

На наш взгляд, наиболее значимой проблемой многих рассмотренных нами исследований по трансязычию является (как на уровне понимания термина, так и на уровне методологии) принципиальная субъективность. Дж. Симпсон приводит слова идеолога нью-йоркской школы трансязычия О. Гарсии: «Translanguaging takes an internal view of speakers whose mental grammar has developed in social interaction with others» [Simpson, 2015, с. 218] / «Трансязычие подразумевает взгляд изнутри тех говорящих, чья ментальная грамматика развилась в социальном взаимодействии с другими»¹. Действительно, теоретические концепции трансязычия предполагают, как правило, «взгляд изнутри», постулируя, что мультилингв не различает системы «именованных» языков и объединяет их ресурсы в целостный репертуар, — но подтвердить или опровергнуть это, в сущности, может только сам мультилингв путём интроспекции, и никаких попыток объективно верифицировать эту идею — скажем, при помощи эксперимента — мы не обнаружили. Кроме того, как уже упоминалось выше, известные теоретики (в лице В. Ли, например) призывают отходить от обобщений, исследуя вместо этого идиолекты отдельно взятых людей в конкретных ситуациях. Значительная часть работ — характерными примерами могут быть [Daniel et al., 2016] или [Schreiber, 2015] — опирается на интервьюирование (то есть, по сути, на ту же самую интроспекцию), когда, например, участника просят вспомнить, что он имел в виду и хотел сказать в том или ином коммуникативном акте, и, исходя из этого, определяют, «трансязычил» он или нет; при этом мы не увидели в отобранных работах попыток учесть вероятность того, что интервьюируемый может намеренно или ненамеренно дезинформировать исследователя. Напомним по этому поводу, что авторы работ из нашей выборки редко указывают, что именно будет квалифицироваться как трансязычие в речевых образцах; отсюда вырастает актуальный, на наш взгляд, проблемный вопрос об объективных критериях выявления трансязычия. Нам как исследователям, безусловно, хотелось бы избежать подхода, при котором установить факт трансязычия можно только спросив человека о его коммуникативных намерениях. По-видимому, учёные и специалисты полагают, что необходимый уровень объективности обеспечивается использованием метода наблюдения при сборе данных; с этим трудно было бы спорить, но в то же время мы должны заметить, что здесь есть свои нюансы, например, в ряде случаев велась видеозапись с нескольких ракурсов (см. [Karlsson et al., 2019]), что не позволяло избежать влияния самого процесса наблюдения на происходящее. Отчасти этот эффект сглаживался за счёт лонгитудно-

¹ Перевод наш. — Н. Г., Д. Ш.

сти: наблюдаемые постепенно привыкали к видеокамерам и диктофонам, к присутствию исследователя и т. д.

Из этой проблемы вытекает сопутствующий тезис: нам представляется, что авторы изученных нами публикаций по трансязычию чрезмерно увлечены индивидуальностью и на этой почве готовы отрицать общественное. Выражаясь образно, они практикуют социолингвистику без социума и этнографию без этноса. Одним из проявлений таких предпочтений является осуждение нормы в привычном нам понимании: утверждается, например, что фактической нормой является именно трансязычие, в то время как государственные требования по использованию одного официального языка — своеобразный пережиток прошлого, отражающий националистическую идеологию превосходства одного языка над всеми остальными [Simpson, 2015, с. 221]. Складывается впечатление, что теоретики трансязычия предлагают признать бесконечное разнообразие индивидуальных идиолектов и отказаться от попыток стандартизации языков (тем более что, как уже говорилось выше, само понятие языка как системы с чёткими границами в рамках их концепции считается вымыслом). Кажется странным, что специалисты по социолингвистике (например, упоминавшийся выше Дж. Симпсон) обходят вниманием мысль об объединяющей природе нормы: вполне можно назвать азбучной истиной тезис о том, что система норм (иначе говоря, литературный язык) изначально создавалась ради того, чтобы гарантировать взаимопонимание между людьми независимо от их происхождения, рода занятий и т. п. В этом смысле можно назвать общественную языковую норму значительно более способствующей искомому равенству между людьми, нежели трансязычие с его имплицитной необходимостью подстраиваться под индивидуальный репертуар каждой личности.

Ещё одним измерением трансязычия как коммуникативной практики, которое можно обозначить как проблему, является его психологический аспект. С одной стороны, для мультилинга трансязыковое общение является более комфортным, в том числе с точки зрения учебной деятельности: снижается уровень стресса, высвобождаются ресурсы, которые можно потратить, например, на более глубокое осмысление предметного содержания дисциплины. С другой стороны, трансязычие может быть дискомфортным для тех собеседников мультилинга, которые не понимают части сказанного, так как не говорят на одном из языков мультилинга. Упоминания о таком дискомфорте есть в том числе и в работах главных теоретиков трансязычия, например, у С. Канагараджи [Canagarajah, 2011]. П. Кларксон пишет в [Clarkson, 2020], что вопрос о восприятии трансязычия моноязычными людьми никак не изучен и требует исследовательского внимания. Здесь нам кажется важным отметить, что трансязыковая коммуникативная практика,

на наш взгляд, изначально требует презумпции понимания, то есть говорящий или пишущий исходит из предположения, что все используемые им языковые средства будут понятны собеседнику или читателю. Подобный тезис можно найти, например, в [Duran et al., 2014], где об участнице исследования говорится, что она «действовала исходя из допущения, что всем её собеседникам было удобно и все они могли понять её как на испанском, так и на английском» («... acted on the premise that all of her interlocutors were comfortable and could understand her in both Spanish and English») [Duran et al., 2014, с. 375]. Только в таком случае — при приблизительном единстве репертуаров, а не при спорадическом их совпадении — коммуникативный потенциал трансязычия будет раскрыт полностью.

Обозначим также проблемный вопрос о соотношении между трансязычием и различными уровнями языковой структуры. Как было отмечено ранее, в теоретических определениях эти уровни не разделяются, будучи перечисляемыми через запятую, но фактически авторы изученных нами статей обращают внимание преимущественно на лексическое трансязычие. Представляется, что в этот вопрос следовало бы внести ясность, установив, однородны ли трансязыковые явления, наблюдаемые на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях, и если эти феномены гетерогенны, то какова природа неязыковых различий между ними. Не вполне очевидной кажется нам и идея о том, что перевод (повторение одного и того же на нескольких языках) следует включать в состав трансязыковых коммуникативных практик. В ряде работ (например, в [Daniel et al., 2016]) предпринимаются попытки составлять перечни таких практик на основе результатов прикладных исследований, но дальнейшая работа по их обобщению в стройную теоретическую систему, как нам представляется, ещё предстоит.

Завершая обзор проблем, требующих решения, укажем на то, что в большинстве рассмотренных нами публикаций исследуется такой вариант трансязычия, при котором единицы родного языка включаются в высказывания на неродном. Для нашего исследовательского проекта представляют интерес сценарии, где единицы одного неродного / иностранного языка проникают в речевые произведения на другом изучаемом языке (в тех условиях, когда участники коммуникативного взаимодействия не имеют общего родного языка); кажется возможным утверждать, что в статьях и монографиях последних лет эти варианты не получали широкого освещения.

Перейдём далее к освещению магистральных направлений и идей, которые активно развиваются сейчас и, вероятно, перспективны для дальнейшей исследовательской работы. Заметной и популярной темой применительно к трансязычию является так называемое «сверхразноо-

бразие» — социологическая и социолингвистическая концепция, утверждающая особый характер действий и состояний людей в местах, характеризующихся чрезвычайным этническим, культурным, языковым и прочим разнообразием. На рассматриваемый нами интервал времени пришлось, в частности, работа крупного исследовательского проекта TLang, см., например [Simpson, 2015; Creese et al., 2018; Blackledge et al., 2017], в рамках которого изучались трансязыковые коммуникативные практики в сверхразнообразных городских районах в Великобритании. В указанных выше трёх работах (и в некоторых других) к описанию сверхразнообразия присоединяется изучение экономических взаимоотношений, которые рассматриваются как располагающие к подобной коммуникации. Заметим к слову, что изучение контекстов трансязычия (то есть ситуаций, в которых оно проявляется) также можно считать перспективным направлением для дальнейших исследований: из имеющейся в нашем распоряжении литературы всё ещё неясно, в любом ли контексте возможны и эффективны такие коммуникативные практики.

Другое потенциально плодотворное направление — изучение трансязычия как креативной речевой деятельности. В число основоположников этой идеи можно включить В. Ли, который в 2011 году ввёл понятие трансязыкового пространства и связал его с двумя концепциями — креативности и критичности [Li, 2011]. Креативность, по В. Ли, — это свободный выбор между тем, следовать ли общепринятой норме или нарушать её таким образом, чтобы достигать нужных коммуникативных целей [Ibid., p. 1223]. В этой и других статьях исследователь приводит примеры творческого использования разноразовых ресурсов мультилингвами. Упоминания о креативности трансязычия в целом весьма распространены в нашей подборке и представляют интерес для последующего изучения: известны, в частности, примеры смешивания языков в литературных произведениях. В том же 2011 году С. Канагараджа выдвигал предположение, что трансязычие порождает более внимательное (engaged) чтение текста по сравнению с монологическим [Canagarajah, 2011, p. 16].

К креативности примыкает вопрос об осознанности трансязыковых коммуникативных практик, в котором на данный момент нет полной ясности. Здесь мы говорим не столько о том, что теоретики предлагают выделять особый «трансязыковой инстинкт» (см., например [Li, 2016]), сколько об идее компенсаторного трансязычия — популярном и не вызывающем внутренних противоречий тезисе, согласно которому мультилингвы применяют единицы одного языка для заполнения лакун в другом языке, компенсируя тем самым недостаточное знание последнего. Обобщая результаты изучения нашей выборки, скажем, что исследователи трансязы-

чия относятся к этому тезису без приязни: во многих работах подчёркивается намеренность трансязыковых коммуникативных практик вплоть до их «стратегического» характера, см. об этом, например, [Caruso, 2018]. Действительно, в исследованиях [Kiramba, 2017; Batziakas, 2017; Duran et al., 2014] есть эмпирические примеры трансязычия, в которых имелись объективные свидетельства того, что говорящий или пишущий знал нужное слово на неродном языке, но всё равно использовал лексическое средство из родного языка.

Это приводит нас к интересной исследовательской перспективе: возможно, говорящие или пишущие используют слова из других языков не только по незнанию или, скажем, из соображений престижа (вряд ли мы существенно ошибёмся, если будем утверждать, что именно подобным экстралингвистическим факторам приписывают, например, волну англоязычных заимствований в современном русском языке), но и потому, что слово другого языка имеет иной охват, более полно выражает мысль, которую человек хотел высказать, поскольку иная языковая картина мира даёт другое разнообразие смысловых оттенков. Эта идея вполне соответствует принятому пониманию сущности трансязычия, включая, в частности, тезисы нью-йоркской школы об осмыслении окружающего мира мультилингвами. Также возможно, что трансязычие позволит иначе взглянуть и на другие схожие явления наподобие профессиональной жаргонизации: в ряде изученных нами работ ([Simpson, 2015; Li, 2011; Schreiber, 2015]) есть косвенные упоминания или свидетельства о своеобразной «корпоративности» трансязычия.

3.2. Русскоязычные научные публикации по трансязычию как коммуникативной практике мультилингвов

Сравнивая объем публикаций о трансязычии в русскоязычном и англоязычном научных дискурсах, мы должны отметить, что русскоязычные исследования представлены в значительно меньшем количестве, что не дает возможности структурировать материал, опираясь на схему, разработанную для иностранных источников. Последующий анализ в данном разделе сосредоточивается вокруг одного из исследований, которое было выбрано своеобразным композиционным центром из-за ряда обобщающих идей в содержании, что позволило систематизировать публикации наиболее логичным, с нашей точки зрения, образом.

Трансязычие — сложный коммуникативный феномен, изучение которого сопряжено с рядом трудностей, могущих объясняться: 1) неоднозначностью предмета исследования, который требует междисциплинарного подхода, включающего в себя использование методологического аппарата психо- и социолингвистики, лингвокультурологии, лингводидактики и

семантики; 2) отсутствием четко обозначенных границ явления, что осложняет отбор языкового материала, поскольку не существует каких-либо единых корпусных баз, фиксирующих трансязычную практику говорящих; 3) некоторой долей субъективности, которую не всегда возможно преодолеть, поскольку явление связано напрямую с говорящим, находящимся в процессе порождения гибридных конструкций, и с личностью изучающего, интерпретирующего полученные данные исходя из собственного трансязычного опыта или предположения, как должен протекать данный процесс, если интерпретатор моноязычен (с дискуссиями по вопросу *моноязычия* можно ознакомиться выше в разделе 3.1.1). Тяготение русской языковой традиции к структурности и выводам универсального характера не позволяет сосредоточиться на отдельных трансязычных практиках говорящих, что практически сводит на нет рассмотрение трансязычия в качестве коммуникативной модели. Руководствуясь вышеизложенным, позволим себе довольно подробно осветить статью Н. Рингблом, А. Н. Забродской и С. Карповой «Транслингвизм как повседневная практика многоязычных семей в Швеции, Эстонии и на Кипре» [Рингблом и др., 2019], поскольку авторы высказали ряд идей, небезынтересных для нашего исследования. Основная цель публикации — наблюдение за спонтанной речью билингвов в ситуациях бытового общения. Многочисленные примеры гибридных текстов, приведенные в статье, свидетельствуют о том, что участники коммуникации постоянно находятся в трансязычной коммуникативной практике, свободно переключаясь между кодами: 1) в случае незнания значения слова на родном языке (в данном случае — русском) или при поиске более выразительных, экспрессивных словесных конструкций (в том числе и в ситуации языковой игры); 2) при заполнении смысловых лакун и для конкретизации объектов; 3) для передачи чужой речи, воспринимаемой при общении с нерусскими собеседниками или в процессе комментирования. Эти выводы кажутся нам весьма важными, так как ставят вопрос о функциональной нагрузке трансязычной практики. Считаем возможным дополнить этот перечень еще несколькими пунктами, которые в настоящий момент имеют гипотетический характер и нуждаются в дальнейшем исследовательском подтверждении: 1) трансязычие можно рассматривать как «лингвистическую зону комфорта» участников коммуникативного акта, поскольку такое общение позволяет быстро и довольно безболезненно переключаться с одного кода на другой; 2) трансязычие может выступать элементом культурной самоидентификации говорящего; 3) создаваемый идиолект может маркировать «своего» в базовой лингвокультурной оппозиции «свой / чужой»: «У многих возникает собственный язык, понятный лишь в стране общения» [Там же, с. 322]; 4) поликодо-

вость является источником множественной интерпретации, что расширяет смысловой потенциал высказывания разного рода аллюзиями, ассоциациями и пр. Исследователи отмечают также еще один аспект, который нам кажется весьма важным: дети и подростки в целом более склонны к транслязычной практике, чем взрослые. Как нам видится, это может объясняться целым рядом причин, в том числе и особенно релевантной в настоящее время: изменяется способ восприятия информации, когда включение множества семиотических кодов (в том числе принадлежащих к разным языковым системам) в непосредственном и опосредованном информационной средой взаимодействию рассматривается с точки зрения нелинейной коммуникации как одна из возможностей оптимизации речевого акта. Надо отметить, что данная идея не нова, но в рамках изучения транслязычной практики, скорее, высказывались фрагментарные замечания о влиянии интернет-коммуникации на участников речевого взаимодействия и на создаваемый ими контент, тогда как транслязычие в полной мере отражает одну из концептуальных моделей постинформационного общества с его апелляцией к неполному знанию контекста, созданию смысловой многозначности и даже некоторой квазиреальной среды, когда языковая игра, формы самовыражения становятся коммуникативными доминантами.

Возвращаясь к рассмотрению идейной стороны исследования Н. Рингблом и соавторов, необходимо остановиться и на критических замечаниях, высказанных в публикации, а именно: освоение родного языка временами затрудняется, поскольку в домашних условиях в бытовых контекстах также используются гибридные тексты. При таком подходе участники коммуникативных актов оказываются неспособными продуцировать достаточные по объему русскоязычные высказывания. Для них привычным становится или внедрение русских лексических элементов в иноязычное окружение, или использование иноязычных элементов в русскоязычных фразах. Данная мысль не получает развития у авторов, но мы предполагаем, что это может сказываться также и на восприятии грамматических категорий, так как в контекстах не учитываются предложно-падежные или видо-временные связи, например: «Я даже не знала, как готовить колоκάσι και φακές (сладкий картофель или топинамбур и чечевица)»; «Α мы не όρπισιμε (Α мы не учились)» [Рингблом и др., 2019, с. 321]. Последнее замечание дискуссионно, поскольку семантический объем категории транслязычия в настоящее время не определен. Переключение кода обычно рассматривается с точки зрения использования в языковом окружении лексических элементов другого языка в их исходном виде. То, насколько задействован уровень грамматики при таком взаимодействии, остается вопросом открытым, в связи с чем вызывает интерес мнение одного из респондентов, зафик-

сированное в статье Д. С. Бородиной «Факторы национально-английского трансязычия в скандинавском регионе» [Бородин, 2018], о том, что для проживающих в Швеции подростков характерно использование английских суффиксов множественного числа *-s* или *-es* вместо шведских *-r*, *-er* или *-or*, а для норвежских подростков обычна замена норвежского местоимения *Jeg* английским *I*. Данное наблюдение субъективно и о систематичности такой грамматической замены говорить затруднительно, но если предположить, что это явление обладает определенной универсальностью, то можно сделать осторожное предположение, что трансязычие способно выходить за рамки отдельного идиолекта и становиться лингвистической закономерностью в том или ином языке.

Внедрение иноязычных компонентов может осуществляться с помощью разных тактик, перечисленных, например, в статье З. Г. Прошиной «Транслингвизм и его прикладное значение» [Прошина, 2017] и ставших общим местом в ряде русскоязычных исследований. Особое место в ряду таких тактик занимает заимствование как глобальный языковой процесс. Его включение в трансязычную практику говорящего позволяет нивелировать одну из главных проблем, часто формулируемую как «засорение» языка иноязычными речевыми оборотами. Конструкции вида «*Вот какого экспириенса жаждет душа!*» (А. Рубанов. Сажайте, и вырастет, 2005) [НКРЯ]; «*Но необходимо, чтобы они не считали бренд зашкваром*» (К. Гощицкая. Знакомьтесь, Лена Шейдлина-художник из Петербурга с аудиторией больше, чем у Первого канала, 2017.09.04) [НКРЯ] можно рассматривать не с точки зрения жаргонизации, а как поиск адекватных средств выражения, тем более что в процитированных контекстах *экспириенс* не сводится только к 'опыту', а *зашквар* — это обозначение чего-то позорного, непопулярного, иногда немодного, того, что выходит за рамки нормы, но при этом дает определенный опыт и не всегда рассматривается лишь в негативном ключе (например, популярное на платформе YouTube шоу «Зашкварные истории»). При таком подходе важна, на наш взгляд, степень языковой осознанности говорящих: имея в своем языковом репертуаре элементы *немодный*, *непристойный*, *позорный*, *зашкварный* и другие и выбирая между ними, участники коммуникативного акта останавливаются на том средстве, которое кажется им наиболее эффективным в том или ином дискурсе. Безусловно, если русскоязычные коммуниканты обладают знаниями только об одной лексеме *зашкварный* и используют ее в любых стилистически маркированных контекстах, игнорируя другие синонимические образования и их сочетаемость, то говорить о формировании гармоничной языковой (трансязыковой) личности не представляется возможным.

Отношение к процессу заимствования (мы специально не акцентируем внимание на возможной избыточности процесса) весьма различно. Так, например, как показывает Д. С. Бородина, в скандинавских странах респонденты весьма положительно отзываються о внедрении англицизмов в обиходную речь, но существуют и иные точки зрения, в которых высказываются опасения, связанные с «размыванием» языковой нормы, неопределенностью этнокультурной идентичности [Хухуни и др., 2019], сложным положением языков меньшинств [Бахтикиреева и др., 2017], вызванным, в том числе, и доминированием английского, ставшего *lingua franca* [Абдусаламов, 2020]. Отметим, что вышеупомянутая работа Г. Т. Хухуни и И. И. Валуццевой написана на английском языке, но мы сочли допустимым упомянуть о ней в этом разделе, в том числе потому, что она опубликована в российском «Вестнике РУДН» и, на наш взгляд, отражает именно отечественный взгляд на проблему.

Менее дискуссионными являются ситуации, когда трансязычные вкрапления помогают устранить языковую лакунизацию или выступают примером культурной синергии в художественном творчестве [Бахтикиреева и др., 2017; Джусупов, 2017; Кремер, 2014; Луговская, 2018]. Основная идея названных русскоязычных публикаций состоит в том, что трансязычие здесь рассматривается как определенный эстетический и культурологический феномен, позволяющий писателю соединять образы, категории и явления тех языков, которые он использует в своем творчестве. В статье Е. Г. Луговской «Транслингвизм или семилингвизм как разнонаправленные сущности» [Луговская, 2018] вводится и специальное терминологическое наименование, обозначающее данный процесс, — *культуральная избыточность*, под которой автор понимает процесс смыслового обогащения культур при их взаимодействии. В этом же исследовании поднимается и несколько весьма важных вопросов, которые можно сформулировать следующим образом: в каком объеме может быть нарушена норма при трансязычии? существуют ли границы трансязычия? Пытаясь дать ответы на эти вопросы, автор выдвигает предположение, что чем ближе семиотический код, тем проще воспринимается гибридизация элементов. Е. Г. Луговская утверждает (и в целом мы с ней согласны), что «потенциальная возможность» данного нереализованного элемента в культуре позволяет достаточно безболезненно «прирачивать» новые лингвокультурные смыслы [Там же]. Таким образом, границей трансязычия может служить уровень интерпретируемости высказывания, когда сказанное поддается дешифровке (полной или частичной) и появляется возможность обратной связи. Здесь же еще отметим, что современные тексты полиморфны по своей природе и если вербальный контекст оказывается не совсем

очевидным, то на помощь приходят другие семиотические структуры, поэтому осторожно предположим, что у трансязычия как коммуникативной практики, скорее всего, не формируется «границ» в том традиционном смысле, о котором мы привыкли говорить.

В конце обзора позволим себе также рассмотреть несколько публикаций, которые освещают лингводидактические вопросы, связанные с трансязычием. Выделим наиболее релевантные, с нашей точки зрения, моменты.

В настоящее время важной является проблема сформированности языковой политики учебных заведений как общеобразовательного формата [Гуторова, 2020], так и высшего образования [Гузикова, 2019]. Школьная практика, хотя и представляет значительный исследовательский интерес, все же выходит за границы нашей тематической и проблемной области. Языковая же политика учебных заведений высшего образования очень разнопланова. М. О. Гузикова [Гузикова, 2019] отмечает, что в целом можно выделить три концептуальных модели, на основании которых осуществляется деятельность университетов: моноязычные заведения, в которых знание доминирующего в данной среде языка является жестко регламентируемой нормой, университеты, преподающие на *lingua franca* в полиязычном окружении, когда выбор языка в первую очередь продиктован его экономической ценностью, и так называемое «островное» полиязычие (терминология автора), когда выбор *lingua franca* на фоне обучения на родном языке осуществляется для отдельных программ. Каждый из представленных видов языковой политики имеет положительные и отрицательные стороны, но в целом, как отмечает автор, более значимые успехи продемонстрированы обучающимися, которые не лишены возможности вести трансязычную коммуникацию. Одним из главных аспектов последней М. Ю. Гудова, М. О. Гузикова называют постграмотность [Гудова и др., 2019], под которой понимается способность работать с любыми семиотическими системами, а также их контаминациями. В соответствии с такими установками авторы предельно широко рассматривают введенное понятие, добавляя к трансязычной грамотности профессиональную, компьютерную и водительскую. Формирование полиязычной языковой среды, по мнению авторов, изучавших кейс Фуданьского университета, состоит из нескольких аспектов: хорошего знания иностранных языков (прежде всего, английского), формирование идентичности студента как «гражданина мира», создание психологически комфортной среды на территории кампуса, использование трансязычной языковой практики. Подобный кейс демонстрируется исследователями М. О. Гузиковой и Д. С. Петровой в статье «Практика трансязычия в полилингвальном обучении» [Гузикова и др., 2019], когда иностранным студентам-магистрам с разным уровнем

владения английским языком в полиэтнической группе дали возможность выражать свои мысли на родном языке в случае затруднения в подборе английской конструкции. Авторы пришли к выводу, что такая работа была весьма эффективна, поскольку эмоционально раскрепощала студентов, позволяя им не молчать в случае выпадения из англоязычного коммуникативного процесса, а также создавала дополнительное полилингвальное пространство, обогащенное новыми смыслами и образами. Интересным наблюдением при этом является то, что студенты с более высоким знанием английского отнеслись к практике переключения не так позитивно, отмечая трудности в понимании ряда речевых фрагментов.

Также ряд публикаций в данной тематической зоне носит сугубо практический характер и посвящен рассмотрению тех видов деятельности (конкретных заданий), которые, по мнению исследователей, стоит выполнять в ходе учебной работы [Кадырова и др., 2019; Куриленко и др., 2020a].

В стороне также остался вопрос о содержании понятия трансязычия в русскоязычной практике, поскольку существенных расхождений с англоязычными публикациями обнаружено не было, подробнее см.: [Ильина, 2018; Куриленко и др., 2020б; Халяпина и др., 2019].

4. Выводы

Проведение обзора актуальных исследований трансязычия как коммуникативной практики мультилингвов и осмысление полученных результатов позволяют нам сформулировать ряд обобщённых положений.

Трансязычие описывается в научных работах последних лет неоднородно и неоднотипно, рассматривается с разных сторон, а исследование его как коммуникативной практики является относительно часто встречающимся, но не самым популярным направлением. Трансязычная, или транслингвальная, коммуникативная практика обычно понимается при этом как использование единиц одного языка в высказывании на другом языке, совершаемое в различных целях, полный перечень которых ещё не сформирован, но может включать в себя, в частности, компенсацию недостаточного владения неродным / иностранным языком, самоидентификацию, творчество, командообразование и установление взаимопонимания внутри группы, осмысление мира, повышение выразительности, достижение психологического комфорта. Некоторые из этих целей относятся к теории и практике языка или коммуникации, а иные — например, к области педагогики и лингводидактики, что в ряде случаев вызывает противоречия или несовместимость между ними. Трансязычие может включать в себя смежные и схожие явления, такие как креолизация или переключение кода, и проявляется на разных уровнях языковой структуры, но точное различие

ние этих вариантов — в обоих названных случаях — обсуждается редко или рассматривается исследователями как нецелесообразное.

Методологически исследования по трансязычию как коммуникативной практике чаще всего однотипны и сочетают объективность (наблюдение, аудио- и видеозапись) с весьма заметной долей субъективности (интервьюирование, анкетирование), поскольку во многом основываются на интроспекции исследователей и участников. Обычно они посвящены взаимодействию какого-либо родного языка учащихся с английским языком, изучаемым ими в качестве неродного / иностранного или применяемым в качестве лингва франка. Исследования трансязычия у взрослых (в том числе у студентов вузов) проводятся реже, чем у детей. Актуальной проблемой при этом является исключение моноязычных лиц из исследовательского охвата. Сбор речевых образцов преимущественно лонгитюден (осуществляется на протяжении нескольких лет), но немассов (как правило, в исследовании участвует не более одного учебного класса, а в ряде случаев — от 1 до 4 наблюдаемых).

Перспективными направлениями дальнейших исследований по трансязычию как коммуникативной практике, на наш взгляд, являются следующие:

- уточнение сущности трансязычия и решение вопросов о соотношении его обозначения с другими смежными терминами, в том числе в интересах его конкретизации применительно к сбору и обработке речевых образцов;
- изучение трансязычия между несколькими неродными / иностранными языками, трансязычия в высшей школе и среди взрослых, в том числе на численно больших аудиториях, восприятия трансязычных речевых практик монолингвами;
- выработка таких методик сбора речевых образцов трансязычия, которые в большей степени способствовали бы объективности, невмешательству в естественный коммуникативный процесс;
- анализ фактов использования территориальных и социальных разновидностей языка (включая тайные языки) и заимствования слов из других языков в качестве проявлений трансязычия;
- составление полных типологических перечней, описывающих цели трансязычных коммуникативных практик и коммуникативные контексты, в которых эти практики возможны;
- изучение вероятной связи трансязычия с гипертекстовой природой современной онлайн-коммуникации.

Источники и принятые сокращения

1. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения 01.02.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдусаламов М. М. Насколько «глобален» и управляем английский язык в современном мире? / М. М. Абдусаламов // Мир науки, культуры, образования. — 2020. — № 3 (82). — С. 519—520. — DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00637.
2. Бахтикиреева У. М. Транслингвизм : коммуникативный мост или «культурная бомба»? / У. М. Бахтикиреева, О. А. Валикова, Ж. Кинг // Вестник РУДН. Серия : Вопросы образования : языки и специальность. — 2017. — Т. 14. — № 1. — С. 116—121. — DOI: 10.22363/2312-8011-2017-14-1-116-121.
3. Бородин Д. С. Факторы национально-английского трансязычия в скандинавском регионе / Д. С. Бородин // Вестник РУДН. Серия : Вопросы образования : языки и специальность. — 2018. — Т. 15. — № 2. — С. 255—262. — DOI: 10.22363/2312-8011-2018-15-2-255-262.
4. Гудова М. Ю. Модель полиязычного образования в университете : критическая теория грамотности и опыт Китая / М. Ю. Гудова, М. О. Гузикова // Отечественная и зарубежная педагогика. — 2019. — Т. 2. — № 2 (64). — С. 186—199.
5. Гузикова М. О. Языковая среда мировых университетов в условиях интернационализации высшего образования / М. О. Гузикова // Перспективы науки и образования. — 2019. — № 6 (42). — С. 158—171. — DOI: 10.32744/pse.2019.6.13.
6. Гузикова М. О. Практика трансязычия в полилингвальном обучении / М. О. Гузикова, Д. С. Петрова // Современные направления в лингвистике и преподавании языков : проблема метода : сборник научных статей по материалам III Международной научно-практической конференции : в 2 т. Т. II. Лингводидактические принципы и методики / под общ. ред. Т. В. Дубровской. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2019. — С. 17—22. — ISBN 978-5-907102-95-8.
7. Гуторова Г. Д. Метапредметный подход в реализации полилингвального образования / Г. Д. Гуторова // Научный Татарстан. — 2020. — № 2. — С. 72—81.
8. Джусупов Н. М. Транслингвальный и транскультурный аспекты стилистического выдвигания в художественном тексте (на материале поэзии О. Сулейменова) / Н. М. Джусупов // Вестник РУДН. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2017. — Т. 8. — № 3. — С. 519—530. — DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-519-530.
9. Ильина О. А. Транслингвизм и национально ориентированное обучение в методике преподавания русского языка как неродного / О. А. Ильина // Актуальные вопросы описания и преподавания русского языка как иностранного / неродного : Международная научно-практическая интернет-конференция (Москва, 27 ноября — 1 декабря 2017 г.) : сборник материалов / под общ. ред. Н. В. Кулибиной. — Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2018. — С. 463—467. — ISBN 978-5-98269-173-6.
10. Кадырова Г. Транслингвизм и проблемы обучения иностранному языку / Г. Кадырова, А. Маймакова // Humanistica 21. — 2019. — Т. 3. — С. 329—350.
11. Кремер Е. Н. Художественный билингвизм и транслингвизм — русскоязычие (библиографический обзор) / Е. Н. Кремер // Гуманитарные исследования. — 2014. — № 1 (49). — С. 61—67.
12. Куриленко В. Б. Транслингвальный подход в обучении иностранным языкам : сущность, специфика, лингводидактический потенциал / В. Б. Куриленко, Ю. Н. Бирюкова, Д. Цотова // Технологии, образование, наука : стратегия прорыва : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 6 мар-

та 2020 г. — Белгород : Агентство перспективных научных исследований, 2020а. — С. 28—33. — ISBN 978-5-6044100-7-3.

13. *Куриленко В. Б.* Транслингвальная личность в аспекте лингводидактики / В. Б. Куриленко, А. В. Романенко, Ю. Н. Бирюкова // Science innovations : сборник статей II Международной научно-практической конференции (5 марта 2020 г.). — Петрозаводск : Новая наука, 2020б. — С. 48—53. — ISBN 978-5-907230-95-8.

14. *Луговская Е. Г.* Транслингвизм или семилингвизм как разнонаправленные сущности / Е. Г. Луговская // Би-, поли-, транслингвизм и языковое образование : материалы IV Международной научно-практической конференции под эгидой МАПРЯЛ. — Москва : Российский университет дружбы народов, 2018. — С. 178—184. — ISBN 978-5-209-09155-4.

15. *Прошина З. Г.* Транслингвизм и его прикладное значение / З. Г. Прошина // Вестник РУДН. Серия : Вопросы образования : языки и специальность. — 2017. — Т. 14. — № 2. — С. 155—170. — DOI: 10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170.

16. *Рингблом Н.* Транслингвизм как повседневная практика многоязычных семей в Швеции, Эстонии и на Кипре / Н. Рингблом, А. Н. Забродская, С. Карпова // Современная онтолингвистика : проблемы, методы, открытия : материалы ежегодной Международной научной конференции. 24—26 июня 2019 г. Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена / ред. коллегия : Т. А. Круглякова и др. — Иваново : Листос, 2019. — С. 319—324. — ISBN 978-5-6041759-9-6.

17. *Халяпина Л. П.* Плюрилингвальный и транслингвальный подходы как новые тенденции в теории интегрированного обучения иностранным языкам и профессиональным дисциплинам студентов технических вузов / Л. П. Халяпина, Е. В. Шостак // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. — 2019. — № 2. — С. 119—130. — DOI: 10.15593/2224-9389/2019.2.11.

18. *Хухуни Г. Т.* Транслингвизм, транскультуральность и этнокультурная идентичность : комплементарность или конфликтность? / Г. Т. Хухуни, И. И. Валуйцева // Полилингвальность и транскультурные практики. — 2019. — Т. 16. — № 1. — С. 45—51. — DOI: 10.22363/2618-897X-2019-16-1-45-51.

19. *Batziakas B.* Communicative practices in English as a lingua franca interactions : some examples from Asian university students in London / B. Batziakas // Asian Englishes. — 2017. — № 19 (1). — Pp. 44—56. — DOI: 10.1080/13488678.2016.1237008.

20. *Blackledge A.* Translanguaging in mobility / A. Blackledge, A. Creese // The Routledge Handbook of Migration and Language / Ed. by S. Canagarajah. — Abingdon : Routledge, 2017. — Pp. 31—46. — ISBN 978-1-31575451-2.

21. *Canagarajah S.* Translanguaging in the classroom : emerging issues for research and pedagogy / S. Canagarajah // Applied Linguistics. Review 2 / Ed. by Li Wei. — Berlin : De Gruyter Mouton, 2011. — 344 p. — ISBN 978-3-11-023932-4.

22. *Caruso E.* Translanguaging in higher education : using several languages for the analysis of academic content in the teaching and learning process / E. Caruso // Language Learning in Higher Education. — 2018. — Vol. 8 (1). — Pp. 65—90. — DOI: 10.1515/cercles-2018-0004.

23. *Clarkson P.* Reflecting on translanguaging by a monolingual: is that paradoxical? / P. Clarkson // Cultural Studies of Science Education. — 2020. — № 15. — Pp. 511—521. — DOI: 10.1007/s11422-019-09951-w.

24. *Creese A.* Translanguaging and translation : the construction of social difference across city spaces / A. Creese, A. Blackledge, R. Hu // International Journal of Bi-

lingual Education and Bilingualism. — 2018. — № 21 (7). — Pp. 841—852. — DOI : 10.1080/13670050.2017.1323445.

25. *Daniel Sh. M.* Translanguaging practices and perspectives of four multilingual teens / Sh. M. Daniel, M. B. Pacheco // Journal of Adolescent & Adult Literacy. — 2016. — № 59 (6). — Pp. 653—663. — DOI: 10.1002/jaal.500.

26. *De Meulder M.* Describe, don't prescribe. The practice and politics of translanguaging in the context of deaf signers / M. De Meulder, A. Kusters, E. Moriarty, J. J. Murray // Journal of Multilingual and Multicultural Development. — 2019. — № 40 (10). — Pp. 892—906. — DOI: 10.1080/01434632.2019.1592181.

27. *Duarte J.* Translanguaging in mainstream education : a sociocultural approach / J. Duarte // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. — 2019. — № 22 (2). — Pp. 150—164. — DOI: 10.1080/13670050.2016.1231774.

28. *Durán L.* Pluralist discourses of bilingualism and translanguaging talk in classrooms / L. Durán, D. Palmer // Journal of Early Childhood Literacy. — 2014. — № 14 (3). — Pp. 367—388. — DOI: 10.1177/1468798413497386.

29. *Ganuza N.* Ideology vs. practice : is there a space for translanguaging in mother tongue instruction? / N. Ganuza, C. Hedman // New Perspectives on Translanguaging and Education / Ed. by Paulsruud B-A., Rosén J., Straszer B., Wedin Å. — Berlin : De Gruyter Mouton, 2017. — Pp. 208—226. — ISBN 978-1-783097821.

30. *Ishikawa T.* EMF and translanguaging in the Japanese EMI higher education context [Electronic resource] / T. Ishikawa. — Access mode : <https://researchgate.net/publication/343974613> (accessed 01.02.2021).

31. *Karlsson A.* Multilingual students' use of translanguaging in science classrooms / A. Karlsson, P. N. Larsson, A. Jakobsson // International Journal of Science Education. — 2019. — № 41 (15). — Pp. 2049—2069. — DOI: 10.1080/09500693.2018.1477261.

32. *Kiramba L. K.* Translanguaging in the writing of emergent multilinguals / L. K. Kiramba // International Multilingual Research Journal. — 2017. — № 11 (2). — Pp. 115—130. — DOI: 10.1080/19313152.2016.1239457.

33. *Li Wei* Moment Analysis and translanguaging space : discursive construction of identities by multilingual Chinese youth in Britain / Li Wei // Journal of Pragmatics. — 2011. — Vol. 43, Issue 5. — Pp. 1222—1235. — DOI: 10.1016/j.pragma.2010.07.035.

34. *Li Wei* New Chinglish and the post-multilingualism challenge : translanguaging ELF in China / Li Wei // Journal of English as a Lingua Franca. — 2016. — № 5 (1). — Pp. 1—25. — DOI: 10.1515/jelf-2016-0001.

35. *Li Wei* Language learning sans frontiers : a translanguaging view / Li Wei, Wing Yee Ho // Annual Review of Applied Linguistics. — 2018. — № 38. — Pp. 33—59. — DOI: 10.1017/S0267190518000053.

36. *Li Wei* Translanguaging identities : creating transnational space through flexible multilingual practices amongst Chinese university students in the UK / Li Wei, Zhu Hua // Applied Linguistics. — 2013. — № 34 (5). — Pp. 516—535. — DOI: 10.1093/applin/amt022.

37. *Lin Angel* Translanguaging as dynamic activity flows in CLIL classrooms / Lin Angel, Peichang He // Journal of Language, Identity & Education. — 2017. — № 16 (4). — Pp. 228—244. — DOI: 10.1080/15348458.2017.1328283.

38. *Martin-Beltrán M.* "What Do You Want to Say?": how adolescents use translanguaging to expand learning opportunities / M. Martin-Beltrán // International Multilingual Research Journal. — 2014. — № 8 (3). — Pp. 208—230. — DOI: 10.1080/19313152.2014.914372.

39. Schreiber B. R. "I am what I am" : multilingual identity and digital translanguaging / B. R. Schreiber // *Language Learning & Technology*. — 2015. — № 19 (3). — Pp. 69—87.
40. Seals C. A. Translanguaging in conjunction with language revitalization [Electronic resource] / C. A. Seals, V. Olsen-Reeder. — DOI: 10.1016/j.system.2020.102277 (accessed 01.02.2021).
41. Simpson J. Translanguaging in the contact zone : language use in superdiverse urban areas / J. Simpson // *Multilingualisms and Development : Selected Proceedings of the 11th Language and Development Conference* / Ed. by Colman H. — New Delhi : British Council India, 2015. — Pp. 207—223. — ISBN 978-0-863558405.
42. Straszer B. Spaces for translanguaging in mother tongue tuition [Electronic resource] / B. Straszer, J. Rosén, Å. Wedin. — Access mode : <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/20004508.2020.1838068> (DOI: 10.1080/20004508.2020.1838068) (accessed 01.02.2021).
43. Torpsten A.-C. Translanguaging in a Swedish multilingual classroom / A.-C. Torpsten // *Multicultural Perspectives*. — 2018. — № 20 (2). — Pp. 104—110. — DOI: 10.1080/15210960.2018.1447100.
44. Vogel S. Translanguaging [Electronic resource] / S. Vogel, O. García. — DOI: 10.1093/acrefore/9780190264093.013.181 (accessed 01.02.2021).
45. Wang D. Translanguaging in Chinese foreign language classrooms : students and teachers' attitudes and practices / D. Wang // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. — 2019. — Vol. 22, Issue 2. — Pp. 138—149. — DOI: 10.1080/13670050.2016.1231773.

MATERIAL RESOURCES

NKRYA — *National Corpus of the Russian language*. Available at: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>. (In Russ). (accessed 01.02.2021).

REFERENCES

- Abdusalamov, M. M. (2020). How "global" and manageable is the English language in the modern world? *The world of science, culture, and images*, 3 (82): 519—520. DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00637. (In Russ).
- Bakhtikireeva, U. M., Valikova, O. A., King, J. (2017). Translinguism: a communicative bridge or a "cultural bomb"? *Vestnik RUDN. Series: Education issues: Languages and specialty*, 14 (1): 116—121. DOI: 10.22363/2312-8011-2017-14-1-116-121. (In Russ).
- Batzikas, B. (2017). Communicative practices in English as a lingua franca interactions: some examples from Asian university students in London. *Asian Englishes*, 19 (1): 44—56. DOI: 10.1080/13488678.2016.1237008.
- Blackledge, A., Creese, A. (2017). Translanguaging in mobility. In: *The Routledge Handbook of Migration and Language*. Abingdon: Routledge. 31—46. ISBN 978-1-315754512.
- Borodina, D. S. (2018). Factors of national-English trans-linguistics in the Scandinavian region. *Bulletin of the RUDN. Series: Education issues: Languages and specialty*, 15 (2): 255—262. DOI: 10.22363/2312-8011-2018-15-2-255-262. (In Russ).
- Canagarajah, S. (2011). Translanguaging in the classroom: emerging issues for research and pedagogy. In: *Applied Linguistics. Review 2*. Berlin: De Gruyter Mouton. 344 p. ISBN 978-3-11-023932-4.

- Caruso, E. (2018). Translanguaging in higher education: using several languages for the analysis of academic content in the teaching and learning process. *Language Learning in Higher Education*, 8 (1): 65—90. DOI: 10.1515/cercles-2018-0004.
- Clarkson, P. (2020). Reflecting on translanguaging by a monolingual: is that paradoxical? *Cultural Studies of Science Education*, 15: 511—521. DOI: 10.1007/s11422-019-09951-w.
- Creese, A., Blackledge, A., Hu, R. (2018). Translanguaging and translation: the construction of social difference across city spaces. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 21 (7): 841—852. DOI: 10.1080/13670050.2017.1323445.
- Daniel, Sh. M., Pacheco, M. B. (2016). Translanguaging practices and perspectives of four multilingual teens. *Journal of Adolescent & Adult Literacy*, 59 (6): 653—663. DOI: 10.1002/jaal.500.
- Ganuza, N., Hedman, C. (2017). Ideology vs. practice: is there a space for translanguaging in mother tongue instruction? In: *New Perspectives on Translanguaging and Education*. Berlin: De Gruyter Mouton. 208—226. ISBN 978-1-783097821.
- De Meulder, M., Kusters, A., Moriarty, E., Murray, J. J. (2019). Describe, don't prescribe. The practice and politics of translanguaging in the context of deaf signers. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 40 (10): 892—906. DOI: 10.1080/01434632.2019.1592181.
- Duarte, J. (2019). Translanguaging in mainstream education: a sociocultural approach. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 22 (2): 150—164. DOI: 10.1080/13670050.2016.1231774.
- Durán, L., Palmer, D. (2014). Pluralist discourses of bilingualism and translanguaging talk in classrooms. *Journal of Early Childhood Literacy*, 14 (3): 367—388. DOI: 10.1177/1468798413497386.
- Gudova, M. Yu., Guzikova, M. O. (2019). Model of multilingual education at the university: critical theory of literacy and the experience of China. *Domestic and foreign pedagogy*, 2/2 (64): 186—199. (In Russ).
- Gutorova, G. D. (2020). Metasubject approach in the implementation of multilingual education. *Scientific Tatarstan*, 2: 72—81. (In Russ).
- Guzikova, M. O. (2019). Language environment of world universities in the conditions of internationalization of higher education. *Prospects of science and education*, 6 (42): 158—171. DOI: 10.32744/pse. 2019. 6. 13. (In Russ).
- Guzikova, M. O., Petrova, D. S. (2019). The practice of trans-linguistics in polylingual education. In: *Modern trends in linguistics and language teaching: the problem of method: a collection of scientific articles based on the materials of the III International Scientific and Practical Conference: in 2 vol., II. Linguodidactic principles and methods*. Penza: Publishing House of PSU. 17—22. ISBN 978-5-907102-95-8. (In Russ).
- Dzhusupov, N. M. (2017). Translingual and transcultural aspects of stylistic nomination in a literary text (based on the material of O. Suleimenov's poetry). *Vestnik RUDN. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics*, 8 (3): 519—530. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-519-530. (In Russ).
- Ilina, O. A. (2018). Russian Russian as a foreign language: International scientific and practical Internet conference (Moscow, November 27 — December 1, 2017): collection of materials: Translinguism and national-oriented learning in the methodology of teaching Russian as a non — native language. In: *Actual issues of description*

- and teaching of Russian as a foreign language — non-native: International scientific and practical Internet conference (Moscow, November 27 — December 1, 2017): collection of materials. Moscow: Pushkin State Institute of Russian Language. 463—467. ISBN 978-5-98269-173-6. (In Russ).
- Ishikawa, T. *EMF and translanguaging in the Japanese EMI higher education context*. Available at: <https://researchgate.net/publication/343974613> (accessed 23.11.2020).
- Kadyrova, G., Maimakova, A. (2019). Translinguism and problems of teaching a foreign language. *Humanistica* 21, 3: 329—350. (In Russ).
- Karlsson, A., Larsson, P., Jakobsson, A. (2019). Multilingual students' use of translanguaging in science classrooms. *International Journal of Science Education*, 41 (15): 2049—2069. DOI: 10.1080/09500693.2018.1477261.
- Khalyapina, L. P., Shostak, E. V. (2019). Plurilingual and translanguing approaches as new trends in the theory of integrated teaching of foreign languages and professional disciplines to students of technical universities. *Bulletin of the PNRPU. Problems of linguistics and pedagogy*, 2: 119—130. DOI: 10.15593/2224-9389/2019.2.11. (In Russ).
- Khukhuni, G. T., Valuitseva, I. I. (2019). Translinguism, transculturality and ethno-cultural identity: complementarity or conflict? *Polylinguality and transcultural practices*, 16 (1): 45—51. DOI: 10.22363/2618-897X-2019-16-1-45-51. (In Russ).
- Kiramba, L. K. (2017). Translanguaging in the writing of emergent multilinguals. *International Multilingual Research Journal*, 11 (2): 115—130. DOI: 10.1080/19313152.2016.1239457.
- Kremer, E. N. (2014). Khudozhestvenny bilingualism and translanguism — russian-speaking (bibliographic review). *Humanities Research*, 1 (49): 61—67. (In Russ).
- Kurylenko, V. B., Biryukova, Yu. N., Tsotova, D. (2020). Translingual approach in teaching foreign languages: essence, specificity, linguodidactic potential. In: *Technologies, education, science: a breakthrough strategy: a collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference on March 6, 2020*. Belgorod: Agency for Advanced Scientific Research. 28—33. ISBN 978-5-6044100-7-3. (In Russ).
- Kurylenko, V. B., Romanenko, A. V., Biryukova, Yu. N. (2020). Translingual personality in the aspect of linguodidactics. In: *Science innovations: collection of articles of the II International Scientific and Practical Conference (March 5, 2020)*. Petrozavodsk: Novaya nauka. 48—53. ISBN 978-5-907230-95-8. (In Russ).
- Lin Angel, He Peichang (2017). Translanguaging as dynamic activity flows in CLIL classrooms. *Journal of Language, Identity & Education*, 16 (4): 228—244. DOI: 10.1080/15348458.2017.1328283.
- Li Wei (2011). Moment Analysis and translanguaging space: discursive construction of identities by multilingual Chinese youth in Britain. *Journal of Pragmatics*, 43 (5): 1222—1235. DOI: 10.1016/j.pragma.2010.07.035.
- Li Wei (2016). New Chinglish and the post-multilingualism challenge: translanguaging ELF in China. *Journal of English as a Lingua Franca*, 5 (1): 1—25. DOI: 10.1515/jelf-2016-0001.
- Li Wei, Wing Yee Ho (2018). Language learning sans frontiers: a translanguaging view. *Annual Review of Applied Linguistics*, 38: 33—59. DOI: 10.1017/S0267190518000053.
- Li Wei, Peichang He (2013). Translanguaging identities: creating transnational space through flexible multilingual practices amongst Chinese university students in the UK. *Applied Linguistics*, 34 (5): 516—535. DOI: 10.1093/applin/amt022.

- Lugovskaya, E. G. (2018). Translinguism or semilinguism as multidirectional entities. In: *Bi-, poly-, translinguism and language education: materials IV International Scientific and Practical Conference under the auspices of MAPRYAL*. Moscow: People's Friendship University of Russia. 178—184. ISBN 978-5-209-09155-4. (In Russ).
- Martin-Beltrán, M. (2014). “What Do You Want to Say?”: how adolescents use translanguaging to expand learning opportunities. *International Multilingual Research Journal*, 8 (3): 208—230. DOI: 10.1080/19313152.2014.914372.
- Proshina, Z. G. (2017). Translinguism and its applied significance. *Bulletin of the RUDN. Series: Education issues: Languages and specialty*, 14 (2): 155—170. DOI: 10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170. (In Russ).
- Ringblom, N., Zabrodskaya, A. N., Karpova, S. (2019). Translinguism as everyday practice of multilingual families in Sweden, Estonia and Cyprus. In: *Modern ontolinguistics: problems, methods, discoveries: proceedings of the annual International Scientific Conference. June 24—26, 2019*. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University. Ivanovo: Listos. 319—324. ISBN 978-5-6041759-9-6. (In Russ).
- Schreiber, B. R. (2015). “I am what I am”: multilingual identity and digital translanguaging. *Language Learning & Technology*, 19 (3): 69—87.
- Seals, C. A., Olsen-Reeder, V. *Translanguaging in conjunction with language revitalization*. DOI: 10.1016/j.system.2020.102277 (accessed 01.02.2021).
- Simpson, J. (2015). Translanguaging in the contact zone: language use in superdiverse urban areas. In: *Multilingualisms and Development: Selected Proceedings of the 11th Language and Development Conference*. New Delhi: British Council India. 207—223. ISBN 978-0-863558405.
- Straszer, B. *Spaces for translanguaging in mother tongue tuition*. DOI: 10.1080/20004508.2020.1838068. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/20004508.2020.1838068> (accessed 01.02.2021).
- Torpsten, A.-C. (2018). Translanguaging in a Swedish multilingual classroom. *Multicultural Perspectives*, 20 (2): 104—110. DOI: 10.1080/15210960.2018.1447100.
- Vogel, S., García, O. *Translanguaging*. DOI: 10.1093/acrefore/9780190264093.013.181 (accessed 01.02.2021).
- Wang, D. (2019). Translanguaging in Chinese foreign language classrooms: students and teachers' attitudes and practices. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 22 (2): 138—149. DOI: 10.1080/13670050.2016.1231773.

Климова М. В. О значении слова *контент* в языковом сознании молодежи / М. В. Климова, У. И. Турко, Г. Н. Абреимова // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 91—107. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-91-107.

Klimova, M. V., Turko, U. I., Abreimova, G. N. (2021). Meaning of Word 'Content' in Linguistic Consciousness of Young People. *Nauchnyi dialog*, 7: 91-107. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-91-107. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-91-107

О значении слова *контент* в языковом сознании молодежи

Климова Марина Витальевна

orcid.org/0000-0003-0462-2184

кандидат филологических наук, доцент
кафедра русского языка, методики его
преподавания и документоведения
klimova_marina@mail.ru

Турко Ульяна Игоревна

orcid.org/0000-0001-8604-0457

кандидат филологических наук, доцент
кафедра русского языка, методики его
преподавания и документоведения
selishchevskaya@mail.ru

Абреимова Галина Николаевна

orcid.org/0000-0001-8356-2663

кандидат филологических наук, доцент
кафедра русского языка, методики его
преподавания и документоведения
abreimova.g.n@yandex.ru

Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

Meaning of Word 'Content' in Linguistic Consciousness of Young People

Marina V. Klimova

orcid.org/0000-0003-0462-2184

PhD in Philology, Associate Professor
Department of the Russian, Methods
of its Teaching and Documentation
klimova_marina@mail.ru

Ulyana I. Turko

orcid.org/0000-0001-8604-0457

PhD in Philology, Associate Professor
Department of the Russian, Methods
of its Teaching and Documentation
selishchevskaya@mail.ru

Galina N. Abreimova

orcid.org/0000-0001-8356-2663

PhD in Philology, Associate Professor
Department of the Russian, Methods
of its Teaching and Documentation
abreimova.g.n@yandex.ru

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

© Климова М. В., Турко У. И., Абреимова Г. Н., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена семантико-когнитивному анализу значения слова *контент*. Научная новизна работы видится в том, что лингвистические исследования, в которых представлено семантико-когнитивное описание значения слова *контент*, отсутствуют. Приведены результаты сопоставительного анализа формально-логического и психолингвистического изучения семантики слова *контент*. На основе обобщения данных толковых словарей и выводов, сделанных авторами на материале ассоциативного эксперимента, было установлено несовпадение лексикографического описания слова *контент* и представления носителей языка о понятии «контент». Обнаружено, что системное значение слова *контент*, содержащее минимум признаков, зафиксированных в словарях в соответствии с принципами редукционизма, сводится к содержательной части сообщений, сведений. Эксперимент показал, что в представлении молодежи контент воспринимается как неподтвержденная интересная информация в Интернете, сопровождающаяся визуальным оформлением, написанная простым языком и рассчитанная на потребление современной молодежью в течение $\frac{1}{3}$ активного времени суток.

Ключевые слова:

информация; Интернет; концепт; контент; компьютерно-опосредованная коммуникация; ментальность; ассоциативный материал; психолингвистическое описание; семантико-когнитивный анализ.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the semantic-cognitive analysis of the meaning of the word 'content'. The scientific novelty of the work is seen in the fact that in the linguistic literature there are no studies in which a semantic-cognitive description of the meaning of the word 'content' is presented. The results of a comparative analysis of the formal-logical and psycholinguistic study of the semantics of the word 'content' are presented. In the course of the study, a discrepancy was found between the lexicographic description and the psychological representation of concepts associated with discrepancies between the data of explanatory dictionaries and the conclusions made on the associative material. It was found that the systemic meaning of the word content, containing a minimum of features recorded in dictionaries in accordance with the principles of reductionism, is reduced to the content of messages and information. The experiment showed that in the mental representation of young people, content is perceived as unconfirmed interesting information on the Internet using visuality, written in simple language and designed to consume $\frac{1}{3}$ of the active time of the day among modern youth.

Key words:

information; the Internet; concept; content; computer-mediated communication; mentality; associative material; psycholinguistic description; semantic and cognitive analysis.

О значении слова *контент* в языковом сознании молодежи

© Климова М. В., Турко У. И., Абреимова Г. Н., 2021

1. О компьютерно-опосредованной коммуникации

Интернет в современном мире стал важной составляющей жизни человека. Компьютерно-опосредованная коммуникация создает новую научную и культурную среду, в которой важнейшим компонентом является язык. «Интернет-язык отражает коллективную картину мира с точностью цифровых технологий и контрастностью высокого качества» [Баркович, 2016, с. 192] в электронной, глобальной и интерактивной среде [Crystal, 2001, с. 24]. Растет интерес к компьютерно-опосредованной коммуникации, в том числе со стороны филологов, поскольку виртуальное пространство нуждается в гуманитарном освоении. Культурные доминанты дискурса, речи, языка имеют большое значение в интернет-обусловленной коммуникации.

В «виртуальной реальности коммуникация становится богаче и разнообразнее, нередко замещая общение в материальном мире. Демократичность языка в компьютерно-опосредованной среде ведет к поиску единого языкового стандарта в Интернете», как правило, к использованию англоязычной лексики [Баркович, 2016, с. 206]. Это произошло и со словом *контент*, которое сравнительно недавно вошло в лексикон русскоязычных граждан и пока подробно не описано в лексикографической литературе. Слово *контент* часто встречается на страницах медиаресурсов, появились новые должности: *контент-маркетолог*, *контент-редактор*, *контент-менеджер*, — которые занимаются составлением *контент-планов*, делают *контент-анализ*, развивают *контент-маркетинг*; в высших учебных заведениях появилось новое направление подготовки специалистов по *контент-менеджменту*. И в этой связи представляется интересным обратиться к изучению семантики лексемы *контент* в аспекте верификации лексикографического описания психолингвистическими методами.

В лингвистике накоплен экспериментальный материал по проблемам концептуального анализа [Болдырев, 2018; Климова, 2019; Попова и др., 2007; Радбиль, 2019; Смирнова, 2017; Стернин, 2018; Турко, 2007; Letiucha et al., 2019; Nagovitsyna, 2018], однако отсутствуют работы, в которых изучается представление о контенте в русском языковом сознании. Для этой цели авторы используют лингвистическое интервьюирование молодежи как наиболее активной части пользователей компьютерных технологий.

2. Формально-логический подход к рассмотрению понятия «контент»

Формально-логический подход к изучению исследуемого понятия предполагает обращение к толковым словарям и академическим справочникам. Так, слово контент в значении 'содержание' пришло к нам из английского. В языке-источнике оно является многозначным и произносится с ударением на первом слоге. Это 1) 'содержимое', 'содержание'; 2) 'суть', 'основное содержание'; 3) 'доля', 'процент', 'содержание'; 4) 'объем', 'вместимость', 'емкость' [НБАРС, 1993, т. 1, с. 446]. Привычное русскому слуху произношение слова с выделением второго слога в английском языке указывает на иные значения лексемы: 'удовлетворение', 'довольство'; 'довольный'; 'удовлетворять' [Там же]. Обращение к этимологии слова показывает, что оно было известно русскому языку. Первое упоминание лексемы контент с ударением на втором слоге встречается в 1706 году в архиве князя Ф. Куракина в значении прилагательного 'довольный': *Здесь слышу о бытности нашей продолжительной в Париже, не гораздо контенты* [ИСГРЯ]. Возможно, слово заимствовано русским языком из французского либо последний был языком-посредником. В современном русском языке закрепился вариант контéнт.

По данным Национального корпуса русского языка, слово *контент* впервые употребляется в основном подкорпусе с 2000 года: *Как получить прибыль в контент-проектах* (Я бы в internet вошел, пусть меня научат // «Рекламный мир», 2000.03.30) [НКРЯ].

В одном федеральном стандарте Российской Федерации раскрывается значение термина *контент* следующим образом: это «содержательная часть сообщений, сведений» [ГОСТ-2011, с. 2], а в другом официальном источнике *контент* определяется через принадлежность к сфере использования: «содержание, мультимедийный продукт (например, телевизионная программа)» [ГОСТ-2010, с. 2].

В толковых словарях современного русского языка *контент* с пометой «книжн.» определяется как 'содержание книги, статьи, пьесы' [БТС]. Однако в русском языке невозможны сочетания *контент рассказа И. А. Бунина* «Антоновские яблоки» или *контент пьесы А. П. Чехова* «Вишневый сад» и под., мы можем узнать *содержание пьесы, романа, книги* и т. п. Разная сочетаемость слов *содержание* и *контент* обусловлена тем, что они называют неравнозначные понятия.

Контекстное окружение лексемы *контент*, по данным Национального корпуса русского языка, показывает, что она употребляется, когда речь идет о представлении некой информации в медиа и интернете, таким образом, слово *контент* приобретает более узкое, специализированное значение: «Лента.ру» стала одним из первых российских федеральных изданий, решивших активно производить *контент* в TikTok («Лента.ру» запустила в TikTok чел-

лендж для уставших от плохих новостей // lenta.ru, 2019.12.27) [НКРЯ]; *Между тем за уже показанный контент компания требует у Twitch 180 миллиардов рублей* («Матч ТВ» и Twitch избежали блокировки из-за претензий Rambler // Московский комсомолец, 2019.12.17) [Там же]; *В четверг, 12 декабря, Facebook заявила о том, что направит \$130 млн на деятельность независимого совета, который будет рассматривать контент соцсети* (Яна Рождественская. Facebook выделит \$130 млн на работу совета по контенту // Коммерсант, 2019.12.13) [Там же]. Эти примеры свидетельствуют о том, что контент связывается с представлением об информационном ресурсе, размещенном в медийном или виртуальном пространстве. Основные особенности обусловлены, во-первых, тем, что эта информация публикуется в сети Интернет; во-вторых, репрезентируется в виде текста, графики, картинки, аудио, видео, программы, платформы и др.; в-третьих, характеризуется определенным порядком расположения, подачи информационных блоков в зависимости от формата представления. Кроме того, в интернет-обусловленной коммуникации встречаются случаи и широкого толкования слова, например: *Контент — это информация с любого носителя. Например, сводки с фронта во время войны — тоже контент, который по форме мало отличается от нынешних радионовостей и подкастов. Бумажные газеты — такой же источник контента, как сайт в интернете* [Яцько].

Таким образом, если считать слово *контент* синонимичным слову *информация*, значение которого удовлетворяет целям номинации, то термин *контент* является эквивалентной общенаучной лексемой. Однако если воспринимать его в более узком смысле, как номинацию особого вида или способа представления информации именно в цифровой среде, то эта языковая единица в настоящее время может рассматриваться как узкоспециальная терминологическая.

Существует и иное представление о контенте, например, исследователи рассматривают его в текстовом аспекте. Так, по определению Т. С. Павленко, это «полный и законченный, логически выстроенный текст в определенном объеме, который имеет свой оригинальный смысл, не совпадающий со смыслом отдельных предложений» [Павленко, 2017, с. 32].

Анализ лексикографического описания слова *контент* позволяет определить его обобщенное, системное значение, однако для объективного анализа семантического пространства данной языковой единицы необходимо выявить новые значения лексемы, зафиксировать лексические изменения, связанные с осмыслением этого понятия носителями языка. Кроме того, наблюдение за «контекстуальным употреблением любого слова демонстрирует, что количество семантических компонентов в слове значительно больше, нежели в его лексикографическом описании» [Стернин, 2018, с. 12]. В работах по лингви-

стике последних лет исследователи языка «активно обращаются к данным ассоциативных словарей как к надежному источнику сведений об устройстве и функционировании языкового сознания» [Трещева, 2015, с. 326]. Полученные материалы с вербальными ассоциациями дают ученым «представление об организации и динамике ментального лексикона», позволяют структурировать когнитивные сегменты языковой картины мира [Там же].

Так, электронный ресурс «Русский ассоциативный словарь» [ЭРРАС], а также печатное издание «Русского ассоциативного словаря» [РАС, 2002] не содержат информации о понятии «контент», то есть либо существует определенная несформированность ментального лексикона у носителей языка в отношении данной номинации, либо в силу определенных причин данная лексема не зафиксирована в словарях. По определению Е. С. Кубряковой, «ментальный лексикон — это совокупность знаний, группирующихся “вокруг” слова, и всех сведений, вытекающих из осознания его связей с другими словами и другими оперативными единицами сознания (концептами)» [Кубрякова, 2004, с. 381].

Однако в онлайн-словаре «Карта слов и выражений русского языка» даются следующие ассоциации к слову *контент*: *тент, связь, сайт, наполнение, текст, страница, содержимое, Интернет, текст, фильтрация, контур, информация, сеть, склад, сервер, состав, магазин, скачивание, состояние* [ОСКСВРЯ].

3. Ментальные признаки понятия «контент»

В основе психолингвистического описания значения слова лежит «совокупность семантических компонентов, выявленных или верифицированных экспериментальными приемами разного типа, ранжированных по относительной яркости в языковом сознании носителей языка» [Стернин и др., 2011, с. 15]. Антропометрический метод лингвистического интервьюирования позволяет установить у носителей языка ментальные признаки исследуемого понятия, связанные с данной звуковой оболочкой. В эксперименте участвовало 50 студентов университета гуманитарных направлений подготовки. С целью непосредственного обращения к интуиции носителей языка и оптимизации ассоциативных рядов респондентам были заданы вопросы: *Что такое контент? Каковы основные функции контента? Какова степень достоверности информации в контенте? В каком стиле Вы чаще всего встречаете текстовый контент? Какая форма представления контента для Вас наиболее интересна? Какое количество времени в течение дня Вы затрачиваете на просмотр контента? Как Вы оцениваете контентную информацию? Какие ассоциации у Вас возникают, когда Вы слышите слово «контент»? Какие негативные стороны контента Вы видите? Какие позитивные стороны контента Вы видите?*

Ответы респондентов на первый вопрос позволили сделать следующие выводы: 11 человек, что составляет 22 %, затруднились дать ответ (из них 18 % испытуемых не смогли привести определение контента; *я не понимаю, я не знаю* — по 2 %), остальные охарактеризовали контент следующим образом: *это информация* (26), *различная интернет-информация* (1), *любого характера* (1), *любого типа* (1), *какая-то* (1), *главная* (1), *новая* (1), *произносимая* (1), *доносимая из любых источников* (1), *опубликованная в Интернете* (2), *которую человек получает через Интернет* (1), *из Интернета* (1), *в соцсетях* (1), *которую можно посмотреть на сайте* (1), *в развлекательной форме* (2), *полезная или развлекательная* (1), *размещенная на сайте* (1), *на различных сайтах* (1), *на различных ресурсах* (1), *с любого носителя* (1), *для пользователей* (1), *сформированный на определенную тему блок информации* (1), *суть чего-либо в Интернете, выполняющего перед собой задачу (развлекательную, обучающую)* (1), *содержание* (6), *статей, книг, сайта* (1), *какого-либо сайта* (1), *в разных форматах в интернет-пространстве* (1), *которое имеет развлекательный и познавательный характер* (1), *информационное содержание* (2) *чего-либо* (1), *веб-страницы* (1), *содержимое веб-страниц, соцсетей, видеохостингов, видеоканалов* (1), *материал* (2), *размещаемый на интернет-ресурсах* (1), *группа информационного материала с качественной визуализацией* (1), *тема, которая освещается в каком-либо видеоматериале* (1), *внешний вид, структура, определенный стиль сайта* (1), *массив идей, реализованных в определенном пространстве* (1), *то, что человек создает для привлечения внимания* (1), *то, что он создает сам, например, проводит стрим, создает что-то уникальное, то, чего не было до этого, привносит новое в сферу его деятельности* (1), *не газеты* (1), *деньги* (1).

Таким образом, часть респондентов склонна относить к контенту любую информацию, но большинство осмысливает контент как информацию в интернет-среде. Несмотря на то, что многие привели свое толкование контента, не все испытуемые смогли его описать, вероятно, потому, что в сознании носителей языка сигнификативное значение анализируемого языкового знака находится на стадии формирования.

Рассматривая концепт КОНТЕНТ, следует проанализировать его структуру и содержание. Многие лингвисты в структуре концепта выделяют «образ, определенное информационно-понятийное ядро и некоторые дополнительные признаки, что свидетельствует о принципиальном сходстве в понимании структуры концепта в разных научных школах» [Попова и др., 2007, с. 105—106].

Когнитивная интерпретация результатов эксперимента показывает, что концепт КОНТЕНТ в сознании носителей языка идентифицируется зритель-

но и на слух, при этом оценивается с точки зрения прагматичности. Образ контента сопоставим с источником знаний, иллюстрированной книгой, справочной литературой, которые воспринимаются визуально или аудиально и отбираются пользователем с точки зрения увлекательности, полезности и др.

Среди функций контента респонденты отмечают в равной степени важность информативной и развлекательной функций (по 42 ответа — 84 %), 25 (50 %) человек выделили обучающую функцию, 18 (36 %) — рекламную, 16 (32 %) отдали приоритет образовательной функции.

Молодые люди склонны скорее доверять контенту, так 18 (36 %) респондентов дали утвердительный ответ о достоверности контента, однако этот параметр нельзя назвать преобладающим, так как другая часть информантов (16 респондентов — 32 %) дает отрицательный ответ. Затруднились ответить (*не знаю*) — 6 (12 %). *Информация не всегда может быть достоверной* — 5 (10 %), *пятьдесят на пятьдесят* — 3 (6 %), *достоверность контента сильно зависит от достоверности ресурса* — 2 (4 %). В целом в большинстве случаев имеет место настороженное отношение к контент-информации.

Стилевую принадлежность текстового контента, к которому они чаще всего обращаются или который чаще всего встречают, респонденты охарактеризовали следующим образом: разговорный — 27 (54 %), художественный — 21 (42 %), научно-популярный — 19 (38 %), публицистический — 15 (30 %), собственно научный — 6 (12 %), зависит от конкретно взятого источника — 2 (4 %). Очевидно, что частотность выбора разговорного стиля во многом связана с активной коммуникацией молодого поколения в социальных сетях, в процессе которой, как правило, используется стилистически сниженная лексика, эмоционально-оценочные слова, сокращения, «свободный» синтаксис и т. д. — те языковые средства оформления мысли, которые характерны для разговорного стиля. Можем предположить, что художественный стиль называется респондентами в связи с использованием ресурсов электронных библиотек (в идеализированном варианте), а также сайтов, популярных у молодого поколения, содержащих фанфики — любительские произведения по мотивам известного романа, кинофильма, аниме, видеоигры и др.; научно-популярный стиль связывается с обучающими источниками, которыми пользуются молодые люди в процессе получения образования, и сайтами, содержащими познавательный контент «для общего развития», где в доступной форме объясняется научная информация. Актуальность проблематики контента, транслирование общественно-значимой, новостной информации позволяет связывать его с публицистическим стилем. Вероятно, студенты отвечали на вопрос о стиле контента, исходя из личных предпочтений выбора информации в интернет-пространстве.

В отношении средств оформления контента пользовательские предпочтения распределились следующим образом: *визуальную информацию предпочитают* 35 (70 %) человек, *текстовую* — 23 (46 %), *видео / аудио* — 16 (32 %), *зависит от контента* — 1 (2 %) (рис. 1).

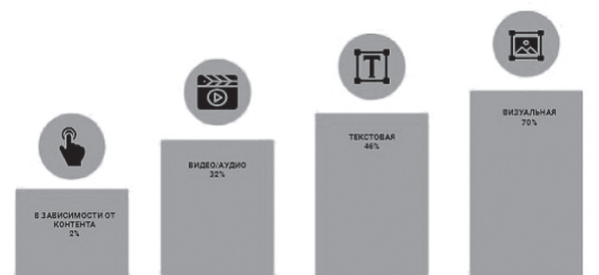

Рис. 1. Способ представления контента

Согласно данным ежегодного глобального исследования We Are Social и Hootsuite, среднестатистический пользователь Интернета в возрасте от 16 до 64 лет проводит онлайн 6 часов 43 минуты каждый день, при этом россияне — 7 часов 17 минут [Digital]. Ежедневное обращение к контенту у респондентов в возрасте от 18 лет до 21 года составляет в среднем 4 часа — 30 (60 %), 2 часа — 15 (30 %), 6 часов — 4 (8 %), 8 часов — 3 (6 %), около 2 часов — 2 (4 %) [Там же]. Большое количество времени, которое молодые люди проводят в виртуальном пространстве, объясняется отчасти ответами респондентов, касающихся оценки контента. Так, информацию, размещенную в интернете, пользователи охарактеризовали в целом позитивно, как *интересную* — 35 (70 %), *развлекательную* — 35 (70 %), *познавательную / обучающую* — 28 (56 %), *полезную* — 16 (32 %), *бесполезную* — 7 (14 %), *«мусорную»* — 7 (14 %) (рис. 2).

Рис. 2. Оценочное восприятие контента

На слово-стимул *контент* не получено реакции у 6 (12 %) информантов. Понятие контента у оставшейся части респондентов ассоциируется в первую очередь с *информативностью* (5), *информацией* (3) (16 %). Ассоциативный ряд в сознании пользователей можно выстроить следующим образом: *Интернет* (4) (8 %), *YouTube* (4) (8 %), *развлечение* (4) (8 %), *интерес* (3) (6 %), *видео* (2), *видеоуроки* (1), *видеофрагменты* (1) (8 %), *хайп* (3) (6 %), *Instagram* (2) (4 %), *социальные сети* (2) (4 %), *содержание* (2), *какое-либо познавательно-развлекательное содержание* (1), *содержание web-сбера* (1), *содержание сайтов и блогов в Интернете* (1) (10 %), *новое* (1), *что-то новое* (1), *познавательное* (1), *VC* (1), *новости* (1), «*компл*» (1), *получение знаний и эмоций* (1), *статьи* (1), *аудио, фото, посты* (1), *деньги* (1), *проведение времени* (1), *досуг* (1) (рис. 3).

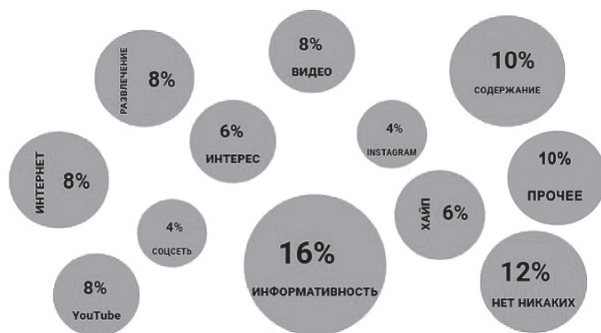

Рис. 3. Ассоциативное поле контента

Кроме того, результаты анкетирования позволяют сделать вывод о неопределенности и расплывчатости понятия «контент» в сознании респондентов, на что указывают местоимения *что-то, какой-либо*. Употребление неопределенных местоимений при характеристике контента, а также отсутствие ассоциаций у части испытуемых свидетельствуют о размытости образа, хотя очевидно, что слово *контент* на слуху у подавляющего большинства молодых людей.

В качестве негативных характеристик контента информантами были отмечены следующие реакции: *недоверительность информации* (21) (42 %), *пропагандистский контент* (2) (4 %), *дезинформация* (2) (4 %), *бесполезная информация* (3) (6 %), *хайп* (2) (4 %), *реклама* (2) (4 %), *замещение реальных контактов с живыми людьми виртуальными друзьями* (2) (4 %), *ложь* (2), *ложная информация* (1), *много лжи* (1), *часть информации бывает ложной* (1) (что составляет 10 %) или *ненужной, которая никогда не*

пригодится, вместе с полезной для себя информацией человек получает много «мусорного», ненужного контента, введение людей в заблуждение, неточная информация, умолчание некоторой части правды, фальсификация, много вбросов, копирование информации, потеря времени, погоня за популярностью, нецензурная лексика, не всегда полезная информация, может быть вредная информация, деградация, пропаганда пагубных привычек, угнетение человечества, возможно отрицательное влияние на под-сознание детей, много неважного материала, доступность, насаждение отклоняющего поведения, зависит от формы выражения (по 1) (по 2 %). Негативные стороны контента не отмечаются 9 (18 %) информантами.

Недостоверность информации	42%
Нет минусов	18%
Ложь	10%
Бесполезная информация	6%
Дезинформация	4%
Пропагандистский контент	4%
Может быть вредная, неточная	4%
Замещение реальных контактов на общение с виртуальными друзьями	4%
Хайп	4%
Реклама	4%

Рис. 4. Отрицательные ассоциативные реакции

На вопрос о положительных качествах контента респонденты дали следующие ответы (рис. 5): *развлечение* (12) (24 %); *получение полезной информации* (7), *познавательнo* (4), *познавательность* (2), *лайфхак, который мне может пригодиться в дальнейшем* (1) (28 %); *обучение* (6), *образование* (2), *саморазвитие* (1), *изучение* (1), *легкость изучения* (1) (22 %); *доступность* (4) (8 %), *обмен идеями* (3) (6 %); *хайп* (2) (4 %); *интерес* (2) (4 %); *новая информация, понятие чего-то нового, легко воспринимается информация, позволяет достаточно быстро понять что-либо, поднятие настроения, много информации, занимательность в свободное время, деньги, зависит от формы выражения, хорошая визуализация, доступность изложения, яркий, привлекает внимание, возможность общения с людьми всего мира, простота восприятия информации* (по 1) (по 2 %). «Плюсов» в контенте не находят также 9 человек (18 %), не имеет представления 1 информант.

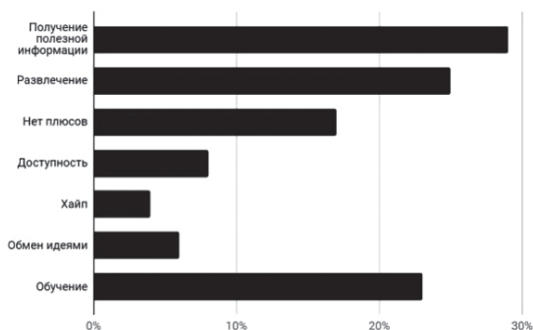

Рис. 5. Положительные ассоциативные реакции

Интересно, что в оценочной зоне есть один и тот же признак концепта КОНТЕНТ, который осмысливается респондентами как положительно, так и отрицательно, — *хайп*.

Таким образом, контент в нашем исследовании воспринимается испытуемыми как средство развлечения, возможность получения полезной информации в целях обучения, однако наряду с этим характеризуется как содержащий недостоверные сведения, пропаганду и ненужную информацию.

4. Полевая структура концепта *контент*

В номинативном поле концепта КОНТЕНТ можно выделить ядерную и периферийную зоны. Ядро составляют слова, называющие ключевой признак контента: *информация, содержимое интернета, содержимое интернет-ресурса*. Лексикографическое описание сводит *контент* к содержанию книги, статьи, пьесы, однако анализ примеров употребления слова в медийных и интернет-ресурсах и результаты анкетирования студентов позволяют выявить другое значение слова *контент*, связанное с содержанием и наполнением электронного ресурса.

Структуру концепта образуют также когнитивные признаки, которые в зависимости от степени яркости и частотности языковых репрезентантов располагаются в зоне ближней, дальней и крайней периферии. Для формирования полевой структуры концепта КОНТЕНТ мы учитывали в первую очередь понимание респондентами термина, а также их оценивание, так как выделение положительных или отрицательных признаков контента позволяет ранжировать ключевые когнитивные признаки концепта по степени их яркости.

Полевая структура концепта КОНТЕНТ представлена следующим образом:

ядро: *информация в Интернете;*

ближняя периферия: *источник недостоверной информации, средство получения полезной информации, средство развлечения, легко читаемые статьи, новости, визуальная информация, текст, примеры из жизни, обсуждение, разговорный стиль, художественный стиль, научно-популярный стиль, ежедневное четырехчасовое обращение, простота восприятия, непонимание;*

дальняя периферия: *обучение, реклама, образование, публицистика, видео / аудио, полезный, бесполезный, YouTube, Instagram, хайн, социальные сети, ложь, вбросы, потеря времени;*

крайняя периферия: *видеоуроки, новое, содержание web-сбера, блоги, досуг, не знает о «плюсах», деньги.*

5. Заключение

Итак, семантико-когнитивный анализ слова позволяет выделить два типа значений, одно из которых приводится в толковом словаре, а другое выявляется в речи носителей языка, а также в изложении их представлений об объекте. Системное значение фиксируется в словарях в соответствии с принципами редукционизма, то есть минимизации признаков, включаемых в значение: *контент — содержательная часть сообщений, сведений.* Здесь мы наблюдаем ситуацию несовпадения формально-логического и психологического представления понятия, это один из нередких случаев расхождений между данными толковых словарей и выводами, сделанными на ассоциативном материале или по результатам интервьюирования. Различия обусловлены рядом факторов: ментальное своеобразие, характеризующее разные группы русскоговорящего населения, несовпадение ассоциативно-вербальной сети как общей языковой компетенции и самой речи, реализованной в текстах конкретного содержания, ориентация одних источников на актуальность, «сиюминутность» знания, а других — на его устойчивость, традицию и ряд других когнитивных и коммуникативных обстоятельств, требующих дальнейшего изучения.

Экспериментальное исследование значения лексемы *контент* предполагает выделение и описание всех семантических признаков, образующих структуру соответствующего концепта. По результатам анализа ответов студентов можно сформулировать значение слова *контент — это размещенная в Интернете интересная информация (возможно, неподтвержденная), передающаяся разными способами (печатный текст, иллюстрация, аудио, видео, их сочетание), которая рассчитана на массового чита-*

теля и на ознакомление с которой современная молодежь тратит 1 / 3 активного времени в течение суток. В целом подобные пилотажные исследования позволяют определить содержание, структуру и перспективы дальнейшего психолингвистического изучения концептов. В частности, рассмотрение семантики слова *контент* как феномена языкового сознания носителя языка служит основой для дальнейшего, более подробного анализа концепта КОНТЕНТ.

Источники и принятые сокращения

1. БТС — *Большой толковый словарь русского языка* [Электронный ресурс] / под ред. С. А. Кузнецова. — Санкт-Петербург : Норинт, 1998. — Режим доступа : <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения 30.04.2021).
2. ГОСТ-2011 — ГОСТ Р 43.2.2-2009 Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Язык операторской деятельности. Общие положения по применению : национальный стандарт Российской Федерации : дата введения 2011—01—01 / Федеральное агентство по техническому регулированию. — Изд. официальное. — Москва : Стандартинформ, 2010. — 19 с.
3. ГОСТ-2010 — ГОСТ Р 53531-2009. Телевидение вещательное цифровое. Требования к защите информации от несанкционированного доступа в сетях кабельного и наземного телевизионного вещания. Основные параметры. Технические требования : национальный стандарт Российской Федерации : дата введения 2010—12—01 / Федеральное агентство по техническому регулированию. — Изд. официальное. — Москва : Стандартинформ, 2010. — 49 с.
4. ИСГРЯ — *Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка* [Электронный ресурс] / Н. И. Епишкин // Национальная электронная библиотека. — Режим доступа : https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_006711216/ (дата обращения 30.04.2021).
5. НБАРС — *Новый Большой англо-русский словарь* : в 3-х т. Около 250 000 слов / Ю. Д. Апресян, Э. М. Медникова, А. В. Петрова и др. ; под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. — Москва : Русский язык, 1993. — Т. 1. А—F. — 832 с. — ISBN 5-200-01848-X.
6. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения 30.04.2021).
7. ОСКСВРЯ — *Онлайн-словарь «Карта слов и выражений русского языка»* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://kartaslov.ru/> (дата обращения 30.04.2021).
8. РАС — *Русский ассоциативный словарь*. В 2 т. Т. I. От стимула к реакции : Ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. — Москва : АСТ-Астрель, 2002. — 784 с. — ISBN 5-17-015421-6.
9. ЭРРАС — *Электронный ресурс «Русский ассоциативный словарь»* [Электронный ресурс] // Информационная система когнитивных экспериментов. — Режим доступа : <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения 30.04.2021).
10. Яцко Ю. Что такое контент и каким он бывает [Электронный ресурс] / Ю. Яцко. — Режим доступа : https://www.web-dius.ru/blog/chto_takoe_kontent_i_kakim_on_byvaet/#po_sposobu_osyazaniya (дата обращения 30.04.2021).
11. *Digital 2020* : ежегодное глобальное исследование от We Are Social и Hootsuite [Электронный ресурс] // Ex Libris : сайт. — 2020. — Режим доступа : <https://exlibris>.

ru/news/digital-2020-ezhegodnoe-globalnoe-issledovanie-ot-we-are-social-i-hootsuite/ (дата обращения 30.04.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. Баркович А. А. Интернет-дискурс : компьютерно-опосредованная коммуникация : учебное пособие / А. А. Баркович. — Москва : ФЛИНТА-Наука, 2016. — 288 с. — ISBN 978-5-9765-1927-5.
2. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н. Н. Болдырев. — Москва : Издательский Дом ЯСК, 2018. — 480 с. — ISBN 978-5-6040760-9-5.
3. Климова М. В. О семантико-прагматическом аспекте концепта *креативность* / М. В. Климова // *Philologos*. — 2019. — № 3 (42). — С. 52—58. — DOI: 10.24888/2079-2638-2019-42-3-52-58.
4. Кубрякова Е. С. Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 560 с. — ISBN 5-94457-174-8.
5. Павленко Т. С. Понятие «контент» : типология, виды и технология получения дидактического контента в образовательном процессе / Т. С. Павленко // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. — 2017. — № 10 (123). — С. 31—35.
6. Попова З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка : монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — 2-е изд., перераб., и доп. — Воронеж : Истоки, 2007. — 252 с.
7. Радбиль Т. Б. Концепт «грех» в контексте лексикографического описания ключевых концептов русской культуры / Т. Б. Радбиль, В. В. Сайгин // *Вопросы лексикографии*. — 2019. — № 15. — С. 36—59. — DOI: 10.17223/22274200/15/3.
8. Смирнова Е. Е. Смысловое наполнение концепта ИСТИНА в лексико-семантической системе русского языка (по данным лексикографических источников) / Е. Е. Смирнова // *Научный диалог*. — 2017. — № 11. — С. 169—182. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-169-182.
9. Стернин И. А. Исследование значения как феномена языкового сознания : монография / И. А. Стернин. — Алматы : Полилингва, 2018. — 200 с. — ISBN 978-601-270-343-6.
10. Стернин И. А. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. — Saarbrücken : LAP LAMBERT, 2011. — 192 с. — ISBN 978-3-8465-0792-6.
11. Трещева Е. Г. Слова с событийной семантикой как фрагмент ассоциативно-вербальной сети / Е. Г. Трещева // *Язык в пространстве речевых культур : К 80-летию В. Е. Гольдина* / отв. ред. О. Ю. Крючкова, Л. П. Крысин. — Москва — Саратов : Амрита, 2015. — С. 326—335. — ISBN 978-5-9907116-3-1.
12. Турко У. И. Лингвокогнитивный анализ компьютерной терминологии русского языка : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / У. И. Турко. — Елец, 2007. — 24 с.
13. Crystal D. Language and the Internet / D. Crystal. — Cambridge : Cambridge University Press, 2001. — 272 p.
14. Letiucha L. Concept UNIVERSITY : Comparative Characteristics of Lexicographic and Psycholinguistic Portrait / L. Letiucha, O. Petrov, V. Zavatskyi // *Psycholinguistics*. — 2019. — Vol 26. — № 2. — Pp. 208—223. — DOI: 10.31470/2309-1797-2019-26-2-208-223.

15. Nagovitsyna N. V. The Linguistic Representation of the Concept of PATRIOTISM in the Modern Russian Language Consciousness (on the Basis of Data from an Associative Chain Experiment) / N. V. Nagovitsyna // *Russian Education & Society*. — 2018. — Vol 60. — Issue 10—12. — Pp. 762—774. — DOI: 10.1080/10609393.2018.1662238.

MATERIAL RESOURCES

- BTS — *A large explanatory dictionary of the Russian language*. (1998). St. Petersburg: Norint. Available at: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (accessed 30.04.2021). (In Russ).
- Digital 2020: annual global research from We Are Social and Hootsuite. (2020). In: *Ex Libris: website*. Available at: <https://exlibris.ru/news/digital-2020-ezhgodnoe-globalnoe-issledovanie-ot-we-are-social-i-hootsuite/> (accessed 30.04.2021). (In Russ).
- ERRAS — *Electronic resource "Russian associative dictionary". Information system of cognitive experiments*. Available at: <http://thesaurus.ru/dict/> (accessed 30.04.2021). (In Russ).
- GOST — 2010-GOST R 53531-2009. *Digital broadcast television. Requirements for the protection of information from unauthorized access in cable and terrestrial television broadcasting networks. The main parameters. Technical requirements: national standard of the Russian Federation: date of introduction 2010-12-01. Federal Agency for Technical Regulation. Official publication*. (2010). Moscow: Standartinform. 49 p. (In Russ).
- GOST — 2011-GOST R 43.2.2-2009 *Information support of equipment and operator activities. The language of operator activity. General provisions for application: national Standard of the Russian Federation: date of introduction 2011-01-01. Federal Agency for Technical Regulation. Official publication*. (2010). Moscow: Standartinform. 19 p. (In Russ).
- ISGRYA — Epishkin, N. I. *Historical dictionary of gallicisms of the Russian language. National Electronic Library*. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_006711216/ (accessed 30.04.2021). (In Russ).
- NBARS — *A new Large English-Russian dictionary: in 3 vols, I. A—F*. About 250,000 words. (1994). Moscow: Russian Language. 832 p. — ISBN 5-200-01848-X. (In Russ).
- NKRYA — *The National corpus of the Russian language*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 30.04.2021). (In Russ).
- OSKSVRYA — *Online dictionary "Map of words and expressions of the Russian language"*. Available at: <https://kartaslov.ru/> (accessed 30.04.2021). (In Russ).
- RAS — *Russian associative dictionary. In 2 vols., I. From stimulus to reaction: About 7000 stimuli*. (2002). Moscow: AST-Astel. 784 p. ISBN 5-17-015421-6. (In Russ).
- Yatsko, Yu. *What is content and how it happens*. Available at: https://www.web-dius.ru/blog/chto_takoe_kontent_i_kakim_on_byvaet/#po_sposobu_osyazaniya (accessed 30.04.2021). (In Russ).

REFERENCES

- Barkovich, A. A. (2016). *Internet discourse: computer-mediated communication: textbook. Manual*. Moscow: FLINT-the science. 288 p. ISBN 978-5-9765-1927-5. (In Russ).

- Boldyrev, N. N. (2018). *Language and knowledge system. Cognitive theory of language*. Moscow: YASK Publishing House. 480 p. ISBN in 978-5-6040760-9-5. (In Russ).
- Klimova, M. V. (2019). On the semantic and pragmatic aspect of the concept of creativity. *Filologos*, 3 (42): 52—58. DOI: 10.24888/2079-2638-2019-42-3-52-58. (In Russ).
- Krystal, D. (2001). *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press. 272 p.
- Kubryakova, E. S. (2004). *Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world*. Moscow: Languages of Slavic culture. 560 p. ISBN b 5-94457-174-8. (In Russ).
- Letyukha, L., Petrov, O., Zavatsky, V. (2019). The concept of the UNIVERSITY: A comparative characteristic of the lexicographic and psycholinguistic portrait. *Psycholinguistics*, 26 (2): 208—223. DOI: 10.31470/2309-1797-2019-26-2-208-223.
- Nagovitsyna, N. V. (2018). Linguistic representation of the concept of PATRIOTISM in the modern Russian language consciousness (based on the data of an experiment with an associative chain). *Russian education and society*, 60 10—12. 762—774. DOI: 10.1080/10609393.2018.1662238.
- Pavlenko, T. S. (2017). The concept of “content”: typology, types and technology of obtaining didactic content in the educational process. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 10 (123): 31—35. (In Russ).
- Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). *Semantic and cognitive analysis of language: monograph*. Voronezh: Origins. 252 p. (In Russ).
- Radbil, T. B., Saigin, V. V. (2019). The concept of “sin” in the context of lexicographic description of key concepts of Russian culture. *Questions of lexicography*, 15: 36—59. DOI: 10.17223/22274200/15/3. (In Russ).
- Smirnova, E. E. (2017). Semantic Content of Concept of TRUTH in Lexical-Semantic System of Russian Language (according to Lexicographic Sources). *Nauchnyi dialog*, 11: 169—182. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-169-182. (In Russ.).
- Sternin, I. A. (2018). *The study of meaning as a phenomenon of linguistic consciousness: monograph*. Almaty: Polylingua. 200 p. ISBN in 978-601-270-343-6. (In Russ).
- Sternin, I. A., Rudakova, A. V. (2011). *Psycholinguistic meaning of the word and its description. Theoretical problems*. Saarbrücken: Lambert Kneeling. 192 p. ISBN 978-3-8465-0792-6. (In Russ).
- Treshcheva, E. G. (2015). Words with event semantics as a fragment of an associative-verbal network. In: *Language in the space of speech cultures: To the 80th anniversary of V. E. Goldin*. Moscow-Saratov: Amirit. 326—335. ISBN in 978-5-9907116-3-1. (In Russ).
- Turko, U. I. (2007). *Linguocognitive analysis of computer terminology of the Russian*. Author's abstract of PhD Diss. Yelets. 24 p. (In Russ).

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Орлова Н. В. Семантические ряды как инструмент анализа дискурса (на материале дискурса о поколениях) / Н. В. Орлова // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 108—122. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-108-122.

Orlova, N. V. (2021). Semantic Series as a Discourse Analysis Tool (Discourse about Generations). *Nauchnyi dialog*, 7: 108-122. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-108-122. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-108-122

Семантические ряды как инструмент анализа дискурса (на материале дискурса о поколениях)

Орлова Наталья Васильевна
orcid.org/0000-0003-1761-4765
доктор филологических наук,
профессор
кафедра русского языка, славянского
и классического языкознания
nvorl@rambler.ru

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского
(Омск, Россия)

Semantic Series as a Discourse Analysis Tool (Discourse about Generations)

Natalia V. Orlova
orcid.org/0000-0003-1761-4765
Doctor of History, Associate Professor
Department of Russian,
Slavic and Classical Linguistics
nvorl@rambler.ru

Dostoevsky Omsk State University
(Omsk, Russia)

© Орлова Н. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о способах моделирования семантики дискурса, понимаемого как содержательно-тематическая общность текстов. Новизна работы видится в расширении методического инструментария исследования дискурса как массива текстов, в уточнении надындивидуальных знаний о важном социальном феномене. Актуальность исследования обусловлена интересом гуманитариев к теории поколений, до сих пор не получившей лингвистического отклика. Уделяется внимание идеям и методикам, позволяющим выводить текстово-дискурсивные смыслы на основе изотопии и смежных понятий, в частности понятия семантического ряда. Построение семантических рядов как апробированная методика анализа художественных текстов экстраполируется на исследование дискурса, формируемого коллективным речевым субъектом, что является авторской версией представления речевой системности. Проанализированы семантические ряды, выявленные в совокупности фрагментов разнотипных текстов, содержащих лексему *поколение*. Рассматриваются ряды, объективирующие такие смысловые блоки, как самопрезентация субъектов речи по принадлежности к поколению, категоризация поколений, поколенческие ценности. Автор сопоставляет смыслы, актуализированные семантическими рядами, с положениями междисциплинарной теории поколений, разработанной Н. Хоувом и В. Штраусом, доказывает частичное пересечение теоретических положений и обыденных представлений.

Ключевые слова:

изотопия; семантический ряд; семантика дискурса; поколение; теория поколений.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question of methods of discourse semantics modeling, understood as a content-thematic community of texts, is considered. The novelty of the research is seen in the expansion of the methodological tools in the study of discourse as an array of texts, in the refinement of supra-individual knowledge about an important social phenomenon. The relevance of the study is due to the interest of the humanities in the theory of generations, which has not yet received a linguistic response. Attention is paid to the ideas and techniques that make it possible to derive text-discursive meanings on the basis of isotopy and related concepts, in particular the concept of a semantic series. The construction of semantic series as a proven technique for analyzing literary texts is extrapolated to the study of discourse formed by a collective speech subject, which is the author's version of the presentation of speech systemicity. The semantic series identified in the aggregate of fragments of different types of texts containing the lexeme *generation* are analyzed. Attention is paid to the series that objectify such semantic blocks as self-presentation of subjects of speech by belonging to a generation, categorization of generations, generational values. The author compares the meanings, actualized by the semantic series, with the provisions of the interdisciplinary theory of generations, developed by N. Howe and W. Strauss, proves a partial intersection of theoretical provisions and everyday ideas.

Key words:

isotopy; semantic range; semantics of discourse; generation; generation theory.

Семантические ряды как инструмент анализа дискурса (на материале дискурса о поколениях)

© Орлова Н. В., 2021

1. Введение

Интерес отечественных гуманитариев к феномену демографического поколения вызван несколькими причинами. Социальные сдвиги последних десятилетий, в частности глобализация, частично нивелировали этнокультурные различия и одновременно актуализировали поколенческие. С другой стороны, этот интерес — отклик на теорию поколений, созданную в конце прошлого века американскими учеными Н. Хоувом и В. Штраусом и адаптированную для России психолингвистом Е. Шамис [Шамис и др., 2020]. Согласно этой теории, представители поколения рождены в один двадцатилетний период; под влиянием общественных событий к 12—14 годам у них формируются ценности, модели поведения, ощущение причастности к поколению; каждые четыре последовательно сменяющих друг друга поколения образуют цикл, так что пятое обладает ценностями, сходными с первым; российская версия теории поколений начинается отсчет с 1900-го года [Дробышева и др., 2019; Зверева, 2018; Калинина, 2010; Ожиганова, 2015; Семенова, 2005; Шамис и др., 2020 и др.].

Рецепция теории поколений, заметная в психологии, социологии, маркетинге, почти не коснулась языкознания. Настоящее исследование, частично восполняя этот пробел, имеет целью лингвистическое моделирование социальных знаний о поколениях и сопоставление результатов с некоторыми постулатами Н. Хоува, В. Штрауса и их последователей. Суть подхода состоит в анализе единиц, реализующих текстово-дискурсивные связи лексемы *поколение*. Научный контекст исследования отражен в таких понятиях, как текстовый концепт, изотопия, семантический ряд, дискурсивная семантика.

В понятии текстового концепта отражается принципиальная возможность через обращение к тексту выявить смысловой потенциал слова. Ключевое слово текста, «слово-тема», предстает как «фрагмент картины мира, репрезентированной в рамках ... текста как замкнутой системы» [Чурилина, 2003, с. 12]. Как правило, текстовые концепты реконструируются на материале художественных текстов, где наиболее очевидно их несходство с «этническим инвариантом» [Рожков, 2007, с. 71], однако обращение к другим типам текстов качественно не меняет положения дел.

О. В. Орлова, говоря о массмедиа, замечает, что анализ концептов как текстовых направлен на «обнаружение и описание их спецификаций в определенных типах дискурсивных практик, а следовательно, в определенных типах текстов» [Орлова, 2012, с. 85].

Обращение к изотопии можно рассматривать как частную методику, используемую в рамках решения вопроса о смысле слова в границах текста. Идея изотопии изначально также была предложена для интерпретации художественных текстов [Greimas, 1966] и в дальнейшем получила развитие; при этом ученые обращают внимание не только на повторы сем как явление лексического уровня текстовой семантики, но и на другие уровни и подсистемы [Воскобойникова, 2019, с. 365]. Близкие к изотопии явления рассматривались Ю. В. Трубниковой в рамках текстово-derivационной концепции. Исследователем разработаны такие категории, как лексико-derivационная структура текста, сквозные семантические ряды, лексические ряды, центральные единицы ряда; показаны возможные отношения между рядами, обоснована идея о том, что лексические ряды поддерживаются определенными синтаксическими отношениями [Трубникова, 2012]. Автор доказывает продуктивность анализа рядов для текстов разных типов, включая специальные [Трубникова, 2011].

В настоящем исследовании специфика применения идеи изотопии заключается в следующем. Процедура выстраивания семантических рядов применяется не к конкретному тексту как завершённому продукту речевой деятельности, а к дискурсу как потенциально открытому массиву текстов с общими признаками, как «содержательно-тематической общности текстов» [Чернявская, 2017, с. 142]. Рассматривается дискурс, сформированный фрагментами устной и письменной речи, включающими лексику *поколение*. Материалом исследования послужила выборка текстовых фрагментов по поисковому запросу «поколение» из основного, газетного, устного и мультимедийного корпусов НКРЯ. Мы согласны с В. Е. Чернявской в оценке отношений корпусной и дискурсивной лингвистики, предполагающей эффективность корпусного подхода при анализе дискурса: «если лингвистика дискурса фокусирует интегративность, интертекстуальную связность текстов, то корпусная лингвистика фокусирует репрезентативность текстовых образцов» [Там же, с. 143].

В полученном материале вычлениются ряды лексических единиц с повторяющимися компонентами значений разного уровня абстракции. Исходим из гипотезы, что в таких рядах концепт ПОКОЛЕНИЕ манифестирует смыслы, не отраженные в словарных толкованиях лексики *поколение*. Предположение опирается на идею об имплицитной семантике дискурса, для которой имеет значение «не столько лексическое значение употреблен-

ных единиц, сколько совокупность импликаций, интертекстуальных и интрадискурсивных отношений» [Чернявская, 2014, с. 58].

Извлекаемая из массива текстов дискурсивная семантика объективирует знания надындивидуального характера; см., например, интересный пример их реконструкции при построении социокультурной модели 'престиж' О. К. Ирисхановой [Ирисханова, 2014]. В наших прежних исследованиях показано аналогичное явление речевой системности — неявно выраженные «локальные системные значения» высказываний, описывающих область моральных суждений [Орлова, 2003; Орлова, 2006].

Анализ применен к контекстам всех грамматических форм слова *поколение* во 2-м и 3-м значениях: 2. Одновременно живущие люди (особи) приблизительно одного возраста. 3. кого или с опр. Группа людей, близких по возрасту, объединённых общей деятельностью, общими интересами [БТСРЯ, 1998, с. 895]. Общее количество фрагментов — 477. Фрагменты из устного и мультимедийного корпусов в статье представлены так же, как в источнике, то есть с отражением особенностей звучащей речи.

«Приращениями смысла» в результате оказываются несколько идей, отчетливость которых условно определяется количеством семантических рядов и степенью их развернутости. В данной статье обсуждаются следующие вопросы: члены социума выражают свою поколенческую идентичность; исчисляют поколения, располагая их на временной оси; определяют календарные и возрастные границы своего и других поколений; приписывают поколениям ценностные характеристики.

2. Самоидентификация по принадлежности к поколению

В 5,5 % высказываний лексема *поколение* контекстуально сближена с субъективными элементами языка, образующими семантический ряд **дейктических** единиц *я — мы — мой — наш — свой* с общим значением субъекта речи: *наше поколение; моё поколение; одного со мной поколения; я человек другого поколения; мы одного поколения; сужу по своему поколению; я относилась к поколению, в котором...; мы все относимся к молодому поколению; у нас было поколение романтиков; мы, поколение запоярных огурцов*. См. в примерах 1—2: (1) *Наше поколение вообще всё на байдарках воспитывалось*; (2) *Вот я как бы относилась к поколению / в котором хотели делать то / что нельзя*.

На семантико-синтаксическом уровне в данных высказываниях выражены реляционные отношения, оформленные как основные или включенные пропозиции (здесь и далее для описания типов пропозиций используется терминология, представленная в [Арутюнова и др., 1983, с. 5—13]). В составе полипредикативных конструкций они сочетаются с собственно

характеризующими, указывающими на действия, которые совершаются в тот или иной период жизни, в частности, молодость (пример 3) и начало зрелости (пример 4): (3) *Нет / наше уже поколение / мы уже больше в клуб ходили;* (4) *Чтоб детей плохими продуктами не кормить, наше поколение сады и огороды разводило.*

Дейктические единицы *я, мы, мой, наш, свой* пересекаются в общих контекстах с **темпоральным** семантическим рядом, к которому относится лексема *время* (*в моё время, в наше время, в свое время мы ...*), а также названия периодов жизни *детство, юность, молодость*. У словосочетаний *в наше время, в моё время* узואльным является значение ‘об ушедшем времени детства, юности, молодости субъекта речи’, что подтверждается примерами 5—7: (5) *А ваше поколение не знает ни о том / что было сделано в двадцатые годы / ни в наше время;* (6) *Ну наверное ... Я / правда / человек уже другого поколения / и ... ну / вот в мое время все читали или / по крайней мере / смотрели фильм «Дерсу Узала» да?;* (7) *У нас поколения выросли и удивляются простым вещам / которым мы ... не... в своё время не удивлялись.* Результаты поиска по запросам *наше время, моё время* в НКРЯ подтверждают, что одно из значений этих словосочетаний — именно ретроспективное: (8) *... В мое время бороды в городе можно было встретить только седые, у аксакалов.*

В совместной встречаемости *мой, наш, поколение* с названиями ранних периодов жизни (примеры 9—10) и их контекстуальными синонимами (пример 11) также проявляется «присваивание» детства, юности, молодости как особенность поколенческой самоидентификации: (9) *Вот я его слушала думала точно ведь как похоже моё детство и его. Мы вот одного поколения. Да?;* (10) *Когда я был молод / как вы / мне тоже казалось / что я живу в совершенно новом мире / моё поколение объяснит старикам / как нужно действовать;* (11) *А уже мобильные телефоны / ну / скажем / для нашего поколения / када мы были студентами / это казалось чем-то из ряда вон выходящим.* Хотя абсолютного запрета на речевое присвоение поколением каких-либо периодов жизни, помимо ранних, по-видимому, не существует, в материале высказываний, которые бы подтвердили это предположение, не встретилось. Большая часть высказываний, в которые входят единицы темпорального ряда, включают собственно характеризующие пропозиции.

3. Категоризация поколений

Выделяется семантический ряд, который называет поколения по отношению к другим. В совокупности единицы ряда демонстрируют исчисление, своеобразную речевую «инвентаризацию» поколений. Ряд пред-

ставлен лексемами с *атрибутивно-темпоральными* значениями; состоит из определителей слова *поколение*, выраженных разными частями речи (прилагательными, причастиями, порядковыми числительными), а также субстантивными словосочетаниями. Единицы ряда разнообразны и высокочастотны (встречаются в 39 % текстовых фрагментов, их общее количество — 195 словоупотреблений); распределяются между наименованиями поколений в координатах линейного и циклического времени.

На линейное время сориентированы номинации *следующее*, и реже *следующие* (всего 30 употреблений) — *будущие*, и реже *будущее* (27) — *новое*, и реже *новые* (20) — *нынешнее* (8) — *современное* (6) — *третье* (6) — *грядущие* (4) — *прошлые* (2) — *очередное* (1) — *довоенное* (1) — *четвертое* (1) — *последующие* (1) — *ныне живущее* (1) — *поколение детей войны* (1). Номинации данного типа представлены в примерах 12—14: (12) *Актеры сыграли одни из лучших своих ролей, которые не забудутся и следующими поколениями*; (13) *Забота о будущих поколениях — это самые надежные, умные и благородные инвестиции*; (14) *Нам необходимо приложить все усилия, чтобы решить эту проблему при нынешнем поколении, не откладывая её на потом*. На циклическое время сориентированы номинации, соотносимые с проживанием периодов жизненного цикла: *старшее* и реже *старшие* (всего 35 употреблений) — *молодое* (26) — *подрастающее* (17) — *среднее* (5) — *пожилое* (1) — *подростковое* (1) — *вновь рождающиеся* (1) — *поколение родителей* (1). Данный тип иллюстрируют примеры 15—16: (15) *В частности, он указал на необходимость систематизировать работу с молодым поколением со стороны органов власти в регионах*; (16) *То есть мы подрастающее поколение с собой тоже взяли / в воспитательных целях*.

К единицам, определяющим поколения в координатах линейного времени, относятся записанные латиницей либо кириллицей термины: *X, У, Z, Икс, Игрек, Зет*: (17) *Когда вы говорите или читаете в интернете гламурные статейки про поколение Икс / поколение Игрек / поколение Зет и прочите всякие буковки / да / то вы имеете дело именно с терминами / произведенными ими на свет*. Темпоральный компонент в единицах ряда выражен с разной степенью яркости, локализуется в ядре значения (например: *современное*) или на периферии (например: *родители*).

Из сказанного видно, что выделяются лидирующие по частотности названия поколений. На оси линейного времени актуализируется устремленность в будущее, о чем свидетельствует наиболее высокая частотность определителей *следующее*, *будущие*, *новое*. В координатах циклического времени внимание говорящих привлекают *молодое* / *подрастающее* и *старшее* поколения, в то время как *среднее* замечается реже. Дважды от-

мечены номинации поколений по историческому событию, причем в обоих случаях им является Великая Отечественная война. Атрибутивное значение без темпорального семантического компонента значительно уступает по частотности и характеризует поколение качественно: *потерянное, молчаливое* (термин), *Джи Ай* (термин), *неблагодарное, подлое, поколение рабов, поколение грамотной элиты*.

Семантико-синтаксические характеристики высказываний, включающих единицы данного ряда, не обладают выраженной спецификой.

Семантический ряд с **количественно-темпоральным** значением единиц (единицы ряда встречаются в 2,7 % текстовых фрагментов) указывает на признаки, объединяющие или, напротив, дифференцирующие поколения по признакам возраста, года рождения, хронологического отрезка, разницы в возрасте: *15—19 летние — (родилась) в 1937 году — по возрасту разница — пошел четвертый десяток — за тридцать — поколение 1990-х — поколения 1960-х — начала 1980 годов* и др. В соответствующих высказываниях дается характеристика поколений в координатах линейного времени.

С точки зрения авторов высказываний, к одному поколению относятся люди одного года рождения или одного возраста (пример 18), с «маленькой разницей» в возрасте (пример 19), с разницей в возрасте в 5 лет (примеры 19, 20), в 10 лет (примеры 21, 22), при этом разница в 20—25 лет разводит людей по разным поколениям (пример 23): (18) *Моё поколение тридцать седьмых / это тридцать седьмой год / когда я родилась;* (19) *... и вот получилось уже несколько поколений / понимаете / вот Александр Митрофанович и Лидия Ивановна / это / так сказать / старшее поколение / хотя между мной и Лидией Ивановной уже / конечно / не такая возрастная пропасть / как между мной и Александром Митрофановичем / между нами восемь лет разницы ... между мной и Валентиной Александровной ну всего-навсего 2 года / между мной и Ириной Павловной 3 года / между мной и Галиной Георгиевной 5 лет / понимаете / разница-то уже маленькая ...;* (20) *По данным Госкомстата, нынешних 15—19-летних почти 12 миллионов — в количественном отношении с этим поколением сопоставимо только поколение их отцов ...;* (21) *«Пионеры-герои» — это то самое поколение россиян, которому сегодня 30—40 лет;* (22) *... в моём поколении / вот мне сорок семь лет / вот прибавьте пять сюда и пять обратно ...;* (23) *У нас по возрасту разница была большая / двадцать-двадцать пять / другое поколение.*

Границы между поколениями, измеряемые отрезком времени или возрастом людей, размыты. Знаками неопределенности границ является указание только на нижнюю границу или только на верхнюю (примеры 24, 25), приблизительное обозначение возраста (пример 26), употребление слова *поколение* во множественном числе при выделении какого-либо хронологиче-

ского отрезка, так что вопрос о количестве соотношенных с ним поколений остается открытым (пример 27). Кроме того, рефлексирова на тему возраста и поколений, говорящие фиксируют противоречия (см. в примере 19: *старшее поколение, хотя ... восемь лет разницы*) или отказываются от идентификации по поколению (пример 28): (24) *Старшее поколение, т. е. вот / люди нашего возраста и старше / таких много достаточно звонит там / 35 / 36 лет, да?*; (25) *Я сужу по своему поколению / до 35 лет*; (26) *А уже звучал процесс Даниэля и Синявского, уже сняли Никиту, уже четвертый десяток пошел поколению звездных бунтарей советской литературы ...*; (27) *Таким образом бывают песни Булата Окуджавы и других бардов в интеллигентской среде поколений 1960-х — начала 1980 годов*; (28) *Нет я просто не понимаю принципа выделения своего поколения из всего потока. Так вообще помотришь / кто со мной в одном году родился / так они уж умерли*.

Семантический ряд с количественно-темпоральным значением отражен в высказываниях научного, научно-популярного дискурсов, где лексемы ряда встречаются в одном контексте с терминами (пример 29). В этом случае границы между поколениями определяются более четко, хотя знаки неопределенности имеются и в них (пример 30): (29) *Кроме того, в поколении Z будет на 27 процентов больше латиноамериканцев, чем среди миллениалов (родившиеся после 1981 года)*; (30) *Например, не рассказано про промежуточную группу между «поколениями X» и «Y», а там уже обнаружено постепенное исчезновение структуры, а этим людям уже хорошо за 30-ть*.

Для высказываний, в которые входят единицы ряда с количественно-темпоральным значением, характерны пропозиции тождества, или идентификации.

4. Ценностные ориентации поколений

Поколения репрезентируются в речевом материале с точки зрения значимости для них определенных материальных и нематериальных сущностей. В смысловом поле ценностных ориентаций выделяются несколько семантических рядов, единицы которых в совокупности представлены в 4,6 % текстовых фрагментов.

Ярче других представлен собственно **аксиологический** семантический ряд, центральной единицей которого является словоформа *ценности* в 4-ом значении слова *ценность*: «4. только мн. число. Предметы и явления культуры, морали, нравственности» [БТСРЯ, 1998, с. 1461]. В материале семантический ряд включает словоформы *ценности* — *в ценностях* — *ценностей* (примеры 31, 32), а также слова и выражения, которые находятся с центральной единицей в отношениях включения и пересечения:

культура — фольклор — духовный стержень — человечность и др. (примеры 33—35): (31) Каковы наши ценности и какова разница в ценностях поколений?; (32) Некоторые говорят другой смысл ... / например / смысл образования / это передача из / от одного поколения культурных достижений / ценностей другому да?; (33) Я понял / что здесь была своя какая-то определённая культура. А что такое старшее поколение? Это / конечно / связано с фольклором. Вот чему я поражаюсь / шо они умеют / нормально работая / нормально веселиться; (34) Вера / царь и отечество / это был духовный стержень / на котором держалось поколение моего деда; (35) И они хранят другую историю / они хранят человечность / вот. И следует надеяться / что эта человечность будет продолжать передаваться из поколения в поколение.

Кроме того, понятие ценностей в данном семантическом ряду конкретизируется за счет атрибутивов при центральной единице ряда: *моральные, традиционные, базовые, летописные, Майдана и европейского выбора, нашего народа и др. (примеры 36—39): (36) Мне кажется, огромная проблема нашего поколения в том, что мы постепенно перестаём видеть прекрасное, и, как следствие, существенно меняются и наши моральные ценности; (37) Необходима стратегическая комплексная программа утверждения преемственности в новых поколениях традиционных и базовых ценностей нашего народа; (38) Поколение так себе, потому что оно не про летописные ценности; (39) Реальное украинское церковное управление постепенно перейдет в руки молодого поколения, выросшего в эпоху независимости и впитавшего в себя ценности Майдана и «европейского выбора».*

Единицы аксиологического семантического ряда преимущественно включаются в высказывания с бытийными и характеризующими пропозициями.

Следующий семантический ряд выражает **ранжирование по значимости**. Единицами ряда являются субстантивные, глагольные, адъективные лексемы, у которых в ядре или на периферии значения присутствуют семы предпочтения. В примерах 40—45 это следующие единицы: *выбирает — приоритеты — главные — самым существенным — очень важно — первые места, последние места: (40) Это поколение выбирает «Пепси» / а не Баха ...; (41) ... мы окажемся рядом с другим поколением, мы сможем не просто прочесть чью-то аналитику, а реально понять ценности именно этого поколения, их приоритеты; (42) Просто мы всегда стараемся сохранить те главные ценности, которым нас научили здесь и которые теперь мы передаём следующим поколениям; (43) Фестиваль создан, чтобы проявить подходы разных поколений к тому, что нас волнует, что нас разрывает, к тому, что кажется самым существенным в нашем времени;*

(44) Дело в том / что / вообще вот / отцовство это очень важно для современных мужчин / молодых мужчин / вообще новых поколений; (45) Аа и опять же таки / если для поколения Беби-бумеров и Икс высокое положение в обществе / разнообразие / космополитизм — это последние места / то для Игрек и Зет индивидуальность / разнообразие и тот же самый космополитизм занимают первые места.

Наконец, отдельный семантический ряд образуют лексемы, называющиеся **ориентир**: то, к чему стремятся, или того, кому подражают. В примерах 46—52 представлены единицы ряда идеале — идеалы — образцом — образцов — в пример поставлено — в кумирах — кумиров: (46) *Они вынуждены преодолевать сопротивление со стороны ... основной массы педагогов, имеющих свое представление о нравственном идеале, который должен быть внушен подрастающему поколению ...;* (47) *Вот смотри / значит появляются поколения / которые ... носят марки эти ... «эсэсэсэр» рисуют / и идеалы социализма / и они его будут строить лет через двадцать по полной программе;* (48) *Эпический герой становился образцом для грядущих поколений, и в этом смысле — их современником;* (49) *... и одна из целей — это передача от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм / традиций обычаев и образцов поведения;* (50) *Великая Отечественная война / это целая идеология плюс то / что должно быть в пример поставлено нынешнему поколению;* (51) *В кумирах поколения, особенно в Оксимироне, несложно заметить не только поэтический дар, но и человеческое содержание;* (52) *Борис Борисович / всё-таки по поводу бывших / так сказать / кумиров поколений / что они так сильно меняются / теряют как-то ...*

5. Заключение

Применение методики семантических рядов к массиву текстовых фрагментов, включающих лексему *поколение*, позволило реконструировать один из способов выражения речевой системности дискурса. Кроме наличия рядов с повтором сем, обнаружены такие явления, как пересечение семантических рядов на основе общего темпорального компонента, а также сопряжение лексической и синтаксической семантики. В частности, единицы с количественно-темпоральным значением тяготеют к высказываниям с пропозицией тождества (идентификации), дейктический ряд маркирован реляционными отношениями и т. д.

Совокупностью семантических рядов манифестируются информационные блоки интертекстуального характера, которые выражают семантику дискурса о поколениях. В результате анализа, представленного в статье, можно говорить о стремлении речевых субъектов к самоидентификации по

принадлежности к поколению, о специфической категоризации поколений на оси времени, об указании на ценности как критерии выделения поколений. Реальность дискурсивной семантики обосновывается многократным, поддающимся качественно-количественному анализу повторением в речевом материале компонентов значений разного уровня абстракции.

Проанализированный дискурс имеет надындивидуальный характер. Обыденные представления о поколениях, отраженные в дискурсе, пересекаются с положениями теории поколений Н. Хоува — В. Штрауса и их последователей, при этом часть дискурсивной семантики, что вполне ожидаемо, находится за пределами научного знания. С чувством принадлежности к поколению, о котором говорят ученые, коррелирует речевая самоидентификация по данному признаку, выраженная семантическим рядом дейктических единиц. То же можно сказать о ценностях, которые значимы при характеристике поколений с точки зрения теории и которые выделены в дискурсе в виде собственно аксиологического семантического ряда, ряда единиц, задающих ранжирование по значимости, а также ряда с семантикой ориентира. Речевое «присвоение» поколениями ранних этапов жизни отчасти соответствует утверждению социологов о том, что поколенческие ценности и модели поведения формируются к 12—14 годам. В то же время категоризация поколений в дискурсе кардинально отличается от теоретического положения о смене поколений через 20 лет. Взаимодействие в речевом материале маркеров линейного и циклического времени не имеет точек пересечения с постулатами теории о календарном времени поколений XX века и четырехпоколенном цикле. Отсутствуют теоретические параллели к особой выделенности в речевом материале старшего поколения «в ущерб» среднему.

К перспективам исследования относится описание семантических рядов, единицы которых связаны семантикой памяти, истории, ответственности, «разрыва», преемственности и некоторых других.

Источники и принятые сокращения

1. БТСРЯ — *Большой толковый словарь русского языка* / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов ; РАН, Институт лингвистических исследований — Санкт-Петербург : Норинт, 1998. — 1535 с. — ISBN 5-7711-0015-3.

2. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс] — Режим доступа : <https://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 14.11.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Русское предложение. Бытийный тип : (Структура и значение) / Н. Д. Арутюнова, Е. Н. Ширяев. — Москва : Русский язык, 1983. — 198 с.

2. Воскобойникова Л. П. Интерпретация текста на основе понятия «изотопия» / Л. П. Воскобойникова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — 2019. — Том 12. — Выпуск 6. — С. 364—368. — DOI: 10.30853/filnauki.2019.6.77.

3. *Дробышева Т. В.* Образ своего поколения в представлениях разных групп россиян (на примере поколений «беби-бумеров», «X» и «Миллениум») [Электронный ресурс] / Т. В. Дробышева, М. Ю. Войтенко, М. М. Дробышева // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2019. — № 3 (51). — Т. 1. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-svoego-pokoleniya-v-predstavleniyah-raznyh-grupp-rossiyan-na-primere-pokoleniy-bebi-bumerov-h-i-millennium> (дата обращения 21.11.2020).

4. *Зверева Е. А.* Особенности медиапотребления «поколения Y» и «поколения Z» / Е. А. Зверева // Социально-гуманитарные знания. — 2018. — № 8. — С. 205—216.

5. *Ирисханова О. К.* Социокогнитивная лингвистика : структуры социальных знаний и проблемы их описания / О. К. Ирисханова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2014. — № 4 (041). — С. 5—17.

6. *Калинина Ю.* Поколение Y / Ю. Калинина // Бизнес-журнал. — Сентябрь № 9. — 2010. — С. 40—48.

7. *Ожиганова Е. М.* Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения / Е. М. Ожиганова // Бизнес-образование в экономике знаний. — 2015. — № 1. — С. 94—97.

8. *Орлова О. В.* Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / О. В. Орлова. — Томск, 2012. — 425 с.

9. *Орлова Н. В.* Наивная этика : лингвистические модели / Н. В. Орлова. — Омск : Вариант-Омск, 2005. — 266 с. — ISBN 5-7065-0266-8.

10. *Орлова Н. В.* Язык теоретической этики и язык наивной морали в аспекте проблемы прямых / косвенных языковых средств / Н. В. Орлова // Прямая и непрямая коммуникация. — Саратов : Колледж, 2003. — С. 253—263.

11. *Рожков В. В.* Метафорическая художественная картина мира А. и Б. Стругацких : на материале романа «Трудно быть богом» : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / В. В. Рожков. — Новосибирск, 2007. — 228 с.

12. *Семенова В. В.* Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение» / В. В. Семенова // Отцы и дети : поколенческий анализ современной России. — Москва : Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2005. — С. 80—107.

13. *Трубникова Ю. В.* Лексико-derivационная концепция текста : на материале современного русского языка : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Ю. В. Трубникова. — Барнаул, 2012. — 354 с.

14. *Трубникова Ю. В.* Лексико-derivационная структура текста / Ю. В. Трубникова // Филология и человек. — 2011. — № 1. — С. 16—25.

15. *Чернявская В. Е.* Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике / В. Е. Чернявская // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2017. — № 50. — С. 135—148. — DOI: 10.17223/19986645/50/9.

16. *Чернявская В. Е.* Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы / В. Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2014. — № 1 (038). — С. 55—61.

17. *Чурилина Л. Н.* Антропоцентризм художественного текста как принцип организации его лексической структуры : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01 / Л. Н. Чурилина. — Санкт-Петербург, 2003. — 39 с.

18. *Шамис Е.* Теория Поколений. Необыкновенный Икс / Е. Шамис, Е. Никонов. — Москва : Издательский дом Synergy Book, 2020. — 130 с.

19. Greimas A.-J. *Sémantique structurale. Recherche de méthode* / A.-J. Greimas. — Paris : Larousse, 1966. — 262 p.

MATERIAL RESOURCES

BDRA — *Great explanatory dictionary of the Russian language*. (1998). St. Petersburg: Norint. 1535. ISBN 5-7711-0015-3. (In Russ).
RNC — *National corpus of the Russian language*. Available at: <https://www.ruscorpora.ru/> (accessed 14.11.2020). (In Russ).

REFERENCES

- Arutyunova, N. D., Shiryayev, E. N. (1983). *Russian proposal. Being type: (Structure and meaning)*. Moscow: Russian Language. 198 p. (In Russ).
- Chernyavskaya, V. E. (2014). Phantoms and syndromes of the discursive paradigm. *Questions of cognitive linguistics*, 1 (038): 55—61. (In Russ).
- Chernyavskaya, V. E. (2017). Methodological possibilities of discursive analysis in corpus linguistics. *Bulletin of the Tomsk State University. Philology*, 50: 135—148. DOI: 10.17223/19986645/50/9. (In Russ).
- Churilina, L. N. (2003). *Anthropocentrism of a literary text as a principle of the organization of its lexical structure*. Author's abstract of Doct. Diss. St. Petersburg. 39 p. (In Russ).
- Drobysheva, T. V., Voitenko, M. M., Drobysheva, M. M. (2019). The image of her generation in the representations of different groups of Russians (on the example of the generations of “baby boomers”, “X” and “Millennium”). *Scientific notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University*, 3 (51) / 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-svoego-pokoleniya-v-predstavleniyah-raznykh-grupp-rossiyan-na-primere-pokoleniy-bebi-bumerov-h-i-millennium> (accessed 21.11.2020). (In Russ).
- Greimas, A.-J. (1966). *Sémantique structurale. Recherche de méthode*. Paris: Larousse. 262 p. (In Fran.).
- Iriskhanova, O. K. (2014). Sociocognitive linguistics: structures of social knowledge and problems of their description. *Questions of cognitive linguistics*, 4 (041): 5—17. (In Russ).
- Kalinina, Yu. (2010). Generation U. *Business-journal*, 9: 40—48. (In Russ).
- Orlova, N. V. (2003). The language of theoretical ethics and the language of naive morality in the aspect of the problem of direct / indirect language means. In: *Direct and indirect communication*. Saratov: College. 253—263. (In Russ).
- Orlova, N. V. (2005). *Naive ethics: linguistic models*. Omsk: Variant-Omsk. 266 p. ISBN 5-7065-0266-8. (In Russ).
- Orlova, O. V. (2012). *Discursive and stylistic evolution of a media concept: the life cycle and the world-modeling potential*. Doct. Diss. Tomsk. 425 p. (In Russ).
- Ozhiganova, E. M. (2015). The theory of generations by N. Howe and V. Strauss. Possibilities of practical application. *Business education in the knowledge economy*, 1: 94—97. (In Russ).
- Rozhkov, V. V. (2007). *Metaphorical artistic picture of the world by A. and B. Strugatsky: based on the novel “It's hard to be God”*. PhD Diss. Novosibirsk. 228 p. (In Russ).

- Semenova, V. V. (2005). Modern conceptual and empirical approaches to the concept of “generation”. In: *Fathers and children: generational analysis of modern Russia*. Moscow: Editorial office of the journal “New Literary Review”. 80—107. (In Russ).
- Shamis, E., Nikonov, E. (2020). *The Theory of Generations. The Extraordinary X*. Moscow: Synergy Book Publishing House. 130 p. (In Russ).
- Trubnikova, Yu. V. (2011). Lexico-derivational structure of the text. *Philology and man, 1*: 16—25. (In Russ).
- Trubnikova, Yu. V. (2012). *Lexical-derivational concept of the text: on the material of the modern Russian*. Doct. Diss. Barnaul. 354 p. (In Russ).
- Voskoboinikova, L. P. (2019). Interpretation of the text based on the concept of “isotopy”. *Philological sciences. Questions of theory and practice. A certificate, 12 (6)*: 364—368. DOI: 10.30853/filnauki. 2019.6.77. (In Russ).
- Zvereva, E. A. (2018). Features of media consumption of “generation Y” and “generation Z”. *Socio-humanitarian knowledge, 8*: 205—216. (In Russ).

Руженцева Н. Б. Феномен искажения информации в СМИ : версии фактов / Н. Б. Руженцева, Н. Н. Кошкарлова // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 123—138. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-123-138.

Ruzhentseva, N. B., Koshkarova, N. N. (2021). Phenomenon of Information Misrepresentation in Mass-Media: Versions of Facts. *Nauchnyi dialog*, 7: 123-138. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-123-138. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-123-138

Феномен искажения информации в СМИ: версии фактов

Руженцева Наталья Борисовна¹
orcid.org/0000-0002-1208-1202
доктор филологических наук,
профессор
verbalis@mail.ru

Кошкарлова Наталья Николаевна²
orcid.org/0000-0001-8861-0353
доктор филологических наук,
профессор
nkoshka@rambler.ru

¹ Уральский государственный
педагогический университет
(Екатеринбург, Россия)

² Южно-Уральский государственный
университет (национальный
исследовательский университет)
(Челябинск, Россия)

Благодарности:

Работа выполнена при финансовой
поддержке РФФИ,
грант № 19-012-00465/19
«Лингвополитическая персонология:
дискурсивный поворот»

Phenomenon of Information Misrepresentation in Mass- Media: Versions of Facts

Natalia B. Ruzhentseva¹
orcid.org/0000-0002-1208-1202
Doctor of Philology, Professor
verbalis@mail.ru

Natalia N. Koshkarova²
orcid.org/0000-0001-8861-0353
Doctor of Philology, Professor
nkoshka@rambler.ru

¹ Ural State Pedagogical University
(Yekaterinburg, Russia)

² South Ural State University
(national research university)
(Chelyabinsk, Russia)

Acknowledgments:

The work was carried out with the financial
support of the RFBR,
grant № 19-012-00465/19
“Linguopolitical personology:
a discourse turn”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена феномену искажения фактической информации в популярных печатных СМИ. С точки зрения авторов, искажения обусловлены общей коммуникативной закономерностью — процессом искажения информации при ее передаче; идеологией конкретного издания и тенденциозностью СМИ в целом; стремлением к информационному приоритету и профессиональным ракурсом подачи информации. Понимая под искажением в дискурсе СМИ как подмену, ложь, вымысел, так и трансформацию фактической информации, авторы делают попытку обобщения путей перевода фактов (правдивой информации) в версии фактов. На материале «околополитического нарратива», входящего в периферийную зону политического дискурса и включающего тексты, посвященные родственникам или предкам политика, а также его личной и даже интимной жизни, авторы выделяют три основных направления, способствующих появлению версий фактов. Выявляются внетекстовые факторы; группа собственно текстовых способов; смена аксиологического модуса СМИ. Доказано, что субъективное начало современных СМИ детерминирует использование не столько ложной информации, сколько информации трансформированной, доля которой неуклонно увеличивается и начинает определять специфику современного публицистического текстообразования.

Ключевые слова:

информация; искажение; версия факта; СМИ; политический дискурс; околополитический нарратив; жанры.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article discusses the phenomenon of factual information misrepresentation in popular print media. From the point of view of the authors, misrepresentation is determined by a general communicative pattern — the process of misrepresentation information during its transfer; the ideology of a particular edition and the tendentiousness of the media in general; striving for informational priority and a professional perspective of presenting information. Understanding the misrepresentation in the media discourse as a substitution, falsehood, fiction, and the transformation of factual information, the authors attempt to generalize the ways of translating facts (truthful information) into a version of facts. Based on the material of the “near-political narrative”, which is part of the peripheral zone of political discourse and includes texts dedicated to the politician’s relatives or ancestors, as well as his personal and even intimate life, the authors distinguish three main directions that contribute to the emergence of versions of facts. These are: extra-textual factors; a group of proper text methods; change of the axiological mode of the media. It is proved that the subjective mode of modern media determines the use of not so much false information as of transformed information, the share of which is steadily increasing and begins to determine the specifics of modern journalistic text formation.

Key words:

information; misrepresentation; version of the fact; mass-media; political discourse; near-political narrative; genres.

Феномен искажения информации в СМИ: версии фактов

© Руженцева Н. Б., Кошкарлова Н. Н., 2021

*Все, что мы слышим, — это мнение, а не факт.
Все, что мы видим, является перспективой, а не правдой.*

Марк Аврелий

1. Информация и причины ее искажения

Среди множества определений информации релевантным для исследования СМИ нам представляется следующее: «Под информацией ... понимается вся совокупность данных, фактов, сведений о физическом мире и обществе, вся сумма знаний — результат познавательной деятельности человека, которая в том или ином виде используется обществом в различных целях» [Онтология ..., 1983, с. 213]. В свою очередь, искажение фактической информации в СМИ — это исторически сложившийся феномен, который обусловлен, на наш взгляд, следующими причинами:

(1) общей коммуникативной закономерностью: процессом искажения информации при ее передаче: «сообщение — информация утрачена — информация добавлена — информация искажена» [Куницына и др., 2001];

(2) общей тенденциозностью СМИ;

(3) идеологической установкой: общей идеологической концепцией СМИ в советское время [Васильева, 1982] и идеологией конкретного издания — «приверженностью той или иной политической, экономической, культурной идее» [Коньков и др., 2007] в наши дни;

(4) склонностью СМИ к сенсациям, и в том числе к горячим новостям криминального и сексуального характера; О. В. Платонова, С. И. Виноградов указывают, что «поиск нетривиальной (сенсационной) информации, необходимость оперативной передачи сообщений нередко приводят к публикации материалов без проверки надежности источника и достоверности сообщаемых сведений» [Платонова и др., 1998, с. 252];

(5) профессиональным ракурсом подачи информации историками, психологами, врачами и др.

В целом под искажением в дискурсе СМИ мы понимаем не только *подмену* (ложь, вымысел), но и *трансформацию фактической информации* в нужном для автора направлении. Факты трансформируются с целью привлечения и удержания внимания адресата, формирования читательского или зрительского мнения, авторизации индивидуального дискурса.

2. Факт, мнение, суждение

Кратко остановимся на важных для целей данной работы понятиях: «факт», «мнение», «суждение (версия факта)».

Составители крупнейшей англоязычной философской энциклопедии «Routledge Encyclopedia of Philosophy» утверждают, что «факты — это информация, правдивость которой не вызывает сомнения. Однако ценность факта равна нулю, если он функционирует вне контекста, на основании этого факта не делаются какие-то выводы, этому факту не придается смысл и значение» [Routledge Encyclopedia ...].

Факты служат основой формирования *мнения*, которое представляет собой попытку сделать разумный вывод из фактических данных. С. Ламер-Хайндель дает следующее определение мнению: «Мнение — это убеждение, которое не было подтверждено или подкреплено доказательствами, чтобы считаться обдуманным суждением» [Lammer-Heindel, 2016]. Таким образом, мнения — это личные убеждения, которые могут отличаться у разных людей и обычно не подкреплены фактами, цифрами и доказательствами.

Суждения — это мнения, которые подразумевают одобрение или осуждение человека, предмета, ситуации или событий в прошлом, настоящем или будущем. К. Муис, Н. Этубаши, С. А. Дентон развивают концепцию эпистемических суждений, которые определяются как «оценка правдивости представленной информации, достоверности источника, точности сделанных утверждений, а также сложности и качества аргументов, приведенных в поддержку этих утверждений» [Muis et al., 2020]. Суждение — это неотъемлемый элемент эпохи пост-правды, когда «определение истины становится сложным явлением, и мы переходим от правды (вопроса предположительной объективности) к правдивости (вопросу договорного толкования): версии фактов постепенно множатся, и все, что мы можем сделать, это проследить пути их формирования (а также причины этих путей и эмпирические элементы, которые они включают), но мы не можем проверить их “соответствие” действительности» [Lorusso, 2020, с. 1009].

К речевому представлению искаженной информации обращался также целый ряд российских исследователей [Гришаева, 2017; Карасик, 2012; Степанов, 2012; Lewandowsky, 2017; Lovea, 2018; Salpado, 2018 и др.]. Нашей целью является попытка обобщения путей перевода фактов, связанных с политиками и их окружением, в «версии фактов», которые являются основой для формирования мнения реципиента информации СМИ.

Материалом для статьи послужил конгломерат текстов, который можно условно назвать «околополитическим нарративом», входящим в периферийную зону политического дискурса. «Это тексты, посвященные, главным образом: а) родственникам (предкам) политика; б) личной и даже

интимной жизни политика. Такие тексты имеют облегченно-развлекательный характер, свойственный гляцевым изданиям, ориентированным на разговорную модель общения» [Руженцева и др., 2020, с. 116]. Материал взят из популярной российской прессы за 2017—2020 годов («Аргументы и факты», «Аргументы недели», «Экспресс-газета», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец») и электронных версий изданий.

Окополитический нарратив позволяет выделить 3 основных направления, способствующих искажению фактической информации и появлению версий фактов: а) внетекстовые факторы; б) группа собственно текстовых способов; в) смена аксиологического модуса. Попытаемся охарактеризовать корреляцию версий фактов с каждой из этих групп.

3. Внетекстовые факторы искажения информации

К *внетекстовым факторам* относится выбор дискурсивного формата; выбор типа издания; выбор типа словесного творчества (поэзия или проза); выбор направления в публицистике; выбор моносемиотичной или полисемиотичной (креолизованной) формы сообщения.

Сам выбор дискурсивного формата определяет возможность и частотность искажений фактической информации. Так, последние встречаются гораздо реже в медицинском, управленческом и юридическом дискурсе, нежели в развлекательном, потому что назначение последнего — «освобождение человека от детерминизма природы и себе подобных, речевое лицедейство, опрокидывание устоявшихся стереотипов восприятия и поведения» [Карасик, 2015, с. 251] — требует субъективной и свободной интерпретации окружающей действительности.

Что касается типа издания, то существует мнение, что в медиадискурсе «искажение тщательно маскируется с помощью неопределенности, избытка, неясностей, разрывов повествования и перестановок, фрагментарности, конвергенции жанров, стилового синкретизма, принципа монтажа как текстообразующего механизма» [Пром, 2020, с. 33]. Со своей стороны, мы считаем, что маскировка искажений происходит далеко не во всем дискурсе СМИ. Ее нет, например, в целой группе гляцевых изданий, ориентированных на разговорную речь и использующих неофициальный информационный поток. Ее нет и в ряде газет (из использованных в статье материалов прессы наиболее ярким примером является «Экспресс-газета»), как нет и во всем окополитическом нарративе, предполагающем широкую свободу содержания и формы, и в том числе — наличие маркеров недоверия информации.

В публицистике могут быть использованы как прозаический, так и поэтический тип словесного творчества. Поэзия — как в виде цитат, так и в виде оригинальных стихотворений — отражает индивидуализированную

картину мира человека и содержит гораздо меньше содержательно-фактуальной информации, чем проза, ср., строфу, в которой имеется лишь один бесспорный факт: Н. Назарбаев во время выпуска номера газеты — это глава государства Казахстан:

*Апа в халате скажет вам любая,
Чапан в чапане пробурчит в усы:
«Великий бай — товарищ Назарбаев,
Он в Казахстане явный елбасы»* [ЭГ, № 12 (1257), 25.03.2019].

Выбор направления в искусстве, литературе и публицистике может также способствовать появлению версий фактов. К таким направлениям относится, например, трэш, который «может принимать форму циничного или издевательского описания деяний знаменитостей, политиков или исторических деятелей или переложения исторических или эпических сюжетов» [Черняк и др., 2009, с. 142], ср., текст, в котором предложена версия фактической информации о статуе Д. Трампа, находящейся в гамбургском музее восковых фигур:

В Гамбурге в старейшем в Германии Музее восковых фигур ... сейчас все пытаются протиснуться поближе к Дональду Трампу. Может, думают, что недолго осталось здесь красоваться. Небось, в случае импичмента статую уберут в чулан, а стеклянные глаза выставят в стеклянном кабинете при музее <...> Музей восковых фигур расположен в Гамбурге на Репербане. Эту улицу красных фонарей в городе называют греховой милей. Статуе Трампа, известного своим сексизмом, там самое место. Восковой президент США будет как новенький — хоть сейчас можно идти на второй срок. По крайней мере в музее [Там же, № 5 (1302), 03.02.2020].

На появление версий фактов, несомненно, влияет и полисемиотичность текста. Полисемиотический (креолизованный) текст функционирует в печатных СМИ в двух основных жанровых вариантах — карикатуре и информационном сообщении. Взаимодействие двух семиотических рядов (вербального и визуального) дает широкую возможность иронически домысливать и тем самым искажать фактическую информацию на уровне реципиента. Примером могут служить подписи к фотографиям, сделанным на празднике «Вечер российского тенниса» и допускающим множественные варианты домысливания: *Приглядишься к Андрею, чем тебе не пара! — наставлял дочурку Валентин Юмашев* (на фото запечатлена лишь сцена разговора В. Юмашева с дочерью Полиной) [Там же, № 42 (1287), 21.10.2019].

4. Текстовые способы искажения информации

Текстовые способы искажения фактической информации в указанном конгломерате текстов преимущественно коррелируют с жанровой формой

текста; с его субъектной организацией; с текстовыми категориями экспрессивности, тональности (пафоса), субъективной модальности, неопределенности; со спецификой логографа текста и введением субъективизированной информации (домысливанием чужих действий или мотивов). Кроме того, возникновение версий фактов зависит от недостоверности используемой информации. К недостоверной можно отнести намеренную ложь, нерепрезентативность источников, использование неточных статистических данных, операторов *чаще — реже, больше — меньше*, объединение реальных и непроверенных фактов, пресуппозиции — стереотипы, сформировавшиеся в течение жизни. Попытаемся проиллюстрировать возможности текстообразования при конструировании версий фактов.

Жанровые формы печатных СМИ, коррелирующие с версиями фактов, — это виды представления комического (шутки, пародии, памфлеты, фельетоны, юмористические рассказы, анекдоты); виды, соотносимые с образом прошлого (легенды, мифы, воспоминания, старые истории, случаи) и с образом будущего (прогнозы). Это вероятностные жанры (слухи, версии); жанры, целью которых является расследование, разоблачение; аналитические жанры (комментарии); оценочные жанры (отзывы, рецензии); фантастические жанры (мистификации, байки, фальшивки), а также жанр интервью с провокационными вопросами и различные формы идеологических диверсий и спекуляций на актуальной теме. Со своей стороны, интернет-дискурс постоянно пополняется новыми жанрами, основой которых является версия фактов, например, фанфиками, использующими идеи, сюжетные линии, персонажи первичного текста. Приведем примеры указанных жанров, которые чаще всего входят в состав более крупных жанровых форм.

Слухи, версии, предположения, молва:

Преемники Брежнева, НАСКОЛЬКО ИЗВЕСТНО (здесь и далее выделено нами. — Н. К., Н. Р.), *не очень-то жаловали Галину Леонидовну. Андропов попытался посадить под домашний арест, Горбачев, по СЛУХАМ, курсирующим в СМИ, ВРОДЕ БЫ ХОТЕЛ конфисковать имущество и даже подарки Леонида Ильича* [МК, 09-16.10.2019].

Мистические истории:

Ребенок (И. Сталин) остался жить. Правда, был очень слабого здоровья ... И тогда решено было совершить ОБРЯД ЗАКЛАННЯ. Семья отправилась в родовое святилище Джугаишвили Дзеры-дзуар, расположенное в ущелье возле села Геры. Принесли в жертву черного барашка, оставили три лепешки и черное пиво. Просили дать здоровье малышу Иосифу у Девы Марии, святого Георгия и ангелов-хранителей. Потом заказали в церкви благодарственный молебен. Возможно, древний осетинский обряд снял страшное проклятие [КП, 08-15.03.2017].

Прогнозы, предсказания:

Трампа ДОГОВОРИТСЯ с Путиным, а Порошенко ОСТАНЕТСЯ С НОСОМ, уверен профессор Борис Хигир.

— Борис Юзикович, Владимир Путин сможет договориться с Трампом? Отношения между Россией и США станут лучше?

— Путин родился в год Дракона, а Трамп — в год Собаки. Вообще Дракон с собакой не очень уживаются. Но если брать по месяцам рождения (октябрь у Путина и июнь у Трампа), то здесь все замечательно. Они **БУДУТ ВЕСТИ ДИАЛОГ И НАЙДУТ ОБЩИЙ ЯЗЫК** [ЭГ, № 10 (1150), 06.03.2017].

Расследование, разоблачение:

21 апреля на Украине пройдет второй тур президентских выборов, где за главный пост поборются комик и алкоголик. Доктор психологических наук, автор более 40 книг, посвященных вопросам психологического и сексуального портрета, Борис Хигир и кандидат медицинских наук, психиатр-сексопатолог Диля Еникеева **РАСКРЫЛИ ВСЕ ТАЙНЫ КАНДИДАТОВ** [ЭГ, № 15 (1260), 15.04.2019].

Байки, фальшивки:

— ... Пишут, что Коллонтай была членом общества нудистов:

— Эта **ФАЛЬШИВКА** придумана в фашистской Италии ... Кстати, кроме **ФАЛЬСИФИКАЦИИ** с нудистами, ходила **БАЙКА** о том, что супруга академика Шмидта держит детский дом в Москве, где с шести лет проводят уроки секс-воспитания. И будто бы там рос Василий Сталин [Там же, № 13 (1153), 27.03.2017].

Воспоминания:

*Троцкий РАССКАЗЫВАЛ, что однажды в 1917 году они с Владимиром Ильичом ехали по улице Петрограда мимо водочного завода. Его упоенно громили революционные матросы. Водка текла ручьями — в буквальном смысле. Прямо на глазах Ильича матросы слизывали огненную воду с земли. **ЯКОБЫ** тот эпизод намертво застрял в голове Ленина и навсегда отводил его от крепкого спиртного* [КП, 06-13. 05, 2020].

Экспрессивность. Она создается речевыми средствами, включающими не только содержательно-фактуальную, но и содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую информацию [Гальперин, 1981], ср. экспрессивные именованья лиц в тексте об А. Навальном, способствующие трансформации факта в его версию:

Цирк «Шарите»!

КЛОУН АЛЕША И ЕГО СМЕРТЕЛЬНЫЙ НОМЕР!

*ИНТЕРНЕТ-ШУТНИКИ резвоотреагировали на отравление Алексея Навального то ли самогоном, то ли наркотиками, после которого **МАРГИНАЛЬНОГО ОППОЗИЦИОНЕРА** срочно госпитализировали в берлин-*

ский медиакомплекс «Шарите». И действительно: всерьез поверить в то, что СИСЯНА вывели из строя по приказу из Кремля, может только конченый ДЕБИЛ [ЭГ, № 35 (1332), 31.08.2020].

Тональность способствует искажению фактов вследствие функциональной специфики этой категории. Так, шутливая тональность, юмор имеет целью развлечь читателя, вызвать смеховую реакцию, а также релаксацию (снятие напряжения), ср., парадоксальное искажение факта: *выпивал не только со знатными гостями, но и с лакеями — первые ростки русской демократии*:

Пьющие правители

Петр III

Муж Екатерины II был не дурак выпить. По дошедшим до нас воспоминаниям современников, его дневной нормой были полтора литра беленькой. Он обожал шумные пиры, причем выпивал не только со знатными гостями, но и с лакеями. ВОТ ОНИ ГДЕ, ПЕРВЫЕ РОСТКИ РУССКОЙ ДЕМОКРАТИИ! [КП, 06-13.05.2020].

Субъективная модальность как отношение говорящего к сообщаемому способствует искажению информации вследствие своей категориальной функции — противопоставления концептуального начала нейтрально-информативному фону. В исследуемых текстах наиболее часто встречаются следующие типы субъективной модальности:

а) вероятностная:

**Что означает фамилия? «Дзуг» с осетинского — «отара». ВОЗМОЖНО, дальние предки вождя имели большие отары овец и были пастухами. Короче, Отаровы. Но Дзуга — это еще и осетинское имя. Так что Дзугаевы (Джугаишвили) МОГЛИ ПОЙТИ от пращура Дзуги* [Там же, 08-16.03.2017];

б) неуверенности:

«Матрос» Дыбенко — нарком по морским делам — В САМОМ ДЕЛЕ имитировал самоубийство после того, как Александра Михайловна уличила его в измене? Рассказывают, что он заперся в комнате и выстрелил себе в сердце. Правда, удачно оттянул кожу, и пуля лишь задела ее [ЭГ, № 13 (1153), 27.03.2017] (выражение в самом деле является маркером неуверенности в контексте вопроса);

в) уверенности:

... В Букингемском дворце наконец решили избавиться от принца Гарри. А он стоял шестым в списке претендентов на престол. КОНЕЧНО, «мятежный принц» мог тихо отсидеться, как его дядя Эндрю. Но Гарри сам дал повод для своего изгнания из королевской семьи своей женитьбой на мулатке [АН, № 2 (696), 22.01.2020].

Категория неопределенности может репрезентироваться посредством лексических маркеров, снимающих с конкретного субъекта ответственность за истинность высказывания и приписывающих это высказывание абсолютно неопределенной совокупности людей: *репутация, претензии, нападки, слава, скандалы, подозрения* и т. п. В свою очередь, показателями неопределенности на грамматическом уровне чаще всего являются бессубъектные конструкции:

Действительно, экс-президент Николя Саркози ПОЛЬЗОВАЛСЯ РЕПУТАЦИЕЙ ТРЕЗВЕННИКА. ГОВОРЯТ, что даже на его свадьбе с Карлой Бруни вместо традиционного шампанского подавали свежесвыжатый апельсиновый сок. Как-то совсем не по-французски [МК, 22-29.01.2020].

«Леонид Ильич — тот да, обращал внимание на женицин, водились за ним любовные интрижки, но вот за Косыгиным такой СЛАВЫ не было», — сказал КП Мусазьян (личный фотограф Л. И. Брежнева) [КП, 01-08.01.2020].

Есть ПОДОЗРЕНИЕ, что президент (гарант Конституции) как зритель хочет некоторых гарантий — хотя бы качества текста, поэтому и выбрался посмотреть Грибоедова, Островского и Чехова. Что ж, это вполне роднит его с массовым театральным зрителем, который тоже хочет гарантий [АН, № 50 (694), 25.12.2019].

Субъектная организация текста предполагает анонимную атрибуцию субъекта — источника информации (референциальную неопределенность). С такого источника анонимность снимает часть ответственности за истинность фактов, предоставляя автору публикации возможность свободного отбора информации.

НЕКОТОРЫЕ ЭКСПЕРТЫ считают, что Большой террор Сталин устроил из-за проблем с психикой [КП, 18-25.12.2019].

ЗЛЫЕ ЯЗЫКИ утверждают, что без мужа-мэра она (Елена Батурина, жена Ю. М. Лужкова) не заработала бы своих капиталов [Там же, 18-25.12.2019].

КАКОЙ-ТО УМНИК выложил в Интернет коллаж, на котором сравниваются две пары — Болсонару с его симпатичной 37-летней супругой Мишель и Макрон с 66-летней Брижит. АВТОР подписал их так: «Теперь понимаете, почему Макрон преследует Болсонару, он ему просто завидует» [ЭГ, № 35 (1280), 2020].

Логограф текста, коррелирующий с версиями фактов, строится с опорой на категорию оценки. Он может включать, например:

— неverifiedицированный оценочный тезис:

Борис Ельцин

Увлечение алкоголем первого Президента России развивалось по мере его продвижения по карьерной лестнице [КП, 6-13.05.2020].

— оценочный тезис, верифицированный оценочными аргументами:

Леонид Брежнев

18-летнее правление дорогого Леонида Ильича назовут эпохой застоя, а в шутку — эпохой застолья. Любое событие он любил отмечать банкетом — хоть митинг, хоть охоту. Даже во время парада Победы на трибуне Мавзолея были оборудованы незаметные со стороны столики, чтобы руководство страны могло принять для сугреву [Там же, 06-13.05.2020].

— оценочный тезис, оценочные аргументы, оценочный вывод:

С. М. Буденный

Папа маму поначалу никуда с собой не брал — боялся. Он же в отношении женщин был битый-перебитый. Первая жена его случайно застрелилась, вторая в тюрьму попала. Вот он и оберегал свое семейное счастье [АИФ Урал, № 9, 2019].

Кроме того, логическая структура текста может включать разного рода домысливания и крайне субъективную интерпретацию фактической информации:

Виктория (внучка Л. И. Брежнева) вынуждена была поместить маму в больницу ЦЕБ. Она отгородила ее ото всех, от нас. ДУМАЮ, сестра боялась, что Галина Леонидовна узнает, как она доверилась одному непорядочному человеку, его убили потом, и в результате утекли сквозь пальцы картины, антиквариат. СОМНЕВАЕМСЯ, что это произошло без ведома ее гражданского мужа Дмитрия — с ним она прожила 30 лет [МК, 09-16.10.2019].

Наконец, недостоверность информации может быть репрезентирована лексическими операторами типа *чаще* — *реже*, *больше* — *меньше*, подчеркиванием стереотипов восприятия и объединением реальных и непроверенных фактов:

Женщины-политики ВСЕ ЧАЩЕ плюют на обновление гардероба [КП, 28.08. — 04.09.2019].

Однако в текстах околополитического нарратива особенно частотны указания на недостоверность информации, сделанные самим автором, который тем самым снимает с себя ответственность за возможные искажения фактов.

Любопытно, что самый первый революционный псевдоним молодого Иосифа — Бесошвили. «Если только считать его корень русским, а суффикс грузинским, означает “сын беса”, — с ходу расшифровывал партийную кличку исследователь А. Абрашкин. НО ЭТО ЗАБЛУЖДЕНИЕ [КП, 08-15.03.2017].

С указаниями на недостоверность соотносится жанр опровержения недостоверной информации (лексические маркеры *сомнение*, *заблуждение*,

ерунда, чушь и т. п.). Опровержение возможно и посредством разного рода требований.

Н. Сванидзе: Приходилось читать, что Сталин вовсе не был аскетом. Например, заводил романы с балеринами Большого театра...

Е. Спицын: ДА ПРЕКРАТИТЕ! У него даже времени на это не было. Этот человек был целиком и полностью нацелен на работу [КП, 18-25.12.2019].

5. Смена аксиологического модуса

Смена аксиологического модуса в СМИ может происходить посредством ухода от правды, которая базируется на фактах, в связи с общей авторизацией дискурса. Ценность «правда» всегда занимала важнейшее место в аксиологической сетке россиян, ср.: «Л. Б. Савенкова, подробно изучив систему русских паремий, выявила, что на первом месте в русской пословичной картине мира находится ценность “семья”, а второе почетное место занимает ценность “правда”» [Цит. по: Абакумова, 2019]. СМИ для россиян долгое время считались носителями правды, то есть трансляторами неискаженных фактов. Однако в настоящее время увеличенный отбор «отрицательного» материала вызвал сдвиг аксиологического модуса СМИ в сторону трансляции неверифицированных мнений: от «правды» (неискаженного факта) к субъективной интерпретации — версии факта. Но при этом СМИ не ставят своей целью ввести читателя в заблуждение и используют прием конвергенции целого набора речевых средств — указателей на то, что факты могут быть искажены, ср.:

— Принц Гарри и его жена Меган Маркл — агенты российской разведки?! — УДИВИЛСЯ ведущий рубрики «Мир шпионажа». — НО КТО ПОВЕРИТ В ТАКУЮ ЧУШЬ?

— Но ведь многие верят, что президент США Трамп — ставленник Путина и русский агент, — усмехнулся Андрей Петрович. — Вот и про эту парочку распускают нелепые СЛУХИ.

МОЛ, канадский особняк, где принц Гарри, его супруга Меган Маркл и их сын Арчи провели рождественские каникулы, МОЖЕТ ПРИНАДЛЕЖАТЬ российскому миллиардеру. Об этом сообщает газета The Times со ССЫЛКОЙ НА ЖИТЕЛЕЙ СОСЕДНИХ ДОМОВ И БЫВШЕГО КОЛЛЕГУ АГЕНТА ПО НЕДВИЖИМОСТИ, который в 2014 году занимался продажей собственности.

«Владельцем особняка является российский бизнесмен», — пишет издание. Речь идет о вилле Mille Fleurs, которая, ПО ПРЕДПОЛОЖЕНИЮ СОБЕСЕДНИКОВ ГАЗЕТЫ, принадлежит венчурному инвестору Юрию Мильнеру. ПО ДАННЫМ ЖУРНАЛИСТОВ, миллиардер останавливается

на вилле в течение нескольких лет. Компания Towner Bay Country Club, которая юридически владеет особняком, НЕ РАСКРЫВАЕТ ЕГО ФАКТИЧЕСКОГО ХОЗЯИНА [АН, № 2 (696), 22.01.2020].

Сдвиг аксиологического модуса в СМИ может происходить и в связи со сменой статуса политика. После смены статуса снимаются конвенциональные ограничения, в частности ограничение обсуждения частной жизни политика. Этим обусловлен сдвиг модуса от ценности «семья» к антиценности «внебрачные связи» в публикации «Любовницы Назарбаева». Но и в этом случае авторы подчеркивают непроверенность фактической информации и возможные искажения действительности:

Нурсултан Абишевич всегда нравился женищинам и отвечал им взаимностью. Назарбаеву ПРИПИСЫВАЮТ десятки любовных похождений. И СУДАЧАТ о его щедрости к фавориткам.

ГОВОРЯТ, что глава республики однажды положил глаз на певицу из Китая, казашку по национальности.

Это не единственная королева красоты, удостоенная высочайшего внимания. Политическому титану ПРИПИСЫВАЮТ связь также с Айнур Толеуовой «Мисс Казахстан — 2011» [ЭГ, № 12 (1257), 25.03.2019].

6. Заключение

Таким образом, версии фактов обусловлены самой природой публицистики. Т. И. Попова утверждает: «Публицистические тексты имеют ряд общих черт: все они носят воздействующий характер ..., пишутся в соответствии с определенной идеологической системой и опираются на систему определенных идеологических ценностей; отличаются тенденциозностью, то есть журналист сознательно ставит свой текст на службу той или иной идее, обладают ярко выраженным субъективным началом» [Попова, 2006, с. 128—129].

В свою очередь, субъективизм СМИ, с нашей точки зрения, детерминирует использование не столько ложной (и тем самым способной попасть под действие юрисдикции) информации, сколько информации искаженной, версий фактов. Такая информация сопровождается разнообразными речевыми маркерами и даже прямыми указаниями на ее недостоверность. Как следствие — конструирование информации в текстах СМИ должно являться предметом междисциплинарного изучения, дающего реципиенту практическую возможность отделять достоверную информацию от недостоверной, дифференцировать типы искажения действительности, устанавливать этические границы между фактом и его публицистической версией.

Источники и принятые сокращения

1. АиФ — *Аргументы и факты*. 2019 год.

2. АН — *Аргументы недели*. 2019—2020 годы.
3. ЭГ — *Экспресс-газета*. 2017—2020 годы.
4. КП — *Комсомольская правда*. 2017—2020 годы.
5. МК — *Московский комсомолец*. 2019—2020 годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абакумова О. Б.* Правда, как ценность в русских пословицах в сопоставлении с английскими / О. Б. Абакумова // Лингвокультурные ценности в языковом сознании и коммуникативной практике. — Тяньцзинь : Тяньцзиньский университет иностранных языков. — Волгоград : ПринТерра-Дизайн, 2019. — С. 96—101. — ISBN 978-5-98424-244-8.
2. *Васильева А. Н.* Газетно-публицистический стиль / А. Н. Васильева. — Москва : Русский язык, 1982. — 198 с.
3. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — Москва : Наука, 1981. — 138 с.
4. *Гришаева Л. И.* «Сказка — ложь, да в ней намек...», или О принципах конструирования политической медиареальности / Л. И. Гришаева // Политическая лингвистика. — 2017. — № 4 (64). — С. 18—27.
5. *Карасик В. И.* Субъектное оценочное позиционирование / В. И. Карасик // Лингвистика речи. Медиастилистика. — Москва : Флинта, 2012. — С. 152—164. — ISBN 978-5-9765-1466-9, 978-5-02-037813-1.
6. *Карасик В. И.* Языковое проявление личности / В. И. Карасик. — Волгоград : Парадигма, 2015. — 450 с. — ISBN 978-5-94244-055-8.
7. *Коньков В. И.* Стилиобразующая концепция в средствах массовой информации / В. И. Коньков, А. Н. Потсар // Русская речь в средствах массовой информации : Стилистический аспект. — Санкт-Петербург : СПбГУ, 2007. — 272 с. — ISBN 978-5-288-04362-8.
8. *Куницына В. Н.* Межличностное общение / В. Н. Куницына, Н. В. Казаринова, В. М. Погольша. — Санкт-Петербург : Питер, 2001. — 544 с. — ISBN 5-8046-0173-3.
9. *Онтология языка* как общественного явления. — Москва : Наука, 1983. — 312 с.
10. *Платонова О. В.* Средства массовой информации и культура речи / О. В. Платонова, С. И. Виноградов // Культура русской речи. — Москва : НОРМА-ИНФРА, 1998. — С. 238—280. — ISBN 5-89123-186-7.
11. *Попова Т. И.* Жанровая дифференциация : отбор языковых средств в публицистике. Речевая агрессия и речевая манипуляция в СМИ / Т. И. Попова // Русский язык и культура речи. — Москва : Юрайт-Издат, 2006. — С. 129—129.
12. *Пром Н. А.* Фактуализация реальности в медиадискурсе : характеристика. типы, способы выражения : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Н. А. Пром. — Москва, 2021. — 40 с.
13. *Руженцева Н. Б.* Лингвополитическая персонология : коммуникативные портреты / Н. Б. Руженцева, Е. А. Нахимова, М. В. Никифорова. — Екатеринбург : УрГПУ, 2020. — 142 с.
14. *Степанов В. Н.* К вопросу об эмоциогенной коммуникации / В. Н. Степанов // Иностранные языки в высшей школе. — 2012. — Выпуск 1 (20). — С. 12—34.
15. *Черняк В. Д.* Базовые понятия массовой литературы / В. Д. Черняк, М. А. Черняк. — Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. М. Герцена, 2009. — 167 с. — ISBN 978-5-8064-1437-4.
16. *Lammer-Heindel C.* Facts and Opinions [Electronic resource] / C. Lammer-Heindel. — Access mode : https://philosophynow.org/issues/115/Facts_and_Opinions (accessed 23.11.2020).

17. Lewandowsky S. Beyond Misinformation : Understanding and Coping with the “Post-Truth” Era / S. Lewandowsky, U. R. Ecker, J. Cook // *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. — 2017. — Volume 6. — Issue 4. — Pp. 353—369.
18. Lorusso A. M. Between Truth, Legitimacy, and Legality in the Post-truth Era / A. M. Lorusso // *International Journal for the Semiotics of Law*. — 2020. — 33. — Pp. 1005—1017. — DOI: 10.1007/s11196-020-09752-3.
19. Lovea P. Debunking fake news in a post-truth era : The plausible untruths of cost underestimation in transport infrastructure projects / P. Lovea, D. Ahiaga-Dagbui // *Transportation Research*. — 2018. — Part A. — № 113. — Pp. 357—368. — DOI: 10.1016/j.tra.2018.04.019.
20. Muis K. R. The catcher in the lie : The role of emotions and epistemic judgments in changing students’ misconceptions and attitudes in a post-truth era [Electronic resource] / K. R. Muis, N. Etoubashi, C. A. Denton // *Contemporary Educational Psychology*. — 2020. — № 62. — Access mode : <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0361476X20300631> (accessed 25/11/2020).
21. *Routledge Encyclopedia of Philosophy* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.rep.routledge.com/articles/thematic/facts/v-1> (accessed 28.11.2020).
22. Salpado S. Online media impact on politics. Views on posttruth politics and postpost-modernism / S. Salpado // *International Journal of Media & Cultural Politics*. — September 2018. — № 14 (3). — Pp. 317—331. — DOI: 10.1386/macp.14.3.317_1.

MATERIAL RESOURCES

AIF — *Arguments and facts*. (2019) (In Russ).
 AN — *Arguments of the week*. (2019—2020) (In Russ).
 EG — *Express-newspaper*. (2017—2020) (In Russ).
 KP — *Komsomolskaya Pravda*. (2017—2020) (In Russ).
 MK — *Moskovsky Komsomolets*. (2019—2020) (In Russ).

REFERENCES

- Abakumova, O. B. (2019). Pravda, as a value in Russian proverbs in comparison with English proverbs. In: *Linguocultural values in linguistic consciousness and communicative practice*. Tianjin: Tianjin University of Foreign Languages. Volgograd: PrinTerra-Design. 96—101. ISBN 978-5-98424-244-8. (In Russ).
- Chernyak, V. D., Chernyak, M. A. (2009). *Basic concepts of mass literature*. St. Petersburg: Publishing house of the Herzen State Pedagogical University. 167 p. ISBN 978-5-8064-1437-4. (In Russ).
- Galperin, I. R. (1981). *Text as an object of linguistic research*. Moscow: The science. 138 p. (In Russ).
- Grishaeva, L. I. (2017). “A fairy tale is a lie, but there is a hint in it...”, or about the principles of constructing political media reality. *Political Linguistics*, 4 (64): 18—27. (In Russ).
- Karasik, V. I. (2012). Subjective evaluative positioning. *Linguistics of speech. Media journalism*. Moscow: Flint. 152—164. ISBN 978-5-9765-1466-9, 978-5-02-037813-1. (In Russ).
- Karasik, V. I. (2015). *Linguistic manifestation of personality*. Volgograd: Paradigm. 450 p. ISBN 978-5-94244-055-8. (In Russ).

- Konkov, V. I., Potsar, A. N. (2007). Stylistic concept in the mass media. In: *Russian speech in the mass media: Stylistic aspect*. St. Petersburg: St. Petersburg State University. 272 p. ISBN 978-5-288-04362-8. (In Russ).
- Kunitsyna, V. N., Kazarinova, N. V., Pogolsha, V. M. (2001). *Interpersonal communication*. St. Petersburg: Peter. 544 p. ISBN 5-8046-0173-3. (In Russ).
- Lammer-Heindel, C. *Facts and Opinions*. Available at: https://philosophynow.org/issues/115/Facts_and_Opinions (accessed 23/11/2020).
- Lewandowsky, S., Ecker, U. R., Cook, J. (2017). Beyond Misinformation: Understanding and Coping with the “Post-Truth” Era. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 6 (4): 353—369.
- Lorusso, A. M. (2020). Between Truth, Legitimacy, and Legality in the Post-truth Era. *International Journal for the Semiotics of Law*, 33: 1005—1017. DOI: 10.1007/s11196-020-09752-3.
- Lovea, P., Ahiaga-Dagbui, D. (2018). Debunking fake news in a post-truth era: The plausible untruths of cost underestimation in transport infrastructure projects. *Transportation Research. Part A*, 113: 357—368. DOI: 10.1016/j.tra.2018.04.019.
- Muis, K. R., Etoubashi, N., Denton, C. A. (2020). The catcher in the lie: The role of emotions and epistemic judgments in changing students’ misconceptions and attitudes in a post-truth era. *Contemporary Educational Psychology*, 62. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0361476X20300631> (accessed 25/11/2020).
- Ontology of language as a social phenomenon*. (1983). Moscow: The science. 312 p. (In Russ).
- Platonova, O. V., Vinogradov, S. I. (1998). Mass media and culture of speech. In: *Culture of Russian speech*. Moscow: NORMA-INFRA. 238—280. ISBN 5-89123-186-7. (In Russ).
- Popova, T. I. (2006). Genre differentiation: selection of language means in journalism. Speech aggression and speech manipulation in the media. In: *Russian language and culture of speech*. Moscow: Yurayt-Izdat. 129—129. (In Russ).
- Prom, N. A. (2021). *Factualization of reality in the media discourse: characteristics. types, methods of expression*. Author’s abstract of Doct. Diss. Moscow. 40 p. (In Russ).
- Routledge Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <https://www.rep.routledge.com/articles/thematic/facts/v-1> (accessed 28.11.2020).
- Ruzhentseva, N. B., Nakhimova, E. A., Nikiforova, M. V. (2020). *Linguopolitical personology: communicative portraits*. Yekaterinburg: USPU. 142 p. (In Russ).
- Salpado, S. (2018). Online media impact on politics. Views on posttruth politics and post-postmodernism. *International Journal of Media & Cultural Politics*. September, 14 (3): 317—331. DOI: 10.1386/macp.14.3.317_1.
- Stepanov, V. N. (2012). On the question of emotionogenic communication. *Foreign languages in higher school*, 1 (20): 12—34. (In Russ).
- Vasilyeva, A. N. (1982). *Newspaper and journalistic style*. Moscow: Russian Language. 198 p. (In Russ).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА. ФОЛЬКЛОРИСТИКА LITERARY STUDIES. JOURNALISM. FOLKLORE

.....

Александр Валентинович Чернов, д-р истор. наук (Череповец, Россия)
Александр Георгиевич Коваленко, д-р филол. наук (Москва, Россия)
Алина Викторовна Ляпина, канд. пед. наук (Омск, Россия)
Анастасия Павловна Голодова, аспирант (Нальчик, Россия)
Антон Владимирович Всеволодов, канд. истор. наук (Череповец, Россия)
Антонина Олеговна Шелемова, д-р филол. наук (Москва, Россия)
Артем Борисович Борунов, канд. филол. наук (Москва, Россия)
Ван Юй, аспирант (Москва, Россия)
Екатерина Александровна Мартыненко, аспирант (Ростов-на-Дону, Россия)
Зинаида Жантемировна Кудяева, д-р филол. наук (Нальчик, Россия)
Ирина Владимировна Матвеева, канд. филол. наук (Нижний Новгород, Россия)
Кутас Нуховна Паранук, д-р филол. наук (Майкоп, Россия)
Марианна Тимофеевна Сатанар, научный сотрудник (Якутск, Россия)
Оксана Васильевна Афанасьева, канд. филол. наук (Москва, Россия)
Олег Ефимович Осовский, д-р филол. наук (Саранск, Россия)
Светлана Анатольевна Дубровская, д-р филол. наук (Саранск, Россия)
Сергей Николаевич Саможенов, канд. филол. наук (Нижний Новгород, Россия)
Юлия Николаевна Зинцова, канд. филол. наук (Нижний Новгород, Россия)

Борунов А. Б. Таксономия как жанро- и циклообразующий паттерн «фандоринского корпуса» Б. Акунина / А. Б. Борунов, О. В. Афанасьева // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 140—153. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-140-153.

Borunov, A. B., Afanasyeva, O. V. (2021). Taxonomy as a Genre and Cycle-Forming Pattern of “Fandorin corpus” by B. Akunin. *Nauchnyi dialog*, 7: 00-00. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-00-00. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-00-00

Таксономия как жанро- и циклообразующий паттерн «фандоринского корпуса» Б. Акунина

Борунов Артем Борисович¹

orcid.org/0000-0003-2507-7218

кандидат филологических наук, доцент
кафедра методики обучения
английскому языку и деловой
коммуникации
borunov.artem@yandex.ru

Афанасьева Оксана Васильевна²

orcid.org/0000-0001-8077-8709

кандидат филологических наук, доцент
кафедра иностранных языков
oxana4u2014@yandex.ru

¹ Московский городской
педагогический университет
(Москва, Россия)

² Московский информационно-
технологический университет —
Московский архитектурно-
строительный институт
(Москва, Россия)

Taxonomy as a Genre and Cycle-Forming Pattern of “Fandorin corpus” by B. Akunin

Artem B. Borunov¹

orcid.org/0000-0003-2507-7218

PhD in Philology, Associate Professor
Department of English Language Teaching
and Business Communication
borunov.artem@yandex.ru

Oxana V. Afanasyeva²

orcid.org/0000-0001-8077-8709

PhD in Philology, Associate Professor
Department of Foreign Languages
oxana4u2014@yandex.ru

¹ Moscow City
Pedagogical
University
(Moscow, Russia)

² Moscow Information
Technology University —
Moscow Institute of Architecture
and Construction Institute
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о классифицировании как ведущем принципе организации совокупности текстов Б. Акунина об ЭрASTE Фандорине. Особое внимание уделяется проявлению этого принципа на уровне жанровой организации текстов и на уровне семантической и персонажной составляющей произведений. Актуальность исследования обусловлена выявлением семантической константы метацикла об ЭрASTE Фандорине. Доказано, что принцип таксономии в фандоринском корпусе имеет два варианта проявления — на уровне организации метацикла и на уровне семантики ключевого мотива классического детектива — разъяснения метода, которым пользуется сыщик. Представлены результаты сопоставительного анализа образа Фандорина и его литературных предшественников: сыщиков, выведенных в текстах авторов классического детектива, и доказано, что Фандорин — единственный, кто подробно разъясняет свой метод расследования с опорой на психологическую классификацию. Авторы останавливаются на том, что разъяснение метода расследования представляет собой элемент интертекстуальной игры с читателем и в то же время противопоставления русского детектива его английским и американским литературным предшественникам. Отмечается, что принцип таксономии обыгрывается и в межтекстовом диалоге внутри фандоринского корпуса — к типизации прибегают и другие персонажи этого метацикла.

Ключевые слова:

Акунин; фандоринский корпус; метацикл; классификация; таксономия; жанровая организация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issue of classification as the leading principle of organizing the set of texts by B. Akunin about Erast Fandorin are considered in the article. Particular attention is paid to the manifestation of this principle at the level of genre organization of texts and at the level of semantic and character components of works. The relevance of the study is due to the identification of the semantic constant of the metacycle about Erast Fandorin. It has been proved that the principle of taxonomy in the Fandorin corpus has two variants of manifestation — at the level of metacycle organization and at the level of semantics of the key motive of a classic detective — explaining the method used by the detective. The results of a comparative analysis of the image of Fandorin and his literary predecessors: detectives, derived in the texts of the authors of a classic detective story, are presented, and it is proved that Fandorin is the only one who explains in detail his method of investigation based on psychological classification. The authors dwell on the fact that the explanation of the method of investigation is an element of an intertextual game with the reader and at the same time, the opposition of the Russian detective to his English and American literary predecessors. At the same time, the principle of taxonomy is played up in the intertextual dialogue within the Fandorin corpus — other characters in this metacycle also resort to typing.

Key words:

Akunin; Fandorin corpus; metacycle; classification; taxonomy; genre organization.

Таксономия как жанро- и циклообразующий паттерн «фандоринского корпуса» Б. Акунина

© Борунов А. Б., Афанасьева О. В., 2021

1. Введение

Детективная серия Б. Акунина об ЭрASTE Фандорине задумана и воплощена автором как оммаж классическому детективу — произведениям Артура Конан Дойла, Агааты Кристи, Эдгара По, Гилберта Кийта Честертона и пр. Интертекстуальные связи с текстами классического английского и американского детектива подробно исследованы в работах К. Ф. Герейхановой и Л. Г. Кихней [Gereikhanova et al., 2020; Герейханова, 2017], Т. Н. Амирян [Амирян, 2013], Н. Г. Бобковой [Бобкова, 2010], Н. Волковой [Волкова, 2007] и др. В то же время в создании данной серии автор руководствуется принципом реестра, каталога: Б. Акунин создает разножанровые детективы, ни разу не повторяясь в определении жанра. Этот принцип рассмотрен в исследованиях А. В. Казачковой [Казачкова, 2015], Н. Н. Кириленко [Кириленко, 2016], Т. А. Снигиревой, А. В. Подчиненова, А. В. Снигирева [Снигирева и др., 2017], в коллективной монографии под редакцией А. Головачевой [Весь мир ..., 2016]. Произведения о потомках, предках и родственниках Э. П. Фандорина представляют собой образцы уже недетективных жанров, также организованные как своего рода сборник образцов, что отмечает сам автор, описывая замысел. Соответственно, принцип реестра, каталога присутствует в фандоринском корпусе в качестве жанрообразующего: автор первоначально задается целью представить все образцы детективного жанра, а в дальнейшем расширяет рамки, продолжая изображать персонажей из одной семьи, одного рода.

Целью настоящего исследования является совокупный анализ принципа классификации на двух уровнях: на уровне жанровой организации метацикла и на уровне семантической организации межтекстового диалога как внутри фандоринского корпуса, так и за его пределами. Метацикл о Фандорине в данном контексте рассматривается с позиции понимания циклизации в работах М. Н. Дарвина и В. И. Тюпы [Дарвин и др., 2001], а также И. В. Фоменко [Фоменко, 1992].

Персонаж Фандорина имеет сходство с Огюстом Дюпеном, Шерлоком Холмсом, Эркюлем Пуаро, отцом Брауном и другими героями классического детектива. При этом, в отличие от перечисленных героев, он частично разъясняет свой метод расследования, и основой метода является типич-

зирование людей, классификация по психотипам. Классификация людей, разъясненная только в одном из произведений, взаимодействует с постоянно воспроизводимой манерой Фандорина ранжировать доводы («Это раз. Это два»), а также с другими произведениями «фандорианы», в частности, с циклом «фильмов» «Смерть на брудершафт».

Это позволяет говорить о двухуровневом (жанровом и семантическом) проявлении принципа классификации, который можно признать организующим для метацикла об Эрасте Фандорине и связанных с ним персонажах.

2. Таксономия детектива: классификация жанров в «фандоринском корпусе»

По состоянию на апрель 2021 года Б. Акунин опубликовал в серии «Новый детектив» 16 книг и одну пьесу. Количество произведений превышает 16, так как в сборниках «Особые поручения», «Нефритовые четки» и «Планета Вода» представлено более одного произведения. Романы обозначены автором как детективы со следующими жанровыми пометами: «Азазель» — конспирологический детектив, «Турецкий гамбит» — шпионский детектив, «Левиафан» — герметичный детектив, «Смерть Ахиллеса» — детектив о наемном убийце, «Статский советник» — политический детектив, «Коронация, или последний из романов» — великосветский детектив, «Любовница смерти» — декадентский детектив, «Любовник смерти» — диккенсовский детектив, «Алмазная колесница» — этнографический детектив, «Узница башни» — ироничный детектив, «Весь мир театр» — театральный детектив, «Черный город» — авантюрный детектив, «Планета Вода» — технократический детектив, «Парус одинокий» — ностальгический детектив, «Куда ж нам плыть?» — идиотический детектив и «Не прощаюсь» — исторический детектив. Большинство перечисленных жанров возникает в истории детектива впервые, по крайней мере, в используемой Б. Акуниным формулировке.

Параллельно с каталогизацией детективов начинает развиваться проект «Жанры», расширяющий рамки таксономии, как указывает сам автор в своем интервью: «Если серия “Новый детектив” — “Приключения Эраста Фандорина” — представляет собой коллекцию разновидностей детективного романа: конспирологический, плутовской, великосветский, политический, уголовный и пр., то задача этой серии куда шире. Здесь будут представлены “чистые” образцы разных жанров беллетристики, причём каждая из книг носит название соответствующего жанра. Первый залп — три книги, которые поступят в продажу в феврале 2004 года с интервалом в одну неделю. 4 февраля выйдет “Детская книга”, 11 февраля — “Шпионский роман”, 18 февраля — “Фантастика”. В дальнейших планах — “Се-

мейная сага”, “Производственный роман”, “Страшная книжка”, “Женский роман” и т. д.» [Акунин, 2004].

Как отмечает Е. А. Трускова, «романные циклы Бориса Акунина, условно объединенные нами в “фандоринский цикл”, представляют собой особую структуру, сформированную посредством гипертекстуального способа организации текста, со сложными горизонтальными и вертикальными взаимосвязями, представленными системой семантических гиперссылок. Эта структура, реализуемая в рамках некой общей художественной реальности, объединяет в единое целое все романы, входящие в “фандоринский цикл”. Подобный способ оформления художественного пространства в свою очередь обуславливает качественные изменения на всех уровнях организации текста: сюжетно-событийном, пространственно-временном, стилистическом, вследствие чего каждый из романов, переставая существовать автономно от единой системы, начинает обрастать совокупностью дополнительных смыслов, историй, сюжетов» [Трускова, 2012, с. 20].

Соответственно, автор «фандоринского корпуса» ставит перед собой задачу своеобразного научно-практического исследования жанров детектива с примерами на каждый тип. В 2004 году задача расширяется и возникает исследование уже жанров как таковых, без привязки только к детективам. В 2006 в фандоринском корпусе появляется также сборник «Нефритовые четки», представляющий образцы интертекстуальных отсылок к разным произведениям мастеров детектива [Герейханова, 2017]. Б. Акунин создает своеобразную «таблицу Менделеева» с жанрами в качестве элементов, причем в этой таблице ряд элементов отсутствует, и на сегодняшний день неизвестно, будут ли эти «ячейки» таблицы заполнены представленными автором образцами жанров.

Тема каталогизации, таксономии, реестра представлена не только на уровне организации «фандоринского корпуса», но и на уровне важного элемента образа детектива — описания его метода. Фандорин как сыщик в своих расследованиях основывается именно на психологической каталогизации, что отличает его от литературных предшественников: Холмса, Дюпена, Пуаро и других, — а также противопоставляет его метод тем техникам, которыми пользовалась полиция конца XIX — начала XX столетий.

3. Метод сыщика в классическом детективе: предшественники Фандорина

Исследователями [Бобкова, 2010; Казачкова, 2015; Кириленко, 2016] отмечаются следующие черты сходства Э. П. Фандорина с другими литературными сыщиками: Фандорин расследует преступления, опираясь на свой интеллект, знания и опыт, при этом он наделен недюжинными талан-

тами и способностями, явно делающими его экстраординарным человеком. Также Фандорин не женат и не имеет семьи до последнего произведения «Не прощаюсь». С Шерлоком Холмсом русского сыщика роднит умение перевоплощаться, а также владение искусством борьбы: Холмс в рассказе «Последнее дело Холмса» упоминает о борьбе баритсу [Конан Дойл, 1984, с. 188], Фандорин владеет приемами клана синоби, обучение в котором описано в романе «Алмазная колесница» [Акунин, 2018а, с. 366].

Н. Н. Кириленко в своем исследовании генезиса жанра детектива выделяет образ классического сыщика — неординарную личность, наделенную острым умом, энциклопедическими знаниями и жизненным опытом, позволяющими расследовать преступления [Кириленко, 2016, с. 29]. Для более яркого выделения в тексте необыкновенных способностей такого человека автор, как правило, объединяет его в пару с другом и ассистентом — доктором Ватсоном, капитаном Гастингсом и др. Образ ассистента позволяет подчеркнуть неординарность сыщика: обычный человек зачастую не может верно интерпретировать улики, следы, оставленные преступником, мотивы преступления и пр., а главный герой прекрасно с этим справляется.

Друг и помощник Фандорина Масахиро Сибата, впервые появившийся в «Смерти Ахиллеса» и далее сопровождающий Фандорина на протяжении всех произведений, имеет мало сходства с образом классического помощника сыщика. Прежде всего, ни при каких обстоятельствах не говорится о его недостаточно высоком уровне интеллекта, отсутствии наблюдательности и пр. — о тех чертах, которые Пуаро постоянно выделяет в Гастингсе, а Холмс — в Ватсоне. Маса — японец, в России для него многое непривычно, и какие-то вещи ему непонятны просто в силу культурных различий, однако в текстах Акунина он описывается как ловкий, смелый, умный и проницательный человек, в целом не уступающий Фандорину. В роли помощника-ученика в произведениях «Особые поручения», «Скарпея Баскаковых» и «Декоратор» выступает Анисий Тюльпанов, которому Фандорин частично разъясняет свой метод. Та часть этого метода, которую автор приоткрывает для помощника и для читателя, становится циклообразующим мотивом всего «фандоринского корпуса» вместе с историями о потопках, предках и дальних родственниках Эраста Петровича.

Шерлок Холмс в произведениях А. Конан Дойля часто употребляет слово «дедукция», имея в виду, фактически, наблюдательность и умение делать выводы. Так, в повести «Знак четырех» (цитируется по переводу Н. М. Чуковских) первая глава называется «Суть дедуктивного метода Холмса» и открывается пространством описанием того, как Холмс принимает кокаин: «Шерлок Холмс взял с камина пузырек и вынул из аккуратного сафьянового несессера шприц для подкожных инъекций. Нервными длин-

ными белыми пальцами он закрепил в шприце иглу и завернул манжет левого рукава. Несколько времени, но недолго он задумчиво смотрел на свою мускулистую руку, испещренную бесчисленными точками прошлых инъекций. Потом вонзил острое и откинулся на спинку плюшевого кресла, глубоко и удовлетворенно вздохнул» [Конан Дойл, 1984, с. 77].

В соединении с заголовком этот абзац практически наводит на мысль, что исключительный интеллект Холмса — следствие употребления им наркотиков. Однако в дальнейшем по тексту главы Холмс упрекает Ватсона в недостаточно подробном описании своего детективного метода, а при просьбе пояснить его суть, говорит о двух составляющих — наблюдательности и умении делать выводы: «Он сам очень способный человек и обладает по меньшей мере двумя из трех качеств, необходимых идеальному детективу: он умеет наблюдать и на основе наблюдений строить выводы. Ему пока еще не хватает знаний, но со временем и это придет» [Там же, с. 79].

По этому рассуждению можно сделать вывод, что дедукция Холмса — это наблюдения, умозаключения и знания. О пристальном внимании к деталям как необходимой черте детектива говорит и Эдгар По: первый рассказ о Дюпене «Убийство на улице Морг» начинается с рассуждения о необходимой игроку в шашки и в карты наблюдательности, а история убийства и его расследования преподносится как иллюстрация к тезису о важности наблюдения и аналитических способностей [По, 2017].

В произведениях Агаты Кристи, посвященных Эркюлю Пуаро, упоминаются так называемые «серые клеточки»: «Только одно необходимо для раскрытия дела: серые клеточки — он постучал себя по лбу, — вот на что мы должны полагаться. Наше восприятие тех или иных вещей подчас слишком окрашено эмоциями. Истину следует искать изнутри, а не извне» [Кристи, 2003, с. 63]. Выражение «серые клеточки» Пуаро употребляет постоянно, имея в виду клетки мозга, нейроны: фактически, из его слов явствует, что детектив должен уметь думать, использовать свой мозг.

Отец Браун Честертон распространяется о своем методе крайне скупо: в основном он говорит о реконструировании преступления в своей голове, о постановке себя на место преступника [Честертон, 2008, с. 109].

Фактически в образах классических сыщиков английской и американской литературы полностью отсутствует «педагогический» дискурс: они никого не учат сами и не учатся у кого-либо на страницах произведений. Сведения об их становлении отрывочны, а суть их метода сводится к наблюдательности, умению анализировать и знанию человеческой психологии.

На этом фоне созданный Акуниным Эраст Фандорин интересен тем, что читатель знаком со всей его историей — от первого дела («Азазель») до гибели («Не прощаюсь») — и в фандоринском корпусе присутствует об-

раз ученика (Анисия Тюльпанова) и учителя (Ксаверия Грушина), диалоги с которыми позволяют вербализовать фандоринский метод расследования.

4. Таксономия как основа фандоринского метода раскрытия преступлений

Учителем Фандорина выступает опытный сыщик Ксаверий Теофилакович Грушин, а также отчасти Иван Францевич Бриллинг — персонажи романа «Азазель», повествующего о становлении молодого детектива. Бриллинг употребляет слово *дедукция*, говоря о своей методике расследования: «Это дедуктивный метод, милейший Фандорин. Восстановление общей картины по некоторым мелким деталям. Тут главное — не зарваться, не прийти к некорректному выводу, если имеющаяся информация допускает различные толкования» [Акунин, 2018б, с. 39]. В целом уроки Грушина и Бриллинга сводятся к тем же элементам, о которых упоминают другие литературные сыщики: знаниям, наблюдательности, умению анализировать.

Значительно более интересным представляется метод самого Фандорина, отрывочно описанный в «Декораторе»: «Шеф учил: самое главное — первая фраза в разговоре, в ней ключик. Гладко вошел в беседу — откроется дверь, узнаешь от человека всё, что хотел. Тут только не ошибиться, правильно типаж определить. Типажей не так уж много — по Эрсту Петровичу, ровным счетом шестнадцать, и к каждому свой подход» [Акунин, 2017, с. 190].

Все шестнадцать типажей так и остаются неизвестными читателю — в главе «Декоратора», названной «Черепаша, сеттер, львица, зайчик», описаны соответствующие четыре, составляющие пары: «И дернулся уходить, как и подобает типу «сеттер» (откровенный, порывистый, резкий в симпатиях и антипатиях) — идеальной паре для «черепашки»» [Там же, с. 211].

Из указанного отрывка читатель узнает, что Фандорин выделяет шестнадцать типажей, однако об остальных в детективах так и не упоминается. В целом умение психологически типизировать собеседника и подобрать к нему ключ прямо или косвенно упоминается во многих расследованиях Фандорина. Помимо каталогизации людей, Фандорин регулярно прибегает к систематизации доводов: в каждом произведении, начиная с «Азазель», он ранжирует свои доводы словами «Это раз. Это два. Это три» и пр.

Классифицирование подозреваемых, свидетелей, доводов и пр. связано с использованием в практике работы полиции в конце XIX — начале XX веков классификации Бертильона, а также в более ранний период — классификации Ломброзо. Этот феномен упоминается в «Левиафане»: «Бертильон делит всех людей на три группы — по длине черепа. Каждая из трех групп. Затем на три подгруппы — по ширине черепа. Стало быть,

подгрупп всего девять. Подгруппа, в свою очередь, делится на три секции — по размеру среднего пальца левой руки. Секций двадцать семь. Но это еще не все. В секции три пакета — по размеру правого уха. Сколько получается пакетов? Правильно, восемьдесят один. Дальнейшая классификация учитывает рост, длину рук, высоту в сидячем положении, размер стопы, длину локтевого сустава. Всего 19.683 категории! Преступник, подвергшийся полному бертильонажу и попавший в нашу картотеку, никогда уже не сможет уйти от правосудия» [Акунин, 2020, с. 78].

При этом бертильонаж — классифицирование по внешним наблюдаемым признакам уже выявленных преступников — получил продолжение в виде описания примет и снятия отпечатков пальцев, а классификация Ломброзо оказалась невостребованной, так как Чезаре Ломброзо писал о преступниках потенциальных, ранее не выявленных, что также упомянуто с критическим замечанием в «Левиафане»: «Некий Чезаре Ломброзо, профессор судебной медицины из итальянского города Турина, разработал целую криминалистическую теорию, согласно которой прирожденные преступники не виноваты в своем антиобщественном поведении <...> среди пестрой череды убийц и грабителей, с которыми ему пришлось иметь дело за тридцать пять лет полицейской службы, далеко не все походили на горилл, попадались такие ангелочки, что взглянешь — слеза умиления прошибает. С другой стороны, обезьяноподобных тоже хватало» [Акунин, 2020, с. 81].

В пересказе комиссара Гоша не упомянута суть классификации Ломброзо: итальянский ученый предполагал, что у потенциального преступника присутствуют внешние, наблюдаемые признаки, по которым его можно определить до совершения преступления, и это позволяет предотвратить потенциальное злодеяние [Комракова]. Эта классификация не признается современной криминологией, и отсылки к ней позволяют вписать тему расследования в определенный исторический контекст, когда теория Ломброзо пользовалась популярностью.

По нашему мнению, обращение к мотиву классификации позволяет вписать детективы об ЭрASTE Фандорине в исторический контекст и сделать персонаж более приближенным к реальности: он владеет сведениями о новейших веяниях в криминальной науке и в то же время переосмысливает их критически, создавая свою, авторскую классификацию, которая, впрочем, так и остается не полностью раскрытой.

5. Таксономия в других произведениях «фандоринского цикла»

Мотив типизации людей и обозначения типов через метафору становится циклообразующим для фандоринского корпуса. В «фильме» ««Мария», Мария ...» из цикла повестей «Смерть на брудершафт» рассказыва-

ется о классификации по инструментам, используемой германской разведкой: «Резиденты, предназначенные для стратегических поручений, у него именовались “циркулярными пилами”; мелкие исполнители — “лобзиками”; специалисты по зачистке, в зависимости от тонкости задания, “рубанками” или “наждаками”; “шурупам” поручались операции шантажно-вербовочного профиля; “отверткам” — решение аналитических головоломок. И так далее, и так далее — набор инструментов был заготовлен на все случаи» [Акунин, 2015, с. 18].

В «фильме» «Ничего святого» из этого же цикла использована классификация по породам собак, принятая в русской контрразведке: «Это Козловский с Романовым придумали классифицировать сотрудников контрразведки по собачьим породам. “Волкодавы” — те, кто хорош при задержании особо опасных шпионов. “Такса” — пес норный, незаменим для проникновения в хитроумные лисьи убежища. Еще были “лежавые” — агенты с отменным нюхом. “Борзые” — для погонь. “Пинчеры” — это универсалы, которые могут всё понемногу и очень удобны для переброски с задания на задание, но ни в одной области настоящими асами не являются» [Там же, с. 291].

Классификация является более сложной, чем немецкий образец. В первых, упоминается о наличии «классов» — один и тот же человек может быть, например, «таксой» первого класса и «волкодавом» второго класса. Также упоминается о том, что в эту классификацию вписывается и начальник (чего не делают в германской разведке, где начальник позиционирует себя как работника, использующего соответствующие инструменты): «Идеальный начальник в контршпионажном деле должен быть “бульмастифом”: чтоб невозмутимо и флегматично, свесив брыли, лежал на ковре, пялился большими, как блюда, глазами в огонь камина, излучал уверенность и спокойствие, а чуть что — бесшумно вскакивал и брал зубищами за горло» [Там же, с. 292].

Следует отметить, что «живая» классификация русской контрразведки, использующей для обозначения животных (как и Фандорин), имплицитно противопоставлена «мертвой» немецкой, в которой используются наименования инструментов. Также в роли классификатора выступает помощник Фандорина Маса, который, впрочем, в своих рассуждениях близок к бертильонажу и опирается на наблюдаемые физические признаки: «У Масы, знатока и ценителя женской красоты, имелась своя система, по которой он оценивал обитательниц разных стран и местностей. Эта градация не вполне совпадала с общепринятой. Учитывались толщина, маслянистость кожи, затуманенность взгляда, доверчивость, пылкость, незлобивость и еще два десятка параметров, в том числе совсем гурманских вроде округлости мочки уха. По этой взыскательной шкале немки стояли много

выше француженок, а первой категории Маса до сих пор достаивал только красавиц русского Севера и Гавайских островов» [Акунин, 2019, с. 24].

В целом типизирование людей было своего рода общим местом литературы и культуры конца XIX — начала XX столетий: богатый антропологический и языковой материал, возникновение социологии как науки, накопление статистики по различным сферам, связанным с деятельностью людей, привели к обращению к таксономиям в самых разных сферах. Использование мотива классификации позволяет вписать «фандоринский корпус» в исторический контекст и связать с культурными и научными тенденциями рубежа веков.

6. Заключение

Циклообразующим мотивом в «фандоринском корпусе» становится мотив таксономии, классификации, каталогизации, представленный на различных уровнях — от организации корпуса как жанрового целого до уровня отдельных интертекстуальных связей: межтекстовых диалогов внутри корпуса с образцами классического детектива. Реестр жанров детектива, задуманный как основа цикла «Новый детектив», получает продолжение в виде реестра литературных жанров вообще, реализуемого на примере книг о предках, потомках и родственниках Э. П. Фандорина.

Каталогизация в высказываниях самого Фандорина является элементом межтекстового диалога — противопоставления Эраста Петровича другим литературным героям-сыщикам, которые не имели привычки объяснять суть своего детективного метода, сводя его к умению наблюдать и анализировать. Фандорин — едва ли не первый литературный детектив, приоткрывающий завесу тайны над своими методами работы. Его классификация, описанная, впрочем, не полностью, также отсылает к достижениям криминальной науки и к ее ошибкам, которые Фандорину отчасти удается преодолеть.

Классификация людей по функциональным и внешним признакам, представленная в цикле «Смерть на брудершафт» и пародируемая в «Планете Вода», представляет собой уже вариант межтекстового диалога внутри «фандоринского корпуса» — как с самим «Новым детективом», так и в «Смерти на брудершафт», поскольку практически симметричные отрывки, описывающие классификацию сотрудников разведки, позволяют противопоставить немецкий подход (инструменты) русскому (породы собак).

Представленные выводы позволяют говорить о двухуровневой реализации принципа каталогизации явлений в фандоринском корпусе Б. Акунина. Это свидетельствует о применении научного метода как в организации метацикла самим автором, стремящимся дать образцы всех видов

детектива и других жанров, так и в описании методов работы различных персонажей уже внутри текстов фандоринского корпуса.

Источники

1. Акунин Б. Алмазная колесница / Б. Акунин. — Москва : Захаров, 2018а. — 756 с. — ISBN 978-5-8159-1505-3.
2. Акунин Б. Азazelь / Б. Акунин. — Москва : Захаров, 2018б. — 222 с. — ISBN 978-5-8159-1489-6.
3. Акунин Б. Левиафан / Б. Акунин. — Москва : Захаров, 2020. — 240 с. — ISBN 978-5-8159-1629-6.
4. Акунин Б. Особые поручения / Б. Акунин. — Москва : Захаров, 2017. — 336 с. — ISBN 978-5-8159-1459-9.
5. Акунин Б. Планета вода / Б. Акунин. — Москва : Захаров, 2019. — 416 с. — ISBN 978-5-8159-1527-5.
6. Акунин Б. Смерть на брудершафт. Мария, Мария... Ничего святого / Б. Акунин. — Москва : АСТ, 2015. — 480 с. — ISBN 978-5-17-093333-4.
7. Акунин Б. Я никогда не сочинял шпионских романов в жанре «спокойно, Дункель!» [Электронный ресурс] / Б. Акунин // Известия, 23 декабря 2004. — Режим доступа : <https://iz.ru/news/297960> (дата обращения 23.01.2021).
8. Конан Дойл А. Записки о Шерлоке Холмсе. — перевод с английского К. И. Чуковского / А. Конан Дойл. — Минск : Мастацкая литература, 1984. — 654 с.
9. Кристи А. Пуаро ведет следствие. — перевод с английского П. В. Рубцова. — Москва : Центрполиграф, 2003. — 587 с. — ISBN 5-9524-0130-9, 5-9524-0043-4.
10. По Э. А. Убийство на улице Морг / Э. А. По. — Москва : Издательство Э, 2017. — 448 с. — ISBN 978-5-699-97414-6.
11. Честертон Г. Полное собрание произведений об отце Брауне в одном томе / Г. Честертон. — Москва : Альфа-книга, 2008. — 862 с. — ISBN 978-5-93556-996-9.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амирян Т. Н. Они написали заговор : конспирологический детектив от Дэна Брауна до Юлии Кристевой / Т. Н. Амирян. — Москва : Фаланстер, 2013. — 352 с. — ISBN 978-5-99037-323-5.
2. Бобкова Н. Г. Функции постмодернистского дискурса в детективных романах Бориса Акунина о Фандорине и Пелагии : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Н. Г. Бобкова. — Улан-Удэ, 2010. — 189 с.
3. Весь мир театр? Весь мир — литература! Б. Акунин глазами заинтересованных читателей : коллективная монография / сост.-ред. А. Г. Головачёва. — Москва : Буки Веди, 2016. — 134 с. — ISBN 978-5-4465-1078-8.
4. Волкова Н. Литературная стратегия рубежа XX—XXI веков : вариант Б. Акунина / Н. Волкова. — Прага : Univerzita Karlova v Praze Filozofická fakulta, 2007. — 234 с.
5. Герейханова К. Ф. «Конандойловский» след в «Нефритовых четках» Б. Акунина : стилистические рецепции оригинала и русских переводов / К. Ф. Герейханова // Культура и цивилизация. — 2017. — Т. 7. — № 4А. — С. 182—189.
6. Дарвин М. Н. Циклизация в творчестве Пушкина : Опыт изучения поэтики конвергентного сознания / М. Н. Дарвин, В. И. Тюпа. — Новосибирск : Наука, 2001. — 293 с. — ISBN 5-02-030632-0.

7. Казачкова А. В. Жанровая стратегия детективных романов Бориса Акунина 1990 — начала 2000-х гг. : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. В. Казачкова. — Нижний Новгород, 2015. — 21 с.
8. Кириленко Н. Н. Жанровый инвариант и генезис классического детектива : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.08 / Н. Н. Кириленко. — Москва, 2016. — 27 с.
9. Комракова А. Казнить за странную внешность : теория Чезаре Ломброзо [Электронный ресурс] / А. Комракова. — Режим доступа : <https://vc.ru/legal/106127-kaznit-za-strannuyu-vneshnost-teoriya-chezare-lombrozo> (дата обращения 29.01.2021).
10. Снигирева Т. А. Борис Акунин и его игровой мир : монография / Т. А. Снигирева, А. В. Подчиненов, А. В. Снигирев. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2017. — 178 с. — ISBN 978-5-906910-83-7.
11. Трускова Е. А. Романские циклы Бориса Акунина : специфика гипертекста : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. А. Трускова. — Екатеринбург, 2012. — 23 с.
12. Фоменко И. В. Лирический цикл : становление жанра, поэтика / И. В. Фоменко. — Тверь : ТГУ, 1992. — 123 с. — ISBN 5-230-08406-5.
13. Gereikhanova K. F. Modern prose as a multimedia hypertext (on the example of the Table-talk 1882 story by Boris Akunin) / K. F. Gereikhanova, L. G. Kikhney // Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization : Methodology and Experience of Empirical Research. XXIII International Conference named after professor L. N. Kogan. — Yekaterinburg, 2020. — Pp. 119—124.

MATERIAL RESOURCES

- Akunin, B. (2015). *Death on the Bruderschaft. Maria, Maria ... Nothing sacred*. Moscow: AST. 480 p. ISBN 978-5-17-093333-4. (In Russ).
- Akunin, B. (2017). *Special assignments*. Moscow: Zakharov. 336 p. ISBN 978-5-8159-1459-9. (In Russ).
- Akunin, B. (2019). *Planet water*. Moscow: Zakharov. 416 p. ISBN 978-5-8159-1527-5. (In Russ).
- Akunin, B. (2018). *Azazel*. Moscow: Zakharov. 222 p. ISBN 978-5-8159-1633-3. (In Russ).
- Akunin, B. (2018). *Diamond chariot*. Moscow: Zakharov. 704 p. ISBN 978-5-8159-1623-4. (In Russ).
- Akunin, B. (2020). *Leviathan*. Moscow: Zakharov. 240 p. ISBN 978-5-8159-1629-6. (In Russ).
- Akunin, B. (2004). I have never written spy novels in the genre of “calm down, Dunkell!”. *Izvestia*, December 23. Available at: <https://iz.ru/news/297960> (accessed 23.01.2021). (In Russ).
- Chesterton, G. (2008). *The complete collection of works about Father Brown in one volume*. Moscow: Alfa-book. 862 p. ISBN 978-5-93556-996-9. (In Russ).
- Christie, A. (2003). *Poirot leads the investigation*. Moscow: Tsentrpoligraf. 587 p. ISBN 5-9524-0130-9, 5-9524-0043-4. (In Russ).
- Conan Doyle, A. (1984). *Notes on Sherlock Holmes*. Minsk: Mastatskaya literature. 654 p. (In Russ).
- Po, E. A. (2017). *Murder on the Morgue street*. Moscow: Publishing House E. 448 p. ISBN 978-5-699-97414-6. (In Russ.).

REFERENCES

- Amiryan, T. N. (2013). *They wrote a conspiracy: a conspiracy detective from Dan Brown to Yulia Kristeva*. Moscow: Falanster. 352 p. ISBN 978-5-99037-323-5. (In Russ).
- Bobkova, N. G. (2010). *Functions of postmodern discourse in Boris Akunin's detective novels about Fandorin and Pelagia*. PhD Diss. Ulan-Ude. 189 p. (In Russ).
- Darwin, M. N., Tyupa, V. I. (2001). *Cyclization in Pushkin's work: The experience of studying the poetics of convergent consciousness*. Novosibirsk: The science. 293 p. ISBN 5-02-030632-0. (In Russ).
- Fomenko, I. V. (1992). *Lyrical cycle: the formation of the genre, poetics*. Tver: TSU. 123 p. ISBN 5-230-08406-5. (In Russ).
- Gereikhanov, K. F. (2017). "Konandoylovsky" trace in the "Jade Rosary" by B. Akunin: stylistic receptions of the original and Russian translations. *Culture and Civilization*, 7 (4A): 182—189. (In Russ).
- Gereikhanova, K. F., Kikhney, L. G. (2020). Modern prose as a multimedia hypertext (on the example of the Table-talk 1882 story by Boris Akunin). In: *Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research. XXIII International Conference named after professor L. N. Kogan*. Yekaterinburg. 119—124.
- Golovacheva, A. (ed.). (2016). *The whole world theater? The whole world is literature! B. Akunin through the eyes of interested readers*. Moscow: Buki Vedi. 134 p. ISBN 978-5-4465-1078-8. (In Russ).
- Kazachkov, A. V. (2015). *Genre strategy of Boris Akunin's detective novels of the 1990s — early 2000s*. PhD Diss. Nizhny Novgorod. 21 p. (In Russ).
- Kirilenko, N. N. (2016). *Genre invariant and the genesis of the classic detective*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 27 p. (In Russ).
- Komrakova, A. *Execute for a strange appearance: the theory of Cesare Lombroso*. Available at: <https://vc.ru/legal/106127-kaznit-za-strannuyu-vneshnost-teoriya-chezare-lombrozo> (accessed 29.01.2021). (In Russ).
- Snigireva, T. A., Podchenenov, A. V., Snigirev, A. V. (2017). *Boris Akunin and his game world: a monograph*. Saint Petersburg: Aleteya. 178 p. ISBN 978-5-906910-83-7. (In Russ).
- Truskova, E. A. (2012). *Boris Akunin's novel cycles: the specifics of hypertext*. Author's abstract of PhD Diss. Yekaterinburg. 23 p. (In Russ).
- Volkova, N. (2007). *Literary strategy of the turn of the XX—XXI centuries: a variant of B Akunin*. Prague: Univerzita Karlova v Praze Filozofická fakulta. 234 p. (In Russ).

Ван Юй. Орнитологическая мифологема сокол в «Слове о полку Игореве» и древней китайской литературе / Ван Юй, А. О. Шелемова, А. Г. Коваленко // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 154—164. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-154-164.

Wang, Yu, Shelemova, A. O., Kovalenko, A. G. (2021). Ornithological Mythologeme Falcon in «The Tale of Igor's Campaign» and Ancient Chinese Literature. *Nauchnyi dialog*, 7: 154-164. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-154-164. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-154-164

Орнитологическая мифологема сокол в «Слове о полку Игореве» и древней китайской литературе

Ван Юй

orcid.org/0000-0002-0230-6316

аспирант

кафедра русской
и зарубежной литературы
yuliya.van.90@mail.ru

Шелемова Антонина Олеговна

orcid.org/0000-0002-8790-279X

доктор филологических наук,
профессор
кафедры русской
и зарубежной литературы
a.shelemova@rambler.ru

Коваленко Александр Георгиевич

orcid.org/0000-0002-6747-285X

доктор филологических наук
заведующий кафедрой русской
и зарубежной литературы
ak-taurus@mail.ru

Российский университет дружбы
народов
(Москва, Россия)

Ornithological Mythologeme Falcon in «The Tale of Igor's Campaign» and Ancient Chinese Literature

Wang Yu

orcid.org/0000-0002-0230-6316

Post-graduate student
Department of Russian
and Foreign Literature
yuliya.van.90@mail.ru

Antonina O. Shelemova

orcid.org/0000-0002-8790-279X

Doctor of Philology, Professor
Department of Russian
and Foreign Literature
a.shelemova@rambler.ru

Alexander G. Kovalenko

orcid.org/0000-0002-6747-285X

Doctor of Philology
Head of the Department of Russian
and Foreign Literature
ak-taurus@mail.ru

Peoples' Friendship University of Russia
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируется образ сокола в «Слове о полку Игореве» и древней китайской литературе. Материалом исследования послужил оригинальный текст «Слова», его переводы и комментарии к ним китайских литературоведов Вэй Хуанну и Ли Сииня, а также знаменитые древние китайские произведения. В работе авторы подробно рассматривают один из основных мотивов художественно-изобразительной орнитологии «Слова» — индивидуально-личностные образы соколов-русских князей, противостоящие стихийности, хаосности птичьей стаи как вражеской орды. Отмечается, что в древней китайской литературе орнитологический образный комплекс служит символом, во-первых, элитных дивизий, сильных войск; во-вторых, человека, преисполненного высоких побуждений, как героических, так и карьерно-амбициозных; в-третьих, авторитета монарха или какой-либо другой важной персоны, обладающей властью. Новизна исследования видится в том, что впервые мифологема сокол в «Слове» рассматривается в интертекстуальном сопоставлении с произведениями древней китайской литературы. Был сделан вывод, что символические коннотации сокола как в древней китайской литературе, так и в «Слове о полку Игореве» тесно связаны с реальными качествами поведения этой птицы в естественной среде — храбростью, мужеством, ловкостью.

Ключевые слова:

орнитология; «Слово о полку Игореве»; сокол; мифологема; древняя китайская литература; Вэй Хуанну; Ли Сиинь.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The image of a falcon in “The Tale of Igor’s Campaign” and ancient Chinese literature is analyzed. The material for the study was the original text of “The Tale”, its translations and comments to them by Chinese literary scholars Wei Huangnu and Li Xiyin, as well as famous ancient Chinese works. One of the main motives of the artistic and pictorial ornithology of “The Tale” is examined in detail — the individual and personal images of the falcons-Russian princes, opposing the spontaneity, chaos of the bird flock as an enemy horde. In ancient Chinese literature, the ornithological figurative complex serves as a symbol, firstly, of elite divisions, strong troops; secondly, a person filled with high motives, both heroic and career ambitious; thirdly, the authority of the monarch or some other important person in power. The novelty of the research is seen in the fact that for the first time the mythologeme falcon of “The Tale” is considered in intertextual comparison with the works of ancient Chinese literature. It is concluded that the symbolic connotations of the falcon both in ancient Chinese literature and in “The Tale of Igor’s Campaign” are closely related to the real qualities of this bird’s behavior in its natural environment: bravery, courage, dexterity.

Key words:

ornithology; “The Tale of Igor’s Campaign”; falcon; mythologeme; ancient Chinese literature; Wei Huangnu; Li Xiyin.

Орнитологическая мифологема сокол в «Слове о полку Игореве» и древней китайской литературе

© Ван Юй, Шелемова А. О., Коваленко А. Г., 2021

1. Введение

«Слово о полку Игореве» — памятник литературы Древней Руси, произведение, написанное в XII веке, обнаруженное в конце XVIII века и опубликованное в 1800 году. С тех пор и до наших дней древний текст вызывает научный интерес у ученых различных гуманитарных отраслей, не только российских, но и китайских. В Китае знаменитый памятник известен в двух переводах, которые сделаны авторитетным литературоведом и переводчиком Вэй Хуанну и талантливым лингвистом Ли Сиинем. Именно эти авторитетные и почитаемые ученые открыли китайским филологам и широкому кругу читателей художественную ценность «Слова».

Орнитологическая образность в «Слове о полку Игореве» — явление уникальное в мировой литературе. Как в никаком другом, в этом произведении упоминается тринадцать наименований птиц. Каждая особь пернатого мира выполняет определенное идейно-художественное предназначение в художественном описании батального противостояния Игоревой дружины и половецкого войска. Многие птицы включены в символично-семантическую образную группу, когда естественные повадки хищников, их реакция на кровавую добычу непосредственно соотносятся с символикой поражения в кровопролитной битве.

2. Образ сокола в «Слове о полку Игореве» и китайских переводах

Самый представительный орнитологический персонаж «Слова о полку Игореве» — сокол — упомянут в тексте 16 раз.

В зачине образ сокола приобретает весомую художественную функцию при характеристике Бояна, который «пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣй» [Слово о полку Игореве, 1980, с. 372]. Ли Сиинь, комментируя зачин, дал любопытное пояснение: «В древности была очень популярна соколиная охота. Во дворе каждого князя выращивали несколько соколов. Между тем их нумеровали подобно песням. Пустив во время охоты соколов к добыче, наблюдали, какому из них удалось отличиться первому, а далее — в порядке очереди. И тогда музыкант играл песню соответственно обозначенному номеру (вылета птицы). Часто встречается в русской и украинской народной литературе уподобление соколиной охоты му-

зыкальному исполнению» [Ли Сиинь, 2010, с. 72]. Приведенная цитата — оригинальное наблюдение переводчика.

Относительно продолжения текста зачина: «Боянь же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедѣй пущаше, нъ своя вѣщиа прѣсты на живая струны въскладаше ...» — оба переводчика — и Вэй Хуанну, и Ли Сиинь — отметили, что соколы в этом случае символически ассоциируются с «перстами» Бояна. При этом Вэй Хуанну четко прокомментировал свой перевод: «В феодальный период Руси охотники ловили диких птиц, часто используя одомашненных соколов. На данный момент 10 соколов символизируют 10 пальцев (гусляра Бояна)» [Вэй Хуанну, 2000, с. 20].

В начале рассказа о походе Игоревой дружины автор «Слова», употребляя стилистическую фигуру обратного параллелизма, уже в иной символической ассоциации интерпретирует образы сокола и галки: «Не буря соколы занесе чресь поля широкая — галици стады бѣжать къ Дону Великому» [Слово о полку Игореве, 1980, с. 372]. Вэй Хуанну перевел эту фразу, используя прием обратного параллелизма дважды: «Не буря соколов занесла через широкие поля, не стаи галок несутся к Дону Великому» [Вэй Хуанну, 2000, с. 3]. В комментарии он дал такое объяснение: «Те, кто прошел через поля, не соколы, а войско Руси; те, кто бегут к Дону Великому, не стаи галок, а половцы. Автор “Слова” имеет в виду, что Боян воспевает поход Игоря, используя символические сравнения» [Там же, с. 32]. Перевод Ли Сииня второй половины фразы немногим отличается от варианта Вэй Хуанну: «... а стаи галок несутся (то есть устремляются) к Дону великому» [Ли Сиинь, 2010, с. 48].

Далее на протяжении всего текста «Слова о полку Игореве» сокол возглавляет самую представительную группу орнитологического мира фауны, в которую включены художественные трансформации, выполняющие сугубо изобразительную функцию воплощения образа человека в образе птицы. Рассмотрим самые значимые эпизоды, отмеченные соколиной символикой.

На протяжении всего рассказа об Игоревом походе соколы выступают в качестве эталона сравнения только при изображении русских князей. Повествование начинается с символического описания соколиной охоты и завершается иносказательным диалогом Кончака и Гзака — преследователей сокола-Игоря. Как отметил в своем исследовании А. А. Косоруков, символика образа выражает мысль, что «Соколам Высокого Полета для победы над сильным врагом необходимо, кроме мощи, обладать солидным опытом и умением. Врагов надо бить так, чтобы Родина (свое гнездо) в итоге были надежно защищены, а не так, как Игорь, результатом похода которого было, помимо разгрома его войска, новое опустошительное нашествие врага на Русь» [Косоруков, 1986, с. 103]. Сравнение русских князей с соколами об-

условлено положительными ассоциациями с реальными качествами птицы. Сокол — непревзойденный охотник, обученный, умелый, ловкий; сокол преследует, отважно атакует своих противников и побеждает их. Иначе говоря, сокол — птица простора, высокого парения: «яко соколь на вѣтрехъ ширяся, хотя птицю въ буиствѣ одолѣти» [Слово о полку Игореве, 1980, с. 382].

Образ князя-сокола в «Слове о полку Игореве» наделяется индивидуально-личностными чертами. Так, сокол «въ мытєхъ» [Там же, с. 380], то есть «в летах», достигший зрелости — характеристика старшего князя-сюзерена Святослава Всеволодовича [Соколова, 1997, с. 455; Якобсон, 1973, с. 125]; младшие, вассальные князья — соколы, слетевшие с «отня злата стола», которым «крыльця припѣшали поганыхъ саблями» [Слово о полку Игореве, 1980, с. 378]; также Игорь полетел «соколомъ», избивая птиц [Там же, с. 384]. Молодые же князья — «соколичи» или «сокольци». «Мылвить Гзакъ ко Кончакови: “Аже соколь къ гнѣзду летить, соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами”. Рече Кончакъ ко Гзѣ: “Аже соколь къ гнѣзду летить, а въ соколца опутаевѣ красною дѣвицею”. И рече Гзакъ ко Кончакови: “Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице” ...» [Там же, с. 386].

Итак, все символично-семантические значения сокола в тексте «Слова» ситуативно обозначены: горе соколу, не способному летать, — беда князю, лишившемуся возможности «полета» (в иносказательном значении — славы, триумфа). На известие бояр о поражении и позорном пленении русских князей-соколов автор через иносказание о подрезанных крыльях и железных путах ответил «золотым словом» великого киевского князя. Сокол в «Слове о полку Игореве», таким образом, сохраняет значимость орнитологического символа в его положительной оценке: это птица высокого полета, преследующая и изгоняющая враждебные стаи из родного пространства.

Рассмотрим далее, как поняли и преподнесли китайскому читателю сложную символическую соколиную парадигму образов китайские литераторы. Проанализируем некоторые, на наш взгляд, самые важные фрагменты.

1) «О, далече заиде соколь, птиць бѣя, — къ морю» [Там же, с. 378].

Вэй Хуанну перевел эту фразу так: «О, сокол, избивая птиц, далеко залетел к морю» [Вэй Хуанну, 2000, с. 11]. В комментарии он объяснил, что «птицами» иносказательно представлены половцы, а «сокол» — это Игорь. Ли Сиинь перевел немного иначе и сложнее для понимания, при этом оставил фразу без комментария: «О, сокол! Далекое ты залетел. Хотел сначала на море избивать птиц» [Ли Сиинь, 2010, с. 53].

2) «Се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата ... Уже соколома крыльця припѣшали поганыхъ саблями, а самаю опустоша въ путины желѣзны» [Слово о полку Игореве, 1980, с. 378].

Этот эпизод и Вэй Хуанну, и Ли Сиинь перевели, скрупулезно сохраняя семантику оригинала: «Ведь слетели два сокола с отцовского золотого престола добыть города Тматороканя, либо испить шлемом Дона. Уже соколам крылья подрезали саблями поганых, а самих опутали в путы железные» [Вэй Хуанну, 2000, с. 14; Ли Сиинь, 2010, с. 55]. К своему переводу Вэй приложил комментарий, уточняя, что под «двумя соколами» подразумевают Игоря и Всеволода [Вэй Хуанну, 2000, с. 39].

3) «Коли соколь въ мытѣхъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду» [Слово о полку Игореве, 1980, с. 380].

Вэй Хуанну перевел эту фразу так: «Когда сокол возмужает, высоко птицъ взбивает, не даст гнезда своего в обиду» [Вэй Хуанну, 2000, с. 16]. В комментарии он пишет: «Пока птенцы не подрастают, их оберегают соколы от более сильных крылатых хищников, например беркутов. Смысл здесь заключается в том, что, несмотря на возраст, старшие в семье все еще обладают силой, чтобы защитить своих детей» [Там же, с. 40].

Комментарий Ли Сииня во многом отличается от Вэй Хуанну более глубоким осмыслением и трактовкой лексики и семантики орнитологического образа. Первую часть фразы он передал как «сокол трех мытей высоко птицъ взбивает» [Ли Сиинь, 2010, с. 57] и далее прокомментировал, что «мыть» обозначает период, когда у соколят меняется оперение на новое. Считается, что после трех «“мытей” сокол становится сильным и взрослым, может противостоять беркутам. В народном понимании “сокол трех мытей” предстает как птица с наивысшей энергетикой» [Там же, с. 133].

4) «... полетѣ соколомъ подѣ мыглами, избивая гуси и лебеди завтраку, и обѣду, и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ почете ...» [Слово о полку Игореве, 1980, с. 384].

Вэй Хуанну и Ли Сиинь перевели этот эпизод в соответствии с семантикой оригинала: «Он (Игорь) полетел соколом под облаками, избивая гусей и лебедей к завтраку, и к обеду, и к ужину. Когда Игорь соколом полетел, то Овлур волком побежал, отряхивая с себя студеную росу» [Вэй Хуанну, 2000, с. 25; Ли Сиинь, 2010, с. 63]. Эпизод насыщен тропикой и иносказательной символикой, но, к сожалению, оба литератора не сочли необходимым детально прокомментировать перевод. У Ли Сииня дается только пояснение трудной для понимания синтаксической формы «труся»: он уточняет, что смысл ее — «стряхнуть росу», то есть, по Ли Сииню, символически означает «показать высокую скорость» [Ли Сиинь, 2010, с. 168].

5) «Мльвить Гзакъ Кончакови: «Аже соколь къ гнѣзду летитъ, соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами». Рече Кончакъ ко Гзѣ: «Аже соколь къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дѣвицею ...» [Слово о полку Игореве, 1980, с. 386].

Текст перевода на китайский язык у Вэй Хуанну и Ли Сииня совпадает и в семантическом, и в художественно-изобразительном аспектах: «Говорит Гзак Кончаку: “Если сокол к гнезду летит — расстреляем соколенка своими злачеными стрелами”. Говорит Кончак Гзе: “Если сокол к гнезду летит, то опутаем мы соколенка красной девицей”» [Вэй Хуанну, 2000, с. 27; Ли Сиинь, 2010, с. 64]. К своему переводу Вэй Хуанну добавил в комментариях, что «сокол» указывает на Игоря, «гнездо» — на родину Игоря, «соколенок» — на сына Игоря Владимира, попавшего в плен к половцам [Вэй Хуанну, 2000, с. 47]. Ли Сиинь дал более широкий комментарий: «Этот фрагмент показывает, что Кончак относится к Игорю хорошо. А между тем сын Игоря, Владимир, был взят в плен и женился на дочери Кончака. И вернулся на Русь с женой и сыном в 1187 году, его жена сменила имя на Свободу. Некоторые ученые предполагают, что, вполне вероятно, еще в 1180—1181 году, когда Игорь и Кончак были союзниками, между двумя сторонами был заключен сговор» [Ли Сиинь, 2010, с. 173].

3. Образ сокола в древних китайских произведениях

Рассмотрим далее орнитологическую мифологию сокол в древних китайских произведениях.

Птицы сокол и орел в китайском языке, как это ни покажется удивительным для русского человека, семантически амбивалентны, и для их написания используется один иероглиф 鷹. Поэтому в дальнейшем анализе мы в переводах на иероглифическое чтение будем использовать только одно русское название птицы — *сокол*.

Китайская литература не испытывает недостатка в использовании образа сокола. Во-первых, сокол — символ элитных дивизий, сильных войск. В анонимной поэме «Малая ода о походе воеводы Фан Шу на южных варваров» описываются сила и могущество войск династии Джоу. В третьей части поэмы изображаются соколы «высокого полета» с их необыкновенной скоростью и одержимостью, которым уподобляются превосходно натренированные Джоуские войска, обладающие огромной силой и мощью: «Быстро, быстро вперед устремляется сокол, и к небу направлен его высокий полет ... Подобно Фан Шу, войско уходит в поход!» [Шицзин, 1957, с. 25]. Аналогичная ситуация изображается еще в одной анонимной поэме «Великая ода о царях Вэнь-Ване и У-Ване и о покорении царства Инь-Шан»: «Эта пустыня Муе широка, широка! Блещет сандалом своим колесница, ярка; Каждая лошадь в четверке гнедая — крепка. Шан-фу, великий наставник, искусен в боях — будто сокол, воспаряющий ввысь в облака!» [Там же, с. 39].

Используя образ сокола, неизвестные авторы обоих произведений прославляли боевую мощь армии, что очень уместно и логично, так как со-

кол — хищная птица, обладающая ловкостью, силой и скоростью. Проанализированная художественная функция сокола типологически идентична одной из символических ипостасей птицы в «Слове о полку Игореве» («О, далече заиде соколь, птицъ бя ...») [Слово о полку Игореве, 1980, с. 378]).

Во-вторых, сокол в художественном творчестве некоторых китайских авторов символически представляет человека, преисполненного высокими побуждений, как героических, так и карьерно-амбициозных. Так, в стихотворении Гао Юе «Воспевание сокола» описывается бравость и лихое молодечество сокола, но одновременно и намек на его устремление взлететь высоко в карьере. Этот сокол «не согласен летать на равнине среди низких трав» [Пэн Динцю, 2004, с. 309]. Возможно, автор в этих стихах демонстрировал личные амбиции посредством художественного сравнения поэта с самой «авторитетной» птицей — соколом. Возможно также, что летящий сокол был воплощением жизненного идеала поэта.

Подобная художественная идентификация образа сокола самому автору наблюдается в произведении «Смотрение на отпущенного сокола» выдающегося поэта эпохи династии Тан Ли Бо, насыщенном сугубо национальной образной символикой и тропикой: «В декабрьский зимний холод у сокола перьев только восемь-девять из десяти¹; смеются над ним ласточки и воробьи поочередно. А сокол дает им понять: не радуйтесь заранее, взлечу рано или поздно в небесную высь» [Там же, с. 392]. Ли Бо создает образ сокола в традиционной для поэзии периода Тан пафосной манере. Птица олицетворяет непреклонную волю к победе над врагом и патристическое стремление служить отечеству.

Во многих стихотворениях Ду Фу, пользующегося в истории китайской классической поэзии одинаковой известностью с Ли Бо, сокол является одним из излюбленных образов поэта, уступая в популярности, пожалуй, только коню. Например, в стихотворении «Картина, изображающая сокола» он создает художественный образ, которым впоследствии восхищались китайские исследователи его творчества, подобно тому, как российские медиевисты превозносили поэтически непревзойденные образы соколов в «Слове о полку Игореве». Вот эти гениальные стихи: «С белого шелка вздымается ветер и холод. Так этот сокол искусной рукой нарисован. Смотрит, насупившись, словно дикарь невеселый, плечи приподнял, за птицей рвануться готов он ... Скоро ль он бросится в битву на полчище птичье, кровью и перьями ровную степь покрывая?» [Ду Фу].

Здесь невозможно не заметить явной интертекстуальной переключки с уже многократно упомянутыми соколами из «Слова о полку Игореве»

1 Захваченному соколу выстригли сильные перья.

(«... далеко залетел сокол, избивая птиц ...» [Слово о полку Игореве, 1980, с. 380], когда воины князя Игоря уподобляются соколам, а враги-половцы — птицам).

В-третьих, сокол символизирует авторитет монарха или какой-либо другой важной персоны, обладающей властью. В «Цзо Джуань» (кит. упр. 左传 — один из 13 конфуцианских классических текстов, повествование которого охватывает период с 722 до 468 годы до н. э. и является комментарием к хронике «Чунь Цю» о событиях периода Весны и Осени) одно из требований политического и морального кодекса звучит так: монарх должен «заботиться о народе как о своих детях, наказывать преступников, подобно тому, как сокол избивает птиц и воробьев» [Ли Мэншэн, 2016, с. 156]. Именно в таком сочетании — «птица и воробей» — в китайской поэзии иногда можно встретить изображение отрицательных персонажей. Сокол же представлен символическим носителем правды, справедливости и престижа. Этому образу в «Слове о полку Игореве» соответствует «соколь въ мытєхъ».

4. Заключение

В работе проанализированы в аспекте заявленной темы самые важные фрагменты с символической соколиной парадигмой в двух переводах «Слова о полку Игореве» на китайский язык (Вэй Хуанну и Ли Сииня) и авторские комментарии переводчиков к обоим; отмечены семантические, лингвистические, стилистические и художественно-языковые достоинства и просчеты в переводах. В целом можно сделать общий вывод о переводах как приближающихся к максимальной точности и выразительности художественной образности и языка «Слова».

Символический образ соколов — русских князей — один из стержневых лейтмотивов в изобразительной орнитологии «Слова». В множественных контекстах сокол сохраняет значимость художественного символа в его положительной оценке: это птица родного пространства, защищающая его территорию и границу, преследующая и изгоняющая враждебные стаи из этого пространства.

Ознакомившись с древнекитайскими литературными произведениями, можно сделать заключение, что образ сокола довольно часто встречается в китайских архаических народных текстах и творчестве поэтов-классиков; он служит символом, во-первых, элитных дивизий, сильных войск; во-вторых, человека, преисполненного высоких побуждений, как героических, так и карьерно-амбициозных; в-третьих, авторитета монарха или какой-либо другой важной персоны, обладающей властью.

Таким образом, символические коннотации сокола как в древней китайской литературе, так и в фольклорной и книжной традиции Руси, пре-

жде всего в «Слове о полку Игореве», тесно связаны с реальными качествами поведения этой птицы в естественной среде: храбростью, мужеством, ловкостью. И в «Слове», и у китайских писателей в орнитологический образный комплекс включены не только доблестные воины, но и светские государственные деятели, обладающие необычным талантом, высокими помыслами и авторитетом.

Источники и принятые сокращения

1. *Вэй Хуанну*. Слово о полку Игореве / Вэй Хуанну. — Пекин : Издательство Народной Литературы, 2000. — С. 1—48.
2. *Ли Сиинь*. Слово о полку Игореве / Ли Сиинь. — Пекин : Коммерческая пресса, 2010. — С. 47—142.
3. *Слово о полку Игореве* // Памятники литературы Древней Руси. XII век. — Москва : Художественная литература, 1980. — С. 372—386.
4. *Шицзин*. Книга песен / Шицзин ; перевод с китайского и комментарии А. А. Штукина. — Москва : Издательство Акад. наук СССР, 1957. — 611 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ду Фу*. Поэзия Ду Фу в переводах А. И. Гитовича [Электронный ресурс] / Ду Фу. — Режим доступа : http://lib.ru/POECHIN/DUFU/dufu_gitovich.txt (дата обращения 12.01.2021).
2. *Косоруков А. А.* Гений без имени / А. А. Косоруков. — Москва : Современник, 1986. — 103 с.
3. *Ли Мэншэн*. Цзо Джуань / Ли Мэншэн. — Шанхай : Шанхайское издательство древних книг, 2016. — 156 с. — ISBN 9787532578214.
4. *Пэн Динцю*. Сборник стихотворений поэтов династии Тан / Пэн Динцю. — Янбянь : Янбянь Народный Издательский Дом, 2004. — Том 5. — 422 с. — ISBN 9787534874512.
5. *Соколова Л. В.* Троян в «Слове о полку Игореве» (Обзор существующих точек зрения) / Л. В. Соколова // ТОДРЛ. Т. XLIV. — Санкт-Петербург : Наука, 1990. — С. 325—362.
6. *Якобсон Р. О.* Сокол в мьтэх / Р. О. Якобсон // Јужнославенски филолог. Повремени спис за словенску филологију и лингвистику. — Киев : Београд, 1973. — 125 с.

MATERIAL RESOURCES

- Li Xiyin. (2010). *The Tale of Igor's Campaign*. Beijing: Commercial Press. 47—142. (In Chin.).
- Shijing. (1957). *The Book of Odes*. Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. 611 p. (In Russ.).
- The Tale of Igor's Campaign. (1980). In: *Monuments of literature of Ancient Russia. XII century*. Moscow: Fiction. 372—386. (In Russ.).
- Wei Huangnu. (2000). *The word about Igor's regiment*. Beijing: Publishing House of Folk Literature. 1—48. (In Chin.).

REFERENCES

- Du Fu. *The poetry of Du Fu in the translations of A. I. Gitovich*. Available at: http://lib.ru/POECHIN/DUFU/dufu_gitovich.txt (accessed 12.01.2021). (In Russ.).
- Kosorukov, A. A. (1986). *Genius without a name*. Moscow: Sovremennik. 103 p. (In Russ.).
- Li Mengsheng. (2016). *Tso Juan*. Shanghai: Shanghai Publishing House of Ancient Books. 156 p. ISBN 9787532578214. ((In Chin.).
- Peng Dingqiu. (2004). *Collection of poems by poets of the Tang Dynasty*, 5. Yanbian: Yanbian People's Publishing House. 422 p. ISBN 9787534874512. (In Chin.).
- Sokolova, L. V. (1990). Trojan in "The Tale of Igor's Campaign" Review of copulating points of view). In: *TODRL, XLIV*. St. Petersburg: The science. C. 325—362. (In Russ.).
- Yakobson, R. O. (1973). Sokol in mytech. In: *South Slavic philologist. According to the time of Writing for Slavic philology and linguistics*. Kiev: Belgrade. 125 p. (In Russ.).

Зинцова Ю. Н. Своеобразие авторской позиции как игровой диалог с читателем в романе М. Энде «Der Spiegel im Spiegel» / Ю. Н. Зинцова, И. В. Матвеева, С. Н. Саможенов // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 165—182. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-165-182.

Zintsova, Yu. N., Matveeva, I. V., Samozhenov, S. N. (2021). Originality of Author's Position as a Playful Dialogue with Reader in Novel by M. Ende «Der Spiegel im Spiegel». *Nauchnyi dialog*, 7: 165-182. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-165-182. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-165-182

Своеобразие авторской позиции как игровой диалог с читателем в романе М. Энде «Der Spiegel im Spiegel»

Зинцова Юлия Николаевна

orcid.org/0000-0002-6563-9791

кандидат филологических наук, доцент

zintsova@mail.ru

Матвеева Ирина Владимировна

orcid.org/0000-0002-8406-6116

кандидат филологических наук, доцент

Iramatweewa@yandex.ru

Саможенов Сергей Николаевич

orcid.org/0000-0002-6378-3431

кандидат филологических наук, доцент

sesam2301@yandex.ru

Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова
(Нижний Новгород, Россия)

Originality of Author's Position as a Playful Dialogue with Reader in Novel by M. Ende «Der Spiegel im Spiegel»

Yulia N. Zintsova

orcid.org/0000-0002-6563-9791

PhD in Philology, Associate Professor

zintsova@mail.ru

Irina V. Matveeva

orcid.org/0000-0002-8406-6116

PhD in Philology, Associate Professor

Iramatweewa@yandex.ru

Sergey N. Samozhenov

orcid.org/0000-0002-6378-3431

PhD in Philology, Associate Professor

sesam2301@yandex.ru

Linguistics University
of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Зинцова Ю. Н., Матвеева И. В., Саможенов С. Н., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена исследованию категории игры и ее воплощению в виде конкретных игровых приемов в художественном дискурсе. Материалом исследования послужило произведение М. Энде «Der Spiegel im Spiegel». Новизна исследования видится в том, что авторы выявляют связи художественных историй, которые образуют иррациональные миры. Актуальность исследования обусловлена всё возрастающим интересом ученых к сюрреалистическому отражению действительности в художественном тексте. В статье показано, что игра — это процесс становления личности и род свободной деятельности человека. Особое внимание уделяется теоретическому анализу сказочного дискурса. Привлечен к рассмотрению принцип смысловой и композиционной связи отдельных произведений цикла рассказов. Рассматриваются вопросы реализации персонажами художественных текстов ключевых параметров игры и не-игры в мифологическом дискурсе. Уделяется внимание основным вариантам поведения человека. Поднимается также вопрос о физических свойствах зеркал, которые являются имплицитными маркерами различных символов. Особое внимание уделяется сферическому зеркалу. Показано, что произведение М. Энде строится по принципу эффекта панорамного отражения.

Ключевые слова:

М. Энде; игровая стратегия; сказочный дискурс; мифологический дискурс; феномен зеркала; сюрреализм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the study of the category of the game and its embodiment in the form of specific game techniques in discourse. The research material was the work of M. Ende «Der Spiegel im Spiegel». The novelty of the research is seen in the fact that the combined connections of artistic stories form irrational worlds. The relevance of the study is due to the growing interest of researchers in the surrealist reflection of reality in a literary text. It is shown in the work that play is a process of personality formation and a kind of free human activity. Special attention is paid to the theoretical analysis of fairytale discourse. The principle of semantic and compositional connection of individual works of the cycle of stories is brought into consideration. The article deals with the issues of realization by characters of literary texts of the key parameters of play and non-play in mythological discourse. Attention is paid to the main variants of human behavior. The question is also raised about the physical properties of mirrors, which are implicit markers of various symbols. Special attention is paid to the spherical mirror. It is shown that M. Ende's work is based on the principle of the panoramic reflection effect.

Key words:

M. Ende; game strategy; fairy discourse; mythological discourse; mirror phenomenon; surrealism.

Своеобразие авторской позиции как игровой диалог с читателем в романе М. Энде «Der Spiegel im Spiegel»

© Зинцова Ю. Н., Матвеева И. В., Саможенов С. Н., 2021

1. Введение

Литературные произведения, являющиеся своеобразным отражением реальности, где текст становится художественным пространством, которое читатель выстраивает и додумывает самостоятельно, привлекают к себе особое внимание как читателей, так и исследователей. Такой эффект восприятия текста достигается с помощью определенной авторской эклектики, хаоса, перемены местами вымысла и действительности, что достигается смешением жанров, стилей, нарративных техник. Таким образом, у писателя появляется возможность продемонстрировать индивидуальную картину мира через многообразие повествовательных приемов, форм авторских стратегий. Многоаспектность выражения авторской позиции в текстовом пространстве как способ коммуникации с читателем зачастую реализуется через различные игровые приемы, например, игра с текстом, со смыслами, с заголовком, с читателем и под. Поэтому исследования произведений, жанровые особенности которых сложно укладываются в традиционное понимание, с одной стороны, отличающиеся нетривиальным, а иногда и парадоксальным художественным видением установления контакта автора с реципиентом — с другой, являются наиболее актуальными. К такой категории произведений, находящихся в фокусе исследовательского интереса, относятся рассказы Михаэля Энде, сюжеты которых представляют собой определенные «словесные картины», характеризующиеся многоаспектными ассоциативными образами и интертекстуальными символическими включениями. Экспликация авторского отношения к повествуемым событиям, героям, мотивам, образам облекается у М. Энде в довольно сложную композиционную структуру и реализуется часто в форме игры с читателем.

Игра с читателем ставит целью вовлечение воспринимающего текст в процесс со-творчества, его участие в разворачивании текста [Нестерук, 2014, с. 106], созерцание, переходящее в «доигрывание» ситуации. Подобным образом в дискурсе реализуется своеобразный постмодернистский принцип, когда читатель абстрагируется от типизированного взгляда на мир и через художественное произведение выстраивает новую текстовую реальность. Игра особенно типична для текстов фикционального характера, в которых представления читающего носят субъективный и часто вымышленный

характер. В данном исследовании фокус направлен на анализ категории игры и многозначность мотивов и символов в романе М. Энде «Der Spiegel im Spiegel». Особый интерес вызывает изучение реализации конкретных игровых приемов для передачи авторского отношения к событиям и героям в структуре рассказов, что является целью настоящего исследования.

Научная новизна работы заключается в междисциплинарном подходе к характеристике особенностей реализации игровой природы в художественном произведении на стыке психологии, лингвистики, искусства и литературы. В рамках настоящего исследования появляется возможность установить сплетение сказочных и мифических элементов в романе М. Энде «Der Spiegel im Spiegel», определить в нем значение зеркала и других мотивов, а также через мотивы и игровые стратегии описать способы раскрытия авторской позиции.

2. Особенности сказочного и мифологического дискурсов

Сказочный дискурс как специфическая форма реализации представлений народа о мире и окружающей действительности является многослойным и многогранным явлением. В нем объективируются передаваемые в особой образной форме символизм, выражающий сложные мифологические или иные культурные понятия; система ценностей, свойственных конкретной культуре; этнические и морально-нравственные константы; установки и мотивы социума [Деркач и др., 2014]. Сам термин *сказочный дискурс* характеризуется как «... вид речевой коммуникации, обусловленный критическим рассмотрением ценностей и норм социальной жизни, ... как особая знаковая система, обслуживающая культурную коммуникацию» [Миронова, 1997, с. 13, 48].

К характеристикам сказочного дискурса относятся особенности его внутренней организации: повторы и цикличность, вводимые в композиционную структуру сказки с помощью эпитетов, клише, образных сравнений, метафор. Колоритность текста сказки выражается в своеобразном пространственно-временном представлении событий и персонажей с помощью повторяющихся словоформ и мест действий. В основе сказки, как и мифа, лежит переосмысление действительности, представленное как особая связь вымысла с правдой [Фрейденберг, 1997, с. 248]. Игра фантазии и реальности реализуется через очевидную неправдоподобность происходящих в сюжетной линии событий [Ковальчук, 2013, с. 104—105]. Это является особой формой взаимодействия фантастического и действительного, что выражается размытостью хронотопа через присущую как сказочному, так и мифологическому дискурсу недосказанность, отсутствие фокусировки на деталях, намеренное избегание какой-либо характеристики действий и персонажей как специфический сказочный прием [Морохин, 1983, с. 7].

Авторская позиция — важнейший способ раскрытия качеств сказочного героя. Писатель не стеснён в художественных средствах, но, тем не менее, каждый старается выразить главную мысль по-своему. Помимо давно существующих литературных приёмов, каждый изобретает новые, авторские, которые помогают ему более точно и достоверно раскрыть героев, время и место повествования [Стадник, 2004].

В современных драматургических произведениях на многих уровнях организации текста: в названии произведения, жанровой номинации, на интертекстуальном уровне и т. д. — реализуется такой прием, как «игра с читателем». Анализ произведений современных авторов позволяет выделить несколько способов использования игровых приемов [Нестерук, 2014, с. 106]. Так, особая фантастическая реальность в произведениях Михаэля Энде достигается введением интертекстуальной игровой доминанты, реализующейся в многообразной игровой типологии на разных языковых уровнях (фонологическом, словообразовательном, лексико-семантическом, синтаксическом), а также использованием мифологических и сказочных мотивов [Большакова, 2012, с. 136]. Произведение «Der Spiegel im Spiegel» представляет сказочно-мифологическую картину мира, в которой центральное место занимает игра как своеобразный творческий прием отражения в тексте литературной сказки индивидуального авторского понимания действительности. Включение множества различных культурных составляющих увеличивает возможности для интерпретации, то есть открытость произведения в целом через их контексты, присутствующие на заднем плане. Энде — как и романтики — опирается на сказки, мифы и легенды, однако он «перекодирует» традиционные мотивы, при этом во многих случаях прямая ссылка на традицию отсутствует. Известные из повседневной жизни мотивы таинственным образом связываются в сказочном контексте.

3. Психология игры в литературе

Игра вызывает огромный интерес у культурологов, философов, писателей. Феномену «игра» посвящено огромное количество психологических теорий. С одной стороны, игра — это процесс становления личности, с другой — игра является свободной деятельностью и осуществляется ради себя самой [Большакова, 2007].

Иными словами, игра есть разумная и целесообразная, планомерная, социально-координированная, подчиненная известным правилам система поведения [Выготский, 2008, с. 113]. Ее ключевыми параметрами являются: 1) свободное действие как видение бесконечного количества вариантов выбора; 2) понимание несерьезности ее характера, условности происходящего, неутилитарности в виде возможности ухода от реальности; 3) про-

странственно-временная замкнутость в определенных границах; 4) осознанность и ответственность, воплощающиеся в выполнении определенного порядка действий, соблюдении внутренних правил и принципов игры [Кайуа, 2007, с. 49—63; Хейзинга, 2011].

На основе параметров игры Хейзинга (свобода, ответственность и т. д.) и игровых типов Кайуа (агон, алеа и др.) мы разработали классификацию моделей поведения человека в определенных ситуациях и принципов его отношения к реальности:

1. «Неосознанная безответственная свобода», предполагающая утверждение личной ответственности, внимательность, дисциплинированность, настойчивость, волю к победе; в социокультурологической классификации игр Р. Кайуа такая модель поведения соответствует типу «агон».

2. «Неосознанная безответственная несвобода», связанная с отречением от собственной воли, пассивностью человека; с отрицанием труда, терпения, квалификации; с упразднением профессиональных умений — тип «алеа».

3. «Безответственная осознанная несвобода» связана с ситуацией риска и последующим ожиданием рокового решения, а также нежеланием проявлять личностные достоинства и способности (тип, сочетающий варианты «агона» и «алеа»).

4. «Ответственная неосознанная несвобода» — принятие условного и зачастую фиктивного мира, где субъект скрывает собственную личность и становится кем-то другим — тип «мимикрия».

5. «Неосознанная ответственная свобода», которая предполагает определенное правилами развитие и вместе с тем стремление к идеализму, справедливости; включает в себя воображение, интерпретацию (тип, сочетающий «мимикрию» и «алеа»).

6. «Осознанная безответственная свобода» характеризуется деятельным началом, развитым воображением, отождествлением себя с героями или чемпионами, получением удовольствия от их созерцания (тип, сочетающий «мимикрию» и «агон»).

7. «Осознанная ответственная свобода» связана с переживанием внезапно захватывающего индивида увлечения, «головокружением» нравственного порядка (тип «иллинкс»).

8. «Осознанная ответственная несвобода» — обычно подавляемое влечение к бесчинству и разрушению; проявление резких, грубых форм личного самоутверждения (сочетание типов «иллинкс» и «агон»).

Данные модели поведения людей можно спроецировать на модели поведения героев художественных произведений в аспекте взгляда на художественный текст как на игровое пространство. Кроме того, понимание

моделей поведения людей в реальной жизни способствует и раскрытию особенностей психологии персонажей, пониманию мотивов их поступков.

4. Игровые особенности произведения

В тексте произведения Михаэля Энде «Der Spiegel im Spiegel» можно проследить почти все представленные выше варианты отношения человека к жизни. Конечно, большинство из них проявляются не в чистом виде, а выступают как взаимодействие одного типа с другим. Однако есть и такие сюжеты, которые можно отнести только к одному определенному варианту. 30 склеенных ассоциаций в виде историй образуют не реальные, а сюрреалистические, сказочные, фантастические, иррациональные миры, образы и контексты. Эта техника напоминает технику коллажа, используемую в сюрреалистических картинах. На картинках предметы и люди встречаются так, как будто они были склеены новым, нелогичным, но неизвестным образом. Автор как художник связан в своем творчестве как со своим, так и с коллективным подсознанием. Здесь появляются его истории. Это создает некую реальность мечты. Читателю это представляется путешествием в глубины авторского подсознания. Это путешествие не только через подсознание автора, но и через подсознание читателя.

Так, например, отношения героев в главе «Der Sohn hatte sich unter der kundigen Anleitung» / «Сын под опытным руководством...» можно определенно отнести к варианту «безответственная осознанная несвобода». По сюжету герой должен сдать экзамен, для того чтобы покинуть город-лабиринт и зажечь счастливой жизнью, здесь важно показать, что только тот, кто понял, что означает истинное Блаженство, может покинуть лабиринт. Однако, как только удастся найти истинное блаженство в настоящем, не придется покидать лабиринт, потому что его счастье больше не зависит от окружающих или от места. Зависимая, то есть условная любовь к внешним событиям превращается в истории в личную тюрьму, из которой только независимость приводит к свободе:

(1) *Es war keineswegs verboten, die Labyrinthstadt zu verlassen... Die Gesetze, unter denen jeder Labyrinthbewohner stand, waren paradox, aber unabänderlich ... Wer den Versuch zu wagen bereit war, der musste sich zuvor einer Prüfung unterziehen. Wenn er sie nicht bestand, so wurde nicht er bestraft, sondern sein Meister, und die Strafe war hart und grausam* [Ende, 1984, S. 9] / Покидать город-лабиринт отнюдь не запрещалось ... Законы, которым подчинялся каждый обитатель лабиринта, были парадоксальными, но необратимыми ... Каждый, кто хотел попробовать, должен был заранее пройти испытание. Если он потерпел неудачу, то был наказан не он, а его Учитель, и наказание было суровым и жестоким (здесь и далее — перевод наш. — Ю. З.).

(2) ... *und er wusste, dass er nie wieder fliegen würde, und dass er nie wieder glücklich sein konnte, und dass er, solange sein Leben währen mochte, im Labyrinth bleiben würde. Denn nun gehörte er dazu* [Ibid., S. 13] / ... и он знал, что никогда больше не будет летать, и что он никогда не сможет снова быть счастливым, и что, пока продлится его жизнь, он будет оставаться в лабиринте. Потому что теперь он был одним из них.

Глава «Mann und Frau wollen eine Ausstellung» / «Мужчина и женщина хотят посетить выставку» реализует модель поведения персонажей «неосознанная безответственная свобода», которая отличается от варианта акцентуации характера поведения «безответственная осознанная несвобода»: человек в обеих ситуациях находится в состоянии безысходности, однако в этом случае он долгое время не осознает, что может изменить жизненный сценарий.

(3) «*Was würdest du denn tun, wenn du dich frei bewegen könntest?*» «*Ich würde eben hineingehen, um herauszukriegen, warum wir hier eingeschlossen sitzen müssen.*» «*Aber wenn du dich frei bewegen könntest, dann würdest du ja nicht hier eingeschlossen sitzen und hättest also gar keinen Grund hineinzugehen.*» *Das dicke Kind sieht den Mann überrascht an. «Richtig!» murmelt es. «Dann kann ich ebenso gut hier sitzen. Daran habe ich noch nie gedacht*» [Ibid., S. 101] / «Что бы ты сделал, если бы мог свободно передвигаться?» — «Я бы просто пошел, чтобы узнать, почему мы должны быть здесь заперты». — «Но, если бы ты мог свободно передвигаться, ты бы не был заперт здесь и у тебя не было бы причин войти». Толстый ребенок удивленно смотрит на мужчину. «Верно!» — бормочет он. — «Тогда я так же легко могу здесь сидеть. Я никогда не думал об этом раньше».

В главе «*Verzeih mir, ich kann nicht lauter*» / «Простите меня, я не могу говорить громче» представлен пример отношений персонажей, которые можно охарактеризовать как «ответственная неосознанная несвобода». В данной главе приводится описание героя, его жизни, его мыслей и чувств. Если главный герой Хор и его дом одновременно символизируют наше подсознание, это может выглядеть так, будто там собирается «коллективное бессознательное сознание» [Sedlarova, 2010], для которого свойственна апатичность восприятия жизненных обстоятельств, как этого обычно требует групповой конформизм:

(4) *Und du wirst auf dem schmalen Grat zwischen Schlafen und Wachen des Gleichgewichtes halten müssen — oder schweben wie die, denen oben und unten das gleiche bedeutet* [Ende, 1984, S. 5] / И тебе придется пройти тонкую грань между сном и бодрствованием, чтобы сохранить равновесие — или плавать, как те, для кого верх и низ означают одно и то же.

С психоаналитической точки зрения дом — важный символ в толковании снов. Он отражает нас самих, наше внутреннее существо. Он также может

символизировать внутренний космос автора, но автор хочет, чтобы его книга воспринималась как процесс переживания и открытия для читателя. Энде предлагает читателю войти вместе с ним в лабиринт. Комнаты пусты. С одной стороны, они дают нашему воображению много возможностей в мире снов, но, с другой стороны, они также дают читателю ощущение потерянности. Главный герой Хор становится с ними одним целым, он хранит много воспоминаний от разных людей из разных времен, потому что живет вечно.

В главе «Die Mansardenkammer ist himmelblau, die» / «Небесно-голубой чердак» моделируется ситуация «неосознанная ответственная свобода». В отрывке приводится разговор студента со стариком, который открывает первому свою «философию» о проблематике начала. Мы снова сталкиваемся с проблемой способности или / и неспособности изменить ход событий и выйти из ситуации. Студент живет в своем мире, в своей комнате и изучает свои специальные теории относительности. Все герои этой истории живут в мире теорий, находятся в вечном размышлении или бездействии из-за беспокойства и страха, что иллюстрируют следующие примеры:

(5) «... *objektiv denken, das muss man! Verstanden, junger Mensch? Wenn ich also objektiv denke, dann muss ich mir sagen, es besteht nicht die geringste Aussicht, dass ich, ein einzelner, schwacher Mensch, an der Lage der Dinge irgendetwas ändern werde*» [Ibid., S. 16]. — «... мыслить надо объективно! Вы понимаете, молодой человек? Так что если я буду мыслить объективно, то должен сказать себе, что нет ни малейшего шанса, что я, одинокий, слабый человек, что-то изменю в положении дел».

(6) «*Man muss aus dem Geist leben, verstanden, junger Mensch? Aus der Erkenntnis muss man leben! Aber das ist gar nicht so einfach. Besonders im alltäglichen Leben*» [Ibid., S. 16] / «Надо жить духом, понимаете, молодой человек? Знанием надо жить! Но это не так-то просто. Особенно в повседневной жизни».

(7) «*Moral, das heißt: Es geht nicht so einfach. Merken Sie sich das, junger Mensch! Ich muss noch einmal von vorne anfangen, das Problem durchzudenken*» [Ibid., S. 18] / «Мораль означает: это не так просто. Запомните это, молодой человек! Я должен начать все сначала, чтобы обдумать проблему».

И в этой истории ситуация снова является безвыходной для слуги, для ученика, для всех остальных. Снова появляются темы бессмысленности существования и жертвы, потому что снова ничего нельзя изменить.

Глава «Die Dame schob den schwarzen Vorhang» / «Дама раздвинула черную занавеску окна кареты» являет пример смешанного варианта игры. Карета дамы, спешащей на бал, попадает в толпу разряженных людей, актеров для солнца, луны и звезд. В одной плоскости существуют два разных полюса, это взбалмошная госпожа, которая действует, не задумываясь

о последствиях (пример варианта «неосознанная безответственная несвобода»), и труппа, вытаптывающая «потерянное» слово на тропинке, для того чтобы увидеть его с горы. Многие из труппы не помнят, когда этот путь начался. Они ведомы этим «потерянным» словом (вариант отношения «ответственная неосознанная несвобода»):

(8) *«Glaubt ihr denn daran, es wirklich eines Tages zu finden?» Der Alte antwortete nicht, sondern beschleunigte seine Schritte und überholte* [Ibid., S. 45] / «Ты думаешь, что действительно когда-нибудь его найдешь?» Старик не ответил, но ускорил шаг и прошел мимо.

Однако, хотя кто-то и пытается подобрать слово, ситуация мало обнадеживающая: найти потерянное слово в большом мире практически невозможно:

(9) *«Kehren wir um!» rief sie dem Kutscher zu, während sie wieder einstieg, «wir fahren zurück. Ich habe mich anders entschieden ... Ich würde ihnen nicht von Nutzen sein. Aber du und ich, wir können bezeugen, dass es sie gibt und dass wir sie gesehen haben»* [Ibid., S. 47] / «Давай вернемся!» — она позвала кучера, когда села в карету. «Мы возвращаемся. Я приняла другое решение ... Я была бы бесполезной для них. Но мы можем засвидетельствовать, что они существуют и что мы их видели».

Тем не менее, это первая история в зеркале, в которой появляется легкая надежда найти и спасти что-то:

(10) *Wenn sie es finden, dann müsste die Welt sich von einer Stunde zur anderen verwandeln. Glaubst du nicht? Wer weiß, vielleicht werden wir irgendwann Zeuge auch dessen werden* [Ibid., S. 44] / Если они его найдут, то мир изменится от часа к часу. Вы так не думаете? Кто знает, может быть, однажды мы станем свидетелями этого.

В главе «Über die weite graue Fläche des Himmels» / «По бескрайнему серому простору неба» также представлен пример смешанного варианта игры. В небесах появляется огромный конькобежец, выводящий своими коньками надпись:

(11) *Mit tropfenden Nasen und offenen Mündern sah die Menschenmenge von der Erde aus zu, zeigte nach ihm hinauf und applaudierte bisweilen, wenn ihm ein besonders schwieriger (natürlich umgekehrter) Sprung gelungen war* [Ibid., S. 90] / Толпа наблюдала с земли с мокрыми носами и открытыми ртами, указывая на него вверх и иногда аплодируя, когда он совершал особенно сложный (конечно, обратный) прыжок.

Видение собирает толпу зевая, но как только конькобежец исчезает, люди забывают о нем:

(12) *Dann glitt er davon und verschwand fern hinter dem Horizont* [Ibid., S. 90] / Потом он ускользнул и исчез далеко за горизонтом.

В главе представлены примеры моделей поведения персонажей — «ответственная неосознанная несвобода» и «неосознанная безответственная свобода». Появление конькобежца — реализация второго варианта, так как люди не понимают, что это, не пытаются трактовать это видение и не осознают его важность и необычность, а «ответственная неосознанная несвобода» проявляется в их забывчивости и возвращению к рутинным делам:

(13) *Die Leute gingen nach Hause und hatten bald den ganzen Vorfall vergessen. Jeder hat schließlich seine eigenen Sorgen* [Ibid., S. 91] / Люди пошли домой и вскоре забыли обо всем происшествии. Ведь у каждого были свои заботы.

Таким образом, в романе представлены разные модели отношения человека к жизни, примеры взаимодействия людей и деятельности в одиночку. Автор не придерживается какой-либо одной модели при репрезентации персонажей романа и их поведения, он показывает человека с разных сторон, что обусловлено спецификой сказки, которая особым образом конструирует у человека систему интуитивных представлений о реальности [Соборная, 2004]. Более того, исследователи считают, что механизмы сказочного дискурса репрезентируют определенные фокусы функционирования культурных парадигм современного общества [Луговая, 2012].

5. Мотивы в произведении М. Энде «Der Spiegel im Spiegel»

В художественной картине М. Энде наблюдается мифопоэтический компонент, который создает фантастическую реальность, воплощая собой синкретизм сказки, мифа, философии и поэзии. Диалог с читателем реализуется автором через определенные принципы композиционного построения, через цепочку образов и мотивов.

Мотив зеркала можно наблюдать на нескольких уровнях одновременно. Создается феномен зеркала, отраженного в зеркале: два читателя, читая одну и ту же книгу, предлагают множество вариантов толкования. Книга становится зеркалом, в котором отражается читатель. Но и читатель — это зеркало, отражающее книгу [Вулис, 1991]. С помощью сюрреалистических картин, серых пейзажей и фантастических мотивов М. Энде пытается показать другую реальность, в которой каждый читатель может найти себя снова.

«Мотив зеркального двойничества» очевиден в произведении: писатель использует образы из своих более ранних историй, таким образом, отражая одни истории в других. Как правило, это элементы сюжета или отдельные предметы, места, люди или животные, которые затем появляются в других эпизодах романа. Автор использует в своем произведении словосочетание «зеркальное отражение» (Spiegelbild), раскрывая психологиче-

скую особенность произведения и показывая настоящую сторону происходящего, без «маски». Важным элементом языка произведения является лексико-тематическая группа слов, объединенных общей темой «Spiegel / Зеркало»: *Wasserspiegel, Spiegelbild, spiegelnde Glatze, widerspiegeln, spiegelblank, Luftspiegelung*. Несмотря на наличие синонимов слова *Spiegel*, автор использует его в словосочетаниях с однокоренными лексемами, например *gespiegelten Spiegelbildes*, сохраняя тавтологичность высказывания для усиления значения мотива.

В главе «Die Bahnhofskathedrale stand auf einer» / «Станционный собор стоял на большой льдине» зеркальное отражение является символом перемен. Слово *зеркало* употребляется при описании действий человека, точнее, это единственное, что меняется на протяжении всех его будней: герой меняет позу — соответственно меняется и его отражение:

(13) *Von Zeit zu Zeit, wenn die Ermüdung ihn zwang, wechselte er diese Stellung, sozusagen in sein seitenverkehrtes Spiegelbild sich verwandelnd* [Ende, 1984, S. 41] / Время от времени, когда его одолевала усталость, он менял позу, превращаясь, так сказать, в свое перевернутое зеркальное отображение.

(14) ... *sich von neuem in das seitenverkehrte Spiegelbild seines gespiegelten Spiegelbildes verwandelnd* [Ibid., S. 42] / ... заново превращаясь в перевернутое зеркальное отображение своего зеркального отражения.

В главе «Dieser Herr besteht nur aus Buchstaben» герою приходится решить стрелять ли ему в своё отражение. Для него это то же самое, что стрелять в самого себя. Герой не хочет, он напуган, но таковы условия:

(15) *Dabei ist, dass man auf ein recht ungewöhnliches Ziel feuern muss, nämlich auf sich selbst, das heißt, auf das eigene Spiegelbild in einem metallenen Spiegel. Und der Herr aus Buchstaben fühlt sich durchaus nicht wirklich genug, um auf eine so gewagte Weise zwischen sich und seinem Spiegelbild zu unterscheiden* [Ibid., S. 92] / Дело в том, что вам предстоит вести огонь по довольно необычной цели, а именно по себе, то есть по собственному отражению в металлическом зеркале. И писатель не мог отважиться отличить себя и свое отражение.

Существуют разные типы зеркал, и в рамках данной работы интерес для нас представляет сферическое зеркало, так как этот тип может быть применен для создания оптических иллюзий. Принцип действия выпуклого зеркального стекла в том, что изображение присутствует всегда за зеркалом — значит, оно мнимое.

Зеркало может задать определенные дейктические координаты, таким образом оказываясь в истории культуры семиотическим механизмом описания чужой структуры, поэтому оно так хорошо подходит для логических

игр и мифологических построений. В романе М. Энде читатель наблюдает не за людьми, а всего лишь за их отражениями, представленными в определенном ракурсе и под определенным углом [Матвеева и др., 2019, с. 2184].

Зеркальный эффект достигается также кольцевой композицией некоторых глав. Например, в главе «Moordunkel ist das Gesicht der Mutter» / «Темное болото — лицо матери» замкнутость композиции представлена не событием, а поведением героев. Так, циклический процесс рождения детей в семье ничем не прерывается, и после смерти отца дочь продолжает соблюдать данный «режим», герои совершают одни и те же действия:

(16) *Die Mutter ist aufgewacht und kaut wieder. Der Mann geht in den Stall und betrinkt sich* [Ende, 1984, S. 60] / Мать проснулась и снова жует. Мужчина идет в конюшню и напивается.

(17) *Der Fremde vergräbt ihn unter der Saat, die aufgeht. Die Tochter kaut. Der Fremde geht in den Stall und betrinkt sich* [Ibid., S. 61] / Незнакомец закапывает его под прорастающее семя. Дочь жует. Незнакомец идет в конюшню и напивается.

Кроме того, композиционно эффект зеркала проявляется в том, что автор показывает читателю только то, что происходит в данный момент, рассказы зачастую ничем не заканчиваются. Происходящее событие может иметь своё логическое завершение, но без его подоплеки, оценки, глубоких рассуждений по поводу происходящего и его итогов:

(18) *Wer weiß, ob die Botschaft wirklich so wichtig war* [Ibid., S. 90] / Кто знает, действительно ли это сообщение было таким важным.

(19) *Wer weiß, vielleicht werden wir irgendwann Zeuge auch dessen werden. Und jetzt fahr los!»* [Ibid., S. 47] / Кто знает, может быть, однажды мы станем свидетелями этого. А теперь вперед!

(20) *Darauf habe er zum Himmel aufgeblickt und in der Dunkelheit ein Seil ausmachen können, welches quer über das ganze Feld gespannt gewesen sei und an welchem eine menschliche Gestalt in gekreuzigter Haltung gehangen habe. Wie der Zeuge hinzufügt, könne er jedoch nicht mit Sicherheit sagen, ob diese Gestalt nur an das durchgehende Seil festgebunden gewesen sei oder ob es sich um zwei getrennte Seilstücke gehandelt habe, jeweils am linken und rechten Handgelenk der Gestalt festgeknotet, und so die Gestalt selbst als Verbindungsstück ausgespannt gewesen sei. Das festzustellen sei es, wie der Zeuge versichert, zu dunkel gewesen* [Ibid., S. 50] / Затем он взглянул на небо и в темноте смог разглядеть веревку, протянутую через все поле, на которой висела человеческая фигура в распятой позе. Однако, как добавляет свидетель, он не может с уверенностью сказать, была ли эта фигура привязана одной веревкой или это были два отдельных отрезка веревки, привязанные к левому и правому запястьям фигуры, и поэтому сама фигура была растя-

нута как соединительный элемент. Как уверяет свидетель, было слишком темно, чтобы утверждать это.

Читатель видит картинку, как будто смотрит в экран. Как отражение показано лишь событие, а какие у него предпосылки и что будет дальше, остается только догадываться. Читателю не дается даже толчка к размышлению, нет идеи, почему событие произошло и почему оно стало вдруг важным для героев того или иного рассказа. Каждый персонаж, каждое действие уникально, нет взаимосвязей между частями — и это сбивает с толку. Создается впечатление, что читатель стоит перед огромным сферическим шаром и просто наблюдает со стороны жизнь других людей, их чувства и заботы. В предисловии даётся краткое описание произведения, а точнее — его назначение:

(21) *Er entwickelt eine ungeheure Phantasie, wenn es darum geht, menschliche Empfindungen sichtbar und begreifbar werden zu lassen. In diesem Buch wird der Leser Welten entdecken, die er bisher für verschlossen hielt* [Ibid., S. 1] / Он развивает огромное воображение, когда дело доходит до того, чтобы делать человеческие ощущения видимыми и понятными. В этой книге читатель откроет для себя миры, которые ранее считал закрытыми.

Мотив бесконечности. Роман М. Энде состоит из 30 различных историй, каждая из которых, хотя и имеет свои сюжет и персонажи, тем не менее образует с другими рассказами в романе единое целое. Истории не имеют названия, они указаны в содержании словами первого предложения в соответствующей истории. Многие истории переплетаются друг с другом там, где только что закончилась предыдущая история, либо в рассказах пересекаются образы, пейзажи, предметы и др. Отдельные мотивы, как правило, очень тесно связаны. У читателя возникает ощущение коллажа. Эти связи образуют не реальные, а сюрреалистические, фантастические, иррациональные миры, образы и отношения. Манера М. Энде напоминает коллажную технику сюрреалистических картин. В изображениях встречаются знакомые предметы и лица, но они как будто склеиваются новым, неизвестным способом. Общие мотивы, места, картины, стили или символы читатель находит в различных историях снова и снова и осознает их *бесконечность*, что подчеркивается и соответствующими лексическими средствами:

(22) *Während all der Zeit, die er nun schon in diesem, wie es schien, unendlich großen Hause zugebracht hatte* [Ibid., S. 139] / За все время, которое он уже провел в **бесконечно** большом доме.

(23) *... den endlosen Mast abwärtszuklettern* [Ibid., S. 141] / ... спуститься с **бесконечной** мачты.

(24) *Diese Nacht, denkt er, kann doch nicht ewig dauern* [Ibid., S. 68] / Эта ночь, думает он, не может длиться **вечно**.

Лексемы *unendlich, endlos, ewig* и т. д. принадлежат к немаркированной лексике. Более значимыми здесь представляются коллокации, в которых они состоят. Созданные выражения формируют лексико-тематическую группу со значением «бесконечность, вечность» и придают тексту соответствующий колорит: *unendliche Räume, unendlich langsam, unendlichen Formen, unendlich großen Hause, unendlichen Umarmung, Ewigkeit, ewigen Gesetz, endlose Mast*. Бесконечность сама по себе может ничего и не обозначать, но бесконечное действие не может остаться незамеченным.

Мотив сказки и легенды. Легенды и сказки дают героям некоторых глав надежду на изменения в жизни, судьбе и простую веру в чудо. Даже понимая, что это всего лишь сказка и более ничего, герои всё равно решаются на претворение её в жизнь. Она здесь играет роль не поучительного рассказа, а мотиватора для совершения тех или иных поступков. Лексические единицы *Sage, Legende, Theater, Märchen, erzählen, Heros, sagen, wissen* образуют общую тематическую группу «Märchen / Сказка». В отличие от группы «Spiegel / Зеркало» автор использует синонимический ряд, включающий как языковые синонимы, так и контекстуальные:

(25) ... *die Legende vom glücklichen Herrscher?* [Ibid., S. 185] / ... **легенда** о счастливом правителе?

(26) ... *als ein Begnadeter betrachtet, und man erzählte seine Sage noch lang* [Ibid., S. 5] / ... считался одаренным человеком, и его **легенду** рассказывали давно.

(27) *Gewiss kennst du eine Menge Märchen, mein Junge?* [Ibid., S. 155] / Ты точно знаешь много **сказок**, мой мальчик?

(28) *Es handelt sich vielmehr um wirkliches Theater, also um ein Märchen, oder — wenn ihr die Bezeichnung vorzieht — um ein Mysterienspiel* [Ibid., S. 174] / Скорее, это настоящий **театр, сказка** или, если хотите, термин **таинственный спектакль**.

Приведенные примеры актуализации роли сказки и легенды в романе М. Энде показывают, что протагонисты, стремящиеся к свободе, смыслу, истине или к собственному «Я», мотивируют читателя включить собственное воображение. Читатель может «мечтать» об историях и представлять те символы и формы, которые в свою очередь соответствуют его опыту [Steiert, 2012].

В совокупности мотивы зеркального отражения, бесконечности и сказочности бытия в романе составляют психологический и философский пласты произведения.

6. Заключение

Исследования, которые направлены на изучение способов репрезентации механизмов сказки в искусстве, литературе, социальных взаимоотно-

нениях, могут помочь определить степень их действия на формирование и функционирование культурных парадигм современного общества. Обращение к художественному произведению в данном аспекте обусловлено интересом к пониманию его смысловой структуры через соотношение с внетекстовой действительностью. При этом сказочный дискурс неизбежно граничит с суггестивным и фантастическим, что находит отражение в историях, рассказанных М. Энде. Как вместилище архетипов, имеющих в сознании человека, сказка влияет на дискурс культуры. Анализ игрового диалога М. Энде с читателем в романе «Der Spiegel im Spiegel» позволил прийти к следующим выводам:

1. Функции игры в историях М. Энде состоят, главным образом, в изменении восприятия действительности читателем и трансформации личности самого читателя, его самосознания. Так, отличаются истории, отражающие «культурное недовольство», от тех, которые служат цели — сформировать у читателя через воздействие на его подсознание понимание собственной идентичности, своих убеждений, потребностей, ценностей, и от тех, которые предлагают решения и указания для читателя, как измениться самому и жить с новым осознанием себя и мира.

2. Роман М. Энде, словно сферическое зеркало, вызывает оптические иллюзии и создаёт эффект панорамного обзора: в романе отсутствуют общие герои и рассказчик и создаются открытые концовки и кольцевые композиции. По этому принципу и строится произведение Михаэля Энде «Der Spiegel im Spiegel»: эффект панорамного отражения передаётся благодаря отсутствию обобщающего героя и героя-повествователя, в романе описываются события из жизни людей различного социального статуса, рода деятельности и возраста.

3. Созданный мир в рассказах Энде превращается в мир, который является зеркалом нашего реального мира. С помощью сюрреалистических образов, грубых пейзажей и фантастических мотивов М. Энде пытается показать другую реальность, в которой каждый читатель может найти себя, если он принимает правила игры, которые предлагаются ему автором. Таким образом, можно сказать, что истории могут быть рассказаны самим читателем.

Источники и принятые сокращения

1. *Ende M. Der Spiegel im Spiegel* / M. Ende. — München : DtV, 1984. — 219 с. — ISBN 978-3-423-13503-0.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Большакова Н. Н.* Репрезентация интермедийных отношений в тексте (на примере цикла рассказов Михаэля Энде «Зеркало в зеркале. Лабиринт») / Н. Н. Большакова // *Известия Смоленского государственного университета*. — Смоленск, 2012. — С. 136—144.

2. *Большакова Н. Н.* Игровая поэтика в литературных сказках Михаэля Энде : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Н. Н. Большакова. — Смоленск, 2007. — 222 С.
3. *Вулис А. З.* Литературные зеркала / А. З. Вулис. — Москва : Совет писатель, 1991. — 479 с. — ISBN 5-265-01496-9.
4. *Выготский Л. С.* Педагогическая психология / Л. С. Выготский ; под ред. В. В. Давыдова. — Москва : АСТ Астрель Хранитель, 2008. — 671 с. — ISBN 978-5-17-049975-5.
5. *Деркач А. В.* Текст как социокультурный феномен / А. В. Деркач, Н. А. Каразия, В. В. Кузнецов, Е. В. Плисов, В. В. Фёдоров, И. Н. Хохлова. — Петропавловск-Камчатский : КамГУ им. Витуса Беринга, 2014. — 216 с. — ISBN 978-5-7968-0341-7.
6. *Кайуа Р.* Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры / Р. Кайуа. — Москва : ОГИ, 2007. — 304 с. — ISBN 5-94282-339-1.
7. *Ковальчук Л. П.* Научная парадигма и структурная композиция сказочного дискурса / Л. П. Ковальчук // Вестник Челябинского государственного университета, 2013. — № 2 (293). — Филология. Искусствоведение. — Выпуск 74. — С. 104—109.
8. *Луговая Т. А.* Сказочный дискурс современной культуры [Электронный ресурс] / Т. А. Луговая. — Журнал Аркадия. — 2012. — № 4 (35). — С. 14—18.
9. *Матвеева И. В.* Communicative and pragmatic potential "I" as a subject of a narrative context / И. В. Матвеева, Ю. Н. Зинцова, А. А. Кузьмичева // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. — 2019. — С. 2181—2187. — DOI: 10.15405/epsbs.2019.12.04.291.
10. *Миронова Н. Н.* Дискурс — анализ оценочной семантики / Н. Н. Миронова. — Москва : НВИ—ТЕЗАУРУС, 1997. — 158 с. — ISBN 5-89191-005-5.
11. *Морохин В. Н.* Прозаические жанры русского фольклора : хрестоматия / В. Н. Морохин. — 2-е изд., доп. — Москва : Высшая школа, 1983. — 303 с.
12. *Нестерук В. В.* О некоторых способах игры с читателем в современных драматургических произведениях / В. В. Нестерук. — Харьков, 2014. — С. 105—114.
13. *Соборная И. С.* Этнокультурные особенности сказочного дискурса : лингвистический аспект (на материале русских, польских и немецких сказок) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / И. С. Соборная. — Сочи, 2004. — 18 с.
14. *Стадник Е. А.* Языковые интерпретации авторских характеристик В. Гауффа, Э.Т.А. Гофмана и Т. Брентано в немецких литературных сказках : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. А. Стадник. — Краснодар, 2004. — 27 с.
15. *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг. — Москва : Лабиринт, 1997. — 448 с. — ISBN 5-87604-108-4.
16. *Хейзинга Й.* Homo ludens. Человек играющий / Й. Хейзинга ; сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова ; коммент., указатель Д. Э. Харитоновича. — Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. — 416 с. ISBN 978-5-89059-168-5.
17. *Sedlarova R.* Michael Ende. Zwischen Surrealismus und Phantastik — der Spiegel im Spiegel / R. Sedlarova. — Brno, 2010. — 108 S.
18. *Steiert B.* Das Spiel mit dem Leser. Michael Endes «Der Spiegel im Spiegel» als offenes Kunstwerk aus wirkungsästhetischer Perspektive / B. Steiert. — Freiburg, 2012. — 372 S.

MATERIAL RESOURCES

Ende, M. (1984). *Der Spiegel im Spiegel*. München: DtV. 219 S. ISBN 978-3-423-13503-0. (In Germ).

REFERENCES

- Bolshakova, N. N. (2007). *Game poetics in literary fairy tales by Michael Ende*. PhD Diss. Smolensk. 222 P. (In Russ).
- Bolshakova, N. N. (2012). Representation of intermediate relations in the text (on the example of the cycle of stories by Michael Ende “Mirror in the mirror. Labyrinth”). In: *Proceedings of the Smolensk State University*. Smolensk. 136—144. (In Russ).
- Caillois, R. (2007). *Games and people; Articles and essays on the sociology of culture*. Moscow: OGI. 304 p. ISBN 5-94282-339-1. (In Russ).
- Derkach, A. V., Karasia, N. A., Kuznetsov, V. V., Plisov, E. V., Fedorov, V. V., Khokhlova, I. N. (2014). *The text as a sociocultural phenomenon*. Petropavlovsk-Kamchatsky: KamSU im. Vitus Bering. 216 p. ISBN 978-5-7968-0341-7. (In Russ).
- Freudenberg, O. M. (1997). *Poetics of plot and genre*. Moscow: Labyrinth. 448 p. ISBN 5-87604-108-4. (In Russ).
- Huizinga, J. (2011). *Homo ludens. Experience in determining the gaming phenomenon of culture*. Saint-Petersburg. 416 p. ISBN 978-5-89059-168-5. (In Russ).
- Kovalchuk, L. P. (2013). Scientific paradigm and structural composition of fairy-tale discourse. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2 (293). *Philology. Art history*, 74: 104—109. (In Russ).
- Lugovaya, T. A. (2012). Fabulous discourse of modern culture. *Arkadiya magazine*, 4 (35): 14—18. (In Russ).
- Matveeva, I. V., Zintsova, Yu. N., Kuzmicheva, A. A. (2019). Communicative and pragmatic potential “I” as an object of a narrative context. *The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences*. 2181—2187. DOI: 10.15405/epsbs.2019.12.04.291. (In Russ).
- Mironova, N. N. (1997). *Discourse analysis of evaluative semantics: A textbook on linguistics (German)*. Moscow: NVI — THESAURUS. 158 p. ISBN 5-89191-005-5. (In Russ).
- Morokhin, V. N. (1983). *Prose genres of Russian folklore: a textbook*. Moscow: Higher School. 303 p. (In Russ).
- Nesteruk, V. V. (2014). *About some ways of playing with the reader in modern dramatic works*. Kharkiv. 105—114. (In Russ).
- Sedlarova, R. (2010). *Michael Ende. Zwischen Surrealismus und Phantastik — der Spiegel im Spiegel*. Brno. 108 S. (In Germ).
- Sobornaya, I. S. (2004). *Ethnocultural features of fairy-tale discourse: a linguistic aspect (based on the material of Russian, Polish and German fairy tales)*. PhD Diss. Sochi. 18 p. (In Russ).
- Stadnik, E. A. (2004). *Linguistic interpretations of the author's characteristics of V. Gauff, E.T.A. Hoffman and T. Brentano in German literary fairy tales*. PhD Diss. Krasnodar. 27 p. (In Russ).
- Steiert, B. (2012). *Das Spiel mit dem Leser. Michael Endes «Der Spiegel im Spiegel» als offenes Kunstwerk aus wirkungsästhetischer Perspektive*. Freiburg. 372 S.
- Vulis, A. Z. (1991). *Literary mirrors*. Moscow: Council writer. 479 p. ISBN 5-265-01496-9. (In Russ).
- Vygotskiy, L. S. (2008). *Educational psychology*. Moscow: AST Astrel Hranitel. 671 p. ISBN 978-5-17-049975-5. (In Russ).

Кудаева З. Ж. Этические предания адыгов : жанровые критерии и основные мотивы / З. Ж. Кудаева, К. Н. Паранук, А. П. Голодова // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 183—197. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-183-197.

Kudaeva, Z. Zh., Paranuk, K. N., Golodova, A. P. (2021). Ethical Traditions of Adyghe: Genre Criteria and Main Motives. *Nauchnyi dialog*, 7: 183-197. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-183-197. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-183-197

Этические предания адыгов: жанровые критерии и основные мотивы

Кудаева Зинаида Жантемировна¹

orcid.org/0000-0002-0255-4432

доктор филологических наук,

профессор

кафедра русской

и зарубежной литератур

zina_777@bk.ru

Паранук Кутас Нуховна²

orcid.org/0000-0001-5257-1188

доктор филологических наук,

профессор

kutas01@mail.ru

Голодова Анастасия Павловна¹

orcid.org/0000-0002-9171-8645

аспирант

кафедра русской

и зарубежной литератур

anastasiia.golodova@mail.ru

¹ Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х. М. Бербекова
(Нальчик, Россия)

² Адыгейский
государственный университет
(Майкоп, Россия)

Ethical Traditions of Adyghe: Genre Criteria and Main Motives

Zinaida Zh. Kudaeva¹

orcid.org/0000-0002-0255-4432

Doctor of Philology, Professor

Department of Russian

and Foreign Literatures

zina_777@bk.ru

Kutas N. Paranuk²

orcid.org/0000-0001-5257-1188

Doctor of Philology, Professor

kutas01@mail.ru

Anastasia P. Golodova¹

orcid.org/0000-0002-9171-8645

Post-graduate student

Department of Russian

and Foreign Literatures

anastasiia.golodova@mail.ru

¹ Kabardino-Balkarian State University
named after H. M. Berbekov
(Nalchik, Russia)

² Adyghe State University
(Maykop, Russia)

© Кудаева З. Ж., Паранук К. Н., Голодова А. П., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Ставится задача изучения этических преданий, рассматриваемых в качестве одной из специфических жанровых разновидностей адыгской исторической прозы. Актуальность исследования обусловлена назревшей потребностью создания жанровой классификации адыгской несказочной прозы. Отмечается, что в этой связи изучение этических преданий является одним из необходимых этапов в решении данной проблемы. Основная цель статьи состоит в определении жанровых признаков и основных функций, выявлении основных мотивов и образов, присущих этическим преданиям. Используются культурно-исторический и сравнительно-исторический методы исследования. Анализируются общественно-исторические условия и факторы, способствовавшие возникновению жанра этических преданий, выявляются различные группы преданий, прослеживается процесс трансформации нравственно-этических принципов и норм, определяют наиболее продуктивные сюжетообразующие мотивы. Показано, что дифференцирующим признаком этических преданий является их когнитивная и социорегулятивная функции. Утверждается, что основная их цель — репрезентация идеальных форм и стандартов межличностного поведения, которые должны способствовать формированию и утверждению моральных, этических и этикетных норм, существовавших в адыгском традиционном обществе.

Ключевые слова:

адыги; этические предания; жанр; мотив; функция; этика; этикет; адыгэ хабзэ.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The task is to study ethical legends considered as one of the specific genre varieties of the Adyghe historical prose. The relevance of the research is due to the urgent need to create a genre classification of the Adyghe non-fairytale prose. It is noted that in this regard, the study of ethical traditions is one of the necessary stages in solving this problem. The main goal of the article is to determine genre features and main functions, to identify the main motives and images inherent in ethical legends. Cultural-historical and comparative-historical research methods are used. The socio-historical conditions and factors that contributed to the emergence of the genre of ethical legends are analyzed, various groups of legends are identified, the process of transformation of moral and ethical principles and norms is traced, the most productive plot-forming motives are determined. It is shown that the differentiating feature of ethical traditions is their cognitive and socioregulatory functions. It is argued that their main goal is to represent ideal forms and standards of interpersonal behavior, which should contribute to the formation and approval of moral, ethical and etiquette norms that existed in the Adyghe traditional society.

Key words:

Adyghe; ethical traditions; genre; motive; function; ethics; etiquette; adygé khabze.

Этические предания адыгов: жанровые критерии и основные мотивы

© Кудаяева З. Ж., Паранук К. Н., Голодова А. П., 2021

1. Введение

В современной адыгской фольклористике, несмотря на ряд предпринятых исследований [Кудаяева, 2019а, с. 129—136; Кудаяева, 2020б, с. 230—242; Хут, 1989; Ципинов, 2000 и др.], не выработана общепринятая точка зрения в вопросе определения и классификации жанров адыгской народной сказочной прозы. Решению данной проблемы, как представляется, будет способствовать системное и последовательное изучение различных жанров и жанровых разновидностей адыгской сказочной прозы. В соответствии с этим в данной статье ставится задача изучения этических преданий как одной из наименее исследованных специфических разновидностей адыгской исторической прозы.

Впервые на присутствие в адыгском фольклоре группы преданий, в основе которых лежали регулятивные функции, поддерживающие нравственно-этические нормы традиционной культуры, указывает Б. Х. Бгажников в своей монографии «Очерки этнографии общения адыгов». «Очень часто, — отмечает он, — предания были прямо ориентированы на регуляцию поведения, на поддержание его в заданном традицией режиме. У адыгов так же, по-видимому, как и у других народов, эта форма подачи культуры общения составляла одну из граней особого жанра устного народного творчества — жанра этических, в том числе и рыцарских рассказов» [Бгажников, 1983, с. 157]. Выдвинутое Б. Х. Бгажниковым предположение о существовании жанра «этических» или «рыцарских рассказов» не получило в его исследовании дальнейшего развития и обоснования.

В работе, посвященной народной исторической прозе адыгов, А. А. Ципинов отмечает «в структуре преданий всех групп» существование «морально-этических мотивов» [Ципинов, 2000, с. 75]. Очевидно, что морально-этические мотивы так или иначе присутствуют в различных жанрах и жанровых разновидностях как адыгской народной сказочной, так и сказочной прозы. Однако анализ всего континуума адыгской народной прозы позволил прийти к выводу о присутствии в нем целого пласта нарративов, обладающих особой функцией, заключающейся в репрезентации и утверждении нравственно-этических правил и норм, обозначенных Б. Х. Бгажниковым как «этические предания».

Основная цель данной статьи — выявление доминирующих жанровых признаков и основных функций этических преданий, определение их места в системе прозаических жанров адыгского фольклора.

2. Возникновение жанровой разновидности этических преданий

Возникновение данной специфической жанровой разновидности преданий обусловлено особенностями общественно-исторической жизни адыгского общества, в котором на протяжении длительного исторического периода морально-этические аспекты духовной жизни формировались вне религиозных форм сознания. Религия, в частности христианство, с ее моральными, нравственными императивами (человечности, сострадания, уважения человеческого достоинства, добра, долга и т. д.), по свидетельствам миссионеров, несмотря на неоднократные попытки ее внедрения, так и не оказала существенного влияния на общественное сознание адыгских племен (миссионеры Юлиан [АБКИЕА, 1974, с. 29—33], Дортелли д'Асколи [Там же, с. 61—67], Лукка [Там же, с. 68—72], Ламберти [Там же, с. 56—60] и др.). В XVI—XVII веках, как отмечает В. К. Гарданов, причерноморские адыги хотя и считают себя христианами, «но являются такими лишь номинально» [Гарданов, 1974, с. 20].

Согласно мнению ряда европейских и отечественных путешественников и исследователей, изучавших культуру и быт адыгов начиная с XIII века [АБКИЕА, 1974], ислам на протяжении ряда веков также не оказывал сколь-нибудь значимого воздействия на адыгское общество. Однако, согласно свидетельствам А. Олеария [Там же, с. 82—85], Я. Я. Стрейса [Там же, с. 99—102], Н. Витсена [Там же, с. 86—98], А. де ла Мотрэ [Там же, с. 119—147], К. Главани [Там же, с. 156—173], религиозные верования адыгов представляли собой некий конгломерат христианских, мусульманских и языческих воззрений, в которых определяющую роль играют последние. В 70-х годах XVIII века И. А. Гюльденштедт отмечает реликты существовавших в прошлом христианских верований, подчеркивая, однако, что знатные сословия «привержены магометанскому закону», а «народ живет без религии» [Там же, с. 203—208]. «Князья и дворяне, — отмечает В. Х. Кажаров, — приняв ислам, усвоили, главным образом, его внешнюю ритуальную сторону. Не будучи ортодоксальными мусульманами, они, соответственно, не испытывали потребности обращать в свою веру другие слои общества» [Кажаров, 2005, с. 35]. Изменение геополитических и социокультурных условий существования адыгского общества в связи с Кавказской войной способствовало внедрению в общественное сознание исламских верований, носивших прежде всего идеологический и политический характер.

Отсутствие приверженности к тем или иным религиозным учениям среди адыгов обусловлено тем, что нравственно-этический, моральный аспекты духовной жизни общества компенсировались наличием сформировавшегося в адыгском общественном сознании универсального морально-правового кодекса адыгов — *адыгэ хабзэ* (каб.-черк.) — адыгского этикета. Было бы неверным исключать и вероятность воздействия на формирование и развитие нравственно-этического кодекса адыгов христианских и мусульманских моральных заповедей, поскольку моральный аспект религиозных учений, его гуманистическая направленность в целом соответствовали установкам и нормам адыгской этики — *адыгагъэ* (каб.-черк.) ‘адыгства’ [Бгажноков, 1999] и опирающимся на них правилам адыгского этикета — *адыгэ хабзэ* (каб.-черк.) [Бгажноков, 1978; Бгажноков, 1983]. Мифологические воззрения адыгов, определявшие ключевые морально-этические установления и испытывавшие, по всей вероятности, также воздействие христианской и исламской морали, взаимодействовали со сформировавшейся в адыгском обществе системой нравственно-этических установок и норм (*адыгагъэ*, *адыгэ хабзэ*). Они органически дополняли друг друга, составляя устойчивые идеологические, духовные и социорегуляторные компоненты традиционной культуры, нуждавшиеся в способах и механизмах их утверждения. Таким образом, возникновение и формирование жанра этических преданий были обусловлены необходимостью репрезентации и утверждения идеальных стандартов межличностного поведения, опирающихся на общепринятые в адыгском обществе нравственно-этические установки и нормы. В этических преданиях реализуется система нравственно-этических принципов и правил, нашедших воплощение в кодексе правил взаимного обхождения (*адыгэ хабзэ* — каб.-черк.), существовавшем также в его наиболее усложненной, сословной версии (*дворянский этикет* — *узркъ хабзэ* — каб.-черк.) [Бгажноков, 1983]. Следует также отметить, что анализ этических преданий в этом аспекте представляется весьма продуктивным, поскольку они представляют собой уникальный источник для исследования и воссоздания не только системы нравственно-этических установок и этикетных правил, но и духовной жизни традиционного адыгского общества.

3. Жанровые свойства, классификация и основные мотивы этических преданий

Этические предания, на наш взгляд, представляют собой особую жанровую разновидность исторических преданий, с присущими им «родовыми» признаками, отражающими мировоззренческие, этические принципы своего времени: историзмом, установкой на достоверность, превалирующим характером информативной функции. В пользу этого предположения

свидетельствует то, что в основе сюжетов этических преданий, как правило, лежат исторические события и факты, а их героями являются реальные исторические личности (Хатокшоко Жамбот, Асланбек Конов, Жабаги Казаного, князь Канокон и т. п.). Однако в центре внимания в этических преданиях находятся не героические поступки и воинские подвиги, а нравственно-этическая сфера, правила и нормы этикета. Их основная цель — репрезентация идеальных форм коммуникативного поведения, фиксация примеров безукоризненного следования этическим и этикетным нормам: правилам гостеприимства, «благородной дворянской вражды», верности слову и т. д. Действия и поступки героев и персонажей этических преданий носят знаковый характер; они демонстрируют и утверждают общепринятую систему этикетных правил, определяемых этическими, моральными ценностными ориентирами.

Для этических преданий характерен ряд наиболее продуктивных, повторяющихся сюжетообразующих мотивов, репрезентирующих те или иные этические нормы и правила. Таковыми, например, являются мотивы соблюдения / нарушения правил гостеприимства, принципа верности данному слову или принятым обязательствам; следования правилам или их нарушения в мужской дружбе; следования установкам «благородной дворянской вражды», соблюдения / нарушения принципа уважения к старшим и т. д.

Мотив соблюдения / нарушения правил гостеприимства является одним из наиболее продуктивных сюжетообразующих мотивов в адыгских этических преданиях. Так, например, в одном из вариантов предания «ЕщIэнокъуэ зэшитI» / «Два брата Ешанокон» [Адыгэ Iуэрэуатэхэр, 1969, с. 178—184] к братьям Ешанокон — Озымесе и Темиркану приезжает гость из Большой Кабарды — Жанкет. При помощи невербальных, семиотически значимых действий (спешивается с коня с левой стороны и молча входит в кунацкую — *хъэщIэщI*) он дает понять, что прибыл по делу. Братья отвечают ему соответствующим образом: привязывают своих лошадей слева и справа от лошади гостя, давая понять, что он для них старший и уважаемый гость. В его честь режут скот, угощают, развлекают беседой и в течение двух недель не расспрашивают его о цели приезда (согласно правилам, гостя не расспрашивают о цели приезда в течение трех дней). Жанкет, убедившись в том, что братья безупречно следуют принятым правилам гостеприимства, объявляет, что отныне, если они не против, будет считать их своими друзьями и, поскольку наслышан об их героизме и мужестве, он, во-первых, хочет поучиться у них, а во-вторых — просит помочь ему найти невесту. В ответ братья предлагают ему прикоснуться губами к груди их матери и стать их братом. Жанкет, надев на себя непременную одежду, отправляется в сопровождении братьев на свадьбу

во двор князя Татлостанова (Тальгостэныпш). Он подходит к сидящим во дворе за пиришественными столами и приветствует их, однако сидящие не отвечают на его приветствие. Жанкет заходит в дом, приветствует сидящего за столом князя и его гостей. Князь Татлостанов, находящийся во главе стола, настораживается, подметив, что гость не тот, за кого он себя выдает, и передает ему приветственную чашу. Один из сидящих за столом ближних уорков князя — Елбаздуко Муртазов — упрекает князя в том, что он предлагает приветственную чашу какому-то бедняку, «собакой рожденному», тем самым не только оскорбляя Жанкета, но и нарушая правила гостеприимства. Жанкет при поддержке братьев Ешанокowych, которые, согласно правилам, обязаны защищать своего гостя и во всем содействовать ему, сурово наказывают нарушителей: угоняют лошадей князя и его гостей, крадут во время свадьбы невесту, убивают бросившегося за ними в погоню князя и подвергают унижению нарушителя — Елбаздуко Муртазова. Таким образом, предание репрезентирует образец следования принятым правилам гостеприимства и наказания, следующего за их нарушением.

Соблюдение / нарушение правил гостеприимства является сюжетобразующим мотивом в предании «Лъахъэдыгъум и къуэ закъуэу Куэшхэ я фызабэм и кIалэр» / «Единственный сын Тлакодугowych, сын вдовы Кошевых» (бесленевский текст) [Адыгэ хъыбархэр ..., 1986 с. 93—96]. Согласно сюжету, один из героев — Баг (*Багъ*) — приезжает в гости к князю Болотокову (*Бэлэтокъуэ*). Князь Болотоко принимает своего гостя, угощает его и, не предупредив о своем отъезде, отправляется в набег (*зекIуэ*). Болотоко отсутствует год, и все это время Баг остается в его гостевом доме. Дождавшись возвращения своего бысыма, оскорбленный Баг упрекает князя в незнании и неследовании правилам гостеприимства и предупреждает, что не простит ему этого. Чтобы проучить князя, Баг угоняет табун его лошадей, затем, остановившись, дожидается преследующего его Болотоко. Угон табуна в данном случае преследует цель вызвать противника на поединок. Мотив нарушения правил гостеприимства в предании дополняется мотивом «благородной дворянской вражды», в соответствии с правилами которой противники приветствуют друг друга, ведут переговоры и предлагают друг другу право первого выстрела: *Къауэ Багъ, ди псалъэм кIыхъ зомыгъэцIу, лъэныкъуитIыми гуп къыдожъэ. — Сэ уишъри къэсхуу, икIи япэ сыноуэу къекIукъым, джиIэри идакъым* / «Стреляй Баг, не нужны длинные разговоры, нас ждут наши спутники. — Я и лошадей твоих угоняю, и при этом еще и стрелять первым — это нехорошо» — отвечает Баг. Он, однако, знает, что Болотоко отличный стрелок и что если он выстрелит первым, то убьет его, но тем не менее следует принятым правилам, предлагая право первого выстрела противнику. Болотоко,

оценив мужество и благородство Бага и понимая, что оскорбил его, нарушив нормы гостеприимства, приносит Багу извинения.

Мотив мужской дружбы, предписывающий выполнение принятых дружеских обязательств, — один из популярных мотивов адыгских этических преданий. Так, например, герой предания «Сальпы жари зылI шыла ...» / «Жил один мужчина [по имени] Сальпы» [Адыгэ хьыбархэр ..., 1986, с. 58—59] Жамбот Хатокшоко помогает своему другу умыкнуть его возлюбленную прямо во время свадьбы и жертвует своей жизнью, отвлекая их преследователей на себя. В предании этот мотив сопряжен с мотивом гостеприимства, предписывающим в любых обстоятельствах оказывать уважение к гостю. В ходе столкновения с преследователями Жамбот отказывается стрелять в юного сына князя Канокова, мотивируя это тем, что тот слишком молод («Я не смешиваю кровь и молоко») и погибает от его руки. Тела двух погибших сыновей князя и тело Жамбота доставляют в дом Каноковых и кладут на почетное место, а тело Жамбота — у дверей. Княгиня Канокова приказывает перенести тело их погибшего противника — Жамбота — на почетное место, сопроводив словами: «*АмIэ, езыр кIуэда цхъэкIэ, хабзэр кIуэдын хуейкъым*» / «Хоть он и погиб, но хабзэ [закон гостеприимства] погибнуть не должен» [Адыгэ хьыбархэр, 1986, с. 59].

Мотив, воплощающий принцип уважения к старшим, к родителям, — один из наиболее продуктивных в этических преданиях. В наиболее выразительной форме этот мотив представлен в предании о Кербече, сопровождающем одноименную плачевую песню («Кербеч»). Смертельно раненый герой Кербеч, чувствуя приближение смерти, выражает желание проститься со своим отцом, с которым он до той поры никогда не говорил (одно из правил, отображавших принцип уважения к отцу). В соответствии с правилами этикета в присутствии отца сын не должен сидеть и тем более лежать в постели. Однако Кербеч ослаб и уже не может встать на ноги. Он просит принести ему веревку и перебросить один ее конец через потолочную балку, другим концом обвязывает себя и, натягивая веревку, поднимает себя, «стоя», встречает отца, прощается с ним и вскоре умирает.

Для этических преданий характерен мотив благородного, уважительного отношения к женщине. Например, в предании «Хабар о Хадидже» [Кабардинский фольклор, 1936, с. 340—344], которой за ее мудрость было решено отдавать долю, причитающуюся каждому участнику набега. Мотив уважения к женщине, сочетающийся с демонстрацией удалости и ловкости, воплощен в предании «Шоджэн Шумахуэрэ Хьырцыжьымрэ ящIа тельдыжэ» / «Удивительное, что совершили Шоджен Шумахо и Хырциж» [Адыгэ хьыбархэр ..., 1986, с. 92—93]. Герои предания, Шоджен Шумахо и Хырциж, проникают в воинский гарнизон и умыкают дочь русского гене-

рала. Девушку содержат на правах почетной гостьи, кана (воспитанницы) и названной сестры, ей оказывают знаки внимания, развлекают, угощают лучшими блюдами. По прошествии года девушке дарят адыгский национальный наряд: расшитую золотым шитьем шапочку, украшенное серебряным нагрудником, подпоясанное поясом, отделанным золотом и серебром, платье — и с почестями в сопровождении верховых препровождают к отцу-генералу. Девушка рассказывает отцу, что она была названной сестрой для своих похитителей. Генерал спрашивает, какое вознаграждение они бы хотели. *«Зы дыхуейкъым, былыми сыти, пари дыхуэныкъуэжкъым, ауэ благъэ утицЫну нэхъ»* / *«Ничего нам не нужно, ни скот, ничего, мы ни в чем не нуждаемся, хотим только, чтобы мы стали родственниками»*, — отвечают они. *«Абдежра, жи, къыщаублар зэхыхъу, адыгэмрэ урысымрэ зыхыхъу къыщаублар»* / *«С этих пор, говорят, начали адыги и русские общаться друг с другом»*, — заключает предание [Там же].

Сюжетообразующим в ряде вариантов предания является «мотив остающегося на условленном месте / в карауле героя» (предание о Хату Анзорове), который призван продемонстрировать пример выдержки и верности взятым на себя обязательствам. Так, например, в предании «Пщы дэгъазэ» / «Сопровождение князя» [Архив КБИГИ, паспорт № 5] уорк (дворянин) Асланбек Конов вместе со своим сопровождающим проезжает мимо селения, где живет семья последнего. Тот просит отпустить его навестить мать и обещает тотчас же вернуться. Однако, забыв о данном обещании, возвращается только наутро и застаёт Асланбека Конова, который, не сдвинувшись с места, сидя верхом на коне, ожидает его. В другом варианте данного сюжета героем, который также не двигается с места в ожидании своего спутника, выступает Жабаги Казанок. Спутник Жабаги, сказав, что должен навестить кого-то, ненадолго оставляет его, но, поддавшись уговорам, остается в гостях до утра. Возвратившись наутро, видит, что Казанок стоит, ожидая его, там, где они расстались. *«Жэбагъы къыщагъэнам къыщагъуэтыж»* — «Жабаги находят там, где оставили» [Къэзэнокъуэ Жэбагъы ..., 2001, с. 91—92] / Конь его выбил землю передними копытами и погрузился в землю до бабок, а сам он стоит, повернувшись спиной к ветру и снегу, и бурка его вся покрыта снегом. «А, ... ты еще стоишь здесь?» — спрашивает его спутник, и Жабаги отвечает: «Ах ты, сукин сын, слыхал ли ты, чтобы Жабаги не нашли в том месте, где его оставили?» — отвечает герой.

Приведенные выше мотивы и сюжеты этических преданий не исчерпывают всю их полноту; более обстоятельное их изучение представляет собой задачу дальнейшего исследования.

Следует отметить, что этические предания включают в себя произведения *разнотипного* характера. К наиболее архаическим из них

относятся различные варианты цикла преданий о братьях Ешанокowych: «ЕщІэнокъуэ Атэбий и къуитІ Уэзырмэсрэ Темыркъанрэ я таурыхъ» / «Предание о двух сыновьях Атабия Ешанокоча, Озырмесе и Темиркане» [Адыгэ ІуэрыІуатэхэр, 1969, с. 156—160]; «ЕщІэнокъуэ зэшитІ» / «Братья Ешанокочы» [Там же, с. 178—184]; «ЕщІэнокъуитІым я хыбар» / «Предание о двух сыновьях Ешанокowych» [Там же, с. 171—175] и др. Фактологическая основа наиболее архаического пласта преданий не очевидна, в них описываются события отдаленного прошлого, которые не могут быть, как правило, подтверждены историческими источниками. Однако их достоверность не вызывает ни у исполнителей, ни у реципиентов сомнений. В качестве героев преданий могут выступать как полулегендарные, так и реальные персонажи. Например, о главных героях преданий братьях Ешанокowych, об их друге Жанкете исторические сведения практически отсутствуют, однако у образов их противников — князя Татлостанова (Тальостэныпш), уорка (дворянина) Елбаздуко Муртазова имеются реальные исторические прототипы. Сопоставление нравственно-этических норм, находящихся воплощение в архаическом пласте этических преданий, с этими же правилами в более поздних текстах преданий позволяет проследить динамику происходящих изменений в данных нормах. Так, например, убийство Атабием — отцом братьев Ешанокowych — спящего противника князя Татлостанова или Куйцука Дагужей (КъуийцІыкІу и къуэ Дэгужъей) («ЕщІэнокъуэ Атэбий» / «Атабий Ешанокочы») [Там же, с. 121, с. 182] в более поздних преданиях считается недопустимым нарушением кодекса чести.

Для более поздних этических преданий характерен качественно иной, конкретно-исторический способ отображения действительности. В них описываются реальные события, героями и персонажами этих преданий являются исторические личности, прославленные герои, воины: Жамбот Хатокшоко, Баг, князь Канокоч, Гудаберд, сын Азепша, Балотоко, Кербеч, Асланбек Конов, народный мудрец Жабагы Казанокоч и др. В них могут присутствовать указания на географическое место описываемых событий, придающие достоверность изложению. Так, например, предание «Лъахъэдыгъум и къуэ закъуэу Куэшхъ я фызабэм и КІалэр» / «Единственный сын Тлакодугочых, сын вдовы Кошечых» (бесленевский текст) начинается с описания географического расположения владений Бага и мест проживания различных адыгских народностей: *Шьокъуракъ къуэладжэм, Уарпрэ Инджиджэрэ я зэхуакум, Багъым и джылэр дэса. Абы яцхъэмкІэ абазэххэр дэса. Бесленейхэм я икІахэм абазэххэр куэду псэуа. Лабэ псыхъуэ адырыкІым КІэмыргуейхэмрэ бесланейхэмрэ я КІыгыгу зэпылба / В долине Шокурака, в междуречье Уарпа и Инджиджа находились селения Бага. Выше них жили абазехи. На землях бесленевцев тоже жило много абад-*

зехов. На другом берегу Лабы располагались земли кемиргоевцев и бесланевцев [Адыгэ ..., 1986, с. 93].

Особую группу представляют собой этические предания цикла о Жабаги Казаного, с которым связывается появление и утверждение новых правил адыгского этикета. В частности, согласно преданию «Гупмахуэб-жэър зылгысыр хэт?» / «Кому предназначен гупмахобжа? [букв. ‘приветственный рог’]», Казаного вводит правила принятия приветственной чаши во время застолья [Къээннокъуэ Жэбагы ..., 2001, с. 100]. В предании «Щыхъэкуэхэм я хабзэ» / «Обычай горевестников» [Там же, с. 87] описывается введение невербальной, семиотически значимой формы извещения родственников о смерти их близких. Согласно сюжету предания, в отсутствие Жабаги умирает его жена и никто не решается взять на себя тяжесть сообщения ему горестной вести. Тогда один старик предлагает: *Жэбагы езыр лы уищ, зыри щыжэфIэн щыIэкъым. ФыкIуи Жэбагы илгагъу ижъырабгъумкIэ фыщепсых. Зыри жывмыIэу ижъырабгъумкIэ фыщепсыхи фыкIуж / Жабаги сам мудрый муж, ничего не надо ему говорить. Поезжайте, и так, чтобы Жабаги видел, спешьте с правой стороны. Ничего не говоря, садитесь на коня с правой стороны и приезжайте* [Там же, с. 86—87]. Горевестник приезжает и делает все так, как посоветовал старик. Все в недоумении, не понимают, почему всадник так повел себя и по-разному истолковывают его поведение. И только Жабаги понимает, что ему принесли весть о смерти его жены: *Абы и дежым къыщаублащ щхъакIуэ кIуэр ижъырабгъумкIэ епсыху, ижъырабгъумкIэ шэсыжу / С тех пор и пошло: кто едет извещать о горе, спешивается с правой стороны и садится на коня с правой стороны* [Там же, с. 87].

В более поздних этических преданиях из цикла о Жабаги Казаного (конец XVII — середина XVIII веков) наблюдается процесс трансформации, происходящий в отображаемой ими нравственно-этической и этикетной сферах. Общим для этой группы преданий является утверждение приоритета морально- нравственных норм над правилами этикета. Так, в различных вариантах преданий, объединенных составителями в тематическую группу «Фызым зэрыхушцт» / «Отношение к женщине», например, «Жэбагы и фызым пщIэ щыIхуищыр» / «Почему Жабаги ценит жену» и др. [Там же, с. 106—112], Жабаги Казаного демонстрирует пренебрежение правилами гостеприимства (мотив расчесывания волос девочке, перевязывания ножки козленку и т. п.) и обосновывает нравственный приоритет созидательного труда, дела, заботы о ближних над слепым следованием правилам этикета, при этом избираются парадоксальные формы и решения. Правила поведения в подобных случаях интерпретируются и согласуются не на уровне принятых стандартов поведения, а в соответствии с суще-

ствующими нравственно-этическими нормами. Столкновение этих уровней (этика — этикет), нашедшее воплощение в преданиях, способствовало дальнейшему развитию и регуляции всей структуры нравственно-этических норм и правил этикета, этого сложного механизма, образующего духовный стержень адыгской традиционной культуры.

4. Герои и персонажи этических преданий

Герои этических преданий представлены образами двух типов. Первый — тип идеального героя, безукоризненно, «с особым изяществом, с преодолением сложных внешних и внутренних препятствий» [Бгажноков, 1983, с. 157] выполняющего правила и установки адыгского этикета. Например, Хотокшоко Жамбот в упоминавшемся предании «Сальпы жари зыпI шыIа ...» / «Жил один мужчина [по имени] Сальпы» [Адыгэ хыбархэр ..., 1986, с. 58—59], Асланбек Конов и Жабаги Казанок («Пщы дэгъ-азэ» / «Сопровождение князя»; «Жабагы кыщагъэнам кыщагъуэтыж» / «Жабаги находят там, где оставили») [Къээнокуэ Жэбагы ..., 2001, с. 92], Баг в предании «Лъахъэдыгъум и къуэ закъуэу Куэшхэ я фызабэм и кIалэр» / «Единственный сын Тлакодуговых, сын вдовы Кошевых» [Адыгэ хыбархэр ..., 1986, с. 93—96]; Кербеч в предании, сопровождающем песню («Къербэч и гыбзэ» / «Плач о Кербече») [Адыгэ уэрэдыжхэр, 1979, с. 69—70; 189—190]; Жанкет и братья Ешанокovy, абрек Гулей в предании «Гулей», который, окруженный врагами, предлагает право первого выстрела своему преследователю [Кабардинский фольклор, 1936, с. 270—272]; Хырцыж (Хырцыж) в предании «Сосрэн и къуэр, Кушукупщ, Хъэтхым и къуэ кIасэр, Хырцыж и къуэр» / «Сын Сосреша, Кушукупщ, поздний сын Хатха, сын Хырцыжа» [Адыгэ хыбархэр ..., 1986, с. 85—92] и др.

Второй тип — это отрицательные персонажи, нарушающие принятые этикетные и этические нормы, которые заслуживают осуждения, порицания, а зачастую — и сурового наказания, как, например, скупой хозяин в предании «ХъэщIэмыгъашхэ» / «Не кормящий гостей» [Там же, с. 257—258] Елбаздуко Муртазов — антигерой предания о братьях Ешанокovy, князь Кейтуко в предании «Пщы и пщыж Къетыкъуэ и кIуэдыжыкIар» / «Как был уничтожен князь князей Кейтыко», «Елмырзэхэрэ Къарамырзэхэрэ зэрызыщыха щIыкIэр» / «Как поссорились Эльмурзовы и Карамурзовы» [Архив КБИГИ, паспорт 12] и т. п.

«Идеальный герой» этических преданий демонстрирует как общеизвестные стандарты действий и поступков, так и ситуативно усложненные, порой противоречивые и требующие не только знания общепринятых правил этикета, но и тонкого анализа ситуации, виртуозной интерпретации правил и их ситуативного применения. Сюжет таких этических преданий призван на-

глядно представить весь спектр этикетных правил и нравственно-этических аргументов, которыми определяется и обосновывается логика выбора тех или иных действий и поступков персонажа. Например, в предании о Гудаберде, сыне Азепша, сопровождающем песню «Азэпщ и кьуэ Гьудэберд» / «Гудаберд, сын Азепша» [Народные песни ..., т. III, ч. 2, с. 360—365], герой, не желающий нарушать принцип «недоносительства», обвинен в убийстве князя и вынужден покинуть родину (*сымышэиэн цхьэк1э хэкур собгынэ / чтобы не стать доносчиком — родину покидаю*). Вынужденный вернуться, он оказывается перед дилеммой: стать жертвой кровной мести или быть убитым настоящими виновниками преступления. Чтобы очистить свое имя, он приходит в кунацкую семью убитого князя и поет «очистительную песню», в которой утверждает свою непричастность к злодеянию и при помощи намеков и иносказаний указывает на настоящих убийц.

5. Заключение

Таким образом, этические предания, как и другие жанры фольклора, включают в сферу своего художественного обобщения мировоззрение народа, факты его истории, использует обусловленные различными этапами развития поэтического сознания эстетические принципы и методы обобщения действительности. В этических преданиях находит воплощение опыт многих поколений, и их изучение позволяет глубже понять особенности национальной традиционной культуры, выявить ее мировоззренческие и эстетические ориентиры. Они отражают историческую, духовную и общественную жизнь народа и наряду с другими произведениями фольклора служат важным источником для исследования и понимания мировоззренческих основ традиционной духовной культуры, основных принципов и особенностей художественного творчества. Адыгские этические предания сформировались и функционировали как органический элемент духовной и социальной жизни традиционного адыгского общества. Как явление фольклора они представляют собой одну из жанровых разновидностей народной исторической прозы; обладают сходными с историческими преданиями способами и формами жанровой организации. Вместе с тем для этических преданий характерна особая проблематика, своеобразный набор повторяющихся сюжетных мотивов и образов. Дифференцирующим признаком этических преданий является их когнитивная и социорегулятивная функции. Репрезентируя предпочтительные формы общественного поведения, этические предания утверждали общепринятые моральные, этические нормы и правила, способствовали формированию общезначимых мировоззренческих установок, способствуя, в отсутствие развитой государственности и письменных юридических норм, нормализации и стабилизации общественной жизни.

Источники и принятые сокращения

1. АБКИЕА — *Адыги*, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. / сост., редакция переводов, введение и вступ. статьи к текстам В. К. Гарданова. — Нальчик : Эльбрус, 1974. — 635 с.
2. *Адыгэ хьыбархэр (Адыгские (черкесские) народные новеллы* / сост. и вступ. ст. М. И. Мижаяева). — Черкесск, 1986. — 360 с.
3. *Адыгэ Иуэрыгуатэхэр* : в 2-х т. / Зэхэзыльхьар КъардэнгъушI Зырамыкуш. (*Адыгский фольклор* / сост. З. П. Кардангушев). — Налшык : Къэб.-Балтк.тх.тедз., 1963. — Т. 1. — 339 с. ; 1969. — Т. 2. — 412 с.
4. *Адыгэ уэрэдыжхэр / Зыхуэзыхьэсыжар КъардэнгъушI Зырамыкуш (Адыгские старинные песни* / сост. З. П. Кардангушев). — Налшык : Эльбрус, 1979. — 223 с.
5. *Архив КБИГИ*. Ф. 12. Оп. 1. Папка № 23-е. Паспорт № 5 ; Оп. 1. Папка № 19. Паспорт 12.
6. *Кабардинский фольклор* / общ. ред. Г. И. Бройдо ; ред. Ю. М. Соколова ; вступ. ст., коммент. и словарь М. Е. Талпа. — Москва—Ленинград : Academia, 1936. — 650 с.
7. *Къэзэножъуэ Жэбагыт и хьыбархэр (Сказания о Жабаги Казаного* / сост. и коммент. З. М. Налоева, А. М. Гутова). — Нальчик : Эль-Фа, 2001. — 329 с. (На каб.-черк. яз.).
8. *Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов* : в 3-х т. / подгот. к печ. З. П. Кардангушева ; главн. ред. Е. В. Гиппиус. — Москва : Советский композитор, 1981. — Т. I—II.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Альборова Л. И.* Адыгская этика и первичная социализация в традиционной системе воспитания / Л. И. Альборова. — Нальчик : Полиграфсервис и Т, 2002. — 136 с.
2. *Бгажноков Б. Х.* Адыгская этика / Б. Х. Бгажноков. — Нальчик : Эль-Фа, 1999. — 96 с.
3. *Бгажноков Б. Х.* Адыгский этикет / Б. Х. Бгажноков. — Нальчик : Эльбрус, 1978. — 160 с.
4. *Бгажноков Б. Х.* Очерки этнографии общения адыгов / Б. Х. Бгажноков. — Нальчик : Эльбрус, 1983. — 229 с.
5. *Бгажноков Б. Х.* Этика Ж. Казаного и духовная атмосфера Кабарды в XVIII столетии / Б. Х. Бгажноков // Жабаги Казаного : материалы региональной научной конференции (30—31 октября 1985 г.). — Нальчик : Эльбрус, 1987. — С. 23—49.
6. *Гарданов В. К.* Введение / В. К. Гарданов // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. / сост., редакция переводов, введение и вступ. статьи к текстам В. К. Гарданова. — Нальчик : Эльбрус, 1974. — С. 3—28.
7. *Кажаров В. Х.* Песни, ислам и традиционная культура адыгов в контексте Кавказской войны / В. Х. Кажаров // Адыгские песни времен Кавказской войны. — Нальчик : Эль-Фа, 2005. — С. 29—86.
8. *Кудаева З. Ж.* Жанровые свойства и типы адыгских топонимических преданий / З. Ж. Кудаева, Л. С. Хагожиева // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 230—242. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-230-242.
9. *Кудаева З. Ж.* Легенды : к проблеме определения и классификации жанров адыгской несказочной прозы / З. Ж. Кудаева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2 : Филология и искусствоведение. — 2019. — № 4 (247). — С. 129—136.
10. *Хут Ш. Х.* Несказочная проза адыгов / Ш. Х. Хут. — Майкоп, 1989. — 336 с.

11. Ципинов А. А. Народная историческая проза адыгов / А. А. Ципинов. — Нальчик : Эль-Фа, 2000. — 157 с.

MATERIAL RESOURCES

- ABKIEA — *Adygs, Balkars and Karachays in the news of European authors of the XIII—XIX centuries*. (1974). Nalchik: Elbrus. 635 p. (In Russ.).
- Adyghe (Circassian) folk novels*. (1986). Cherkessk. 360 p. (In Adyg.).
- Broido, G. I. (ed.) (1936). *Kabardian folklore*. Moscow—Leningrad: Academia. 650 p. (In Russ.).
- Folk songs and instrumental tunes of the Adygs: in 3 volumes, I—II*. (1981). Moscow: Soviet Composer. (In Russ.).
- Kardangushev, Z. P. (1963). *Adyghe folklore: in 2 t., 1, 2*. Nalshyk: Keb.-Balk. tkh. tedz. (In Adyg.).
- Kardangushev, Z. P. (1979). *Adyghe old songs*. Nalshyk: Elbrus. 223 p. (In Adyg.).
- KBIGI archive. F. 12. Op. 1. Folder № 23-E. Passport № 5; Op. 1. Folder № 19. Passport 12*. (In Adyg.).
- Tales of Zhabagi Kazanoko*. (2001). Nalchik: El-Fa. 329 p. (In Kab.-Cherk.).

REFERENCES

- Alborova, L. I. (2002). *Adyghe ethics and primary socialization in the traditional system of education*. Nalchik: Polygraphservice and T. 136 p. (In Russ.).
- Bgazhnokov, B. H. (1978). *Adyg etiquette*. Nalchik: Elbrus. 160 p. (In Russ.).
- Bgazhnokov, B. H. (1983). *Essays on the ethnography of communication of the Adygs*. Nalchik: Elbrus. 229 p. (In Russ.).
- Bgazhnokov, B. H. (1987). Ethics Zh. Kazanoko and spiritual atmosphere of Kabarda in the XVIII century. In: *Zhabaghi Kazanoko: materials of the regional scientific conference (October 30—31)*. Nalchik: Elbrus. 23—49. (In Russ.).
- Bgazhnokov, B. H. (1999). *Adyg ethics*. Nalchik: El-Fa. 96 p. (In Russ.).
- Gardanov, V. K. (1974). Introduction. In: *Circassians, Balkars and Karachais in the proceedings of European authors XIII—XIX*. Nalchik: Elbrus. 3—28. (In Russ.).
- Huth, S. H. (1989). *The fairy-tale prose of the Adyghe*. Maikop. 336 p. (In Russ.).
- Kazharov, V. Kh. (2005). Songs, Islam and traditional culture of the Adygs in the context of the Caucasian War. In: *Adyghe songs from the time of the Caucasian War*. Nalchik: El-Fa. 29—86. (In Russ.).
- Kudaeva, Z. Zh. (2019). Legends: on the problem of determining and classifying genres of Adyghe non-fairy prose. *Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art History*, 4 (247): 129—136. (In Russ.).
- Kudaeva, Z. Zh., Khagazheev, L. S. (2020). Genre Features and Types of Adyghe Toponymic Legends. *Nauchnyi dialog*, 8: 230—242. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-230-242. (In Russ.).
- Tsipinov, A. A. (2000). *Folk historical prose of the Adygs*. Nalchik: El-Fa. 157 p. (In Russ.).

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Ляпина А. В. Журнал «Охотничий вестник»: история возникновения и функционирования на рынке специализированной печати / А. В. Ляпина // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 198—211. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-198-211.

Lyapina, A. V. (2021). Magazine “Okhotnichy Vestnik”: History of its Origin and Functioning in Specialized Printing Market. *Nauchnyi dialog*, 7: 198-211. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-198-211. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-198-211

**Журнал
«Охотничий вестник»:
история возникновения
и функционирования
на рынке
специализированной печати**

Ляпина Алина Викторовна
orcid.org/0000-0001-7203-6713
кандидат педагогических наук, доцент
кафедры русской
и зарубежной литературы
a.v.liapina@mail.ru

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского
(Омск, Россия)

**Magazine
“Okhotnichy Vestnik”:
History of its Origin
and Functioning
in Specialized Printing
Market**

Alina V. Lyapina
orcid.org/0000-0001-7203-6713
PhD in Pedagogy, Associate Professor
Department of Russian
and Foreign Literature
a.v.liapina@mail.ru

Dostoevsky Omsk State University
(Omsk, Russia)

© Ляпина А. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается история одного из самых популярных московских журналов, посвященных природе и охоте, «Охотничий вестник» (1901—1918), на протяжении восемнадцати лет связанного с одноименным торговым Товариществом. Проанализированы архивные материалы из фондов РГИА, ЦГА г. Москвы, относящиеся к изданию и торговому Товариществу «Охотничий вестник». С помощью историко-типологического метода исследованы программа, содержательные особенности журнала, способы взаимодействия с читателями и конкурентами, рассмотрены причины его популярности в период исторических катастроф. Новизна исследования определяется как самим эмпирическим материалом — архивными делами, ранее не введенными в научный оборот, так и предметом — историей возникновения и функционирования журнала «Охотничий вестник». Делается вывод о том, что в условиях социально-политических брожений и жесткой конкуренции за читателя, в период кризиса охотничьей журналистики журнал сохранял статус достаточно авторитетного и влиятельного издания благодаря гибкой политике редакторов-издателей и эффективным способам деятельности торгово-промышленного товарищества «Охотничий вестник». Отмечается, что история «Охотничьего вестника» дает возможность представить более полную картину становления нового типа специализированной печати.

Ключевые слова:

журналистика; специализированные журналы; А. В. Тарнопольский; «Охотничий вестник»; типология изданий.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The history of one of the most popular Moscow magazines of nature and hunting “Okhotnichy Vestnik” (1901—1918), which for eighteen years has been associated with the trading company of the same name, is considered. The archival materials from the funds of the Russian State Historical Archive, the Central State Archive of Moscow, related to the publication and trading partnership “Okhotnichy Vestnik” are analyzed. On the basis of the historical-typological method, the program, content features of the magazin, ways of interacting with readers and competitors are studied, the reasons for its popularity during the period of historical catastrophes are considered. The novelty of the research is determined both by the empirical material itself — archival files not previously introduced into scientific circulation, and by the subject — the history of the emergence and functioning of the magazine “Okhotnichy Vestnik”. It is concluded that in the conditions of socio-political unrest and fierce competition for the reader, during the crisis of hunting journalism, “Okhotnichy Vestnik” retained the status of a fairly authoritative and influential publication thanks to the flexible policy of editors-publishers and effective methods of activity of the trade and industrial partnership “Okhotnichy Vestnik”. The history of the “Okhotnichy Vestnik” makes it possible to present a more complete picture of the formation of a new type of specialized printing.

Key words:

journalism; specialized magazines; A. V. Tarnopolsky; “Okhotnichy Vestnik”; typology of editions.

Журнал «Охотничий вестник»: история возникновения и функционирования на рынке специализированной печати

© Ляпина А. В., 2021

1. Введение

Специализированная пресса давно и плодотворно изучается историками и теоретиками печати. Вместе с тем на карте истории отечественной журналистики есть terra incognita — журналы, посвященные темам природы и охоты, которые, несмотря на многочисленную целевую аудиторию и глубокое содержание контента, только начинают входить в научное поле гуманитарных исследований [Алексеев, 2008; Войтик, 2016; Ерофеева и др., 2018; Кубышко, 2017; Ляпина и др., 2019; Ляпина, 2020; Ситникова, 2017; Слюсаренко, 2003 и др.].

Издания, интенсивное развитие которых пришлось на вторую половину XIX века, играют важную роль и в жизни современного общества: они сформировали востребованную информационную площадку, где на интегративном уровне предстали различные культурные формы, несущие в своем содержании опыт взаимодействия человека с миром природы и социума.

Журналы охотничьей тематики объединяли цели и задачи, читательская аудитория, программа, сотрудники, проблематика, жанровый состав публикуемых материалов, оформление, источники субсидий на издательскую деятельность и другие типоформирующие признаки. Периодика тематической сферы «Охота» выпускалась, как правило, под эгидой и на средства охотничьих обществ, при поддержке государства или на средства частных владельцев.

Журнал «Охотничий вестник» (1901—1918) стал новым явлением на рынке специализированной печати.

Цель исследования — изучение истории журнала «Охотничий вестник» и его функционирования на рынке специализированной печати, выявление причин его долголетия в условиях исторических перемен.

Настоящее исследование продолжает традицию изучения специализированной печати, заложенную в трудах А. И. Аكوпова, М. В. Шкондина, Л. Л. Реснянской и др. [Акопов, 2002; Типология ..., 2009], вводит в научный оборот новый материал, расширяющий предметное поле историко-журналистских штудий.

2. Условия и причины появления журнала «Охотничий вестник»

Журнал «Охотничий вестник» (1901—1918) был основан в то время, когда на рынке специализированной печати господствовали такие автори-

тетные и популярные в среде охотников журналы, как «Природа и охота» (1878—1912) и «Псовая и ружейная охота» (1894—1907), которые издавались исключительно на средства самих владельцев-энтузиастов, защитников природы и организаторов охотничьего дела: Л. П. Сабанеева (до 1898), Н. В. Туркина (до 1912), С. В. Озерова (до 1903).

Явившийся конкурент был первым печатным органом, политику которого определяли коммерческие интересы торгового общества «Охотничий вестник», известного на рынке охотничьего оружия с 1887 года, и его владельца — богатого московского коммерсанта Антона Витальевича Тарнопольского. История появления издания и его функционирования отражена в архивном деле, хранящемся в РГИА и носящем название «Дело об издании в Москве журнала “Охотничий вестник”» [РГИА, ф. 776].

Первым редактором-издателем стал управляющий оружейным магазином А. В. Тарнопольского в Харькове Владимир Дмитриевич Гальяр. Это был ежемесячный «художественно-иллюстрированный журнал» книжного формата объемом 16 страниц. Новый орган печати ставил цель — помочь охотникам понять смысл правильной охоты, объединить их в одну большую дружную семью.

Согласно документам, В. Д. Гальяр представил широкую программу издания, которая включала 19 разделов: 1) Правительственные распоряжения и законы об охоте; 2) От редакции; 3) Размножение охотничьих и промысловых животных и лечение их; 4) Флора и фауна Российской Империи, зоологические мелочи; 5) Охота по перу и на зверя; 6) Собаководство; 7) Технические и критические статьи всякого рода, касающиеся охотничьего оружия и принадлежностей; 8) Охотничьи выставки; 9) Торговля дичью, оружием и охотничьими принадлежностями; 10) Корреспонденции; 11) Рыболовство; 12) Библиография, критика; 13) Среди газет и журналов; 14) Беллетристика; 15) Вопросы и ответы; 16) Письма в редакцию; 17) Премии; 18) Объявления; 19) Рисунки и гравюры [Там же]. В то же время, несмотря на широкий диапазон тематических разделов, журнал с момента своего появления и все годы существования был тесно связан с торговым товариществом «Охотничий вестник» и его оружейными магазинами, что отразилось на содержании, тематике, условиях и продолжительности выпуска: материалы о технических характеристиках огнестрельного оружия преобладали в издании.

Ставка была сделана на рядового охотника, который за небольшую плату будет получать всю необходимую информацию. Стоимость годовой подписки составляла 2 рубля, в то время как цена годовой подписки, например, на журнал «Природа и охота» в этот же период составляла 15 рублей. Низкая цена, безусловно, привлекала подписчиков и способствовала про-

цветанию журнала. Тиражи «Охотничьего вестника» до русско-японской войны доходили до 20 тысяч экземпляров. Такой популярности не знали серьезные издания того времени. На успех продаж влияли и другие способы взаимодействия с читателями. В первых номерах редакция объявляла о годовых премиях подписчикам, о скидках на покупку товаров в оружейных магазинах, информировала о предоставлении подписчикам рассрочки платежа, рассылала заказчикам Прейскурант магазинов Тарнопольского. Рубрика «Вопросы и ответы» помогала охотникам сориентироваться в торговом ассортименте. Публикации положительных отзывов благодарных охотников, иллюстраций, освещение общественно-политических вопросов и другие способы привлечения читателей повышали рейтинг издания.

Это был успешный проект, в котором объединились коммерческие интересы и гражданские устремления его организаторов. Владелец издания, часто бывавшим за границей, очень хотелось повысить уровень охотничьей культуры своих соотечественников и качество специализированной печати. «Мы не будем жалеть ни средств, ни сил и постараемся поставить дело на той высоте, на какой стоят лучшие заграничные охотничьи издания» [ОВ, 1901, № 2, с. 17].

В 1902 году В. Д. Гальяр продает право издавать журнал Семену Ивановичу Маноцкову, врачу, статскому советнику, проживающему в Области Войска Донского, также не случайному для Тарнопольского человеку, о чем свидетельствуют архивные документы [РГИА, ф. 776]. Новый владелец с разрешения цензурного комитета увеличил стоимость годовой подписки до 2,50 рублей, мотивировав техническими улучшениями издания, и изменил подзаголовок журнала: с 1902 года вместо «ежемесячного» он стал «двухнедельным»; с № 11 1903 года он начал именоваться «Двухнедельный художественно-иллюстрированный журнал ружейной и псовой охоты, собаководства, рыболовства, оружейной техники и охотничьей беллетристики».

После смерти С. И. Маноцкова в 1905 году по его духовному завещанию журнал «Охотничий вестник» перешел в полную собственность жены Тарнопольского Зиновии Николаевны Тарнопольской и его малолетнего сына Иосифа Антоновича Тарнопольского с правом подписи за редактора — издателя «Наследники Маноцкова» («преемники Маноцкова»). Так, с № 9 1905 года журнал формально поменял владельца, а по факту им по-прежнему руководил А. В. Тарнопольский. С 1906 года журнал печатался с подзаголовком «Двухнедельный художественно-иллюстрированный журнал ружейной и псовой охоты и охотничьей беллетристики». Подписная цена издания с Приложениями составляла 2 рубля 50 копеек на год.

Финансовая поддержка Товарищества закрепила положение журнала на рынке повременной литературы, что не нравилось конкурентам. Завязалась

ожесточенная информационная война. С. В. Озеров, вложивший собственные средства в журнал «Псовая и ружейная охота» (позже — «Семья охотников»), защищая свое детище и интересы охотничьих обществ, называл «Охотничий вестник» «вестником охотничьей грязи», «жалким рыночным листком». Журнал Озерова обвинял Тарнопольского в рассылке рядовым охотникам «всякой дряни и хлама» [Семья охотников, 1908, № 7, с. 150]. Представитель деловой элиты объяснял нападки на себя тем, что начал продавать в России ружья одной бельгийской компании, которая являлась конкурентом Льежской мануфактуры, поставлявшей ружья в Россию и рекламировавшей их в журнале Озерова. Тарнопольский часто ездил за границу, изучал и покупал новинки оружейной техники, соответствующие условиям охоты в России и вкусам охотников. На страницах издания и в Прейскурантах он объяснял покупателям причину низкой цены на оружие: «Мой магазин не только самый дешевый, но и самый большой в России. Увеличивающиеся мои обороты дали мне возможность заказывать на фабриках ружья и принадлежности громадными партиями, благодаря чему я мог заставить фабрикантов понижать цены и в свою очередь понижать их для охотников» [Прейскурант ..., 1899].

Справедливость слов Тарнопольского подтверждают статистические данные, опубликованные в февральском номере журнала «Природа и охота» за 1900 год.

Недовольство владельца «Псовой и ружейной охоты» можно понять: при скромных доходах издателя часто искали субсидий со стороны оружейных магазинов, рекламируя ассортимент ружей на страницах своих изданий. Потеря подписчиков и покупателей грозила разорением владельцу журнала.

«Охотничий вестник» тоже не щадил конкурентов. В первые годы своего существования сотрудники «Охотничьего вестника» обвиняли С. В. Озерова в подлоге (подделка родословных собак), плагиате (в его журнале была напечатана «украденная» статья Л. П. Сабанеева), приписках (журнал выступал якобы от имени Императорского общества охоты без разрешения; преувеличивал тираж журнала) и многих других грехах. Посредством привлечения третьих лиц — читателей — критиковали магазины охотничьих ружей Р. Роггена, которые рекламировали в журнале Озерова. Некто «Гражданский инженер» отвечал на письма читателей и советовал им обратиться в магазин Тарнопольского за качественными и недорогими ружьями. Долгое время не известно было, кто скрывается под этим псевдонимом. Сотрудник журнала С. Н. Алексеев назвал себя «Гражданским инженером» [ОВ, 1904, № 8, с. 116—117]. Мистификация длилась до 1916 года. Передавая журнал в руки другого Правления, Алексеев назвал настоящее имя человека, скрывающегося под нашумевшим псевдонимом — А. В. Тарнопольский [Там же, 1916, № 1, с. 2].

3. Работа журнала «Охотничий вестник» после русско-японской войны и первой революции

В 1907 году торгово-промышленное товарищество под названием «Товарищество Охотничий вестник» преобразовывается в «Товарищество на паях для торговли оружием и предметами спорта “Охотничий вестник”» [РГИА, ф. 23]. Изменение статуса было вызвано желанием Тарнопольского упорядочить ведение дел по оптовой и розничной торговле охотничьим оружием, охотничьим и спортивным инвентарем, изданию журнала «Охотничий вестник» [ЦГА, ф. 16]. С 1907 года журнал и все бесплатные Приложения к нему официально становятся печатным органом торгового объединения. Ответственным редактором издания стал городской учитель Сергей Николаевич Алексеев, который прослужил в этой должности до 1916 года. С 1907 года меняется программа, периодичность издания (двухнедельное) и подзаголовок «двухнедельный художественно-иллюстрированный журнал по всем отраслям охоты». В Программе издания остается восемь рубрик. Их названия укрупнились, стали носить обобщенный характер: 1) Руководящие статьи по вопросам экономического, спортивного и профессионального характера; 2) Очерки охот; 3) Научные статьи по зоологии и зоотехнике, по вопросам охоты; 4) Распоряжения и действия Правительства в отношении охотничьих вопросов; 5) Корреспонденции; 6) Статьи технического содержания; 7) Хроника; 8) Рисунки, иллюстрации, объявления.

Формат издания остался без изменений, но увеличились до трех рублей стоимость годовой подписки и объем самих материалов за счет повышения качества содержания последних. Журнал поставил цель быть верным отражением охотничьей действительности и выразителем нужд и интересов миллионной охотничьей семьи и взял на себя обязательство привлечь к сотрудничеству известных в охотничьей среде людей. В журнале публиковались писатель Д. А. Вилинский, профессор Московского университета Г. А. Кожевников, ветеринарный врач А. Лебедев и другие специалисты.

Журналу было экономически выгодно официально оказаться в ведении товарищества, так как русско-японская война, революция 1905—1907 годов негативно сказались на развитии охотничьего дела и прессы, с ним связанной. «Охотничий вестник» сообщает: «На количестве подписчиков война отразилась самым заметным образом: только по одному 25-му почтовому тракту (в который входят вся Сибирская и Восточно-Китайская железные дороги) у нас уменьшилось число подписчиков на 2800 человек» [ОВ, 1904, № 20, с. 313].

В годы революции журнал публиковал на своих страницах не только важные для охотников материалы, но и статьи общественно-политического содержания, что тоже привлекало читателей. Предметом обсуждения ста-

ли проект нового закона об охоте, события военной кампании 1905 года, забастовки рабочих, создание охотничьих обществ и другие вопросы.

В блоке рекламных объявлений доминировала информация о продаже оружия, что не могло не вызывать критику в среде конкурентов. В 1908 году журнал «Семья охотников» (новое название журнала Озерова. — *А. Л.*) напомнил Тарнопольскому о поставке некачественных ружей подписчикам. Автор статьи Л. Гешель противопоставил «идеально благородного охотника-фанатика» С. В. Озерова «алчущему наживы» А. В. Тарнопольскому [Семья охотников, 1908, № 7, с. 150—154].

Несмотря на провокационную критику, товарищество успешно вело свои торговые дела. Ежегодно прибыль акционеров составляла около 8000 рублей. Самого Антона Витальевича Тарнопольского сложно назвать человеком алчущим «наживы, бездонно-ненасытного кармана». Он вкладывал свои капиталы в серьезные проекты, руководствуясь не только соображениями финансовой выгоды, но и заботой о будущем страны. Например, выстроенный в Сочи на его деньги курорт «Кавказская Ривьера» стал лучшим в России, а по красоте архитектуры, удобствам и климатическим условиям он не только не уступал аналогичным европейским курортам, но и даже превосходил их [Скупенский, 1911, с. 2]. Поэтому вряд ли можно говорить об объективности оценки, данной в статье Л. Гешеля, относительно деятельности товарищества и самого коммерсанта.

Очевидно, что жизнеспособность журнала всецело зависела от доходов товарищества, о чем с благодарностью сообщает своим читателям «Гражданский инженер»: «“Охотничий вестник” со своими приложениями держится благодаря поддержке сильного капиталом Товарищества на паях “Охотничий вестник”» [ОВ, 1913, № 5, с. 85]. В 1911 году доход товарищества составил 213 825 рублей 69 копеек, а в 1912 году — 196 154 рублей 35 копеек. Уменьшение оборотов объяснялось изданными правительством распоряжениями, которые ограничивали пользование и торговлю охотничьим оружием в связи с революционными событиями 1905—1907 годов вплоть до 1912 года [Отчет ..., 1913]. В целях увеличения доходов товарищество открывает в магазинах отдел рыболовных принадлежностей и спортивного инвентаря, ожидая повышения спроса на товар. Коммерческие расчеты оказались верными: уже в 1913 году прибыль от продаж составила 8 294 рубля 01 копейку. Увеличению доходов от издательской деятельности товарищества отчасти способствовало издание в течение 1906—1913 годов бесплатных приложений к журналу «Охотничий вестник» с блоком рекламных объявлений по тематике соответствующих ассортименту товаров в магазинах: «Охотничье оружие», «Рыболов-любитель», «Собаководство» (1906—1909), «Охотничья энциклопедия» (Вып. 1—3, 1908), «Всемирный

спорт и здоровье» (1910—1911), «Охотничье оружие, рыболов-любитель и собаководство» (1911), «Охотничье оружие и собаководство», «Рыболов-любитель» (1912—1913).

Ежегодно на выпуск журнала уходило от 6 до 8 тысяч рублей. Несмотря на отсутствие желаемой прибыли от издательской деятельности, редакция выплачивала гонорар авторам публикаций, поддерживая трудовые взаимоотношения. Так, в 1912 году было выделено на эту статью расходов 4 645 рублей 16 копеек, в 1913 — 4 647 рублей 14 копеек, в 1914 — 3 218 рублей 16 копеек.

По итогам отчетного года Товарищество выплачивало премии сотрудникам за приобщение подписчиков, на которые выделялось около 800 рублей.

В годы Первой мировой войны в связи с возросшим к журналу интересом охотничьего сообщества «Охотничий вестник» стал позиционировать себя как еженедельное издание. Стоимость годовой подписки составила 4 рубля 50 копеек. Повышение стоимости подписки было обусловлено высоким процентным сбором за пересылку, повышением цен на бумагу и печать.

Несмотря на тематические трансформации, связанные с военными событиями, изданию удалось сохранить свою специализацию. Помимо общих для отечественной прессы тем, журнал писал о необходимости совершенствования спортивной, военной подготовки молодежи, улучшения технических параметров охотничьего оружия, о целесообразности организации оружейного дела в России, о кризисе охотничьей прессы и восстановлении ее статуса в глазах читательской аудитории. Гибкость редакционной политики в освещении актуальных как для отрасли, так и для владельцев издания тем помогли сохранить интерес читателей к журналу и поддержать его существование в непростое для охотничьей прессы время.

4. Смена Правления Товарищества «Охотничий вестник» и политика журнала «Охотничий вестник»

В 1916 году произошла смена владельца Товарищества «Охотничий вестник». В декабре 1915 года А. В. Тарнопольский продал свои акции и вышел из дела. В феврале 1916 года на чрезвычайном собрании пайщиков было избрано новое Правление товарищества «Охотничий вестник», которое отказалось унаследовать политику своих предшественников [ОВ, 1916, № 3, с. 41].

Одним из директоров стал московский купец, владелец магазина оружия, спортивного и дорожного инвентаря Александр Алексеевич Битков, который в начале 1900-х годов критиковал магазины Тарнопольского и обвинял журнал в его зависимости от политики торгового предприятия. В связи со сменой владельца в издании стала превалировать политика ору-

жейных магазинов А. А. Биткова. Редактором-издателем был назначен мещанин, уроженец Оренбурга И. Н. Туркестанов.

С новой редакцией сотрудничали известные охотники, охотоведы, зоологи, экологи, путешественники, ветеринарные врачи, специалисты в области оружейной техники, заводчики собак, писатели: С. А. Бутурлин, Д. А. Вилинский, генерал В. Р. Диц, В. Дзякович, проф. Б. М. Житков, Н. П. Кишенский, ветеринарный врач А. А. Лебедев, инженер Н. Д. Петров, профессор И. К. Тарнани и другие специалисты.

С 1916 года журнал стал выходить опять 2 раза в месяц, в 1918 году было подготовлено 14 сдвоенных номеров. С 1916 года он издавался с подзаголовком «Художественно-иллюстрированный журнал по всем отраслям охоты и природоведения» без Приложений. Подписная цена издания составила 5 рублей. Новое Правление поставило перед журналом цели «дать самое широкое научно-популярное ознакомление и воспитание российской охотничьей массы; привить правильные понятия охотничьей этики, долга охотника по исполнению лесоохранительного закона; благоразумном пользовании необъятными отечественными охотничьими угодьями» [Там же].

Новый редактор-издатель представил расширенную программу журнала: 1) Охотоведение; 2) Родная природа; 3) Естественные богатства страны; 4) Животное и пернатое царство России; 5) Отечественные охотничьи уголки; 6) Промысловая охота; 7) Дичеразведение; 8) Научно-популярные очерки и руководящие статьи; 9) Искусство стрельбы; 10) Хроника охотничьих обществ и кружков; 11) Оружейная техника; 12) Изящная беллетристика; 13) Собаководство; 14) Рыболов-любитель; 15) Охотничий фельетон; 16) Корреспонденция; 17) История охоты; 18) Спорт, тесно связанный с охотой; 19) Советы молодым охотникам; 20) За рубежом; 21) Охотничья юмористика; 22) Рисунки; 23) Вопросы и ответы. С увеличением числа разделов увеличился и объем журнала: с 16 до 24 страниц. Последние 2—3 страницы занимали рекламные объявления.

В мае 1917 года подписная цена составляла 7 рублей, а к концу года выросла до 18 рублей в год. Повышение было связано с увеличением расходов по изданию и с сокращением числа охотников [ОВ, 1917, № 9, с. 1].

Февральскую революцию редакция приняла с воодушевлением, так как поверила в возможность скорейшего решения земельного вопроса и определения статуса охоты в молодой стране: «Старый режим теперь должен уступить дорогу светлому будущему России, развитию ее созидательных сил» [Там же, № 5, с. 81]. Редакция верила, что с изменением государственной политики начнется переустройство всех сфер жизни, которое коснется и вопросов промысловой охоты. В течение всего года сотрудники писали о необходимости обустройства заповедников, создания музеев природы, вклю-

чения в члены охотничьих обществ представителей пролетариата, крестьян, которые будут пропагандировать правильную охоту среди малограмотного населения, призывали равнодушных граждан объединяться в союзы и общества, чтобы противостоять уничтожению природных богатств.

Однако надеждам редакции не суждено было сбыться. Революция 1917 года, как вихрь, вовлекла в свой водоворот последние силы когда-то устойчивого издания и существенно подорвала его относительно стабильную финансовую репутацию. В недавнем прошлом успешный журнал не выдержал испытания революционными событиями и в июле 1918 года без предварительных объяснений прекратил свое существование.

5. Заключение

Журнал «Охотничий вестник» был первым специализированным журналом в сфере охоты, объединившим коммерческие интересы и гражданские устремления его владельцев и сотрудников. В течение восемнадцати лет он издавался на средства торгово-промышленного товарищества «Охотничий вестник», в ведении которого и находился, что обеспечило ему стабильные позиции на рынке повременной литературы. В течение всего периода, несмотря на жесткую конкуренцию за читателя и критику со стороны коллег по цеху, он оставался достаточно авторитетным и влиятельным изданием.

Своим долголетием «Охотничий вестник» обязан и гибкой политике редакторов-издателей, и эффективным способам коммерческой деятельности торгово-промышленного товарищества «Охотничий вестник», которые обеспечивали ему доход.

Журнал ориентировался на широкую аудиторию, стараясь быть интересным и полезным как состоятельным, так и рядовым охотникам.

Кроме того, журнал также привлекал читателей дешевой подпиской, премиями, возможностью рассрочки платежа, бесплатными Приложениями. Сотрудники заинтересовывали различными формами материального стимулирования: выплатой гонораров, годовых премий за привлечение подписчиков. Рекламные объявления, на публикацию которых товарищество не скупилось, бесплатная рассылка Прейскуранта оружейных магазинов, «беседы с читателями» о высоком качестве продаваемого в магазинах Товарищества оружия и другие приемы, безусловно, стимулировали подписчиков и способствовали повышению рейтинга издания.

Можно заключить, что история журнала «Охотничий вестник» — это часть истории страны, одного из самых драматических периодов ее развития, запечатленного на страницах издания, и один из этапов становления нового типа специализированной печати — периодических изданий в области природы и охоты.

Источники и принятые сокращения

1. ОВ, 1901 — *Охотничий вестник* : ежемесячный художественно-иллюстрированный журнал. — Москва : Типография А. П. Поплавского, 1901. — № 2. — 16 с.
2. ОВ, 1904 — *Охотничий вестник* : ежемесячный художественно-иллюстрированный журнал. — Москва : Типография А. П. Поплавского, 1904. — № 8. — 16 с.
3. ОВ, 1904 — *Охотничий вестник* : двухнедельный художественно-иллюстрированный журнал ружейной и псовой охоты, собаководства, рыболовства, оружейной техники и охотничьей беллетристики. — Москва : Типография А. П. Поплавского, 1904. — № 20. — 16 с.
4. ОВ, 1913 — *Охотничий вестник* : двухнедельный художественно-иллюстрированный журнал по всем отраслям охоты. — Москва : Типография А. П. Поплавского, 1913. — № 5. — 16 с.
5. ОВ, 1916 — *Охотничий вестник* : художественно-иллюстрированный журнал. — Москва : Типо-Литография И. Н. Кушнерева, 1916. — № 1. — 22 с. ; — № 3. — 22 с.
6. ОВ, 1917 — *Охотничий вестник* : художественно-иллюстрированный журнал. — Москва : Типо-Литография И. Н. Кушнерева, 1917. — № 5. — 22 с. ; — № 9. — 22 с.
7. *Отчет товарищества на паях «Охотничий вестник»*. — Москва, 1912—1913. — 22 с.
8. *Прейскурант специального оружейного магазина А. В. Тарнопольского* в Москве. — Москва, 1899.
9. РГИА — *Российский государственный исторический архив*. Ф. 23. Оп. 28. Д. 1556 : Товарищество «Охотничий вестник» в Москве (торговое) ; Ф 776. Оп. 8. Д. 1359 : Дело об издании в Москве журнала «Охотничий вестник».
10. *Семья охотников* : охотничий иллюстрированный журнал. — Тула : Типография Е. И. Дружининой, 1908. — № 7.
11. *Скупенский Г. В.* На лазурном берегу : (Сочин. р-н Черномор. побережья Кавказа и его климато-лечеб. значение) : Наблюдения и впечатления врача / Г. Скупенский. — 2-е изд., доп. — Москва : тип. А. П. Поплавского, 1911. — 63 с.
12. ЦГА — *Центральный государственный архив г. Москвы* Ф. 16. Оп. 141. Ед. хр. 54, 4 об. : О ходатайстве дворянина А. В. Тарнопольского об утверждении проекта устава Товарищества на паях для торговли оружием и предметами спорта «Охотничий вестник» в г. Москве. 1907 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акопов А. И.* Некоторые вопросы журналистики : история, теория, практика / А.И. Акопов. — Ростов н/Д : Терра, 2002. — 367 с.
2. *Алексеев К. А.* Спортивная пресса России XIX — начала XX вв. : историко-типологический анализ : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / К. А. Алексеев. — Санкт-Петербург, 2008. — 257 с.
3. *Войтик Е. А.* Спортивный медиатекст : закономерности становления и парадигма развития : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.10 / Е. А. Войтик. — Санкт-Петербург, 2016. — 52 с.
4. *Ерофеева И. В.* Концепт ОХОТА в лингвокультурологической парадигме современных специализированных журналов / И. В. Ерофеева, В. Н. Бочарников // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. — 2018. — № 1 (7). — С. 5—16.
5. *Кубышко О. В.* Кинологическая тематика в специализированной прессе : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / О. В. Кубышко. — Ростов-на-Дону, 2017. — 168 с.

6. Ляпина А. В. Опыт взаимодействия человека и природы в специализированной прессе конца XIX века (на материале журналов «Природа и охота» и «Русский охотник») / А. В. Ляпина // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. — 2019. — Т. 18, № 6. — С. 49—61. — DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-6-49-61.

7. Ляпина А. В. Специализированная пресса природы и охоты конца XIX — начала XX века : предпосылки и условия возникновения / А. В. Ляпина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Филология. Журналистика. — 2020. — № 3. — С. 101—106.

8. Ляпина А. В. Специфика рекламной коммуникации в жанре объявления во второй половине XIX века (на материале журнала «Природа и охота») / А. В. Ляпина, О. Ю. Васильева // Научный диалог. — 2019. — № 4. — С. 43—59. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-43-59.

9. Ситникова Т. В. Журнал «Приволжский охотник» как тип провинциальной клубной периодики / Т. В. Ситникова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Филология. Журналистика. — 2017. — № 4. — С. 126—130.

10. Слюсаренко Е. А. Специализированные журналы о спорте : типологические и профильные характеристики : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / Е. А. Слюсаренко. — Москва, 2003. — 192 с.

11. Типология периодической печати / М. Е. Аникина [и др.] ; под ред. М. В. Шкондина, Л. Л. Реснянской. — Москва : Аспект Пресс, 2009. — 234 с.

12. Шаркова Е. А. Экологическая журналистика в региональных политических процессах : автореферат диссертации ... кандидата политических наук : 10.01.10 / Е. А. Шаркова. — Санкт-Петербург, 2015. — 23 с.

MATERIAL RESOURCES

Central State Archive of Moscow F. 16. (In Russ.).

Family of hunters: hunting illustrated magazine, 7. (1908). Tula: Printing house of E. I. Druzhinina. (In Russ.).

Hunting Bulletin: a monthly art and illustrated magazine, 2. (1901). Moscow: A. P. Poplavsky Printing house. 16 p. (In Russ.).

Hunting Bulletin: a monthly art and illustrated magazine, 8. (1904). Moscow: A. P. Poplavsky Printing house. 16 p. (In Russ.).

Hunting Bulletin: a two-week art-illustrated magazine of rifle and dog hunting, dog breeding, fishing, weapons equipment and hunting fiction, 20. (1904). Moscow: A. P. Poplavsky Printing house. 16 p. (In Russ.).

Hunting Bulletin: a bi-weekly art and illustrated magazine on all branches of hunting, 5. (1913). Moscow: A. P. Poplavsky Printing house. 16 p. (In Russ.).

Hunting bulletin: an art and illustrated magazine, 1, 3. (1916). Moscow: Typo-Lithography of I. N. Kushnerev. 22 p. (In Russ.).

Hunting bulletin: an art and illustrated magazine, 5, 9. (1917). Moscow: Typo-Lithography of I. N. Kushnerev. 22 p. (In Russ.).

Report of the partnership on shares "Hunting bulletin". (1912—1913). Moscow. 22 p. Russian state historical archive. F. 23. F. 776. (In Russ.).

Skupensky, G. V. (1911). *On the Cote d'Azur: (Sochin. Chernomor district. The coasts of the Caucasus and its climate. meaning): Observations and impressions of a doctor.* Moscow: A. P. Poplavsky type. 63 p. (In Russ.).

The price list of the A. V. Tarnopolsky special weapons store in Moscow. (1899). Moscow. (In Russ.).

REFERENCES

- Akopov, A. I. (2002). *Some questions of journalism: history, theory, practice*. Rostov n/D: Terra. 367 p.
- Alekseev, K. A. (2008). *Sports press of Russia of the XIX — early XX centuries: historical and typological analysis*. PhD Diss. St. Petersburg. 257 p.
- Erofeeva, I. V., Bocharnikov, V. N. (2018). Concept of HUNTING in the linguoculturological paradigm of modern specialized journals. *Humanitarian aspects of hunting and hunting economy*, 1 (7): 5—16.
- Kubyshko, O. V. (2017). *Cynological topics in the specialized press*. PhD Diss. Rostov-on-Don. 168 p.
- Lyapina, A. V. (2019). The experience of interaction between man and nature in the specialized press of the late XIX century (based on the material of the magazines “Nature and hunting” and “Russian Hunter”). *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, 18 (6): 49—61. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-6-49-61.
- Lyapina, A. V. (2020). Specialized press of nature and hunting of the late XIX — early XX century: prerequisites and conditions of occurrence. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 3: 101—106.
- Lyapina, A. V., Vasilyeva, O. Yu. (2019). Specifics of Advertising Communication in the Second Half of 19th Century (by Example of “Nature and Hunting” Magazine). *Nauchnyi dialog*, 4: 43—59. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-43-59. (In Russ.).
- Sharkova, E. A. (2015). *Environmental journalism in regional political processes*. Author's abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 23 p.
- Shkondin, M. V., Resnyanskaya, L. L. (ed.) (2009). *Typology of the periodical press*. Moscow: Aspect Press. 234 p.
- Sitnikova, T. V. (2017). The magazine “Volga Hunter” as a type of provincial club periodicals. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 4: 126—130.
- Slyusarenko, E. A. (2003). *Specialized journals about sports: typological and profile characteristics*. PhD. Diss. Moscow. 192 p.
- Votik, E. A. (2016). *Sports media text: regularities of formation and the paradigm of development*. Author's abstract of Doc. Diss. St. Petersburg. 52 p.

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Мартыненко Е. А. Глазгианский роман в творчестве Аласдера Грея / Е. А. Мартыненко // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 212—226. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-212-226.

Martynenko, E. A. (2021). Glasgian Novel in Work of Alasdair Gray. *Nauchnyi dialog*, 7: 212-226. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-212-226. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-212-226

Глазгианский роман в творчестве Аласдера Грея

Мартыненко

Екатерина Александровна
orcid.org/0000-0003-3478-9807
аспирант, преподаватель
кафедра теории и истории
мировой литературы
emartynenko@sfedu.ru

Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при
финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта № 20-312-90055

Glasgian Novel in Work of Alasdair Gray

Ekaterina A. Martynenko

orcid.org/0000-0003-3478-9807
postgraduate student, lecturer
Department of Theory and History
of World Literature
emartynenko@sfedu.ru

Southern Federal University
(Rostov-on-Don, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR
project number 20-312-90055

© Мартыненко Е. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлен анализ репрезентации урбанистического пространства в прозе крупного шотландского писателя А. Грея на материале его ключевых романов «Ланарк» (1981), «1982, Жанин» (1982) и «Бедные-несчастные» (1992). Отмечается, что А. Грей внес весомый вклад в формирование Глазгианского романа, специфика которого уточняется в работах М. Берджесс и М. Грегоровой. Показано, что, подобно другим писателям-глазгианцам, в своих произведениях А. Грей размышляет над последствиями дегуманизирующего влияния города на человека, однако в отличие от них делает выбор в пользу протагонистов, являющихся одновременно представителями рабочего и среднего классов. Автор отмечает, что в романе «Ланарк» город показан сквозь призму трех временных пластов: ностальгического прошлого, безрадостного настоящего и апокалипсического будущего. Указывается, что тематической доминантой становится смертность, в результате чего Глазго приобретает черты преисподней. Доказывается, что в прозе А. Грея Глазгианский локус выступает в качестве «места памяти», при этом значимую роль играет мотив «воссоздания» воспоминаний по обрывочным фактам городской жизни с целью реконструкции исторического облика Глазго или создания у читателя фиктивных воспоминаний о нем.

Ключевые слова:

шотландская литература; Глазгианский роман; А. Грей; образ города.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The representation of the urban space in the prose of the major Scottish writer A. Gray on the material of his key novels “Lanark” (1981), 1982, “Janine” (1982) and “Poor things” (1992) is analyzed in the article. It is noted that A. Gray made a significant contribution to the formation of the Glasgian novel, the specificity of which is defined more exactly in the works of M. Burgess and M. Gregorova. It is shown that, like other Glasgian writers, in his works A. Gray reflects on the consequences of the dehumanizing influence of the city on a person, however, in contrast to them, he makes a choice in favor of protagonists who are simultaneously representatives of the working and middle classes. The author note that in the novel “Lanark” the city is shown through the prism of three-time layers: a nostalgic past, a bleak present and an apocalyptic future. It is indicated that mortality becomes the thematic dominant, as a result of which Glasgow acquires the features of the underworld. It is proved that in A. Gray’s prose the Glasgian locus acts as a “place of memory”, while the motive of “recreating” memories from fragmentary facts of urban life plays a significant role in order to reconstruct the historical appearance of Glasgow or create fictitious memories of it in the reader.

Key words:

Scottish literature; Glasgian novel; A. Gray; image of the city.

Глазгианский роман в творчестве Аласдера Грея

© Мартыненко Е. А., 2021

1. Введение

А. Грей — один из ведущих шотландских писателей второй половины XX века, что всякий раз подчеркивали его собратья по перу: Энтони Берджесс указывал на присущий А. Грею «яркий и самобытный талант», Уильям Бойд восхищался его классически элегантным стилем, Роберт Най сравнивал писателя с Рабле, а Ирвин Уэлш считал его одним из самых оригинальных и талантливых авторов, когда-либо писавших по-английски [Грей, 2005, с. 595—596].

Проза А. Грея, убежденного патриота и националиста, несет в себе следы шотландской культуры. С. Бернштейн в работе «Alasdair Gray» объясняет ее экспериментальный характер преемственностью шотландской литературной традиции, для которой характерны амбивалентные образы героев, сочетание фантастических и реалистических начал, а также установка на романский эксперимент [Bernstein, 1999, p. 23]. Г. Миллер высказывается в пользу смещения исследовательского фокуса с постмодернистского эксперимента в художественной прозе писателя на «шотландский контекст» его творчества [Miller, 2005, p. 132—133]. Успешный пример применения данной установки являет собой статья К. Берндт «“The Things We Are”: Alasdair Gray’s Poor Things and the Science of Man», посвященная поиску связей между гуманистическими идеями А. Грея и концепциями шотландских философов (Д. Юма, А. Смита, А. Фергюсона) и ученых (Дж. Максвелла, У. Томпсона) [Berndt, 2016, p. 126—131].

Художественный мир писателя имеет, как правило, вполне определенную географическую привязку — его родной город Глазго. А. Грей является продолжателем глазгианской литературной традиции со свойственным ей интересом к судьбе представителей рабочего класса, обращением к социальной проблематике и описанием города как ловушки. Одновременно с этим в романе «Ланарк» тематической доминантой городского пейзажа становится смертность, в связи с чем Глазго начинает выступать в качестве символической преисподней, однако при этом сохраняется надежда на то, что в будущем город сможет «воскреснуть» из мертвых. В произведениях писателя Глазго также тесно связан с прошлым и воспоминаниями героев, становясь для них своего рода «местом памяти».

2. Образ Глазго в шотландской городской литературе

Вплоть до начала XX века шотландская литература пребывала под сильным влиянием поэзии Р. Бернса и исторических романов В. Скотта. В то время как Ч. Диккенс, Э. Гаскелл и другие английские писатели изображали в своих произведениях социальные реалии индустриального города, шотландские авторы обращали взор в сторону прошлого или сельской идиллии. В 1880-х годах сформировалась одна из первых национальных литературно-эстетических школ — «огородная школа» (Kailyard School), для которой было характерно сентиментально-идиллическое изображение шотландской деревни. Чуть позже появилась ее урбанистическая версия (городская «огородная школа», или Urban Kailyard), рисовавшая идеальную картину повседневной жизни прекраснодушных пролетариев [Gregorova, 2015, p. 67].

На протяжении длительного периода шотландские писатели обходили вниманием драматичные социальные и экологические изменения, связанные с ростом городов и подъемом тяжелой промышленности. Однако с 1930-х годов урбанистическая проза начала играть заметную роль в национальной литературе. Популярность приобрел индустриальный («пролетарский») роман [Burgess, 1972, p. 7—8], с журналистской точностью повествовавший об изнурительном труде рабочих, голодных маршах и жестокости городских банд. В 1960—70-х годах увидела свет урбанистическая проза Э. Моргана, А. Тропки, А. Хинда и У. Макилванни. Новый всплеск интереса к городской тематике был спровоцирован ошеломительным успехом романа А. Грея «Ланарк» (1981).

В 1970-х годах М. Берджесс ввела в научный обиход понятие «глазгианский роман» (Glasgow novel) — роман, запечатлевающий реалии жизни, атмосферу и характер Глазго, который выступает едва ли не в качестве самостоятельного героя произведения [Ibid., p. 8—9]. М. Грегорова отмечает, что принципиальную роль в определении границ глазгианского романа играет не столько специфический характер данного городского пространства, сколько его функция как важная составляющая художественного мира произведения [Gregorova, 2015, p. 72]. Понятие «глазгианский роман» используется в работах Р. Д. Эллиота [Elliot, 1977], Б. Витчи [Witchi, 1991], Л. Макилванни [McIlvanney, 2012] и Х. Г. Клауса [Klaus, 2018], однако оно все еще нуждается в уточнении, что объясняется относительно небольшим корпусом художественных текстов о Глазго. Более тридцати лет городская литература была представлена «бандитским» романом «No Mean City» (1935) А. Макаптура и Х. К. Лонга, «Shipbuilders» (1935) Дж. Блейка, а также второсортными имитациями одного из этих двух произведений [Dixon, 1993, p. 94]. В этом отношении весьма показателен роман А. Хин-

да «The Dear Green Place» (1966), главный герой которого мечтает описать в прозе жизнь рабочего класса Глазго, но оказывается неспособным на это.

В 1970—80-х годах Глазго становится центром так называемого второго шотландского ренессанса, ключевые фигуры которого — У. Макилвани, Дж. Келман, А. Грей и А. Оуэнс. В отличие от авторов 1930-х годов, им интересен опыт представителя рабочего класса сам по себе, а не в качестве иллюстрации к политическому высказыванию. В творчестве этих писателей город предстает мрачным и лишенным жизни. Нередко в глазгианском романе возникают образы унылых заводских корпусов и жилых кварталов с многоквартирными домами. Ведущей становится тема отчаяния, потери смысла жизни и стремления бежать от гнетущей глазгианской действительности. По этой причине в произведениях городских авторов довольно часто возникает мотив самоубийства. Эскапистские тенденции также проявляются в попытках героев уехать из города, но Глазго, подобно гигантской тюрьме, не выпускает никого за свои пределы. Так, например, в романе А. Кеткарта «The Comeback» (1986) главный герой отправляется в Австралию в поисках лучшей жизни, но затем все же возвращается в Глазго [Dixon, 1993, p. 100—103].

3. А. Грей и глазгианская урбанистическая традиция

В политическом памфлете «Why Scots Should Rule Scotland» А. Грей причисляет себя к «литературной мафии» Глазго [Gray, 1992, p. 57] и пересказывает свою беседу с французским режиссером Ж. Дюра, который мечтал снять фильм о различных частях Шотландии на основе интервью с писателями: И. К. Смит должен был представлять западные острова, Дж. М. Браун — Оркни, Н. Маккейг — Эдинбург, А. Грей — Глазго [Ibid., p. 56]. М. Бредбери в работе «The Modern British Novel» называет писателя «teasing postmodernist» и удивляется тому, как ему удастся сохранить верность «глазгианскому материалу» [Bradbury, 1994, p. 414—415]. В. М. Харрисон, в свою очередь, отмечает, что А. Грей во многом отходит от урбанистической традиции [Harrison, 1995, p. 162]. В отличие от своих друзей по группе креативного письма Ф. Хобсбаума Дж. Келмана и Т. Леонарда, А. Грей практически не интересуется жизнью маргиналов и не стремится воспроизвести сочный народный язык. Однако его проза все же сохраняет глазгианский фокус на индивидуальной судьбе человека.

А. Грей создает необычный для глазгианской романной традиции образ героя-горожанина, который, являясь выходцем из рабочего класса, получает возможность подняться по социальной лестнице. Таков сын шахтера Джок Маклюиш в романе «1982, Жанин» (1982), становящийся инспектором по установке охранных систем, таков и незаконнорожденный отпрыск работ-

ницы фермы Арчибалд Свичнет в романе «Бедные-несчастные» (1992), который получает степень доктора медицины, таков и Дункан Тоу в «Ланарке», сын рабочего и продавщицы, избирающий стезю художника. В «Ланарке» классовая двойственность героя проявляется особенно отчетливо. В одной из глав он смотрит на свое отражение в окне трамвайного вагона и видит себя состоящим будто из двух частей: «... *the pain-stained trousers like a labourer's below the waist, the collar and tie like an office worker above*» [Gray, 2016, p. 247] / «... *ниже пояса — рабочий в заляпанных краской брюках, выше — клерк с белым воротничком и галстуком*» [Грей, 2009, с. 343]. Промежуточное положение с точки зрения классовой структуры занимает и район города Риддри, в котором родился и вырос Тоу: «... *he came from Riddrie, an in-between district where tradesmen and petty clerks like his father lived*» [Gray, 2016, p. 245] / «... *как выходец из Риддри — промежуточного района, где жили торговцы и мелкие клерки вроде его отца*» [Грей, 2009, с. 340].

В романе «Ланарк» место жительства становится маркером социального статуса и определяет как судьбу героев, так и их отношения с окружающими. Например, маленький Дункан Тоу подвергается нападкам со стороны детей рабочих только лишь потому, что он живет в более благоустроенном районе города. Благодаря счастливому случаю он получает грант на обучение живописи, тогда как его школьный друг Роберт Коултер, обитающий на одной из самых неприглядных улиц города, после окончания школы устраивается работать на фабрику. При этом он замечает, что, в отличие от Тоу, никогда не был баловнем судьбы: «*Aye, but it was an accident that could happen to you. Not to me*» [Gray, 2016, p. 218] / «*Ну да, это случайность, которая могла выпасть тебе. Но не мне*» [Грей, 2009, с. 304]. Разница в социальном статусе подчеркивается тем, что дом Коултера расположен в низине, тогда как Риддри находится на небольшом возвышении: «*D'ye see Riddrie? ... That reddish patch? ... Where's your house?*» «*Garngad's too low to be seen from here*» [Gray, 2016, p. 217] / «*“Ты видишь Риддри? ... Вон то красноватое пятно? ... А где твой дом?” ... “Гарнгад расположен гораздо ниже, отсюда не увидишь”*» [Грей, 2009, с. 303].

На первый взгляд, образ города в прозе А. Грея выгодно отличается от урбанистического пространства в произведениях Дж. Келмана или А. Оуэнса. В романе «Ланарк» Глазго поражает яркостью красок и разнообразием локаций: от некрополя Александра-Парейд до Джамайка-стрит-бридж, традиционного места встреч молодых парочек, от элитного пригорода Бирсен до бедного района Каукаденс. Дункан Тоу по-настоящему любит свой город и берется писать картину, которая бы разом изображала все дорогие ему места: «*Working from maps, photographs, sketches and memory his favourite views had nearly all been combined into one ...*» [Gray, 2016, p. 279] / «*С помощью*

карт, фотографий, набросков и с опорой на память Тоу почти что собрал свои любимые виды воедино ...» [Грей, 2009, с. 389]. Временами образ героя буквально сливается с городским пейзажем: «*He felt cold and light-bodied and the streets seemed to flow through him on a current of dark air*» [Gray, 2016, p. 231] / «*В прохладе Тоу чувствовал себя невесомым: улица, казалось, протекали сквозь него потоками темного воздуха*» [Грей, 2009, с. 322].

Если в первой и второй книгах «Ланарка» представлено ностальгическое описание послевоенного Глазго, то в третьей книге местом действия становится мрачный Унтанк, в гротескном виде изображающий современную писателю городскую действительность 1970—80-х годов: в мире Унтанка река Клайд — не более, чем черный ручеек, дворы пусты и не освещены, витрины магазинов заколочены досками. Город показан мрачным, серым и практически лишенным жизни: «*The city did not seem a thriving place*» [Gray, 2016, p. 19] / «*Особого процветания в городе не замечалось*» [Грей, 2009, с. 35]. В Унтанке практически отсутствует растительность, а архитектура не отличается изяществом: облик города складывается из полуразрушенных многоквартирных домов, бараков, сплошных фабричных стен, строительных кранов и металлических каркасов.

В четвертой книге «Ланарка» писатель рисует облик Глазго будущего. Город предстает в виде современного мегаполиса с множеством небоскребов. В нем появляются новейшие автомагистрали, шикарные магазины, рестораны и игорные дома. По всему Унтанку развешаны яркие рекламные плакаты. Однако Ланарку кажется, что наблюдаемое им оживление напоминает предсмертную агонию. Он начинает понимать, что Унтанк умирает: «*After a pause Lanark said: "And Untahnk is dying?"*» [Gray, 2016, p. 398] / «*Помолчав, Ланарк спросил: "Унтанк умирает?"*» [Грей, 2009, с. 550]. Его догадка подтверждается, так как город после закрытия промышленных предприятий перестает производить что бы то ни было: «*A city lives by its industry ant ours still declines*» [Gray, 2016, p. 415] / «*Любой город жифет своей промышленностью, а наш — фсе еще пережифает упадок*» [Грей, 2009, с. 573].

В прозе А. Грея город, как и в произведениях других современных глазгианских писателей, описывается как замкнутое пространство, вызывающее чувство клаустрофобии. В романе «Ланарк» на это указывает пейзаж, где небо неизменно предстает в виде купола или стены, накрывающей собой Глазго: «*The sky was grey and beyond the rooftops the Cathkin Braes looked flat and dark like a wall shutting the city in ...*» [Gray, 2016, p. 205] / «*Серое небо над крышами Кэткин-Брэс казалось плоским и темным: оно стеной замыкало город, хотя вдали, на горизонте, и различимы были силуэты деревьев*» [Грей, 2009, с. 286]. Персонажи сравнивают город с ловушкой и говорят о бессмысленности своего существования: «*On Alexandra*

Parade by the Necropolis a drunk man lurched past muttering, "Useless". "Right," said Thaw. "Useless"» [Gray, 2016, p. 231] / «На Адександра-Парейд у некрополя мимо него прошел пьяный, пошатываясь и бормоча: "Без толку". "Верно," — поддакнул Тоу. — "Без толку"» [Грей, 2009, с. 322]. Пустой и лишённой смысла действительность жителей Глазго делает неинтересная работа, напоминающая рабство, и жизнь по расписанию, в результате чего один день становится неотличим от другого, а человек превращается в машину: *«You stop thinking. Life becomes a habit. You get up, dress, eat, go tae work, clock in etcetera etcetera automatically, and think about nothing but the pay packet on Friday» [Gray, 2016, p. 216] / «Ты перестаешь думать. Жизнь превращается в привычку. Встаешь, одеваешься, завтракаешь, идешь на работу, делаешь то-то и то-то автоматически — и не думаешь ни о чем, кроме конверта с жалованьем по пятницам и субботней попойки» [Грей, 2009, с. 301].* В фантастическом мире Унтанка дегуманизирующее влияние города подчеркивается образом секретарши-робота: *«"She's a reliable piece," said Gilchrist, patting Miss Maheen's bottom as she returned to her table. "She issues credit cards, makes coffee, types, looks pretty and her hobby is oriental martial art"» [Gray, 2016, p. 440] / «"Надежное устройство," — прокомментировал Гилкрист, хлопая по задку мисс Меихин, которая вернулась за свой стол. — "Выдает кредитные карты, готовит кофе, печатает, радуется глаз, увлекается восточными единоборствами"» [Грей, 2009, с. 607].*

В первых книгах «Ланарка» Дункан Тоу бунтует против автоматизма городской действительности и тотальной социальной предопределенности. Он выбирает «богемную» профессию художника, нарушает правила художественного колледжа и профанирует религиозные догматы, расписывая пресвитерианскую церковь (так, например, он изображает Бога в виде ныряльщика). Любопытно, что Тоу страдает от приступов астмы, причины которой имеют психосоматическую природу. Недостаток воздуха указывает на отсутствие свободы, на удушающую атмосферу города. В связи с этим суицид героя становится еще одним актом протеста, нарушением табу и правил, но даже после смерти он оказывается вновь прикован к Глазго, именуемому в третьей и четвертой книгах Унтанком. Подобным образом Джок Маклюиш в романе «1982, Жанин» предпочитает изгнание из города, но против собственной воли постоянно мысленно возвращается в Глазго.

Необходимо отметить, что художественная проза А. Грея зачастую критикует работу органов социальной защиты городского населения. В «1982, Жанин» первая любовь героя Дэнни из-за летних каникул на два месяца остается без работы, но не может рассчитывать на пособие. При этом герой отмечает, что даже если бы она подала прошение, оно было

бы отвергнуто, так как Дэнни обитает в доме своего сожителя, что с точки зрения органов социальной защиты низводит ее до девушки по вызову. В романе «Ланарк» работники городской биржи труда пренебрежительно называют таких людей «животными»: «*I've just faced six of the animals, six in a row*» [Gray, 2016, p. 441] / «*У меня сейчас побывало, один за другим, шесть животных*» [Грей, 2009, с. 608]. Службы обеспечения выдают безработным не деньги, а особый вид хлеба, который питает, успокаивает и одновременно вредит интеллекту человека.

Примечательно, что размышлениям писателя о судьбе города не чужд политический подтекст. В романе «1982, Жанин» у Джока Маклюиша развивается алкогольная зависимость после того, как он устраивается электриком в охранную компанию военно-промышленного комплекса Британии, которая не только эксплуатирует ресурсы Шотландии, но и угрожает безопасности Глазго и Эдинбурга. В конце романа он бросает ненавистную работу и решает впредь трудиться на благо своего родного города и Шотландии в целом. Сэнди, сын героя романа «Ланарк», работает на «перегонщиков и ремонтников» («*movers and menders*») [Gray, 2016, p. 554], и именно с ним Ланарк связывает надежды на светлое будущее Глазго-Унтанка.

4. Город мертвых

В 1972 году М. Берджесс писала: «Perhaps we are still too close to ... isolate one as “the great Glasgow novel”» [Burgess, 1972, с. 8] / «Возможно, очень скоро мы ... сумеем выделить один “великий глазгианский роман”» (перевод наш. — Е. М.). В качестве претендента на это звание может по праву являться «Ланарк», считающийся шотландской версией «Улисса» Дж. Джойса.

Роман А. Грея представляет богатый материал для анализа урбанистического пространства. В нем образ города, как и «Я» героя, удваивается, в результате чего у Глазго появляется брат-близнец Унтанк, который несет в себе одновременно черты сюрреалистического пространства сновидений, чистилища и ада на земле. В реалистических частях романа Глазго также неизменно ассоциируется с бренностью бытия и смертью. В этой связи урбанистический локус Глазго-Унтанк может быть рассмотрен как символическое пространство города мертвых.

В первых книгах «Ланарка» мортальность является образной доминантой реалистического городского пейзажа. Так, цепочка подъемных кранов напоминает процессию скелетов («*a skeletal procession of cranes*») [Gray, 2016, с. 217]), виднеющиеся невдалеке от города пики горного хребта Кэмпсайд-Феллз — выщербленные зубы («*Behind the city stood the long northern ridge of the Campside Fells...like a line of broken teeth*») [Ibid., p. 217]), облупившаяся штукатурка дома — плоть («*A section of tenement ... through*

which brickwork showed, gave him the eerie conviction he was beholding a kind of flesh» [Ibid., p. 228]), волокна плюща, обвившие памятник В. Скотту на Джордж-сквер, походят на кости («*then the leaves fell off and the column was encased in a net of bone-white bone-hard fiber»* [Ibid., p. 267]). Из-за работы промышленных предприятий стволы деревьев покрывает слой саж, вода в озере Александра-парка становится мутной, а поле для гольфа оказывается усеяно мертвыми птицами: «*He walked downhill through a litter of sparrows and blackbirds on the paths to the gate»* [Ibid., p. 266]. В церкви и на улицах города герой чувствует трупный запах: «*Then he recognized the corrupt sweet odour that had come after his mother's death»* [Ibid., p. 341]. Фабричные гудки имеют траурное звучание: «*The ten-to-eight factory horns mourned over the city roofs»* [Ibid., p. 223].

Унтанк еще больше напоминает царство мертвых. Город практически полностью лишен солнечного света, в нем дует промозглый ветер, временами улицы окутывает густой туман, буквально проникающий в тело Ланарка: «*After a time the dense freezing fog and his arctic brain and body blended»* [Ibid., p. 37]. Немаловажно и то, что герой попадает в Унтанк посредством соприкосновения со смертью: в первый раз он очутился в городе после попытки самоубийства, во второй — воспользовавшись проходом под холмом некрополя.

В мире Унтанка реальное существует бок о бок с фантастическим. Жители города страдают от таинственных недугов, таких как «драконья кожа» или «размягчение» тела. Они получают помощь от Института, в который могут попасть через неожиданно возникающий в воздухе рот. Больные должны влезть в него головой вперед и без одежды, что можно рассматривать как метафору смерти и последующего рождения заново.

Институт описан в духе свифтовских или кафкианских фантастических гротескных образов. Он существует за счет пациентов, которым так и не удается вылечиться: они становятся источником тепла, света, пищи и одежды для персонала и новоприбывших. Монсеньор Ноукс характеризует царящие в Институте порядки следующим образом: «*Man is the pie that bakes and eats himself and the recipe is separation»* [Ibid., p. 101] / «Человечество — это пирог, сам себя выпекает и поглощает, и рецепт этого блюда — разделение» [Грей, 2009, с. 148].

Примечательно, что жители Унтанка не помнят свое прошлое и не ведут счет времени. Вместе с тем в городе одновременно сосуществуют все исторические эпохи и культуры, известные человеческой цивилизации. Наблюдая за публикой на концерте «Лопухов Казановы Брауна», Ланарк видит представителей всех веков и народов: «*People from every culture and century seemed gathered here in silk, canvas, fur, feathers, wool, gauze, nylon*

and leather» [Gray, 2016, p. 403] / «Здесь собрались, казалось, представители всех веков и народов, в одеждах из шелка, холста, меха, перьев, шерсти, газа, нейлона и кожи» [Грей, 2009, с. 557]. Обсуждая судьбу Унтанка, который по решению Совета должен быть списан и поглощен, жители города ставят его в один ряд с Карфагеном, Ленинградом, Берлином, Варшавой, Дрезденом и Хиросимой.

В конце романа город постигают две страшные катастрофы: землетрясение и наводнение. Люди находят спасение на холме некрополя, при этом его описание вызывает ассоциации с изображениями Страшного суда. Когда разгул стихии подходит к концу, в небе над Унтанком восходит солнце. Природные бедствия уничтожают все искусственное и наносное, способствуя возрождению города.

5. Глазго как «место памяти»

В прозе А. Грея городской локус оказывается неотделим от воспоминаний о нем. Как известно, воспоминания отличаются фрагментарностью, однако они могут приобретать целостное значение в результате проекции на конкретные обстоятельства и сопутствующие им «места памяти» [Жердева, 2015, с. 5].

Визуальной презентации «мест памяти» в романе «Ланарк» служат городские пейзажи, которые транслируются на экраны Института, развешанные вместо окон. Один из них проецирует следующую картину: «*Children ran about playing anarchic ballgames and on the far edge two older boys sat on a bench gazing across a great valley ...*» [Gray, 2016, p. 59] / «По ровному газону сновали туда-сюда ребяташики, гоняясь за мячом; у дальнего края сидели на скамейке два мальчика постарше и глядели на долину» [Грей, 2009, с. 89]. Мальчики, которых видит герой, это Дункан Тоу и его друг Коултер. Хотя данное изображение не помогает Ланарку вспомнить свою прошлую жизнь, оно глубоко трогает его сердце: «*This view filled Lanark with such unexpected delight that his eyes moistened*» [Gray, 2016, p. 59] / «Зрелище неожиданно переполнило Ланарка таким восторгом, что у него на глазах выступили слезы» [Грей, 2009, с. 90]. Впоследствии городские пейзажи на этих экранах становятся иллюстрациями к рассказу Оракула о прошлом Тоу-Ланарка.

В «1982, Жанин» Джок подавляет всплывающие в его сознании болезненные воспоминания о юности в Глазго с помощью перемещений по стране. Интересно, что в начале романа он едва ли способен вспомнить, в каком городе остановился: Пиблсе или Селкерке. Он коротает дни в общественном транспорте, пабах и однообразных гостиницах, а местом действия его фантазий становится США. Тем самым он стремится оказаться как бы вне места и, соответственно, вне личного опыта. Когда же Джок на-

ходит в себе силы вспомнить свою прошлую жизнь, перед его мысленным взором предстает идеальный, ностальгический Глазго, который он сравнивает с Эдинбургом.

Столица страны представляется ему пустой оболочкой, историческим фасадом без какого-либо содержания. Глазго же видится ему живым и ярким городом, идеальным местом для любви, жизни и творчества. Он превосходит Эдинбург даже в мелочах: на его автобусах есть цветные полосы, позволяющие жителям беспрепятственно определить его маршрут движения в то время, как в столице все автобусы темного цвета. Вместе с тем в романе «1982, Жанин», как и в «Ланарке», ностальгическое изображение послевоенного Глазго соседствует с описанием Глазго 1980-х годов, где наблюдаются явные следы запустения: из славного города юности героя он превращается в заброшенный постиндустриальный локус [Harrison, 1995, p. 163].

В «Бедных-несчастных» одновременно с жанровой реконструкцией викторианского сенсационного романа писатель предпринимает попытку воссоздать облик Глазго конца XIX — начала XX веков. Он снабжает текст произведения многочисленными изображениями: литографией викторианского некрополя [Gray, 2002, p. 318], Лэнсдаунской церкви Объединенных пресвитерианцев [Ibid., p. 296], мемориального фонтана Стюарта [Ibid., p. 295] и планом жилого квартала Парк-дистрикт [Ibid., p. 294]. В тексте романа встречаются конкретные городские адреса: 18 Парк-сёркес, где проживал талантливый хирург Боглоу, а затем и созданная им Белла, 41 Эйтаун-стрит, место жительства Данкана Парринга, с которым героиня совершила побег из дома. Упоминание в тексте получает парк Глазго-грин, полицейский участок на Альбион-стрит, Королевская лечебница города Глазго и Королевский приют для душевнобольных — реально существовавшие учреждения и в то же время традиционные для сенсационного романа локусы. Тем самым в «Бедных-несчастных» викторианский Глазго предстает во всей конкретике своих адресов, что создает иллюзию достоверности.

В 1990 году Глазго был провозглашен Культурной столицей Европы, над чем А. Грей иронизирует в предисловии к роману. Редактор рассказывает о самоотверженности историка Майкла Доннелли, который в 1970-х годах стремился спасти культурное наследие города от уничтожения в ходе программы по сносу ветхих и аварийных зданий. Примечательно, что Майкл Доннелли и его коллеги работали на добровольных началах, так как городской совет перестал финансировать исторический музей, известный как Народный дворец. В связи с этим рассказ А. Грея-редактора о том, как к Майклу Доннелли попала книга Арчибалда, приобретает двойной смысл: «*A modern firm had inherited what remained of the old business, and thrown out what it did not need*» [Ibid., p. X] / «Новая фирма, унаследовав

дела прежней, решила избавиться от ненужных бумаг» [Грей, 2000, с. 10]. «Молодая фирма» выступает аллегорией городской администрации, уничтожающей память о прошлом.

Несмотря на то, что воспоминания могут быть утеряны или вовсе отсутствовать, сознание без труда находит вокруг себя средства, позволяющие их (вос)создать [Жердева, 2015, с. 6]. В романе «Ланарк» Дункан Тоу рассуждает о том, что туристы, впервые приезжающие во Флоренцию, Париж или Лондон, уже бывали там десятки раз, смотря фильмы или читая о них книги: *«Nobody visiting them for the first time is a stranger because he's already visited them in paintings, novels, history books and film»* [Gray, 2016, p. 243] / «Всякий, кто туда попадает, не чувствует себя чужаком, потому что уже посещал эти города, знакомясь с ними по картинам, романам, историческим книгам и фильмам» [Грей, 2009, с. 338]. В романе «1982, Жанин» Джек отмечает, что в сознании Британцев Глазго ассоциируется с пьянством, безработицей и милитаризмом: *«Glasgow now means nothing to the rest of Britain but unemployment, drunkenness and out-of-date radical militancy»* [Gray, 2019, p. 136]. В своем творчестве А. Грей борется с культурными стереотипами, представляя родной город в качестве «city-as-cultural-source» [Harrison, 1995, p. 163]. Попутно его проза создает у читателя «фиктивные» воспоминания о Глазго и вносит существенный вклад в формирование глазгианского свертхтекста.

6. Выводы

Городская проза А. Грея вносит существенный вклад в развитие современного глазгианского романа. Подобно другим писателям города Глазго, в своих произведениях он показывает последствия дегуманизирующего влияния города на человека и рисует картины гнетущей глазгианской действительности. Однако, в отличие от них, А. Грей отдает предпочтение героям, для которых характерна классовая двойственность, а также уделяет пристальное внимание критике органов социальной защиты и политическому комментарию. В романе «Ланарк» город показан сквозь призму трех временных пластов: ностальгического прошлого, безрадостного настоящего и апокалипсического будущего. Причем тематической доминантой его изображения является смертность. Глазго-Унтан выступает в качестве своеобразного города мертвых, в котором все же теплится надежда на возрождение. Наконец, в прозе А. Грея Глазго становится значимым «местом памяти», так как воспоминания героев зачастую проецируются на городской пейзаж. Не последнюю роль играет мотив «воссоздания» воспоминаний по обрывочным фактам городской жизни, будь то сделано с целью реконструкции исторического облика Глазго, создания фиктивных воспоминаний или с целью популяризации городского пространства.

Источники

1. *Грей А.* 1982, Жанин / А. Грей; [пер. с англ. А. Шарипова]. — Санкт-Петербург : Ред Фиш. ТИД Амфора, 2005. — 604 с. — ISBN 5-483-00115-X.
2. *Грей А.* Бедные-несчастные / А. Грей; [пер. с англ. Л. Мотылева]. — Москва : Иностранная литература, Б.С.Г. — ПРЕСС, 2000. — 416 с. — ISBN 5-93636-013-X.
3. *Грей А.* Ланарк : жизнь в четырех книгах / А. Грей; [пер. с англ. Л. Бриловой, С. Сухарева]. — Москва : Эксмо ; Санкт-Петербург : Домино, 2009. — 748 с. — ISBN 978-5-699-32312-8.
4. *Gray A.* 1982, Janine / A. Gray. — Edinburgh : Canongate Books, 2019. — 352 p.
5. *Gray A.* Lanark : A Life in Four Books / A. Gray. — Edinburgh : Canongate Books, 2016. — 574 p.
6. *Gray A.* Poor Things / A. Gray. — London : Bloomsbury Publishing, 2002. — 318 p.
7. *Gray A.* Why Scots should rule Scotland / A. Gray. — Edinburgh : Canongate Press, 1992. — 65 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жердева Ю. А.* Чувство места как категория социальной памяти / Ю. А. Жердева // Международный журнал исследований культуры. — 2015. — Выпуск 2 (19). — С. 5—11.
2. *Berndt K.* “The Things We Are”: Alasdair Gray’s Poor Things and the Science of Man / K. Berndt // ANGLICA. — 2016. — Vol. 25/1. — Pp. 125—140.
3. *Bernstein S.* Alasdair Gray / S. Bernstein. — London : Assosiate University Press, 1999. — 187 p.
4. *Brandbury M.* The Modern British Novel / M. Brandbury. — London : Penguin Books, 1994. — 544 p. — ISBN 014023098X.
5. *Burgess M.* The Glasgow novel, 1870—1970 : A bibliography / M. Burgess. — Glasgow : Scottish Library Association, 1972. — 70 p.
6. *Dixon K.* Talking to the People : A Reflection on Recent Glasgow Fiction / K. Dixon // Studies in Scottish Literature. — 1993. — Vol. 28/1. — Pp. 92—104.
7. *Elliot R. D.* The Glasgow novel / R. D. Elliot. — Glasgow : Arts Faculty of the University of Glasgow, 1977. — 482 p.
8. *Gregorová M.* Representing Urban Space in the Twentieth-Century Scottish Novel / M. Gregorová. — Olomouc : Univerzita Palackeho v Olomouci, 2015. — 151 p.
9. *Harrison W. M.* The Power of Work in the Novels of Alasdair Gray / W. M. Harrison // The Review of Contemporary Fiction : Stanley Elkin, Alasdair Gray. — 1995. — Vol. 15. — № 2. — Pp. 162—169.
10. *Klaus H. G.* James Kelman / H. G. Klaus. — U.K : Liverpool University Press, 2018. — 122 p.
11. *McIlvanney L.* The Glasgow Novel / L. McIlvanney // The Cambridge Companion to Scottish Literature / G. Carruthers (ed.). — Cambridge : Cambridge University Press, 2012. — Pp. 217—232. — ISBN 9781139045407.
12. *Miller G.* Alasdair Gray : The Fiction of Communion / G. Miller. — Amsterdam : Rodopi B.V., 2005. — 114 p.
13. *Witchi B.* Glasgo Urban Writing and Postmodernism / B. Witchi. — Frankfurt am Main : Peterland, 1991. — 254 p.

MATERIAL RESOURCES

- Gray, A. (1992). *Why Scots should rule Scotland*. Edinburgh: Canongate Press. 65 p.
- Gray, A. (2000). *The poor-the unfortunate*. Moscow: Foreign literature, B. S. G.-PRESS. 416 p. ISBN 5-93636-013-X. (In Russ.).
- Gray, A. (2002). *Poor Things*. London: Bloomsbury Publishing. 318 p.
- Gray, A. (2005). *1982, Zhanin*. St. Petersburg: Rad Fish. TID Amphora. 604 p. ISBN 5-483-00115-X. (In Russ.).
- Gray, A. (2009). *Lanark: a Life in four books*. Moscow: Eksmo; St. Petersburg: Domino. 748 p. ISBN 978-5-699-32312-8. (In Russ.).
- Gray, A. (2016). *Lanark: A Life in Four Books*. Edinburgh: Canongate Books. 574 p.
- Gray, A. (2019). *1982, Janine*. Edinburgh: Canongate Books. 352 p.

REFERENCES

- Berndt, K. (2016). "The Things We Are": Alasdair Gray's *Poor Things* and the Science of Man. *ANGLICA*, 25/1: 125—140.
- Bernstein, S. (1999). *Alasdair Gray*. London: Assosiate University Press. 187 p.
- Brandbury, M. (1994). *The Modern British Novel*. London: Penguin Books. 544 p. ISBN 014023098X.
- Burgess, M. (1972). *The Glasgow novel, 1870—1970: A bibliography*. Glasgow: Scottish Library Association. 70 p.
- Dixon, K. (1993). Talking to the People: A Reflection on Recent Glasgow Fiction. *Studies in Scottish Literature*, 28/1: 92—104.
- Elliot, R. D. (1977). *The Glasgow novel*. Glasgow: Arts Faculty of the University of Glasgow. 482 p.
- Gregorová, M. (2015). *Representing Urban Space in the Twentieth-Century Scottish Novel*. Olomouc: Univerzita Palackeho v Olomouci. 151 p.
- Harrison, W. M. (1995). The Power of Work in the Novels of Alasdair Gray. *The Review of Contemporary Fiction: Stanley Elkin, Alasdair Gray*, 15 (2): 162—169.
- Klaus, H. G. (2018). *James Kelman*. U.K: Liverpool University Press. 122 p.
- McIlvanney, L. (2012). The Glasgow Novel. *The Cambridge Companion to Scottish Literature*. Cambridge: Cambridge University Press. 217—232. ISBN 9781139045407.
- Miller, G. (2005). *Alasdair Gray: The Fiction of Communion*. Amsterdam: Rodopi B. V. 114 p.
- Witchi, B. (1991). *Glasgo Urban Writing and Postmodernism*. Frankfurt am Main: Peterland. 254 p.
- Zherdeva, Yu. A. (2015). The sense of place as a category of social memory. *International Journal of Cultural Studies*, 2 (19): 5—11. (In Russ.).

Осовский О. Е. Бахтин, Россия и мир : рецепция идей и трудов ученого в исследованиях 1996—2020 годов / О. Е. Осовский, С. А. Дубровская // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 227—265. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-227-265.

Osovsky, O. E., Dubrovskaya, S. A. (2021). Bakhtin, Russia and World: Reception of Scientist's Ideas and Works in 1996—2020 Research. *Nauchnyi dialog*, 7: 227-265. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-227-265. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-227-265

Бахтин, Россия и мир: рецепция идей и трудов ученого в исследованиях 1996—2020 годов

Осовский Олег Ефимович¹

orcid.org/0000-0002-9869-3233

доктор филологических наук,
профессор главный научный сотрудник
osovskiy_oleg@mail.ru

Дубровская Светлана Анатольевна²

orcid.org/0000-0002-5660-8977

доктор филологических наук, доцент
кафедра русского языка
как иностранного
s.dubrovskaya@bk.ru

¹ Мордовский государственный
педагогический университет
имени М. Е. Евсевьева
(Саранск, Россия)

² Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва
(Саранск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта
№ 20-112-50059

Bakhtin, Russia and World: Reception of Scientist's Ideas and Works in 1996—2020 Research

Oleg E. Osovsky¹

orcid.org/0000-0002-9869-3233

Doctor of Philology, Professor
Chief Researcher
osovskiy_oleg@mail.ru

Svetlana A. Dubrovskaya²

orcid.org/0000-0002-5660-8977

Doctor of Philology, Associate Professor
Department of Russian as
a Foreign Language
s.dubrovskaya@bk.ru

¹ Mordovia State Pedagogical University
named after M. E. Evseviev
(Saransk, Russia)

² National Research Ogarev
Mordovia State University
(Saransk, Russia)

Acknowledgments:

The study was carried out with the financial
support of the Russian Foundation for Basic
Research within the framework of a scientific
project № 20-112-50059

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В обзорной статье анализируется процесс рецепции научного наследия М. М. Бахтина за последние 25 лет. В центре внимания авторов — выявление этапов и основных направлений, тенденций и достижений современного российского бахтиноведения, определение перспектив дальнейших исследований. Актуальность обзора заключается в необходимости объективной реконструкции процесса изучения идей и наследия М. М. Бахтина в России и за рубежом за последние 25 лет. В ходе анализа выявлена роль в развитии отечественного бахтиноведения такого феномена, как собрание сочинений ученого, бахтиноведческих журналов и изданий, публикаций ведущих исследователей. Сделаны выводы о том, что в 1996—2020 годах отечественным бахтиноведением достигнут принципиально новый уровень в освоении наследия ученого, внесен значительный вклад в изучение его ключевых идей и концепций, осуществлена предварительная реконструкция его научной биографии, проведено системное описание его терминологического языка и научной теории в целом, обозначены точки необходимого диалога российских ученых с зарубежными коллегами.

Ключевые слова:

М. М. Бахтин; рецепция научного наследия; полифония; диалог; междисциплинарный подход; обзорная статья.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The process of reception of M. M. Bakhtin's scientific heritage over the past 25 years is analyzed in the review article. The focus of the authors is on identifying the stages and main directions, trends and achievements of modern Russian Bakhtin studies, determining the prospects for further research. The relevance of the review lies in the need for an objective reconstruction of the process of studying the ideas and heritage of M. M. Bakhtin in Russia and abroad, primarily over the past 25 years. It is noted that the works of M. M. Bakhtin are the most cited in scientific literary criticism and Bakhtin studies have become an independent branch of interdisciplinary research. The analysis revealed the role in the development of Russian Bakhtin studies of such a phenomenon as a collection of works by a scientist, Bakhtin studies journals and publications, publications of leading researchers. Conclusions are made that in 1996—2020 Russian Bakhtin studies have reached a fundamentally new level in the development of the scientist's heritage, made a significant contribution to the study of his key ideas and concepts, completed a preliminary reconstruction of his scientific biography, carried out a systematic description of his terminological language and scientific theory as a whole, indicated the points of the necessary dialogue between Russian scientists and foreign colleagues.

Key words:

M. M. Bakhtin; reception of scientific heritage; polyphony; dialogue; interdisciplinary approach; review article.

Бахтин, Россия и мир: рецепция идей и трудов ученого в исследованиях 1996—2020 годов

© Осовский О. Е., Дубровская С. А., 2021

1. Предварительные замечания

В последние десятилетия XX века окончательно определилась значимость идей М. М. Бахтина для гуманитарного знания. Российский мыслитель стал одним из наиболее цитируемых ученых в мировой науке, а бахтиноведение превратилось в самостоятельную отрасль междисциплинарных исследований. Актуальность предлагаемого обзора состоит в необходимости развернутого анализа достижений отечественного бахтиноведения, в обозначении основных тенденций развития данной отрасли российского гуманитарного знания, ключевых проблем, требующих решения, и тех точек потенциальных пересечений, на которых эти проблемы могут быть решены совместными усилиями отечественных и зарубежных исследователей.

Авторы видят свою задачу в том, чтобы предложить развернутый анализ вклада отечественной науки в изучение как общих проблем наследия М. М. Бахтина и связанных с этим тенденций развития современной российской гуманитаристики, так и вопросов собственно бахтинских текстов в историко-культурном и философском пространстве. В обзоре представлены наиболее репрезентативные работы: самые заметные монографии и статьи, тематические сборники и антологии.

Авторами учтен опыт обзоров отечественной и зарубежной бахтинианы, рецензий и библиографических указателей [Махлин, 1993; Юрченко, 2018], что позволило создать «диалогизующий фон» и определить возможные пути научного диалога между исследователями, принадлежащими различным школам, направлениям и национальным академическим традициям.

Масштаб обзора и его хронологическая протяженность потребовали специальной методологии, опирающейся на междисциплинарный подход и методы отечественного академического литературоведения и использующей элементы контент-анализа, сплошной выборки и «дигитализации» исследуемого материала.

Отметим, что перед авторами обзора стояла проблема этического характера — включение в обзор собственных работ. Их число обусловлено необходимостью адекватной реконструкции исследуемого периода и по возможности минимизировано.

2. «Первая рецепция» и ее особенности

Чтобы адекватно оценить характер и степень восприятия идей и трудов мыслителя за последние 25 лет, необходим краткий экскурс в сделанное в предшествующий период — то, что мы условно обозначаем как «первая рецепция». Она включает в себя, как будет показано далее, несколько этапов, заметно отличающихся от происходящего после 1995 года. Превращение Бахтина в конце 1980-х — начале 1990-х годов в классика мировой гуманитарной мысли имеет собственную предысторию, анализ которой дает основание понять реальную роль мыслителя в жизни российского (советского) гуманитарного сообщества и значение его трудов для философии, филологии, истории и теории культуры, педагогики и психологии советских и первых постсоветских лет. В этом контексте именно начало издания академического собрания сочинений Бахтина в 1996 году и связанный с ним комплекс публикаций знаменует начало нового этапа в отечественной и зарубежной науке.

«Первая рецепция» Бахтина имеет свою историю, отчасти представленную в работах С. Г. Бочарова, С. А. Дубровской, В. П. Киржаевой, В. Л. Махлина, Н. И. Николаева, О. Е. Осовского, К. Эмерсон [Бочаров, 2006; Дубровская, 2014; Киржаева и др., 2016; Киржаева и др., 2019; Махлин, 1996; Николаев, 1998; Эмерсон, 1996; Emerson, 1997]. В нашем понимании «первая рецепция» представляет собой реакцию на устные выступления Бахтина в Невеле, Витебске и Петрограде и дополняется сообщениями о докладах и лекциях молодого ученого в невеличской и витебской прессе, петроградских изданиях 1919 — начала 1920-х годов [Невельский ..., 1996, с. 147—158; Николаев, 1996]. Отметим, однако, что биографические изыскания Н. А. Панькова, в частности, его беседа с С. И. Каган, вдовой ближайшего друга Бахтина философа М. И. Кагана, позволяет утверждать, что репутация неординарного мыслителя сложилась у совсем юного Бахтина уже в довоенной Одессе [Паньков, 1995]. Свидетельством научного авторитета Бахтина становится письмо М. И. Кагана к Н. А. Бердяеву от 29 мая 1922 года: «Будь Михаил Михайлович Бахтин в Москве, он был бы, несомненно, [один из] талантливейших членов ВАДК [Вольная академия духовной культуры]» [Каган, 2004, с. 639].

О роли, которую Бахтин играет в интеллектуальной жизни Ленинграда с середины 1924 года, наглядно свидетельствуют письма М. В. Юдиной, Л. В. Пумпянского, В. Н. Волошинова и других участников «круга Бахтина» [Юдина, 2006; Каган, 1992]. Домашние семинары, лекции, рефераты и иные выступления Бахтина делают его заметной фигурой ленинградского интеллектуального «подполья» вплоть до конца 1920-х годов, чье имя и идеи хорошо известны заинтересованной аудитории. Не случайно Бахтин,

наряду с ближайшими друзьями, оказывается среди персонажей романа К. К. Вагинова «Козлиная песнь», повести А. Ф. Лосева «Женщина-философ» [Кибальник, 2014; Николаев, 2017].

Рецепция в собственном смысле этого слова начинается с литературно-критической реакции на публикацию в 1929 году «Проблем творчества Достоевского». Ее подробная история изложена в целом ряде исследований [М. М. Бахтин ..., 1995; Бочаров, 2006; Михаил Михайлович Бахтин ..., 2020, с. 75—94].

Следующий этап «первой рецепции» связан с защитой Бахтиным в 1946 году диссертации «Франсуа Рабле в истории реализма». Завершенная к 1940-му году рукопись, хотя и была известна ограниченному кругу читателей, вызвала серьезный интерес у таких историков зарубежной литературы, как А. А. Смирнов, И. М. Нусинов, А. К. Джигелегов и др. Участие в судьбе рукописи принимали В. М. Жирмунский, Е. В. Тарле, Б. В. Томашевский, В. Ф. Шишмарев и др. [Дубровская, 2014; Паньков, 2009]. Но в научном сознании 1940—1950-х годов Бахтин остается прежде всего автором новаторского исследования о Достоевском, о чем, в частности, писал Н. Я. Берковский в январе 1956 года: «Вас, конечно, хорошо помнят и знают — все искатели хороших, настоящих книг <...> Кроме “Достоевского” я знаю еще две книги, которые молва приписывает Вам. Думаю, что писаны они не прямо Вашей рукой, ибо в них не тот язык, что в “Достоевском”, — очень памятный язык, философски-экспрессионистический» [Цит. по: Бахтин, 2000, с. 514].

С публикации второго издания книги о Достоевском (1963) и монографии «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1965) начинается новый этап. Значительно повлияв на ситуацию в советской гуманитаристике, эти книги стали предметом острой полемики между представителями советской ортодоксии и той частью научного сообщества, которая была готова воспринять идеи Бахтина как путь к новой, деидеологизированной интерпретации памятников литературы и культуры, интеллектуальной истории и современности. Если Г. Н. Пospelов осторожно предупреждал читателя о «преувеличении от увлечения» [Пospelов, 1965], то А. Л. Дымшиц прямо говорил об опасности идеологических ошибок автора [Дымшиц, 1964]. С другой стороны, старейший советский достоевсковед А. С. Долинин, посылая Бахтину свою монографию «Последние романы Достоевского», сопроводил ее дарственной надписью: «Хотелось бы лично когда-нибудь встретиться <...> Перечитал недавно Ваши Проблемы (2-е издание). Какая это у Вас умная оригинальная работа!» [Собрание инскриптов ..., 2020, с. 80].

На страницах «Литературной газеты», журналов «Вопросы литературы», «Вопросы философии», «Театр» появляются статьи Л. А. Шубина,

Л. Е. Пинского, Л. М. Баткина, А. А. Аникста и др. с высокой оценкой сделанного Бахтиным [см.: М. М. Бахтин: про ..., 2001].

На рубеже 1960—1970-х годов наступает время предметного осмысления и оценки бахтинских идей и конструктивного использования его теоретико- и историко-литературных построений в исследовательской практике Д. С. Лихачева и А. М. Панченко, А. Я. Гуревича, Л. Е. Пинского. Последовательная публикация в журнале «Вопросы литературы» и сборнике «Контекст. Литературно-теоретические исследования» текстов из бахтинского архива, осуществленная во второй половине 1960-х — начале 1970-х годов С. Г. Бочаровым и В. В. Кожинным, привела к формированию нового образа Бахтина — теоретика литературы, разработчика оригинальной концепции речевых жанров и историка культуры, идеи которого имели важнейшее значение, как становится ясно сегодня, для преодоления кризиса гуманитарных наук и формирования новой научной парадигмы в условиях «постструктуралистского поворота» [Автономова, 2009; Махлин, 2009; Осовский, 1997; Эмерсон, 2006]. Отметим, что уже в начале 1970-х годов роль ученого в формировании нового взгляда на историю и теорию жанра романа была обозначена Г. М. Фридендером, Б. С. Мейлахом и В. М. Жирмунским в самом авторитетном советском филологическом журнале [Фридендер и др., 1971]. Посмертная публикация сборников «Вопросы литературы и эстетики» (1975) и «Эстетика словесного творчества» (1979) привела к окончательному переосмыслению вклада ученого в науку. Представление о Бахтине как о мыслителе сложилось уже к его 75-летию и было артикулировано на юбилейных заседаниях в Москве и Тарту [Иванов, 1973; Ревзина, 1971], а окончательное выражение получило в статье С. С. Аверинцева «Личность и талант ученого» [Аверинцев, 1976].

В условиях постепенного отказа от идеологических догм во второй половине 1980-х годов с публикацией фрагментов трактата «К философии поступка» [Бахтин, 1986] наступает время новых интерпретаций. Если в саранских сборниках [Проблемы ..., 1985; М. М. Бахтин: проблемы ..., 1992] продолжается, хотя и с заметным углублением контекста, изучение Бахтина как филолога, то в первых выпусках «Бахтинского сборника» и «Проблем бахтинологии», в книге «М. М. Бахтин как философ» предпринималась попытка максимально расширить интеллектуальное и духовное пространство, которое мыслитель не только формировал, но и в котором формировался сам [Бахтинский сборник, 1990; Бахтинский сборник, 1992; Бахтинология ..., 1995; М. М. Бахтин ..., 1992].

В статьях С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова, В. В. Кожина, в первых исследованиях В. Л. Махлина, Л. А. Гогтишвили, Н. И. Николаева,

К. Г. Исупова был проанализирован философско-эстетический опыт мыслителя, который в конце 1910-х — первой половине 1920-х годов смог предложить свою «нравственную философию» на основе оригинальной интерпретации идей немецкого неокантианства, феноменологии, русской религиозно-философской традиции, европейской философии диалога и творчества Достоевского [Аверинцев, 1988; Бочаров, 1993; Гоготишвили, 1992; Исупов, 1991; Кожин, 1988; Николаев, 1991]. Существенным событием стало издание в Витебске (с конца 1990-х — в Москве) журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп». Усилиями его редактора Н. А. Панькова был обеспечен диалог ведущих специалистов из России, Великобритании, США, Италии и других стран, опубликованы архивные материалы, связанные с ранним периодом биографии Бахтина, с судьбой его диссертации и др. [Паньков, 1995а; М. М. Бахтин..., 2002, с. 206—233].

Обобщающим итогом «первой рецепции» можно назвать сборник «М. М. Бахтин в зеркале критики» [М. М. Бахтин ..., 1995] и антологию «М. М. Бахтин: pro et contra» [М. М. Бахтин: pro ..., 2001; М. М. Бахтин: pro ..., 2002].

3. Собрание сочинений Бахтина: новые ориентиры современной гуманитаристики

Начавшаяся на рубеже 1980—1990-х годов работа над собранием сочинений М. М. Бахтина завершилась в 2012 году изданием шеститомника. Научный коллектив под руководством С. Г. Бочарова и В. В. Кожина проделал серьезную работу, выявив, расшифровав и подготовив к публикации многочисленные тексты, фрагменты, рабочие записи и материалы, конспекты, сохранившиеся в архиве ученого. Принципы издания были четко обозначены в редакторском предисловии: «<...> собрание сочинений М. М. Бахтина должно быть научным. Это означает, во-первых, иное качество подготовки текстов: все тексты, как публикуемые впервые, так и уже печатавшиеся ранее, готовятся заново по сохранившимся в архиве автора рукописям <...>; таким образом, читатель должен во всех случаях получить новые тексты Бахтина, в том числе и уже известных работ. Во-вторых, в собрании предпринимается обширная публикация рукописных материалов, в том числе сопровождавших работу автора над известными трудами <...> И, наконец, в-третьих, все тексты обстоятельно комментируются, и комментарий этот имеет исследовательский характер. По замыслу авторского коллектива, работающего над собранием, последовательный текстологический и исследовательский комментарий ко всем публикуемым работам должен сложиться в целостную картину бахтинских идей» [Бахтин, 1996, с. 5—6].

Бахтинские тексты были размещены преимущественно хронологически: от заметки «Искусство и ответственность» до рабочих записей 1960-х — начала 1970-х годов. Первый том включил написанное с 1919 по 1924 годы, в частности, сохранившиеся фрагменты трактатов «К философии поступка» и «Автор и герой в эстетической деятельности» [Бахтин, 2003]. Во второй вошли «Проблемы творчества Достоевского», два предисловия к произведениям Л. Н. Толстого, а также прочитанные в Витебске и Ленинграде лекции по русской и советской литературе [Бахтин, 2000]. Третий том включил многочисленные работы о романе, в том числе тексты докладов 1940—1941 годов в Институте мировой литературы [Бахтин, 2012]. Исследование Бахтина о Рабле 1940 года, более поздние его редакции, сопутствующие фрагменты и материалы, документы защиты и ВАКовского дела составили две книги четвертого тома [Бахтин, 2008; Бахтин, 2010]. Пятый том отдан работам 1940-х — начала 1960-х годов: от фрагмента «К философским основам гуманитарных наук» и предназначавшейся для «Литературной энциклопедии» статьи «Сатира» до материалов к книге о Достоевском [Бахтин, 1996]. «Проблемы поэтики Достоевского», рабочие тетради и записи последних лет составили шестой том [Бахтин, 2002]. «По охвату публикуемого материала (от “классических” текстов до набросков, конспектов и черновиков), по глубине комментария, даже по объему (изначально планировалась публикация семи томов) издание совершенно определено не имеет аналогов в российской и западной гуманитаристике», — отмечалось в рецензии, вышедшей по завершении издания [Осовский, 2015].

Комментаторы не только обеспечили почти исчерпывающее толкование использовавшейся Бахтиным терминологии, присутствующих аллюзий, отсылок к различным источникам, но и реконструировали обширный философский, теоретико-литературный, идеологический и историко-культурный подтекст и контекст трудов мыслителя. В этой работе объединили свои силы несколько поколений ученых — филологов, философов, историков культуры. Среди них и входившие в круг Бахтина в 1960-е — начале 1970-х годов, и занимавшиеся изучением бахтинского наследия в 1980—1990-е годы. Результатом подобного сплава стал масштабный научный комментарий, во многом представляющий образец корректного и вдумчивого исследовательского подхода, когда широта эрудиции комментатора и точное знание деталей не затемняют первоначальных смыслов комментируемого текста, а, напротив, обеспечивают дальнейшее проникновение в его глубины. Более того, часто пояснение к конкретному тексту, заметке или наброску становится новой страницей научной биографии Бахтина. В этом смысле показательна детальная реконструкция творческой истории

книги о Достоевском [Бахтин, 2000] и исследования, посвященного Рабле [Бахтин, 2008; Бахтин, 2010]. Не менее важны для адекватного понимания сложности процесса формирования в 1930-е годы бахтинской теории романа пояснения С. Г. Бочарова и В. Ляпунова в третьем томе. В них восстанавливается реальная история монографии «Роман воспитания и его значение в истории реализма», благодаря чему не только становится понятной «саранско-савеловская» часть биографии ученого, но и рушатся многие связанные с ней мифы. Вызывает уважение тщательность комментария В. Ляпунова, В. Л. Махлина, Н. И. Николаева, Л. А. Гоготишвили по поводу философской эстетики в ранних трактатах Бахтина.

Для всех комментариев характерно обращение к широкому корпусу сохранившихся архивных документов, воспроизведение части бахтинской переписки, что дает исследователям возможность найти подтверждение собственным гипотезам и интуициям, опираясь на ставший доступным материал. Такова переписка с редакцией литературной энциклопедии по поводу статьи о «Сатире» в пятом томе, письма А. А. Смирнова и Л. И. Тимофеева в четвертом и др.

Отметим, что работа над собранием сочинений стала для части комментаторов серьезным импульсом к подготовке масштабных исследований. Это, в частности, публикации И. Л. Поповой, прежде всего ее монографии «Книга М. М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы» [Попова, 2005; Попова, 2006; Попова, 2009; Попова, 2009a]. Это же можно сказать о Н. А. Панькове, закономерным итогом комментаторской и исследовательской деятельности которого стала книга «Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина», а также ряд статей [Паньков, 2007; Паньков, 2008; Паньков, 2009]. Опыт комментирования ранних философских текстов нашел отражение в работах Л. А. Гоготишвили и В. Л. Махлина [Гоготишвили, 2008; Махлин, 2010]. Примером иного рода — полемически заостренного неприятия имеющегося комментария — стали публикации Н. К. Бонецкой, которая еще в 1995 году предложила свою версию комментария к ряду бахтинских текстов [Бахтинология, 1995, с. 239—287]. Эта версия нашла отражение в развернутых пояснениях к составленному ею двухтомнику избранных работ Бахтина [Бахтин, 2017].

Решение редакторов опубликовать первым пятый том было продиктовано несколькими причинами: большим объемом ранее не публиковавшихся текстов, степенью готовности и относительной несложностью комментария. Этот том вызвал достаточно оживленную реакцию научного сообщества, послужив в определенной мере предметом дискуссий представителей отечественного и зарубежного бахтиноведения о принципах издания и его перспективах. Одним из наиболее глубоких и точных стал

масштабный отзыв Н. И. Николаева, акцентировавшего внимание на соответствии редакторской стратегии собрания сочинений отечественной академической и издательской традиции, адекватности общего подхода к работе с неизданными текстами и осмысленности текстологических решений [Николаев, 1998]. Некоторая закрытость деятельности группы по изданию собрания сочинений Бахтина, непубличность принимаемых решений, касавшихся, в частности, включения / невключения отдельных текстов, «цензурирование» части материалов вызывало обоснованную тревогу у отечественных и зарубежных исследователей, см.: [Бахтинский сборник, 2000; Thomson, 1997].

Упомянутое выступление Н. И. Николаева можно определить как своего рода «взгляд изнутри», поскольку речь идет о позиции одного из комментаторов. «Взгляд изнутри» представлен и в статье И. Л. Поповой «Почти “юбилейное” ...», появившейся в «Новом литературном обозрении» в специальном разделе, авторы которого попытались определить место Бахтина и его идей в современном гуманитарном пространстве России и Запада [Попова, 2006]. Диалог М. Липовецкого и И. Сандомирской [Липовецкий и др., 2006], реплики Е. Добренко, В. Марковича и С. Ушакина [Добренко, 2006; Маркович, 2006; Ушакин, 2006] — это не рецензии в строгом смысле слова. Однако примечательно стремление авторов сделать акцент на близости идей Бахтина современным поискам постмодернистской теории и экспериментам авангарда, высказать опасения по поводу «ортодоксально-православного» прочтения ранних работ, вписать мыслителя в общий текст современной западной теории — от Ж. Лакана, Ж. Дерида и М. Фуко до колониальных штудий. На этом фоне объяснение И. Л. Поповой комментаторских решений и общих принципов публикации архивных текстов должны были восприниматься как начало диалога с исследователями, подчеркивавшими свою «вне-находимость» по отношению к бахтиноведческим штудиям.

Отсутствие масштабной реакции на выход последующих томов объяснялось многими причинами, в частности, непростой ситуацией в отечественной гуманитаристике, переживавшей осязаемый кризис в 2000-е годы, и разобщенностью бахтиноведческого сообщества [Бройтман, 2006; Зенкин, 2006].

Новым поводом для разговора об этом издании стало его завершение. Хотя масштаб обсуждения итогов явно не соответствовал научной значимости события, уже сам факт реакции на него можно было расценивать как положительное явление. Укажем прежде всего на рецензию Л. А. Фуксона в журнале «Новой мир», превратившую завершение издания собрания сочинений Бахтина из факта научной жизни в событие российской культуры [Фуксон, 2012]. Заслуживает предметного анализа и цикл статей в «Вопро-

сах литературы». Каждый из авторов выбрал для размышления и оценки наиболее близкий ему по интересам том. Так, по мнению П. А. Ольхова, издание ранних философских текстов Бахтина в первом томе приобретает особую важность для оценки общего характера изменений, происходящих в отечественной философии второй половины 1910-х — 1920-х годов [Ольхов, 2013]. Американская исследовательница Н. Перлина обратилась к томам с работами о Достоевском [Перлина, 2013], а К. Г. Исупов и С. И. Пискунова пишут о качественно ином уровне восприятия бахтинской теории романа, на который позволяют подняться опубликованные в третьем томе тексты [Исупов, 2013; Пискунова, 2013]. Отметим, что всех рецензентов объединяет понимание значимости собрания сочинений: с момента завершения его издания не только в отечественном и зарубежном бахтиноведении, но и у всех соприкасающихся с бахтинской проблематикой гуманитариев наступает принципиально новый этап, требующий учета не только фактора присутствия этого издания, но и обязательного обращения ко всей совокупности опубликованных в нем материалов и комментариев. Не менее важно и то, что в сознании исследователей и читателей многогранное по форме и содержанию наследие Бахтина обрело необходимую системность и целостность, предстало единым организмом.

4. «Круг Бахтина» и проблема авторства «спорных текстов»

Подготовка и издание собрания сочинений заметно усилили интерес к проблеме «бахтинских контекстов», в частности, к вопросу о том интеллектуальном пространстве, в котором формировалась и развивалась творческая мысль ученого. В беседах Бахтина с Дувакиным есть примечательное признание: «Вокруг меня был круг, который называют сейчас “круг Бахтина” ... Вот о нем последнее время часто пишут. Сюда включают прежде всего Пумпянского, Медведева Павла Николаевича, Волошинова» [Беседы ..., 1996, с. 143]. Сегодняшнее бахтиноведение дополнило число участников именами М. И. Кагана, М. В. Юдиной, Б. М. Зубакина, И. И. Соллертинского, И. И. Канаева. Правомерно увязывая «Невельскую школу» с «кругом Бахтина» в контексте становления и развития новой парадигмы философского мышления, В. Л. Махлин отмечал: «Бахтина круг (далее — Б. к.) — понятие, сложившееся в 70—80-е годы в России и на Западе для обозначения друзей и знакомых М. М. Бахтина, его современников-собеседников, в общении с которыми бахтинские воззрения и концепции высказывались, обсуждались и развивались, отчасти также перекодировались на язык официальной советской культуры 20-х годов» [М. М. Бахтин: про ..., 2001, с. 132]. В исследованиях не раз подчеркивались самостоятельность и самоценность участников круга, их вклад в на-

уку и культуру 1920—1930-х годов. Читателю были возвращены давно ставшие библиографической редкостью или ранее не публиковавшиеся тексты М. И. Кагана [Каган, 2004], Л. В. Пумпянского [Пумпянский, 2000], В. Н. Волошинова [Волошинов, 1995], П. Н. Медведева [Медведев, 2018].

Проблемам «круга Бахтина» и различным интерпретациям диалога, который разворачивался в этом интеллектуальном сообществе, посвящены работы Ю. П. Медведева [Медведев и др., 2006; Медведев и др., 2008], Н. Л. Васильева [Васильев, 2013; Васильев, 2020], В. Л. Махлина [Махлин, 2010], И. В. Ключевой [Ключева, 2021]. При этом речь шла не столько о документах эпохи, сколько о продолжающих сохранять научную актуальность идеях, рождавшихся в диалоге с М. М. Бахтиным. В свою очередь, и творчество последнего на этом фоне представало в новом свете, а «круг Бахтина» обретал ярко выраженное «многоголосие» и «участное мышление» [Васильев, 2013; Махлин, 2018].

С начала 2000-х годов круг Бахтина как особое явление осмысливался в нескольких направлениях: лингвистические идеи В. Н. Волошинова изучались в работах В. М. Алпатова и Н. Л. Васильева [Алпатов, 2005; Васильев, 2003], социологическая поэтика П. Н. Медведева и его понимание жанра рассматривались в статьях В. М. Захарова [Захаров, 2007], Н. Д. Тамарченко [Тамарченко, 2008], Т. П. Баталовой [Баталова и др., 2020], анализировалась западная интерпретация феномена «бахтинского круга» [Васильев, 2006; Осовский, 2005].

С проблемой «круга Бахтина» непосредственно связан вопрос о так называемых «спорных текстах», как обозначили К. Кларк и М. Холквист ряд опубликованных под именами В. Н. Волошинова, П. Н. Медведева и И. И. Канаева работ, полное или частичное авторство которых в реальности принадлежало М. М. Бахтину [Clark et al., 1984, p. 146—170]. Ходившие с конца 1920-х годов в академической среде Ленинграда и Москвы слухи о принадлежности М. М. Бахтину основной части текстов «Формального метода в литературоведении», «Марксизма и философии языка» и других на рубеже 1960—1970-х годов были преданы гласности в юбилейных выступлениях Вяч. Вс. Иванова. Участие Бахтина в судьбе «медведевско-волошиновского» корпуса текстов было обозначено в биографическом очерке В. В. Кожина и С. С. Конкина, а также в комментариях к «Эстетике словесного творчества». По свидетельству С. Г. Бочарова, бахтинское авторство статьи «Современный витализм» письменно подтверждено И. И. Канаевым [Бочаров, 1993]. В то же время формально-юридическая сторона вопроса и его этическая составляющая, в частности, отсутствие прямого признания своего авторства самим Бахтиным, в течение длительного времени не позволяли однозначно говорить о вопросе «спорных текстов» как

исключительно научном. Неслучайно еще в конце 1980-х годов С. С. Аверинцев выступил с предложением считать «спорные тексты» «девятеро-каноническими», а саму проблему «не подлежащей решению» имеющимися у современной науки методами [Аверинцев, 1988].

В отечественном бахтиноведении дискуссия вокруг «спорных текстов» была начата статьей Н. Л. Васильева, впервые заявившего о необоснованности приписывания М. М. Бахтину книги «Марксизм и философия языка». Ограничившись по преимуществу перечислением технических особенностей (частота употребления курсива и разрядки), ссылкой на мнимое отсутствие в книге о Достоевском социологических штампов, которые присутствуют в «Марксизме» и «Формальном методе», автор попытался выстроить систему доказательств. Не будучи до конца уверен в собственной правоте он, впрочем, сделал и примечательную оговорку: «Даже если предположить, что публикация книг и статей В. Н. Волошинова была эскападой М. М. Бахтина и его друзей, своеобразным карнавальным, пародирующим действием, протестом против засилья социологизаторства в советской науке 1920-х годов, то и в этом случае книга “Марксизм и философия языка” написана не М. М. Бахтиным, по крайней мере, не “подлинным” М. М. Бахтиным» [Васильев, 1991, с. 43].

В последующие годы литературовед не раз возвращался к этой проблеме, в основном повторяя уже высказывавшиеся аргументы, отчасти перенося свою систему доказательств на медведевские тексты [Васильев, 2013, с. 153—206]. В то же время нельзя не признать, что неподдельный интерес исследователя к личности и творчеству В. Н. Волошинова сыграл свою роль в выявлении ранее неизвестных деталей биографии одного из близких друзей М. М. Бахтина и уточнении его научных взглядов начала 1930-х годов [Васильев, 2006].

Серьезные сомнения в правоте Н. Л. Васильева высказывались уже в начале 1990-х: «Не выдерживает критики утверждение о марксистском характере работ — куда точнее были рецензенты из большевистских журналов и представители русского зарубежья, в унисон говорившие о марксистской маскировке. Вряд ли обоснованно заявление о том, что “в книге Бахтина нет того, что есть в книге Волошинова, значит ...”, ибо эти работы создавались для того, чтобы дополнять, а не “перепевать” друг друга. Несерьезно и замечание о том, что “психоанализ, теоретическая лингвистика (с резкой сменой методологии), теория литературоведения (формальный метод, социологическая поэтика) <...> не укладываются в его жизнь”. Автору следовало повнимательнее отнестись к упоминаемым им не раз книге К. Кларк и М. Холквиста и статье “Арест и приговор” С. С. Конкина, дабы удостовериться в обратном. Кроме того, основные идеи медведевско-волошиновских

работ получают развитие (об этом писал прежде и сам Н. Васильев) в трудах Бахтина 30—60-х годов» [Цит. по.: Киржаева и др., 2018, с. 161].

Одним из наиболее решительных противников бахтинского авторства «спорных текстов» был Ю. П. Медведев, посвятивший значительную часть своей жизни изучению наследия отца. Напоминая о трагической судьбе отца и приводя свидетельства, подтверждающие его заметную роль в литературной и культурной жизни Ленинграда, он предпочитал вести разговор об уникальном содружестве и диалогическом характере сотворчества, в результате которого возникала новая социологическая поэтика. И в ее создании П. Н. Медведеву, по его мнению, принадлежала ведущая роль [Медведев, 1998].

Среди тех, кого можно назвать сторонниками «бахтинского неавторства», следует отметить В. М. Алпатова и В. Н. Захарова, предпринявших попытку предложить содержательный анализ самобытности лингвистических идей В. Н. Волошинова [Алпатов, 2005] и взглядов на жанровую поэтику П. Н. Медведева [Захаров, 2007]. Свою задачу авторы видели прежде всего в определении несходства позиций Бахтина и других участников круга, что, по их убеждению, должно было свидетельствовать о необоснованности версии бахтинского авторства.

Однако большая часть отечественных исследователей считает версию участия Бахтина в создании «спорных текстов» (единолично или в соавторстве) достаточно обоснованной. В пользу ее говорят не только устные свидетельства современников, в том числе и самых незаинтересованных, но и явная общность идей, которые Бахтин продолжал успешно развивать на протяжении 1930 — 1960-х годов. Впрочем, нельзя говорить и о том, что сторонники бахтинского авторства представляют группу единомышленников, главная цель которых — развенчание научных заслуг П. Н. Медведева и В. Н. Волошинова, как это представляется сегодня некоторым исследователям [Баталова, 2020]. Так, появление в начале 1990-х медведевско-волошинского корпуса работ в серии «Бахтин под маской» вызвало резкую критику со стороны душеприказчиков Бахтина С. Г. Бочарова, В. В. Кожина, Л. С. Мелиховой [Бочаров, 1994; Бочаров и др., 1994] и, как можно предположить, послужило в итоге причиной отказа от отдельного тома собрания сочинений, в котором намечалась публикация работ «круга Бахтина».

На этом фоне очевидна значимость выхода так называемой «Тетралогии», объединившей «спорные тексты» с комментариями В. Л. Махлина и текстологическими размышлениями И. В. Пешкова. При всей небесспорности подходов книга сыграла важную роль в реконструкции общего контекста идей и замыслов «круга Бахтина» и до сегодняшнего дня остается изданием, не имеющим аналогов [Бахтин, 2000a].

Достаточно агрессивные по тону выступления части сторонников бахтинского неавторства, как и не определенный до конца список «спорных текстов», привели к появлению специальных исследований. Неоценим вклад Н. И. Николаева, который, исходя из научного и историко-культурного контекста эпохи, философских и стилистических особенностей анализируемых книг, статей и рецензий, научных и творческих интересов каждого из авторов, предложил аргументированный перечень текстов, принадлежность которых Бахтину не должна вызывать сомнений [Николаев, 1998].

Особую остроту вопрос «спорных текстов» неожиданно приобрел в начале 2010-х годов с появлением книги бельгийских исследователей Ж.-П. Бронкара и К. Бота «Бахтин без маски». Авторы не только утверждали однозначную принадлежность «спорных текстов» В. Н. Волошинову и П. Н. Медведеву, но и отводили им решающую роль в создании «Проблем творчества Достоевского» [Bronckart et al., 2011]. Книга вызвала резкую критику со стороны отечественных и зарубежных бахтиноведов, ее авторы справедливо названы «некомпетентными разоблачителями» [Зенкин, 2013], а сама ситуация — «ресентиментом одураченных» [Долгорукова и др., 2013].

В целом благодаря изысканиям Н. И. Николаева, И. В. Пешкова, В. Л. Махлина и других исследователей сегодня можно говорить о большей обоснованности позиции сторонников бахтинского авторства «спорных текстов», нежели ее противников [Киржаева и др., 2018].

5. Изучение наследия мыслителя: итоги и ближайшие перспективы

С 1996 года в России наступил качественно новый этап осмысления бахтинского наследия: столетие М. М. Бахтина, заметная международная активность, интенсивные контакты отечественного и западного бахтиноведения (к этому времени сложившегося в почти самостоятельную область гуманитаристики), радикально увеличившийся поток публикаций, начало издания собрания сочинений мыслителя позволяют утверждать это с полным основанием. Наиболее четко «водораздел» между «старой» и «новой» эпохами был обозначен статьей В. Л. Махлина «Лицом к лицу ...», где автор указал на точки несовпадения отечественного и западного подходов к интерпретации бахтинских идей и наметил контуры нового понимания места и роли Бахтина в интеллектуальной культуре XX века [Махлин, 1996].

Основными достижениями нового этапа являются предварительная реконструкция научной биографии Бахтина, выявление важнейших идей мыслителя и их презентация в систематизированном виде, создание бахтинского тезауруса, интеграция основных идей и концепций в практику современной гуманитаристики.

Говоря о биографии Бахтина, прежде всего следует назвать публикацию записей его бесед с В. Д. Дувакиным, которые первоначально появились в виде фрагментов в журнале «Человек» и были изданы в полном объеме с развернутым комментарием и хронографом в 1996 году [Беседы ..., 1996]. Так исследователи и читатели получили возможность погрузиться в «устную автобиографию» ученого, узнать многие факты его жизни, прежде всего детства и ранней юности, ленинградского ареста и кустанайской ссылки, второго приезда в Саранск и др.

Напомним, что первый биографический очерк был представлен В. В. Кожинным и С. С. Конкиным в 1973 году еще при жизни мыслителя, а первая книжная биография К. Кларк и М. Холквиста появилась в 1984 году в США [Clark et al., 1984], и до сих пор она остается наиболее полным жизнеописанием.

Среди отечественных биографов Бахтина прежде всего следует назвать С. С. Конкина, с начала 1980-х годов интенсивно занимавшегося изучением жизни и творчества мыслителя. Главным итогом его работы стала написанная при участии Л. С. Конкиной книга «Михаил Бахтин: (Страницы жизни и творчества)» [Конкин и др., 1993], в которой представлен ряд неизвестных документов, архивных материалов, переданы впечатления от личного общения с Бахтиным, републикованы выступления на страницах саранской прессы.

Ключевая роль в изучении биографии Бахтина принадлежит Н. А. Панькову, обнаружившему и опубликовавшему документы раннего периода, в частности, связанные с Невелем, материалы защиты диссертации и ее прохождения в ВАК, переписку с В. В. Кожинным и др. Благодаря Н. А. Панькову на страницах журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп» появлялись воспоминания В. В. Кожина, В. Н. Турбина, Р. М. Миркиной, В. Б. Естифеевой и др., письма М. В. Юдиной и И. И. Канаева. Важнейший итог многолетней деятельности исследователя — фундаментальный труд «Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина» [Паньков, 2009]. Уже после его смерти были опубликованы фрагменты создававшейся им биографии Бахтина [Паньков, 2018].

Значимая роль в организации изучения бахтинской биографии принадлежит Л. М. Максимовской, благодаря которой было начато издание «Невельского сборника» [Невельский сборник, 1996]. В «Бахтинском разделе» ежегодника печатались не только уникальные документы из архивов и частных собраний, фрагменты мемуаров и разыскания исследователей, касающиеся «невельского периода» биографии Бахтина, его друзей и знакомых, но и широкий круг других историко-биографических материалов.

Заметный вклад в изучение раннего Бахтина внес Н. И. Николаев. Ему принадлежат важнейшие работы, содержащие анализ невельско-витебско-

го периода, Невельской школы философии, восстанавливающие интеллектуальный и культурный контексты первых бахтинских работ, проясняющие взаимоотношения Бахтина и его круга с ленинградским интеллектуальным сообществом [Николаев, 1995; Николаев, 2017].

Предметным анализом «саранского периода» жизни ученого занимается В. И. Лаптун, благодаря разысканиям которого стали известны подробности пребывания Бахтина в Мордовском пединституте в 1936—1937 годах, детали второго периода его жизни в Саранске, уточнена роль П. Н. Медведева и Г. С. Петрова в приеме ученого на работу, восстановлены детали его научно-педагогической деятельности, круг общения в 1940—1960-е годы и др. Ранее неизвестные документы представлены в сборниках «М. М. Бахтин в Саранске» [М. М. Бахтин в Саранске, 2002; М. М. Бахтин в Саранске, 2006], в публикациях саранских биографов Бахтина [Васильев, 2018; Васильев, 2019; Васильев, 2020; Дубровская, 2020; Дубровская и др., 2020; Клюева и др., 2010; Лаптун, 2014; Лаптун, 2020; Осовский и др., 2021].

Свидетельством того, что, казалось бы, сугубо академические проблемы бахтинской биографии приобретают неожиданную остроту, может служить публикация книги А. В. Коровашко «Михаил Бахтин» [Коровашко, 2017]. Опираясь по преимуществу на сделанное предшественниками, автор попытался дать научно-популярное изложение жизни и творчества ученого. Серия «Жизнь замечательных людей» не требовала от него глубоких научных изысканий, мало интересных массовому читателю, и книга не вызвала бы особого внимания у научного сообщества в силу известности приведенных в ней материалов. Однако А. В. Коровашко пошел по пути изображения Бахтина как явного антигероя. Это, по мнению Н. И. Николаева, стало еще одним проявлением тенденции, в последние годы формирующейся у части представителей отечественной и зарубежной гуманитаристики, определяемой как «антибахтинизм» [Николаев 2018, с. 390—391]. Демонстративное неуважение по отношению к герою и близкий к пасквильному тон вызвали соответствующую реакцию рецензентов на страницах ведущих российских литературоведческих журналов. В рецензиях отмечалось значительное количество неточностей, заимствований и грубых ошибок. Точно сформулированное определение сущности этого труда — «Опороченная жизнь философа» [Николаев, 2018] — еще раз подчеркнуло необходимость дальнейшего исследования деятельности ученого в самом широком историческом, культурном, интеллектуальном и идеологическом контекстах, равно как и потребность создания полномасштабной научной биографии с включением всего доступного архивного материала.

Биографические разыскания середины 1990—2010-х годов проходили на фоне интенсивного осмысления теоретического наследия мыслителя

и различных опытов систематизации его идей и концепций. Уже к концу 1990-х годов были предприняты первые попытки последовательного описания бахтинского наследия в его философском и литературоведческом измерениях. Так, книги В. Л. Махлина, Н. Д. Тамарченко, О. Е. Осовского стали своего рода подступами к «большой теории» Бахтина [Махлин, 1997; Осовский, 1997; Тамарченко, 2001]. В них представлено новое понимание его философской эстетики 1920-х годов, литературоведческие поиски 1930—1960-х годов, выявлены источники идей и влияний и намечены перспективы дальнейших исследований.

Интенсивный диалог отечественного и западного бахтиноведения в конце 1990-х — начале 2000-х годов проходил на страницах «Бахтинского сборника». В статьях В. Л. Махлина, С. Г. Бочарова, К. Г. Исупова, Р. Лахман, В. Ляпунова, К. Эмерсон, В. Страда и других исследователей отразилось все «многоголосие» интерпретаций и оценок, обозначились важнейшие тренды международного бахтиноведения, выявились точки соприкосновения и разногласий, причиной которых становилось различное понимание характера бахтинских идей и степени вовлеченности мыслителя в социальный и общественно-политический процессы своей эпохи. Закономерным итогом этого диалога стала антология «Михаил Михайлович Бахтин», включившая в себя самые заметные тексты отечественного и зарубежного бахтиноведения 1960-х — начала 2000-х годов [Михаил Михайлович Бахтин, 2010].

Нет сомнений, что в первые десятилетия XXI века наследие Бахтина окончательно становится важнейшей частью научного, культурного и интеллектуального пространства России и мира. Речь в данном случае идет не столько об очередном «бахтинском буме», сколько об органичной интеграции идей Бахтина в самый широкий спектр гуманитарных наук как в России и на Западе, так и на все более усиливающем свой интерес к Бахтину Востоке, прежде всего в Китае [Махлин, 2000; Осовский, 2019; Чжоу Цичао, 2015]. Справедливости ради следует сказать, что отношение к наследию Бахтина принималось не без оговорок: и те, кто, как С. С. Аверинцев, в достаточной степени ему симпатизировал или, как М. Л. Гаспаров, оппонировал с позиций «точного литературоведения», находили темы для полемики с мыслителем [Аверинцев, 1993; Гаспаров, 2004].

На этом фоне примечательны попытки вписать Бахтина в большие научные контексты, показать конгениальность выдвигаемых им идей общему вектору движения гуманитарной мысли. Так, в монографии Н. С. Автономовой «Открытая структура: Якобсон-Бахтин-Лотман-Гаспаров» Бахтин представлен одним из участников процесса радикального обновления философской и лингвистической парадигм современной науки наряду с другими выдающимися филологами, а в книге Н. К. Бонецкой «Русский экзистенци-

ализм» — одним из непосредственных создателей вместе с Н. А. Бердяевым и Л. И. Шестовым этого направления в отечественной мысли [Бонещая, 2020]. Иной подход продемонстрирован в монографии Л. А. Гоготишвили «Непрямое говорение», где сформулирована новая философия речевой коммуникации, в основе которой идеи полифонии, диалога и чужого слова Бахтина, размышления о языке и речи о. Павла Флоренского, А. Ф. Лосева, Г. Г. Шпета, М. Хайдеггера и др. [Гоготишвили, 2006]. Добавим, что свои разыскания Л. А. Гоготишвили продолжила в 2010-е годы, опубликовав ряд статей, посвященных бахтинскому пониманию слова, речи и речевых жанров [Гоготишвили, 2019]. Роль Бахтина в формировании гуманитарной эпистемологии была прослежена в книге В. Л. Махлина «Второе сознание», автор которой сопоставил взгляды ученого на диалог и широко понимаемую герменевтику с позиции Д. Вико, М. Хайдеггера, Г. Гадамера, Э. Ауэрбаха, Г. Шпета и С. Аверинцева [Махлин, 2009].

Масштабный опыт осмысления эстетики и поэтики Бахтина представлен в монографии Н. Д. Тамарченко, оказавшейся итоговой работой исследователя [Тамарченко, 2011]. Автор, в частности, анализирует соприкосновения Бахтина-мыслителя с русской религиозной философией Серебряного века, прежде всего с Вяч. И. Ивановым, В. В. Розановым, вклад Бахтина в отечественное литературоведение, его замысел социологической поэтики и др.

Одним из наиболее заметных событий российского бахтиноведения 2010-х годов стал выход монографии В. Л. Махлина «Большое время: Подступы к мышлению М. М. Бахтина», где детально проанализированы философские источники раннего Бахтина, выявлены особенности его внутренней полемики с немецким неокантианством и ключевые элементы философского дискурса [Махлин, 2015]. Несомненной заслугой книги стало обозначение перспектив научных поисков, сопряженных с полемикой Бахтина с формализмом и структурализмом [см.: Осовский, 2017].

Среди других работ отметим сборник «Хронотоп и окрестности» со статьями ведущих отечественных и зарубежных бахтиноведов [Хронотоп ..., 2011], материалы ряда конференций [М. М. Бахтин ..., 2016; Наследие ..., 2018; Проблема хронотопа ..., 2017].

В числе идей, вызывающих заметный интерес у исследователей, — интерпретация ученым художественного наследия от античности до Шекспира, русской и зарубежной классики XIX—XX веков, бахтинская концепция смехового слова и др. [Большакова, 2021; Гольденберг, 2012; Дубровская, 2018; Махлин, 1996; Шайтанов, 2011].

К сожалению, достаточно большое количество публикаций этого времени в реальности и имело весьма косвенное отношение к Бахтину и

бахтиноведческой проблематике, представляя собой то, что современное литературоведение негативно-критически определяет как «бахтинскую индустрию» [Осовский, 2019].

Еще одна приметная тенденция — стремление актуализировать прежние статьи посредством издания их отдельной книгой без учета новых материалов и изменившихся подходов [Бонецкая, 2016; Васильев, 2013], что достаточно неоднозначно воспринимается критикой [Коровашко, 2015; Осовский, 2018].

В числе интенсивно развивающихся сфер бахтиноведения — изучение терминологического аппарата ученого. Уже в «Бахтинском тезаурусе» Н. Д. Тмарченко, С. М. Бройтман, Д. М. Магомедова и др. предложили свое понимание части ключевых терминов, обозначили возможные подходы к бахтинскому понятийному словарю [Бахтинский тезаурус, 1997], продолжив эту работу в его втором выпуске [Бахтинский тезаурус ..., 2003]. Позиция авторов вызвала оживленный спор о формах интерпретации бахтинской терминологии [Бройтман, 2006; Зенкин, 2006].

Интересным опытом интеграции терминов и понятий Бахтина в терминологический дискурс современного литературоведения стала «Литературная энциклопедия терминов и понятий», в составе которой усилиями Н. Д. Тмарченко, В. Л. Махлина, И. Л. Поповой, Т. Г. Юрченко и др. был представлен ряд важнейших бахтинских терминов: от *большого времени*, *карнавала*, *полифонии* и *хронотопа* до *менипповой сатиры* и *памяти жанра* [Литературная энциклопедия ..., 2003].

Дальнейшее осмысление теоретических проблем и практических вопросов организации терминологического словаря Бахтина нашло отражение в статьях И. Л. Поповой, В. П. Киржаевой, С. А. Дубровской и др. [Дубровская, 2019; Зенкин, 2015; Киржаева и др., 2016; Попова, 2016].

Терминологическая составляющая планировавшейся «Бахтинской энциклопедии» была обозначена и в упомянутых выпусках «М. М. Бахтина в Саранске» [М. М. Бахтин ..., 2002; М. М. Бахтин ..., 2006]. Исследователи сочли возможным заметно усилить энциклопедическую сторону, и наряду с терминами и понятиями в соответствующий раздел были включены словарные статьи о лицах из бахтинского окружения, отдельных его публикациях и др. Этот же принцип «энциклопедической многомерности» был положен в основу проекта «Бахтинская энциклопедия», реализованного в Саранске в 2018—2020 годах. Его результатом стала серия «Бахтинская энциклопедия. Материалы», в приложениях к двум выпускам которой опубликован ряд статей, в том числе о М. М. и Н. М. Бахтиных, А. А. Смирнове, Г. В. Горбацком, Н. В. Яковлеве и др. [Михаил Михайлович Бахтин ..., 2019; Михаил Михайлович Бахтин ..., 2020].

Заметное внимание уделялось изучению рецепции работ и идей Бахтина на Западе, чему были посвящены публикации Н. М. Долгоруковой, В. Л. Махлина, О. Е. Осовского и др. [Долгорукова, 2018; Махлин, 1991; Махлин, 1996; Осовский, 2003]. Здесь следует отметить роль К. Эмерсон, ставшей с конца 1990-х годов своего рода посредником между русской и американской аудиториями, о чем свидетельствуют ее публикации в журнале «Вопросы литературы», посвященные, в частности, попытке объяснить противоречие между литературоведческими позициями Бахтина и М. Л. Гаспарова [Эмерсон, 2006]. В этом контексте важным видится издание на русском языке монографии исследовательницы, где фигура Бахтина представлена как неотъемлемая часть русской культурной традиции [Эмерсон, 2020].

6. Заключение

Завершая обзор, отметим, что история отечественной рецепции бахтинского наследия насчитывает более ста лет, начавшись еще в середине 1910-х — первой половине 1920-х годов. В 1996—2020 годах исследователями была проделана масштабная работа по комплексному осмыслению научного наследия М. М. Бахтина и решению ряда важнейших задач. Это прежде всего издание научного собрания сочинений мыслителя, публикация ряда монографий и статей, в которых были проанализированы его важнейшие открытия, их методологическая, теоретическая и практическая значимость для современной гуманитаристики. Все эти годы с разной степенью интенсивности продолжался диалог отечественных и зарубежных бахтиноведов, что не могло не способствовать лучшему пониманию вклада М. М. Бахтина в мировую науку и культуру.

Результатом этого понимания может стать совместная работа представителей бахтиноведческого сообщества в разных странах. Среди стоящих перед ними задач — необходимость возвращения к идее электронного издания собрания сочинений Бахтина с включением в него всех архивных материалов. Впервые эта мысль была высказана еще в середине 1990-х годов Д. Г. Шепардом, но практического воплощения этот проект так и не получил. Еще одна задача ближайшего будущего — реализация «Бахтинской энциклопедии» как международного интернет-проекта, результатом которого могло бы стать представление в доступной форме на разных языках основных сведений о жизни и научных идеях М. М. Бахтина, созданных им текстах, его ключевой терминологии, реконструкция историко-культурных и философских контекстов его творчества и др. Не менее важно и создание полномасштабной научной биографии мыслителя с привлечением самого широкого круга документов и материалов из архивов и частных коллекций. Именно такими представляются ближайшие задачи бахтиноведения,

основа решения которых была заложена в ходе интенсивной научной деятельности отечественных исследователей в прошедшие десятилетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С. С.* Бахтин и русское отношение к смеху / С. С. Аверинцев // От мифа к литературе. Сборник в честь 75-летия Е. А. Мелетинского. — Москва : Российский университет, 1993. — С. 341—345.
2. *Аверинцев С. С.* Личность и талант ученого / С. С. Аверинцев // Литературное обозрение. — 1976. — № 10. — С. 58—61.
3. *Аверинцев С. С.* Михаил Бахтин : ретроспектива и перспектива / С. С. Аверинцев // Дружба народов. — 1988. — № 3. — С. 256—259.
4. *Автономова Н. С.* Открытая структура : Якобсон—Бахтин—Лотман—Гаспаров / Н. С. Автономова. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2009. — 503 с. — ISBN 978-5-8243-1254-6.
5. *Алпатов В. М.* Волошинов, Бахтин и лингвистика / В. М. Алпатов. — Москва : Языки славянских культур, 2005. — 432 с. — ISBN 5-9551-0074-1.
6. *Баталова Т. П.* Выдающийся ученый или литературная «маска»? О судьбе научного наследия П. Н. Медведова / Т. П. Баталова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2020. — № 4. — С. 123—129. — DOI: 10.20339/PhS.4-20.123.
7. *Баталова Т. П.* П. Н. Медведов о методологических основах изучения творчества Ф. М. Достоевского / Т. П. Баталова, Г. В. Федянова // Язык и текст. — 2020. — Т. 7. — № 1. — С. 57—65. — DOI: 10.17759/langt.2020070105.
8. *Бахтин М. М.* Избранное в двух томах / М. М. Бахтин. — Москва, Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2017. — Т. 1. — 544 с.; Т. 2. — 512 с. — ISBN 978-5-98712-759-9.
9. *Бахтин М. М.* К философии поступка / М. М. Бахтин // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984—1985. — Москва : Наука, 1986. — С. 80—160.
10. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений в семи томах. Философская эстетика 1920-х годов / М. М. Бахтин. — Москва : Русские словари; Языки славянских культур, 2003. — Т. 1. — 957 с. — ISBN 5-98010-001-6.
11. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений в семи томах. Проблемы творчества Достоевского, 1929. Статьи о Толстом, 1929. Записи курса лекций по истории русской литературы, 1922—1927 / М. М. Бахтин. — Москва : Русские словари, 2000. — Т. 2. — 799 с. — ISBN 5-93259-013-0.
12. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений в семи томах. Теория романа (1930—1961) / М. М. Бахтин. — Москва : Языки славянских культур, 2012. — Т. 3. — 880 с. — ISBN 978-5-9551-0500-0.
13. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений в семи томах. Франсуа Рабле в истории реализма. Материалы к книге о Рабле. Комментарии и приложения / М. М. Бахтин. — Москва : Языки славянских культур, 2008. — Т. 4 (1). — 1120 с. — ISBN 978-5-9551-0266-5.
14. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений в семи томах. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура) / М. М. Бахтин. — Москва : Языки славянских культур, 2010. — Т. 4 (2). — 752 с. — ISBN 978-5-9551-0326-6.
15. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений в семи томах. Работы 1940-х — начала 1960-х годов / М. М. Бахтин. — Москва : Русские словари, 1996. — Т. 5. — 732 с. — ISBN 5-89216-011-4.

16. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений в семи томах. Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960—1970-х гг. / М. М. Бахтин. — Москва : Языки славянских культур, 2002. — Т. 6. — 800 с. — ISBN 5-98010-001-6.
17. *Бахтин М. М.* Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи / М. М. Бахтин. — Москва : Лабиринт, 2000a. — 625 с. — ISBN 5-87604-016-9.
18. *Бахтинология* : исследования. Переводы, публикации : к столетию рождения Михаила Михайловича Бахтина (1895—1995) / сост. и ред. К. Г. Исупов. — Санкт-Петербург : Алетей, 1995. — 370 с.
19. *Бахтинский сборник* / отв. ред. Д. Куюнджич, В. Л. Махлин. — Москва : Прометей, 1990. — Выпуск 1. — 130 с.
20. *Бахтинский сборник* / отв. ред. Д. Куюнджич, В. Л. Махлин. — Москва, 1992. — Выпуск 2. — 403 с.
21. *Бахтинский сборник* / отв. ред. В. Л. Махлин. — Москва : Лабиринт, 1997. — Выпуск 3. — 400 с.
22. *Бахтинский сборник* / под ред. В. Л. Махлина. — Саранск : Мордовский государственный педагогический институт, 2000. — Выпуск 4. — 153 с.
23. *Бахтинский сборник* / отв. ред. и сост. В. Л. Махлин. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — Выпуск 5. — 632 с. — ISBN 5-94457-184-5.
24. *Бахтинский тезаурус* // Дискурс : коммуникативные стратегии культуры и образования. — 2003. — Выпуск 2. — № 11. — 123 с.
25. *Бахтинский тезаурус*. Материалы и исследования : сборник статей / под ред. Н. Д. Тамарченко, С. Н. Бройтмана, А. Садецкого. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 1997. — 183 с.
26. *Беседы* В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным. — Москва : Прогресс, 1996. — 342 с.
27. *Большакова А. Ю.* «Современная пастораль» В. П. Астафьева : опыт интертекстуального прочтения / А. Ю. Большакова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2021. — № 69. — С. 226—244. — DOI: 10.17223/19986645/69/11.
28. *Бонецкая Н. К.* Бахтин глазами метафизика / Н. К. Бонецкая. — Москва, Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2016. — 560 с. — ISBN 978-5-98712-618-9.
29. *Бонецкая Н. К.* Русский экзистенциализм / Н. К. Бонецкая. — Санкт-Петербург : Алетей, 2021. — 670 с. — ISBN 978-5-00165-222-9.
30. *Бочаров С. Г.* Бахтин-филолог : книга о Достоевском / С. Г. Бочаров // Вопросы литературы. — 2006. — № 2. — С. 48—67.
31. *Бочаров С. Г.* «Лабиринт» под маской : Маска четвертая / С. Бочаров // Сегодня. — 1994. — 20 октября. — С. 10.
32. *Бочаров С. Г.* Моральная опечатка? : письмо в редакцию / С. Бочаров, В. Кожин, Л. Мелихова // Сегодня. — 1994. — 4 мая. — С. 10.
33. *Бочаров С. Г.* Об одном разговоре и вокруг него / С. Г. Бочаров // Новое литературное обозрение. — 1993. — № 2. — С. 70—89.
34. *Бройтман С. Н.* Испытание Бахтиным / С. Н. Бройтман // Новый филологический вестник. — 2006. — Выпуск 2. — С. 199—205.
35. *Васильев Н. Л.* К биографии М. М. Бахтина и его родных в ленинградский период их жизни / Н. Л. Васильев // Невельский сборник. — Санкт-Петербург : Акрополь, 2019. — Выпуск 25. — С. 36—52.

36. *Васильев Н. Л.* К научной биографии В. Н. Волошинова и текстологии книги «Марксизм философия языка» / Н. Л. Васильев // *Невельский сборник*. — Санкт-Петербург : Акрополь, 2006. — Выпуск 11. — С. 71—84.

37. *Васильев Н. Л.* «Круг Бахтина», или квадратура круга / Н. Л. Васильев // *Новое литературное обозрение*. — 2006. — № 2 (78). — С. 408—413.

38. *Васильев Н. Л.* Михаил Михайлович Бахтин и феномен «Круга Бахтина» : В поисках утраченного времени. Реконструкции и деконструкции. Квадратура круга / Н. Л. Васильев. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2013. — 408 с. — ISBN 978-5-397-03551-4.

39. *Васильев Н. Л.* М. М. Бахтин или В. Н. Волошинов? (К вопросу об авторстве книг и статей, приписываемых М. М. Бахтину) / Н. Л. Васильев // *Литературное обозрение*. — 1991. — № 9. — С. 38—43.

40. *Волошинов В. Н.* Философия и социология гуманитарных наук / В. Н. Волошинов. — Санкт-Петербург : Аста-Пресс ltd, 1995. — 380 с.

41. *Гаспаров М. Л.* История литературы как творчество и исследование : Случай Бахтина / М. Л. Гаспаров // *Русская литература XX—XXI вв. : Проблемы теории и методологии изучения*. — Москва : Издательство Московского университета, 2004. — С. 8—10.

42. *Гоготиишвили Л. А.* Библер, Бахтин и проблема автора / Л. А. Гоготиишвили // *Вопросы философии*. — 2008. — № 9. — С. 85—110.

43. *Гоготиишвили Л. А.* Варианты и инварианты М. М. Бахтина / Л. А. Гоготиишвили // *Вопросы философии*. — 1992. — № 1. — С. 115—133.

44. *Гоготиишвили Л. А.* Непрямое говорение / Л. А. Гоготиишвили. — Москва : Языки славянских культур, 2006. — 720 с. — ISBN 5-9551-0161-6.

45. *Гоготиишвили Л. А.* Соотношение между полифоническим романом М. Бахтина и музыкальной полифонией (замечания к проблеме) / Л. А. Гоготиишвили // *Вопросы философии*. — 2019. — № 3. — С. 143—156. — DOI: 10.31857/S004287440004418-4.

46. *Гольденберг А. Х.* Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя / А. Х. Гольденберг. — Москва : ФЛИНТА : Наука, 2012. — 232 с. — ISBN 978-5-9765-1328-0.

47. *Добренко Е.* Карнавал эпохи Москвошвее / Е. Добренко // *Новое литературное обозрение*. — 2006. — № 79. — С. 69—72.

48. *Долгорукова Н. М.* Бахтин во Франции / Н. М. Долгорукова // *Новое литературное обозрение*. — 2018. — № 2. — С. 100—107.

49. *Долгорукова Н. М.* Ресентимент одуроченных / Н. М. Долгорукова, В. Л. Махлин // *Вопросы литературы*. — 2013. — № 6. — С. 444—450.

50. *Дубровская С. А.* «Гоголь и Рабле» как сюжет отечественного литературоведения 1940—1980-х гг. / С. А. Дубровская // *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*. — 2014. — Т. 73. — № 6. — С. 62—71.

51. *Дубровская С. А.* М. М. Бахтин в литературной жизни Мордовии 1940-х — 1960-е гг. / С. А. Дубровская // *Вестник угрюведения*. — 2020. — Т. 10. — № 4. — С. 633—641. — DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-4-633-641.

52. *Дубровская С. А.* М. М. Бахтин в 1920-е гг. : на подступах к теории смехового слова / С. А. Дубровская // *Филология и культура. Philology and culture*. — 2019. — № 1 (55). — С. 157—162.

53. *Дубровская С. А.* О цитатах из Герцена в исследовании М. М. Бахтина о Рабле / С. А. Дубровская, О. Е. Осовский // *Русская литература*. — 2020. — № 3. — С. 252—255. — DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-252-255.

54. *Дубровская С. А.* От «Арзамаса» до Гоголя : смеховое слово в пространстве русской литературы 1810-х — начала 1840-х гг. / С. А. Дубровская. — Саранск : Издательство Мордовского университета, 2018. — 252 с. — ISBN 978-5-7103-3651-9.
55. *Дымшиц А. Л.* Монологи и диалоги / А. Л. Дымшиц // Литературная газета. — 1964. — № 82. — 11 июля.
56. *Захаров В. Н.* Проблема жанра в «школе» Бахтина (П. Н. Медведев, В. Н. Волюшинов, М. М. Бахтин) / В. Н. Захаров // Русская литература. — 2007. — № 3. — С. 19—30.
57. *Зенкин С.* Амбивалентность сакрального и словесная культура (Бахтин и Дюркгейм) / С. Зенкин // Новое литературное обозрение. — 2015. — № 2 (132). — С. 58—71.
58. *Зенкин С.* Некомпетентные разоблачители / С. Н. Зенкин // Новое литературное обозрение. — 2013. — № 119. — С. 358—366.
59. *Зенкин С. Н.* Обсудим разногласия / С. Н. Зенкин // Новый филологический вестник. — 2006. — № 1 (2). — С. 206—210.
60. *Иванов Вяч. Вс.* Значение идей М. М. Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики / Вяч. Вс. Иванов // Труды по знаковым системам. — 1973. — Выпуск VIII. — С. 5—44.
61. *Исупов К. Г.* Бахтин академический / К. Г. Исупов // Вопросы литературы. — 2013. — № 3. — С. 309—332.
62. *Исупов К. Г.* Бахтинский кризис гуманизма / К. Г. Исупов // Бахтинский сборник. — Москва : [б. и.], 1991. — Выпуск 2. — С. 127—155.
63. *Каган М. И.* О ходе истории / М. И. Каган. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 707 с. — ISBN 5-9551-0028-8.
64. *Каган Ю. М.* О старых бумагах из семейного архива : (М. М. Бахтин и М. И. Каган) / Ю. М. Каган // Диалог. Карнавал. Хронотоп. — 1992. — № 1. — С. 60—88.
65. *Кибальник С. А.* «Роман с ключом» в русской прозе 1920—1930-х годов («Женщина-мыслитель» Алексея Лосева и «Козлиная песнь» Константина Вагинова) / С. А. Кибальник // Вестник СПбГУ. Серия. 9. — 2014. — Выпуск 2. — С. 24—30.
66. *Киржаева В. П.* Книга М. М. Бахтина о Достоевском в литературоведческом пространстве США 1950—1970-х гг. / В. П. Киржаева, О. Е. Осовский // Филология и культура=Philology and Culture. — 2019. — № 1 (55). — С. 163—168.
67. *Киржаева В. П.* «... мне, так сказать, приписывают ...» : «спорные тексты» в бахтиноведении конца 1980-х — 1990-х / В. П. Киржаева, О. Е. Осовский // Филология : Научные исследования. — 2018. — № 3. — С. 156—168. — DOI: 10.7256/2454-0749.2018.3.27297.
68. *Киржаева В. П.* О двух терминах М. М. Бахтина в контексте истории отечественного литературоведения XX века / В. П. Киржаева, О. Е. Осовский // Филология и культура. Philology and Culture. — 2016. — № 1 (43). — С. 223—228.
69. *Клюева И. В.* Борис Владимирович Залесский (1887—1966) : неизвестные страницы биографии ученого / И. В. Клюева // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 308—325. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-308-325.
70. *Клюева И. В.* М. М. Бахтин — мыслитель, педагог, человек / И. В. Клюева, Л. М. Лисунова. — Саранск : [б. и.], 2010. — 468 с. — ISBN 978-5-7493-1479-3.
71. *Кожин В. В.* Михаил Михайлович Бахтин : Краткий очерк жизни и деятельности / В. Кожин, С. Конкин // Проблемы поэтики и истории литературы : сборник статей. — Саранск : Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, 1973. — С. 3—61.

72. *Кожин В. В.* «Так это было ...» / В. В. Кожин // Дон. — 1988. — № 10. — С. 156—159.
73. *Конкин С. С.* М. М. Михаил Бахтин : Страницы жизни и творчества / С. С. Конкин, Л. С. Конкина. — Саранск : Мордовское книжное издательство, 1993. — 400 с.
74. *Коровашко А. В.* Михаил Бахтин / А. В. Коровашко. — Москва : Молодая гвардия, 2017. — 452 с. — ISBN 978-5-235-04002-1.
75. *Коровашко А. В.* Н. Л. Васильев. Михаил Михайлович Бахтин и феномен «Круга Бахтина» : В поисках утраченного времени. Реконструкции и деконструкции. Квадратура круга / А. В. Коровашко // Вопросы литературы. — 2015. — № 1. — С. 394—397.
76. *Лаптун В. И.* М. М. Бахтин и А. А. Савицкий : годы совместной работы в Мордовском пединституте в 1945—1950 гг. / В. М. Лаптун // Центр и периферия. — 2020. — № 4. — С. 86—93.
77. *Лаптун В. И.* «Располагайте мною по-дружески ...» (о годах дружбы М. М. Бахтина с Г. С. Петровым) / В. М. Лаптун // Странник. — 2014. — № 2. — С. 187—193 ; № 3. — С. 180—185.
78. *Липовецкий М.* Как не «завершить» Бахтина? Переписка из двух электронных углов / М. Липовецкий, И. Сандомирская // Новое литературное обозрение. — 2006. — № 79. — С. 7—38.
79. *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / под ред. А. Н. Николюкина. — Москва : Интелвак, 2003. — 799 с. — ISBN 5-93264-026-X.
80. *М. М. Бахтин* в зеркале критики : сборник / отв. ред. и сост. Т. Г. Юрченко. — Москва : ИНИОН, 1995. — 191 с.
81. *М. М. Бахтин* в Саранске : документы, материалы, исследования. — Саранск : [б. и.], 2002. — Выпуск 1. — 240 с.
82. *М. М. Бахтин* в Саранске : документы, материалы, исследования. — Саранск : [б. и.], 2006. — Выпуск 2—3. — 252 с.
83. *М. М. Бахтин* в современном мире. — Саранск : Издательство Мордовского университета, 2016. — 404 с. ISBN 978-5-7103-3227-6.
84. *М. М. Бахтин* и философская культура XX века : Проблемы бахтинологии : сборник статей. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1991. — Выпуск 1. — Ч 1. — 128 с. ; Ч 2. — 154 с.
85. *М. М. Бахтин* как философ : сборник статей / Отв. ред. Л. А. Гоготишвили, П. С. Гуревич. — Москва : Наука, 1992. — 251 с. — ISBN 5-02-008110-8.
86. *М. М. Бахтин* : проблемы научного наследия : сборник статей / Отв. ред. С. С. Конкин. — Саранск : Издательство Мордовского университета, 1992. — 158 с. — ISBN 5-7103-0051-9.
87. *М. М. Бахтин* : pro et contra. Личность и творчество М. М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. — Санкт-Петербург : Издательство Русского христианского гуманитарного института, 2001. — Т. 1. — 552 с.
88. *М. М. Бахтин* : pro et contra. Творчество и наследие М. М. Бахтина в контексте мировой культуры. — Санкт-Петербург : Издательство Русского христианского гуманитарного института, 2002. — Т. 2. — 712 с.
89. *Маркович В.* О Бахтине «подлинном» и Бахтине «реальном» / В. Маркович // Новое литературное обозрение. — 2006. — № 3 (79). — С. 39—49.
90. *Махлин В. Л.* Бахтин и Запад (Опыт обзорной ориентации). Статья I / В. Л. Махлин // Вопросы философии. — 1993. — № 1. — С. 94—114.
91. *Махлин В. Л.* Бахтин и неокантианство (несколько подступов) / В. Л. Махлин // Неокантианство немецкое и русское / под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. —

Москва : Российская политическая энциклопедия, 2010. — С. 441—461. — ISBN 978-5-8243-1458-8.

92. *Махлин В.* Бахтин и современное литературоведение / В. Махлин // Вопросы литературы. — 1996. — № 3. — С. 65—67.

93. *Махлин В. Л.* Большое время : Подступы к мышлению М. М. Бахтина / В. Л. Махлин. — Siedlce : Uniwersytet przyrodniczo-humanistyczny w Siedlcach, 2015. — 174 с. — ISBN 978-83-64884-68-9.

94. *Махлин В. Л.* Второе сознание : Подступы к гуманитарной эпистемологии / В. Л. Махлин. — Москва : Знак, 2009. — 632 с. — ISBN 978-5-9551-0328-0.

95. *Махлин В. Л.* Лицом к лицу : программа М. М. Бахтина в архитектонике бытия-события XX века / В. Махлин // Вопросы литературы. — 1996. — № 3. — С. 82—88.

96. *Махлин В. Л.* Между мессианством и институцией : М. И. Каган в ГАХН / В. Л. Махлин // Логос. — 2010. — № 2 (75). — С. 186—202.

97. *Махлин В. Л.* Михаил Бахтин : философия поступка / В. Л. Махлин. — Москва : Знание, 1990. — 64 с. — ISBN 5-07-001365-3.

98. *Махлин В. Л.* Москва-Пекин-Бахтин / В. Л. Махлин // Бахтинский сборник. — 2000. — Выпуск 4. — С. 108—115.

99. *Махлин В. Л.* Рукописи горят без огня. Вместо предисловия / В. Л. Махлин // Михаил Михайлович Бахтин. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2010. — С. 5—22. — ISBN 978-5-8243-1371-0.

100. *Махлин В. Л.* «Участное мышление». Философский проект М. М. Бахтина в контексте онтологического поворота XX в. / В. Л. Махлин // Историко-философский ежегодник. — 2018. — Т. 33. — С. 267—292.

101. *Махлин В. Л.* Я и другой. К истории диалогического принципа в философии XX в. / В. Л. Махлин. — Москва : Лабиринт, 1997. — 253 с.

102. *Медведев П. Н.* Собрание сочинений : в 2 т. / П. Н. Медведев. — Санкт-Петербург : Росток, 2018. — 848 с. — ISBN 978-5-94668-232-9.

103. *Медведев Ю. П.* Круг М. М. Бахтина как «мыслительный коллектив» / Ю. П. Медведев, Д. А. Медведева // Звезда. — 2006. — № 7. — С. 194—206.

104. *Медведев Ю. П.* На пути к созданию социологической поэтики / Ю. П. Медведев // Диалог. Карнавал. Хронотоп. — 1998. — № 2. — С. 5—57.

105. *Медведев Ю. П.* «Нас было много на челне ...» / Ю. П. Медведев // Диалог. Карнавал. Хронотоп. — 1992. — № 1. — С. 89—108.

106. *Медведев Ю. П.* Труды и дни Круга М. М. Бахтина / Ю. П. Медведев, Д. А. Медведева // Звезда. — 2008. — № 7. — С. 192—210.

107. *Михаил Михайлович Бахтин* / под ред. В. Л. Махлина. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2010. — 440 с. — ISBN 978-5-8243-1371-0.

108. *Михаил Михайлович Бахтин : личность и наследие : монография* / О. Е. Осовский, В. П. Киржаева, С. А. Дубровская [и др.] ; отв. ред. С. А. Дубровская. — Саранск : Издательство Мордовского университета, 2020. — 232 с. — ISBN 978-5-7103-4017-2.

109. *Михаил Михайлович Бахтин : проблемы изучения биографии и научного наследия : монография* / О. Е. Осовский, В. Л. Махлин, В. И. Лаптун [и др.] ; отв. ред. С. А. Дубровская. — Саранск : Издательство Мордовского университета, 2019. — 176 с. — ISBN 978-5-7103-3839-1.

110. *Наследие М. М. Бахтина : культура — наука — образование — творчество* / ред.-сост., перевод Е. А. Семенова. — Москва : Институт художественного образования и культурологии РАО, 2018. — 515 с. — ISBN 978-5-905451-38-6.

111. *Невельский сборник. Статьи и воспоминания. К 100-летию М. М. Бахтина* / отв. ред. Л. М. Максимовская. — Санкт-Петербург : Акрополь, 1996. — Выпуск 1. — 160 с. — ISBN 5-86585-036-9.
112. *Николаев Н. И.* Издание наследия Бахтина как филологическая проблема (Две рецензии) / Н. И. Николаев // Диалог. Карнавал. Хронотоп. — 1998. — № 3. — С. 114—115.
113. *Николаев Н. И.* М. М. Бахтин в Невеле летом 1919 г. / Н. И. Николаев // Невельский сборник. — Санкт-Петербург : Акрополь, 1996. — Выпуск 1. — С. 96—101.
114. *Николаев Н. И.* Невельская школа философии (М. Бахтин, М. Каган, Л. Пумпянский в 1918—1925 гг.) : По материалам архива Л. Пумпянского / Н. И. Николаев // М. М. Бахтин и философская культура XX века : Проблемы бахтинологии : сборник статей. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1991. — Выпуск 1. — Ч. 2. — С. 31—43.
115. *Николаев Н. И.* Невельская школа философии и марксизм. Доклад Л. В. Пумпянского и выступление М. М. Бахтина / Н. И. Николаев // Михаил Михайлович Бахтин. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2010. — С. 363—382. — ISBN 978-5-8243-1371-0.
116. *Николаев Н. И.* Оporоченная жизнь философа / Н. И. Николаев // Литературный факт. — 2018. — № 7. — С. 385—391. — DOI: 10.22455/2541-8297-2018-7-385-391.
117. *Николаев Н. И.* Тептелкин и другие в романе Конст. Вагинова «Козлиная песнь» / Н. И. Николаев // Литературный факт. — 2017. — № 4. — С. 233—267. — DOI: 10.22455/2541-8297-2017-4-233-267.
118. *Ольхов П.* Старый новый Бахтин / П. Ольхов // Вопросы литературы. — 2013. — № 3. — С. 285—294.
119. *Осовский О. Е.* Бахтин в Шанхае : «Уроки китайского» для бахтинистики / О. Е. Осовский // Вопросы литературы. — 2019. — № 2. — С. 207—223. — DOI: 10.31425/0042-8795-2019-2-207-233.
120. *Осовский О. Е.* Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 6 т. / О. Е. Осовский // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 2015. — Т. 74. — № 2. — С. 61—67.
121. *Осовский О. Е.* Бахтин, Федин, Шкловский. Два малоизвестных эпизода из биографии Михаила Бахтина / О. Е. Осовский, С. А. Дубровская // Вопросы литературы. — 2021. — № 1. — С. 191—216. — DOI: 10.31425/0042-8795-2021-1-191-215.
122. *Осовский О. Е.* Большое время идей : мышление М. М. Бахтина сквозь призму современности / О. Е. Осовский // Русская литература. — 2017. — № 1. — С. 252—253.
123. *Осовский О. Е.* В зеркале «другого» : рецепция научного наследия М. М. Бахтина в англо-американском литературоведении 1960-х — середины 1990-х годов / О. Е. Осовский. — Саранск : [б. и.], 2003. — 147 с. — ISBN 5-7493-0525-2.
124. *Осовский О. Е.* Диалог в большом времени : литературоведческая концепция М. М. Бахтина / О. Е. Осовский. — Саранск : Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева, 1997. — 192 с. — ISBN 5-900279-60-X.
125. *Осовский О. Е.* Филолог или философ? Интеллектуальное «странничество» М. М. Бахтина : взгляд из 1990-х / О. Е. Осовский // Русская литература. — 2018. — № 1. — С. 250—251.
126. *Осовский О. Е.* The Bakhtin Circle. In the Master's Absence / О. Е. Осовский // Вопросы литературы. — 2005. — № 4. — С. 368—369.
127. *Паньков Н. А.* Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина / Н. А. Паньков. — Москва : Издательство Московского государственного университета, 2009. — 720 с. — ISBN 978-5-211-05706-7.

128. *Паньков Н. А.* Главы из книги о М. М. Бахтине / Н. А. Паньков // Диалог. Карнавал. Хронотоп. — 2018. — № 1. — С. 48—58.
129. *Паньков Н. А.* Керченские терракоты и проблема «античного реализма» : Книга М. М. Бахтина о Рабле и русская наука об античности конца XIX — первой половины XX в. / Н. А. Паньков // Новое литературное обозрение. — 2006. — № 3 (79). — С. 101—119.
130. *Паньков Н. А.* М. М. Бахтин и теория романа / Н. А. Паньков // Вопросы литературы. — 2007. — № 3. — С. 252—315.
131. *Паньков Н. А.* О памятном, о важном, о былом ... (устные воспоминания С. И. Каган и Ю. М. Каган) / Н. А. Паньков // Диалог. Карнавал. Хронотоп. — 1995. — № 2. — С. 165—181.
132. *Паньков Н. А.* Позвольте представить : «Диалог. Карнавал. Хронотоп» / Н. А. Паньков // Вопросы литературы. — 1995а. — № 1. — С. 376—377.
133. *Паньков Н. А.* Смысл и происхождение термина «готический реализм» / Н. А. Паньков // Вопросы литературы. — 2008. — № 1. — С. 227—248.
134. *Перлина Н.* Достоевский в собрании сочинений М. Бахтина : от «проблем творчества» до «проблем поэтики» / Н. Перлина // Вопросы литературы. — 2013. — № 4. — С. 294—309.
135. *Пешков И. В.* «Делу» — венец, или еще раз об авторстве М. Бахтина в «спорных текстах» / И. В. Пешков // Бахтин М. М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. — Москва : Лабиринт, 2000. — С. 602—635. — ISBN 5-87604-016-9.
136. *Пискунова С. И.* Воздушные пути. Историческая поэтика романа в трудах М. Бахтина / С. И. Пискунова // Вопросы литературы. — 2013. — № 3. — С. 332—355.
137. *Попова И. Л.* Книга М. М. Бахтина о Рабле в контексте идей школы Фосслера (к постановке проблемы) / И. Л. Попова // Новый филологический вестник. — 2005. — № 1. — С. 224—233.
138. *Попова И. Л.* Книга М. М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы / И. Л. Попова. — Москва : Институт мировой литературы РАН, 2009. — 464 с. — ISBN 978-5-9208-0343-6.
139. *Попова И. Л.* «Лексический карнавал» Франсуа Рабле : книга М. М. Бахтина и франко-немецкие методологические споры 1910—1920-х годов / И. Л. Попова // Новое литературное обозрение. — 2006. — № 3 (79). — С. 86—100.
140. *Попова И. Л.* Почти «юбилейное» : замечание к десятилетию выхода 5-го тома Собрания сочинений М. М. Бахтина / И. Л. Попова // Новое литературное обозрение. — 2006. — № 3 (79). — С. 50—55.
141. *Попова И. Л.* Проблема памяти и забвения : М. М. Бахтин о механизмах сохранения / стирания следов традиции в истории культуры / И. Л. Попова // Studia Litterarum. — 2016. — Т. 1—2. — С. 73—90. — DOI: 10.22455/2500-4247-2016-1-1-2-73-90.
142. *Попова И. Л.* «Рабле и Гоголь» как научный сюжет М. М. Бахтина / И. Л. Попова // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 2009а. — Т. 68. — № 6. — С. 12—18.
143. *Поспелов Г.* Преувеличения от увлечения / Г. Поспелов // Вопросы литературы. — 1965. — № 1. — С. 95—108.
144. *Проблема хронотопа в современных научных исследованиях : сборник докладов и статей / ред.-сост. сборника, перевод, подготовка стенограмм Е. А. Семенов.* — Москва : Институт художественного образования и культурологии РАО, 2017. — 500 с. — ISBN 978-5-905451-36-2.

145. *Проблемы научного наследия* М. М. Бахтина : межвузовский сборник научных трудов. — Саранск : Мордовский государственный университет, 1985. — 128 с.
146. *Пумпянский Л. В.* Классическая традиция : собрание трудов по истории русской литературы / Л. В. Пумпянский. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — 864 с. — ISBN 5-7859-0092-0.
147. *Ревзина О. Г.* [Информационная заметка] / О. Г. Ревзина // Вопросы языкознания. — 1971. — № 2. — С. 160—162.
148. *Собрание* инскриптов на изданиях из личной библиотеки М. М. Бахтина / авт.-сост. : И. В. Ключева, Н. Н. Земкова ; науч. ред. Н. И. Воронина. — Саранск : Издательство Мордовского университета, 2020. — 320 с.
149. *Тамарченко Н. Д.* М. Бахтин и П. Медведев : судьба «Введения в поэтику» / Н. Д. Тамарченко // Вопросы литературы. — 2008. — № 5. — С. 160—184.
150. *Тамарченко Н. Д.* «Эстетика словесного творчества» Бахтина и русская религиозная философия : пособие по спецкурсу / Н. Д. Тамарченко. — Москва : Издательство Российского государственного гуманитарного университета, 2001. — 199 с. — ISBN 5-7281-0380-4.
151. *Тамарченко Н. Д.* «Эстетика словесного творчества» М. М. Бахтина и русская философско-филологическая традиция / Н. Д. Тамарченко. — Москва : Издательство Кулагиной, 2011. — 400 с. — ISBN 978-5-903955-06-0.
152. *Ушакин С.* Вне находимости : Бахтин как чужое свое / С. Ушакин // Новое литературное обозрение. — 2006. — № 3 (79). — С. 73—85.
153. *Фридлендер Г. М.* Вопросы поэтики и теории романа в работах М. М. Бахтина / Г. М. Фридлендер, Б. С. Мейлах, В. М. Жирмунский // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. — 1971. — Т. XXX. — Выпуск 1. — С. 53—61.
154. *Фуксон Л.* Время диалога / Л. Фуксон // Новый мир. — 2012. — № 8. — С. 175—181.
155. *Хронопол и окрестности* : Юбилейный сборник в честь Николая Панькова / под ред. Б. В. Орехова. — Уфа : Вагант, 2011. — 388 с.
156. *Чжоу Цичао.* После и помимо понятий «полифония», «диалог», «карнавализация». Изучение Бахтина в современном Китае / Чжоу Цичао // Вопросы литературы. — 2015. — № 6. — С. 219—237.
157. *Шайтанов И. О.* История с пропущенными главами. Бахтин и Пинский в контексте советского шекспироведения / И. О. Шайтанов // Вопросы литературы. — 2011. — № 3. — С. 233—274.
158. *Эмерсон К.* Двадцать пять лет спустя : Гаспаров о Бахтине / К. Эмерсон // Вопросы литературы. — 2006. — № 2. — С. 12—47.
159. *Эмерсон К.* Очерки по русской литературной и музыкальной культуре / К. Эмерсон. — Санкт-Петербург : Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020. — 559 с. — ISBN 978-5-6043579-0-3.
160. *Эмерсон К.* Столетний Бахтин в англоязычном мире глазами переводчика / К. Эмерсон // Вопросы литературы. — 1996. — № 3. — С. 68—81.
161. *Юдина М. В.* Высокий стойкий дух. Переписка 1918—1945 гг. / М. В. Юдина. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2006. — 656 с. — ISBN 6-8243-0737-7.
162. *Юрченко Т. Г.* Интерпретация или понимание : О бахтинистике начала XXI века / Т. Г. Юрченко // Современная наука о литературе : Основные тенденции и проблемы : сборник научных трудов / отв. ред. Е. А. Цурганова. — Москва : Институт

научной информации по общественным наукам РАН, 2018. — С. 119—141. — ISBN 978-5-248-00866-7.

163. *Bronckart J.-P.* Bakhtine demasque. Histoire d'un menteur, d'une escroquerie et d'un delire collectif / Jean-Paul Bronckart, Bota Cristian. — Genève : Droz, 2011. — 629 p.

164. *Clark K.* Mikhail Bakhtin : [A biography] / K. Clark, M. Holquist. — Cambridge, Mass. ; London : Belknap press of Harvard univ. press, 1984. — XIV. — 398 p.

165. *Emerson C.* The First Hundred Years of Mikhail Bakhtin / C. Emerson. — Princeton : Princeton University Press, 1997. — 296 p. — ISBN 9780691050492.

166. *Thomson C.* Crisis in Calgary Some Impressions of «Dialogue and Culture» (The Eighth International Mikhail Bakhtin Conference, 2025 June, 1997, University of Calgary) / C. Thomson // Диалог. Карнавал. Хронотоп. — 1997. — № 4. — С. 166—173.

REFERENCES

- Alpatov, V. M. (2005). *Voloshinov, Bakhtin and linguistics*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 432 p. ISBN 5-9551-0074-1. (In Russ).
- Averintsev, S. S. (1976). Personality and talent of a scientist. *Literary review*, 10: 58—61. (In Russ).
- Averintsev, S. S. (1988). Mikhail Bakhtin: a retrospective and perspective. *Friendship of peoples*, 3: 256—259. (In Russ).
- Averintsev, S. S. (1993). Bakhtin and the Russian attitude to laughter. In: *From myth to literature. Collection in honor of the 75th anniversary of E. A. Meletinsky*. Moscow: Russian University. 341—345. (In Russ).
- Autonomova, N. S. (2009). *Open structure: Yakobson-Bakhtin-Lotman-Gasparov*. Moscow: Russian Political Encyclopedia. 503 p. ISBN 978-5-8243-1254-6. (In Russ).
- Batalova, T. P. (2020). An outstanding scientist or a literary “mask”? About the fate of the scientific heritage of P. N. Medvedev. *Philological Sciences. Scientific reports of the higher school*, 4: 123—129. DOI: 10.20339/PhS.4-20.123. (In Russ).
- Batalova, T. P., Fedyanova, G. V. (2020). P. N. Medvedev on the methodological foundations of studying the work of F. M. Dostoevsky. *Language and text*, 7 (1): 57—65. DOI: <https://doi.org/10.17759/langt.2020070105> 8. (In Russ).
- Bakhtin, M. M. (1986). To the philosophy of action. *Philosophy and sociology of Science and Technology. Yearbook 1984—1985*. Moscow: The science. 80—160. (In Russ).
- Bakhtin, M. M. (1996). *Collected works in seven volumes, 5. Works of the 1940s — early 1960s*. Moscow: Russian dictionaries. 732 p. ISBN 5-89216-011-4. (In Russ).
- Bakhtin, M. M. (2000). *Collected works in seven volumes, 2. Problems of Dostoevsky's creativity, 1929. Articles about Tolstoy, 1929. Notes of a course of lectures on the history of Russian literature, 1922—1927*. Moscow: Russian dictionaries. 799 p. ISBN 5-93259-013-0. (In Russ).
- Bakhtin, M. M. (2000a). *Freudism. A formal method in literary criticism. Marxism and the philosophy of language. Articles*. Moscow: Labyrinth. 625 p. ISBN 5-87604-016-9. (In Russ).
- Bakhtin, M. M. (2002). *Collected works in seven volumes, 6. Problems of Dostoevsky's Poetics, 1963. Works of the 1960s—1970s*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 800 p. ISBN 5-98010-001-6. (In Russ).
- Bakhtin, M. M. (2003). *Collected works in seven volumes, 1. Philosophical aesthetics of the 1920s*. Moscow: Russian dictionaries; Languages of Slavic cultures. 957 p. ISBN 5-98010-001-6. (In Russ).

- Bakhtin, M. M. (2008). *Collected works in seven volumes. Francois Rabelais in the history of realism. Materials for the book about Rabelais. Comments and appendices, 4 (1)*. Moscow: Languages of Slavic cultures. 1120 p. ISBN 978-5-9551-0266-5. (In Russ).
- Bakhtin, M. M. (2010). *Collected works in seven volumes. The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance. Rabelais and Gogol (The Art of words and folk laughter culture), 4 (2)*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 752 p. ISBN 978-5-9551-0326-6. (In Russ).
- Bakhtin, M. M. (2012). *Collected works in seven volumes, 3. The Theory of the novel (1930—1961)*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 880 p. ISBN 978-5-9551-0500-0. (In Russ).
- Bakhtin, M. M. (2017). *Selected works in two volumes, 1, 2*. Moscow, St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. 544 p.; 512 p. ISBN 978-5-98712-759-9. (In Russ).
- Bocharov, S. G. (1993). About one conversation and around it. *New literary Review*, 2: 70—89. (In Russ).
- Bocharov, S. G. (1994). “Labyrinth” under the mask: The fourth mask. *Today. October 20*: 10. (In Russ).
- Bocharov, S. G. (2006). Bakhtin-philologist: a book about Dostoevsky. *Questions of literature*, 2: 48—67. ISBN 0042-8795. (In Russ).
- Bocharov, S. G., Kozhinov, V., Melikhova, L. (1994). Moral typo?: letter to the editor. *Today. May 4*: 10. (In Russ).
- Bolshakova, A. Yu. (2021). “Modern pastoral” V. P. Astafiev: the experience of intertextual reading. *Bulletin of the Tomsk State University. Philology*, 69: 226—244. DOI: 10.17223/19986645/69/11. (In Russ).
- Bonetskaya, N. K. (2016). *Bakhtin through the eyes of metaphysics*. Moscow, St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. 560 p. ISBN 978-5-98712-618-9. (In Russ).
- Bonetskaya, N. K. (2021). *Russian Existentialism*. Saint Petersburg: Aleteya. 670 p. ISBN 978-5-00165-222-9. (In Russ).
- Broitman, S. N. (2006). Test by Bakhtin. *New Philological Bulletin*, 2: 199—205. (In Russ).
- Bronckart, J.-P., Cristian, B. (2011). *Bakhtine demasque. Histoire d'un menteur, d'une escroquerie et d'un delire collectif*. Genfve: Droz. 629 p. (In Franc).
- Clark, K., Holquist, M. (1984). *Mikhail Bakhtin: A biography, XIV*. Cambridge, Mass.; London: Belknap press of Harvard univ. press. 398 p.
- Collection of manuscripts on publications from the personal library of M. M. Bakhtin*. (2020). Saransk: Mordovian University Press. 320 p. (In Russ).
- Conversations of V. D. Duvakin with M. M. Bakhtin*. (1996). Moscow: Progress. 342 p. (In Russ).
- Dobrenko, E. (2006). Carnival of the Moskvoshvey era. *New literary Review*, 79: 69—72. (In Russ).
- Dolgorukova, N. M. (2018). Bakhtin in France. *New literary Review*, 2: 100—107. (In Russ).
- Dolgorukova, N. M., Makhlin, V. L. (2013). Resentment of the duped. *Questions of literature*, 6: 444—450. (In Russ).
- Dubrovskaya, S. A. (2014). “Gogol and Rabelais” as a plot of Russian literary criticism of the 1940s—1980s. *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language*, 73 (6): 62—71. (In Russ).
- Dubrovskaya, S. A. (2018). *From “Arzamas” to Gogol: a funny word in the space of Russian literature of the 1810s — early 1840s*. Saransk: Mordovian University Press. 252 p. ISBN 978-5-7103-3651-9. (In Russ).

- Dubrovskaya, S. A. (2019). M. M. Bakhtin in the 1920s: on the approaches to the theory of the laughing word. *Philology and culture. Philology and culture*, 1 (55): 157—162. (In Russ).
- Dubrovskaya, S. A. (2020). M. M. Bakhtin in the literary life of Mordovia of the 1940s—1960s. *Bulletin of Ugric Studies*, 10 (4): 633—641. DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-4-633-641. (In Russ).
- Dubrovskaya, A., Osovsky, O. E. (2020). About quotations from Herzen in M. M. Bakhtin's study of Rabelais. *Russian literature*, 3: 252—255. DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-252-255. (In Russ).
- Dymshits, A. L. (1964). Monologues and dialogues. *Literary newspaper*, 82. July 11. (In Russ).
- Emerson, C. (1997). *The First Hundred Years of Mikhail Bakhtin*. Princeton: Princeton University Press. 296 p. ISBN 9780691050492.
- Friedlander, G. M., Meilakh, B. S., Zhirmunsky, V. M. (1971). Questions of poetics and theory of the novel in the works of M. M. Bakhtin. *Proceedings of the USSR Academy of Sciences. A series of literature and language*, XXX (1): 53—61. (In Russ).
- Fuchson, L. (2012). The time of dialogue. *Novy mir*, 8: 175—181. (In Russ).
- Gasparov, M. L. (2004). The history of literature as creativity and research: The case of Bakhtin. In: *Russian literature of the XX—XXI centuries: Problems of theory and methodology of study*. Moscow: Moscow University Press. 8—10. (In Russ).
- Gogotishvili, L. A. (1992). Variants and invariants of M. M. Bakhtin. *Questions of philosophy*, 1: 115—133. (In Russ).
- Gogotishvili, L. A. (2006). *Indirect speaking*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 720 p. ISBN 5-9551-0161-6. (In Russ).
- Gogotishvili, L. A. (2008). Bybler, Bakhtin and the author's problem. *Questions of philosophy*, 9: 85—110. (In Russ).
- Gogotishvili, L. A. (2019). The relationship between M. Bakhtin's polyphonic novel and musical polyphony (remarks on the problem). *Questions of philosophy*, 3: 143—156. DOI: 10.31857/S004287440004418-4. (In Russ).
- Goldenberg, A. H. (2012). *Archetypes in the poetics of N. V. Gogol*. Moscow: FLINT: The science. 232 p. ISBN 978-5-9765-1328-0. (In Russ).
- Isupov, K. G. (1991). Bakhtinsky crisis of humanism. *Bakhtinsky collection*, 2. Moscow: [B. I.]. 127—155. (In Russ).
- Isupov, K. G. (ed.). (1995). *Bakhtinology: research. Translations, publications: to the centenary of the birth of Mikhail Mikhailovich Bakhtin (1895—1995)*. St. Petersburg: Aleteya. 370 p. (In Russ).
- Isupov, K. G. (2013). Bakhtin academic. *Questions of literature*, 3: 309—332. (In Russ).
- Ivanov, V. Vs. (1973). The meaning of M. M. Bakhtin's ideas about the sign, utterance and dialogue for modern semiotics. In: *Works on sign systems, VIII*: 5—44. (In Russ).
- Kagan, M. I. (2004). *On the course of history*. Moscow: Languages of Slavic culture. 707 p. ISBN 5-9551-0028-8. (In Russ).
- Kagan, Yu. M. (1992). About old papers from the family archive: (M. M. Bakhtin and M. I. Kagan). *Dialog. Carnival. Chronotop*, 1: 60—88. (In Russ).
- Kibalnik, S. A. (2014). “A novel with a key” in Russian prose of the 1920s—1930s (“A Woman thinker” by Alexey Losev and “A Goat Song” by Konstantin Vaginov). *Vestnik of St. Petersburg State University. Series*. 9(2): 24—30. (In Russ).
- Kirzhaeva, V. P., Osovsky, O. E. (2016). On two terms of M. M. Bakhtin in the context of the history of Russian literary criticism of the twentieth century. *Philology and Culture. Philology and Culture*, 1 (43): 223—228. (In Russ).

- Kirzhaeva, V. P., Osovsky, O. E. (2018). "... they are attributed to me, so to speak ...": "controversial texts" in Bakhtin studies of the late 1980—1990s. *Philology: Scientific Research*, 3: 156—168. DOI: 10.7256/2454-0749.2018.3.27297. (In Russ).
- Kirzhaeva, V. P., Osovsky, O. E. (2019). M. M. Bakhtin's book about Dostoevsky in the literary space of the USA of the 1950s—1970s. *Philology and Culture=Philology and Culture*, 1 (55): 163—168. (In Russ).
- Klyuev, V. I., Lisunova, L. M. (2010). *M. M. Bakhtin — thinker, pedagogue, people*. Saransk: [b. i.]. 468 p. ISBN 978-5-7493-1479-3. (In Russ).
- Klyueva, I. V. (2021). Boris Vladimirovich Zalessky (1887—1966): Unknown Pages of the Biography of the Scientist. *Nauchnyi dialog*, 2: 308—325. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-308-325. (In Russ.).
- Kozhinov, V. V., Konkin, S. (1973). Mikhail Mikhailovich Bakhtin: A brief sketch of life and activity. In: *Problems of poetics and the history of literature: a collection of articles*. Saransk: Mordovian state University. N. P. Ogarev. 3—61. (In Russ).
- Kozhin Vladimir "So it was ...". (1988). *Don*, 10: 156—159. (In Russ).
- Konkin, S. S., Konkina, H. P. (1993). *M. M. Mikhail Bakhtin: Pages of life and work*. Saransk: Mordovian Book Publishing House. 400 p. (In Russ).
- Korovashko, A. V. (2015). N. L. Vasiliev. Mikhail Mikhailovich Bakhtin and the phenomenon of the "Bakhtin Circle": In search of lost Time. Reconstructions and deconstructions. *Quadrature of a circle. Questions of literature*, 1: 394—397. (In Russ).
- Korovashko, A. V. (2017). *Mikhail Bakhtin*. Moscow: Molodaya Gvardiya. 452 p. ISBN 978-5-235-04002-1. (In Russ).
- Kuyundzhich, D., Makhlin, V. L. (eds.). (1990). *The Bakhtin collection*, 1. Moscow: Prometheus. 130 p. (In Russ).
- Kuyundzhich, D., Makhlin, V. L. (eds.). (1992). *The Bakhtin collection*, 2. Moscow. 403 p. (In Russ).
- Lupton, V. I. (2014). "Command me, as a friend ..." (of the years of friendship of M. M. Bakhtin with G. S. Petrov). *The wanderer*, 2 (3): 187—193; 180—185. (In Russ).
- Laptun, V. I. (2020). M. M. Bakhtin and A. A. Savitsky: the years of joint work in the Mordovian Pedagogical Institute in 1945—1950. *Center and periphery*, 4: 86—93. (In Russ).
- Lipovetsky, M., Sandomirskaya, I. (2006). How not to "complete" Bakhtin? Correspondence from two electronic corners. *New literary review*, 79: 7—38. (In Russ).
- Makhlin, V. L. (1990). *Mikhail Bakhtin: philosophy of action*. Moscow: Znanie. 64 p. ISBN 5-07-001365-3. (In Russ).
- Makhlin, V. L. (1993). Bakhtin and the West (The experience of survey orientation). Article I. *Questions of philosophy*, 1: 94—114. (In Russ).
- Makhlin, V. (1996). Bakhtin and modern literary studies. *Questions of literature*, 3: 65—67. (In Russ).
- Makhlin, V. L. (1996). Face to face: M. M. Bakhtin's program in the architectonics of being-events of the XX century. *Questions of literature*, 3: 82—88. (In Russ).
- Makhlin, V. L. (1997). *I and another: On the history of the dialogic principle in the philosophy of the twentieth century*. Moscow: Labyrinth. 253 p. (In Russ).
- Makhlin, V. L. (2000). Moscow-Beijing-Bakhtin. In: *Bakhtin collection*, 4: 108—115. (In Russ).
- Makhlin, V. L. (2009). *The second consciousness: Approaches to humanitarian epistemology*. Moscow: Znack. 632 p. ISBN 978-5-9551-0328-0. (In Russ).

- Makhlin, V. L. (2010). Bakhtin and neo-Kantianism (several approaches). In: *Neo-Kantianism, German and Russian*. Moscow: Russian Political Encyclopedia. 441—461. ISBN 978-5-8243-1458-8. (In Russ).
- Makhlin, V. L. (2010). Between messianism and institution: M. I. Kagan in gakhn. *Logo*, 2 (75): 186—202. (In Russ).
- Makhlin, V. L. (2010). Manuscripts burn without fire. Instead of a preface. In: *Mikhail Mikhailovich Bakhtin*. Moscow: Russian Political Encyclopedia. 5—22. ISBN 978-5-8243-1371-0. (In Russ).
- Makhlin, V. L. (2015). *Big time: Approaches to the thinking of M. M. Bakhtin*. Siedlce: Uniwersytet przyrodniczo-humanistyczny w Siedlcach. 174 p. ISBN 978-83-64884-68-9. (In Russ).
- Makhlin, V. L. (2018). “Participative thinking”. M. M. Bakhtin’s philosophical project in the context of the ontological turn of the twentieth century. In: *Historical and philosophical yearbook*, 33: 267—292. (In Russ).
- Makhlina, V. L. (ed.). (1997). *The Bakhtin Collection*, 3. Moscow: Labyrinth. 400 p. (In Russ).
- Makhlin, V. L. (ed.). (2000). *The Bakhtin Collection*, 4. Saransk: Mordovian State Pedagogical Institute. 153 p. (In Russ).
- Makhlin, V. L. (ed.). (2004). *The Bakhtin collection*, 5. Moscow: Languages of Slavic culture. 632 p. ISBN 5-94457-184-5. (In Russ).
- Makhlin, V. L. (ed.). (2010). *Mikhail Mikhailovich Bakhtin*. Moscow: Russian Political Encyclopedia. 440 p. ISBN 978-5-8243-1371-0. (In Russ).
- Maksimovskaya, L. M. (ed.) (1996). *Nevelsky collection. To the 100th anniversary of M. M. Bakhtin*, 1. St. Petersburg: Akropolis. 160 p. ISBN 5-86585-036-9. (In Russ).
- Markovich, V. (2006). About Bakhtin “authentic” and Bakhtin “real? *New literary Review*, 3 (79): 39—49. (In Russ).
- Medvedev, Yu. P. (1992). “There were a lot of us on the shuttle ...”. *Dialog. Carnival. Chronotop*, 1: 89—108. (In Russ).
- Medvedev, Yu. P. (1998). On the way to the creation of sociological poetics *Dialog. Carnival. Chronotop*, 2: 5—57. (In Russ).
- Medvedev, P. N. (2018). *Collected works: in 2 volumes*. Saint Petersburg: Rostok. 848 p. ISBN 978-5-94668-232-9. (In Russ).
- Medvedev, Yu. P., Medvedeva, D. A. (2006). The circle of M. M. Bakhtin as a “thinking collective”. *Zvezda*, 7. 194—206. (In Russ).
- Medvedev, Yu. P., Medvedeva, D. A. (2008). Works and days of the Circle of M. M. Bakhtin. *Zvezda*, 7: 192—210. (In Russ).
- M. M. Bakhtin and the philosophical culture of the XX century: Problems of Bakhtinology: a collection of articles*. (1991). St. Petersburg: [b. i.]. 128 p.; 154 p. (In Russ).
- M. M. Bakhtin as a philosopher: a collection of articles*. (1992). Moscow: Nauka. 251 p. ISBN 5-02-008110-8. (In Russ).
- M. M. Bakhtin: problems of scientific heritage: a collection of articles*. (1992). Saransk: Mordovian University Press. 158 p. ISBN 5-7103-0051-9. (In Russ).
- M. M. Bakhtin in the mirror of criticism: a collection*. (1995). Moscow: INION. 191 p. (In Russ).
- M. M. Bakhtin: pro et contra. The personality and creativity of M. M. Bakhtin in the assessment of Russian and world humanitarian thought*, 1. (2001). St. Petersburg: Publishing house of the Russian Christian Humanitarian Institute. 552 p. (In Russ).

- M. M. Bakhtin: *pro et sontra. Creativity and heritage of M. M. Bakhtin in the context of world culture*, 2. (2002). St. Petersburg: Publishing house of the Russian Christian Humanitarian Institute. 712 p. (In Russ).
- M. M. Bakhtin in Saransk: *documents, materials, research*, 1. (2002). Saransk: [b. i.]. 240 p. (In Russ).
- M. M. Bakhtin in Saransk: *documents, materials. Researches*, 2—3. (2006). Saransk: [b. i.]. 252 p. (In Russ).
- M. M. Bakhtin in the modern world. (2016). Saransk: Mordovian University Press. 404 p. ISBN 978-5-7103-3227-6. (In Russ).
- Nikolaev, N. I. (1991). Nevelskaya school of philosophy (M. Bakhtin, M. Kagan, L. Pumpyansky in 1918—1925): Based on the materials of the archive of L. Pumpyansky. In: *M. M. Bakhtin and philosophical culture of the XX century: Problems of Bakhtinology: a collection of articles*, 1 (2). St. Petersburg: [b. i.]. 31—43. (In Russ).
- Nikolaev, N. I. (1996). M. M. Bakhtin in Nevel in the summer of 1919. In: *Nevelsky collection*, 1. St. Petersburg: Akropolis. 96—101. (In Russ).
- Nikolaev, N. I. (1998). Publication of Bakhtin's heritage as a philological problem (Two reviews). *Dialog. Carnival. Chronotop*, 3: 114—115. (In Russ).
- Nikolaev, N. I. (2010). Nevelskaya school of Philosophy and Marxism. The report of L. V. Pumpyansky and the speech of M. M. Bakhtin. In: *Mikhail Mikhailovich Bakhtin. Moscow: Russian Political Encyclopedia*. 363—382. ISBN 978-5-8243-1371-0. (In Russ).
- Nikolaev, N. I. (2017). Teptyolkina and others in the novel Const. Vaginova "Goat Song". *Literary fact*, 4: 233—267. DOI: 10.22455/2541-8297-2017-4-233-267. (In Russ).
- Nikolaev, N. I. (2018). The discredited life of a philosopher. *Literary fact*, 7: 385—391. DOI: 10.22455/2541-8297-2018-7-385-391. (In Russ).
- Nikolyukin, A. N. (ed.). (2003). *Literary encyclopedia of terms and concepts*. Moscow: Intellivak. 799 p. ISBN 5-93264-026-X. (In Russ).
- Olkhov, P. (2013). Stary novy Bakhtin. *Questions of literature*, 3: 285—294. (In Russ).
- Osovsky, O. E. (1997). *Dialogue in the big time: the literary concept of M. M. Bakhtin*. Saransk: Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseyev. 192 p. ISBN 5-900279-60-X. (In Russ).
- Osovsky, O. E. (2003). In the mirror of the "other": the reception of the scientific heritage of M. M. Bakhtin in the Anglo-American literary criticism of the 1960s — mid. 1990s. Saransk: [b. i.]. 147 p. ISBN 5-7493-0525-2. (In Russ).
- Osovsky, O. E. (2005). The Bakhtin Circle. In the Master's Absence. *Questions of literature*, 4: 368—369. — ISBN 0-7190-6409-0. (In Russ).
- Osovsky, O. E. (2015). Bakhtin M. M. Collected works: in 6 vols. Russian dictionaries; Languages of Slavic cultures, 1996—2012. *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language*, 74 (2): 61—67. (In Russ).
- Osovsky, O. E. (2017). Big time of ideas: M. M. Bakhtin's thinking through the prism of modernity. *Russian literature*, 1: 252—253. (In Russ).
- Osovsky, O. E. (2018). Is a philologist or a philosopher? Intellectual "wanderlust" by M. M. Bakhtin: a view from the 1990s. *Russian literature*, 1: 250—251. (In Russ).
- Osovsky, O. E. (2019). Bakhtin in Shanghai: "Chinese lessons" for Bakhtin studies. *Questions of literature*, 2: 207—223. DOI: 10.31425/0042-8795-2019-2-207-233. (In Russ).

- Osovsky, O. E., Dubrovskaya, S. A. (2021). Bakhtin, Fedin, Shklovsky. Two little-known episodes from the biography of Mikhail Bakhtin. *Questions of literature*, 1: 191—216. DOI: 10.31425/0042-8795-2021-1-191-215. (In Russ).
- Osovsky, O. E., Kirzhaeva, V. P., Dubrovskaya, S. A., et al. (2020). *Mikhail Mikhailovich Bakhtin: personality and heritage: a monograph*. Saransk: Mordovian University Press. 232 p. ISBN 978-5-7103-4017-2. (In Russ).
- Osovsky, O. E., Makhlin, V. L., Laptun, V. I., et al. (2019). *Mikhail Mikhailovich Bakhtin: problems of studying biography and scientific heritage: monograph*. Saransk: Mordovian University Press. 176 p. ISBN 978-5-7103-3839-1. (In Russ).
- Pankov, N. A. (1995). About the memorable, about the important, about the past ... (oral memoirs of S. I. Kagan and Yu. M. Kagan). *Dialog. Carnival. Chronotop*, 2: 165—181. (In Russ).
- Pankov, N. A. (1995a). Let me introduce: “Dialogue. Carnival. Chronotop”. *Questions of literature*, 1: 376—377. (In Russ).
- Pankov, N. A. (2006). Kerch terracotta and the problem of “ancient realism”: M. M. Bakhtin’s book about Rabelais and the Russian science of antiquity of the late XIX — first half of the XX century. *New literary Review*, 3 (79): 101—119. (In Russ).
- Pankov, N. A. (2007). M. M. Bakhtin and the theory of the novel. *Questions of literature*, 3: 252—315. (In Russ).
- Pankov, N. A. (2008). The meaning and origin of the term “Gothic realism”. *Questions of literature*, 1: 227—248. (In Russ).
- Pankov, N. A. (2009). *Questions of biography and scientific creativity of M. M. Bakhtin*. Moscow: Moscow State University Press. 720 p. ISBN 978-5-211-05706-7. (In Russ).
- Pankov, N. A. (2018). Chapters from the book about M. M. Bakhtin. *Dialog. Carnival. Chronotop*, 1: 48—58. (In Russ).
- Perlina, N. (2013). Dostoevsky in the collected works of M. Bakhtin: from “problems of creativity” to “problems of poetics”. *Questions of Literature*, 4: 294—309. (In Russ).
- Peshkov, I. V. (2000). “To the case” — the crown, or once again about the authorship of M. Bakhtin in “disputed texts”. In: Bakhtin, M. M. *Freudism. A formal method in literary criticism. Marxism and the philosophy of language*. Articles. Moscow: Labyrinth. 602—635. ISBN 5-87604-016-9. (In Russ).
- Piskunova, S. I. (2013). Air routes. Historical poetics of the novel in the works of M. Bakhtin. *Questions of literature*, 3: 332—355. (In Russ).
- Popova, I. L. (2005). M. M. Bakhtin’s book about Rabelais in the context of the ideas of the Fossler school (towards the formulation of the problem). *New Philological Bulletin*, 1: 224—233. (In Russ).
- Popova, I. L. (2006). Almost “jubilee”: a note on the tenth anniversary of the publication of the 5th volume of the Collected Works of M. M. Bakhtin. *New Literary Review*, 3 (79): 50—55. (In Russ).
- Popova, I. L. (2006). “Lexical carnival” by Francois Rabelais: the book of M. M. Bakhtin and the Franco-German methodological disputes of the 1910s — 1920s. *New literary Review*, 3 (79): 86—100. (In Russ).
- Popova, I. L. (2009). *M. M. Bakhtin’s book about Francois Rabelais and its significance for the theory of literature*. Moscow: Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. 464 p. ISBN 978-5-9208-0343-6. (In Russ).

- Popova, I. L. (2009a). “Rabelais and Gogol” as a scientific plot of M. M. Bakhtin. *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language*, 68 (6): 12—18. (In Russ).
- Popova, I. L. (2016). The problem of memory and oblivion: M. M. Bakhtin on the mechanisms of preserving / erasing traces of tradition in the history of culture. *Studia Litterarum*, 1—2. 73—90. DOI: 10.22455/ 2500-4247-2016-1-1-2-73-90. (In Russ).
- Pospelov, G. (1965). Exaggerations from passion. *Questions of literature*, 1: 95—108. (In Russ).
- Problems of the scientific heritage of M. M. Bakhtin: interuniversity collection of scientific works*. (1985). Saransk: Mordovian State University. 128 p. (In Russ).
- Pumpyansky, L. V. (2000). *The classical tradition: a collection of works on the history of Russian literature*. Moscow: Languages of Russian Culture. 864 p. ISBN 5-7859-0092-0. (In Russ).
- Revzina, O. G. (1971). Informational note. *Questions of linguistics*, 2: 160—162. (In Russ).
- Semenov, E. A. (ed.) (2017). *The chronotope problem in modern scientific research: a collection of reports and articles*. Moscow: Institute of Art Education and Cultural Studies of the RAO. 500 p. ISBN 978-5-905451-36-2. (In Russ).
- Semenov, E. A. (2018). *The heritage of M. M. Bakhtin: culture-science-education — creativity*. Moscow: Institute of Art Education and Cultural Studies of the RAO. 515 p. ISBN 978-5-905451-38-6. (In Russ).
- Tamarchenko, N. D. (2001). “*Aesthetics of verbal creativity*” by Bakhtin and Russian religious philosophy: a guide to a special course. Moscow: Publishing House of the Russian State University for the Humanities. 199 p. ISBN 5-7281-0380-4. (In Russ).
- Tamarchenko, N. D. (2008). M. Bakhtin and P. Medvedev: the fate of “Introduction to Poetics”. *Questions of literature*, 5: 160—184. (In Russ).
- Tamarchenko, N. D. (2011). “*Aesthetics of verbal creativity*” by M. M. Bakhtin and the Russian philosophical and philological tradition. Moscow: Kulagina Publishing House. 400 p. ISBN 978-5-903955-06-0. (In Russ).
- Tamarchenko, N. D., Broitman, S. N., Sadetsky, A. (eds.). (1997). *The Bakhtin thesaurus. Materials and research: a collection of articles*. Moscow: Russian State University for the Humanities. 183 p. (In Russ).
- The Bakhtin Thesaurus. (2003). *Discourse: communicative strategies of culture and education*, 2 (11). 123 p. (In Russ).
- Thomson, C. (1997). Crisis in Calgary Some Impressions of «Dialogue and Culture» (The Eighth International Mikhail Bakhtin Conference, 2025 June, 1997, University of Calgary). *Dialogue. Carnival. Chronotope*, 4: 166—173. (In Russ.).
- Ushakin, S. (2006). Beyond finding: Bakhtin as someone else’s own. *New Literary Review*, 3 (79): 73—85. (In Russ).
- Vasiliev, N. L. (1991). M. M. Bakhtin or V. N. Voloshinov? (On the question of the authorship of books and articles attributed to M. M. Bakhtin). *Literary Review*, 9: 38—43. (In Russ).
- Vasiliev, N. L. (2006). “Bakhtin’s Circle”, or the quadrature of the circle. *New literary Review*, 2 (78): 408—413. (In Russ).
- Vasiliev, N. L. (2006). On the scientific biography of V. N. Voloshinov and the textology of the book “Marxism philosophy of language”. *Nevelsky collection*, 11. St. Petersburg: Akropolis. 71—84. (In Russ).

- Vasiliev, N. L. (2013). *Mikhail Mikhailovich Bakhtin and the phenomenon of the "Bakhtin Circle": In search of lost time. Reconstructions and deconstructions. Quadrature of a circle*. Moscow: LIBROCOM. 408 p. ISBN 978-5-397-03551-4. (In Russ).
- Vasiliev, N. L. (2019). On the biography of M. M. Bakhtin and his relatives in the Leningrad period of their life. In: *Nevelsky collection*, 25. St. Petersburg: Acropolis. 36—52. (In Russ).
- Voloshinov, V. N. (1995). *Philosophy and sociology of the humanities*. St. Petersburg: Asta-Press ltd. 380 p. (In Russ).
- Zenkin, S. N. (2006). Let's discuss differences. *New Philological Bulletin*, 1 (2): 206—210. (In Russ).
- Zakharov, V. N. (2007). The problem of genre in the "school" of Bakhtin (P. N. Medvedev, V. N. Voloshinov, M. M. Bakhtin). *Russian literature*, 3: 19—30. (In Russ).
- Zenkin, S. (2013). Incompetent expositors. *New Literary Review*, 119: 358—366. (In Russ).
- Zenkin, S. (2015). Ambivalence of the sacred and verbal culture (Bakhtin and Durkheim). *New Literary Review*, 2 (132): 58—71. (In Russ).

Сатанар М. Т. Семантика мифологического образа Юрюнг Айыы Тойона в его первооснове (на материалах архаических текстов олонхо) / М. Т. Сатанар // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 266—285. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-266-285.

Satanar, M. T. (2021). Semantics of Mythological Image of Yuryung Aiyy Toyon in Its Fundamental Principle (Archaic Texts of Olonkho). *Nauchnyi dialog*, 7: 266-285. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-266-285. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-266-285

**Семантика
мифологического образа
Юрюнг Айыы Тойона
в его первооснове
(на материалах архаических
текстов олонхо)**

Сатанар Марианна Тимофеевна
orcid.org/0000-0002-3546-7343
научный сотрудник
сектора «Олонхование»
satanar68@mail.ru

Северо-Восточный федеральный
университет им. М. К. Аммосова
(Якутск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено в рамках
научно-исследовательского
проекта СВФУ
«Эпический памятник нематериальной
культуры якутов: текстологический,
типологический, когнитивный
и историко-сравнительный аспекты»

**Semantics of Mythological
Image of Yuryung Aiyy Toyon
in Its Fundamental Principle
(Archaic Texts of Olonkho)**

Marianna T. Satanar
orcid.org/0000-0002-3546-7343
Researcher
of the Olonkho sector
satanar68@mail.ru

M. K. Ammosov North-Eastern
Federal University
(Yakutsk, Russia)

Acknowledgments:

The research was carried out within
the framework of the NEFU research
project
“Epic monument of the intangible culture
of the Yakuts: textual, typological,
cognitive,
historical and comparative aspects”

© Сатанар М. Т., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Поднимается вопрос о соотношении мифологических представлений с научными сведениями и соответствующим объектом реальности. Отмечается, что познавательный потенциал мифов продолжает оставаться недоступным для восприятия современного человека в силу его метафорического языка. Новизна исследования видится в попытке верификации семантики мифологического образа Юрюнг Айы Тойона в естественно-научном дискурсе. Привлекаются общенаучный синергетический подход, лексико-семантический, сравнительно-сопоставительный, структурно-семантический виды анализа, метод взаимной интерпретации; применены специальные приемы деперсонификации, деметафоризации, дегиперболизации мифологического образа (В. Н. Топоров, А. С. Майданов). Особое внимание уделяется вычленению первоначального значения лексемы *урун* — компонента, генерирующего семантическое пространство имени Юрюнг Айы Тойон. В результате сопоставительного анализа сущностное содержание мифологического образа единого первоначала и верховного создателя Юрюнг Айы Тойона раскрывается в новом свете, в качестве базисного понятия существования мироздания с точки зрения современной науки — света, распространение которого является ключевым фактором в определении фундаментальных категорий течения времени и протяженности пространства.

Ключевые слова:

эпос олонхо; мифологический образ *Юрюнг Айы Тойона*; первоначальное значение; метафорический язык; мотив; свет; эпитет «прозрачный»; цвет.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question is raised about the correlation of mythological ideas with scientific information and the corresponding object of reality. It is noted that, the cognitive potential of myths continues to remain inaccessible to the perception of a modern person due to his metaphorical language. The novelty of the research is seen in an attempt to verify the semantics of the mythological image of Yuryung Aiyy Toyon in natural science discourse. The research involves a general scientific synergetic approach, lexical-semantic, contrastive-comparative, structural-semantic types of analysis, the method of mutual interpretation. In addition, special methods of depersonification, demetaphorization, and dehyperbolization of the mythological image were applied. Particular attention is paid to isolating the initial meaning of the lexeme *урун* — the component that generates the semantic space of the name Yuryung Aiyy Toyon. As a result of a comparative analysis, the essential content of the mythological image of a single origin and the supreme creator Yuryung Aiyy Toyon is revealed in a new light, as a basic concept of the existence of the universe from the point of view of modern science — light, the spread of which is a key factor in determining the fundamental categories of the flow of time and the length of space.

Key words:

epic olonkho; the mythological image of Yuryung Aiyy Toyon; original meaning; metaphorical language; motive; light; the epithet “transparent”; color.

Семантика мифологического образа Юрюнг Айыы Тойона в его первооснове (на материалах архаических текстов олонхо)

© Сатанар М. Т., 2021

1. Введение

Известно, что постановка научной проблематики, уровень методологии должны исходить из тенденций развития общества и науки, что справедливо было отмечено В. Я. Проппом: «Наша задача — создать науку из мировоззрения нашей эпохи» [Пропп, 1976, с. 16]. Сегодня в науке нельзя не отметить происходящую переоценку понятия «знание» как феномена, осмысление эвристических возможностей архаических знаний. В условиях постнеклассических тенденций своевременным представляется исследование мифологической системы эпоса в свете научных теорий.

Для настоящего исследования, с одной стороны, важно высказывание А. Ф. Лосева о том, что «реально творимая живыми людьми наука, решительно всегда, реально питается мифологией, почерпывая из нее свои исходные интуиции» [Лосев, 2001, с. 43]. Идея целостности мира как универсума, где каждая отдельная часть его несет на себе печать этого «всеединства», послужившая главным принципом научных поисков А. Ф. Лосева, отражается в строках: «Чистая наука применима к любой мифологии как частный принцип» [Там же, с. 48]. В этом смысле внимание привлекает рассмотрение естественно-научных теорий как «новых мифов нового времени», которые, не опровергая архаический миф, «лишь затмевают» его [Там же, с. 48; с. 477]. Подспорьем исследования послужило выдвижение общенаучного метода синергетики в качестве междисциплинарной базы для диалектической концепции А. Ф. Лосева, соразмерность которых (синергетика и диалектика) утверждается в трудах ряда ученых (В. С. Степин, М. С. Каган, С. П. Курдюмов, В. Г. Буданов, Ю. С. Гуров, Г. А. Малинецкий и др.).

С другой стороны, постановка С. Ю. Неклюдовым проблемы соотношения древнего знания с научным знанием, отраженная в цитате: «... архаическое знание, сталкиваясь с научными знаниями и соглашаясь с ними, легко вводит научные знания в свой обиход. Но эти структуры и соотношения пока еще мало и плохо изучены» [Неклюдов, 2014], определила ракурс исследования, обусловив логику поэтапного анализа предмета исследования — семантики мифологического образа *Юрюнг Айыы Тойона*. И первым шагом к установлению этих соотношений является дефиниция

корреляций элементов мифа и науки на основе научного положения: «Реалистическое содержание является обязательной частью всякого мифа, посредством которого в мифе представлен его денотат» [Майданов, 2016, с. 58]. Схема перехода мифологических текстов к научным сведениям в исторической преемственности дана В. Н. Топоровым [Топоров, 2010, с. 171—172], методология взаимной интерпретации мифологических и научных знаний развивается в трудах А. С. Майданова [Майданов, 2010; Майданов, 2016].

В якутской фольклористике образ главного божества пантеона предков саха *Юрюнг Айыы Тойона* представлен центральной фигурой во многих источниках. Так, фиксацию его имени и эпитетов находим в трудах до-революционного периода: у Ф. Соловьева (1876), Н. П. Припузова (1884), А. Слепцова (1886), И. А. Худякова (1890), В. Л. Серошевского (1896), В. Ф. Трошанского (1902), В. М. Ионова (1894—1896) и др.; послереволюционного периода — у В. М. Ионова (1918), А. Е. Кулаковского (1923), П. А. Ойунского (1927), Э. К. Пекарского (1928) и др.; советского периода — у А. А. Попова (1949), И. В. Пухова (1962), Г. У. Эргиса (1974), Н. В. Емельянова (1980) и др. В ракурсе настоящего исследования презентативны труды П. А. Слепцова (1998), где рассматриваются отдельные положения типологического сравнительного изучения мифологических образов; Л. Л. Габышевой, посвященные анализу цветowych символов в якутском олонхо (2009); Н. И. Филипповой о собственных именах персонажей олонхо (2016) и др. При этом ученые сходятся во мнении о важности исследований семиотики и семантики фольклорных текстов в целом (Г. У. Эргис, П. А. Слепцов, Н. Н. Кожевников и др.). Данное исследование ставит целью выявление информационно-семантической структуры мифологического образа *Юрюнг Айыы Тойона* в естественно-научном осмыслении. Для достижения цели решаются задачи:

— проведения лексико-семантического анализа компонента *урун* в имени божества *Юрюнг Айыы Тойон*;

— обозначения соотношений в содержаниях образа *Юрюнг Айыы Тойона* и научных сведений.

Исследованию подвергаются тексты ранних записей якутских олонхо, вошедшие в серию «Образцы народной литературы якутов»: «Хаан Дьаргыстай», «Юрюнг Уолан» (И. А. Худяков, 1890); «Эр Соготох (одинокий)» (С. В. Ястремский, 1894—1896); «Удаганки Уолумар и Айгыр», «Потомки молочно-белотелого Юрюнг Айыы Тойона», «Строптивый Кулун Куллу-стуур», «Нюргун Боотур Стремительный» (Э. К. Пекарский, 1907—1918); а также олонхо «Богатырь Тойон Нюргун» (Н. Ф. Попов, 1895). В качестве дополнительного материала привлечен трехтомный толковый словарь

Э. К. Пекарского. Выбор связан с вектором научного поиска — верификацией наиболее архаических пластов в мировосприятии предков саха.

2. Семантический анализ компонента *урун* в имени Юрюнг Айыы Тойон

Общеизвестно, что саха — солнцепоклонники. По словам В. Ф. Трошанского, главное божество *Юрюнг Айыы Тойон* есть само солнце, что *Айыы* и *күн* ‘солнце’ якутами воспринимаются в качестве синонимов [Трошанский, 1903, с. 36—37]. А. Е. Кулаковский пишет: «К солнцу якуты относятся с великим почтением. Они видят воочию, что без этого светила невозможно жить на земле. Слова “айыы” и “күн” действительно ходят, как синонимы» [Кулаковский, 1979, с. 9—10]. С ними солидарен Г. У. Эргис: «Юрюнг Айыы Тойон — Белый Создатель, Господин, почтенный старец, источающий жару и свет. Глава Верховного мира связан с видимым светилем — солнцем, дающим тепло всему живущему и растущему на земле» [Эргис, 2008, с. 132]. С другой стороны, утверждается, что в символах спрятано подлинное естествознание [Королев, 2005, с. 10]. Безусловно, «исходные, первоначальные значения мифических представлений» (А. Н. Афанасьев) связаны с древними ощущениями человека в попытках осмыслить природные явления. Нас интересует мифологическая семантика предмета исследования, связанная с внеязыковой действительностью, где стремление «обнажить» миф и его элементы требует «выключения всех напластований» (А. Ф. Лосев). Раз речь идет о происхождении мифов, то необходимо обратиться к языку [Афанасьев, 1865, с. 5]. Поэтому в начале анализа наше внимание обращено прежде всего к имени заявленного образа, так как имя оценивается как особый лексический пласт, представляющий собой «темное место языка», обладающий большим потенциалом информативности [Слепцов, 1990, с. 216].

Структурную модель имени этого божества относят к типу «эпитет-имя-показатель», который при разборе по компонентам выглядит как «эпитет — Юрюнг; имя — Айыы; показатель — Тойон» [Филиппова, 2016, с. 25]. Согласно особому стилю олонхо, каждый составляющий компонент несет в себе описание-характеристику персонажа. Что касается *Айыы*, исследователи едины во мнении о трансляции словом понятия светлых и добрых начал [СЯЯ, 1959, стб. 3179; Кулаковский, 1979, с. 12—13; и др.]. Известно, что компонент *Тойон* ‘господин’ указывает на титул [Ушницкий, 2017, с. 216]. Внимание привлекает третий компонент, а именно эпитет *урун* — по структуре корневое слово, устойчиво сращенное с основным именем *Айыы Тойон*. Отметим ценные для нас наблюдения Н. И. Филипповой:

— эпитет *үрүҥ* как символ светлого и доброго начал используется только в именах положительных образов (имена персонажей племен айыы Верхнего и Среднего мира) [Филиппова, 2016, с. 27];

— эпитет *үрүҥ* встречается в именах и мужского, и женского пола [Там же];

— синоним слова *үрүҥ* — *манган* // *мабан* наблюдается редко (в имени духа-хозяйки Земли *Манган Манхалыын Хотун*) [Там же];

— характерными лексико-семантическими группами слов, формирующими имена эпических персонажей, являются названия небесных тел и природных стихий [Филиппова, 2016, с. 53].

— имя *Юрюнг Айыы Тойона* является космогоническим именем персонафицированного образа Солнца — силы, посылающей на Срединную землю свет, тепло, благо [Там же].

Сразу оговоримся, что с поля данного исследования «отпадает» анализ вариативного слова *манган* // *мабан* в качестве синонима *үрүҥ*. Такую позицию требует «настройка “оптики” исследования» (С. Ю. Неклюдов) в сторону изучения наиболее древнейшего пласта лексемы *үрүҥ*, вызванного стремлением верификации истоков «одного из самых сложных по происхождению» образа *Юрюнг Айыы Тойона* [Жеребина, 2011, с. 31; Ушницкий, 2017, с. 216]. С этой точки зрения важен тезис: «Языковые факты свидетельствуют, что цветообозначение появляется позже в семантическом поле развивающегося слова, чем его оценочный компонент» [Кезина, 2008, с. 103]. Позиция также продиктована выводами исследователей о том, что слово *манган* в сравнении с *үрүҥ* относится к инновациям [Рассадин, 1980, с. 72; Афанасьева, 2020, с. 45].

Целесообразно вначале попытаться внести ясность в восприятие и употребление предками собственно эпитета *үрүҥ* по отношению к тем или иным фрагментам окружающего мира. Важно увидеть то «фоновое сообщение» слов, которое позволит вычленить именно архаическое значение компонента *үрүҥ* (из ряда возможных), «присутствующего в “свернутом” виде как ассоциативный потенциал лексемы» [Габышева, 2009, с. 12]. Иначе говоря, наше внимание обращено на первоначальное значение слова *үрүҥ*, появившееся до цветового, символического и других компонентов слова. Для этого обратимся к толковым словарям.

Ряд значений анализируемого слова имеется в древнетюркском словаре: «*Ürüŋ* — 1) белый, светлый, 2) перен. чистый, благородный, 3) в знач. сущ. белизна ногтей» [ДТС, 1969. с. 627]. В более широком контексте оно представлено в словаре Э. К. Пекарского, где зафиксированы устаревшие к тому времени (конец XIX — начало XX веков) слова, называющие в том числе и устаревшие явления быта якутов. Итак: «*үрүҥ* — 1) белый (*аас, мабан, манхабар*, противоположное *хара*); белизна; молочные продукты;

с приведением примеров: *урунтэн урумэтин өллөйдөн* ‘из молочной пищи насыщаясь пленками’; *урунгу уксэтээрибин* ‘чтобы иметь возможность увеличить число белых’; *дьабака урунгэ* ‘задняя нижняя обшивка зимней шапки’; *сымыыт урунгэ* ‘яичный белок’; *тынгырах урунгэ* ‘несвободная часть ногтя’; *харах урунгэ* ‘белковая оболочка глазного яблока’; *урун сиэллээх* ‘белогривый’; *урун балык* ‘очень мелкая рыба’; *урун көмүс* ‘серебро’ 2) белый, светлый, чистый, с примерами *урун аан* ‘светлая передняя дверь’, *урун аар аартык* ‘светлый божественный путь’, *урун аат* ‘высокое имя’, *урун санаа* ‘светлая мысль’, *урун тыын* ‘нежное, чистое дыхание’, *урун күн* ‘светлый день’ и т. п.» [СЯЯ, 1959, т. 3, стб. 3179]. В большом толковом словаре якутского языка зафиксированы в целом аналогичные лексические значения [БТСЯЯ, 2015, т. 12, с. 535].

При внимательном анализе примеров нетрудно разделить словосочетания на две группы по принципу «толкование слова в простом лексическом значении и в сакральном значении» [Цивьян, 1975, с. 209]:

слово *урун* в якутской речи используется в прямом номинативном значении: *сымыыт урунгэ* (яичный белок), *тынгырах урунгэ* (несвободная часть ногтя), *харах урунгэ* (белковая оболочка глазного яблока), *урун балык* (рыба) и т. п.;

слово *урун* несет в себе сакральную информацию, отражающую его мифологическую семантику, метафоричность которой, включающая в себя номинации привычных для якутской культуры предметов и понятий: *ас* (пища), *сылгы* (лошадь), *дьабака* (шапка), *сиэл* (грива), *көмүс* (серебро), *аан* (дверь), *аартык* (путь, дорога), *аат* (имя), *тыын* (дыхание), *санаа* (мысль), *күн* (день), — отражает глубинную связь с мифическим божеством *Юрюнг Айыы Тойоном*.

На наш взгляд, в первой группе слово *урун* не означает указание на *өн* ‘цвет’ вещи (то есть белый, белизну), а определяет качественно иное понятие *дьүһүн*, по-другому — *тас көстүү, бодо* ‘вид, лик, облик’. *Урун* указывает на свойство ПРОЗРАЧНОСТИ (сквозистости, виднеющегося насквозь) предмета или явления в буквальном смысле слова. *Урун* является характеристикой качества рассматриваемого предмета (явления).

Вторая группа отражает использование слова *урун* в символическом значении, характерное для более позднего периода развития семантической структуры слова. Примеры свидетельствуют, что особый компонент *урун* в прагматике активно проявляется в обозначениях обрядовых и ритуальных действий и предметов (пища, лошадь, грива, шапка), фиксируя коннотат, связанный с наделением предмета сакральными свойствами. Вслед за *Юрюнг*, в своей первооснове — *Айыы Тойоном*, сакральный смысл в традиционной культуре распространяется на все, что имеет кос-

мическое значение, согласно концепции «все, что есть “космизированное”, все, что похоже на Космос, — все священно» [Элиаде, 2010, с. 27]. Здесь уместно подчеркнуть, что при концептуализации материи человеческим мозгом именно «язык заманивает людей в замкнутую политику символов» [Пинкер, 2016, с. 21]. Слова изначально «вплетены в причинно-следственную ткань самого мира», и значения этих слов «обусловлены чем-то внутри мозга» [Пинкер, 2016, с. 18]. В таком ракурсе слово *үрүң* в коллективном сознании предков можно обозначить «эндемическим» концептом, отражающим фрагмент национальной картины мира.

Известно, что на уровне мифологического осмысления реального мира, основанного на «восприятии контрастными ощущениями», древние люди оценивали природные явления через призму их полезности. К примеру: «свет — видно, нет опасности, а значит — хорошо; тьма — не видно, опасно, плохо» [Гайсина, 2008, с. 478]. Древнейшее значение природного явления света связано с его оценкой «видимости», а значит, «прозрачности» в сравнении с тьмой. Это свойство легло в основу семантической структуры далее развивающегося слова *үрүң* как сема исключительно положительной оценки. В ходе эволюции слова первоначальная оценка «прозрачности» природного явления генерирует далее переносное значение ‘чистый’, ‘светлый’ (см. выше). Есть предположение (по данным древней литературы славян), что цветообозначение *белый* генерируется значением ‘светлый’ [Кезина, 2008, с. 102]. Существенным является замечание о том, что именно в фольклорных текстах превалирует тенденция длительного сохранения лексемой «выполнения чисто номинативной функции» [Там же], о чем и свидетельствуют примеры в словаре Э. К. Пекарского.

Древняя оценка свойства «прозрачности» в текстах олонхо может присутствовать и в эксплицитном, и в имплицитном виде. Приведем примеры зачинов олонхо, содержание которых, по С. Ю. Неклюдову, представляет собой реализацию «космогонической темы» в виде репрезентации последовательной связи «хронотоп — герой» [Неклюдов, 2010, с. 185]. Так, в мотиве описания древа *Аал Дууп мас* находим: *Бу мас буолабына / Үөһээ өттө ... / Сэттэ хос дьаптылбаннаах / Дьэнкир манан халлааны / Чиэрсэ үүммүт* [ЮЮ, 2013, с. 25—26] (Верхняя ветка / Этого древа / Прорастает сквозь / Семь напластований / Прозрачного белого неба (здесь и далее перевод наш. — М. С.)). Или в мотиве описания жилища героя говорится: *Күлүмүрдүүр көндөй көмүс балабан... / Онгоһулан-орчуллан, / Үөскээн-үөдүйэн... / Олорбут үһү... / Үрүң Уолан диэн киһи* [ХДь, 2016, с. 16] (В сделанном-построенном / Сверкающем сквозном серебряном доме ... / Сотворенный-созданный / Жил Юрюнг Уолан). В этом олонхо в описании внутреннего убранства жилища упоминаются еще *көлүйэ күөл бууһун курдук күндэл көмүс осту-*

ол (подобно льдине маленького озера ярко сияющий стол) — отмечается высокая устойчивость данного сравнения в олонхо [Львова, 2020, с. 207]; *туэрт кырыылаах дьэнкир таас оһох* (четырёхугольная прозрачная печь); *дьэнкир таас остоолбо* (прозрачный столб) [ХДь, 2016, с. 18; с. 19; с. 146]. Обращает на себя внимание характерность подбора эпитета «прозрачный» к образам и предметам (дерево, жилище, столб, печь, стол), непосредственно участвующим в моделировании эпического мироздания в контексте темы творения. Как видно из вышеприведенных примеров, везде проецируется положительная оценка древним сознанием явления реального мира — света. Страна богатыря описывается как *Кун чабан*, / *Айыы сындыл* / *Сабаан сайын дойдута* [ТНь, 2015, с. 18] (Страна с лучезарным летом). В фрагменте текста словосочетание *кун чабан* трактуется как «те же лучи солнца» [Трощанский, 1903, с. 35]. И напротив, по шкале ценностей отрицательно маркируется пространство Нижнего мира с подбором сравнений *барбатах балык минин курдук бадыа-бүдүө / дойду устун баран истэ, буспут мунду / минин курдук борук-сорук дойду устун / баран истэ* [ДБНьБ, 1947, с. 120] (далее проезжал он по стране мрачно серой, похожей на / недоваренную рыбу уху; / по сумеречной стране, / подобной ухе мелкой рыбки-мундушки [Там же, с. 121]). Иначе говоря, в текстах олонхо признаку «прозрачности, видимости» противопоставляется признак «мутности, невидимости» и эти признаки выражают контрастирующие качества различных пространств эпического мироздания.

Показательным представляется устоявшееся клише в описании красавицы *Айыы*, которая буквально излучает свет: *танас бүтэй этэ туналыйан көстөр, эт бүтэй силиитэ дьалкыйан көстөр күтүр үтүө дьахтар күлүбүрдээн табыста* [ОЖН, 2013, с. 218] (с ослепительно белым телом, виднеющемся сквозь одежду, с костным мозгом, волнующимся сквозь тело, вышла, сверкая, прекрасная женщина). В примере имплицитное указание на «прозрачность», устойчиво сращенное с образом *Айыы*, демонстрирует тождество *Айыы* с *кун* ‘видимым солнцем’ (А. Е. Кулаковский) в древнем сознании предков. А вот как описывается портрет богатыря: «Было его лицо (Юрюнг Уолана) как блестящий лик ласкового солнца ..., золотистые волосы, кудрявые падающие с середины темени до плеч, встали дыбом, и вместе с тем, как будто кожа растрескалась» [Худяков, 1890, с. 140—141]. Трощанский такое описание волос комментирует как «... фигуральное изображение лучей, исходящее от Юрюнг Уолана» [Трощанский, 1903, с. 36]. Таким образом, можно дать оценку присутствию в именах богатырей *Айыы* эпитета *үрүн* (*Үрүн Уолан*, *Үрүн Үөдүйэн*, *Үрүн Уолантаай* и др.): именно «үрүн как символ дневного света, солнца» [Габышева, 2003, с. 98] предполагает имплицитное наличие первоначального значения ‘прозрачный (бесц-

ветный)'. Об отнесении характеристики «бесцветности» к персонам-богам говорится в работе М. С. Усмановой — исследовательницы хакасской мифологии. В работе упоминается использование термина *хуу* в значении 'бесцветный' в современном языке хакасов, что имеет прямую связь с собственным именем персонажа *Хуу-иней* — образом женщины-прародительницы, восходящей к архаическому образу богини-матери *Умай* [Усманова, 1985, с. 154]. Сохранение значения 'прозрачный' в лексеме *урун* угадывается и в устойчивом функционировании словосочетания *урун Кун* (по устоявшимся нормам переводится 'белое солнце') как в архаических образцах словопотребления, так и в современном языке. Л. Л. Габышева подчеркивает актуальность семы света для семантики *урун* [Габышева, 2019], а Н. А. Аханянова пишет, что «белое в своем наиболее древнем значении выражает культ солнца» [Аханянова, 1994, с. 206—207]. В таком ракурсе примечательно, что в хантыйском языке в сложной семантической структуре слова *белый* среди прочих значений выявлено и значение 'прозрачный' [Шиянова, 2018, с. 690].

В вышеуказанных моментах рассматриваемое древнее значение *урун* в плане «прозрачности» как неизменной характеристики видимого светила Солнца гипотетически отсылает к научному пониманию природы света. Ведь важным физическим свойством света, излучаемого солнцем, является прозрачность, так как именно она выступает гарантом способности луча света проходить через материал. С этой позиции художественно-образное воплощение видимого светила реального мира можно охарактеризовать как первый шаг «древнего сознания» к познанию физического закона. Таким образом, можно резюмировать, что в ракурсе нашего исследования в собственном имени главного божества пантеона саха *Юрюнг Айыы Тойон* генерирующим сакральность и священность компонентом является эпитет *Юрюнг*. *Юрюнг* в своем древнем пласте обозначает качественную характеристику — прозрачность (видимость, бесцветность) в виде наиболее компактного способа трансляции мифологического слоя, заключенного в этом антропониме. То есть данная важная характеристика прозрачности как ассоциативный признак, свойственный в сознании предков реальному светилу Солнцу, был закреплен в языке в номинации *Юрюнг Айыы Тойона*.

3. Экспликация научного содержания в мифологическом образе *Юрюнг Айыы Тойона*

В вопросе реконструирования природного явления, стоящего за мифологическим образом *Юрюнг Айыы Тойона*, как было обозначено выше, исследователями констатирован реальный референт образа — Солнце. Референтом служит «объект или явление материального мира, к которому отсылает та или иная языковая единица в процессе референции» [Коровина,

2010, с. 332]. Данное репрезентативное свойство мифов было полем научных интересов А. А. Потебни, Э. Кассирера [Потебня, 1989, с. 260—270; Кассирер, 2000, с. 330—335]. Следует отметить, что процессы речепостроения остаются вне нашего исследования, задача данной работы — актуализация обозначенной когнитивной ситуации верификацией коррелирующих между собой элементов мифа и науки. При анализе будем исходить из научного положения: «Значимость, отраженная в имени персонажа ... далее разворачивается в действие, составляющее мотив — герой делает только то, что семантически сам значит» [Фрейденберг, 1978, с. 247]. Так гласит основной закон сюжетного построения мифа, адекватный для синкретического мирозерцания древних людей.

Весьма показательно, что «Юрюнг Айыы Тойон — верховное существо, выше всех Айыы, добрый дух, создатель мира» [СЯЯ, 1959, стб. 3179]. Такое определение подтверждается текстами многих олонхо. Например: *Абыс шилээх-сабалаах, атааннаах-мөнгөөннээх, айгыр силик аан ийэ дойдукабыт ... Сол курдук үөһээ Үрүң Айыы Тойон онгоруутунан олохтоммут эбит ...* [Ионова-Андросова, 1998, с. 235] (По соизволению высшего Юрюнг Айыы Тойона была устроена, оказывается, эта восьмиободная, нарядная, прекрасная, изначальная наша мать-страна). Акт творения выраженно наличествует и в других жанрах самобытного фольклора саха. Приведем отрывок из *алгыса* «благословения» высшим божествам, записанного И. А. Худяковым в 1868 году: *Айхал! Үүт күөл үктэллээх Үрүң Айыы Тойон, бу Орто дайдыга үөскүүрүн, төрүүрүн, шитиллэрин — барытын Эн дьаһайбытын, Эн онорбутун!* [Перуашева, 2008, с. 18] (Айхал! Юрюнг Айыы Тойон, всё, что на этой Срединной земле появляется, рождается, взращивается, всё — по твоему велению, по твоему творению!). В олонхо *үрүң Күн* как символ жизни [Афанасьева, 2020, с. 50], дополним — как символ начала жизни, реализуется в выражениях *үрүң күнүм үөһүгэр* (в средоточии жизни, досл. в центре белого солнца), *үрүң күнтэн сүтэрэн* (быть мертвым, досл. исцезать с белого солнца), *үрүң күнүм өлбөөдүйдэ* (смерть приближается, досл. меркнет белое солнце) и т. д. В таких случаях можно обратиться к диалектическому пониманию связи понятий «пространство — время — материя» [Баяндин, 2016, с. 9]. На наш взгляд, в восприятии древними людьми образа *Юрюнг Айыы Тойона* как СОЗДАТЕЛЯ мира уже своеобразно формулируется, по сути, научное понимание «роли света в создании и поддержании мира, распространение которого является ключевым фактором в определении фундаментальных категорий течения времени и протяженности пространства» [Хайш, 2010, с. 143].

В текстах олонхо образ *Юрюнг Айыы Тойона* представлен космическим единым первоначалом, от которого исходит целый сонм божеств.

Главное божество предстает в олонхо главой семьи, имеющим жену и потомство. Все его дети наделены различными функциональными обязанностями, старшинство определяет статус детей по аналогии семейно-родовых традиций: *Үрүң Айыы Тойон ... Адьына Сиэр диэн ойохтообо, тобус субан туруйа курдук уолаттардааба үһү, абыс тыһы кыталык курдук кыргыттардааба үһү ...* [Ионова-Андросова, 1998, с. 184] (Юрюнг Айыы Тойон с супругой Адьынга Сиэр породили девять подобных журавлям сыновей, породили восемь подобных стерхам дочерей ...). И при этом бог богов расселяет свое потомство по вертикальным уровням небес [Кулаковский, 1979, с. 12—13; Емельянов, 1980, с. 13], которые являют собой определенный иерархический ряд. Вместе с тем Е. М. Мелетинский отмечал, что «отличие эмпирического знания и мифологии заключается в модальности их категорий: взамен иерархической организации причин и следствий — иерархия богов» [Мелетинский, 1976, с. 165]. Исходя из этого можно утверждать, что образ *Юрюнг Айыы Тойона* — причина, сонм его детей-богов — следствие, и эта схема может соотноситься с эмпирическими данными о рассеивании прозрачного луча солнечного света (причина) на переходящие друг в друга цвета (следствие) при прохождении через призму. Речь идет о компонентной природе света. Далее, привлекает внимание, что в некоторых текстах олонхо отмечается наличие не только первого колена потомков, но и второго и третьего. Приведем отрывок речи богатыря олонхо: *Меня послали восемь божеств мои ..., Государыня-Хранительница Ийэйхсит Хотун, тетка моя, послала и говорила. Властелин рока, Царь Владыка Джылга Хаан Тойон, дед мой послал и указал* [Ястремский, 1929, с. 50]. При «освобождении» содержания мифа от метафор, гипербол, идеализаций (содержащих эстетический, этический эффект) [Майданов, 2016, с. 63] вырисовывается упрощенная схема, которую можно соотнести в природе света с получением вторичных и третичных цветов, образующихся при смешивании первичных цветов.

Многообразие ликов создателя *Юрюнг Айыы Тойона* в олонхо, выраженное посредством многочисленного потомства — сыновей и дочерей, восходит к базовой оппозиции «мужское / женское». Другими словами, семантическая структура имени *Юрюнг Айыы Тойон* предполагает имплицитное наличие бинарной модели. Следуя продолжению (начало выше) теоретических рассуждений Е. М. Мелетинского об отличии эмпирического знания от мифологии — «... взамен законов — мифологические образы» [Мелетинский, 1976, с. 165], можно предположить, что в мирозерцании древних под образом *Юрюнг Айыы Тойона*, носящего в себе бинарную синкрету (К. Леви-Стросс), подразумевается художественное восприятие и попытка чувственного познания «двойственной карпускулярно-волно-

вой природы света». Как известно, в современной науке постулируется, что свет проявляется одновременно в виде и частицы, и волны (квантово-волновой дуализм). В нем синхронно функционируют качества и прерывистости (частица), и непрерывности (волна), выступающих главными свойствами материи, организующими бытие, по сути отражающими непрекращающийся динамизм противоборствующих начал. В мифопоэтических представлениях на таком динамическом равновесии базируется весь мир, созданный *Юрюнг Айыы Тойоном*: *Кэлэн кэхтэр кииһилээх, үөскээн өлөр сүөһүлээх, охтон баранар мастаах, уолан баранар уулаах ... Орто дьүүрүс дойду нүкэн ыырайа эбит* [Тимофеев-Теплоухов, 1985, с. 12] (Здесь обитает родившийся на земле человек, здесь размножающийся скот не переводится, деревья, сваливаясь, не редуют, вода, испаряясь, не убывает <...> вот с таким изобилием находится тихий рай Средней благодатной страны) [Там же, с. 290]. Семантика фрагмента демонстрирует наделение всех земных проявлений своим началом и концом (качество прерывистости явления), при котором одновременно земные проявления имеют обязательное свое продолжение (качество непрерывности явления). А далее вся сюжетно-композиционная структура эпоса олонхо строится на текучем и изменчивом характере событий, находящихся в состоянии равновесия в контексте этой дуалистической концепции.

Поиск моделей «вписывания» научных знаний в мифопоэтические представления древних (С. Ю. Неклюдов) можно продолжить. В частности, к интересным выводам могут привести сопоставления числовых символов образа *Юрюнг Айыы Тойона* с числовыми характеристиками цвета (спектральными, ахроматическими). Тема остается открытой для последующих исследований.

4. Заключение

Мифологический образ *Урун Айыы Тойона*, значимость которого связана с практически ориентированным сознанием древних, характеризуется двойной структурой — внутренним реальным ядром (отражающим природное явление) и внешней надстройкой в виде метафор, гипербол и т. д. Анализ архаических текстов показал, что в своем древнем пласте семантическое пространство компонента *Урун* в имени мифологического образа *Урун Айыы Тойон* генерируется положительным оценочным значением ‘прозрачный’, выступающим как характеристика качества предмета (явления). В дальнейшей эволюции в семантическое поле *Урун* закономерно «входят» цветовой, символический и др. компоненты, в результате чего слово *Урун* предстает культурным знаком в качестве элемента вторичной знаковой системы. Иными словами, «мифемой — словом с двойным зна-

чением» [Леви-Стросс, 1983, с. 428]. Таким образом, символическое и метафорическое содержание мифологического образа *Юрюнг Айыы Тойона* в естественно-научном осмыслении репрезентируется как основополагающее в мироустройстве природное явление — свет. При этом процесс дефиниции реалистического содержания мифологического образа посредством деперсонификации, деметафоризации и т. д. демонстрирует наличие в мифологических текстах аналогов научных описаний явления света. Такое обстоятельство позволяет переосмыслить и принять научный образ явления света в качестве «проекции архетипа традиционных представлений древних» [Надель-Червиньска, 2009, с. 183—184]. И, согласно указанию П. Фейерабенда [Фейерабенд, 1986], действительно, содержание мифологического образа как источника знаний может дать научному образу дополнительную информацию и подтолкнуть к новым идеям в изучении еще не познанных сторон природного явления света.

Источники и принятые сокращения

1. БТСЯЯ — *Большой* толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарылыах тылдьыта : в 15 т. Т. XII : (Буквы У, Ү) / под редакцией П. А. Слепцова. — Новосибирск : Наука, 2011. — 598 с. — ISBN 5-02-031911-2.
2. ДТС — *Древнетюркский* словарь / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишевв, А. М. Щербака. — Ленинград : Наука, 1969. — 715 с.
3. ДьНьБ — *Дьулуруйар* Ньургун Боотур = Богатырь Нюргун Стремительный [олонхо] // [сказитель К. Г. Оросин] ; пер. Г. У. Эргиса. — Якутск : Госиздат ЯАССР, 1947. — 410 с.
4. Ионова-Андросова М. Н. Олонхо, песни, этнографические заметки, статьи / М. Н. Ионова-Андросова ; сост. Е. И. Коркина. — Якутск : Кудук, 1998. — 733 с. (на якутском яз.).
5. ОЖН — *Олонхо* Жулейского наслега. Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским. — Якутск : ИГИИПМНС СО РАН, 2013. — 266 с. (на якутском яз.).
6. СЯЯ — *Пекарский* Э. К. Словарь якутского языка : в 3 т. / Э. К. Пекарский ; Акад. наук СССР. — 2-е изд. — Москва : АН СССР, 1958—1959. — Т. 3. — 3858 стб.
7. Тимофеев-Теплоухов И. Г. Строптивый Кулун Куллустуур: олонхо / И. Г. Тимофеев-Теплоухов. — Москва : Главная редакция восточной литературы, 1985. — 608 с.
8. ТНь — *Тойон* Ньургун = Нюргун Тойон : [олонхо] / ИГИИПМНС СО РАН ; отв. ред. В. В. Илларионов. — 2-е изд. — Якутск : Алаас, 2015. — 192 с. (на якутском яз.).
9. ХДь — *Хаан* Дьаргыстай : олонхо / [зап. И. А. Худякова]. — Якутск : Алаас, 2016. — 232 с. (на якутском яз.).
10. Худяков И. А. Верхоянский сборник : якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И. Я. Худяковым / И. А. Худяков // Записки Вост.-Сиб. Отд. Императорского Русского географического общества по этнографии. — Иркутск : Изд. на средства И. М. Сибирякова, 1890. — Т. 1, Выпуск 3. — 325 с.
11. ЮЮ — *Порядин* А. С. Үрүҥ Үөдүйээн [олонхо] // [сказитель А. С. Порядин]. — Якутск : Издательский дом СВФУ, 2013. — 360 с. (на якутском яз.).

12. *Ястремский С. В.* Образцы народной литературы якутов / С. В. Ястремский. — Ленинград : Наука, 1929. — 226 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов / А. Н. Афанасьев. — Москва : Тип. Грачева и Комп., 1865. — 804 с.

2. *Афанасьева Е. Н.* Развитие семантики цветообначений *урун* и *манган* в якутском языке как свидетельство языковых контактов / Е. Н. Афанасьева // Вестник НГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2020. — № 1. — Т. 18. — С. 45—56. — DOI: 10.25205/1818-7935-2020-18-1-45-56.

3. *Аханиянова Н. А.* К вопросу о мифологической основе солярно-лунарной символики в эпической традиции якутов / Н. А. Аханиянова // Язык-миф-культура народов Сибири. Сборник научных трудов. — Якутск : Изд-во Якутского гос. ун-та, 1994. — С. 194—207.

4. *Баяндин А. В.* Понятия пространства и времени в теории квантовой гравитации / А. В. Баяндин // European science. — 2016. — № 3 (13). — С. 6—15.

5. *Габышева Л. Л.* Слово в контексте мифопоэтической картины мира : на материале языка и культуры якутов / Л. Л. Габышева. — Москва : РГГУ, 2003. — 192 с.

6. *Габышева Л. Л.* Фольклорный текст : семиотические механизмы устной памяти / Л. Л. Габышева. — Новосибирск : Наука, 2009. — 143 с. — ISBN 978-5-02-032173-1.

7. *Габышева Л. Л.* Номинации частей якутского традиционного жилища : языковые и мифологические структуры / Л. Л. Габышева // Филология : научные сведения. — 2019. — № 6. — С. 207—216. — DOI: 10.7256/2454-0749.2019.6.30985.

8. *Гайсина Р. М.* Язык : философия, семантика, синтаксис : сборник избранных работ / Р. М. Гайсина. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2008. — 620 с. — ISBN 978-5-7477-1860-9.

9. *Емельянов Н. В.* Мифологические божества в олонхо «Потомки Юрюнг Айыы Тойона» и «Баай Барыылаах — дух-хозяин черного леса» / Н. В. Емельянов // Мифология народов Якутии. — Якутск : Книжное издательство, 1980. — С. 17—20.

10. *Жеребина Т. В.* Шаманизм и христианство (на материале религии народа саха XVII—XX вв.) / Т. В. Жеребина. — Санкт-Петербург : ПХГА, 2011. — 175 с. — ISBN 978-5-88812-487-1.

11. *Кассирер Э.* Избранное : Индивид и космос / Э. Кассирер. — Москва : Университетская книга, 2000. — С. 330—335. — ISBN 5-7914-0023-3.

12. *Кезина С. В.* Семантическое поле цветообначений в русском языке (диахронический аспект) / С. В. Кезина. — Пенза : ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2008. — 304 с.

13. *Коровина И. В.* Соотношение понятий «знак», «референт», «денотат» и «концепт» как основных элементов референции / И. В. Коровина // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. — 2010. — № 4 (1). — С. 332—336.

14. *Королев К. М.* Энциклопедия символов, знаков, эмблем / К. М. Королев. — Москва : Эксмо, 2005. — 608 с.

15. *Кулаковский А. Е.* Научные труды / А. Е. Кулаковский. — Якутск : Книжное издательство, 1979. — 484 с.

16. *Леви-Стросс К.* Структурная антропология : [пер. с фр.] / К. Леви-Стросс. — Москва : Наука, 1983. — 535 с.

17. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. — Москва : Мысль, 2001. — 516 с. — ISBN 5-244-00969-9.
18. Львова С. Д. Сравнения в олонхо : устойчивость и трансформации (на материале текстов северной эпической традиции якутов) / С. Д. Львова // Научный диалог. — 2020. — № 4. — С. 203—219. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-203-219.
19. Майданов А. С. От мифического образа к научному / А. С. Майданов // Философия науки. — 2010. — Выпуск 15 — С. 248—262.
20. Майданов А. С. Соотнесение мифологических и научных образов реальности как метод их взаимной интерпретации / А. С. Майданов // Философская мысль. — 2016. — № 5. — С. 55—86. — DOI: 10.7256/2409-8728.2016.5.18971.
21. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. — Москва : Наука, 1976. — 407 с.
22. Надель-Червиньска М. Структура Вселенной (метаязыковые аспекты) и мифологические истоки современной науки / М. Надель-Червиньска // Лингвокультурология. — 2009. — № 3. — С. 170—195.
23. Неклюдов С. Ю. Мифологическая картина мира / С. Ю. Неклюдов // ПостНаука. Короткие видео-лекции, монологи ученых по теме их исследований. Научные теории, понятия, идеи и факты, 19.09.2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://postnauka.ru/video/31579> (дата обращения 24.02.2021).
24. Неклюдов С. Ю. Морфология и семантика эпического зачина в фольклоре монгольских народов / С. Ю. Неклюдов // Китай и окрестности : мифология, фольклор, литература. К 75-летию акад. Б. Л. Рифтина. — Москва : РГГУ, 2010. — С. 137—149.
25. Перуашева П. А. Аламай куннэ айхал : алгыстар = Благословения / П. А. Перуашева. — Якутск : Бычик, 2008. — 111 с. (на якутском яз.). — ISBN 978-5-7696-2957-0.
26. Пинкер С. Субстанция мышления : язык как окно в человеческую природу [пер. с англ.] / С. Пинкер. — Москва : Либроком, 2016. — 560 с. — ISBN 978-5-453-00113-2.
27. Потебня А. А. Слово и миф / А. А. Потебня. — Москва : Правда, 1989. — 624 с.
28. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи / В. Я. Пропп. — Москва : Наука, 1976. — 327 с.
29. Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках / В. И. Рассадин. — Москва : Наука, 1980. — 115 с.
30. Слепцов П. А. Якутский литературный язык : Формирование и развитие общенациональных норм / П. А. Слепцов. — Новосибирск : Наука, 1990. — 277 с. — ISBN 5-02-029387-3.
31. Топоров В. Н. Мировое дерево : Универсальные знаковые комплексы / В. Н. Топоров. — Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2010. — Т. 1. — 448 с. — ISBN 978-5-9551-0405-8.
32. Троцанский В. М. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов / В. Ф. Троцанский. — Казань : Типо-литография Императорского университета, 1903. — 216 с.
33. Ушницкий В. В. Светлые божества якутской религии Айыы, родовые тотемы, анимизм и шаманизм / В. В. Ушницкий // Karadeniz. — 2017. — № 36. — С. 212—223. — DOI: 10.17498/kdeniz.369982.
34. Усманова М. С. Подземный мир в традиционных представлениях хакасов / М. С. Усманова // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным / отв. ред. Э. Л. Львова. — Томск : ТГУ, 1985. — С. 152—155.
35. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки / П. Фейерабенд. — Москва : Прогресс, 1986. — 542 с.

36. Филиппова Н. И. Собственные имена персонажей в якутском эпосе олонхо : структура и семантика / Н. И. Филиппова. — Якутск : Институт национальных школ РС(Я), 2016. — 104 с.
37. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. — Москва : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. — 605 с.
38. Хайш Б. Теория бога. Доказательства существования бога в современной науке [пер. с англ.] / Б. Хайш. — Москва : София, 2010. — 224 с. — ISBN 978-5-399-00154-8.
39. Цивьян Т. В. К семантике пространственных элементов волшебной сказки (на материале албанской сказки) / Т. В. Цивьян // Типологические исследования по фольклору : сборник статей памяти В. Я. Проппа. — Москва : Наука, 1975. — С. 191—213.
40. Шиянова А. А. Семантическая структура слов, обозначающих белый цвет в хантыйском языке / А. А. Шиянова // Вестник угрюдения. — 2018. — Т. 8. — № 4. — С. 683—693. — DOI: 10.30624/2220-4156-2018-8-4-683-693.
41. Элиаде М. Аспекты мифа [пер. с фр.] / М. Элиаде. — Москва : Академический проспект, 2010. — 256 с. — ISBN 978-5-8291-1125-0.
42. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору / Г. У. Эргис ; отв. за переиздание В. М. Никифоров. — Якутск : Бичик, 2008. — 400 с. — ISBN 978-5-7696-2856-6.

MATERIAL RESOURCES

- BTSIAYA — *A large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaarylah tyldyt, 15 vols, XII: (Letters U, U).* (2011). Novosibirsk: The science. 598 p. ISBN 5-02-031911-2. (In Russ).
- DTS — *Ancient Turkic dictionary.* (1969). Leningrad. 715 p. (In Russ).
- Dyb — *Gyuluruyar Nyurgun Bootur = Bogatyr Nyurgun the Impetuous [olonkho].* (1947). Yakutsk: Gosizdat YAASSR. 410 p. (In Russ).
- Ionova-Androsova, M. N. (1998). *Olonkho, songs, ethnographic notes, articles.* Yakutsk: Kuduk. 733 p. (In Yakut).
- KHd — Haan Dyargystay: olonkho. (2016). Yakutsk: Alaas. 232 p. (In Yakut).
- Khudyakov, I. A. (1980). Verkhoyansky collection: Yakut fairy tales, songs, riddles and proverbs, as well as Russian fairy tales and songs recorded in the Verkhoyansky district by I. Ya. Khudyakov. *Notes of the East-Sib. Ed. Of the Imperial Russian Geographical Society for Ethnography, 1 (3).* Irkutsk: Publishing house at the expense of I. M. Sibiriyakov. 325 p. (In Russ).
- OZHN — *Olonkho Zhuleysky naslega. Samples of Yakut folk literature.* (2013). Yakutsk: IGI-IPMNS SB RAS. 266 p. (In Russ).
- SYAYA — Pekarsky, E. K. (1958—1959). *Dictionary of the Yakut language: in 3 vol., 3. Academy of Sciences of the USSR.* Moscow: Academy of Sciences of the USSR. 3858 stb. (In Russ).
- Timofeev-Teploukhov, I. G. *Obsinate Kulun Kullustuur: olonkho.* (1985). Moscow: The Main editorial office of Oriental literature. 608 p. (In Russ).
- Tn — *Toyon Nyurgun = Nyurgun Toyon: [olonkho]. IGIIPMNS SB RAS. 2nd ed.* (2015). Yakutsk: Alaas. 192 p. (In Yakut).
- Yastremsky, S. V. (1929). *Samples of folk literature of the Yakuts.* Leningrad: The science. 226 p. (In Russ).
- YUYU — Ordin, A. S. (2013). *Үрүн Uoduyeen [olonkho].* Yakutsk: NEFU Publishing House. 360 p. (In Yakut).

REFERENCES

- Afanasyev, A. N. (1865). *Poetic views of the Slavs on nature. The experience of comparative study of Slavic traditions and beliefs, in connection with the mythical legends of other related peoples*. Moscow: Tip. Gracheva and Comp. 804 p. (In Russ).
- Afanasyeva, E. N. (2020). The development of the semantics of the color meanings of *urur* and *Maanan* in the Yakut language as evidence of linguistic contacts. *Bulletin of the NSU. Series: Linguistics and intercultural communication*, 1 (18): 45—56. DOI: 10.25205/1818-7935-2020-18-1-45-56. (In Russ).
- Akhanyanova, N. A. (1994). On the question of the mythological basis of solar-lunar symbolism in the epic tradition of the Yakuts. In: *Language-myth-culture of the peoples of Siberia. Collection of scientific papers*. Yakutsk: Publishing house of the Yakut state University. 194—207. (In Russ).
- Bayandin, A. V. (2016). Concepts of space and time in the theory of quantum gravity. *European science*, 3 (13): 6—15. (In Russ).
- Eliade, M. (2010). *Aspects of Myth*. Moscow: Akademicheskii Prospekt. 256 p. ISBN 978-5-8291-1125-0. (In Russ).
- Ergis, G. U. (2008). *Essays on Yakut folklore*. Yakutsk: Bichik. 400 p. ISBN 978-5-7696-2856-6. (In Russ).
- Feyerabend, P. (1986). *Selected works on the methodology of science*. Moscow: Progress. 542 p. (In Russ).
- Filippova, N. I. (2016). *Proper names of characters in the Yakut epic olonkho: structure and semantics*. Yakutsk: FGBNU “Institute of National Schools of the RS (Ya)”. 104 p. (In Russ).
- Freudenberg, O. M. (1978). *Myth and literature of antiquity*. Moscow: The science, The Main editorial office of Oriental literature. 605 p. (In Russ).
- Gabysheva, L. L. (2003). *Word in the context of the mythological picture of the world: on the language and culture of the Yakuts*. Moscow: RSUH. 192 p. (In Russ).
- Gabysheva, L. L. (2009). *Folklore text: semiotic mechanisms of oral memory*. Novosibirsk: The science. 143 p. ISBN 978-5-02-032173-1. (In Russ).
- Gabysheva, L. L. (2019). Nominations of parts of the Yakut traditional dwelling: linguistic and mythological structures. *Philology: scientific information*, 6: 207—216. DOI: 10.7256/2454-0749.2019.6.30985. (In Russ).
- Gaisina, R. M. (2008). *Language: philosophy, semantics, syntax: a collection of selected works*. Ufa: RIC Bashgu. 620 p. ISBN 978-5-7477-1860-9. (In Russ).
- Haish, B. (2010). *The Theory of God. Proofs of the existence of God in modern science*. Moscow: Sofia. 224 p. ISBN 978-5-399-00154-8. (In Russ).
- Kassirer, E. (2000). *Favorites: The individual and the cosmos*. Moscow: University Book. 330—335. ISBN 5-7914-0023-3. (In Russ).
- Kezina, S. V. (2008). *Semantic field of color values in the Russian language (diachronic aspect)*. Penza: V. G. Belinsky State Pedagogical University. 304 p. (In Russ).
- Korolev, K. M. (2005). (2005). *Encyclopedia of symbols, signs, emblems*. Moscow: Eksmo. 608 p. (In Russ).
- Korovina, I. V. (2010). Correlation of the concepts “sign”, “referent”, “denotation” and “concept” as the main elements of reference. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 4 (1): 332—336. (In Russ).
- Kulakovskiy, A. E. (1979). *Scientific works*. Yakutsk: Book Publishing House. 484 p. (In Russ).

- Levi-Strauss, K. (1983). *Structural anthropology*. Moscow: The science. 535 p. (In Russ).
- Losev, A. F. (2001). *Dialectics of myth*. Moscow: Mysl'. 516 p. ISBN 5-244-00969-9. (In Russ).
- Lvova, S. D. (2020). Olonkho Comparisons: Stability and Transformations (based on the Texts from the Northern Epic Tradition of the Yakuts). *Nauchnyi dialog*, 4: 203—219. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-203-219. (In Russ.).
- Maydanov, A. S. (2010). From a mythical image to a scientific one. *Philosophy of science*, 15: 248—262. (In Russ).
- Maydanov, A. S. (2016). Correlation of mythological and scientific images of reality as a method of their mutual interpretation. *Philosophical thought*, 5: 55—86. DOI: 10.7256/2409-8728.2016.5.18971. (In Russ).
- Meletinsky, E. M. (1976). *Poetics of myth*. Moscow: The science. 407 p. (In Russ).
- Nadel-Chervinska, M. (2009). The structure of the Universe (metallanguage aspects) and the mythological origins of modern science. *Linguoculturology*, 3: 170—195. (In Russ).
- Neklyudov, S. Yu. (2010). Morphology and semantics of the epic beginning in the folklore of the Mongolian people's. In: *China and its surroundings: mythology, folklore, literature. To the 75th anniversary of academician B. L. Riftin*. Moscow: RSUH. 137—149. (In Russ).
- Neklyudov, S. Yu. Mythological picture of the world. In: *PostNauka. Short video lectures, monologues of scientists on the topic of their research. Scientific theories, concepts, ideas and facts, 19.09.2014*. Available at: <http://postnauka.ru/video/31579> (accessed 24.02.2021). (In Russ).
- Peruasheva, P. A. (2008). *Alamay kuse aikhal: algystar = Blessings*. Yakutsk: Bichik. 111 p. ISBN 978-5-7696-2957-0. (In Yakut).
- Pinker, S. (2016). *The Substance of thinking: language as a window into human nature*. Moscow: Librokom. 560 p. ISBN 978-5-453-00113-2. (In Russ).
- Potebnya, A. A. (1989). *Slovo i myth*. Moscow: Pravda. 624 p. (In Russ).
- Propp, V. Ya. (1976). *Folklore and reality. Selected articles*. Moscow: The science. 327 p. (In Russ).
- Rassadin, V. I. (1980). *Mongol-Buryat borrowings in Siberian Turkic languages*. Moscow: The science. 115 p. (In Russ).
- Shiyanova, A. A. (2018). Semantic structure of words denoting white color in the Khanty language. *Bulletin of Ugric Studies*, 8 (4): 683—693. DOI: 10.30624/2220-4156-2018-8-4-683-693. (In Russ).
- Sleptsov, P. A. (1990). *Yakut literary language: Formation and development of national norms*. Novosibirsk: The science. 277 p. ISBN 5-02-029387-3. (In Russ).
- Toporov, V. N. (2010). *World tree: Universal sign complexes, 1*. Moscow: Handwritten monuments of Ancient Russia. 448 p. ISBN 978-5-9551-0405-8. (In Russ).
- Troshchansky, V. M. (1903). *The evolution of the black faith (shamanism) among the Yakuts*. Kazan: Typo-lithography of the Imperial University. 216 p. (In Russ).
- Tsivyan, T. V. (1975). On the semantics of spatial elements of a fairy tale (based on the material of an Albanian fairy tale). In: *Typological studies on folklore: a collection of articles in memory of V. Ya. Propp*. Moscow: The science. 191—213. (In Russ).
- Ushnitsky, V. V. (2017). Bright deities of the Yakut religion Ayyy, generic totems, animism and shamanism. *Karadeniz*, 36: 212—223. DOI: 10.17498/kdeniz.369982. (In Russ).

- Usmanova, M. S. (1985). The underground world in the traditional representations of the Khakas. In: *Worldview of the peoples of Western Siberia according to archaeological and ethnographic data*. Tomsk: TSU. 152—155. (In Russ).
- Yemelyanov, N. V. (1980). Mythological deities in olonkho “Descendants of Yuryung Ayyy Toyon” and “Baai Barylah — the spirit-master of the black forest”. In: *Mythology of the peoples of Yakutia*. Yakutsk: Book Publishing House. 17—20. (In Russ).
- Zherebina, T. V. (2011). *Shamanism and Christianity (based on the religion of the Sakha people of the XVII—XX centuries)*. St. Petersburg: RHGA. 175 p. ISBN 978-5-88812-487-1. (In Russ).

Чернов А. В. Публицистическая рефлексия российского предпринимательства второй половины XIX — начала XX веков в контексте истории отечественной журналистики / А. В. Чернов, А. В. Всеволодов // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 286—305. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-286-305.

Chernov, A. V., Vsevolodov, A. V. (2021). Publicistic Reflection of Russian Entrepreneurship in Second Half of 19th — early 20th Centuries in Context of History of Russian Journalism. *Nauchnyi dialog*, 7: 286-305. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-286-305. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-286-305

**Публицистическая
рефлексия
российского
предпринимательства
второй половины XIX —
начала XX веков
в контексте истории
отечественной
журналистики**

Чернов Александр Валентинович
orcid.org/0000-0002-4613-3728
доктор исторических наук
директор Гуманитарного института
avchernov@bk.ru

Всеволодов Антон Владимирович
orcid.org/0000-0002-8674-7329
кандидат исторических наук
научный сотрудник
кафедра социальных
коммуникаций и медиа
vsevolodov12@yandex.ru

Череповецкий
государственный университет
(Череповец, Россия)

**Publicistic Reflection
Of Russian Entrepreneurship
in Second Half of 19th —
early 20th Centuries
in Context of History
of Russian Journalism**

Alexander V. Chernov
orcid.org/0000-0002-4613-3728
Doctor of Philology
Director of the Humanitarian Institute
avchernov@bk.ru

Anton V. Vsevolodov
orcid.org/0000-0002-8674-7329
PhD in History
Researcher
Department of Social
Communications and Media
vsevolodov12@yandex.ru

Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлена попытка очертить контуры нового исследовательского поля в рамках истории отечественной журналистики — истории предпринимательской публицистики середины — второй половины XIX — начала XX веков. Публицистическое творчество российских предпринимателей этого времени трактуется авторами как предтеча современной деловой журналистики. Показано, что ключевую роль в его конституировании сыграли Великие реформы 1860—1870-х годов, в ходе которых предпринимательство стало коллективным актором формирующегося публичного (медиа) пространства и проявило способность выражать и отстаивать свои интересы, в том числе с помощью печатного слова. Отмечается, что уже тогда начал складываться массив непрофессиональных предпринимательских публикаций разных жанров, впоследствии эволюционировавший в самостоятельную отрасль журналистского творчества. Указывается, что предприниматели-публицисты оставались прежде всего практиками, людьми дела, чем обуславливалась особая прагматика их текстов, тесно связанная с «цеховыми» и личными бизнес-интересами. Авторы приходят к выводу, что при изучении публицистического творчества предпринимателей должна учитываться не только логическая связанность, но и синхронность всех форм словесного творчества автора и его деловой активности.

Ключевые слова:

деловая журналистика; предпринимательство; публицистика; рефлексия; непрофессиональное авторство; публичная сфера; дискурс; Великие реформы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

An attempt to outline the contours of a new research field within the framework of the history of Russian journalism — the history of entrepreneurial journalism of the mid — second half of the 19th — early 20th centuries is presented. The publicistic work of Russian entrepreneurs of this time is interpreted by the authors as the forerunner of modern business journalism. It is shown that the key role in its constitution was played by the Great Reforms of the 1860s — 1870s, during which entrepreneurship became a collective actor in the emerging public (media) space and showed the ability to express and defend its interests, including through the printed word. It is noted that even then an array of non-professional entrepreneurial publications of various genres began to take shape, which subsequently evolved into an independent branch of journalistic creativity. It is pointed out that entrepreneurs-publicists remained primarily practitioners, people of action, which determined the special pragmatism of their texts, closely related to the “guild” and personal business interests. The authors come to the conclusion that when studying the journalistic creativity of entrepreneurs, not only logical coherence should be taken into account, but also the synchronicity of all forms of the author’s verbal creativity and his business activity.

Key words:

business journalism; entrepreneurship; journalism; reflection; non-professional authorship; public sphere; discourse; Great reforms.

Публицистическая рефлексия российского предпринимательства второй половины XIX — начала XX веков в контексте истории отечественной журналистики

© Чернов А. В., Всеволодов А. В., 2021

1. История отечественной деловой журналистики как исследовательская проблема

Термин *деловая журналистика* в отечественной научной речи — явление достаточно новое. В западной практике историко-литературных исследований в форме *business press* он применяется давно. Классическая работа по истории бизнес-прессы Америки, появившаяся в 1964 году, трактует бизнес-журналистику предельно расширительно, выводит ее предысторию из Древнего Египта и Вавилона, хотя начало ее институционализации относит к 1860-м годам [Forsyth, 1964].

Отечественные исследователи, обращающиеся к раннему этапу становления деловой прессы Великобритании и США, предлагают выделять несколько стадий этого процесса, начиная с первой половины XVI века [Вырковский, 2007; Ган, 1984; Смирнова, 1999; Тищенко, 2016 и др.]. В. Н. Тищенко, например, предлагает рассматривать четыре таких стадии: первая половина XVI — середина XVIII веков; вторая половина XVIII — начало XX веков; XX век; современный этап (с начала XXI века) [Тищенко, 2016, с. 77].

Исследователи российской деловой журналистики, как правило, связывали ее появление со временем куда более поздним (переходом к рыночным отношениям в постсоветские десятилетия) и не обращались специально к ее предыстории. Например, А. В. Вырковский в кандидатской диссертации отмечает: «Американские бизнес-СМИ типа, близкого к современному, непрерывно развивались на протяжении сотен лет. История традиционной деловой журналистики в России насчитывает не более 20 лет» [Вырковский, 2007, с. 5]. Здесь важен эпитет *традиционная*, уточняющий понимание автором исследуемого феномена как отечественного «аналога» западной деловой прессы.

Отдельные попытки изучения раннего периода формирования отечественной деловой прессы предпринимались в контексте исторических исследований. Следует выделить работу А. Н. Боханова «Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. — 1914 г.». Автор рассматривает экономическую, хозяйственную стороны издательской деятельности, а также административно-цензурные условия, которые постепенно прихо-

дили в противоречие с развитием капиталистических отношений и соответствующих издательских практик.

Расцвет частных газет, в том числе коммерческой направленности, исследователь относит к 1860-м годам, когда ясно обозначается их экономическая целесообразность, в частности, для рекламирования продукции своих издателей. Таковы «Русский курьер» фабриканта шипучих вин Н. Ланина, «Минута» купца Е. Добродеева и др. [Боханов, 1984, с. 29]. Несмотря на неизбежную для своего времени марксистско-ленинскую трактовку экономических процессов, работа интересна с точки зрения анализа экономических механизмов функционирования прессы, связанной с крупным капиталом, в контексте государственной политики.

И все же основной интерес к природе и особенностям деловой журналистики связан с развитием этой составляющей отечественных СМИ в постсоветской России. Он приходится на конец 1990 — начало 2000-х годов, когда появляются многочисленные работы, посвященные исследованию роли и места деловой журналистики в современной системе СМИ, типологиям и классификациям деловых изданий [Вырковский, 2007; Голикова, 2009; Еременко, 2006; Кулев, 1994; Мордовская, 1998; Мурзин, 2003; Овсепян, 2005 и др.].

Современные исследователи, говоря о деловой журналистике, как правило, акцентируют внимание не столько на общих закономерностях создания медиатекстов и редакционных практик, сколько на присущих этому направлению ключевых особенностях.

Так, авторы петербургского учебного пособия «Деловая журналистика» обращаются не только к истории и организационной структуре, но и к специфике журналистской работы в подобных изданиях, методам и моделям аналитики [Мельник, 2010, с. 243—253]. Создатели одноименного московского учебника рассматривают в первую очередь присущие деловой журналистике способы обращения с данными. Отдельно они фокусируются на превращении «финансового» и «экономического» контента в предмет журналистского интереса, на освоении связанного с ним категориального аппарата и на других технологических вопросах [Деловая журналистика, 2012].

Появляются и более специализированные в предметной области опыты. Например, книга К. Барановского «Деньги говорят» [Барановский, 2016] специально посвящена одной составляющей деловой журналистики — журналистике финансовой, представленной автором через историю финансов и денег.

«Деловая журналистика» как учебная дисциплина входит сегодня во многие программы подготовки будущих специалистов. Обзор распространенных подходов и тенденций преподавания представлен О. Ю. Вихровой [Вихрова, 2019а; Вихрова, 2019б].

Таким образом, исследователи деловой журналистики, обращаясь к различным аспектам явления, рассматривают в основном его актуальные для текущего медиапроцесса характеристики. Этим, на наш взгляд, обусловлена и доминирующая в названных работах краткость экскурса в прошлое объекта изучения. Взгляд на историю деловой журналистики с точки зрения современных представлений о ней выделяет наиболее очевидные аналогии конца XIX — начала XX веков.

Нам представляется, что такой — редуцированный — подход, хотя и имеет свою логику, не позволяет в полной мере увидеть в ретроспективе реальный масштаб и место исследуемого феномена. Наша гипотеза заключается в том, что институционализация деловой журналистики как самостоятельного элемента отечественной медиасистемы началась уже в 1850—1870-е годы и была прямо связана с формированием в России публичной сферы на волне подготовки и реализации Великих реформ. Участниками разноуровневых политических и социальных процессов времени стали представители предпринимательской среды, прежде всего купцы и заводчики. Их многообразная активность нуждалась в рефлексии происходивших перемен, новых возможностей и угроз, — причем в рефлексии, транслируемой именно в публичном пространстве посредством печатного слова, исходящего не от профессионала-журналиста, а от самого предпринимателя.

В конце 1850 — начале 1860-х годов начал складываться пласт подобных дилетантских текстов, многие из которых, впрочем, быстро переходили в профессиональное качество. Стержневой для этих сочинений была хозяйственно-экономическая (а в связи с нею и политическая) проблематика. Они, можно сказать, стали тем субстратом, на котором выросла и начала свое развитие российская деловая журналистика.

2. Предпринимательская публицистика как предшественница отечественной деловой журналистики

Феномен, выбранный нами для исследования, с одной стороны, возникает на стыке двух взаимосвязанных тенденций рассматриваемого времени, с другой стороны, как нам видится, сам эти тенденции формирует, оформляет и сопровождает.

Первая тенденция — возникновение и расширение публичного пространства, прежде всего формирование национальной системы массовой печати. Следствием становится институционализация национальной медиасистемы, дифференциация ее основных типологических и жанровых составляющих, демократизация доступа авторов к печатным трибунам.

Вторая тенденция — возникновение нового типа акторов, представителей различных сословий и профессий, включившихся в предприниматель-

скую деятельность и нуждающихся в публичности для взаимодействия с властью, обеспечения широкой общественной поддержки своих начинаний.

Обе эти тенденции имели свою предысторию. Предпринимательство в России, как и в любой другой стране, в той или иной форме существовало всегда. В его прошлом были периоды расцвета и спада, порожденные социально-политическими и экономическими процессами. Петровские реформы, например, дали мощный импульс предпринимательству в отдельных областях. Так, по подсчетам специалистов, всего один региональный кластер — горнозаводский уральский — с XVII по начало XX веков объединил более 850 ярких представителей частного предпринимательства [Акторы российской ..., 2016, с. 86].

Однако расцвет частного и частно-государственного предпринимательства относится к эпохе реформ 1860-х годов. Он был тесно увязан с реформаторскими решениями и действиями правительства, поэтому всегда был политизирован, провоцировал дискуссию, в ходе которой ставились и обсуждались не только концептуальные или социальные, но и исключительно «лоббистские» вопросы.

Сказанное в отношении ранней истории предпринимательства в определенной степени может быть отнесено и к «хозяйственно-деловой» публикаторской деятельности непрофессиональных авторов. Она возникла в самом начале становления отечественной журналистики и на этом этапе объективно носила в значительной степени дилетантский характер.

Тем не менее установка на «хозяйственную», «деловую» тематику и проблематику присутствует в самых ранних периодических изданиях. В пионерах российская периодика («Санкт-Петербургские ведомости», «Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям», сатирические журналы конца XVIII века), в которой наряду с научной, политической, социальной тематикой не просто уделялось место «хозяйственной» проблематике, но и зачастую она подавалась как «титульная».

В 1755 году академик Г. Ф. Миллер следующим образом определяет предмет издания «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие»: «При таком учреждении, как сие, мы себе точных пределов не предписываем; но надлежит, смотря по различию читателей, всегда переменять материи, дабы всякий, по своей склонности и охоте, мог чем-нибудь пользоваться. Итак предлагаемы будут здесь сочинения, какие только обществу полезны быть могут, а именно: не одни только рассуждения о собственно так называемых науках, но и такие, которые в экономии, в купечестве, в рудокопных делах, в мануфактурах, в механических рукоделиях, в архитектуре, в музыке, в живописном и резном художествах, и в прочих какое ни есть новое изобретение показывают, или к направлению чего-нибудь повод подать могут» [ЕС, 1755, с. 8]

Подобная редакторская политика была свойственна и другим изданиям, будь это «Труды Императорского Вольного экономического общества» (1766—1915) или редактируемый известным популяризатором науки и домашнего хозяйства А. Т. Болотовым «Экономический магазин». Последний выходил с характерным подзаголовком: «Собрание всяких экономических известий, опытов, открытий, примечаний, наставлений, записок и советов, относящихся до земледелия, скотоводства, до садов и огородов, до лугов, лесов, прудов, разных продуктов, до деревенских строений, домашних лекарств, врачебных трав и до других всяких нужных и небесполезных городским и деревенским жителям вещей. В пользу российских домостроителей и других любопытных людей образом журнала издаваемый» (1780—1789) [ФЭБ РЛИФ].

Естественный синкретизм формирующейся национальной словесности ранней стадии разделения собственно литературного и журналистского процессов предшествовал дальнейшей их профессионализации и специализации. Объективными особенностями данного этапа являются жанрово-стилистическая нерасчлененность, размытость родовидовых границ публикационных активностей: будущей деловой, научной, критико-литературной, социально-публицистической и т. д. Ситуация меняется уже в первой трети XIX века, с началом профессионализации журналистики. А к концу 1850-х годов произошедшие изменения становятся особенно очевидными.

Начинается, повторим, формирование национального института СМИ. В рамках этого процесса заявляют о себе не только общественно-политическая, сатирическая, литературно-художественная, но и связанная с предпринимательскими практиками журналистика. Принципиально, что она не получила отдельного, ставшего общепризнанным названия. Если же использовать современную терминологию, то более всего соответствует ей определение деловая журналистика.

3. Эпоха Великих реформ и новые акторы публичной сферы

Предметом большинства работ, посвященных истории российской журналистики XIX века, выступает широкий круг явлений. Можно назвать некоторые из них: формирующаяся система медиажанров, национальная отрасль печатной индустрии, редакционная политика и эволюция конкретных изданий, взаимоотношения печати с органами госрегулирования, цензурой, деятельность признанных лидеров общественного мнения, публицистов и писателей, наиболее влиятельных издателей и редакторов, отражение споров по принципиальным вопросам времени в журнальной и газетной полемике.

Гораздо меньше внимания уделяется составу внештатных авторов тех изданий, которые можно отнести к деловым. Как правило, публикаторская

деятельность многих из них обращает на себя внимание лишь в контексте биографических исследований, становится страницей личной биографии, а не фактом истории деловой журналистики.

Между тем личностно-биографические особенности авторов-предпринимателей и, как следствие, формируемые ими стили публицистического письма выражают и воплощают важные тенденции в развитии отечественной деловой журналистики. 1850—1870-е годы интересны в этом отношении трижды: и с точки зрения появления нового автора, за которым стоят новые социальные типы, и с точки зрения формирования нового письма, и с точки зрения новых мотиваций акторов делового публицистического дискурса.

В ходе реформ резко меняются дискурсивный «вес» социально-экономической проблематики. Стремительно возрастает число периодических изданий, специализирующихся на экономических в широком смысле вопросах. Только в 1857 году появляются «Журнал для акционеров», «Посредник промышленности и торговли», «Экономический указатель», а уже в 1860 году начинают издаваться «Акционер», «Сельское хозяйство», «Указатель экономический, статистический и промышленный», «Юридический вестник», «Юридический журнал», «Промышленная газета», «Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов», «Указатель правительственных распоряжений по министерству финансов» [Лисовский, 1915].

Начинает на систематической основе печататься официальная статистика, которая становится важным источником аргументации позиций непрофессиональных авторов-предпринимателей. И в общественно-политических, и в литературно-художественных изданиях предметом обсуждений теперь становятся новации в экономическом законодательстве и самый процесс экономического законотворчества.

Основания и последствия реформ, как и их относительно свободное обсуждение, привлекли большое общественное внимание и закономерно создали поляризацию мнений, отраженную, а в какой-то мере и смоделированную ведущими журналами того времени. Как один из факторов этого их функционального дуализма, интересна мотивация авторов-предпринимателей, обращавшихся зачастую к очень, казалось бы, далекой от них сфере деятельности — написанию и публикации текстов.

В рамках исследуемой проблематики выдвинем несколько аксиоматических утверждений.

В виде первой аксиомы можно принять, что Александровские преобразования качественно изменили состав, интенсивность, а значит, и мотивацию публичных выступлений теоретиков и практиков отечественной деловой сферы [История российского ..., 2000, с. 228—229, 234].

Винные откупа и сахаропроизводство, железные дороги и металлургия, таможенные соглашения и «боевые» пошлины, покровительственная политика и «фритредерство», нефть и лес — эти и многие другие темы оказывались в центре напряженных публичных баталий и в полной мере формировали ту составляющую медийного дискурса, которую сегодня мы называем деловой журналистикой. Структурную опору новому дискурсу давала стремительно растущая система национальной печати, ее специализация. Она же самым серьезным образом влияла на его содержание и индуцируемые им социальные эффекты, в том числе властные решения, следовательно, мотивировала интересантов реформ стремиться к публикации своих мнений для достижения желаемого результата.

Из сказанного следует, что выступления представителей делового мира эпохи формирования российского капитализма существенно усложнились и стали не только разнообразными, но и более принципиальными, профессиональными с точки зрения понимания экономических процессов, по сравнению с более ранним временем.

Одна их часть эволюционировала в профессиональную или весьма близкую к таковой (если рассматривать качество текста, интенсивность публикаций, а не финансовую отдачу от них) деловую публицистику. Другая оставалась ближе к прежним, дилетантским опытам. Наконец, третья составляющая формировала научную — экономическую, финансовую и управленческую — публицистику.

Вторая аксиома, по нашему мнению, состоит в том, что авторы новой — предпринимательской — генерации не становились публицистами или литераторами в «чистом смысле»: они оставались практическими деятелями, в разное время своей жизни, на различных направлениях и стадиях своих бизнес-траекторий обратившимися к публичным выступлениям. Мотивы таких действий каждый раз оказывались различными: это могли быть лоббистские устремления, разочарование в тех или иных правительственных решениях, стремление предотвратить неудачные, угрожающие индустрии законодательные новации и т. д. Различались также интенсивность, последовательность, предпочитаемые площадки публикаторских усилий.

4. Публицистика как предпринимательская рефлексия

Остановимся подробнее на некоторых аспектах практик публичного высказывания формирующегося предпринимательского слоя, изменивших и ландшафт отечественной журналистики, и привычные структуру и логику поведения самих предпринимателей.

«Дилетантский» журнальный дискурс, массив текстов, авторами которых являлись помещики и заводчики, чиновники и купцы, крестьяне и

военнослужащие, профессора и исследователи-самоучки, всевозможные энтузиасты новых технологий и изобретатели всех мастей, представители земств и земской интеллигенции российских губерний и уездов, начинает очевидно приобретать публицистичность, «партийность», расходиться по лагерям полемистов, возглавляемых лидерами журнального мира.

Ведущие журналы в разной степени, но публикуют такие «непрофессиональные» материалы. Причем как либеральные, западнические («Колокол», «Вестник Европы», «Современник», «Отечественные записки» и т. д.), так и, условно, «почвеннические» («Гражданин», «Русская речь», «Русское обозрение», «Русская беседа», «Русский вестник», «Русский архив»).

Помимо журнальной трибуны, формируется и другой способ донесения своих мыслей: публикация брошюр небольшими тиражами с последующим их представлением для рассмотрения в правительственных комиссиях и рассылкой. Таким образом, повторимся, соединились два разнородных и в то же время связанных процесса: формирование отечественного предпринимательства и новых пространств публичной рефлексии, а кроме того, и все более публицистически насыщающейся деловой журналистики. Возникает особый дискурс публицистов-практиков.

Показательно, что и сам термин *публицистика* появляется в печатной полемике конца 1850-х годов, соответствующие контексты обнаруживаются в Национальном корпусе русского языка [НКРЯ]. К этому же периоду академик В. В. Виноградов отнес появление слова *публицист*. Он обратил внимание на политическую ангажированность нового термина в сознании современников. Рожденный в среде демократов лагеря Добролюбова-Чернышевского, в либеральном кругу Тургенева-Боткина этот термин был встречен иронией. Тем не менее уже с 1858 года начинает выходить приложение к «Отечественным запискам» под названием «Историки и публицисты новейшего времени в переводе на русский язык» [Виноградов, 1999, с. 795].

Утилитарный, прикладной характер публицистических текстов подчеркивается А. Г. Горнфельдом, автором статьи «Публицистика» в знаменитом словаре Брокгауза и Ефрона [Публицистика ..., 1898]. Современные исследователи истории словесности зачастую трактуют термин расширительно, относя его к явлениям древности на том основании, что «любой жанр древней литературы, будь то историческая повесть или сказание, житие или церковная проповедь, как правило, включает в себя значительные элементы публицистики» [Кусков, 2003, с. 95]. Это мнение стало привычным и приемлемым.

Однако нас интересует конкретный исторический период, в который происходил напряженный «спор о словах» — вербальное проявление рефлексии в отношении новых, еще не до конца осознанных феноменов дей-

ствительности. С другой стороны, сами новые явления нуждались в вербализации, в получении своего места в публичном дискурсе. И два эти процесса: собственно журналистский, отражающий дух времени, с одной стороны, и социологический (новые акторы, ищущие язык представления и выражения) — с другой, образовывали особое пространство полемики. Отечественное предпринимательство было одним из акторов, чья роль в этом процессе до сих пор не оценена в полной мере.

Облик предпринимателя-автора журнального или газетного текста не был статичным, он менялся по мере трансформации отечественной системы СМИ, социально-экономических изменений и реформ. При этом фигура его в качестве нового деятеля публичного пространства конструировалась как непосредственно, в практике и динамике преобразовательного процесса, так не меньше и в окружавшем его медийном поле.

Говоря так, примем в качестве третьей аксиомы, что словесное, и прежде всего публицистическое, творчество (то есть способ самопроявления в медийном поле) для предпринимателя не является высказыванием ради высказывания. Оно используется прагматически, как средство освещения общественно значимых проблем в тех аспектах, которые напрямую касались «цеховых» и личных интересов, и тогда, когда эти интересы, с точки зрения пишущего, совпадают с потребностями социума и государства.

Оставаясь прежде всего утилитаристом-практиком, предприниматель и свое произведение рассматривает как инструмент, как целерациональное действие, наконец, как экспертное мнение. Источником последнего выступал его деловой опыт, имеющий в данном случае двоякое значение. С одной стороны, опыт конституирует предпринимательское (со)общество как специфический сегмент публичной сферы с присущей ему солидарностью [Хабермас, 2008, с. 353] и он же легитимирует соответствующий дискурс. С другой стороны, в публицистическом диалоге, тем более в полемике, он не может служить гарантией успеха, поскольку требует адекватной вербализации и текстуализации.

Это ставит автора перед выбором: овладеть выработанным ранее языком публицистики, заставив его служить своим целям, либо использовать собственный, изучая конвенциональный словарь и правила игры лишь постепенно. Иными словами, язык предпринимателя-публициста вначале близок к «нормальному» языку повседневности, в котором «риторические элементы отступают на задний план». Но по степени разработанности он стремится приблизиться к «специальному языку» (то есть публицистическому), для которого риторика (адаптированная, «прирученная») служит важнейшим ресурсом [Хабермас, 2008, с. 215—216]. По мере того, как совершенствуется публицистическое вооружение предпринимательского

языка, прежняя утилитаристская направленность корректируется: все более заметное место в нем теперь занимают темы отвлеченные и масштабные; давно освоенные частные сюжеты порой инкорпорируются или вовсе поглощаются новыми, что стимулируется и обеспечивается общей синкретичностью публицистики изучаемой эпохи.

Выявление закономерностей интеграции предпринимательского письма (в самом широком социальном и жанровом охвате) как части и публицистики как целого осложняется тем, что первое еще не выделилось в особый предмет не только историко-журналистских, но и исторических исследований.

При этом ретроспектива работ по истории российского делового мира и отдельных его групп, персоналий, а также связанных с ним феноменов, сформировавшаяся за последние три десятилетия, более чем внушительна и создает хорошую фактографическую и концептуальную базу для дальнейших поисков.

Обособление истории предпринимательства от общего русла социально-экономической истории, происходившее в начале 1990-х годов, сопровождалось трудностями, на которые указал еще Б. В. Ананьич в своей новаторской монографии о банкирских домах пореформенной России. Среди трудностей исследователь отмечает проблемы поиска и сохранности источниковых комплексов, фрагментарность историографии темы и, следовательно, отсутствие у нее какой-либо традиции [Ананьич, 1991]. В таких условиях научные усилия концентрировались прежде всего в области институциональных, «отраслевых» сюжетов либо биографий конкретных предпринимателей (в триаде «личность — семья — династия») [Гавлин, 2002; История российского ..., 1999; История российского ..., 2000].

Этика и аксиология предпринимательства изучались в тесной связи с конфессиональным статусом и социально-карикативной активностью его представителей как своего рода гениев места, чья гражданская деятельность при любом ее размахе неотделима от территории происхождения / присутствия и является для последней культурообразующим фактором (а порой и доминантным).

Связь дела, семьи (вместе со стоящими за ней структурами, иерархиями, отношениями и связями) и территории функциональна и эвристически важна, поскольку определяет рамки публичного поведения и создает основу для формирования гражданской идентичности пореформенного «российского Медичи». Она же, в конечном счете, играет ключевую роль в выборе им стратегий вербализации личного опыта.

С точки зрения Джеймса Уэста, купец — первый и эталонный российский предприниматель — был в этом смысле весьма консервативен и даже в вопросах, прямо его касавшихся, нередко предпочитал отмолчаться: «... следуя

общепринятому порядку, и заводчики предприятий тяжелой индустрии, и текстильные магнаты оставались на обочине жарких дебатов по поводу индустриализации и государственной экономической политики. В 1890-е годы такие дебаты были занятием преимущественно профессоров, правительственных чиновников и прочих интеллектуалов» [Уэст, 2007, с. 171—172].

Парадоксальным образом мнение одного из наиболее компетентных экономических акторов оказывалось востребованным лишь наполовину. Купца и промышленника привлекали к дискуссиям как эксперта, могущего рекомендовать, но не всегда даже — настаивать (ср. ироническое замечание П. А. Бурышкина о первом всероссийском торгово-промышленном съезде 1870 года, где «было больше чиновников, чем промышленников» [Бурышкин, 1991, с. 67]).

Формирование особого предпринимательского дискурса Уэст относит к 1905—1917 годам, когда, по его мнению, российское купечество осознало себя буржуазией, став из сословия классом и выработав целую систему дефиниций этой новообретенной социальности [Уэст, 2007, с. 172]. В предшествующую же эпоху российское предпринимательство в плане групповой консолидации пользовалось словом не столь эффективно, если вообще не избегало систематической словесной работы. Причины его молчания, конечно, не объясняются только «презрением» со стороны дворянства, чиновничества и крестьянства, порождавшим избыточную апелляцию к монархическому патернализму и «идеологическому камуфляжу верноподданничества» [Там же, с. 171].

Безусловно, дистанция между купечеством и дворянско-бюрократической элитой сохранялась даже на уровне повседневных практик (вроде стойкого предпочтения своему Купеческому, а не Дворянскому клубу в Москве, хотя в последний многие крупные столичные дельцы избирались с 1860-х годов). Однако говорить о полной «депривации» общественного участия для предпринимательства вне сферы меценатства / благотворительности не приходится. Как показал Джозеф Брэдли, купцов с чиновниками уравнивало членство во многих организациях, например, в Русском техническом обществе [Брэдли, 2012, с. 308—309; Гросул, 2005, с. 167; Самоорганизация российской ..., 2011, с. 400].

Нужно учесть еще, что своеобразие позднейимперского дискурсивного режима заключалось в том, что официальные решения, с точки зрения властей, вообще, не должны были кем-либо гласно обсуждаться и оцениваться как на этапе подготовки, так и после принятия; предпринимательские круги не составляли в этом исключения. В то же время идея открытой коммуникации была широко востребована всеми слоями русской общественности. Само понятие общества как среды-носителя общественного мнения

и субъекта коллективного действия, способного взаимодействовать с государством и оказывать на него некоторое влияние, во второй половине XIX века уже сформировалось [Малинова, 2012, с. 447—448].

Купец / предприниматель, безусловно, входил в общество, если говорить о всесловном характере последнего, обоснованном, в частности, И. С. Аксаковым. Однако сопряженная с пребыванием в обществе коммуникативная активность требовала, согласно Аксакову, прочной базы в виде «личного духовного развития», то есть интеллектуальной зрелости, отличавшей общественного деятеля от безличной массы народа и сообщавшей ему право высказывания (вербальной манифестации своих действий в публичной сфере) [Малинова, 2012, с. 460].

Стремление к образованности и последующая идентификация себя как части образованного класса стимулировали интерес к семейной истории и соответствующей рефлексии; подобные автобиографические опыты были, конечно, немногочисленны, но весьма красноречивы [Ульянова, 2019, с. 161—162].

Надо сказать, культура письменного публичного слова, присущая пореформенному купечеству и в целом предпринимательству, представляет собой явление, малоизвестное и в синхронии (дискурс публицистики), и в диахронии (мемуарный дискурс).

В. А. Любартович и Е. М. Юхименко справедливо отмечают, что «купеческая мемуаристика» куда менее обширна, чем дворянская, и куда хуже научно разработана: «Интенсивное промышленное развитие России в конце XIX — начале XX веков не нашло достаточного отражения в мемуарной литературе: главные участники этих событий — купцы, промышленники, банкиры — не вели дневников, а после 1917 года, оказавшись не у дел, очень немногие взялись писать мемуары» [Любартович, 2011, с. 13].

Подобное можно сказать и о купеческой / предпринимательской публицистике. Тогда четвертую нашу аксиому изложим следующим образом. Как фундамент и первая фаза отечественной деловой журналистики, названный массив текстов 1850—1870-х годов и более поздних синхронен деловой активности своих создателей: он не обязательно подытоживает, но и фиксирует ее в текущем состоянии, в существенных, критически важных моментах. Потому он образует исследовательское поле сложное, подвижное и пространное — открытое для междисциплинарной разработки.

5. Некоторые выводы и перспективы

Признание того, что бизнес-активность и ее публицистические репрезентации у предпринимателя описываемого времени синхронны, позволяет обозначить перспективы дальнейшего, более конкретного изучения темы. Одна из них, как нам кажется, связана с сопоставительным анализом

отдельных публикаций одного автора как кейсов, демонстрирующих его актуальную реакцию на те или иные общественно-политические и экономические явления, и его мемуаристики (своего рода хронологически отложенной «итоговой» рефлексии тех же вызовов).

Примером здесь могут служить «Экономические провалы» В. А. Кокорева [Кокорев, 1887], представляющие собой синтез всей его полувековой публицистической работы и в то же время являющиеся концептуально самостоятельным произведением. Плодотворным может оказаться и иной путь — совмещение корпусного и кейс-анализа, позволяющего учесть динамику биографической, деловой и служебной траекторий публициста вкупе с естественным развитием его взглядов и практик их текстуализации.

Интересны в этом плане фигуры предпринимателей, одновременно бывших учеными, общественными и государственными деятелями. Таковы московский городской голова Н. А. Алексеев, череповецкий городской голова И. А. Милютин, смоленский городской голова, позднее архангельский губернатор А. П. Энгельгардт и другие деятели эпохи.

Источники и принятые сокращения

1. *Бурыйшкин П. А.* Москва купеческая / П. А. Бурыйшкин. — Москва : Высшая школа, 1991. — 352 с.
2. *Виноградов В. В.* История слов / В. В. Виноградов. — 2-е изд. — Москва : Институт русского языка Российской академии наук, 1999. — 1138 с.
3. ЕС — *Ежемесячные* сочинения, к пользе и увеселению служащие. — Санкт-Петербург : при Императорской Академии наук, 1755, январь — июнь. — 615 с.
4. *Кокорев В. А.* Экономические провалы по воспоминаниям с 1837 года / В. А. Кокорев. — Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1887. — IX + 215 с.
5. *Лисовский Н. М.* Библиография русской периодической печати. 1703—1900 гг. : материалы для истории русской журналистики / Н. М. Лисовский. — Петроград : Типография Акционерного общества типографского дела, 1915. — 1089 с.
6. НКРЯ — *Публицистика* // Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&api=1.0&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&mydocsize=&mode=main&lang=ru&sort=i_gtagging&nodia=1&text=lexform&req=публицистика (дата обращения 11.10.2020).
7. Публицистика — *Ар. Г.* Публицистика / А. Г. Горнфельд // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. — Санкт-Петербург : Типолитография И. А. Ефрона, 1898. — Т. XXVa. Простатит — Работный дом. — С. 746—747.
8. ФЭБ РЛИФ — *Экономический* магазин // Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/periodic/pp0-abc/pp1/pp1-0612.htm> (дата обращения 11.10.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акторы* российской имперской модернизации (XVIII — начало XX в.) : региональное измерение / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, О. Н. Богатырева и др. ; отв. ред.

И. В. Побережников. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2016. — 316 с. — ISBN 978-5-9907691-7-5.

2. *Ананьич Б. В.* Банкирские дома пореформенной России : 1860—1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства / Б. В. Ананьич. — Ленинград : Наука, 1991. — 199 с. — ISBN 5-02-027315-5.

3. *Деловая журналистика* / А. В. Афанасьева, М. В. Блинова, Д. А. Борисьяк и др. ; отв. ред. А. В. Вырковский. — Москва : МедиаМир, 2012. — 727 с. — ISBN 978-5-91177-036-5.

4. *Барановский К.* Финансовая журналистика. Деньги говорят / К. Барановский. — Москва : Ridero, 2016. — 86 с.

5. *Боханов А. Н.* Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. — 1914 г. / А. Н. Боханов. — Москва : Наука, 1984. — 152 с.

6. *Брэдли Дж.* Общественные организации в царской России : наука, патриотизм и гражданское общество / Дж. Брэдли ; пер. с англ. — Москва : Новый хронограф, 2012. — 448 с. — ISBN 978-5-94881-162-8.

7. *Гавлин М. Л.* История династий российских предпринимателей до 1917 г. в информационном изданиях ИНИОН РАН / М. Л. Гавлин // Теория и практика общественно-научной информации. — 2002. — № 17. — С. 149—156.

8. *Гросул В. Я.* Власть и общественное мнение в России XVIII—XIX веков / В. Я. Гросул // Труды Института российской истории / отв. ред. А. Н. Сахаров. — Москва : Наука, 2005. — Выпуск 5. — С. 118—172.

9. *Вихрова О. Ю.* (а) Деловая журналистика как универсальный инструмент подготовки журналистов к работе по повышению финансовой грамотности / О. Ю. Вихрова // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2019. — № 2. — С. 110—131.

10. *Вихрова О. Ю.* (б) Профессиональная подготовка журналистов как фактор формирования средствами массовой информации финансовой грамотности населения Российской Федерации : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / О. Ю. Вихрова. — Москва, 2019. — 28 с.

11. *Вырковский А. В.* Сравнительный анализ моделей деловых журналов США и России (на примере журналов «Форчун», «Форбс», «Бизнес уик», «Эксперт», «Деньги», «Смарт Мани») : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / А. В. Вырковский. — Москва, 2007. — 202 с.

12. *Ган М. П.* Газета американских деловых кругов «Уолл-стрит джорнэл» в системе современной ежедневной буржуазной печати США : история, типологические особенности и основные аспекты пропагандистской деятельности : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / М. П. Ган. — Москва, 1984. — 255 с.

13. *Голикова Л. Б.* Система деловых журналов в России : особенности становления, функционирования и развития: диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / Л. Б. Голикова. — Москва, 2009. — 222 с.

14. *Ерёменко А. В.* Деловая пресса в России : история, типология, моделирование изданий : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / А. В. Еременко. — Ростов-на-Дону, 2006. — 170 с.

15. *История предпринимательства в России.* Книга первая. От средневековья до середины XIX века / А. И. Аксенов, А. В. Демкин, В. Н. Захаров и др. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. — 480 с. — ISBN 5-8243-0029-1.

16. *История предпринимательства в России.* Книга 2. Вторая половина XIX — начало XX века / В. И. Бовыкин, М. Л. Гавлин, Л. М. Епифанова и др. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. — 575 с. — ISBN 5-8243-0030-5.

17. Кулев В. С. Деловая пресса России / В. С. Кулев // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 1994. — № 5. — С. 3—8.
18. Кусков В. В. История древнерусской литературы : учебник для филологических специальностей вузов / В. В. Кусков. — 7-е изд. — Москва : Высшая школа, 2003. — 336 с.
19. Любартович В. А. Московский промышленник Н. А. Варенцов и его мемуары / В. А. Любартович, Е. М. Юхименко // Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое / вступ. ст., сост., подгот. текста и комм. В. А. Любартовича и Е. М. Юхименко. — Изд. 2-е. — Москва : Новое литературное обозрение, 2011. — С. 5—18.
20. Малинова О. Ю. Общество, публика, общественность в России середины XIX — начала XX века : отражение в понятиях практик публичной коммуникации и общественной самодеятельности / О. Ю. Малинова // «Понятия о России» : к исторической семантике имперского периода. — Москва : Новое литературное обозрение, 2012. — Т. 1. — С. 428—463.
21. Мельник Г. С. Деловая журналистика : учебное пособие / Г. С. Мельник, С. М. Виноградова. — Санкт-Петербург : Питер, 2010. — 304 с. — ISBN 978-5-49807-216-6.
22. Мордовская Е. И. Деловое издание в системе периодической печати. Типоформирующие факторы, характер становления и развития : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / Е. И. Мордовская. — Москва, 1998. — 27 с.
23. Мурзин Д. А. Очерк типологии деловой прессы / Д. А. Мурзин // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2003. — № 2. — С. 64—75.
24. Овсепян Р. П. История новейшей отечественной журналистики : учебное пособие / Р. П. Овсепян ; под ред. Я. Н. Засурского. — 3-е изд. — Москва : Издательство МГУ ; Наука, 2005. — 352 с. — ISBN 5-211-06156-X.
25. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. / Дж. Бредли, В. Я. Гросул, О. Ю. Елина и др. ; отв. ред. А. С. Туманова. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. — 887 с. — ISBN 978-5-8243-1528-8.
26. Смирнова И. С. Становление и развитие финансово-экономической прессы Великобритании : на примере «Financial times» : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / И. С. Смирнова. — Санкт-Петербург, 1999. — 231 с.
27. Тищенко В. Н. История становления деловой прессы Великобритании и США / В. Н. Тищенко // Вестник РГГУ. Серия “Литературоведение. Языкознание. Культурология”. — 2016. — № 4. — С. 77—85. — DOI: 10.28995/2686-7249-2016-4-77-85.
28. Ульянова Г. Автобиографические тексты купечества : религиозное сознание и религиозное поведение. 1770—1860-е годы / Г. Н. Ульянова // Вера и личность в меняющемся обществе. Автобиографика и православие в России конца XVII — начала XX века : сборник статей / под ред. Л. Манчестер, Д. А. Сдвижкова. — Москва : Новое литературное обозрение, 2019. — С. 161—203.
29. Уэст Дж. Правительственный дискурс и гражданская идентичность в позднейперской России : представления о буржуазии / Дж. Уэст // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX — начало XX века / отв. ред. Б. Пиетров-Эннкер, Г. Н. Ульянова. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. — С. 170—182. — ISBN 978-5-8243-0862-4.
30. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций / Ю. Хабермас ; пер. с нем. — 2-е изд. — Москва : Весь мир, 2008. — 416 с. — ISBN 978-5-7777-0423-8.
31. Forsyth D. The business press in America. 1750—1865 / D. P. Forsyth. — Philadelphia : Chilton Books, 1964. — XXII + 394 pp.

MATERIAL RESOURCES

- Buryshkin, P. A. (1991). *Kupecheskaya Moscow*. Moscow: Higher School. 352 p. (In Russ).
Economic store. In: *Fundamental Electronic Library. Russian literature and folklore*. Available at: <http://feb-web.ru/feb/periodic/pp0-abc/pp1/pp1-0612.htm> (accessed 11.10.2020). (In Russ).
- Journalism — Art. G. Journalism. (1898). In: *Encyclopedic dictionary of Brockhaus and Efron, XXVá*. St. Petersburg: Typolithography of I. A. Efron. Prostatitis-Workhouse. 746—747. (In Russ).
- Kokorev, V. A. (1887). *Economic failures according to memoirs since 1837*. St. Petersburg: Printing house of A. S. Suvorin. IX + 215 p. (In Russ).
- Lisovsky, N. M. (1915). *Bibliography of the Russian periodical press. 1703—1900: Materials for the History of Russian Journalism*. Petrograd: Printing house of the Joint-stock company of typographic business. 1089 p. (In Russ).
- Monthly essays, for the benefit and entertainment of employees*. (1755). St. Petersburg: At the Imperial Academy of Sciences. January-June. 615 p. (In Russ).
- Publicistics. In: *National corpus of the Russian language*. Available at: https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&api=1.0&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentize=&dpp=&spp=&spd=&mydocsize=&mode=main&lang=ru&sort=i_grtagging&nodia=1&text=lexform&req=journalism (accessed 11.10.2020). (In Russ).
- Vinogradov, V. V. (1999). *The history of words*. Moscow: Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences. 1138 p. (In Russ).

REFERENCES

- Actors of the Russian imperial modernization (XVIII — early XX century): regional dimension*. (2016). Yekaterinburg: Bank of Cultural Information. 316 p. ISBN 978-5-9907691-7-5. (In Russ).
- Ananyich, B. V. (1991). *Banking houses of post-reform Russia: 1860—1914. Essays on the history of private entrepreneurship*. Leningrad: The science. 199 p. ISBN 5-02-027315-5. (In Russ).
- Baranovsky, K. (2016). *Financial Journalism. Money speaks*. Moscow: Ridero. 86 p. (In Russ).
- Bokhanov, A. N. (1984). *The bourgeois press of Russia and big capital. The end of the XIX century — 1914*. Moscow: The science. 152 p. (In Russ).
- Bradley, J. (2012). *Public organizations in Tsarist Russia: science, Patriotism and civil society*. Moscow: New Chronograph. 448 p. ISBN 978-5-94881-162-8. (In Russ).
- Business journalism*. (2012). Moscow: MediaMir. 727 p. ISBN 978-5-91177-036-5. (In Russ).
- Forsyth, D. (1964). *The business press in America. 1750—1865*. Philadelphia: Chilton Books. XXII + 394 pp.
- Gavlin, M. L. (2002). The history of the dynasties of Russian entrepreneurs before 1917 in information publications of the INION RAS. *Theory and practice of social and scientific information*, 17: 149—156. (In Russ).
- Grossul, V. Ya. (2005). Power and public opinion in Russia of the XVIII—XIX centuries. In: *Proceedings of the Institute of Russian History*, 5. Moscow: The science. 118—172. (In Russ).
- Gan, M. P. (1984). *The newspaper of American business circles “Wall Street Journal” in the system of the modern daily bourgeois press of the USA: history, typological*

- features and main aspects of propaganda activity*. PhD Diss. Moscow. 255 p. (In Russ).
- Golikova, L. B. (2009). *The system of business journals in Russia: features of formation, functioning and development*. PhD Diss. Moscow. 222 p. (In Russ).
- Habermas, Yu. (2008). *Philosophical discourse on modernity. Twelve lectures*. Moscow: The Whole World. 416 p. ISBN 978-5-7777-0423-8. (In Russ).
- Hovsepyan, R. P. (2005). *History of modern Russian journalism: textbook*. Moscow: Publishing house of Moscow state University Science. 352 p. ISBN 5-211-06156-X. (In Russ).
- Kulev, V. S. (1994). Business press of Russia. *Bulletin of the Moscow University. Series 10. Journalism*, 5: 3—8. (In Russ).
- Kuskov, V. V. (2003). *History of Old Russian literature: textbook for philological specialties of universities*. Moscow: Higher School. 336 p. (In Russ).
- Lyubartovich, V. A., Yukhimenko, E. M. (2011). Moskovsky industrialist N. A. Varentsov and his memoirs. In: *Heard. Seen. Changed my mind. Experienced*. Moscow: New Literary Review. 5—18. (In Russ).
- Malinova, O. Yu. (2012). Society, the public, the public in Russia in the middle of the XIX — beginning of the XX century: reflection in the concepts of practices of public communication and public amateur activity. “*Concepts of Russia*”: to the historical semantics of the imperial period, 1. Moscow: New Literary Review. 428—463. (In Russ).
- Melnik, G. S., Vinogradova, S. M. (2010). *Business journalism: a textbook*. St. Petersburg: Peter. 304 p. ISBN 978-5-49807-216-6. (In Russ).
- Mordovskaya, E. I. (1998). *Business publication in the system of periodical printing. Typoforming factors, the nature of formation and development*. Author’s abstract of PhD Diss. Moscow. 27 p. (In Russ).
- Murzin, D. A. (2003). An essay on the typology of the business press. *Bulletin of the Moscow University. Series 10. Journalism*, 2: 64—75. (In Russ).
- Self organization of the Russian public in the last third of the XVIII — early XX century*. (2011). Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 887 p. ISBN 978-5-8243-1528-8. (In Russ).
- Smirnova, I. S. (1999). *Formation and development of the financial and economic press of Great Britain: on the example of the “Financial times”*. PhD Diss. St. Petersburg. 231 p. (In Russ).
- The history of entrepreneurship in Russia. The first book. From the Middle Ages to the middle of the XIX century*. (2000). Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 480 p. ISBN 5-8243-0029-1. (In Russ).
- The history of entrepreneurship in Russia, 2. The second half of the XIX — the beginning of the XX century*. (1999). Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 575 p. ISBN 5-8243-0030-5. (In Russ).
- Tishchenko, V. N. (2016). The history of the formation of the business press of Great Britain and the USA. *Bulletin of the Russian State University. The series “Literary Studies. Linguistics. Cultural studies”*, 4: 77—85. DOI: 10.28995/2686-7249-2016-4-77-85. (In Russ).
- Vikhrova, O. Yu. (2019a). Business journalism as a universal tool for preparing journalists to work on improving financial literacy. *Bulletin of the Moscow University. Series 10. Journalism*, 2: 110—131. (In Russ).

- Vikhrova, O. Yu. (2019b). *Professional training of journalists as a factor in the formation of financial literacy of the population of the Russian Federation by the mass media*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 28 p. (In Russ).
- Vyrkovsky, A. V. (2007). *Comparative analysis of models of business journals of the USA and Russia (on the example of the magazines "Fortune", "Forbes", "Business Week", "Expert", "Money", "Smart Money")*. PhD Diss. Moscow. 202 p. (In Russ).
- Ulyanova, G. (2019). Autobiographical texts of merchants: religious consciousness and religious behavior. 1770—1860. In: *Faith and personality in a changing society. Autobiography and Orthodoxy in Russia at the end of the XVII — beginning of the XX century: a collection of articles*. Moscow: New Literary Review. 161—203. (In Russ).
- West, J. (2007). Government Discourse and Civil Identity in Late Imperial Russia: Ideas about the Bourgeoisie. In: *Civil Identity and the Sphere of civil activity in the Russian Empire. The second half of the XIX — the beginning of the XX century*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 170—182. ISBN 978-5-8243-0862-4. (In Russ).
- Yeremenko, A. V. (2006). *Business press in Russia: history, typology, modeling of publications*. PhD Diss. Rostov-on-Don. 170 p. (In Russ).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

Алексей Викторович Сагимбаев, д-р истор. наук (Брянск, Россия)
Андрей Александрович Солнышкин, архивист (Санкт-Петербург, Россия)
Анна Владимировна Шуршикова, канд. истор. наук (Нижний Новгород, Россия)
Болотбек Джумашович Абдрахманов, канд. истор. наук (Бишкек, Кыргызстан)
Валентина Александровна Верemenko, д-р истор. наук (Санкт-Петербург, Россия)
Владимир Владиславович Хартаев, мл. науч. сотрудник (Улан-Удэ, Россия)
Вячеслав Валериевич Аксарин, канд. истор. наук (Тобольск, Россия)
Дарима Дашиевна Амоголонова, д-р истор. наук (Улан-Удэ, Россия)
Екатерина Ивановна Красильникова, д-р истор. наук (Тобольск, Россия)
Елена Николаевна Крылова, канд. истор. наук (Санкт-Петербург, Россия)
Зухра Амеракуловна Алтымышова, PhD истор. наук (Бишкек, Кыргызстан)
Игорь Александрович Вальдман, канд. филос. наук (Новосибирск, Россия)
Инесса Геннадьевна Адоньева, канд. истор. наук (Новосибирск, Россия)
Иннокентий Галималаевич Актамов, доктор философии (PhD) (Улан-Удэ, Россия)
Константин Петрович Королев, канд. с.-хоз. наук (Тюмень, Россия)
Михаил Юрьевич Шляхов, канд. истор. наук (Нижний Новгород, Россия)
Надежда Михайловна Корнева, канд. истор. наук (Санкт-Петербург, Россия)
Нина Владимировна Старикова, канд. истор. наук (Нижний Новгород, Россия)
Соелма Ринчиновна Батомункуева, канд. филос. наук (Улан-Удэ, Россия)
Юлия Геннадьевна Григорьева, канд. истор. наук (Улан-Удэ, Россия)

Абдрахманов Б. Д. Осуществление политики репрессий в Киргизской ССР в 1937—1938 годах / Б. Д. Абдрахманов, З. А. Алтымышова // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 307—324. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-307-324.

Abdrakhmanov, B. D., Altymyshova, Z. A. (2021). Implementation of Repression Policy in Kirghiz SSR in 1937—1938. *Nauchnyi dialog*, 7: 307-324. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-307-324. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-307-324

Осуществление политики репрессий в Киргизской ССР в 1937—1938 годах

Абдрахманов Болотбек Джумашович

orcid.org/0000-0001-7498-7504

кандидат исторических наук

и.о. доцента

кафедра всеобщей истории и социально-
экономических, правовых дисциплин
факультета истории и социально-
правового образования
bolot.a.1958@mail.ru

Алтымышова Зухра Амеракуловна

orcid.org/0000-0002-9345-5519

PhD исторических наук, и.о. доцента

кафедра истории
гуманитарного факультета
zuhra.altymyshova@manas.edu.kg

Кыргызско-Турецкий
университет “Манас”
(Бишкек, Кыргызстан)

Implementation of Repression Policy in Kirghiz SSR in 1937—1938

Bolotbek D. Abdrakhmanov

orcid.org/0000-0001-7498-7504

PhD in History

Acting Associate Professor

Department of General History and
Socio-Economic, Legal Disciplines
Faculty of History and Socio-Legal
Education
bolot.a.1958@mail.ru

Zukhra A. Altymyshova

orcid.org/0000-0002-9345-5519

PhD in History, Acting Associate Professor

Department of History
Faculty of Humanities

zuhra.altymyshova@manas.edu.kg

Kyrgyz-Turkish
Manas University
(Bishkek, Kyrgyzstan)

© Абдрахманов Б. Д., Алтымышова, З. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос осуществления репрессий в отношении «троцкистов», «зиновьевцев», «правых» и других «врагов народа», проживавших в Киргизской ССР в 1937—1938 годах. Выявляются как объективные, так и субъективные предпосылки карательной деятельности органов безопасности в первые годы советской власти. Актуальность исследования обусловлена интересом ученых и общественности к периоду сталинских репрессий, оценке данных событий. Исследование осуществлено на основе материалов из архива государственного комитета национальной безопасности. Новизна исследования обусловлена тем, что указанные документы вводятся в научный оборот. Кроме того, впервые публикуются статистические данные о некоторых категориях репрессированных в республике. Авторы статьи считают, что необходимы переосмысление и политическая оценка событий этого непростого периода. Проанализирована репрессивная деятельность в отношении так называемых «врагов народа» в политическом аспекте, поскольку спецслужбы были инструментом правящей партии. Показаны роль и место органов безопасности, механизм реализации репрессий и незаконные способы проведения расследований. Для этого привлекаются архивные документы государственного комитета национальной безопасности Киргизской Республики.

Ключевые слова:

политические репрессии; Киргизская ССР; троцкисты; зиновьевцы; правые; вредительство; НКВД.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issue of the implementation of repressions against the “Trotskyists”, “Zinovievites”, “Rightists” and other “enemies of the people” living in the Kirghiz SSR in 1937—1938 is examined in the article. Both objective and subjective prerequisites for the punitive activities of the security agencies in the first years of Soviet power are considered. The relevance of the study is due to the interest of scientists and the public in the period of Stalinist repressions, the assessment of these events. The study was carried out on the basis of materials from the archives of the State Committee for National Security. The novelty of the research is due to the fact that these documents are introduced into scientific circulation for the first time. In addition, statistics are provided on some categories of repressed in the republic, which are also published for the first time. A rethinking and political assessment of the events of this difficult period is proposed. The repressive activities against the so-called “enemies of the people” in the political aspect are analyzed, since the special services were an instrument of the ruling party and obeyed. The role and place of the security agencies, the mechanism for implementing repressions and illegal methods of conducting investigations based on archival documents of the State Committee for National Security of the Kyrgyz Republic are shown.

Key words:

political repression; Kyrgyz SSR; Trotskyists; Zinovievites; Rightists; sabotage; NKVD.

Осуществление политики репрессий в Киргизской ССР в 1937—1938 годах

© Абдрахманов Б. Д., Алтымышова, З. А., 2021

1. Введение

Политика репрессий, направленная против определенных категорий граждан в период становления и укрепления советской власти, продолжалась с 1918 года до 1950-х годов. Время, когда государством руководил Иосиф Сталин, характеризуется усилением репрессий. 1937—1938 годы стали апогеем данной формы политического насилия. Сотни тысяч членов советской коммунистической элиты: партийные и правительственные чиновники, руководители промышленных предприятий, военные и гражданские служащие, технические работники, представители интеллигенции, а также простые люди — были арестованы, расстреляны или отправлены в трудовые лагеря как «враги народа». Кроме того, в 1937—1938 годах репрессиям в ходе «национальных операций» подвергались национальные меньшинства: этнические немцы, поляки, греки, латыши, корейцы, китайцы и др.

Тема репрессий 1930-х годов в исторической науке современного Кыргызстана до сих пор остается актуальной и одной из малоизученных проблем прошлого. Необходимо разработать подходы к оценке такого рода проблем на современном этапе развития страны.

Далее будут рассмотрены особенности осуществления репрессивной политики в Киргизской ССР в отношении «троцкистов», «зиновьевцев», «правых» в 1937—1938 годах. На основании анализа архивных документов государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики показаны роль и место органов безопасности в репрессивных действиях, механизм реализации ими карательных мер и нарушения процессуально-следственных действий.

2. Репрессии в Советской Киргизии

Политические репрессии в СССР начались сразу после Октябрьской революции 1917 года. Советское правительство создало чрезвычайную комиссию (ЧК) вскоре после революции для борьбы с контрреволюционными силами. Во время гражданской войны (1918—1921) в стране было вынесено 150 000 смертных приговоров. Во время относительно мирного НЭПа (1921—1927) около 10 000 человек («политические преступники») были приговорены карательными органами к высшей мере наказания.

Сталинская «революция сверху», которая ознаменовала крутой поворот от НЭПа, встретила сопротивление как внутри партии и правительства, так и со стороны советского общества в целом, что привело к резкому увеличению числа вынесенных по политическим мотивам смертных приговоров. За четыре года, с 1928 по 1931, более 30 000 человек в стране были приговорены к высшей мере наказания за политические преступления. В процессе коллективизации сельского хозяйства в конце 1920-х — начале 1930-х годов, индустриализации и укрепления личного правления Сталина репрессивные меры усилились и широко распространились по всему СССР. В сельской местности партия боролась с кулаками, заклеяменными как «классовые враги» (сельские буржуи), и их сторонниками, операция раскулачивания лишила имущества, вероятно, более трех миллионов крестьян [Kugomiya, 2013, p. 17—18].

1937 год стал пиком террора, который концентрическими кругами расходился от внутреннего ядра власти наружу, проникая во все слои общества. Он состоял из различных волн репрессий: устранения политической элиты, массовой расправы с кулаками, религиозными деятелями, военнослужащими, иностранцами и представителями этнических меньшинств, депортации целых народов [Баберовски, 2014, с. 166—167].

Как и в других республиках СССР, репрессивная политика проводилась и в Советской Киргизии. В Киргизской ССР в годы массовой коллективизации репрессии применялись в отношении «кулаков». В 1927 году 21 бай-манап (категория зажиточных людей) и в 1929 году 44 бай-манапа из Советской Киргизии были депортированы в Россию [ЦГА ОПД, д. 30, ф. 6, с. 24]. В 1931 году 700 семей из северной части республики были депортированы на Украину. Следующая кампания была проведена в 1932 году: на этот раз 500 кулацких хозяйств с юга республики были перемещены в другие регионы СССР [Там же, д. 363, ф. 10, с. 71—72].

С 1918-х годов операции по исключению членов коммунистической партии проводились непрерывно как в СССР, так и в республике. Если в Киргизии в 1933 году было 19 332 члена Коммунистической партии, то в 1938 году осталось 6029 человек, что означает уменьшение их числа втрое [Курманов и др., 1991, с. 5]. Большинство исключенных из Компартии впоследствии подверглись репрессиям. В конце 20-х и в начале 1930-х годов в Киргизии, как и в других республиках, репрессии усилились по отношению к «врагам народа». В 1933 году по ложному доносу был арестован и сослан на 10 лет видный государственный деятель, заместитель председателя госплана Киргизской АССР Абдыкерим Сыдыков. В том же году председатель Совета Народных Комиссаров Киргизской АССР Юсуф Абдрахманов был обвинен в национализме и снят с работы.

В 1937—1938 годах количество арестов увеличилось, например, с марта по ноябрь 1938 года было арестовано $\frac{2}{3}$ занимавших руководящие должности в государственных органах Киргизской АССР. Начиная с 1937 года репрессиям подверглись и командиры национальных воинских частей. Так, с августа 1937 по октябрь 1938 года органами НКВД были арестованы 44 военнослужащих 53 кыргызского кавалерийского полка по обвинению в том, что они являются членами националистического военного филиала «Социал-Туранской партии» [Архив ГКНБ КР, д. 8143-СУ, л. 44—67].

В этот период местные органы НКВД стремились любой ценой выполнить и перевыполнить указания и распоряжения из центра, пытались найти как можно больше «антисоветских организаций», «врагов народа», в результате чего было много сфабрикованных дел. В 1937—1938 годах репрессивные действия осуществлялись НКВД под руководством наркома внутренних дел Киргизской ССР И. Лоцманова (рис. 1).

Рис. 1. И. Лоцманов

Подозреваемых часто арестовывали посреди ночи и вскоре казнили. С особой секретностью проводились операции в 1937—1938 годах. Согласно постановлению НКВД СССР, родственникам и семьям репрессированных преднамеренно были сообщены ложные сведения, в частности, о том, что арестованные лишены права на переписку и приговорены к отбыванию наказания в лагерях сроком от 10 до 25 лет. На самом деле их к тому моменту уже расстреляли и похоронили в братских могилах. Информация о репрессиях, в частности казнях арестованных, была не известна общественности вплоть до 1990-х годов, сведения были обнародованы только после распада СССР [Kugotiya, 2007, p. 4]. Например, смертный приговор от 5 ноября 1938 года, вынесенный Торокулу Айтматову, отцу

всемирно известного писателя Чингиза Айтматова, долгие годы скрывался от его семьи [Айтматова, 2007, с. 167]. Кроме того, следует отметить, что многие семьи репрессированных также пострадали от «Большого Террора» 1937—1938 годов. Можно утверждать, что в советской Киргизии члены семей репрессированных сталкивались с различными препятствиями. В результате дети так называемых «врагов народа» часто скрывали свое прошлое и меняли фамилии.

В 1991 году общая могила репрессированных граждан республики была обнаружена на территории дома отдыха НКВД в селе Чон-Таш в Чуйской области, недалеко от Бишкека. В Чон-Таше были найдены останки 137 человек, которых расстреляли в ноябре 1938 года. Среди них основатели киргизского советского государства, первые народные комиссары, первая кыргызская интеллигенция: Ю. Абдрахманов, К. Тыныстанов, Б. Исакеев, Т. Айтматов, А. Сыдыков, Айдарбеков, А. Орозбеков, Дж. Саадаев, Х. Женбаев, О. Тынаев, Б. Солтоноев, Э. Эсенаманов, Х. Шоруков и др. Их тела были брошены в печь местного кирпичного завода. Место погребения обнаружили усилиями одного из соавторов данной статьи — Болота Абдрахманова. Он провел большую работу по обнаружению и раскопкам места захоронения останков жертв политических репрессий в с. Чон-Таш. 30 августа 1991 года состоялась государственная церемония перезахоронения останков жертв сталинских репрессий, обнаруженных в Чон-Таше. В память о погибших построен мемориальный комплекс, посвященный политическим репрессиям. Это место названо «Ата-Бейит» («Могила отцов»), сегодня это единственная зарегистрированная в Кыргызстане могила жертв политических репрессий в республике (рис. 2).

Рис. 2. Мемориальный комплекс «Ата-Бейит»

После обретения Кыргызстаном независимости в 1991 году был принят закон от 27 мая 1994 года «О правах и гарантиях граждан, подвергших-

ся давлению из-за политических и религиозных убеждений, социальных, национальных и других характеристик», ставший важным шагом в реабилитации жертв политических репрессий в республике. Согласно последним исследованиям, проведенным на основе архивных документов Госкомитета национальной безопасности Кыргызстана, количество людей, подвергшихся политическим репрессиям в Кыргызстане с 1918 по 1953 год, составило примерно 20 тысяч человек, представляющих 55 национальностей [Абдрахманов и др., 2020, т. 1, с. 7].

В 2020 году списки репрессированных граждан изданы в виде книги жертв политических репрессий Кыргызской Республики в 10-ти томах (объемом более 5 тысяч страниц). В список жертв были внесены все проживавшие в республике граждане, репрессированные с 1920 по 1953 годы. Эта книга — «Книга жертв политических репрессий в Кыргызстане (1920—1953 гг.)» [Абдрахманов и др., 2020] — издана на кыргызском языке.

Книга жертв политических репрессий Кыргызской Республики позволит изучить контингент репрессированных, систематизировать сведения об их характеристиках: социальных, партийных, профессиональных, национальных, конфессиональных. Также база данных даст возможность проанализировать сведения по регионам республики, в которых влияние процесса «Большого террора» ранее не изучалось, и по этапам репрессий, выявить активные фазы политики террора и выносимые приговоры.

3. Осуществление политики репрессий в Кыргызской ССР в 1937—1938 годах

Состоявшийся 23 февраля — 5 марта 1937 года печально известный пленум ЦК ВКП(б) дал дополнительный импульс к массовым репрессиям. В докладе И. Сталина «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» основной акцент был сделан на поиске и уничтожении «врагов народа», что карательные органы приняли к немедленному исполнению. НКВД разоблачал одну за другой «антисоветскую», «фашистскую», «террористическую» организации [Сталин, 1995, с. 3—15].

Жертв репрессий находили по определенным социальным и политическим критериям. Решающими для ареста стали такие факторы, как классовая принадлежность, происхождение, политическое и социальное прошлое. Так, параллельно с уничтожением контрреволюционных, национальных контингентов, социально-опасных элементов с июля 1937 по ноябрь 1938 года НКВД проводились одна за другой массовые операции против многих категорий граждан.

На основе анализа архивных материалов Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики изучаемого периода

можно увидеть, что, как правило, упоминаются репрессии против так называемых членов «Социал-туранской партии». Поскольку партию обвиняли в национализме, в число обвиняемых входили в основном лица кыргызской национальности. Среди репрессированных по данному сфальсифицированному делу можно отметить таких выдающихся личностей, как Ю. Абдрахманов, А. Орозбеков, А. Сыдыков, Т. Айтматов, К. Тыныстанов и др. [Архив ГКНБ КР, д. 2065-оф, т. 1, л. 156].

Однако в жернова репрессивной машины попадали лица и других национальностей: русские, украинцы, жившие и работавшие в республике в тот период. Их репрессировали согласно Приказу № 00447 НКВД СССР от 30.07.1937 года, выполняя план по разоблачению «троцкистов», «зиновьевцев», «правых» и других «врагов народа», проживающих в Киргизии [ГКНБ КР, д. 1755-оф]. В это же время, в августе 1937 года, наркомом внутренних дел Киргизской ССР был назначен Лоцманов, что, на наш взгляд, не случайно, а было связано с необходимостью реализации данного Приказа. Если политических «врагов народа» не было, то их нужно было искусственно создать, в том числе и для того, чтобы спасти свою жизнь, поскольку за неисполнение приказа по выявлению политических оппонентов сотрудники НКВД сами могли быть подвергнуты репрессиям.

Анализ документов о деяниях Лоцманова показывает, что он с задачей справился, погубив при этом большое количество невинных людей. До его назначения наркомом НКВД Киргизской ССР уже был арестован за принадлежность к «троцкизму» ряд партийных и советских работников республики. Вступив в должность, Лоцманов поручил своим сотрудникам допросить арестованных с применением к ним физического воздействия и добиться от них показаний о существовании правотроцкистского центра в Киргизии. Во время допроса арестованным было сказано, что к ним будет применена высшая мера уголовного наказания, если они не дадут признательных показаний, но в случае их согласия сотрудничать будет поставлен вопрос об отмене этого приговора. Угрозы и пытки вынудили арестованных дать вымышленные показания, что они являются участниками правотроцкистской организации. Для усиления достоверности полученных сведений Лоцманов дал арестованным для ознакомления газетный материал о Московском процессе над правотроцкистским центром Бухарина, Рыкова и других политических деятелей, предложил ознакомиться с ним и написать развернутые показания о существовании правотроцкистской организации в Киргизии [ГКНБ КР, д. 1755-оф, 7727-су].

Начальник 3-го отдела Иванов дал арестованным большой список фамилий руководящих работников Киргизии и предложил дать против последних показания, обвинив их в участии в правотроцкистской организа-

ции. Помимо уже находящихся под следствием людей, по данному делу проходило еще около 30 человек, которые в дальнейшем были все арестованы. Многие из обвиняемых под воздействием пыток дали признательные показания о своей контрреволюционной деятельности, признали себя членами и руководителями правотроцкистской подпольной организации в Киргизии. О масштабе дела свидетельствует тот факт, что с марта по ноябрь 1938 года было арестовано $\frac{2}{3}$ состава руководящих партийных и советских работников как в центральных учреждениях Киргизской ССР, так и в районах [Архив ГКНБ КР, д. 8143-СУ, л. 203—234].

Как показывают документы, в области борьбы с «врагами народа» между подразделениями НКВД также была конкуренция. К примеру, Лоцманов в приказе «О результатах соцсоревнования третьего и четвертого отделов УГБ НКВД Кирг. ССР за февраль 1938 года» извещал: «Четвертый отдел в полтора раза превысил по сравнению с 3-м отделом число арестов за месяц и разоблачил шпионов, участников контрреволюционных организаций на 13 чел. больше, чем 3-й отдел. Однако 3-й отдел передал 20 дел на Военколлегию и 11 дел на спецколлегию, чего не имеет 4-й отдел, зато 4-й отдел превысил количество законченных его аппаратом дел (не считая периферии), рассмотренных “тройкой”, почти на 100 человек» [цит. по: Палач ...].

Показательным является протокол допроса от 24 апреля 1938 года одного из обвиняемых (его имя по этическим соображениям мы не называем). Методы морально-физического воздействия на арестованного привели к тому, что он был сломлен и дал ложные показания. Далее приведем выдержку из протокола:

«Вопрос: На протяжении 7-ми месяцев пребывания под следствием Вы всячески уклоняетесь от дачи правдивых показаний о существующей право-троцкистской контрреволюционной организации в Киргизии и Вашем участии в ней. Мы располагаем неопровержимыми данными о Вашей роли в организации и требуем правдивых показаний.

Ответ: С момента моего ареста я делал несколько заявлений о моей троцкистской контрреволюционной деятельности, но пытался представить эти факты как бессистемные, не имеющие своего организационного начала. Теперь я понимаю, что дальше скрывать свое участие в право-троцкистской контрреволюционной организации, давно существовавшей в Киргизии, мне не удастся, и я решил стать на правдивый путь, рассказав обо всем, что мне известно. Признаю себя виновным в том, что до ареста состоял в правотроцкистской контрреволюционной организации, ставившей своей целью свержение Советской власти и установление буржуазного строя. Осуществление этой цели шло в блоке с буржуазными националистами Киргизии и иными враждебными элементами. Во Фрунзе я за-

стал целую группу активных троцкистов и зиновьевцев, которые тогда уже проводили совместную контрреволюционную борьбу против партии, под руководством бывшего в то время секретаря Киргизского обкома ВКП(б) Шубрикова» [Архив ГКНБ КР, д. 5923-су, л. 23—56]. На вопрос следователя НКВД о лицах, осуществлявших тогда контрреволюционную деятельность в Киргизии, арестованный отвечает, называя большое количество людей, работавших на партийно-советских должностях и якобы входивших в состав троцкистско-зиновьевской организации. Им были названы следующие лица: заведующий орг. отделом обкома партии — Ваннер, секретарь Фрунзенского горкома партии — Чернышев, бывший заведующий орг. отделом горкома партии — Успенский, заведующий АПО горкома партии — Евстигнеева, зам. председателя СНК Киргизии — Дунаев, зам. председателя КиргЦИК — Иващенко, секретарь КиргЦИК — Абрамов, сменивший его — Зубов, заведующий орг. отделом КиргЦИК — Миронов, наркомздрав — Ноздровская, плановик Госплана — Натансон, председатель Фрунзенского горсовета — Терещенко, секретарь горсовета — Белов, секретарь редакции «Советская Киргизия» — Иван Чистяков, бывший сотрудник НКВД — Шептухин [Там же].

Об обстоятельствах вхождения в «троцкистско-зиновьевскую контрреволюционную организацию» арестованный говорит следующее: «О наличии в Киргизии большой группы троцкистов и зиновьевцев и проводимой ими контрреволюционной борьбы против партии мне стало известно от бывшего заведующего орг. отделом Фрунзенского горкома партии — Успенского, который меня познакомил с бывшим заведующим орг. отдела КиргЦИК Мироновым и бывшим секретарем КиргЦИК — Абрамовым. После нескольких наших откровенных бесед они рассказали мне, что они выдворены из Ленинграда как активные участники зиновьевской “оппозиции”, что они проводят организованную борьбу против партии. В период 1927—1929 годы троцкистско-зиновьевская контрреволюционная организация в Киргизии, участником которой я являюсь, только переходила на нелегальные формы и методы борьбы против партии. Основная ее деятельность заключалась в сохранении своих кадров в партии и на руководящих должностях. На квартире Шубрикова, где состоялось собрание троцкистско-зиновьевской контрреволюционной организации, им была дана установка — двурушничать и маскироваться в целях сохранения себя в партии и усилении борьбы против нее. Шубриков дал прямую установку Чернышеву и мне как сотруднику горкома партии “не трепать особенно троцкистов и зиновьевцев, бить их по мере нужды на собраниях, но не добивать”. Этой двурушнической линией была пронизана вся работа руководителей обкома и горкома партии. Но враждебная деятельность троцкистско-зиновьевской организации в Кир-

гизии не ограничивалась только этим. Решение XIV съезда ВКП(б) об индустриализации страны и дальнейшие мероприятия партии по созданию промышленных предприятий на Советских окраинах вызвали резкое противодействие с нашей стороны. Этому мероприятию партии противились не только троцкисты и зиновьевцы, но и местные буржуазные националисты, которые к тому времени оформились в антисоветскую организацию во главе со своим вожаком — бывшим председателем СНК Абдрахмановым Ю. и 2-м секретарем обкома Садаевым» [Там же, л. 45].

Вызывает интерес его признание в ведении подрывной, вредительской деятельности. Если верить показаниям данного фигуранта дела, то все проблемы индустриального становления в республике были обусловлены не экономическими, финансовыми, кадровыми и другими трудностями, а исключительно вредительской деятельностью троцкистско-зиновьевской и буржуазно националистических организаций. Так, он отмечает следующее: «В результате подрывной, вредительской деятельности троцкистско-зиновьевской организации, с одной стороны, и буржуазных националистов — с другой, в Киргизии до 1931 года не было пущено в эксплуатацию ни одно промышленное предприятие, несмотря на большие капиталовложения, отпускаемые Союзным правительством. Конкретно могу указать на такой факт: в 1926 году была начата стройка первой в Киргизии гидростанции в Аламедине, имевшая в тот период решающее значение в деле обеспечения г. Фрунзе и промышленных предприятий электроэнергией. Ограниченные средства, отпущенные на строительство гидростанции, сознательно замораживались. Предприятия и учреждения, как и население г. Фрунзе, оставались без электричества. В 1929 году Нарком индустрии СССР, обследовав ход строительства Аламединской гидростанции, обнаружил явное вредительство и поставил вопрос о привлечении к уголовной ответственности руководства КиргССР. Дальше тормозить строительство было нельзя, создавалась угроза провала руководства троцкистско-зиновьевской и националистической организации. Чтобы спасти положение, Шубриков в порядке экстренных мер назначил меня начальником строительства, и лишь в 1929 году оно было закончено» [Там же, л. 57].

Очевидно, что в вопросах следователя НКВД содержится стремление получить показания о наличии блока между контрреволюционными организациями и об их совместных враждебных действиях. Приведем выдержку из протокола допроса.

«Вопрос: Можно ли понимать совместную враждебную деятельность троцкистско-зиновьевской и националистической контрреволюционной организации в Киргизии в период 1927—1929 гг. как наличие блока между ними?

Ответ: Я в тот период не был настолько близок к руководству троцкистско-зиновьевской <...>. Однако могу утверждать, что такой блок между ними, т. е. Шубриковым <...> с одной стороны <...> и Абдрахмановым (бывший председатель СНК КиргССР) и Садаевым (бывший 2-ой секретарь обкома партии) — с другой <...> уже тогда существовал.

Вопрос: Откуда исходило руководство троцкистско-зиновьевской контрреволюционной организации Киргизии?

Ответ: Насколько мне известно, указания и директивы исходили от Зеленского, бывшего в то время секретаря ЦК Среднеазиатского Бюро. Частенько слышал от Чернышева, а иногда от Шубрикова об их связях с Зеленским, когда шла речь о подрывной контрреволюционной работе» [Там же, л. 68].

По материалам следственного дела можно проанализировать трудовую деятельность обвиняемого, чьи показания мы приводим. Согласно им, везде он «занимался контрреволюционной, вредительской деятельностью». Так, он указывает, что «в 1929 году был послан на работу на юг Киргизии в г. Ош. О моей посылке в г. Ош было решение Киробкома. Должен отметить, что южная часть Киргизии, как известно, по своему географическому положению несколько оторвана от центра Киргизии. Причем юг характеризуется еще своей близостью к Китайской границе и концентрацией всех хлопковых районов. В силу этих особенностей югу Киргизии придавалось большое значение как троцкистско-зиновьевской, так и националистической контрреволюционной организацией. По прибытии в г. Ош я застал крепко сплоченные троцкистско-зиновьевские и националистические контрреволюционные организации ... Перед началом коллективизации были посланы в качестве секретарей РБК зиновьевцы — Успенский в Базар-Курганский район, Ус в Араван-Буринский район. Контрреволюционная деятельность троцкистско-зиновьевской и националистической контрреволюционной организаций облегчалась тем, что партийные ячейки на юге Киргизии тогда были крайне малочисленны и качественно слабы, беднота организованна плохо, советский и хозяйственный аппараты засорены классово-чуждыми людьми» [Там же, л. 78].

О последствиях враждебной деятельности троцкистско-зиновьевской и националистической контрреволюционной организаций на юге республики он сообщает следующее: «Целеустремленность нашей вражеской деятельности сводилась к тому, чтобы всеми способами дискредитировать и сорвать коллективизацию сельского хозяйства. Для этого мы систематически и упорно перегибали и извращали политику партии, добиваясь сплошной коллективизации целых районов, несмотря на известную отсталость в экономическом и культурном отношении юга Киргизии против централь-

ных районов. Мы не принимали никаких мер к ликвидации кулаков как класса, а <...> наоборот <...> давали ему возможность входить в колхозы и подрывать их изнутри. Кулачество и бай-манапские элементы, пользуясь таким положением, развернули среди дехкан бешенную пропаганду против коллективизации. В результате нашей подрывной работы в целом ряде районов — Араван-Буринском, Джалал-Абадском, Узгенском и других — произошли восстания против Советской власти. Восстания были подготовлены и осуществлены не только с целью срыва коллективизации, но и вооруженной борьбы против Советской власти. Мы имели намерения не только сорвать важное мероприятие партии и правительства, но повести более активную борьбу в целях свержения Советской власти.

В план троцкистско-зиновьевской и националистической контрреволюционной организаций входило также использование и этой силы — басмачей для вооруженной борьбы против Советской власти. Знаю, что в Узгенском районе одновременно с восстанием дехкан начала оперировать басмаческая банда Гаипа курбаши. Предполагаю, что Эсенаманов, Юлдашев руководили буржуазно-националистическими организациями на юге, а связь с басмачами шла по линии националистов, и они <...> бесспорно <...> руководили этой бандой» [Там же, л. 92].

Несомненный интерес вызывают некоторые показания обвиняемого относительно установок центральных органов по увеличению площадей посева хлопка. Так, данная установка, которая с точки зрения здравого смысла действительно имела некоторые негативные стороны (и они критически оценивались фигурантом дела), была <...> однако <...> в свое время принята к исполнению, потому что ее неисполнение в то время могло грозить серьезным обвинением в адрес исполнителей со стороны властей. Что интересно, обвиняемый указанные директивы властей преподносит как вредительскую акцию. На основании этих и других данных можно предположить, что он как человек грамотный таким образом, возможно, хотел показать всю драматичность того времени и противоречивость действий властей.

Приведем еще несколько фрагментов из его показаний: «Наши попытки сорвать коллективизацию не увенчались успехом. Восстания были подавлены. Поэтому мы перешли на методы широкого вредительства. Эта работа была возложена на меня. По линии планирования сельского хозяйства вредительство по моему заданию проводили названный мною Успенский, а также ссыльный троцкист Дроздов. Путем максимального расширения хлопкового клина мы резко сокращали посевы зерновых и других культур, в результате чего хлопкоробы оставались без хлеба, а животноводство, занимавшее значительный удельный вес в сельском хозяйстве юга, оставалось без кормовой базы. Хлопок как монокультура в сельском хозяйстве

был явно вредительским актом, продиктованным из Ташкентского и Фрунзенского центров и принятым нами к исполнению.

Одним из видов подрывной работы буржуазных националистов было всемерное культивирование среди коренного населения автономистских тенденций, то есть стремления отделения юга Киргизии от севера, расчленения целостности Киргизии для более плодотворной контрреволюционной работы» [Там же, л. 110]. И далее: «Сохранение и расстановка своих кадров, подрывная вредительская работа — являлись подсобными мероприятиями, способствующими выполнению основной задачи — вооруженного выступления. На нелегальном совещании руководителей правотроцкистской контрреволюционной организации в Киргизии в июле 1936 года Белоцкий прямо поставил вопрос о готовности свержения Советской власти путем повсеместного вооруженного выступления <...> Допросили: нач. 4 отдела УГБ НКВД КиргССР ст. лейтенант г.б. Идашкин, нач. 1 отделения 4 отдела УГБ НКВД КиргССР, мл. лейтенант г.б. Петухов» [Там же, л. 124].

Таким образом, судя по хронологии приведенных выше показаний арестованного против себя и других людей, можно заключить, что он начал давать ложные показания после 7-ми месяцев ареста, а именно после назначения Лоцманова наркомом НКВД республики. Это, в свою очередь, можно рассматривать в качестве свидетельства того, что с прибытием Лоцманова и его команды в НКВД республики начали применять в массовом порядке пытки арестованных. Кроме того, вызывает интерес «признание» обвиняемого во вредительской деятельности по разделению Киргизии на юг и север. Даже если предположить, что эта мысль была подсказана обвиняемому сотрудниками НКВД, скорее всего, так и было, то следует отметить, что органы государственной безопасности уже в то время обращали серьезное внимание на данное явление и рассматривали идею разделения республики как государственное преступление. Анализ вопросов, составленных следователями НКВД, показывает, что арестованным предъявлялись такие весомые обвинения, как членство в оппозиционных организациях, вредительство, руководство басмаческим движением, подготовка к вооруженному выступлению. При этом доказательной базы по таким серьезным статьям не приводится, видимо, в доказательствах не было необходимости. Достаточно было признания арестованного, пусть даже полученного в результате физических пыток: арестованных, которые не давали показаний об их принадлежности к вымышленной организации, следователи жестко избивали, а когда избитых арестованных на следствие приводили в камеры, то обработка продолжалась еще и там уже соседями по камере, подготовленными следователями НКВД.

Как видно из показаний обвиняемого, он в качестве «участников правотроцкистской и националистической организаций» назвал много имен из числа руководящего партийно-советского актива республики. Этим людям ожидал незамедлительный арест сотрудниками НКВД и допрос по известной, наработанной схеме.

Список репрессированных руководителей предприятий, государственных органов республики, включенных в «Книгу жертв политических репрессий в Кыргызстане с 1920—1953 гг.» [Абдрахманов и др., 2020], представлен в таблице и состоит из 751 человека, которые представляют 18 национальностей (табл. 1). Из них лиц кыргызской национальности — 216, русских — 189, украинцев — 43, узбеков — 24, евреев — 23, немцев — 16, татар — 16, уйгур — 11, казахов — 9, поляков — 7, латышей — 6, белорусов — 4, дунган — 4, грузин — 3, чехов — 2, башкир — 2, армян — 2, таджиков — 2.

Таблица 1

№	Руководители предприятий, государственных органов	Количество, чел.
1	Руководители промышленных, строительных предприятий (заводы, лесхозы, фабрики, типографии, тресты, шахты, транспорт)	99
2	Председатели колхозов	196
3	Руководители подразделений советских органов (Госплан, наркоматы)	48
4	Руководители подразделений торговых, финансовых предприятий (плановые, финансовые отделы, потребсоюзы, базы, склады)	79
5	Руководители учебных заведений, в том числе ВУЗов, техникумов, школ, облгайона	84
6	Руководители творческих коллективов, в том числе научных, редакторы газет (корреспонденты, переводчики)	55
7	Руководители медицинских учреждений (больниц, начальники наркомздрава, облгайздрава, физкультурных подразделений)	23
8	Руководители правоохранительных органов (милиция, НКВД, прокуратура)	43
	ИТОГО	751

По данным нашего исследования, из 17 134 репрессированных к высшей мере наказания было приговорено 3639 человек, что составляет 21,2 %, остальные — к разным срокам заключения в лагерях и тюрьмах или к ссылке.

4. Заключение

Политические репрессии, применявшиеся с момента установления советской власти, имели серьезные негативные последствия для общества и государства. В 1937—1938 годах миллионы людей были репрессированы: заключены в тюрьму, приговорены к смертной казни или сосланы в трудовые лагеря.

Объективный анализ событий и явлений истории на разных этапах развития государства позволяет глубже понять сущность и назначение органов госбезопасности на определенном отрезке времени, основные направления их деятельности. Архивные документы и материалы, особенно законодательные акты, принимавшиеся в разное время высшими органами государственной власти по органам ВЧК / ГПУ / ОГПУ / НКВД, свидетельствуют о том, что эти учреждения были своего рода заложниками проводимой Сталиным и его ближайшим окружением карательной политики по отношению к разным слоям населения.

Проблемы оценки места и роли органов госбезопасности в социально-политической структуре советского общества связаны прежде всего с их использованием правящей партией в качестве силового ресурса для достижения политических целей. Этим обусловлены основные негативные действия органов госбезопасности, направленные против граждан государства. В этом и состоят главные исторические уроки.

Таким образом, анализ основных направлений оперативно-розыскной деятельности ЧК / ОГПУ / НКВД Киргизии свидетельствует о том, что республиканские органы безопасности были трансформированы в карательный аппарат и вели активную деятельность по проведению репрессий против «врагов народа» в рассматриваемый период. Так, уничтожение части партийно-советских кадров было осуществлено под видом вскрытия «троцкистско-зиновьевской», «правотроцкистской» организации руководством НКВД республики того времени. Проведенный анализ архивных материалов ГКНБ КР по «троцкистско-зиновьевской», «правотроцкистской» организации показывает, что органы НКВД республики, выполняя указания пленума ЦК ВКП(б) от 23 февраля 1937 года, с большим усердием «вскрывали» якобы существующие оппозиционные организации в республике. После смерти Сталина жертвы репрессий 1937—1938 годов в республике были реабилитированы.

Источники и принятые сокращения

1. ГКНБ КР — *Архив* Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики (О грубых нарушениях социалистической законности в НКВД Кырг. ССР, имевших место в 1937—1938 гг). ф.у.д. арх. Дело 2065-оф, т. 1, л. 156.

2. ГКНБ КР — *Архив* Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики (Копийные материалы. Дела на указ. лиц находятся в архиве ФСБ РФ). Дело 1755-оф.

3. ГКНБ КР — *Архив* Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики. Документы и материалы следственных дел, сфабрикованных НКВД в 1937—1938 гг. Дело 1755-оф, 7727-су (Копийные материалы. Дело на указ. лиц находится в архиве ФСБ РФ).

4. ГКНБ КР — *Архив* Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики. Дело 8143-СУ, л. 203—234.

5. ГКНБ КР — *Архив* Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики (Документы и материалы следственных дел, снятых с учета, сфабрикованных НКВД в 1937—1938 гг. в отношении иностранцев). Дело 5923-СУ, л. 23—56.

6. ГКНБ КР — *Архив* Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики. Дело 8143-СУ, л. 44—67.

7. ЦГА ОПД — *Центральный* государственный архив общественно-политической документации. Ф. 6. Оп. 1. Д. 30. С. 24 ; Ф. 10. Оп. 1. Д. 363. С. 71—72.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдрахманов Б. Дж.* Кыргызстандагы саясий репрессиянын курмандыктары (1920—1953 жж.) (Книга жертв политических репрессий в Кыргызстане (1920—1953 гг.) / Б. Дж. Абдрахманов Т. А. Абдырахманов. — Бишкек : Бийиктик плюс, 2020. Т. 1—10. — 5000 с.

2. *Айтматова Р.* Тарыхтын актай барактары (Белые страницы истории) / Р. Айтматова. — Бишкек : Бийиктик, 2007. — 328 с.

3. *Баберовски Й.* Выжженная земля : Сталинское царство насилия / Й. Баберовски ; перевод с немецкого Л. Ю. Пантиной. — Москва : Политической энциклопедия, 2014. — 487 с. — ISBN 978-5-8243-1858-6.

4. *Курманов З. К.* Тридцать седьмой год в Киргизии (Возвращенные имена) / З. К. Курманов, С. И. Бегалиев, В. Д. Семенов и др. — Фрунзе : Кыргызстан, 1991. — 253 с. — ISBN 5-655-00627-8.

5. *Палач*, расстрелявший 137 человек в Чон-Таше, закончил свою жизнь в подвалах Лубянки [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.kp.kg/daily/25786.5/2770028/> (дата обращения 12.11.2020).

6. *Сталин И. В.* О недостатках партийной работы и о мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников : доклад на февральско-мартовском пленуме (1937 г.) / И. В. Сталин // Вопросы истории. — 1995. — № 3. — С. 3—15.

7. *Kuromiya H.* Overview of the Great Purge / H. Kuromiya // Perspectives on Modern World History, Stalin's Great Purge. Editor Noah Berlatsky. — Michigan : Greenhaven Press, 2013. — 190 p.

8. *Kuromiya H.* The Voices of the Dead : Stalin's Great Terror in the 1930s. / H. Kuromiya. — New Haven and London : Yale University Press, 2007. — 304 p. — ISBN 9780300123890.

MATERIAL RESOURCES

CGA OPD — *Central State Archive of Socio-political Documentation*. F. 6. In. 1. P. 30. P. 24; F. 10. In. 1. C. 363. P. 71—72. (In Russ).

- GKNB of the Kyrgyz Republic — *Archive of the State Committee for National Security of the Kyrgyz Republic* (About gross violations of socialist legality in the NKVD of the Kyrgyz SSR, which took place in 1937—1938). D. 2065-of. Vol. 1. L. 156. (In Russ).
- GKNB of the Kyrgyz Republic — *Archive of the State Committee for National Security of the Kyrgyz Republic*. C. 8143-SU. L. 203—234. (In Russ).
- GKNB of the Kyrgyz Republic — *Archive of the State Committee for National Security of the Kyrgyz Republic*. Documents and materials of investigative cases removed from the register, fabricated by the NKVD in 1937—1938 in relation to foreigners). C. № 5923-SU. L. 23—56. (In Russ).
- GKNB KR — *Archive of the State Committee for National Security of the Kyrgyz Republic*. C. 8143-SU. L. 44—67. (In Russ).
- GKNB KR — *Archive of the State Committee for National Security of the Kyrgyz Republic* (Copy materials. Business on the decree. persons are in the archive of the FSB of the Russian Federation). D. 1755-of. (In Russ).
- GKNB KR — *Archive of the State Committee for National Security of the Kyrgyz Republic* Documents and materials of investigative cases fabricated by the NKVD in 1937-1938. (Copy materials. Business on the decree. persons are in the archive of the FSB of the Russian Federation). D. 1755-of, 7727-su. (In Russ).

REFERENCES

- Abdrakhmanov, B. J., Abdyrakhmanov, T. A. (2020). *Book of victims of political repression in Kyrgyzstan (1920—1953), 1—10*. Bishkek: Biyiktik plus. 5000 p. (In Kyrg.).
- Aitmatova, R. (2007). *White pages of history*. Bishkek: Biyiktik. 328 p. (In Kyrg.).
- Baberowski, J. (2014). *Scorched Earth: Stalin's Kingdom of Violence*. Moscow: Encyclopedia of Political Science. 487 p. ISBN 978-5-8243-1858-6. (In Russ).
- Kurmanov, Z. K., Begaliev, S. I., Semenov, V. D., etc. (1991). *Thirty-seventh year in Kyrgyzstan (Returned names)*. Frunze: Kyrgyzstan. 253 p. ISBN 5-655-00627-8. (In Russ).
- Kuromiya, H. (2007). *Voices of the Dead: the Great Stalinist Terror in the 1930s*. New Haven and London: Yale University Press. 304 p. ISBN 9780300123890.
- Kuromiya, H. (2013). Review of the Great Purge. In: *Perspectives on Modern world History, The Great Purge of Stalin*. Michigan: Greenhaven Press. 190 p.
- Stalin, I. V. (1995). On the shortcomings of Party work and on measures to eliminate Trotskyist and other double-dealers: a report on the February-March Plenum (1937). *Voprosy istorii*, 3: 3—15. (In Russ).
- The executioner who shot the man in Chon-Tash 137, ended his life in the basements of Lubyanka*. Available at: <https://www.kp.kg/daily/25786.5/2770028> (accessed 12.11.2020). (In Russ).

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Адоньева И. Г. Русские юристы второй половины XIX века о политико-правовых концепциях Екатерины II / И. Г. Адоньева // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 325—340. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-325-340.

Adonyeva, I. G. (2021). Russian Lawyers of Second Half of 19th Century on Political and Legal Concepts of Catherine II. *Nauchnyi dialog*, 7: 325-340. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-325-340. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-325-340

Русские юристы второй половины XIX века о политико-правовых концепциях Екатерины II

Адоньева Инесса Геннадьевна
orcid.org/0000-0003-1485-9919
кандидат исторических наук, доцент
кафедра истории и политологии
adoinessa@yandex.ru

Новосибирский государственный
технический университет
(Новосибирск, Россия)

Russian Lawyers of Second Half of 19th Century on Political and Legal Concepts of Catherine II

Inessa G. Adonyeva
orcid.org/0000-0003-1485-9919
PhD in History, Associate Professor
Department of History
and Political Science
adoinessa@yandex.ru

Novosibirsk State
Technical University
(Novosibirsk, Russia)

© Адоньева И. Г., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проанализированы оценки российскими юристами второй половины XIX века политико-правовых концепций Екатерины II. Уделяется внимание учебным и научным трудам по истории российского права и русскому государственному праву, изданным во второй половине XIX века. Автор исходит из того, что на оценки русскими юристами политико-правовых идей императрицы повлияли профессиональный и сословный факторы. Показано, что профессиональный заключался в официальном введении Екатериной II в русский политико-правовой оборот достижений европейских просветителей, способствующих формированию тенденции к преобладанию закона над волей монарха. Особое внимание уделяется тому, что большинство представителей юридической профессуры имели дворянское происхождение, XVIII век был для них сравнительно недавним прошлым, а семейные предания и сословная идентичность формировали положительное представление о екатерининском правлении и самой императрице. Показано, что исследователи, занимавшиеся изучением купеческого сословия, обращали внимание на то, что выборочное знакомство императрицы с трудами европейских мыслителей оставило без ее внимания отрасли права, имевшие принципиальное значение для сословия, занятого в коммерции и промышленности. Автор отмечает, что максимальное вниманиеистики права уделяли государственно-правовым концепциям императрицы.

Ключевые слова:

правовые и политические концепции; Екатерина II; юридическая профессура; пореформенный период.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The views of Russian lawyers of the second half of the 19th century regarding the political and legal concepts of Catherine II are considered. Attention is paid to educational and scientific works on the history of Russian law and Russian state law, published in the second half of the 19th century. The author proceeds from the fact that professional and class factors influenced the assessment of the empress's political and legal ideas by Russian lawyers. It is shown that the professional one consisted in the official introduction by Catherine II into the Russian political and legal turn of the achievements of European educators, contributing to the formation of a tendency towards the prevalence of the law over the will of the monarch. Particular attention is paid to the fact that most of the representatives of the legal profession were of noble origin, the 18th century was a relatively recent past for them, and family traditions and class identity formed a positive idea of Catherine's rule and the empress herself. At the same time, it is shown that researchers associated with the merchants paid attention to the fact that the empress's selective acquaintance with the works of European thinkers left her without attention to branches of law, for example, civil law, which was of fundamental importance for the estate employed in commerce and industry. The author notes that historians of law paid maximum attention to the state-legal concepts of the empress. It is proved that the conclusions made in the study correlate with the ambiguous assessments of Catherine II both among historians and Russian society as a whole.

Key words:

legal and political concepts; Catherine II; legal professorship; post-reform period.

Русские юристы второй половины XIX века о политико-правовых концепциях Екатерины II

© Адоньева И. Г., 2021

1. Введение

Оформление юристов как социально-профессиональной группы произошло в Российской империи во второй половине XIX века, а знаковыми для этого процесса стали Университетский устав 1835 года, положивший начало качественному юридическому образованию, и Университетский устав 1863 года, сделавший специальность массовой. Принципиально важной была реформа 1864 года, вводившая в отечественную судебную систему действовавшие в Европе принципы гласности, состязательности, свободной оценки доказательств и т. д. Американский исследователь Р. Уортман в своем фундаментальном труде убедительно доказал, что именно в это время в России складывается круг юристов, для которых на первое место выходит служение праву [Уортман, 2004]. Идеи, которые были сформулированы просветителями в XVIII веке, послужили основой для правового государства и стали базовыми элементами профессионального образования юристов. Поэтому наследие Екатерины II, позиционирующей себя ученицей Ш. Монтескье, Ф. Вольтера и Ч. Беккариа, было для отечественных правоведов предметом внимания. Также интерес к правовым концепциям и законодательству Екатерины II со стороны юристов второй половины XIX века был обусловлен наличием у нее авторских текстов юридического содержания, наиболее ярким из которых являлся знаменитый «Наказ». При этом в современной науке отсутствуют работы, обобщающие суждения специалистов эпохи расцвета отечественной юриспруденции относительно понимания императрицей правовой сферы жизни общества.

Поставленная таким образом проблема обуславливает внимание к историографическим исследованиям, среди которых широко представлены работы, посвященные традиции изучения того или иного аспекта деятельности Екатерины II на разных этапах развития науки [Волкова, 2011; Федоренко, 2018; Юферова, 2014а; Юферова, 2017]. С. В. Юферова пришла к выводу о том, что исследователи второй половины XIX — начала XX веков отмечали непоследовательность правовой политики императрицы, формальность и декларативность ее намерений [Юферова, 2014б, с. 133]. При этом заключения юристов относительно суждений и конкрет-

ных действий императрицы не оценивались с точки зрения их собственных профессиональных взглядов.

Так, Д. Р. Садикова сосредоточила внимание на выводах дореволюционных исследователей относительно степени заимствования Екатериной II идей Монтескье при работе над «Наказом» и доказала, что во второй половине XIX века среди интеллектуалов оформилось несколько направлений, приверженцы которых отстаивали противоположные взгляды по этому поводу [Садикова, 2014]. Кроме того, в настоящее время разрабатываются вопросы, связанные с воздействием достижений европейской юридической науки XVIII века на последующую законодательную деятельность императрицы [Бабкова, 2015; Назаренко, 2008]. Г. О. Бабкова проанализировала воззрения Екатерины II на уголовное право, воплотившиеся в 1780-е годы в реформы законодательства. Автор отметил влияние на императрицу произведений английского юриста У. Блэкстоуна. Сравнив созданные Екатериной II проекты и «Устав благочиния», Г. О. Бабкова пришла к выводу о прямом влиянии императрицы на качественно новый этап развития русского уголовного законодательства (появление новой классификации преступлений, оформление тенденции к защите жизни и собственности любого жителя империи без учета его сословной принадлежности) [Бабкова, 2015, с. 18—19]. Б. А. Назаренко в историографическом блоке своей работы отметил позитивное мнение о законотворческой деятельности императрицы, высказанное отцом знаменитого юриста и публициста К. К. Арсеньева К. И. Арсеньевым, который в 1820-е годы ратовал за кодификацию законодательства как одно из условий экономического благополучия империи. Признаком прогрессивных для эпохи правовых идей императрицы Б. А. Назаренко назвал соразмерность преступления и наказания и постановку вопроса о гласности судопроизводства [Назаренко, 2008, с. 34—35].

Юридический язык как объективированная форма мышления периода второй половины XVIII века стал предметом внимания Г. В. Дуриновой и Е. Н. Марасиновой [Дуринова, 2015; Марасинова, 2017]. Е. Н. Марасинова в своей монографии, помимо прочего, реконструировала правовое мышление императрицы и отношение к ее юридическому творчеству современников из числа политической элиты. Исследователь выявил широкий спектр оценочных суждений, которые высказывали соратники и противники Екатерины II относительно ее практической деятельности, обусловленной правовыми воззрениями императрицы. Большая часть современников считала, что она смогла упорядочить находившиеся в плачевном состоянии российские законы. Некоторые из современников, как отмечает Е. Н. Марасинова, все-таки находили, что страна лишена «твердого основания для законов и распорядков» [Марасинова, 2017, с. 243]. Автор по-

лагает, что Екатерина II в качестве адресатов своих произведений предполагала подданных, принадлежавших к высшему сословию: «Выверенная и продуманная политика в отношении знати находилась в явном диссонансе с разрушением всякого диалога, даже умозрительного и показательного, с большей частью населения» [Там же, с. 277]. Е. Г. Недайводина сделала заключение о том, что императрица стремилась учитывать уровень юридической культуры населения России [Недайводина, 2014, с. 114]. Е. С. Соколова пришла к выводу о реализации Екатериной II патерналистской правовой политики, что также было связано с особенностями менталитета большей части населения Российской империи [Соколова, 2018, с. 105].

Наиболее близка нашему исследованию статья американского исследователя У. Батлера, посвященная студенческой работе Л. Н. Толстого о «Наказе», где будущий писатель пришел к заключению, что этот труд «принес больше славы Екатерине, чем пользы России» [Батлер, 2018]. Здесь важным является то, что Лев Николаевич создавал свое произведение, будучи студентом первого курса юридического факультета Императорского Казанского университета, то есть его суждения были, пусть даже и умеренно, профессионально детерминированы. У. Батлер полагал, что задачами будущего писателя были выявление самостоятельности вклада императрицы в свое самое знаменитое произведение, а также оценка непосредственно самого текста. Автор полагает, что на учебно-научное исследование Л. Н. Толстого серьезно повлияло его нелюбимое мнение о Екатерине II как личности тщеславной и эгоистичной; эти качества, по мнению писателя, обусловили более низкий уровень текста императрицы в сравнении с тем, что от нее можно было бы ожидать: она «...не могла подавить своего мелочного тщеславия, которое помрачает ее великие достоинства» [Батлер, 2018, с. 10—11].

Целью настоящей работы является реконструкция взглядов российских юристов второй половины XIX века относительно политико-правовых концепций Екатерины II.

Методологической базой настоящей работы стала история интеллектуальной культуры, привлекаемая в данном случае как основа для анализа юридических идей и дискурсов с учетом общественно-политического и экономического состояния Российской империи второй половины XIX — начала XX веков. Основным методом является дискурсивный анализ в понимании Т. ван Дейка, когда дискурс рассматривается как завершенный письменный вербальный продукт коммуникативного действия, а также его результат, который интерпретируется адресатами [Ван Дейк, 2013, с. 24]. Кроме анализа текста, анализ дискурса также предполагает описание социальных условий, предопределяющих порождение и восприятие текста.

В этой связи был использован метод интеллектуальной биографии как сочетания биографического, текстуального и социокультурного анализа, позволяющий понять мотивы обращения автора к представленной им проблематике и особенности ее репрезентации.

Состояние юриспруденции как науки и отрасли деятельности вплоть до середины XIX века было весьма плачевным [Томсинов, 2010]. Отсутствие профессиональных юристов самым негативным образом сказывалось на законодательстве и судебной практике. По части правовых познаний Екатерина II выгодно отличалась от современников, однако сведения эти были приобретены ей в результате самообразования. Это осознавали и юристы второй половины XIX века, обращавшиеся к наследию императрицы и включавшие его в курсы по истории права и государственному праву, но не в дисциплины, связанные с правовыми учениями. Обращаясь к трудам Екатерины II, они стремились понять ход ее рассуждений, их реализацию на практике, что стало фактически реконструкцией ее политико-правовых концепций.

Основными источниками настоящей работы являются труды отечественных историков права и специалистов в области государственного права М. Ф. Владимирского-Буданова (1838—1916), В. Н. Латкина (1858—1927), А. Д. Градовского (1841—1889), А. Г. Тимофеева (1867 — после 1917), А. С. Алексеева (1851—1916), Д. П. Никольского (1857—1907), И. Е. Андреевского (1831—1891), Д. Я. Самоквасова (1843—1911), изданные в период с 1866 по 1904 годы.

Юридические аспекты правления Екатерины Великой были предметом специального научного анализа для двух исследователей: А. Д. Градовского и В. Н. Латкина. Остальные, обращаясь к правовому творчеству и законодательной деятельности императрицы, зачастую тиражировали при этом устоявшуюся точку зрения. Хронологические рамки заданы, прежде всего, особенностями цензурного законодательства. До 1905 года в Российской империи существовали серьезные ограничения по опубликованию любой информации, в том числе и научной, связанной с династией Романовых. Для российских интеллектуалов второй половины XIX столетия век XVIII был актуальным, близким прошлым, присутствующим в семейной памяти [Леонтьева, 2011, с. 30]. «Столетье безумно и мудро» в силу специфики его политической истории было до революции 1905 года предметом пристального внимания цензуры, особенно если научный или публицистический тексты касались прямых предков правящего монарха. И. М. Чирскова отметила, что «главным критерием при определении рамок допустимой “гласности” было почтительное отношение к верховной власти в лице императорской фамилии. Предметом особого внимания были династические связи, права на

престол, законность рождения, государственная деятельность, образ жизни и личные связи покойных» [Чирскова, 1995, с. 65]. В связи с этим историкам и юристам, изучающим в пореформенную и последующие эпохи жизнь и деятельность Екатерины II, необходимо было создавать тексты, способные пройти цензуру, а также проявлять максимум такта и изящества слога, чтобы донести до читателей результаты своих изысканий.

2. Государственно-правовые и политические концепции Екатерины II с точки зрения российских юристов второй половины XIX века

Одним из самых крупных специалистов в области русского государственного права был скончавшийся в сравнительно молодом возрасте А. Д. Градовский. Он остановился на достижениях Екатерины II в области законодательства, изменений в сфере государственного управления и отчасти затронул ее политико-правовые идеи. Надо полагать, в том числе и авторитет Градовского стал причиной того, что большинство русских государствоведов и историков права были склонны восхищаться юридическими аспектами деятельности императрицы. Для юриста она стала примером подготовленного и профессионально мыслящего правителя XVIII века: «Время, проведенное императрицей в России до восшествия ее на престол, не осталось для нее без пользы. Ее проницательный взгляд быстро присмотрелся к русским административным порядкам, быстрый ум успел найти в них злоупотребления и многое придумать для их исправления. Твердую руку взялась она за государственное дело; не слабая женщина заседала в Сенате в 1762 г., а один из опытнейших администраторов и законодателей. Сама Екатерина знакомит нас со своим взглядом на тогдашнюю администрацию. Плохое состояние финансов и финансовой администрации, невыносимое положение монетного дела и, в результате всего этого, отсутствие кредита остановили на себе ее внимание» [Градовский, 1866, с. 204—205]. По его мнению, она предельно ясно, хотя и сообразно с собственными устремлениями, понимала смысл разделения властей. Описав негативное отношение императрицы к «многофункциональности» Сената и обилию у него полномочий, исследователь пришел к следующему выводу: «Сенат был устроен для исполнения законов, ему предписанных, а он часто выдавал законы, раздавал чины, достоинства, деньги, деревни, одним словом почти все и утеснял прочие судебные места в их законах и преимуществах. Во всяком случае, императрица видела в Сенате учреждение, несовместимое с ее видами, и деятельно принялась за его реформу. В чем же она видела средства к этому? Нет сомнения, что лучшим средством ослабить силу этого учреждения было выделить из него три смешанные в нем власти. Стеснить до чрезвычайности законодательную его

инициативу, организовать административную власть особо от него и свести его назначение места с судебным характером — вот задача, которую предположила себе Екатерина и которую она выполнила в течение своего царствования» [Градовский, 1866, с. 206—207]. Для А. Д. Градовского императрица являлась одним из выдающихся российских законодателей, во всяком случае в части преобразования высших органов власти.

Старший современник Градовского И. Е. Андреевский затронул вопрос о деятельности Екатерины II в масштабном труде «Русское государственное право», рассматривая действующие институты с точки зрения их исторического развития. Вышедший в 1866 году труд отразил настроения юридической интеллектуальной элиты того времени, понимающей закон как противоположность самовластью и деспотии. Екатерина II для исследователя стала воплощением стремлений этой социально-профессиональной группы: «Со времени императора Петра I, стремившегося изменить начала русской жизни, является усиленная и точная законодательная деятельность самодержавной власти российских императоров, точно выясненная императрицей Екатериной II и выраженная в основных законах теми словами, что Российская империя управляется на твердых основаниях положительных законов, от самодержавной власти исходящих» [Андреевский, 1866, с. 167]. Самодержавие в данном случае не могло ставиться под сомнение, но закон, не оставляющий шансов для произвола, был мечтой для русских юристов второй половины XIX века. Либеральные устремления самого И. Е. Андреевского проявились при его интерпретации «Наказа»: «В Наказе комиссии о сочинении нового уложения императрица Екатерина II выяснила государственное значение закона как основание равенства всех граждан в общественной и государственной вольности» — все боятся одних законов [Там же]. Исследователь фактически приписал императрице либеральные правовые взгляды, свойственные его соратникам и современникам. Это было обусловлено как временем создания его труда, так и личными свойствами и профессиональными интересами автора: обширной благотворительной деятельностью, изучением прошлого и настоящего местного самоуправления, идеи о свободе личности. Как и в случае с Градовским, следующее поколение государствоведов и историков права исходили из аксиомы о высоком уровне политико-правовых концепций Екатерины II. Это убеждение наиболее ярко проявилось в текстах Д. П. Никольского. Тезис из «Наказа» о том, что все должны быть равны в силу страха перед одинаковым законом, он рассматривает как заданную императрицей степень понимания российской властью ценности каждого человека: «Из этих слов видно, что в России государственная власть не только не уничтожает личности отдельного гражданина, но и ставит заботу о ней своей главной задачей» [Никольский, 1904, с. 23]. Государствовед А. С. Алексеев заострил

внимание на преимущественно европейском типе воззрений императрицы, что, по его мнению, повлияло на развитие законодательства, но не стало основой для строя империи [Алексеев, 1892, с. 162—163].

В. Н. Латкин, сферой научных интересов которого были законодательные комиссии XVII—XVIII веков, более критично относился к правовым концепциям императрицы. С одной стороны, он, безусловно, положительно оценил провозглашенный Екатериной II принцип равенства всех граждан перед законом, отметив, однако, что фактически он был реализован только в правление Александра II. С другой стороны, ее интерпретация принципа свободы представлялась юристу вводящей в заблуждение читателей, тем более неискушенных, которыми являлись большинство современников императрицы и адресантов «Наказа»: «“Общественная или государственная вольность”, — читаем в Наказе, — “не в том состоит, чтобы делать все, что кому угодно. В государстве, то есть в собрании людей, обществом живущих, где есть законы, вольность не может состоять ни в чем ином, как в возможности делать то, что каждому надлежит, хоть и чтоб не быть принужденну делать то, чего хотеть не должно. Вольность есть право все то делать, что законы дозволяют, и ежели бы где какой гражданин мог делать с законами запрещаемое, там бы уже вольности не было, ибо и другие имели бы равным образом свою власть. Вольность в праве есть спокойствие духа, происходящее из мнения, что всякий из них собственною наслаждается безопасностью, и чтобы люди имели сию вольность, надлежит быть закону такову, чтобы один человек не мог бояться другого, а бояться все одних законов”» [Латкин, 1888, с. 299—300]. Данное мнение Екатерины II, оцениваемое исследователями, как отмечалось, высоко, подвергается Латкиным весьма критичному разбору: «В Наказе мы встречаемся с двумя определениями свободы, совершенно несходными между собой и совершенно непримиренными друг с другом. На основании одного определения свобода есть право делать все, что дозволено законами, на основании другого определения свобода есть спокойствие духа, присущее каждому гражданину вследствие сознания им своей безопасности, гарантированной ему законами. Объясняется это тем, что императрица, заимствуя названное место у Монтескье, неверно передала его. Монтескье знает два рода свободы: личную и политическую. Первую он определяет как спокойствие духа каждого гражданина, происходящую вследствие сознания своей безопасности, а вторую как право совершать то, что не запрещено законом. Императрица же, смешав оба рода свободы в один род политической (государственной) свободы, заимствовала оба определения, применив их к понятию одной государственной свободы. Отсюда двоякое определение этой последней» [Там же, с. 300]. Таким образом, с точки зрения В. Н. Латки-

на, Екатерина II была старательной, но не совсем внимательной ученицей французского философа, а также не смогла понять его до конца.

3. Идеи Екатерины Великой в сфере гражданского права в оценках русских юристов

Юристы отмечали, что ключевое для гражданского права понятие собственности — «права над вещами» — оформилось в России именно в екатерининскую эпоху. М. Ф. Владимирский-Буданов при этом обратил внимание на влияние в этом отношении на императрицу европейских правовых учений и установившейся в Польше практики. Гражданское право Екатерина II понимала как «рассуждение о взаимности всех граждан между собою, которое сохраняет и в безопасность приводит собственность всякого гражданина» [Владимирский-Буданов, 1900, с. 602]. С точки зрения исследователя, и здесь императрица воспользовалась достижениями предшественников: «“право над вещами” определяется как “право, которое каждый член общества гражданского имеет над именными справедливо приобретенными”; имущества разделяются на движимые и недвижимые; следовательно, здесь совершенно уравнивается отношение владельца к тем и другим. К понятию недвижимых имуществ определительно отнесены указом Петра III (1762 г., апреля 20) дворы, заводы, фабрики со всяким строением; при Екатерине этот вопрос вновь рассмотрен (1762 г., октябрь) и утвержден в смысле указа Петра III» [Там же, с. 602—603]. Автор при этом обратил внимание, что допускались сформировавшиеся в петровскую эпоху ограничения права собственности. Кроме того, как его нарушение он оценил проведенную императрицей секуляризацию [Там же, с. 599]. В целом право собственности во второй половине XVIII века рассматривается им как привилегия двух сословий, распространившаяся постепенно к эпохе Александра II на все слои российского общества.

В. И. Латкин полагал, что представления императрицы о гражданском праве были весьма поверхностными. Исследователь связал это с тем, что в ее круг чтения не вошло ни одного труда европейских цивилистов. Поэтому данной отрасли права для императрицы практически не существовало: «Гражданскому праву уделено в Наказе совсем немного места — только одна глава “О наследствах”. Затем встречаются кое-какие мнения и мысли, касающиеся гражданского права и разбросанные в разных частях Наказа. Подобный факт, нужно думать, объясняется следующим образом. Как известно, источниками Наказа были сочинения Монтескье, Гельвеция и Беккарии. Оба первые мыслителя занимаются, главным образом, разрешением вопросов государственного устройства и управления. Сочинение Беккарии “О преступлениях и наказаниях” ка-

сается исключительно уголовного права и судопроизводства» [Латкин, 1888, с. 316]. Для Латкина, выходца из богатой купеческой семьи, который с раннего детства ориентировался в вопросах договоров, собственности и познавал гражданское право на практике со всеми его особенностями, такое пренебрежительное отношение великой императрицы могло быть одним из объяснений низкого уровня правовой культуры соотечественников, даже принадлежащих к кругу интеллектуалов. Непроработанность вопросов собственности также стала основанием, которое привело юриста к выводу о том, что выборочное знакомство с достижениями европейских мыслителей не гарантировало Екатерине II необходимого для успешного законотворчества уровня правового мышления. Представления императрицы о гражданском праве стали предметом ее умеренной критики со стороны юристов.

4. Уголовно-правовые идеи Екатерины II в творчестве русских юристов второй половины XIX — начала XX веков

М. Ф. Владимирский-Буданов, один из самых авторитетных специалистов по истории права в Российской империи, полагал, что заимствование императрицей идей европейских уголовно-правовых учений, принятие их ею лично способствовало дальнейшей эволюции российской юстиции в сторону ее гуманизации: «Екатерина II в первый раз определяет другую цель наказания, именно — охранение общества от преступлений (ст. 144—147); иногда проскальзывает в Наказе и мысль о том, цель наказания есть “возвратить заблудшие умы на путь правый” (ст. 93). Она считает наказание необходимым злом, а потому более рассчитывает на предупредительные меры, чем на карательные (ст. 83), именно не запрещать в законе деяний безразличных (ст. 242)» [Владимирский-Буданов, 1900, с. 361—362]. Признание преступления общественно опасным деянием, целью наказания — не устрашение, а «перевоспитание», упоминание о профилактике свидетельствовали о новом уровне правовых идей, которые императрица транслировала политической элите. Подтверждением высокого уровня правотворчества для автора являлось и то, что в екатерининскую эпоху мошенничество, кража и грабеж были впервые выделены в отдельные составы преступления. Однако автор счел нужным упомянуть, что Екатерина II в этой части во многом восприняла достижения елизаветинской комиссии. Владимирский-Буданов отметил то, что императрица дифференцировала покушение на преступление и оконченное преступление, обозначив необходимость разных санкций. Он подчеркнул, что утверждение о большем значении неотвратимости наказания, а не его строгости ввела в политико-правовой язык России также Екатерина II [Там же, с. 358, 364].

А. Г. Тимофеев, рассматривая законодательную практику Екатерины II с точки зрения истории телесных наказаний, отметил, что с ее правления начинается постепенное «смягчение нравов» и проходит страх перед властью, а это является, с точки зрения исследователя, прямым следствием вклада императрицы в законодательство [Тимофеев, 1897, с. 50, 68, 97]. Таким образом, и идеи Екатерины II в сфере уголовного права, и их практическая реализация представлялись дореволюционным юристам соответствующими достижениям науки того времени и предшествующими будущим изменениям.

5. Заключение

В суждениях юристов относительно правовых концепций Екатерины II, помимо собственных установок каждого исследователя, надо полагать, ярко проявился и сословный фактор. Все авторы, позитивно оценивавшие уровень политических и юридических идей императрицы, кроме сына сельского священника М. Ф. Владимирского-Буданова, являлись дворянами, которые соотносили свое привилегированное положение в империи с деятельностью Екатерины II. Несмотря на серьезное имущественное расслоение высшего сословия и принятие частью его представителей либеральной доктрины, дворянство в пореформенную эпоху еще связывало себя с престолом (за исключением, конечно, носителей революционных настроений). Вероятнее всего, в научных трудах имела место своеобразная ностальгия по «золотому веку русского дворянства», которая устойчиво ассоциировалась с екатерининским правлением. В. Н. Латкин, который был знаком еще до университета с особенностями коммерческой деятельности, выросший в купеческой, но при этом ориентированной на интеллектуальный труд в семье (помимо торговли и золотопромышленности, его отец занимался геологическим изучением Русского Севера и Сибири), имел возможность наблюдать, как низкий уровень гражданского-правовой культуры и гражданского законодательства негативно сказываются на экономическом развитии государства. Этим, вероятнее всего, обусловлено его далекое от восторженного отношение к юридическому творчеству Екатерины II. Кроме того, в условиях России второй половины XIX — начала XX веков наибольший интерес исследователи проявляли к ее государственно-правовым воззрениям; идеи в области уголовного и гражданского права обсуждались гораздо менее интенсивно. При этом амбивалентность суждений относительно императрицы наблюдалась не только в профессиональных юридических кругах. Серьезные дискуссии (в рамках дозволенного цензурой) шли среди историков, неоднозначно оценивало Екатерину II и российское общество в целом.

Источники и принятые сокращения

1. *Алексеев А. С.* Русское государственное право / А. С. Алексеев. — Москва : Типография А. Гатцука, 1892. — 473 с.
2. *Андреевский И. Е.* Русское государственное право / И. Е. Андреевский. — Санкт-Петербург, 1866. — Т. 1. — 496 с.
3. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. — Санкт-Петербург ; Киев : Н. Я. Оглоблин, 1900. — 674 с.
4. *Градовский А. Д.* Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры / А. Д. Градовский. — Санкт-Петербург : Типография И. Бочкарева, 1866. — 284 с.
5. *Градовский А. Д.* Собрание сочинений. — Санкт-Петербург : Типография Стасюлевича, 1899. — Т. 1. — 420 с.
6. *Латкин В. Н.* Лекции по внешней истории русского права / В. Н. Латкин. — Санкт-Петербург : Типография Либермана, 1888. — 372 с.
7. *Никольский Д. П.* Государственное право / Д. П. Никольский. — Санкт-Петербург, 1904. — 144 с.
8. *Самоковасов Д. Я.* История русского права / Д. Я. Самоковасов. — Москва : Тип. А. И. Мамонтова, 1899. — 167 с.
9. *Тимофеев А. Г.* История телесных наказаний в русском праве / А. Г. Тимофеев. — Санкт-Петербург : Типография Санкт-Петербургской тюрьмы, 1897. — 228 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабкова Г. О.* Уголовно-процессуальные законопроекты Екатерины II и российское законодательство второй половины XVIII в. (к истории указа «О трех родах воровства» 1781 г. и «Устава благочиния» 1782 г.) / Г. О. Бабкова // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 2. — С. 9—20.
2. *Батлер У. Э.* Сочинение Л. Н. Толстого о «Наказе» императрицы Екатерины II / У. Э. Батлер // Вестник Московского государственного университета. Серия 11 : Право. — 2018. — № 2. — С. 3—12.
3. *Волкова Л. А.* «Комиссия для сочинения проекта нового уложения» 1767—1768 гг. в дореволюционной отечественной историографии / Л. А. Волкова // Омский научный вестник. — 2011. — № 1 (95). — С. 21—24.
4. *Дейк ван Т. А.* Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван Дейк ; пер. с англ. — Москва : Книжный дом «Либроком», 2013. — 144 с. ISBN 978-5-397-03766-2.
5. *Дуринова Г. В.* Русский социально-политический язык: «Наказ» Екатерины II / Г. В. Дуринова // Вестник Московского университета. Серия 21 : Управление (государство и общество). — 2015. — № 1. — С. 3—13.
6. *Леонтьева О. Б.* Историческая память и образы прошлого в русской культуре XIX — начала XX вв. / О. Б. Леонтьева. — Самара : Книга, 2011. — 448 с. — ISBN 978-5-93424-522-2.
7. *Марасинова Е. Н.* «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII в. Очерки истории общественного сознания / Е. Н. Марасинова. — Москва : НЛЮ, 2017. — 512 с. ISBN 978-5-4448-0696-8.
8. *Назаренко Б. А.* Правовые новации в «Наказе» Екатерины II / Б. А. Назаренко // Актуальные проблемы российского права. — 2008. — № 3. — С. 31—36.

9. Недайводина Е. Г. Политико-правовые взгляды Екатерины II как один из источников идей русского конституционализма / Е. Г. Недайводина // Образование. Экономика. Общество. — 2014. — № 1—2. — С. 111—117.

10. Садикова Д. Р. Отражение политических идей Ш. Л. Монтескье в «Наказе» Екатерины II (по материалам дореволюционной отечественной историографии) / Д. Р. Садикова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2014. — № 12 (341). История. Выпуск 60. — С. 102—108.

11. Соколова Е. С. О надсловных тенденциях политико-юридического курса Екатерины II : идеология, законодательство, церемониальные практики (вторая половина XVIII в.) / Е. С. Соколова // Право и политика. — 2018. — № 8. — С. 93—113. DOI: 10.7256/2454-0706.2018.8.27189.

12. Сорокин Ю. А. Политические режимы Екатерины II и Павла I в отечественной исторической литературе XIX—XX вв. / Ю. А. Сорокин // Сибирские исторические исследования. — 2014. — № 3. — С. 108—137.

13. Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX в. / В. А. Томсинов. — Москва : Зерцало-М, 2010. — 280 с. ISBN 978-5-94373-191-4.

14. Уортман Р. С. Властители и судии : развитие правового сознания в императорской России / Р. С. Уортман. — Москва : НЛЮ, 2004. — 515 с. ISBN 5-86793-273-7.

15. Федоренко А. А. Екатерининская эпоха в народнической историографии конца XIX — начала XX вв. / А. А. Федоренко // Княгиня Е. Р. Дашкова — выдающийся деятель русского просвещения. — Москва : ГТУ, 2018. — С. 93—103.

16. Чирскова И. М. История России XVIII в. и цензура второй половины XIX в. / И. М. Чирскова // Россия в X—XVIII вв. : Проблемы истории и источниковедения. — Москва : [б. и.], 1995. — С. 653—662.

17. Юферова С. В. Взаимоотношения дворянства и власти в екатерининской России в оценках отечественных историков / С. В. Юферова // Россия и АТР. — 2014а. — № 2 (84). — С. 158—169.

18. Юферова С. В. Губернская реформа Екатерины II : освещение в отечественной историографии / С. В. Юферова // Вестник РГГУ. Серия : История. Филология. Культурология. Востоковедение. — 2014б. — № 19 (141). — С. 132—140.

19. Юферова С. В. Первый опрос общественного мнения (советская историография депутатских наказов в Уложенную комиссию Екатерины II) / С. В. Юферова // Вестник Томского государственного университета. Серия : История. — 2017. — № 46. — С. 129—134. — DOI: 10.17223/19988613/46/17.

MATERIAL RESOURCES

Alekseev, A. S. (1892). *Russian state law*. Moscow: A. Gatsuk's printing house. 473 p.

Andreevsky, I. E. (1866). *Russian state law, I*. St. Petersburg. 496 p. (In Russ.).

Gradvosky, A. D. (1866). *The Supreme Administration of Russia of the XVIII century and the Prosecutor-General*. Saint Petersburg: I. Bochkarev's Printing house. 284 p. (In Russ.).

Gradvosky, A. D. (1899). *Collected works, I*. St. Petersburg: Stasyulevich's printing house. 420 p. (In Russ.).

Latkin, V. N. (1888). *Lectures on the external history of Russian Law*. St. Petersburg: Liberman's Printing House. 372 p. (In Russ.).

- Nikolsky, D. P. (1904). *State law*. St. Petersburg. 144 p. (In Russ.).
- Samokvasov, D. Ya. (1899). *Istoriya russkogo prava [History of Russian Law]*. Moscow: A. I. Mamontov Type. 167 p. (In Russ.).
- Timofeev, A. G. (1897). *Istoriya telesnykh punishments v russkom pravo [History of corporal punishment in Russian Law]*. St. Petersburg: Printing house of the St. Petersburg prison. 228 p. (In Russ.).
- Vladimirsky-Budanov, M. F. (1900). *Obzor istorii russkogo prava [Review of the history of Russian law]*. St. Petersburg; Kiev: N. Ya. Ogloblin. 674 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Babkova, G. O. (2015). Criminal procedure bills of Catherine II and Russian legislation of the second half of the XVIII century (on the history of the decree “On three kinds of theft” of 1781 and the “Charter of the deanery” of 1782). *Actual problems of Russian law*, 2: 9—20. (In Russ.).
- Butler, U. E. (2018). The work of L. N. Tolstoy on the “Order” of the Empress Catherine II. *Bulletin of the Moscow State University. Series 11: Law*, 2: 3—12. (In Russ.).
- Chirskova, I. M. (1995). History of Russia of the XVIII century and censorship of the second half of the XIX century. In: *Russia in the X—XVIII centuries: Problems of History and Source Studies*. Moscow: [b. i.]. 653—662. (In Russ.).
- Dijk van, T. A. (2013). *Discourse and power. Representation of dominance in language and communication*. Moscow: Book House “Librocom”. 144 p. ISBN 978-5-397-03766-2. (In Russ.).
- Durinova, G. V. (2015). Russian socio-political language: “The Order” of Catherine II. *Bulletin of the Moscow University. Series 21: Governance (State and Society)*, 1: 3—13. (In Russ.).
- Fedorenko, A. A. (2018). Ekaterininskaya epoch in narodnicheskaya historiography of the late XIX — early XX centuries. In: Princess, E. R. *Dashkova is an outstanding figure of the Russian enlightenment*. Moscow: GTU. 93—103. (In Russ.).
- Leontyeva, O. B. (2011). *Historical memory and images of the past in Russian culture of the XIX—early XX centuries*. Samara: Kniga. 448 p. ISBN 978-5-93424-522-2. (In Russ.).
- Marasinoва, E. N. (2017). “Law” and “citizen” in Russia of the second half of the XVIII century. *Essays on the history of public consciousness*. Moscow: UFO. 512 p. ISBN 978-5-4448-0696-8. (In Russ.).
- Nazarenko, B. A. (2008). Legal innovations in the “Order” of Catherine II. *Actual problems of Russian law*, 3: 31—36. (In Russ.).
- Nedayvodina, E. G. (2014). Political and legal views of Catherine II as one of the sources of ideas of Russian constitutionalism. *Education. Economy. Society*, 1—2: 111—117. (In Russ.).
- Sadikova, D. R. (2014). Reflection of the political ideas of S. L. Montesquieu in the “Order” of Catherine II (based on the materials of pre-revolutionary Russian historiography). *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 12 (341) / 60: 102—108. (In Russ.).
- Sokolova, E. S. (2018). On supra-verbal tendencies of the political and legal course of Catherine II: ideology, legislation, ceremonial practices (the second half of the XVIII century). *Law and politics*, 8: 93—113. DOI: 10.7256/2454-0706.2018.8.27189. (In Russ.).

- Sorokin, Yu. A. (2014). Political regimes of Catherine II and Paul I in the Russian historical literature of the XIX—XX centuries. *Siberian Historical Studies*, 3: 108—137. (In Russ.).
- Tomsinov, V. A. (2010). *Legal education and jurisprudence in Russia in the first third of the XIX century*. Moscow: Zertsalo-M. 280 p. ISBN 978-5-94373-191-4. (In Russ.).
- Volkova, L. A. (2011). “The Commission for the composition of the draft of the new code” of 1767—1768 in the pre-revolutionary Russian historiography. *Omsk Scientific Bulletin*, 1 (95): 21—24. (In Russ.).
- Wortman, R. S. (2004). *Potentates and judges: the development of legal consciousness in Imperial Russia*. Moscow: UFO. 515 p. ISBN 5-86793-273-7. (In Russ.).
- Yufereva, S. V. (2014a). The relationship of the nobility and power in Catherine’s Russia in the assessments of domestic historians. *Russia and the Asia-Pacific Region*, 2 (84): 158—169. (In Russ.).
- Yuferova, S. V. (2014b). The provincial reform of Catherine II: coverage in Russian Historiography. *Bulletin of the RSUH. Series: History. Philology. Cultural studies. Oriental studies*, 19 (141): 132—140. (In Russ.).
- Yuferova, S. V. (2017). The first poll of public opinion (Soviet historiography of deputy orders in the Laid commission of Catherine II). *Bulletin of Tomsk State University. Series: History*, 46: 129—134. DOI: 10.17223/19988613/46/17. (In Russ.).

Аксарин В. В. Льноводство Тюменской области : история становления и развития в XX веке / В. В. Аксарин, К. П. Королев // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 341—358. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-341-358.

Aksarin, V. V., Korolev, K. P. (2021). Flax Growing in Tyumen Region: History of Formation and Development in XX Century. *Nauchnyi dialog*, 7: 341-358. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-341-358. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-341-358

Льноводство Тюменской области: история становления и развития в XX веке

Аксарин Вячеслав Валериевич¹

orcid.org/0000-0003-3461-8258

кандидат исторических наук, доцент
старший научный сотрудник отдела
гуманитарных исследований
aksarin_80@mail.ru

Королев Константин Петрович²

orcid.org/0000-0001-9595-3493

кандидат сельскохозяйственных наук,
научный сотрудник
кафедры ботаники, биотехнологии
и ландшафтной архитектуры
corolev.konstantin2016@yandex.ru

¹Тобольская комплексная научная
станция
Уральского отделения
Российской академии наук
(Тобольск, Россия)

²Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

Flax Growing in Tyumen Region: History of Formation and Development in XX Century

Vyacheslav V. Aksarin¹

orcid.org/0000-0003-3461-8258

PhD in History, Associate Professor
Senior Researcher
Department of Humanitarian Research
aksarin_80@mail.ru

Konstantin P. Korolev²

orcid.org/0000-0001-9595-3493

PhD in Agricultural Sciences,
Researcher
Department of Botany, Biotechnology
and Landscape Architecture
corolev.konstantin2016@yandex.ru

¹Tobolsk complex scientific station
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Tobolsk, Russia)

²University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассмотрены аспекты зарождения, становления и развития льноводческой отрасли Тюменской области в XX веке. На основе имеющегося историографического материала (статьи, отчеты, очерки, описания, статистические сведения) выявлены особенности формирования отрасли. Отмечается, что исторические условия, в которых находилась Тобольская (Тюменская) губерния, позднее область, на протяжении XX века, были полны противоречий и трудностей. Подчеркивается, что, имея хороший потенциал и импульс развития в середине прошлого века, на сегодняшний день льноводство так и не стало одной из значимых отраслей экономики. Показано, что издания Тобольского губернского статистического комитета: «Обзоры Тобольской губернии», «Обзоры Тобольской губернии в сельскохозяйственном отношении», работы Н. Л. Скалозубова — раскрывают состояние сельскохозяйственной жизни населения губернии, научно-исследовательский потенциал Тюменской опытной станции, передовой опыт сельскохозяйственных предприятий, позволяют выявить основные проблемы и перспективы льноводческой отрасли в области. Проанализирована продуктивность льна в различных агро-экологических зонах области, сортовой потенциал и степень его реализации с учетом климатических особенностей на протяжении длительного периода, экономической целесообразности выращивания как долгуновых, так и масличных форм. Выявлены основные этапы развития льноводства и факторы, ограничивающие производство высококачественной льнопродукции.

Ключевые слова:

льноводство; Тобольская губерния; Тюменская область; урожайность; история сельского хозяйства.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The aspects of the origin, formation and development of the flax-growing industry in the Tyumen region in the XX century are considered. Based on the available historiographic material (articles, reports, essays, descriptions, statistical information), the authors identified the features of the formation of the industry. It is noted that the historical conditions in which the Tobolsk (Tyumen) province was located, later the region, throughout the XX century, were full of contradictions and difficulties. It is argued that, having good potential, having received an impetus for development in the middle of the last century, at present, flax growing has not become one of the most important sectors of the economy. It is shown that the publications of the Tobolsk Provincial Statistical Committee: "Reviews of the Tobolsk Governorate", "Reviews of the Tobolsk Governorate in the Agricultural Relationship", the works of N. L. Skalozubova — reveal the state of agricultural life of the population of the province, the research potential of the Tyumen experimental station, the advanced experience of agricultural enterprises, allow to identify the main problems and prospects for growing flax in the region. The productivity of flax in various agro-ecological zones of the region, varietal potential and the degree of its realization, taking into account climatic features over a long period, the economic feasibility of growing both fiber and oil-bearing forms are analyzed. The main stages of development of flax growing and limiting factors for the production of high-quality flax products are identified.

Key words:

flax growing; Tobolsk province; Tyumen region; yield; history of agriculture.

Льноводство Тюменской области: история становления и развития в XX веке

© Аксарин В. В., Королев К. П., 2021

1. Введение

Российская историческая наука на протяжении XIX—XX веков уделяла огромное внимание вопросу изучения льноводства как отрасли сельского хозяйства, о чем свидетельствовали многочисленные отчеты, составленные на основе данных, собранных известными учеными, аграриями, этнографами. К сожалению, проблема развития льноводства в Тюменской области в XX веке еще не стала для ученых предметом углубленного исследования. В условиях актуализации производства качественного натурального сырья, появления экологического направления во всех сферах производственной деятельности лен остается одной из немногих технических культур, которая дает одновременно два вида продукции: волокно и масло, используемые во многих отраслях промышленности.

Сегодня Тюменская область занимает по площади третье место среди всех субъектов Российской Федерации (1 464 173 км²) и охватывает три климатических зоны, однако только на 15 % использует свои сельскохозяйственные ресурсы, что обусловлено природно-климатическими особенностями. К сожалению, имея огромный территориальный потенциал, опыт широкого внедрения льноводства в XX веке не получил должного развития.

В современной историографии социально-экономическое направление задают векторы, во-первых, переосмысления исторических событий и их оценок, во-вторых, выявления новых подходов. Изучение частных вопросов развития экономической стратегии прошлого и поиск ответов на ее вызовы могут оказать влияние на будущее развитие экономики региона.

Интерес к льноводству как к отрасли сельского хозяйства на региональном уровне возник еще во второй половине XIX века и получил освещение на страницах первых краеведческих изданий, информировавших население о развитии земледелия, промышленных предприятий, об урожайности агрокультур, о занятиях и природных бедствиях [Земледелие, 1884; Обзор ..., 1874; Обзор ..., 1875; Обзор ..., 1876; Обзор ..., 1884; Обзор ..., 1885; Обзор ..., 1890; Скалозубов, 1894; Скалозубов, 1895а, 1895б]. Сведения о развитии сельского хозяйства, как правило, отличались скудностью и отрывочностью имеющихся данных. Льноводство в системе сельского хозяйства региона было представлено как второстепенное про-

изводство в ряде уездов, лен в основном упоминался в качестве культуры для домашнего использования или реализации на рынке.

В начале XX века краеведческие статистические официальные издания «Обзоры Тобольской губернии» (приложения к всеподданнейшим отчетам начальника губернии), «Обзоры Тобольской губернии в сельскохозяйственном отношении», работы и статьи губернских аграриев не потеряли своей значимости и продолжали публиковать сведения о сельском хозяйстве, торговле, культуре, быте. Однако в отличие от своих предшественников их характеризовала уже точность данных, полученных от респондентов с мест [Обзор ..., 1900—1916; Обзор ..., 1901; Скалзубов, 1902]. Проведенные исследования и данные статистики раскрывают климатические, агротехнические условия, характеризуют сельскохозяйственные культуры и их урожайность, ценовую политику. Систематизация историографических исследований в отношении предмета изучения на рубеже XIX—XX веков была проведена ранее авторами данной статьи [Аксарин и др., 2018].

Краткий анализ источников свидетельствует об их оригинальности, разноплановости методов исследования, объеме содержания и направленности работ. Цель данной статьи состоит в рассмотрении в исторической ретроспективе XX века особенностей развития льноводства в Тюменской области, в определении его этапов, итогов и перспектив.

Авторами использовались проблемно-хронологический, статистический, ретроспективный и историко-сравнительный методы. Анализ, сопоставление и критический подход позволили рассмотреть процесс становления льноводства как отрасли сельского хозяйства в регионе, выявить проблемы, с которыми пришлось столкнуться в данной сфере.

2. Начальный этап распространения льноводства

В начале XX века в составе Тобольской губернии находилось десять уездов: Тобольский, Туринский, Тюменский, Тарский, Тюкалинский, Ишимский, Ялуторовский, Курганский и два северных — Березовский и Сургутский. Площадь губернии составляла 127 003 094 десятины, или 1219229,7 кв. версты. Самым большим уездом по площади после северных был Тобольский (11 280 833 десятины, или 108296,0 кв. верст), самым малым — Тюменский (1 625 833 десятины, или 15608,0 кв. верст) [Обзор ..., 1901, с. 3]. Особенность губернии состояла в ее природно-географическом положении, охватывающем северный (лесной) и южный (степной) районы. Основной системой землепользования и севооборота оставалось трехполье: пар, озимое и яровое. На протяжении XX века льноводство в регионе прошло в своем развитии через ряд этапов, среди них начальный — 1900—

1920 годы, период подъема — 1930—1960 годы и период спада производства — 1970—1990 годы. Далее охарактеризуем каждый из них.

На начальном этапе повсеместное расширение земледелия и сельского хозяйства способствовало развитию льноводства. В 1900 году наблюдался рост посевных площадей. Под посевами всех хлебов, кроме картофеля, конопли и льна, находилось 1 214 347 десятин земли, но, несмотря на интенсификацию сельского хозяйства, свободных плодородных земель, пригодных для посева льна, было мало [Там же, с. 7]. Основными сроками сева льна по уездам губернии считался период с 14 по 22 мая, а уборки — с 29 июля по 15 августа [Там же, с. 40—41].

Губернский агроном Николай Лукич Скалозубов в 1900 году на страницах «Обзора Тобольской губернии в сельскохозяйственном отношении» отмечал слабую роль в крестьянском полеводстве второстепенных хлебов, указывал на удачные попытки переселенцев (екатеринославцев и полтавцев) в Тюкалинском уезде по расширению площадей посевов льна для получения льняного семени. В Покровской волости переселенцы сеяли по две-три десятины льна, и, по их отзывам, «льняное семя должно здесь сослужить ту же службу, что табак на Родине», его продажей они собирались оплачивать подати [Там же, с. 20]. Однако вследствие малого урожая и высоких цен на лен домохозяева в большинстве своем реализовывали семена, оставляя лишь скромные запасы.

Интересен опыт выращивания льна в деревне Турушевой Мостовской волости Ялуторовского уезда, где на двух полях, давших хороший урожай ржи, крестьяне высеяли по четыре фунта семян льна-долгунца для получения высокого урожая. Данный эксперимент дал хорошие результаты. Было собрано 39 пудов 18 фунтов с одного поля и 45 пудов с другого [Там же, с. 50—51].

В целом перспектива возделывания льна для получения прибыли имела все шансы на успех, о чем свидетельствуют представленные ниже сведения о ценовой политике (табл. 1, 2) в разрезе уездов Тобольской губернии в 1900 году.

Как видно из приведенных в таблице сведений, в среднем по губернии семя льна стоило 1 руб. 6 коп. за пуд, самые высокие цены были на рынках Ишимского уезда, где за него просили 1 руб. 20 коп., а более низкие — в Тарском уезде. Стоимость волокна льна зависела от его обработки и в среднем колебалась от 246 до 379 коп. за пуд. Семя льна шло на выжимку масла, а из волокна изготавливали холст, рыболовные сети, канаты и веревки [Обзор ..., 1913, с. 12].

Урожайность льна с 1900 по 1914 годы на территории Тобольской губернии представлена ниже (табл. 3). За исключением двух северных округов, в среднем за лето собиралось до 346 164 пудов льняного семени и

Таблица 1

Средние осенние цены на семя льна и конопли в 1900 год (за пуд в коп.)*

Уезд	Льняное семя	Конопляное семя
Тобольский	88	80
Туринский	96	48
Тарский	82	72
Тюменский	94	58
Ялуторовский	116	56
Курганский	118	82
Ишимский	120	75
По губернии	106	71

* Источник: [Обзор ... 1901, с. 48]; извлечено нами. — В. А.

Таблица 2

Средние зимние цены на волокно льна и конопли в 1900 году
(за пуд в коп.)*

Уезд	Название				
	волокно льна изгребное	начесное	отрепье	кудель	волокно коно- пляное чесаное
Тобольский	260	333	50	335	366
Туринский	200	290	80	380	нет св.
Тарский	200	300	100	345	310
Тюменский	238	240	90	314	340
Ялуторовский	280	300	180	400	425
Курганский	225	320	60	380	240
Ишимский	320	320	нет св.	435	296
Тюкалинский	250	300	70	450	400
По губернии	246	300	90	379	339

* Источник: [Обзор ... 1901, с. 44]; извлечено и подсчитано нами. — В. А.

399 466 пудов волокна, или до 5 670 166 кг семян и 6 543 253 кг волокна (при расчете, что в пуде 16,38 кг. — В. А.). В среднем на одну десятину приходилось по 19,5 пудов семян и 22,5 пудов волокна, или 319,4 кг семян и 368,5 кг волокна. Самый низкий порог урожайности семян льна зафиксирован в 1911 году (90 067 пудов), а наивысший — в 1903 (537 109 пудов) [Там же, с. 5, 13; Обзор ..., 1904, с. 3—4].

Урожайность льна зависела как от площади, так и от густоты его посева на одну десятину земли. В среднем по губернии высевалось пять пудов семян

Таблица 3

Урожай льна в Тобольской губернии за 1900 — 1914 годы (в пудах)*

Год	Посевная площадь (в десят.)	Собрано		Собрано на десятину	
		семена	волокна	семена	волокна
1900	20517	284875	302489	13,9	14,7
1901	17801	233580	248850	13,1	13,9
1902	17902	383968	362456	21,4	20,2
1903	20833	537109	502503	25,8	24,1
1904	20035	411952	433177	20,6	21,4
1905	18005	388830	381264	21,6	21,2
1906	17795	292380	472613	16,4	26,5
1907	16302	250976	381278	15,4	23,3
1908	16288	425654	493104	26,1	30,2
1909	15607	354299	299951	22,7	19,2
1910	16062	298421	256497	18,5	15,9
1911	19085	90067	129743	4,7	6,8
1912	13240	322044	372638	24,3	28,1
1913	20071	398585	518856	19,9	25,9
1914	17787	519723	836578	29,2	47,0
В среднем по губернии	17822	346164	399466	19,5	22,5

* Источник: [Обзор ..., 1901—1916]; извлечено и подсчитано нами. — В. А.

льна, или 81,9 кг на десятину [Скалозубов, 1894, с. 61]. Если исходить из существующих данных, то в 1900 году высокой урожайностью характеризовались поля в Тарском уезде, давшие на десятину 23,6 пуда семян и 26,3 пуда волокна, то есть почти вдвое больше среднего по губернии, низкая урожайность отмечалась в Тюкалинском, Туринском и Тюменском уездах [Обзор ..., 1900, с. 6].

Для улучшения земледелия и увеличения севооборота местные аграрии на страницах «Обзоров» периодически высказывали предложения об усилении агрономических сил и проведении подготовительных работ по реорганизации полеводства с назначением в распоряжение губернского агронома «особой партии агрономических смотрителей» [Обзор ..., 1907, с. 9].

В период с 1914 по 1920 годы становление льноводства проходило медленными темпами, это обуславливалось рядом объективных причин (отсутствием селекционных сортов, техники и технологии их выращивания). Посевные площади льна-долгунца снизились с 9,3 тыс. га до 8,3 тыс. га, а лен масличный практически перестал выращиваться [Основные показатели ..., 1997, с. 4—66].

Как видим, на начальном этапе становления льноводства в губернии оно развивалось медленными темпами, постепенно набирая обороты, лен превращался из домашней культуры в техническую. Наиболее благоприятными уездами для его посадки и выращивания стали Ишимский, Курганский, Тарский и Ялуторовский с характерным более мягким климатом.

3. Развитие льноводства в 1930—1960 годы

Проведение коллективизации, создание машинно-тракторных станций (МТС), освоение севооборотов способствовали развитию льноводства в регионе и переходу его на новый этап (1930—1960-е годы). При этом происходило увеличение как посевов льна, так и валового сбора, но продуктивность еще оставалась невысокой [Ильинский, 1931; Кезин и др., 1932; Матвеев, 1950]. Первичная обработка льна в колхозах и совхозах проводилась ручным способом, однако уже в 1934—1936 годах были изготовлены и переданы льноводам первые льнотрепальные машины типа КЛТ-ВНИИЛ-А и КЛТ-ВНИИЛ-С, что позволило поднять производительность труда на обработке льна в среднем в 2,5—3 раза [Льноводство, 1967, с. 18—36; Труш и др., 1960; Труш и др., 1989].

Повышение оснащенности хозяйств области машинами, современными сортами, начало использования севооборотов при выращивании льна привели к тому, что уже в 1940 году посевы льна-долгунца достигли максимальных размеров за всю историю выращивания (24,7 тыс. га) при урожайности 1,4 ц/га и валовом сборе 3,5 тыс. тонн [Основные показатели ..., 1997, с. 4—66].

Великая Отечественная война 1941—1945 годов внесла свои коррективы и в сферу льноводства. Принятое Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) № 29 от 11 января 1942 года «О стимулировании первичной обработки и заготовок льна и конопли урожая 1941 года» позволило устанавливать дополнительную оплату труда. За каждые 10 кг выработанного и сданного волокна, колхозникам выплачивалось по 2 кг зерна и 2 руб.; за 100 кг подготовленной и сданной тресты — по 1 кг зерна и 1 руб., при этом сданная продукция сверх плана должна была быть дополнительно оплачена колхозникам в размере 40 % от полученных премий-надбавок [Выполнить план ..., 1945, с. 2]. С целью сохранения объемов производства льна на 1944—1945 годы постановление было продлено.

Следует отметить, что данное мероприятие было эффективным для колхозников Тюменской области. Например, члены колхоза им. Куйбышева Аромашевского района выполнили план поставок на 358,0 %. Досрочную сдачу льнопродукции произвели колхозы «Ударник», «Трудовик», «Новый путь» Аромашевского района, «Стахановец», «Красный бор», имени Сталина, «Красный партизан» Викуловского района [Там же].

В послевоенный период концентрация посевов льна масличного преимущественно в передовых крупных колхозах способствовала расширению посевов льна в Тюменской области и задавала вектор сортоиспытаний. Так, организация сортоиспытания льна-долгунца и льна масличного на территории области позволила выявить наиболее пригодные сорта для выращивания в различных агроэкологических зонах. Например, в 1946 году был получен наивысший урожай семян сорта ВНИИМК 5237 — 18,7 ц/га. Сорт Сибиряк характеризовался урожайностью 12,2 ц/га, содержание жира в нем 45,2 %, а сорт Воронежский 1308 — 12,1 ц/га [Минкевич, 1957, с. 32—33].

При этом в колхозе имени Сталина Казанского района в 1949 году на площади 63 га был получен урожай семян 7,5 ц/га (сорт ВНИИМК 5237), в колхозе «Пятилетка» Тюменского района с 15 гектаров собран лен масличный с урожайностью 8,5 центнеров (Сорт Сибиряк). В Ялуторовском районе (колхоз имени Сталина) в 1954 году на площади 10,5 и 64,7 га урожайность у сорта ВНИИМК 5237 составила 10,4 и 11,0 центнеров соответственно [Там же].

Льноводство Тюменской области проходило разные периоды: и подъема (в 1950—1960-х годах), и относительного «упадка» (начиная с 1970 годов) (табл. 4).

Таблица 4

Посевная площадь, урожайность, валовый сбор льна
в Тюменской области*

Годы	Посевная площадь, тыс. га		Урожайность, ц/га		Объем закупок, тыс. тонн	
	долгунец	кудряш	долгунец	кудряш	долгунец	кудряш
1950	21,9	2,3	1,0	1,2	0,6	245,0
1955	15,8	32,2	1,8	2,1	1,3	2810,0
1960	12,2	12,4	1,7	2,3	1,3	1160,0
1965	8,3	11,2	1,4	1,3	0,9	485,0
1970	1,6	4,2	1,1	0,8	0,1	115,0
1975	0,3	2,2	1,4	2,8	0,0	181,0

* Источник: [Извлечено и подсчитано нами — В. А. — по: Научно-прикладной справочник ..., 1991].

4. Агробиологический потенциал льна и особенности его выращивания

Важным этапом в развитии производства льна стало освоение «целинных земель». С 23 февраля по 2 марта 1954 года в Москве состоялся пленум ЦК КПСС, принявший окончательное решение о подъеме новых земель

на востоке страны. Тюменская область тоже была отнесена к «целинным», здесь местные власти решили вспахать не менее 500 тыс. га новых земель. За период с 1953 по 1963 годы посевные площади в области увеличились на 753,3 тыс. га, прирост составил 71,6 %. В 1963 году они достигли исторического максимума — 1805,8 тыс. га [Иваненко и др., 2014, с. 87—92].

«Золотыми» в истории выращивания льна в области можно назвать 1956 год, когда поля максимально засеивались долгунцом (20,0 тыс. га) и масличным льном (33,3 тыс. га), 1961 год по засеву льна масличного (4,4 ц/га) и льна-долгунца (4,4 ц/га) и 1964 год по показателям засева льна масличного (2,4 ц/га).

И. С. Хомяков отмечал, что во многих производственных управлениях области климатические условия благоприятны для возделывания льна-долгунца и получения высокой прибыли. В 1962 году колхоз им. Ленина Омутинского района получил 36 576 тыс. руб. дохода от реализации льна. В колхозе им. К. Маркса (Тобольский р-н) чистый доход составлял 288 руб. 15 коп. с учетом вычета производственных затрат. Однако, как указывал автор, большие убытки у производителей возникали при покупке семян льна (1962 год — закуплено 6800 ц семян при продаже государству только 300 ц) [Хомяков, 1964, с. 10]. В области действовали Тобольская и Голышмановская льносемянницы, которые обеспечивали семенами колхозы и совхозы [Мишуков, 1955].

Отметим тот факт, что если в 1958 году только три льнозавода — Голышмановский, Тобольский, Яровский — не выполнили план льнозаготовок, то уже в 1964 году с планом не справились все девять производств области. Причины могли крыться как в применении кустарного способа расстила соломки (при наличии емкостей для тепловой мочки), так и в неправильном выращивании льна. Приведем ряд примеров. В колхозе «Родина» (Ишимский район) лен был высеян на территории неосвоенного болота, в «Колосе» (Голышмановский район) в 1961 году — по целине, что приводило к снижению продуктивности роста льна и качества продукции. Научное обеспечение отрасли возлагалось на исследователей Тюменской опытной станции, практическое использование результатов подтверждалось в колхозах «Заветы Ильича» и «Россия» Ишимского производственного управления. Себестоимость 1 ц тресты в колхозе им. XXI съезда КПСС (Вагайский р-н) снизилась с 16 до 4 руб. [Хомяков, 1964, с. 3—25].

Исходя из многолетних наблюдений различий по интенсивности роста и развитию льноводства по районам Тюменской области не выявлялось (табл. 5). В период от «елочки» до цветения температурный и водный режим оптимален для льна [Биология ..., 1974, с. 5—10].

Таблица 5

Средние даты наступления фаз роста и развития льна*

Пункты	Посев	Всходы	Начало роста стебля	Бутионизация	Цветение	Полная спелость
Лен-долгунец						
Уват	20.V	1.VI	11.VI	4.VII	11.VII	5.VIII
Тобольск	19.V	2.VI	13.VI	5.VII	12.VII	7.VIII
Викулово	22.V	6.VI	16.VI	6.VII	15.VII	17.VIII
Ярково	12.V	24.V	11.VI	4.VII	10.VII	16.VIII
Юргинское	23.V	2.VI	12.VI	3.VII	11.VII	27.VIII
Голышманово	26.V	8.VI	16.VI	2.VII	13.VII	19.VIII
Лен масличный						
Ильинское	15.V	29.V	7.VI	27.VI	5.VII	15.VIII

* Источник: [Научно-прикладной справочник ..., 1991]; извлечено и подсчитано нами. — В. А.

Суточный прирост стебля составлял 1,4—1,8 см, при этом в благоприятные годы (1947, 1949, 1950, 1964) данный показатель мог быть на уровне 2—3 см, а высота стебля достигала 75—99 см. Для получения волокна лен в области убирали в фазу ранней желтой спелости, на семена — в фазу полной спелости; густота стояния растения в этот период могла составлять 980—1800 шт. на 1 кв. м [Иваненко и др., 2008, с. 170—172].

Согласно результатам опытов НИИСХ Северного Зауралья, для получения высокой продуктивности льна необходимо было вносить минеральные удобрения ($N_{45}P_{90}R_{60}$), применять микроудобрения (0,4—0,7 д.в. на 1 га), что могло обеспечить прибавку урожая до 27,0 %. Сеять лен рекомендовалось с нормой 140—160, что было подтверждено результатами, полученными в колхозе «Заветы Ильича» Ялуторовского района. В полевых условиях Аромашевского ГСУ было установлено, что посев льна необходимо проводить при наступлении температуры почвы 7—8 °С. Урожайность соломки и семян достигала 35,0 и 4,6 ц/га соответственно [Система ..., 1972, с. 407—409].

Таким образом, наиболее яркий период в развитии льноводства в Тюменской области приходился на 1930—1960-е годы. В это время было организовано испытание новых сортов льна-долгунца и льна масличного для различных агроэкологических зон, в три раза увеличилось количество посевных площадей и севооборот, в льнообработку внедрялась механизация труда, что позволило открыть девять льнозаводов по переработке льно-

сырья и две льностанции. Основными районами по посевам и переработке льна оставались Аромашевский, Викуловский, Казанский, Омутинский, Тобольский, Тюменский, Ялutorовский, Ярковский. В то же время среди сопутствующих проблем сохранялись кустарный способ расстила и неправильный подбор территории для засева семян льна.

Следующий этап в развитии льноводства области (1970—1990-е годы) отмечен тем, что до середины 1970-х годов Тюменская область занимала второе место по посевным площадям льна после Ставропольского края. Основными сортами льна-долгунца были: 1288/12, Прядильщик, И-9, Т-7, Т-9; льна масличного: Сибиряк, ВНИИМК 5237, Кубанский-7. Однако после выполненной в 1970-е годы специализации и концентрации лен практически перестали выращивать, работал только Тобольский льнозавод, сырье для которого было завозным [Иваненко и др., 2008, с. 170]. Отход от льноводства как технической культуры и переход на посев сельскохозяйственных зерновых и овощных культур привел к тому, что льноводство как отрасль перестает существовать.

В девяностые годы отдельные хозяйства области предпринимали попытки возобновления выращивания льна, однако посевы были незначительны: 0,2 (1992); 0,02 (1993); 0,05 (1994); 0,4 (1995) тыс. га.

Как видим, заключительный этап развития льноводства в области был отмечен существенными трансформациями, связанными с угасанием отрасли и переходом на посев зерновых и овощных культур. Социально-экономические изменения в стране в 1990-е годы не позволили возродить льноводство, хотя отдельные попытки предпринимались.

5. Заключение

Краткий анализ становления и развития льноводства в Тюменской области позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, становление льноводства в области проходило медленными темпами, однако в условиях коллективизации, освоения севооборотов и проведения сортоиспытаний развитие льноводства выходит на новый виток и начинает испытывать подъем.

Во-вторых, анализ становления и развития льноводства в рамках исследуемого времени позволяет представить его периодизацию, которая включала три последовательных этапа, каждый из которых имел свои особенности.

Первый, начальный (1900—1920-е годы), характеризовался тем, что, несмотря на развитие сельского хозяйства в губернии в начале XX века, в силу отсутствия свободных плодородных земель, пригодных для посевов льна, данная культура получила слабое распространение в губернии, хотя

имелись примеры выращивания льна с целью его реализации. Наиболее благоприятными уездами для его посадки и выращивания были Ишимский, Курганский, Тарский и Ялуторовский.

Второй период подъема льноводства (1930—1960-е годы) приходился на коллективизацию и освоение целинных земель. Он характеризовался организацией сортоиспытаний льна-долгунца и льна масличного для различных агроэкологических зон, троекратным возрастанием количества посевных площадей и севооборота, внедрением и применением механизации труда в льнообработку. Увеличение посевных площадей и урожайности льна в Тюменской области привело к открытию 9 льнозаводов по переработке льносырья и 2 льностанций. Основными районами по посевам и переработке льна являлись Аромашевский, Викуловский, Казанский, Омутинский, Тобольский, Тюменский, Ялуторовский, Яровский. Основной проблемой оставался кустарный способ расстила и неправильный подбор территории для засева семян льна.

Третий (заключительный) период (1970—1990-е годы) в развитии льноводства характеризовался процессом спада производства льна. Трансформационные изменения в социально-экономическом развитии страны привели к переходу на посев зерновых и овощных культур, несмотря на отдельные попытки возрождения льноводства. Отсутствие современных высокопродуктивных районированных сортов, экономически обоснованной технологии выращивания льна, перерабатывающих предприятий, заинтересованности у сельскохозяйственных производителей привело к тому, что к концу XX века для Тюменской области лен так и остался растением из прошлого.

В-третьих, различие агроэкологических зон губернии, а позднее области, сортовой потенциал, климатические особенности и технические возможности на протяжении всего рассматриваемого периода являлись сдерживающими факторами для развития льноводства.

Таким образом, можно считать, что к концу XX века льноводство как сельскохозяйственная отрасль практически прекратило свое существование на территории Тюменской области.

Источники

1. *Земледелие* // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. / Изд. по распоряжению Тобольского губернского статистического комитета ; сост. А. И. Дмитриевым-Мамоновым и К. М. Голодниковым. — Тобольск : Типография Тобольского губернского правления, 1884. — С. 184—188.

2. *Обзор* Тобольской губернии в сельскохозяйственном отношении за 1900 г. (по ответам добровольных корреспондентов). — Тобольск : Тобольский Губернский статистический комитет, 1901. — 52 с.

3. *Обзор* Тобольской губернии за 1873 г. // Приложение к Всеподданейшему отчету начальника Тобольской губернии за 1873 г. — Тобольск : Губернский статистический комитет, 1874. — 305 с.
4. *Обзор* Тобольской губернии за 1874 г. // Приложение к Всеподданейшему отчету начальника Тобольской губернии за 1874 г. — Тобольск : Губернский статистический комитет, 1875. — 189 с.
5. *Обзор* Тобольской губернии за 1875 г. // Приложение к Всеподданейшему отчету начальника Тобольской губернии за 1875 г. — Тобольск : Губернский статистический комитет, 1876. — 151 с.
6. *Обзор* Тобольской губернии за 1883 г. // Приложение к Всеподданейшему отчету начальника Тобольской губернии за 1883 г. — Тобольск : Губернский статистический комитет, 1884. — 121 с.
7. *Обзор* Тобольской губернии за 1884 г. // Приложение к Всеподданейшему отчету начальника Тобольской губернии за 1884 г. — Тобольск : Губернский статистический комитет, 1885. — 159 с.
8. *Обзор* Тобольской губернии за 1889 г. // Приложение к Всеподданейшему отчету начальника Тобольской губернии за 1889 г. — Тобольск : Губернский статистический комитет, 1890. — 167 с.
9. *Обзор* Тобольской губернии за 1900 г. // Приложение к Всеподданейшему отчету начальника Тобольской губернии за 1900 г. — Тобольск : губернская типография, 1901. — 84 с.
10. *Обзор* Тобольской губернии за 1901 г. // Приложение к Всеподданейшему отчету начальника Тобольской губернии за 1901 г. — Тобольск : губернская типография, 1902. — 94 с.
11. *Обзор* Тобольской губернии за 1902 г. // Приложение к Всеподданейшему отчету начальника Тобольской губернии за 1902 г. — Тобольск : губернская типография, 1903. — 97 с.
12. *Обзор* Тобольской губернии за 1903 г. // Приложение к Всеподданейшему отчету начальника Тобольской губернии за 1903 г. — Тобольск : губернская типография, 1904. — 98 с.
13. *Обзор* Тобольской губернии за 1904 г. // Приложение к Всеподданейшему отчету начальника Тобольской губернии за 1904 г. — Тобольск : губернская типография, 1905. — 122 с.
14. *Обзор* Тобольской губернии за 1905 г. // Приложение к Всеподданейшему отчету начальника Тобольской губернии за 1905 г. — Тобольск : губернская типография, 1906. — 128 с.
15. *Обзор* Тобольской губернии за 1906 г. // Приложение к Всеподданейшему отчету начальника Тобольской губернии за 1906 г. — Тобольск : типография губернского управления, 1907. — 79 с.
16. *Обзор* Тобольской губернии за 1907 г. // Приложение к Всеподданейшему отчету начальника Тобольской губернии за 1907 г. — Тобольск : типография губернского управления, 1908. — 68 с.
17. *Обзор* Тобольской губернии за 1908 г. // Приложение к Всеподданейшему отчету начальника Тобольской губернии за 1908 г. — Тобольск : типография губернского управления, 1909. — 70 с.
18. *Обзор* Тобольской губернии за 1909 г. // Приложение к Всеподданейшему отчету начальника Тобольской губернии за 1909 г. — Тобольск : типография губернского управления, 1910. — 78 с.

19. *Обзор* Тобольской губернии за 1910 г. // Приложение к Всеподданейшему отчету начальника Тобольской губернии за 1910 г. — Тобольск : типография губернского управления, 1911. — 103 с.
20. *Обзор* Тобольской губернии за 1911 г. // Приложение к Всеподданейшему отчету начальника Тобольской губернии за 1911 г. — Тобольск : типография губернского управления, 1913. — 117 с.
21. *Обзор* Тобольской губернии за 1912 г. // Приложение к Всеподданейшему отчету начальника Тобольской губернии за 1912 г. — Тобольск : типография губернского управления, 1913. — 117 с.
22. *Обзор* Тобольской губернии за 1914 г. // Приложение к Всеподданейшему отчету начальника Тобольской губернии за 1916 г. — Тобольск : типография губернского управления, 1916. — 120 с.
23. Скалозубов Н. Л. Урожай хлебов в Тобольской губернии в 1894 г. и краткие сведения о состоянии сельского хозяйства осенью того же года, по ответам добровольных корреспондентов / Н. Л. Скалозубов // Календарь Тобольской губернии на 1895 г. — Тобольск : Тобольская губернская типография, 1894. — С. 60—85.
24. Скалозубов Н. Л. Обзор крестьянских промыслов Тобольской губернии. С алфавитным указателем промыслов и селений, упоминаемых в обзорах за 1895—1902 гг. / Н. Л. Скалозубов // Ежегодник Тобольского Губернского музея. — Тобольск : Типография Епархиального братства, 1902. — Вып. 13. — С. 1—162.
25. Скалозубов Н. Л. Опыт обзора крестьянских промыслов Тобольской губернии (Труды комитета по устройству сельскохозяйственной и кустарной выставки в городе Кургане в 1895 году) / Н. Л. Скалозубов. — Тобольск : Типография Епархиального братства, 1895а. — Вып. 1. — 106 с.
26. Скалозубов Н. Л. Сельское хозяйство в Тобольской губернии (Извлечение из отчета за время с 1 мая по 1 сентября 1894 г., составленное Скалозубовым, Тобольской губернии агрономом) / Н. Л. Скалозубов. — Санкт-Петербург : Типография В. Демакова, 1895б. — 29 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксарин В. В. Льноводство Тюменской области : историографический аспект / В. В. Аксарин, К. П. Королев // Научный диалог. — 2018. — № 9. — С. 204—220. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-9-204-220.
2. Биология и агротехника районированных сортов полевых культур в Тюменской области. Рекомендации. — Тюмень : Тюменское областное правление научно-технического общества сельского хозяйства, 1974. — С. 5—10.
3. Выполнить план льнозаготовок // Тюменская правда. — 1945. — № 50 (113). — С. 2.
4. Иваненко А. С. Агроклиматические условия Тюменской области / А. С. Иваненко, О. А. Кулясова. — Тюмень : ТГСХА, 2008. — С. 170—172.
5. Иваненко А. С. Из истории освоения целинных и залежных земель в Тюменской области / А. С. Иваненко, В. Е. Иваненко // Вестник государственного аграрного университета Северного Зауралья. — 2014. — № 2 (25). — С. 87—92.
6. Ильинский Г. П. Льноводство в колхозах / Г. П. Ильинский. — Москва ; Ленинград : Государственное издательство сельскохозяйственной литературы, 1931. — 126 с.
7. Кезин С. Ф. На борьбу с потерями в колхозном льноводстве / С. Кезин, З. Логак. — Смоленск : Запгиз, 1932. — 48 с.

8. *Льноводство*. — Москва : Колос, 1967. — С. 18—36.
9. *Матвеев М. М.* Освоим передовую технику льноводства / М. М. Матвеев. — Рига : Латгосиздат, 1950. — 88 с.
10. *Минкевич И. С.* Лен масличный / И. С. Минкевич. — Москва : Государственное издательство сельскохозяйственной литературы, 1957. — С. 32—33.
11. *Мишуков В. Е.* Льноводство — доходная отрасль общественного хозяйства / В. Мишуков, председатель колхоза им. Карла Маркса, Тобольского района. — Тюмень : Кн. изд-во, 1955. — 16 с.
12. *Научно-прикладной справочник по агроклиматическим ресурсам СССР. Серия 2. Средние данные за 1951—1985 гг. Тюменская и Омская области*. — Омск, 1991. — Вып. 17. — 558 с.
13. *Основные показатели сельского хозяйства Тюменской области (1913—1996)*. — Тюмень : Тюменский областной комитет государственной статистики, 1997. — С. 4—66.
14. *Система ведения сельского хозяйства Северного Зауралья. Рекомендации*. — Тюмень : НИИСХСЗ, 1972. — С. 407—409.
15. *Труш М. М.* Машины для льноводства / М. М. Труш, Н. И. Попов. — Москва : Машгиз, 1960. — 99 с.
16. *Труш М. М.* Ученые — льноводству / М. М. Труш, Ф. М. Карпунин. — Калинин : Московский рабочий, 1989. — 126 с.
17. *Хомяков И. С.* Лен-долгунец в Тюменской области / И. С. Хомяков. — Свердловск : Средне-уральское книжное издательство, 1964. — С. 3—25.

MATERIAL RESOURCES

- Agriculture. (1884). In: *Memorial Book of the Tobolsk province for 1884*. Tobolsk: Printing house of the Tobolsk provincial government. 184—188. (In Russ.).
- Obzor Tobolsk guberniya za 1900 g. (1901). In: *Appendix to the Vsepoddaneyshem report of the chief of the Tobolsk province for 1900 g.* Tobolsk: gubernskaya tipografiya. 84 p. (In Russ.).
- Obzor Tobolsk guberniya za 1901 g. (1902). In: *Appendix to the Vsepoddaneyshem report of the chief of the Tobolsk province for 1901.* Tobolsk: gubernskaya tipografiya. 94 p. (In Russ.).
- Obzor Tobolsk guberniya za 1902 g. (1903). In: *Appendix to the Vsepoddaneyshem report of the chief of the Tobolsk province for 1902 g.* Tobolsk: gubernskaya tipografiya. 97 p. (In Russ.).
- Obzor Tobolsk guberniya za 1903 g. (1904). In: *Appendix to the Vsepoddaneyshem report of the chief of the Tobolsk province for 1903 g.* Tobolsk: gubernskaya tipografiya. 98 p. (In Russ.).
- Obzor Tobolsk guberniya za 1904 g. (1905). In: *Appendix to the Vsepoddaneyshem report of the chief of the Tobolsk province for 1904 g.* Tobolsk: gubernskaya tipografiya. 122 p. (In Russ.).
- Obzor Tobolsk guberniya za 1905 g. (1906). In: *Appendix to the Vsepoddaneyshem report of the chief of the Tobolsk province for 1905 g.* Tobolsk: gubernskaya tipografiya. 128 p. (In Russ.).
- Obzor Tobolsk guberniya za 1906 g. (1907). In: *Appendix to the Vsepoddaneyshem report of the chief of the Tobolsk province for 1906 g.* Tobolsk: tipografiya gubernskogo upravleniya. 79 p. (In Russ.).

- Obzor Tobolsk guberniya za 1907 g. (1908). In: *Appendix to the Vsepoddaneyschem report of the chief of the Tobolsk province for 1907 g.* Tobolsk: tipografiya gubernskogo upravleniya. 68 p. (In Russ.).
- Obzor Tobolsk guberniya za 1908 g. (1909). In: *Appendix to the Vsepoddaneyschem report of the chief of the Tobolsk province for 1908 g.* Tobolsk: tipografiya gubernskogo upravleniya. 70 p. (In Russ.).
- Obzor Tobolsk guberniya za 1909 g. (1910). In: *Appendix to the Vsepoddaneyschem report of the chief of the Tobolsk province for 1909 g.* Tobolsk: tipografiya gubernskogo upravleniya. 78 p. (In Russ.).
- Obzor Tobolsk guberniya za 1910 g. (1911). In: *Appendix to the Vsepoddaneyschem report of the chief of the Tobolsk province for 1910 g.* Tobolsk: tipografiya gubernskogo upravleniya. 103 p. (In Russ.).
- Obzor Tobolsk guberniya za 1911 g. (1913). In: *Appendix to the Vsepoddaneyschem report of the chief of the Tobolsk province for 1911 g.* Tobolsk: tipografiya gubernskogo upravleniya. 117 p. (In Russ.).
- Obzor Tobolsk guberniya za 1912 g. (1913). In: *Appendix to the Vsepoddaneyschem report of the chief of the Tobolsk province for 1912 g.* Tobolsk: tipografiya gubernskogo upravleniya. 117 p. (In Russ.).
- Obzor Tobolsk guberniya za 1914 g. In: *Appendix to the Vsepoddaneyschem report of the chief of the Tobolsk province for 1916 g.* Tobolsk: tipografiya gubernskogo upravleniya. 120 p. (In Russ.).
- Review of the Tobolsk province for 1873. (1874). In: *Appendix to the All-important report of the chief of the Tobolsk province for 1873.* Tobolsk: Provincial Statistical Committee. 305 p. (In Russ.).
- Review of the Tobolsk province for 1874. (1875). In: *Appendix to the All-important report of the chief of the Tobolsk province for 1874.* Tobolsk: Provincial Statistical Committee. 189 p. (In Russ.).
- Review of the Tobolsk province for 1875. (1876). In: *Appendix to the All-important report of the chief of the Tobolsk province for 1875.* Tobolsk: Provincial Statistical Committee. 151 p. (In Russ.).
- Review of the Tobolsk province for 1883. (1884). In: *Appendix to the All-important report of the chief of the Tobolsk province for 1883.* Tobolsk: Provincial Statistical Committee. 121 p. (In Russ.).
- Review of the Tobolsk province for 1884 (1885). In: *Appendix to the All-important report of the chief of the Tobolsk province for 1884.* Tobolsk: Provincial Statistical Committee. 159 p. (In Russ.).
- Review of the Tobolsk province for 1889. (1890). In: *Appendix to the All-important report of the chief of the Tobolsk province for 1889.* Tobolsk: Provincial Statistical Committee. 167 p. (In Russ.).
- Review of the Tobolsk province in agricultural terms for 1900 (according to the responses of voluntary correspondents).* (1901). Tobolsk: Tobolsk Provincial Statistical Committee. 52 p. (In Russ.).
- Skalozubov, N. L. (1894). The harvest of bread in the Tobolsk province in 1894 and brief information about the state of agriculture in the autumn of the same year, according to the answers of voluntary correspondents. In: *Calendar of the Tobolsk province for 1895.* Tobolsk: Tobolsk Provincial Printing House. 60—85. (In Russ.).
- Skalozubov, N. L. (1895a). *Experience of the review of peasant crafts of the Tobolsk province (Proceedings of the committee on the organization of agricultural and handicraft*

- exhibitions in the city of Kurgan in 1895*). I. Tobolsk: Printing house of the Diocesan Brotherhood. 106 p. (In Russ.).
- Skalozubov, N. L. (1895b). *Agriculture in the Tobolsk province (Extract from the report for the time from May 1 to September 1, 1894, compiled by Skalozubov, an agronomist of the Tobolsk Province)*. St. Petersburg: V. Demakov's printing house. 29 p. (In Russ.).
- Skalozubov, N. L. (1902). Review of peasant crafts of the Tobolsk province. With an alphabetical index of crafts and villages mentioned in reviews for 1895—1902. In: *Yearbook of the Tobolsk Provincial Museum*, 13. Tobolsk: Printing house of the Diocesan Brotherhood. 1—162. (In Russ.).

REFERENCES

- Aksarin, V. V., Korolyov, K. P. (2018). Flax Growing in Tyumen Region: Historiographical Aspect. *Nauchnyi dialog*, 9: 204—220. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-9-204-220. (In Russ.).
- Biology and agrotechnics of zoned varieties of field crops in the Tyumen region. Recommendations*. (1974). Tyumen: Tyumen regional Board of the scientific and technical Society of agriculture. 5—10. (In Russ.).
- Flax growing*. (1967). Moscow: Kolos. 18—36. (In Russ.).
- Fulfill the plan of flax harvesting. (1945). In: *Tyumenskaya Pravda*, 50 (113): 2. (In Russ.).
- Ilyinsky, G. P. (1931). *Flax growing in collective farms*. Moscow; Leningrad: State Publishing House of agricultural Literature. 126 p. (In Russ.).
- Ivanenko, A. S., Ivanenko, V. E. (2014). From the history of the development of virgin and fallow lands in the Tyumen region. *Bulletin of the State Agrarian University of the Northern Trans-Urals*, 2 (25): 87—92. (In Russ.).
- Ivanenko, A. S., Kulyasova, O. A. (2008). *Agroclimatic conditions of the Tyumen*. Tyumen: TSSHA. 170—172. (In Russ.).
- Kezin, S. F., Logak, Z. (1932). *On the fight against losses in collective-farm flax growing*. Smolensk: Zapgiz. 48 p. (In Russ.).
- Khomyakov, I. S. (1964). *Len-dolgunets in the Tyumen region*. Sverdlovsk: Sredne-Uralsky Book Publishing House. 3—25. (In Russ.).
- Matveev, M. M. (1950). *Let's master the advanced technique of flax growing*. Riga: Latgosizdat. 88 p. (In Russ.).
- Minkevich, I. S. (1957). *Oilseed flax*. Moscow: State Publishing House of agricultural Literature. 32—33. (In Russ.).
- Mishukov, V. E. (1955). *Flax-growing-a profitable branch of public economy*. Tyumen: Kn. izd-vo. 16 p. (In Russ.).
- Scientific and applied reference book on agro-climatic resources of the USSR. Series 2. Average data for 1951—1985. Tyumen and Omsk regions*, 17. (1991). Omsk. 558 p. (In Russ.).
- The main indicators of agriculture of the Tyumen region (1913—1996)*. (1997). Tyumen: Tyumen Regional Committee of State Statistics. 4—66. (In Russ.).
- The system of agriculture in the Northern Trans-Urals. Recommendations*. (1972). Tyumen: NIISKHSZ. 407—409. (In Russ.).
- Trush, M. M., Karpunin, F. M. (1989). *Scientists-flax growing*. Kalinin: Moscow worker. 126 p. (In Russ.).
- Trush, M. M., Popov, N. I. (1960). *Machines for flax growing*. Moscow: Mashgiz. 99 p. (In Russ.).

Актамов И. Г. Монгольская трудовая миграция в Республику Корея в новейший исторический период : вынужденная мобильность и социальное событие / И. Г. Актамов, Ю. Г. Григорьева // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 359—380. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-359-380.

Aktamov, I. G., Grigoreva, Yu. G. (2021). Mongolian Labor Migration to Republic of Korea in Recent Historical Period: Forced Mobility and Social Event. *Nauchnyi dialog*, 7: 359-380. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-359-380. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-359-380

Монгольская трудовая миграция в Республику Корея в новейший исторический период: вынужденная мобильность и социальное событие

Актамов Иннокентий Галималаевич
orcid.org/0000-0002-8646-1048
кандидат педагогических наук
доктор философии (PhD, история)
заведующий лабораторией
«Центр переводов с восточных языков»
aktamov13@gmail.com

Григорьева Юлия Геннадьевна
orcid.org/0000-0003-4267-2465
кандидат исторических наук
младший научный сотрудник
grigoreva-yulia23@mail.ru

Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук
(Улан-Удэ, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНХСМ в рамках научного проекта № 20-511-44003 «Российские и монгольские трудовые мигранты в странах АТР»

Mongolian Labor Migration to Republic of Korea in Recent Historical Period: Forced Mobility and Social Event

Innokentii G. Aktamov
orcid.org/0000-0002-8646-1048
PhD in Pedagogy
PhD in History, Head of the Laboratory
“Center for Translations
from Oriental Languages”
aktamov13@gmail.com

Yulia G. Grigoreva
orcid.org/0000-0003-4267-2465
PhD in History
Junior Researcher
grigoreva-yulia23@mail.ru

The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
(Ulan-Ude, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR and MECSS, project № 20-511-44003 «Russian and Mongolian migrant workers in the Asia-Pacific region»

© Актамов И. Г., Григорьева Ю. Г., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются причины, факторы и особенности трудовой миграции граждан Монголии в Республику Корея в постсоциалистический период развития страны. Представлены результаты сопоставительного анализа данных официальной статистики, органов государственной власти Монголии и Республики Корея, а также международных организаций. Выполнен обзор научных работ по данной проблеме отечественных, монгольских, южнокорейских авторов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа миграционных процессов, которые в ближайшей перспективе будут определять социально-экономическое развитие государств Северо-Восточной Азии с учетом возрастных, профессиональных, гендерных характеристик «принимающих» и «прибывающих» сообществ. Доказано, что правительство Монголии уделяет большое внимание миграционной политике, в которой особое значение придается миграции монгольских граждан в Республику Корея. Авторами выявлены основные факторы, оказывающие влияние на миграционные потоки, а также определены механизмы государственного регулирования в новейший исторический период. Сформулированы результаты проведенного анализа, намечены перспективы развития исследования, в том числе в области изучения миграционных потоков из приграничных регионов Российской Федерации.

Ключевые слова:

Монголия; Республика Корея; миграция; миграционная политика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issues of the reasons, factors and features of labor migration of Mongolian citizens to the Republic of Korea in the post-socialist period of the country's development are considered. The results of a comparative analysis of the data of official statistics, government bodies of Mongolia and the Republic of Korea, as well as international organizations are presented. A review of scientific works on this issue by domestic, Mongolian, South Korean authors is carried out. The relevance of the study is due to the need to analyze migration processes, which in the near future will determine the socio-economic development of the states of Northeast Asia, taking into account the age, professional, gender characteristics of the "receiving" and "arriving" communities. It has been proven that the government of Mongolia pays great attention to migration policy, which emphasizes the migration of Mongolian citizens to the Republic of Korea. The authors identified the main factors influencing migration flows, and also determined the mechanisms of state regulation in the recent historical period. In the conclusion, the results of the analysis carried out on the problem and the prospects for the development of the study are formulated, including in the field of studying migration flows from the border regions of the Russian Federation.

Key words:

Mongolia; the Republic of Korea; migration; migration policy.

Монгольская трудовая миграция в Республику Корея в новейший исторический период: вынужденная мобильность и социальное событие

© Актамов И. Г., Григорьева Ю. Г., 2021

1. Введение

Современные глобальные отношения характеризуются разнообразными и довольно противоречивыми тенденциями: от стремления к открытости и взаимодействию государств до планомерной изоляции и обретающего сторонников по всему миру движения антиглобалистов. Знаковым в этом плане стал 2020 год, который обозначил иную проблему и другой механизм защиты. Пандемия вируса нового типа показала, что государствам проще и эффективнее преодолевать угрозы путем закрытия государственных границ, ограничения передвижений между регионами внутри страны и даже введением режима «самоизоляции» и «социальной дистанции» (в данном контексте корректнее было бы использовать сочетание *физическая дистанция*, поскольку термин *социальная дистанция* был введен в научный оборот по иному поводу еще в 1924 году американским социологом Парком Робертом Эзра (1864—1944), автором социально-экологической теории в социологии — И. А., Ю. Г.) на индивидуальном уровне. Вместе с тем данные меры носили оперативный характер, который предполагает возврат к привычным механизмам глобального взаимодействия после преодоления пандемии. Даже сейчас, когда ситуация с преодолением пика заболеваемости еще не имеет очевидных позитивных очертаний, мы можем наблюдать социальные взрывы, направленные против мер, вводимых со стороны ряда государств [Пандемия ...]. Триггером в данном случае выступает ограничение свободы передвижений, сокращение персонала в связи с локдауном, отсутствие ясных перспектив и эффективных методов борьбы с болезнью. Все это имеет значение и на международном уровне: многие трудовые мигранты оказались в вынужденной блокаде у себя на родине. Трудности испытывают и принимающие государства, которые оказались без рабочей силы, обеспечивавшей развитие целых отраслей экономики. В начале XXI века мировая экономическая активность все больше смещается в Северо-Восточную Азию, где ведущую роль играют такие государства, как КНР, Япония, Республика Корея, Монголия, КНДР. Для нашей страны расширение

взаимодействия со странами Северо-Восточной Азии является одним из стратегических направлений сотрудничества. Более того, высшим руководством страны был объявлен геополитический «поворот на Восток», который отражает разнонаправленность внешней политики РФ. Наряду с торгово-экономическими связями страны региона наращивают взаимодействие в других сферах сотрудничества: политической сфере, военном сотрудничестве, образовании, культуре, науке и др.

Еще одним важным фактором, который влияет на развитие экономики страны, является трудовая миграция. Стремительный экономический рост, который демонстрировали Китай, Япония, Р. Корея, Монголия в начале XXI века, стимулировал потребность в трудовой силе, которую государства своими ресурсами не могли удовлетворить. В этом плане большое социально-экономическое значение имеет индекс человеческого развития стран Северо-Восточной Азии. В рамках исследования мы рассмотрим исторические основания миграционных потоков из Монголии в Республику Корея, выявим характерные особенности, а также попытаемся на основе анализа данных официальной статистики, нормативных документов выдвинуть прогнозные сценарии развития ситуации в этой сфере.

Актуальность обозначенной темы обусловлена необходимостью определения тенденций трансформации трансграничного региона с точки зрения миграционных потоков, изучения целей, жизненных стратегий жителей современной Монголии. Полученные результаты позволят выявить общее и особенное в миграционных практиках жителей Монголии, проанализировать влияние миграции на социальную стабильность, определить риски и вызовы, которые стоят сейчас перед современным монгольским обществом. Отношения России с «вечным соседом» имеют стратегическое значение с точки зрения реализации всеобъемлющего партнерства между странами [Россия и Монголия ...]. Кроме того, интересны миграционные практики монгольских граждан с точки зрения сопоставления с аналогичными механизмами адаптации российских граждан в Республике Корея.

2. Социально-экономические и политические предпосылки миграционных процессов в Монголии в постсоциалистический период

Конец 1980-х — начало 1990-х годов ознаменовались распадом Совета экономической взаимопомощи и Организации Варшавского договора. Кризис в Советском Союзе стал толчком к бурным политическим процессам в странах, которые входили в указанные международные организации. Вместе с тем, если на европейские страны социалистического блока исчезновение СССР оказало принципиальное влияние, что вылилось в так назы-

ваемые «бархатные революции», то государства Азии, такие как КНР, СРВ, КНДР, Лаос, Камбоджа, формально не отказались от своего социалистического курса. Монголия в этом плане являлась исключением: к концу 1980-х годов она по примеру Советского Союза запустила процесс «перестройки». Шоковая терапия показала неподготовленность государства и общества к принципиальной смене идеологических ориентиров, привела к разрушению прежней системы управления, распаду многих предприятий. Это привело к росту безработицы, гиперинфляции и общему снижению уровня жизни населения. К тому же сокращение финансовой помощи Советского Союза монгольскому государству усилило эти кризисные тенденции. По мнению отдельных специалистов, объем финансовой помощи со стороны СССР за период 1989—1991 годов сократился с 53 % (от размера ВВП Монголии) до 7 %, а советский импорт сократился на 60 % [Boone, 1994, p. 330]. Все это подтолкнуло монгольскую экономику к упадку, в котором она находилась вплоть до середины 1990-х годов.

Первые признаки стабилизации экономики Монголии наметились в 1994—1995 годах, когда запущенные рыночные механизмы обрели некоторую силу. Оживился животноводческий сектор, который стал демонстрировать рост производства, иностранные инвестиции придали импульс для развития промышленному сектору. За сравнительно короткий срок монетарная политика государства позволила ограничить рост инфляции. Если в 1992 году уровень инфляции составил 352 %, то в январе 1995 года он снизился до 58,4 %, в ноябре — до 10 % [История Монголии ..., 2007, с. 348].

В начале XXI века на глобальном рынке повысился спрос на минеральные ресурсы: медь, уголь, вольфрам, молибден, олово, золото и др. Данная ситуация позволила Монголии за счет экспорта сырья пополнить бюджет, погасить накопившиеся долги и увеличить золотовалютные резервы. Это стало стимулом притока иностранных инвестиций в страну. После 1990-х годов Россию на этом рынке уверенно потеснил Китай, который планомерно расширяет инвестиционное присутствие прежде всего в таких сферах, как горнорудная и строительная. По разным оценкам объем инвестиций КНР в монгольскую экономику составляет примерно половину от всех капиталовложений иностранных государств.

Еще одним механизмом оживления экономики Монголии являются кредиты, которая страна получает на реализацию тех или иных проектов. По размерам предоставляемых кредитов и помощи Япония является на сегодня самым крупным донором: 56 % всей помощи и кредитов, предоставляемых Правительству Монголии. В период 1990—2002 годы Япония оказала Монголии экономическую помощь на сумму 11 млрд иен. В настоящее время Япония ежегодно предоставляет Монголии льготные кредиты

на сумму 45—60 млн долл., безвозмездную помощь в размере 30—35 млн долл. и оказывает техническое содействие на сумму более 10 млн долл. Полученные кредиты и помощь от Японии были использованы в Монголии при создании комбината «Гоби», мясокомбината в г. Дархан, предприятия по переработке молока в г. Улан-Баторе, ТЭЦ № 4, а также для строительства угольных шахт в Шивээ, Багануре, расширения полезных площадей средних школ и др. [Дугаржав и др., 2006, с. 69].

Еще одним важным партнером Монголии является Республика Корея. С момента установления дипломатических отношений минуло немногим более тридцати лет, и за этот период Корея смогла стать крупным партнером Монголии, занимающим одно из ведущих мест как в объеме инвестиций, так и объеме торговли. Все это стимулировало миграционные потоки монгольских граждан в Республику Корея. По неофициальным данным, в Республике Корея занимается трудовой деятельностью около 17 тыс. монгольских граждан.

Миграционные процессы всегда играли важную роль в жизни Монголии, обеспечивая освоение территории страны, перераспределяя население и трудовые ресурсы. Миграция в отличие от других социально-экономических явлений оказывает существенное влияние на политические, социально-экономические процессы, происходящие в обществе. От масштабов и тенденций миграционных процессов во многом зависит структура и качество рабочей силы, которая в свою очередь определяет перспективы развития инфраструктуры отдельных регионов страны. В постсоциалистический период в связи с закрытием предприятий, сокращением объема производства, централизацией финансов в столице страны усилились миграционные потоки из регионов страны в Улан-Батор. В свою очередь и население столицы, и жители аймаков, приехавшие в город в поисках улучшения своего материального положения, начали выезжать в другие страны. Процесс старения населения в Северо-Восточной Азии привел к старению и нехватке местной рабочей силы в ряде государств, изменению структуры коэффициента демографической нагрузки, повышению в нем удельного веса пожилых и сокращению трудоспособного населения. Результатом стало стимулирование импорта рабочей силы, а также перенос производства в другие страны. Все это создало условия для миграции монгольских граждан в другие государства.

По свидетельству отдельных экспертов, наиболее тесные экономические и политические отношения связывают Монголию с Южной Кореей, где учится много монгольских студентов, работает много мигрантов. Также ежегодно растут объемы корейских инвестиций, в том числе по причине близости культурных традиций. Южная Корея воспринимается в Монго-

лии как страна, которая добилась значительных успехов на мировой арене. В Монголии очень ценятся корейские товары, считается, что они обладают хорошим качеством [Балдорж и др., 2019, с. 37].

Таким образом, Монголия в постсоциалистический период оказалась в сложных экономических условиях, которые стали результатом изменения внешнеполитической ситуации. Реформы нового правительства Монголии в определенной степени позволили преодолеть кризисные явления в социально-экономической сфере. Но принятые меры не позволили в полной мере повысить качество жизни населения страны. Это подтолкнуло наиболее активную часть монгольских граждан искать источники заработка в других странах. Наибольшее количество трудовых мигрантов из Монголии зарегистрировано в Республике Корея. Такая ситуация сложилась в результате нескольких факторов: заинтересованности Южной Кореи в рабочей силе, сложившихся хороших политических связей между государствами, а также привлекательности образа корейской культуры, образа жизни.

3. Историография монгольской миграции в страны АТР

Имеющиеся в научной литературе публикации по исследуемой теме представлены трудами российских, монгольских и корейских исследователей, ученых Западной Европы, Китая, Японии, США. Значительный вклад в изучение проблемы вносят труды ученых Института востоковедения РАН, Института Дальнего Востока РАН, Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Иркутского государственного университета и др.

Большое внимание отечественных исследователей привлекают этномиграционные и диаспоральные процессы в монгольском мире. Основной задачей становится выявление факторов формирования культуры межэтнических отношений между принимающим обществом и мигрантами, изучение региональной специфики, самоорганизации монгольских диаспор и их институционализации в некоторых странах Азии, Европы и Америки. Здесь можно отметить работы М. Н. Балдано [Балдано и др., 2015; Балдано, 2018], В. И. Дятлова [Миграции и диаспоры ..., 2010; Восток России ..., 2011], С. А. Панарина [Восток на Востоке ..., 2016], С. В. Кириченко [Кириченко, 2016] и др.

Особый вклад в изучение миграции внесли монгольские исследователи, проживающие или получившие образование в Республике Корея. Большая часть работ посвящена трудовой, образовательной и брачной миграции монголов в РК, например, публикации [Галиймаа и др., 2016; Batbayar, 2005; Bolormaa, 2008; Munkhjargal, 2011; Munkh-Orgil, 2006; Narmandakh, 2013; Oyunchimeg].

Социологические исследования по изучению международной миграции из Монголии были выполнены Бужин Баттур [Bujin Battur, 2015], Солонгоо Алгаа [Alгаа, 2013]. На основе проведенных интервью и анкетирования монгольских мигрантов, проживающих в Южной Корее, авторы выявили основные причины, положительные и отрицательные последствия миграции. Экономические факторы трудовой миграции рассмотрены в диссертации монгольского исследователя Нямсүвд Батмагнай [Batmagnai, 2015]. В качестве выталкивающих (push) факторов в работе приводятся данные социально-экономической ситуации в стране (безработица, низкий уровень дохода, инфляция). Притягивающими факторами (pull) являются развитость экономики Республики Корея, спрос на иностранную рабочую силу и удовлетворительную миграционную политику. Сравнительный анализ миграционных процессов из Монголии в Республику Корея, США, ЕС, Японию представлен в работе Ц. Долгорсурэн [Dolgorsuren, 2016]. В исследовании показано, что более привлекательной страной для миграции, в первую очередь трудовой, является Республика Корея в сравнении с США, Канадой, Россией, Японией и т. д.

Монгольская международная миграция также стала объектом исследования для южнокорейских ученых. Однако данные исследования либо проведены совместно с монгольскими коллегами, либо изучены в комплексе общей миграционной ситуации в Республике Корея. Можно назвать исследователей Ким Юнг Хи [Kim, 2008; Kim, 2018], Ли Гю Ён [Lee, 2017], Ю Кил Сан [Yoo Kil-sang, 2001], Пак Ён Бом [Park, 1997].

4. Процессы турбулентности в монгольском обществе

В последние годы миграция под влиянием политических и социально-экономических перемен в Монголии и за ее пределами приобрела ряд принципиально новых черт, имеющих остропроblemный характер. Начало 90-х годов стало переломным моментом в миграционных процессах в Монголии. Это можно объяснить рядом факторов. Так, политическая реформа на всех уровнях власти привела к либерализации и демократизации жизни в стране, расширению возможностей реализации личности, в том числе и с точки зрения применения своих профессиональных компетенций в разных сферах. Вторым фактором является резкий переход от плановой к рыночной экономике, который вызвал кризис, сопровождавшийся снижением уровня жизни населения, появлением безработицы. Возникновение частного предпринимательства привело к перемещению рабочей силы не только по всей стране, но и по всему миру. В 1990-е годы особое развитие получил так называемый «челночный» бизнес, когда граждане Монголии ездили в КНР, РФ, страны СНГ, Р. Корея, государства Восточной и За-

падной Европы за предметами первой необходимости, одеждой, бытовой техникой с целью перепродажи у себя на родине. Обозначенные факторы стимулировали процесс урбанизации, вызвавший отток населения из сельской местности в город. Началась и усиливается миграция населения из западных аймаков в центральные регионы страны, в большие города: Улан-Батор, Эрдэнэт, Дархан. Особенно это касается молодежи, которая стремится быть ближе к финансово-экономическим и культурным центрам, научно-образовательным учреждениям и др.

По мнению Д. Д. Бадараева, Монголия в постсоциалистический период была подвержена процессам турбулентности, которые он условно делит на несколько этапов. Первый этап (1991—1993): резкое прекращение советского экономического патронажа, приватизация, инфляция (уровень ВВП снизился более чем на 30 %, в 1991 году — до 9,2 %, почти $\frac{1}{4}$ часть населения оказалась за чертой бедности, численность безработных составила более 70 тыс. чел., уровень инфляции в 1992 году достиг 325 %). Второй этап (1998—2000-е): внутренний политический кризис — отставка правительства демократов; мировой финансовый кризис 1998 года; существенное ухудшение положения страны на конец 1999 года по ряду показателей, таких как внутренняя и внешняя задолженность, бюджетный дефицит, внешняя торговля и др.; сильнейший дзуд (стихийное бедствие, сопровождающееся бескормицей) 1998—1999 и 1999—2000 годов, при котором потери скота составили до 10 млн голов. Третий этап (2008—2010): июльская революция 2008 года, (в результате беспорядков погибли 5 чел., 300 чел. получили ранения, в том числе 100 полицейских, 760 чел. были арестованы), финансовый кризис 2008 года привел к снижению ВВП в 2009 году до 1,3 %, сильнейший дзуд 2009—2010 годов (потери скота составили 8 млн голов) [Бадараев, 2019, с. 278].

Наступивший 2021 год также сопровождается внутренним политическим кризисом, который привел к отставке правительства У. Хурэлсуха, а также обострением противостояния между двумя основными партиями — Монгольской Народной партией (МНП) и Демократической партией (ДП). Президент Монголии Х. Баттулга, который представляет демпартию, подписал указ о роспуске МНП [Президент Монголии ...]. Данный кризис разгорелся на фоне пандемии коронавируса, драйвером являются предстоящие выборы президента Монголии, назначенные на 9 июня 2021 года.

Отмеченные этапы турбулентности продемонстрировали закономерность цикличности, которая хронологически наступает раз в 7—10 лет. Таким образом, можно говорить о новом витке турбулентности, который также может стать одним из выталкивающих факторов монгольской миграции в условиях внутреннего политического кризиса и ухудшения экономической ситуации в мире на фоне пандемии.

По данным переписи населения 2020 года, 122 301 гражданин Монголии проживает за границей, что на 14,2 процента больше по сравнению с переписью 2010 года. Более половины монгольских граждан (58,8 %), проживающих за рубежом, находятся в странах Азиатско-Тихоокеанского региона [2020 Population ..., 2020, p. 16].

По своим экономическим показателям Монголия относится к странам развивающегося мира. По среднедушевому уровню ВВП она занимает 123-е место в мире. Уровень безработицы держится на стабильно высоком уровне, выше 7 % (табл. 1). Уровень бедности составляет 27,4 % (самый высокий показатель достигал 39,3 % в 2012 году), то есть почти одна треть населения находится за чертой бедности [Национальное статистическое ...]. Уровень бедности наиболее высок в сельской местности и отдаленных районах.

Таблица 1

Динамика отдельных микроэкономических показателей Монголии

Год	ВВП (\$)	Доля ВВП страны в мире (место)	Объем ВВП на душу населения	Уровень безработицы
1995	1,45 млрд	158	1,430 млрд	5,5 %
2000	1,137 млрд	162	0,470 млрд	9,6 %
2010	7,189 млрд	142	2,000 млрд	9,9 %
2019	13,853 млрд	136	3,780 млрд	10 %

Источник: [Национальное статистическое ...].

Как видим, занятость населения является одной из серьезных проблем современной Монголии. Высокий уровень безработицы, а также невысокая оплата труда стали основными стимулами трудовой миграции монгольских граждан в зарубежные страны (табл. 2).

Выезд за рубеж стал чрезвычайно популярной жизненной стратегией монголов. Согласно данным Международной организации по миграции ООН (IOM UN Migration), порядка 65 % монголов от общего количества мигрантов перемещаются по экономическим причинам. По оценкам данной организации, в 2018 году за границей проживало 130 000 монгольских мигрантов, многие из которых не имеют постоянного юридического статуса. По данным Всемирного банка, Монголия получила 574,4 миллиона долларов в виде денежных переводов в 2019 году (4,1 % от ВВП). В недавнем отчете Азиатского банка развития отмечается, что значительная доля денежных переводов осуществляется по неофициальным каналам, и по оценкам общий приток денежных переводов от монгольских трудовых мигрантов может достигать 10 % от ВВП страны.

Таблица 2

Показатели занятости населения Монголии (2005—2020)

Годы	Экономически активное население	Уровень участия в рабочей силе	Уровень занятости	Уровень безработицы	Средняя заработная плата (тысяч тугриков)
2005	1,001,2	63,5	61,4	3,3	101,2
2006	1,042,8	64,4	62,4	3,2	127,7
2007	1,054,0	64,2	62,4	2,8	173,0
2008	1,071,5	63,5	61,7	2,8	274,2
2009	1,137,9	61,4	54,3	11,6	300,5
2010	1,147,1	61,6	55,5	9,9	341,5
2011	1,124,7	62,5	57,7	7,7	424,2
2012	1,151,1	63,5	58,3	8,2	557,6
2013	1,198,3	61,9	57,0	7,9	813,0
2014	1,206,5	62,1	57,2	7,9	796,6
2015	1,242,6	62,8	57,9	7,8	808
2016	1,275,650	60,5	54,5	10	861,9
2017	1,357,425	61,1	55,8	8,8	944,5
2018	1,358,637	61	56,3	7,8	1,002,9
2019	1,273,896	60,5	54,4	10	1,124,3
2020	1,264,649	57	52,7	7,6	1,261,1

Источник: [Национальное статистическое ...].

5. Монгольская миграция в конце XX века

Как уже отмечалось ранее, интенсивные миграционные процессы в Монголии начались в 1990-е годы. Это было обусловлено социально-экономическими процессами в стране, а также усилением экономических и политических связей с азиатскими, американскими и западноевропейскими странами. Гражданам Монголии было предоставлено право безвизового въезда в США и Японию.

Миграционные потоки были обусловлены экономическим уровнем развития страны назначения, юридическими нормами, позволяющими прибывающим трудоустроиваться. Многие зависело от неформальных практик, которые через какое-то время превращались в устойчивую модель адаптации в принимающем обществе. Довольно часто трудовые мигранты выезжали в страны по учебным визам. Из неофициальных источников известно, что за 20 лет с целью получения образования или поиска работы в США выехало более 5 тыс. граждан Монголии, в Германию — около

10 тыс., а в Южную Корею — от 40 до 50 тыс. [Bujiin Battur, 2016, p. 79]. Кроме того, наблюдается интенсивная миграция в Японию, Россию и страны Восточной Европы (рис. 1).

Большинство эмигрантов — это трудовые мигранты, переехавшие за границу в рамках соглашений между странами. Правительство Монголии в 2001 году приняло «Закон об отправке рабочей силы за рубеж и прием рабочей силы и специалистов из-за рубежа», согласно которому разрешение давалось некоторым компаниям на отправку монгольской рабочей силы в Южную Корею, Японию, Чехию и другие страны. Данный закон стал одним из основных механизмов, регулирующих миграционную политику государства. Уже в 2010 году за границу выехало 20,5 тыс. трудовых мигрантов, большая часть которых отправилась в Республику Корея.

По данным переписи населения, в 2020 году 122,3 тысячи человек более 6 месяцев находятся за границей; 58,8 % от общего количества живут и работают в Азиатско-Тихоокеанском регионе, 23,9 % — в странах Европы. Из всех монголов, проживающих за границей, 34,2 % получают образование, 32 % работают, 12,6 % переехали по семейным обстоятельствам, 11,7 % являются резидентами, а остальные 9,5 % проживают по другим причинам [2020 Population ..., 2020, p. 13].

Основные страны по назначению для монгольских мигрантов

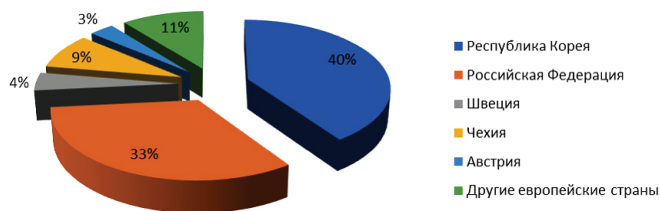

Рис. 1. Количество монгольских мигрантов по странам в 2019 году по данным Международной организации по миграции ООН (IOM UN Migration) [Международная организация ...]

На сегодняшний день экономика Монголии сократилась на 6 %, а ВВП — на 12 %. Из-за сложившейся ситуации остаток ценных бумаг центрального банка достиг 7,9 трлн тугриков (около \$2,8 млрд). Другими словами, коммерческие банки вложили все свои деньги в фонд риска, а не выдавали кредиты. В результате денежный поток стал стагнирующим, что привело к нехватке рабочих мест и отсутствию экономического оборота.

С начала пандемии в Монголии потеряно 68,9 тыс. рабочих мест. Новый кабинет министров Монголии под руководством Л. Оюун-Эрдэнэ 10 февраля 2021 года представил пакет мер, направленных на поддержку молодежи. «Ядром государственной политики будет создание рабочих мест, а не социальное обеспечение. Лучшее благосостояние — это гарантированная работа с высокой зарплатой. Поэтому большая часть плана будет направлена на создание дополнительных рабочих мест», — подчеркнул глава правительства [Политика правительства ...]. Кроме того, премьер-министр отметил, что, если правительство Монголии не реализует комплексный план в 2021 году, будет потеряно 130 тысяч рабочих мест [Там же].

6. Монгольская миграция в Республику Корея

По данным переписи населения 2010 года, 29,5 тыс. монгольских граждан эмигрировали в Республику Корея для получения образования, работы и др. 11,9 тыс., или 58 % из общего числа, являются трудовыми мигрантами в Южной Корее. На сегодняшний день эта цифра составляет порядка 45 тыс. По информации Статистического управления Республики Корея, в 2019 году официально зарегистрировано 24 845 граждан Монголии, которые пересекли границу страны, при этом нелегально на территории Южной Кореи находятся еще 17 510 человек [Статистическое управление ...].

Поток международной миграции в Южную Корею из Монголии условно можно разделить на три основные категории: трудовые мигранты, студенты и брачные мигранты.

Большинство монгольских эмигрантов — это трудовые мигранты, проживающие в Южной Корее. В 2001 году на основании «Закона о содействии занятости (2001 год)» компания «Mongol News» начала экспорт монгольских рабочих с категорией «промышленный стажер» в Южную Корею [Munkhjargal, 2011, p. 149—150]. С принятием «Закона об отправке рабочей силы за границу и приеме рабочей силы и специалистов из-за границы» (2001 год) заметно увеличилось количество официальных трудовых мигрантов из Монголии в Южную Корею. В результате произошел резкий скачок со 108 до 5894 мигрантов в период с 2002 по 2005 годы [Ibid., p. 151].

С введением системы разрешений на работу (Employment Permit System), программы временной трудовой миграции, которая действует на основе двусторонних межправительственных меморандумов о взаимопонимании (MOU), количество трудовых мигрантов увеличилось в 2 раза [Narmandakh, 2005, p. 68]. В 2008 году насчитывалось 18,4 тыс. трудовых мигрантов, которые составляли около 70 % от общего числа монгольских граждан в Южной Корее. В эти годы поток международной трудовой миграции стремительно увеличивался благодаря увеличению трудовых дого-

воров между странами. Изменения в динамике трудовой миграции произошли после 2010 года. Количество выезжающих на работу в Корею сократилось, в качестве основных факторов называются улучшение условий труда в Монголии, увеличение рабочих мест, повышение заработной платы, что является результатом экономического роста, обусловленного благоприятной конъюнктурой на рынке энергоносителей и сырья.

Вторая категория — это образовательная (студенческая) миграция. Согласно статистическим данным миграционной службы Республики Корея, в стране обучается 7381 гражданин Монголии, что является четвертым показателем по количеству иностранных студентов после Китая, Вьетнама и Узбекистана. Данный факт говорит о высокой популярности Южной Кореи среди монгольской молодежи. Доля студентов составляет 16 % от всех граждан Монголии, проживающих на территории Республики Корея.

Третья категория — брачные мигранты, количество которых увеличилось в 2010-х годах. Всего в Южной Корее проживало 2,6 тыс. брачных мигрантов, в том числе 182 мужчины и 2,4 тысяч женщин в 2014 году, что составляет около 12,8 % от общего миграционного потока Монголии в Южную Корею [Tsetsegjargal, 2014, p. 1052].

7. Механизмы регулирования трудовой миграции монголов в Республику Корея

Миграционный поток в Республику Корея стал одним из основных направлений в Азиатско-Тихоокеанском регионе за последние два десятилетия. Заметную долю трудовой миграции в Республику Корея составляют граждане Монголии. Для регулирования растущей миграции граждан правительство Монголии приняло закон «Об отправке рабочей силы за границу и получении иностранной рабочей силы и специалистов». Он позволил расширить экспорт рабочей силы в зарубежные страны под государственным контролем.

К числу основных нормативных актов, определяющих нормы трудовой миграции монголов в Республику Корея, относятся:

— Закон «О поездках и миграции граждан Монголии», который впервые был закреплён в конституции Монголии [Монгол улсын ..., 1994], принятой 24 декабря 1993 года; документ стал первым нормативным актом, разрешающим монголам постоянно проживать в зарубежных странах для личных целей и ведения бизнеса;

— Закон о поездках и эмиграции граждан Монголии для ведения бизнеса 1993 года;

— Закон Монголии «О труде» 1999 года;

— Закон о содействии занятости 2001 года;

— Закон об отправке рабочей силы за границу и приеме рабочей силы и специалистов из зарубежных стран 2001 года;

— Меморандум о взаимопонимании между Монголией и Южной Кореей (MOU) 2004 года;

— Комплексные национальные цели развития, основанные на Стратегии развития двух стран (2008—2021 годы).

Система экспорта рабочей силы из Монголии в Южную Корею является более отлаженной по сравнению с системой миграции в другие страны, куда уезжают на заработки монгольские граждане, в частности, между государственными органами Монголии и Республики Корея заключены отдельные соглашения по отправке трудовых мигрантов.

Согласно данным статистического управления Республики Корея, мигранты из Монголии составляют около двух процентов из общего числа трудовых мигрантов [Статистическое управление ...]. 2 % из более чем 1,5 миллиона трудовых мигрантов — относительно большое количество для такой страны, как Монголия. Доля выданных виз категории «Е-9. Неквалифицированный труд» для монгольских граждан составляла до 13 %, это довольно высокий показатель, который достигается за счет двусторонних соглашений в данной сфере. В 2005—2006 годах зарегистрировано самое большое число рабочих, однако в последующие годы данный показатель уменьшается вплоть до 2020 года.

Несмотря на усилия правительства Республики Корея в области миграционного контроля, в этой стране существует большая проблема в области незаконной миграции. Граждане Монголии составляют около 4,5 % (4 место) от общего числа нелегальных мигрантов на территории Южной Кореи (табл. 4).

На сегодняшний день в Республике Корея проживает порядка 45 тысяч граждан Монголии, и это самая представительная монгольская диаспора в зарубежных странах. Большая часть из них — трудовые мигранты.

По результатам социологических исследований, проведенных монгольскими и южнокорейскими учеными, представлена информация о возрастном и социально-экономическом составе трудовых мигрантов из Монголии. Так, переезжают в Республику Корея преимущественно люди в возрасте наивысшей трудовой активности — от 25 до 34 лет. Средний возраст мигрантов — 32 года [Algae, 2013, p. 42]. Подавляющее большинство (более 70 %) — мужчины [Ibid., p. 35]. Причина преобладания последних в том, что в монгольских семьях бытует консервативный уклад, следовательно, основным добытчиком является мужчина. Здесь же следует учесть, что существует относительно большой процент мигрантов, переезжающих в Корею вместе с семьей или ближайшими родственниками.

Таблица 4

Нелегальная миграция в Республике Корея по странам

Страны	2019	% от общего числа	2018	% от общего числа
Таиланд	152 439	39,1	138 591	39,0
Китай	70 536	18,1	71 070	20,0
Вьетнам	58 686	15,0	42 056	11,8
Монголия	17 510	4,5	15 919	4,5
Филиппины	13 095	3,4	13 020	3,7
Россия	12 090	3,1	10 906	3,1
Казахстан	11 092	2,8	11 413	3,2
Индонезия	8 460	2,2	8 110	2,3
Узбекистан	7 137	1,8	6 162	1,7
Камбоджа	6 099	1,6	5 897	1,7
Шри-Ланка	—	—	5 100	1,4
Другие страны	33 137	8,4	26 882	7
Всего	390 281	100,0	355 126	100,0

Источник: [Статистическое управление Республики Корея].

Отличительной особенностью трудовых мигрантов из Монголии по сравнению с мигрантами из других стран является высокий уровень образования у первых. Доля мужчин-мигрантов, имеющих высшее профессиональное образование, составляет 42 %, женщин — 62,8 % [Ibid., p. 42].

Согласно статистическим данным, средняя зарплата мигрантов составляет около 2 тысяч долларов США (2250000 вон) в месяц. Труд женщин оценивается в 1466,75 долларов США (1650000 вон), что меньше заработной платы мужчин на 30 %, труд которых оплачивается в среднем в 2133,46 долларов США (2400000 вон) [Статистическое управление ...]. Для сравнения: средняя заработная плата в Монголии составляет 450 долларов США (1269100 тугриков) [Там же].

Рабочая сила чаще требуется в таких сферах, как предоставление услуг, производство и строительство. Мигрантов привлекают преимущественно к тяжелым работам. Согласно данным Министерства труда и занятости Республики Корея, основная сфера занятости монголов — это работа на заводах по производству металла и стальных изделий, автозаводах, мебельных фабриках, на предприятиях пищевой и легкой промышленности [Там же].

8. Заключение

Глобальные тенденции, связанные с развитием экономик развитых и развивающихся стран, актуализируют вопросы качества трудовых ресур-

сов, удельного веса трудоспособного населения в общем количестве населения страны. Не является исключением современная Монголия, которая за последние тридцать лет прошла путь от социалистического государства к стране с рыночной экономикой. Социально-экономические процессы в указанный период сопровождались кризисными явлениями, которые подтолкнули наиболее активных граждан Монголии к поиску индивидуальных стратегий. Помимо ведения частного бизнеса, создания компаний, многие граждане страны вынуждены были мигрировать в поисках более достойной оплаты своего труда. Перспективными миграционными маршрутами представлялись страны с более развитой экономикой и лояльной миграционной политикой. В этом плане Республика Корея являлась и является основным направлением трудовых миграционных потоков из Монголии. Этому явлению есть несколько объяснений. Во-первых, Республика Корея нуждается в низкоквалифицированной рабочей силе на своих предприятиях. Это объясняет лояльность к мигрантам со стороны государства. Во-вторых, правительство Монголии, заинтересованное в легализации трудовых потоков, создало юридический механизм сотрудничества между странами в области трудовой миграции. В-третьих, немалое значение в привлечении монгольских граждан в Корею имеет так называемая «корейская волна» — массовая культура, которая очень популярна среди монгольской молодежи. Под влиянием культурных образов создается максимально положительный образ государства, его жителей, что влияет на выбор страны переезда. Анализ статистических данных показал, что средний возраст мигрантов приходится на период наивысшей трудовой активности — 34 года.

По состоянию на 2020 год средний возраст населения Монголии составляет 28 лет [Монгол Улсын ..., 1991—2021]. Данный показатель считается стратегически важным для развития экономики государства. Поэтому взвешенная миграционная политика имеет принципиальное значение для современной Монголии. На миграционные волны в том числе влияют зоны турбулентности, связанные как с природными явлениями (дзуд — бескормица, которая приводит к массовому падежу скота), так и с политическими кризисами, подталкивающими молодежь к поиску стабильного источника дохода, который не зависит от изменения политической конъюнктуры. Вместе с тем следует отметить, что основными мотивами все же являются экономические императивы.

Обозначенные вопросы актуальны и для России, особенно для Республики Бурятия, которая является одним из основных поставщиков трудовых мигрантов в Республику Корея среди дальневосточных регионов РФ. Дальнейшие исследования по указанной теме позволят выявить общее и

особенное в индивидуальных стратегиях трудоустройства граждан Монголии и РФ в Республике Корея.

Источники

1. *Международная организация по миграции ООН (IOM UN Migration)*. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/migration/index.html> (дата обращения 19.11.2020).
2. *Монгол улсын үндсэн хууль* [Конституция Монголии] // Ардын эрх. — 1994. — № 145 (844) — 146 (845). 26—27 июл.
3. *Монгол Улсын статистикийн эмхтгэл. 1990—2020* : статистический сборник Монголии. — Улан-Батор, 1991—2021.
4. *Национальное статистическое управление Монголии* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.1212.mn/> (дата обращения: 07.03.2021).
5. *Пандемия* : в Вене и Берлине прошли протесты против карантинных мер [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.dw.com/ru/v-vene-i-berline-proshli-protesty-protiv-karantinyh-mer/a-56562503> (дата обращения : 14.02.2021).
6. *Политика* правительства будет направлена на создание рабочих мест, а не на социальное обеспечение [Электронный ресурс] // Информационно-новостной портал о Центральной Азии. — Режим доступа : <https://centralasia.media/news:1681709> (дата обращения 08.11.2020).
7. *Президент* Монголии издал указ о роспуске правящей политической партии [Электронный ресурс] // ИА Красная Весна. — Режим доступа : <https://rossaprimavera.ru/news/334dd895> (дата обращения : 04.04.2021).
8. *Россия* и Монголия заключат бессрочный договор о дружбе [Электронный ресурс] // Парламентская газета. — Режим доступа : <https://www.pnp.ru/in-world/rossiya-i-mongoliya-zaklyuchat-bessrochnyy-dogovor-o-druzhbe.html> (дата обращения : 14.02.2021).
9. *Статистическое управление Республики Корея* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://kostat.go.kr/> (дата обращения : 23.11.2020).
10. *2020 Population and Housing Census of Mongolia* // National statistics office of Mongolia. — Ulan-Bator, 2020. — 18 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бадараев Д. Д.* Турбулентность в Монголии : новая волна социально-политических вызовов / Д. Д. Бадараев // Власть. — 2019. — Т. 27. — № 4. — С. 277—282. — DOI: 10.31171/vlast.v27i4.6642.
2. *Балдано М. Н.* Институционализация миграционной политики Республики Корея / М. Н. Балдано // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. — 2018. — № 1 (29). — С. 79—84. — DOI: 10.30792/2222-9175-2018-29-79-84.
3. *Балдано М. Н.* Монголия на перекрестке внешних миграций : монгольские мигранты в Южной Корее / М. Н. Балдано, С. В. Кириченко // Символ науки. — 2015. — № 9. — С. 45—51.
4. *Балдорж Ц.* Место и роль экономики современной Монголии в экономике Евразии / Ц. Балдорж, П. В. Кравченко // Конкурентный потенциал региона : оценка и эффективность использования. Сборник статей X Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Н. Ф. Кузнецова, 2019. — С. 36—38.

5. *Баттур Б.* Экспорт рабочей силы Монголии в Южную Корею : влияние и последствия для внутренней политики : диссертация ... кандидата юридических наук : 327.17 / Б. Баттур. — Сеул, 2016. — 83 с.
6. *Восток на Востоке, в России и на Западе : трансграничные миграции и диаспоры* / автор проекта, науч. и литератур. ред. Сергей Панарин. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2016. — 304 с. — ISBN 978-5-4469-0883-7.
7. *Восток России : миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX—XX и XX—XXI веков* / научный редактор В. И. Дятлов. — Иркутск : Оттиск, 2011. — 624 с. — ISBN 978-5-93219-304-4.
8. *Галиймаа Н.* Монголия — перекресток миграций. 08.06.2009 [Электронный ресурс] / Н. Галиймаа, Н. Липатова. — Режим доступа : <http://buryatia.asia/mongoliyaperekrestok-migracij/> (дата обращения: 05.11.2020).
9. *Дугаржав Л.* Монголия : проблемы привлечения прямых инвестиций в экономику / Л. Дугаржав, Д. Бадарч, А. Ганболд, Х. Лундэнбазар, М. А. Попов, С. А. Филин // *Финансы и кредит*. — 2006. — № 31 (235). — С. 65—74.
10. *История Монголии. XX век* / под ред. Р. Б. Рыбакова. — Москва : Институт востоковедения РАН, 2007. — 448 с.
11. *Кириченко С. В.* Трансграничные миграции граждан Монголии в Южную Корею : ресурс или источник противоречий? / С. В. Кириченко // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение»*. — 2016. — Т. 18. — С. 99—106.
12. *Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX—XX и XX—XXI веков* / науч. ред. В. И. Дятлов. — Иркутск : Оттиск, 2010. — 640 с. — ISBN 978-5-93219-270-2.
13. *Algae S.* Impact of Out-Migration to Korea : Macro- and Micro-Level Consequences in Mongolia [Electronic resource] / S. Algae // *The Journal of Multicultural Society*. — 2013. — Vol. 4. — № 1. — Pp. 32—75. — Access mode : <http://www.omnesjournal.org/public/omnes.php> (accessed 13.11.2020).
14. *Batbayar Ts.* Foreign migration issues in Mongolia / Ts. Batbayar // *Crossing national borders : Human migration issues in Northeast Asia*. — Tokyo ; New York ; Paris : United Nations University Press, 2005. — Pp. 215—236.
15. *Batmagnai N.* Underlying Causes of International Migration Case of Mongolian Migrants in Korea : PhD Diss. : 327.17 / N. Batmagnai. — Seoul, 2015. — 91 p.
16. *Bolormaa Ts.* Demographic Changes and Labor Migration in Mongolia / Ts. Bolormaa // PECC-ABAC Conference on “Demographic Change and International Labor Mobility in the Asia Pacific Region : Implications for Business and Cooperation”. — Seoul, 2008. — Pp. 78—94.
17. *Boone P.* Grassroots Macroeconomic Reform in Mongolia / P. Boone // *Journal of Comparative Economics*. — 1994. — № 18. — Pp. 329—256.
18. *Dolgorsuren Ts.* The major determinant factors of labor migration flow to South Korea from Mongolia : Master’s thesis. — Seoul : Sungkyunkwan University, 2016. — 74 p.
19. *Kim H. J.* International Migration Review / H. J. Kim // *International Migration Review*. — 2008. — Vol. 42, № 3. — Pp. 576—596. — DOI:10.1111/j.1747-7379.2008.00138.x.
20. *Kim H. J. N.* Korean Immigration Policy Changes and the Political Liberals / H. J. Kim // *Dilemma. International Migration Review*. — 2018. — № 42 (3). — Pp. 576—596. — DOI:10.1111/j.1747-7379.2008.00138.x.
21. *Lee K. Y.* Changes in Policies for Migrant Workers and Policy / K. Y. Lee. — Seoul, 2017. — 38 p.

22. *Munkhjargal B.* Mongolian Policy toward its Citizens in South Korea / B. Munkhjargal : Master's thesis. — Inha University, 2011. — 168 p.
23. *Munkh-Orgil Ts.* Migration Profile of the Republic of Korea / Ts. Munkh-Orgil // IOM MRTC Research Report Series. — 2006. — № 1. — P. 19.
24. *Narmandakh D.* Youth employment in Mongolian market transition period / D. Narmandakh // Mongolian Employment Federation (MONEF). — Ulaanbaatar, 2005. — 73 p.
25. *Oyunchimeg Sh.* 107 thousand citizens are living in foreign countries [Electronic resource] / Sh. Oyunchimeg // News.mn. — Access mode : <http://www.news.mn/content/89760.shtml> (accessed 23.12.2020).
26. *Park Y. B.* Migration Issues in the Asia Pacific / Y. B. Park // Issues Paper from the ROK. Asia Pacific Migration Research Network. — 1997. — Vol. 3. — Pp. 254—268.
27. *Tsetsegjargal T.* Marriage Migration of Mongolian Women to South Korea / T. Tsetsegjargal // Sociology Study. — 2014. — Vol. 4, № 12. — Pp. 1050—1059. — DOI: 10.17265/2159-5526/2014.12.006.
28. *Yoo Kil-sang.* Immigration and Labor Market. Issues in Korea / Yoo Kil-sang // International Migration and Labor Markets in Asia. — Seoul, 2001. — Pp. 1—35.

MATERIAL RESOURCES

- Constitution of Mongolia (1994). *Ardyn erh*, 145 (844) — 146 (845). 26—27 jul. (In Mong.). Government's policy will be aimed at creating jobs, not social security. In: *Information and News Portal about Central Asia*. Available at: <https://centralasia.media/news:1681709> (accessed 08.11.2020). (In Russ.).
- Mongol Ulsyn statistician emhetgel. 1990—2020: Statistical Collection of Mongolia.* (1991—2021). Ulaanbaatar. (In Mong.).
- National Statistical Office of Mongolia.* Available at: <https://www.1212.mn/> (accessed 07.03.2021). (In Mong.).
- Pandemic: protests against quarantine measures were held in Vienna and Berlin.* Available at: <https://www.dw.com/ru/v-vene-i-berline-proshli-protesty-protiv-karantinnyh-mer/a-56562503> (accessed 14.02.2021). (In Russ.).
- President of Mongolia issued a decree on the dissolution of the ruling political party. In: *IA Krasnaya Vesna*. Available at: <https://rossaprimavera.ru/news/334dd895> (accessed 04.04.2021). (In Russ.).
- Russia and Mongolia will conclude an indefinite friendship agreement. In: *Parliamentary Newspaper*. Available at: <https://www.pnp.ru/in-world/rossiya-i-mongoliya-zaklyuchat-bessrochnyy-dogovor-o-druzhbe.html> (accessed 14.02.2021). (In Russ.).
- Statistical Office of the Republic of Korea.* Available at: <http://kostat.go.kr/> (accessed 23.11.2020). (In Kor.).
- United Nations International Organization for Migration (IOM UN Migration).* Available at: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/migration/index.html> (accessed 19.11.2020). (In Russ.).
- 2020 Population and Housing Census of Mongolia. (2020). In: *National statistics office of Mongolia*. Ulan-Bator. 18 p.

REFERENCES

- Algae, S. (2013). Impact of Out-Migration to Korea: Macro- and Micro-Level Consequences in Mongolia. *The Journal of Multicultural Society*, 4 (1): 32—75. Available at: <http://www.omnesjournal.org/public/omnes.php> (accessed 13.11.2020).

- Badaraev, D. D. (2019). *Turbulence in Mongolia: a new wave of socio-political challenges*, 27 (4): 277—282. DOI: 10.31171/vlast.v27i4. 6642. (In Russ.).
- Baldano, M. N. (2018). Institutionalization of the migration policy of the Republic of Korea. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*, 1 (29): 79—84. DOI: 10.30792/2222-9175-2018-29-79-84. (In Russ.).
- Baldano, M. N., Kirichenko, S. V. (2015). Mongolia at the crossroads of external migrations: Mongolian migrants in South Korea. *Symbol of Science*, 9: 45—51. (In Russ.).
- Baldorzh, Ts., Kravchenko, P. V. (2019). The place and role of the economy of modern Mongolia in the economy of Eurasia. *Collection of articles of the X International Scientific and Practical Conference*. 36—38. (In Russ.).
- Batbayar, Ts. (2005). Foreign migration issues in Mongolia. In: *Crossing national borders: Human migration issues in Northeast Asia*. Tokyo; New York; Paris: United Nations University Press. 215—236.
- Batmagnai, N. (2015). *Underlying Causes of International Migration Case of Mongolian Migrants in Korea*. PhD Diss. Seoul. 91 p.
- Battur, B. (2016). *Export of Mongolia's labor force to South Korea: impact and consequences for domestic policy*. PhD Diss. Seoul. 83 p.
- Bolormaa, Ts. (2008). Demographic Changes and Labor Migration in Mongolia. *PECC-ABAC Conference on "Demographic Change and International Labor Mobility in the Asia Pacific Region: Implications for Business and Cooperation*. Seoul. 78—94.
- Boone, P. (1994). Grassroots Macroeconomic Reform in Mongolia. *Journal of Comparative Economics*, 18: 329—256.
- Dolgorsuren, Ts. (2016). *The major determinant factors of labor migration flow to South Korea from Mongolia*. Master's thesis. Seoul: Sungkyunkwan University. 74 p.
- Dugarjav, L., Badarch, D., Ganbold, A., Langenbacher, H., Popov, M. A., Filin, S. A. (2006). Mongolia: issues of attracting investment in the economy. *Finance and credit*, 31 (235): 65—74. (In Russ.).
- Dyatlov, V. I. (ed.). (2010). *Migrations and diasporas in the socio-cultural, political and economic space of Siberia. Rubzhi XIX—XX and XX—XXI centuries*. Irkutsk: Otkritsk. 640 p. ISBN 978-5-93219-270-2. (In Russ.).
- Dyatlov, V. I. (ed.). (2011). *The East of Russia: migrations and diasporas in the resettlement society. Frontiers XIX—XX and XX—XXI centuries*. Irkutsk: Otkritsk. 624 p. ISBN 978-5-93219-304-4. (In Russ.).
- East in the East, in Russia and in the West: cross-border migration and Diaspora*. (2016). Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 304 p. ISBN 978-5-4469-0883-7. (In Russ.).
- Galimaa, N., Lipatova, N. (2009). *Mongolia — the crossroads of migrations*. 08.06. Available at: <http://buryatia.asia/mongoliyaperekrestok-migracij/> (accessed 05.11.2020). (In Russ.).
- Kim, H. J. (2008). International Migration Review. *International Migration Review*, 42 (3): 576—596. DOI:10.1111/j.1747-7379.2008.00138.x.
- Kim, H. J. (2018). N. Korean Immigration Policy Changes and the Political Liberals. *Dilemma. International Migration Review*, 42 (3): 576—596. DOI:10.1111/j.1747-7379.2008.00138.x.
- Kirichenko, S. V. (2016). Cross-border migration of Mongolian citizens to South Korea: a resource or a source of contradictions? *Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science. Religious Studies"*, 18: 99—106. (In Russ.).

- Lee, K. Y. (2017). *Changes in Policies for Migrant Workers and Policy*. Seoul. 38 p.
- Munkhjargal, B. (2011). *Mongolian Policy toward its Citizens in South Korea. Master's thesis*. Inha University. 168 p.
- Munkh-Orgil, Ts. (2006). Migration Profile of the Republic of Korea. *IOM MRTC Research Report Series, 1*: 19.
- Narmandakh, D. (2005). Youth employment in Mongolian market transition period. *Mongolian Employment Federation (MONEF)*. Ulaanbaatar. 73 p.
- Oyunchimeg, Sh. 107 thousand citizens are living in foreign countries . In: *News.mn*. Available at: <http://www.news.mn/content/89760.shtml> (accessed 23.12.2020). (In Mong.)
- Park, Y. B. (1997). Migration Issues in the Asia Pacific. Issues Paper from the ROK. *Asia Pacific Migration Research Network, 3*. 254—268.
- Rybakov, R. B. (ed.). (2007). *History of Mongolia. XX century*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 448 p. (In Russ.).
- Tsetsegjargal, T. (2014). Marriage Migration of Mongolian Women to South Korea. *Sociology Study, 4* (12): 1050—1059. DOI: 10.17265/2159-5526/2014.12.006.
- Yoo, Kil-sang. (2016). Immigration and Labor Market. Issues in Korea. *International Migration and Labor Markets in Asia*. Seoul. 1—35.

Амоголонова Д. Д. Буддийская традиционная Сангха России в социокультурных процессах современной Бурятии / Д. Д. Амоголонова // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 381—399. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-381-399.

Amogolonova, D. D. (2021). Buddhist Traditional Sangha of Russia in Socio-Cultural Processes Modern Buryatia. *Nauchnyi dialog*, 7: 381-399. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-381-399. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-381-399

Буддийская традиционная Сангха России в социокультурных процессах современной Бурятии

Амоголонова Дарима Дашиевна
orcid.org/0000-0002-1176-4095
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
отдела философии, культурологии
и религиоведения
amog@inbox.ru

Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Улан-Удэ, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено по гранту
Российского научного фонда 21-18-
00074 «Миры махаянского буддизма
в контексте мировых цивилизационных
процессов»

Buddhist Traditional Sangha of Russia in Socio-Cultural Processes Modern Buryatia

Darima D. Amogolonova
orcid.org/0000-0002-1176-4095
Doctor of History, Leading Researcher
Department of Philosophy,
Cultural Studies
and Religious Studies
amog@inbox.ru

The Institute for Mongolian,
Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Ulan-Ude, Russia)

Acknowledgments:

The research was carried out under
the grant of the Russian Science
Foundation 21-18-00074 “Worlds
of Mahayana Buddhism in the context
of world civilizational processes”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается на примере буддизма в Бурятии проблема постсоветского возвращения религии с периферии в центр социокультурных процессов. Доказывается, что современная десекуляризация в России подразумевает не только изменения в общественном и индивидуальном сознании, но и новую роль религиозных институтов в социальной жизни, что означает их секуляризацию в значении активного участия духовенства в разнообразных мирских практиках, включая сферы экономики, политики и идеологии. Уделяется внимание идентификационной роли религии на основании определения буддизма в качестве основного культурного маркера региона, способствующего формированию территориального культурного текста, причастность к которому ощущают все жители республики, вне зависимости от декларируемой религиозности. На основании многолетних исследований автор анализирует качественные изменения в деятельности Буддийской традиционной Сангхи России, нацеленной на защиту бурятской культуры и традиционной экономики, что заставляет ее вступать и в диалог, и в конфронтацию со светскими властями республики. Отмечается, что в условиях высокой секуляризации общественного и индивидуального сознания Хамбо лама и другие священнослужители видят свою задачу в одухотворении повседневных практик через сохранение социальной основы буддизма, представленной сельскими бурятами.

Ключевые слова:

буддизм в России; религиозное возрождение; буряты; десекуляризация; Буддийская традиционная Сангха России.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Using the example of Buddhism in Buryatia, the article examines the problem of the post-Soviet return of religion from the periphery to the center of socio-cultural processes. It is noted that this means their secularization in the sense of the active participation of the clergy in a variety of secular practices, including the spheres of economics, politics and ideology. The author pays attention to the identification role of religion, based on the definition of Buddhism as the main cultural marker of the region, contributing to the formation of a territorial cultural text, the involvement in which is felt by all residents of the republic, regardless of the declared religiosity. Based on many years of research, the author analyzes the qualitative changes in the activities of the Buddhist traditional Sangha of Russia, aimed at protecting the Buryat culture and traditional economy, which makes it enter into both dialogue and confrontation with the secular authorities of the republic. It is shown that in the conditions of high secularization of social and individual consciousness, the Khambo Lama and other clergymen see their task in the spiritualization of everyday practices through the preservation of the social basis of Buddhism, represented by rural Buryats.

Key words:

Buddhism in Russia; religious revival; Buryats; desecularization; Buddhist Traditional Sangha of Russia.

Буддийская традиционная Сангха России в социокультурных процессах современной Бурятии

© Амоголонова Д. Д., 2021

1. Введение

Современное возрождение буддизма в Бурятии началось еще в период перестройки в СССР и продолжается до настоящего времени. Разнообразные факторы и феномены, связанные с буддизмом, являются интересной и актуальной темой, привлекающей ученых различных специальностей, использующих разные материалы и методологические подходы. Так, этнограф С. Г. Жамбалова на основе полевых материалов проанализировала практики современного народного буддизма у бурят (по аналогии с народным православием) как возвращение последних к традициям дореволюционной эпохи и пришла к выводу, что с учетом изменений в образе жизни и ментальности буддисты-миряне все же сохраняют и даже развивают традиционную религиозность [Жамбалова, 2011].

Социологи рассматривают динамику изменений численности лиц, идентифицирующих себя как буддистов, и приходят к выводу о несомненном влиянии на эти процессы этнокультурной идеологии [Манзанов, 2012]. В работах социолога Т. Б. Бадмацыренова выявлен интересный феномен разделения верующих на две неравные группы — прихожан и мирян. Первых значительно больше, они являются социальной базой Буддийской традиционной Сангхи России (БТСР), тогда как миряне — это последователи буддийских учителей вне БТСР, поскольку они ориентируются не на обрядовые практики, а на постижение буддийской философии (примечательно, что во второй группе буряты составляют меньшинство) [Бадмацыренов и др., 2020; Буддизм ..., 2016]. Психолог В. С. Мухина ставит своей целью исследование личности («Я») в соответствии с философско-мировоззренческими основами буддизма в Бурятии. На основании бесед с бурятскими учеными-ламами она приходит к выводу об их глубоких познаниях в области буддийской психологии и способности оказывать влияние на духовную жизнь населения Бурятии [Мухина, 2010]. Историк Ц. П. Ванчикова исследовала интересную тему проживания и деятельности в Бурятии тибетских буддийских учителей начиная со времени существования Российской империи и до настоящего. Приехавшие в Бурятию в 1990-е годы тибетцы, считает автор, сыграли важную роль в восстановлении буддийского образования и монастырского уклада, во многом утра-

ченных за советский период [Ванчикова, 2012]. Религиовед Л. Л. Абаева изучила историю становления буддизма в Бурятии в XVII—XIX веках и роль выдающихся буддийских деятелей в распространении и укреплении буддийского вероучения среди бурят [Абаева, 2015].

Отдельной темой, связанной с современным состоянием буддизма в Бурятии, является его значимость в бурятской постсоветской этнокультурной мобилизации в контексте происходящего на всем постсоветском пространстве этнического возрождения. Становлению буддизма как национальной религии бурят, а также политизации религии вследствие идеологизации культуры посвящено немало научных трудов, в том числе и написанных автором данной статьи лично и в соавторстве с коллегами [Амоголонова и др., 2005; Амоголонова, 2008].

Объектами нашего научного интереса стали также проблемы банальной религиозности на материалах практик буддизма и православия в Бурятии, политических аспектов продвижения идеи автокефалии бурятского буддизма, становления буддийской Сангхи в качестве главной буддийской организации России, участия Сангхи в светской деятельности, включая борьбу за сохранение бурятского языка, этнонациональных видов спорта и традиционных для бурят способов хозяйствования [Амоголонова, 2013; Амоголонова, 2015; Amogolonova, 2019].

В настоящей статье рассматриваются проблемы, которые еще не становились предметом научного анализа. Объектом обсуждения выступили две основные темы, связанные с участием Буддийской традиционной Сангхи России в социокультурных процессах современной Бурятии, а именно: конфликт БТСР с буддийскими общинами вне Сангхи, возглавляемыми как бурятскими ламами, так и тибетскими священнослужителями, действующими в республике. По нашему мнению, такие конфликты обусловлены разными, но взаимосвязанными факторами, среди которых конкуренция в сфере религиозных практик, стремление руководства Сангхи минимизировать влияние иных буддийских общин на бурятское население, попытки создания автокефального «бурятского буддизма», независимого от тибетского влияния. Кроме того, в статье обсуждается конфликтная ситуация, сложившаяся в отношениях между Сангхой и руководством республики в вопросах материальной поддержки сельского населения как социальной базы буддийской духовности и главного хранителя бурятской этничности и идентичности. Обе эти темы, характеризующие, во-первых, сложность сосуществования разных буддийских общин в бурятском духовном пространстве и, во-вторых, доминирование секулярных тенденций в общественной деятельности БТСР, обсуждаются в научном дискурсе впервые, что и определяет новизну данного исследования.

2. Буддийское возрождение в Бурятии: десекуляризация общества — секуляризация церкви

Буддийское возрождение в России является частью процессов десекуляризации в постсоветском пространстве, а потому имеет множество общих характеристик с практикой существования православия и других религий. Наиболее манифестными проявлениями религиозного возрождения являются признание государством вины советской власти за гонения на религию, широкое восстановление старых и строительство новых культовых сооружений, проявление со стороны светских властей уважения к религиозным деятелям и в целом возвращение религии с периферии в центр социокультурных процессов и практик. Латентные проявления десекуляризации не менее важны, поскольку включают в себя внедрение в общественное и индивидуальное сознание идеологических парадигм, касающихся значимости религии в национально-культурной идентификации и в сохранении исторической памяти. Одновременно десекуляризация в разных этнических общностях имеет особенности, характеризующие отношение конкретной этнической группы к своему государству, к другим государствам и этнокультурным группам внутри своей страны и за ее пределами.

Бурятская этническая мобилизация, порожденная крахом советской идеологии и коренным пересмотром групповых ценностных установок, включала в себя политизацию религии с конца 1980-х и вплоть до начала 2000-х годов. Этнические лидеры активно обсуждали тему национальной духовной основы, служащей целям интеграции и сплочения. Такую роль стали отводить либо буддизму, либо шаманизму, причем шаманизм в такой конкуренции проигрывал в силу своего родового, то есть дифференцирующего, характера, препятствующего национальному возрождению и единству. А буддизм в полной мере отвечал задачам возрождения исторической этнокультурной памяти, в том числе и в распространении популярной идеи об общности монгольских народов. Тем не менее буддизм и шаманизм стали пропагандироваться и восприниматься как общая основа этнонациональной культуры, чему способствовал укоренившийся за несколько веков буддийско-шаманистский синкретизм. О тех, кто в новых условиях последних лет существования СССР и в начале постсоветского периода стремился занять лидерские позиции в возрождении и упрочении политизированной бурятской этничности, известный ученый К. М. Герасимова иронично писала так: «Сегодня бывшие “заядлые” атеисты уповают на религию и бога и даже на шаманов так же слепо и безоглядно, как на коммунистическую партию, ее идеологов и генсеков. Более того, бессознательно отождествляют религию и культуру, верят в нарастающий приоритет религии в культуре и политике. Как будто ценности светской культуры не имеют значения в духовном вос-

питании личности, атеист не может быть порядочным человеком, а порядочный человек интеллектуально не может и не должен быть свободным ... Это движение к средневековью, где не было свободы выбора духовных ценностей личности» [Герасимова, 1995, с. 49—50].

Этнонациональная идеология, предлагавшаяся бурятской интеллектуальной элитой, находила сочувствие и поддержку среди бурятского населения, особенно городского, где деятельность политических организаций на этнической основе и пропаганда через СМИ были особенно активными. При этом в 1990-е годы, то есть в период всплеска этнополитической мобилизации, число лиц, называвших себя буддистами, росло не столь стремительно. Хотя свобода совести способствовала началу масштабной десекуляризации общественного и индивидуального сознания россиян, в том числе и бурят, многие из них называли себя просто верящими в Бога и сверхъестественные силы [Бильтрикова, 2001, с. 74].

Религиозное возрождение в смысле идентификации себя в качестве последователя определенной конфессии, обязательное регулярное или окказиональное посещение храмов и участие в культовых действиях приходится в Бурятии главным образом на начало XXI века. Примечательно, что к этому времени этничность утрачивает эксплицитные политические коннотации, а этнонациональная идеология выходит из политической моды во всей стране. И хотя религиозная принадлежность латентно содержит в себе этнодифференцирующий компонент, все же интерес к религии имеет под собой иную основу, а именно устойчивое изменение в мировоззренческих установках, когда преобладающее светское сознание непротиворечиво включает в себя религиозно-мифологическую картину мира. Безусловно, предшествующий период этнической мобилизации способствовал постулированию идей о врожденной родовой религии («я — бурят, это значит, я — буддист»), однако это стало лишь отправной точкой в религиозной самоидентификации. Большую роль играла общая атмосфера деатеизации общественного сознания, в результате чего число лиц, называющих себя неверующими или атеистами, снизилось почти до дореволюционного уровня.

С начала 2000-х годов подавляющее большинство бурят называют себя верующими буддистами: согласно социологическим опросам, проведенным в нулевых годах, среди бурят-горожан совокупное число верующих и склоняющихся к вере составляло около 90 % (женщины — 96,4 %, мужчины — 79,6 %) [Вопросы ..., 2010, с. 48]. Сложный вопрос о религиозной вере в буддизме решается для большинства бурятских буддистов в пользу обрядовых практик, позволяющих накапливать заслуги и обеспечивать благую карму, тогда как собственно буддийская сотериология, отличающаяся развитой философской аргументацией, понимается как учение о Трех При-

бежищах («к Будде я прибегаю, к Дхарме я прибегаю, к Сангхе я прибегаю») и как нравственное поведение. В вопросе накопления кармической добродетели рядовые верующие ориентируются главным образом на текущее, а не грядущие перерождения. Значимость церковной организации при этом состоит в важности для прихожан посещать дацаны и дуганы, присутствовать при молебнах, совершать подношения и слушать наставления монахов-лам, которые берут на себя задачу указания путей к благому поведению.

Поэтому организационная церковная система и почитание учителя обеспечивают верующим реально или номинально представление об их буддийской принадлежности и правильном религиозном поведении даже при поверхностных знаниях о сущности буддийской религии и культуры. Зато обрядовая составляющая в настоящее время стала реальной частью социальных и индивидуальных культурных действий, причем посещение дацанов и дуганов хотя бы несколько раз в год теперь характеризует подавляющее большинство бурят, которые за годы религиозного возрождения научились правилам проведения обрядов. Так, теперь даже совсем юные прихожане без труда совершают в дацанах «простирая телом», посредством которых достигается очищение от дурных поступков и испрашивание желаемого. При этом большинство верующих, во-первых, не следуют таким правилам, как чтение религиозной литературы, соблюдение постов, помощь бедным и т. д., во-вторых, не владеют знаниями о буддийской догматике: например, испытывают затруднение при перечислении белых добродетелей и черных грехов, то есть того, что в традиционной культуре было известно любому человеку, даже ребенку. Выполнение обрядов в храме и дома с приглашенным ламой понимается как главное условие накопления добродетелей.

Понятно, что в таких условиях личная религиозность подчиняется институализированной религии с ее строгой иерархией. Нынешняя ситуация напоминает ситуацию в имперской России. Начиная с XVIII века буддизм среди бурят строится иерархически и без связи с другими буддистами России. В точности так же в настоящее время Буддийская традиционная Сангха России является бурятской организацией и не охватывает калмыцкие и тувинские буддийские общины, зато распространяет свое влияние на буддистов во многих городах вне этнической Бурятии, включая Москву и Санкт-Петербург.

БТСР, выросшая из советского ЦДУБ — Центральное Духовное Управление Буддистов СССР, — с самого начала подразумевалась как организация взаимодействия с властями и объединения бурят в единую (в идеале — единственную) буддийскую общину. Бессменный с 1995 года руководитель БТСР — Хамбо лама Дамба Аюшеев — приложил все усилия для укрепления позиций своей организации и своего личного авторитета. Представля-

ется справедливым предположить, что именно цели достижения Сангхой более высокого статуса, чем всего лишь религиозного объединения этнического меньшинства, подвигло Хамбо ламу на внедрение в бурятское общественное сознание идеи о том, что бурятский буддизм как особая ветвь Махаяны всегда существовал независимо от тибетского и монгольского буддизма: «Буряты получили буддизм от Дамба Даржа Заяева, а он, в свою очередь, получил его в первом своем рождении от Будды Кашьяпы, а во втором — от Будды Шакьямуни! Запомните это!» [Хамбо лама XXIV, 2013, с. 14]. Эта более чем спорная идея нашла одобрение в среде верующих. Этнистическая пропаганда религиозного лидера упала на плодородную почву бурятской этнонациональной гордости, обеспечив Хамбо ламе и Сангхе массовую поддержку. В последние годы уже более 60 процентов бурят-буддистов называют себя последователями бурятского буддизма, хотя, безусловно, уважение к Далай-ламе сохраняется [Буддизм ..., 2016, с. 70].

Объясняя свои воззрения, Хамбо лама прибегает к самым простым, мирским объяснениям. С его точки зрения, задачи буддийской церкви состоят в помощи людям. А материальную составляющую этой помощи оказывает, считает он, российское государство и главным образом президент страны: «Кто меня кормит-то, кто моим старикам деньги дает — иностранный большой лама или президент страны?» [Андреева, 2013, с. 53]. Следуя такой логике, буддизм в Бурятии — это бурятский буддизм, встроенный в структуру российского государства и его идеологии. Именно в этом ключе выстраиваются отношения Сангхи со светской властью.

Стоит вспомнить, что еще в имперский период истории руководство бурятской буддийской общины накопило значительный опыт взаимодействия с государством, успешно адаптируясь к запретительному законодательству. Этот опыт используется и в настоящее время, когда Сангха заняла позицию главной буддийской организации России, а руководитель БТСР Хамбо лама Аюшеев вошел в число признанных и влиятельных духовно-религиозных авторитетов в стране. Добрые отношения с государством строятся на изъявлениях преданности властям, а первые лица государства в свою очередь отвечают моральной и материальной поддержкой Сангхе. Стоит упомянуть немаловажный факт, способствовавший укреплению позиций Хамбо ламы: в 2002 году по инициативе Хамбо ламы Аюшеева состоялась экспедиция по поискам саркофага Хамбо ламы Итигэлова, чье *Возвращение* стало мировой сенсацией, а среди тех, кто совершает к нему паломничество, немало высоких московских чиновников, включая В. В. Путина и Д. А. Медведева.

Несмотря на значительное сходство в организационной структуре и положении Сангхи в имперский и современный периоды, все же есть и

различия. Современный статус Хамбо ламы по сравнению с его статусом в имперские и советские времена более независим и влиятелен, особенно на региональном уровне. В первые постсоветские годы происходило становление буддийской религии в Бурятии в новых условиях, что касалось обновленного содержания деятельности, поисков принципов существования общины, организационной структуры, взаимоотношений буддизма с государством. Неслучайно в короткий период с 1989 по 1995 годы пост Хамбо ламы занимали три священнослужителя, каждый из которых находился у власти один, два и три года. Дамба Аюшеев, избранный на эту должность на альтернативной основе в 1995 году, приложил большие усилия для укрепления организационной целостности Сангхи. С этой целью он существенно изменил Устав, который закрепил его позиции как первого лица общины, наделенного большими полномочиями, поскольку теперь Пандито Хамбо лама «без доверенности действует от имени Сангхи России, представляет ее во всех учреждениях, предприятиях и организациях, открывает в банках расчетный и другие счета, выдает доверенности, распоряжается денежными средствами в соответствии с утвержденным бюджетом» [История буддизма ..., 2011, с. 335]. Выборы Хамбо ламы осуществляются на съезде (Сугунды) представителей буддийского духовенства и верующих мирян, а Хамбо лама назначает Дид Хамбо лам (заместителей Хамбо ламы), Ширээтэ лам (настоятелей), председателей буддийских общин. Так Хамбо лама обеспечил себе несменяемость в должности и одновременно устойчивость в руководстве общины, поскольку теперь в ней нет какой-либо оппозиции или плюрализма взглядов.

Хотя БТСР является крупнейшим буддийским объединением России, даже в Бурятии существует около тридцати буддийских общин, входящих в состав не БТСР, а семи иных централизованных буддийских религиозных организаций. Кроме того, в Бурятии действуют независимые общины и священнослужители [Бадмацыренов и др., 2020, с. 65].

Стороннему наблюдателю непросто понять, как складываются отношения Сангхи с другими буддийскими организациями. Однако даже сообщения в местных СМИ, особенно в интернет-изданиях, дают возможность заключить, что эти отношения являются конфликтными. История неприятия официальной буддийской церковью буддийских проповедников из других стран уходит далеко в прошлое. Более ста лет назад Пандито Хамбо лама Иролтуев использовал административный ресурс для недопущения приезда в Забайкалье тибетских и тангутских лам без разрешения Хамбо ламы, для чего обращался к Иркутскому генерал-губернатору с просьбой издать соответствующие указания, препятствующие эксплуатации бурят [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 426, л. 12].

В настоящее время неодобрение деятельности иностранных лам принимает открытые формы, хотя сами тибетские ламы никогда не выступают против Сангхи. И раньше, и сейчас речь идет о конкуренции в духовном пространстве, в которой финансовые вопросы играют не последнюю роль. Конфликт, выявивший явное противостояние Сангхи и буддийского центра «Ринпоче Багша», основанного тибетским ламой-перерожденцем Еше Лодой Ринпоче, связан с освящением 33-метровой статуи Будды Шакьямуни, высеченной на скале Баян-Хонгор в Хоринском районе республики. В церемонии *рамней* (освящения) приняли участие несколько тысяч верующих из разных районов Бурятии и из города Улан-Удэ. Скальная статуя, которая уже несколько лет является объектом религиозного паломничества, может стать привлекательным местом для туризма, а эта тема очень важна для руководящих лиц республики, занимающихся разработкой туристических маршрутов, поскольку Бурятия считается и реально является центром российского буддизма, познакомиться с которым изъявляют желание и россияне, и иностранцы. В таком контексте для БТСР включение данного объекта в сферу деятельности Анинского дацана и проведение здесь молебнов ламами БТСР является по меньшей мере вопросом престижа и немаловажной победой в конкурентной борьбе с центром «Ринпоче Багша». Что касается статуй Будды, то наиболее известной является Зандан Жуу (Сандаловый Будда), по преданию, единственная прижизненная статуя Учителя, находящаяся в Эгитуйском дацане «Дамчой Равжелинг» (БТСР), в Еравнинском районе Бурятии, в 250 км от Улан-Удэ. В настоящее время на территории Улан-Удэ, в дацане «Хамбын Хурэ», ведется строительство Дворца Арьябалы (Авалокитешвары), где будет находиться статуя божества высотой 21 метр, выполненная из кедра. Таким образом, эта статуя значительно превысит в размерах статую Будды Майтрейи в Калмыкии и станет местом паломничества и туристическим объектом.

Конфликтные отношения у Сангхи сложились не только с тибетскими учителями, но и с бурятскими ламами, практикующими вне БТСР. К их числу относится, например, бывший Хамбо лама Кенсур Чой-Доржи Будаев, который покинул Сангху в 1995 году, проиграв выборы Дамбе Аюшееву, и основал независимую буддийскую общину «Ламрим». На строительство своего дацана он взял кредит в банке, вернуть долг не сумел, и в 2017 году храм выставили на продажу. Когда Хамбо ламу спросили об этом беспрецедентном событии, он не стал обсуждать религиозный аспект продажи культового сооружения, но заметил, что продаваемый объект — это не дацан, а место, где всего лишь располагается религиозная община; то же самое, считает Хамбо, относится и к «Ринпоче Багша», который является тибетским культурным центром и ничем иным [Махачкеев, 2017].

Таким образом, Хамбо снял все вопросы относительно своего бездействия в отношении беспрецедентной продажи религиозного сооружения. Стоит отметить, что конфликт между Главой Сангхи и основателем общины «Ламрим» носит как организационный, так и личный характер. Кенсур Чой-Доржи Будаев в интервью обвиняет Хамбо в плохом управлении и нежелании приносить пользу людям: «У нас ведь как в Бурятии — нельзя подвергнуть сомнению высказывание Хамбо ламы. И многие вещи не обсуждаются, хотя давно бы пора нам, буддистам, высказаться по многим вопросам» [Родионов, 2014]. Например, Ч.-Д. Будаев полагает, что за годы после создания Института Пандито Хамбо ламы Итигэлова Иволгинский дацан, согласно официальным данным, посетило около 3 млн человек. Каждый из них делал подношения, тем более что многие из гостей — это руководители страны и крупнейших корпораций. Даже и простые прихожане обязательно делают денежные подношения, что является традицией. По подсчетам Ч.-Д. Будаева, БТСР собрала не менее 1,5 млрд рублей. Однако при этом «... куда идут средства, которые Сангхе жертвуют люди? Что-то не слышал о воскресных школах, помощи детям, женским приютам, больницам, бесплатных кухнях для бездомных, что я наблюдаю в благотворительной деятельности Улан-Удэнской и Бурятской епархии РПЦ. Если же мы получаем большие пожертвования, то почему мы сами не столь последовательны на пути Бодхисаттв — материальном даянии людям, облегчении их страданий? Или в строительстве больших и красивых дацанов, помощи хуvaraкам, обучающимся в тяжелых климатических и материальных условиях в Индии?» [Там же].

3. «Голодный бурят не думает о Будде»: участие БТСР в светских практиках как проявление социальной ответственности религиозных институтов

Обвинения в адрес Сангхи и ее лидера поступают также и со стороны мирян. Суть недовольства состоит в том, что религиозный деятель все же в первую очередь должен заниматься духовным просвещением людей на пути к религиозному спасению, а не мирскими, то есть сансарными, делами, включая политическую деятельность и участие в конфликтах со светскими властями. На такого рода обвинения Сангха отвечает с позиции обязанности буддийского духовенства помогать людям всеми возможными способами. Шэрээтэ Сартул-Гэгэтуйского дацана лама Аркадий Чойдонов парирует: «Куда ни глянь, все только и мечтают уехать из Бурятии. Завтра не то что в бурятской деревне, в Улан-Удэ никого не останется! Почему уезжают? Нечем накормить детей, снарядить их в школу, нечем платить кредиты. Желание сангхи помочь исправить эту ситуацию называют сан-

сарным умом? Просить 30 млн руб. для создания рабочих мест, для создания завода, куда овцеводы могут сдавать шерсть, — это сансарный ум?» [Приймак, 2019, с. 1].

Противостояние между БТСР и властью временами приобретает очень выраженные формы. Это касается не только вопроса о том, что глава республики отказывается признавать за Сангхой роль единственной легитимной буддийской общины, но и весьма актуальной проблемы поддержки инициатив Хамбо лама в области возрождения бурятского сельского хозяйства и удержания сельского населения в деревнях. На все это необходимы немалые денежные средства, которые Хамбо лама приобретает посредством государственной поддержки из Москвы и Дальневосточного федерального округа, в котором Бурятия состоит с 2018 года, и предполагает, что руководство республики обязано выделять денежную помощь из бюджета.

Важно отметить, что Хамбо лама действует в направлении укрепления позиции Сангхи и своего личного авторитета на российском уровне. Став во главе буддийской общины, претендующей на автокефальность, Хамбо лама, несмотря на немногочисленность своей паствы по сравнению с православной общиной, полагает, что его личный статус соотносим с положением Патриарха Кирилла, главы Русского Православия. При этом нет сомнений, что, хотя личные амбиции Хамбо лама играют определенную роль, все же он руководствуется главным образом прагматическими целями, осознавая, что, как глава крупнейшей буддийской общины России, имеет право и возможность решать проблемы на более высоком уровне, нежели в локальных границах Бурятии. Заручившись поддержкой Москвы при представлении своих инициатив по возрождению бурятского села, Хамбо счел, что для исполнительной власти республики социально-экономические проекты Сангхи являются приоритетными, а потому недопустимо, что руководство республики не выделяет достаточных средств на возрождение бурятского овцеводства и бурятских промыслов, несмотря на обещания. Создание условий для увеличения поголовья скота и, следовательно, для заинтересованности людей в проживании и работе в сельской местности — это действительно единственный путь, чтобы буряты не стали исключительно «городским этносом». Хамбо лама сформулировал задачу сохранения прихожан-буддистов в деревнях путем обеспечения их работой и доходами: «В селе, где в основном и расположены буддийские дацаны, без овечьей отары достойной жизни не будет. Одно только пьянство, драки да воровство. Отказываясь от привычного для нас питания, мы отказываемся не только от традиций — от самой жизни» [Хамбо лама XXIV, 2013, с. 33]. Религиозный аспект проблемы Хамбо лама формулирует так: «Голодный бурят не думает о Будде» [Хамбо лама ..., 2017].

Разъясняя причины конфронтации с исполнительной властью, Хамбо лама указывает, что глава республики и зампред правительства по социальной политике обещали выделить Сангхе деньги в сумме 30 млн руб. на проект возрождения бурятского села, но не сдержали слова: «Свершению великих, благих дел всегда пытаются помешать нечистые силы ... Этих двух ... я на порог дацана не пушу. Они опозорили свое имя. Я им говорил, что тридцать миллионов рублей необходимы для покупки прядильного оборудования, чтобы помочь людям, занимающимся овцеводством, перерабатывать шерсть в пряжу. Но до этих двух ... начальников не дошло. Для этих двух ... отныне закрыты двери в Иволгинский и все другие дацаны» [Хамбо лама о главе Бурятии ..., 2019].

Позиция руководителя республики заслуживает понимания: несмотря на социальную направленность проектов Сангхи, все же помогать лишь одной религиозной общине в поликонфессиональном сообществе было бы чревато конфликтами, особенно если учесть, что Бурятия — дотационный субъект РФ и большими средствами не располагает. Тем не менее правительство заявляет, что высоко ценит усилия Сангхи по поддержке бурятского села путем создания социальных отар, которые бесплатно раздаются семьям, по сохранению бурятского языка и возрождению традиционных видов спорта, на что из республиканского бюджета целевым назначением выделяются средства, которых, по мнению Хамбо, совершенно недостаточно.

Противостояние с исполнительной властью дополняется еще и явным желанием главы республики Алексея Цыденова поддерживать хорошие отношения не только с Сангхой, но и с тибетским буддийским центром, что не может не задевать чувств Хамбо ламы. При первом визите Цыденова в Иволгинский дацан еще в должности врио он получил от Хамбо некоторые наставления о приличествующем поведении в отношении религиозных организаций, а именно о недопустимости посещения им тибетского центра «Ринпоче Багша». Однако А. С. Цыденов неоднократно посещал этот центр, а также принимал высоких официальных гостей Бурятии в ресторане при нем. Свое недовольство Хамбо выразил на своей странице в Facebook: «Говорят, что на Лысой горе (там расположен центр «Ринпоче Багша». — *Д. А.*) черти устроили шабаш. Говорят, там в ресторане Цынгуева, у ученика и спонсора нашего оппонента Еши Лодоя, Цыденов любит угощать гостей. Если так, здесь уже раскол» [Хамбо лама: «На Лысой горе...», 2019].

Подобная публикация свидетельствует об убежденности Хамбо ламы в том, что, став лицом государственного уровня, он приобрел в республике статус более влиятельный и значимый, чем статус члена правительства и

главы республики. В отличие от работы правительства по развитию региона, инициативы Сангхи почти всегда широко освещаются в СМИ, особенно в Интернете, поскольку представляют интерес для рядовых читателей. Так, недавний проект Хамбо лама по добыче биогаза из навоза уже успешно реализуется, пройдя стадию испытаний. Планируется, что этим газом сначала будет обогреваться здание Дворца Будды Ваджрасаттвы на месте Хилгантуйского дацана в Кяхтинском районе. В перспективе газ будет использоваться для получения тепла и электричества во всех дуганах БТСР. Кроме того, планируется, что в будущем по этой технологии будет производиться также и биотопливо для автомобилей, а отходы производства станут экологическим удобрением. Насколько реализуем подобный проект, пока неизвестно, но факт начала работы над ним, по меньшей мере, свидетельствует о том, что Хамбо лама — человек действия.

Последний год показал, что религиозные деятели и светские власти способны найти взаимопонимание в чрезвычайных обстоятельствах. В начале пандемии Хамбо лама назвал ее символом смутного времени [Хамбо лама назвал ..., 2020], однако, как и большинство сограждан, надеялся, что распространение коронавируса будет незначительным, а число заболевших в Бурятии не превысит 100 человек (в настоящий момент, в апреле 2021 года, число выявленных случаев приближается к 37 тыс.). Тем не менее уже в начале 2020 года в дацанах и дуганах, относящихся к БТСР, были введены строгие дистанционные ограничения для лам и прихожан, введен масочный режим. А перед Сагаалганом 2021 года (Новый год по лунному календарю) Хамбо лама лично призвал верующих оставаться дома и не посещать храмы. Так руководитель Сангхи поддержал меры российских и региональных властей, которые в ноябре 2020 года вынуждены были пойти на введение регионального двухнедельного локдауна, первого в России после режима нерабочих дней.

4. Заключение

Таким образом, бурятская буддийская община, пройдя через несколько веков своего становления, организационного оформления, складывания принципов сосуществования с российским государством, в настоящее время сохраняет культурно-исторические традиции и участвует в политических и социокультурных процессах и практиках современности. Буддизм является самым значимым маркером Республики Бурятия, хотя буряты составляют в ней только 27 % населения.

Отличительной особенностью постсоветского пространства является непротиворечивое сочетание двух тенденций в культурно-религиозной сфере: десекуляризации общественного и индивидуального сознания

вследствие коренных изменений идеологического ландшафта в стране и одновременно — секуляризации религиозных институтов, успешно встраивающихся в различные области светской общественной жизни. Важным условием успеха БТСР явилось избрание на пост руководителя Хамбо ламы Дамбы Аюшеева, сыгравшего значительную роль в становлении бурятской Сангхи как главной буддийской общины России и распространившего ее влияние не только на всю этническую Бурятию, но и на другие регионы страны. Его несомненной заслугой как защитника бурятской культуры является реальная деятельность по сохранению и развитию традиционного хозяйствования, что призвано способствовать удержанию населения сельских местностей от миграции. Он неустанно борется за сохранение бурятского языка в его диалектном разнообразии. Хамбо лама вступает в диалог с властями и заставляет их считаться с собой и с общиной. Его многочисленные проекты, вне зависимости от того, насколько они успешны, представляют собой социальные эксперименты, нацеленные на достижение процветания республики и ее полиэтнического народа. Решение светских социальных задач, по мнению Хамбо ламы, является путем религиозного спасения не в меньшей степени, чем буддийская проповедь и философия.

Огосударствление и существенный рост авторитета Сангхи приводят к стремлению лидеров религиозной общины влиять на разные стороны экономической и социокультурной жизни Бурятии. Конкурентная борьба с общинами, созданными иностранцами, является продолжением традиции, заложенной еще в период империи, а вот стремление подчинить себе немногочисленные местные буддийские группы, не входящие в состав Сангхи, стало отличительной особенностью современности. Приметой сегодняшнего дня является и конфронтация со светскими властями. Повод для конфликтов связан, в частности, с недостаточной материальной поддержкой экономических начинаний Сангхи для сохранения бурятской деревни и ее хозяйственной деятельности. Также критике подвергается по преимуществу формальный подход властей к защите бурятского языка и иных аспектов бурятской культуры. Являясь центром российского буддизма, имеющим общины во многих городах России, и пользуясь поддержкой руководства страны, БТСР полагает, что в Бурятии государственные структуры обязаны следовать ее рекомендациям, поскольку Сангха является проводником государственной политики в регионе. Таким образом, причина противостояния между Сангхой и властями Бурятии, особенно ее главой, состоит, на наш взгляд, в стремлении первой укрепить свои позиции и в результате оказывать большее влияние на различные стороны жизни республики.

Источники и принятые сокращения

1. Андреева О. Так говорит Хамбо лама. Как, разводя баранов, выйти из круга пере-рождений / О. Андреева // Русский репортер. — 2013. — № 18—19. — С. 46—53.
2. Махачкеев А. Хамбо Лама Аюшеев : «Битва за язык и кочевое хозяйство бу-дет долгой» [Электронный ресурс] / А. Махачкеев. — 2017. — Режим доступа : <http://asiarussia.ru/persons/17956/> (дата обращения 11.11.2020).
3. Приймак А. Губернатора и ламу поссорила неблагоприятная сансара / А. Приймак // НГ Религии. — 20 ноября 2019. — С. 1, 14.
4. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 133. Д. 426. Л. 12 (микрофильм).
5. Родионов Д. Экс-хамбо-лама Чой-Доржи Будаев : «Бурятия не готова к визиту Далай-ламы!» [Электронный ресурс] / Д. Родионов. — 2014. — Режим доступа : <https://ulan.mk.ru/articles/2014/08/27/ekskhambolama-choydorzhi-budaev-buryatiya-ne-gotova-k-vizitu-dalaylamy.html> (дата обращения 14.11.2020).
6. Хамбо лама : «Голодный бурят не думает о Будде» [Электронный ресурс]. — 2017. — Режим доступа : <https://burunen.ru/blogs/51790-khambo-lama-golodnyy-buryat-ne-dumaet-o-budde/> (дата обращения 25.11.2020).
7. Хамбо Лама : «На Лысой горе черти устроили шабаш» [Электронный ресурс]. — 2019. — Режим доступа : <https://www.baikal-daily.ru/news/19/376509/> (дата обращения 27.11.2020).
8. Хамбо Лама назвал коронавирус символом смутного времени [Электронный ре-сурс]. — 2020. — Режим доступа : <https://orda-info.online/hambo-lama-nazval-koronavirus-simvolom-smutnogo-vremeni/> (дата обращения 20.11.2020).
9. Хамбо лама о главе Бурятии и его зампреде : «Этих двух я на порог даца-на не пушу» [Электронный ресурс]. — 2019. — Режим доступа : <https://ulan.mk.ru/social/2019/10/03/khambo-lama-o-glave-buryatii-i-ego-zamprede-etikh-dvukh-ya-na-porog-dacana-ne-pushhu.html> (дата обращения 22.11.2020).
10. Хамбо лама XXIV (Аюшеев, Дамба Бадмаевич ; 1962-). Мысли наедине : вы-держки из речей / Хамбо лама ; [сост. А. В. Махачкеев]. — Улан-Удэ : НоваПринт, 2013. — 112 с. — ISBN 978-5-91121-081-6.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаева Л. Л. Буддизм в этнической Бурятии : ретроспектива развития / Л. Л. Аба-ева // Власть. — 2015. — Том 23. — № 9. — С. 172—176.
2. Амоголонова Д. Д. Банальная религиозность и религиозная вера в этнонацио-нальной идентичности современных бурят / Д. Д. Амоголонова // Studia Culturae. — 2013. — Выпуск 18. — С. 145—158.
3. Амоголонова Д. Д. Буддизм в Бурятии : российское государство и конфессио-нальная конкуренция / Д. Д. Амоголонова // Страны и народы Востока. — 2015. — Вы-пуск 36. — С. 5—41.
4. Амоголонова Д. Д. Буддизм в современном бурятском национально-культурном воз-рождении / Д. Д. Амоголонова // Религиоведение. — 2008. — № 3. — С. 111—127.
5. Амоголонова Д. Д. Бурятская этничность в контексте социокультурной модерни-зации (постсоветский период) / Д. Д. Амоголонова, И. Э. Елаева, Т. Д. Скрынникова. — Иркутск : Радиан, 2005. — 246 с. — ISBN 5-93219-054-7.

6. Бадмацыренов Т. Б. Буддийское возрождение и конструирование буддийского общества в современной Бурятии / Т. Б. Бадмацыренов, В. А. Родионов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2020. — № 1 (38). — С. 62—85. — DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-1-62-85>.

7. Бильтрикова А. В. Бурятская национальная интеллигенция на современном этапе / А. В. Бильтрикова. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. — 89 с.

8. Буддизм и социорелигиозные процессы в России и Монголии / Т. Б. Бадмацыренов, Л. Л. Абаева, И. Г. Актамов, Д. Д. Бадараев. — Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2016. — 192 с. — ISBN 978-5-9793-0965-1.

9. Ванчикова Ц. П. Тибетцы в Бурятии : новый феномен в этническом и культурном многообразии республики / Ц. П. Ванчикова // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия : Филология, история, востоковедение. — Чита : ЗабГУ, 2012. — Выпуск 2. — С. 128—135.

10. Вопросы сохранения и развития толерантности, проблемы гражданской активности населения Республики Бурятия / Д. Ц. Будаева, З. Р. Мэрдыгеев, Н. Ц. Хантургаева, Л. М. Итигилова. — Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010. — 139 с.

11. Герасимова К. М. Об исторических формах национальной культуры бурят / К. М. Герасимова // Национальная интеллигенция, духовенство и проблемы социального, национального возрождения народов Республики Бурятия : сборник статей. — Улан-Удэ : Бурятский науч. центр СО РАН, 1995. — С. 38—50.

12. Жамбалова С. Г. О народном буддизме в современной Бурятии / С. Г. Жамбалова // Гуманитарный вектор. — 2011. — № 2. — С. 87—93.

13. История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985—1999 годах / под общ. ред. Н. Г. Очировой. — Элиста : Мин-во образования, культуры и науки Республики Калмыкия, 2011. — 392 с.

14. Манзанов Г. Е. Динамика религиозности в этнической Бурятии в конце XX — начале XXI в. / Г. Е. Манзанов // Вестник БГУ. — 2012. — № 7. — С. 133—135.

15. Мухина В. С. Многовековое таинство духовного роста : буддизм Бурятии / В. С. Мухина // Развитие личности. — 2010. — № 2. — С. 99—124.

16. Amogolonova D. D. Buddhism in the Russian desecularization processes (materials of Buryatia) / D. D. Amogolonova // Religijski-filozofiski raksti. — 2019. — № XXVI. — Pp. 68—81.

MATERIAL RESOURCES

Andreeva, O. (2013). So says the Hambo Lama. How to get out of the circle of rebirth by breeding sheep. *Russian reporter*, 18—19: 46—53. (In Russ.).

Hambo Lama about the head of Buryatia and his deputy chairman: “I will not let these two on the threshold of dastan”. (2019). Available at: <https://ulan.mk.ru/social/2019/10/03/khambo-lama-o-glave-buryatii-i-ego-zamprede-etikh-dvukhya-na-porog-dacana-ne-pushhu.html> (accessed 22.11.2020). (In Russ.).

Hambo Lama called the coronavirus a symbol of the time of troubles. (2020). Available at: <https://orda-info.online/hambo-lama-nazval-koronavirus-simvolom-smutnogo-vremeni/> (accessed 20.11.2020). (In Russ.).

Hambo Lama: “On the Bald Mountain, the devils arranged a sabbath”. (2019). Available at: <https://www.baikal-daily.ru/news/19/376509/> (accessed 27.11.2020). (In Russ.).

- Hambo Lama XXIV. (2013). *Thoughts alone. Excerpts from speeches*. Ulan-Ude: NovaPrint. 112 p. ISBN 978-5-91121-081-6. (In Russ.).
- Hambo lama: “The hungry Buryat does not think about the Buddha”. (2017). Available at: <https://burunen.ru/blogs/51790-khambo-lama-golodnyy-buryat-ne-dumaet-o-budde/> (accessed 25.11.2020). (In Russ.).
- Makhachkeev, A. (2017). *Khambo Lama Ayusheev: “The battle for the language and non-madic economy will be long”*. Available at: <http://asiarussia.ru/persons/17956/> (accessed 11.11.2020). (In Russ.).
- Priymak, A. (2019). The governor and the lama quarreled unfavorable samsara. *NG Religion*, 20: 1, 14. (In Russ.).
- RGIA — Russian State Historical Archive. F. 821. Op. 133. d. 426. L. 12 (microfilm). (In Russ.).
- Rodionov, D. (2014). *Ex-hambo Lama Choi-Dorji Budaev: “Buryatia is not ready for the visit of the Dalai Lama!”*. Available at: <https://ulan.mk.ru/articles/2014/08/27/ekskhambolama-choydorzhi-budaev-buryatiya-ne-gotova-k-vizitu-dalaylamy.html> (accessed 14.11.2020). (In Russ.).

REFERENCES

- Abaeva, L. L. (2015). Buddhism in ethnic Buryatia: a retrospective of development. *Power* 23 (9): 172—176. (In Russ.).
- Amogolonova, D. D. (2008). Buddhism in the modern Buryat national and cultural revival. *Religious studies*, 3: 111—127. (In Russ.).
- Amogolonova, D. D. (2013). Banal religiosity and religious faith in the ethnonational identity of modern Buryats. *Studia Culturae*, 18: 145—158. (In Russ.).
- Amogolonova, D. D. (2015). Buddhism in Buryatia: the Russian state and confessional competition. *Countries and peoples of the East*, 36: 5—41. (In Russ.).
- Amogolonova D. D. (2019). Buddhism in the Russian desecularization processes (materials of Buryatia). *Religiski-filozofiski raksti, XXVI*: 68—81.
- Amogolonova, D. D., Elaeva, I. E., Skrynnikova, T. D. (2005). *Buryat ethnicity in the context of socio-cultural modernization (post-Soviet period)*. Irkutsk: Radian. 246 p. ISBN 5-93219-054-7. (In Russ.).
- Badmatsyrenov, T. B., Abaeva, L. L., Aktamov, I. G., Badaraev, D. D. (2016). *Buddhism and socio-religious processes in Russia and Mongolia*. Ulan-Ude: BSU Publishing House. 192 p. ISBN 978-5-9793-0965-1. (In Russ.).
- Badmatsyrenov, T. B., Rodionov, V. A. (2020). Buddhist revival and construction of the Buddhist community in modern Buryatia. *State, religion, Church in Russia and abroad*, 1 (38): 62—85. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-1-62-85>. (In Russ.).
- Biltrikova, A. V. (2001). *Buryat national intelligentsia at the present stage*. Ulan-Ude: Publishing house of the BNC SB RAS. 89 p. (In Russ.).
- Budaeva, D. Ts., Merdygeev, Z. R., Khanturgaeva, N. Ts., Itigilova, L. M. (2010). *Questions of preservation and development of tolerance, problems of civil activity of the population of the Republic of Buryatia*. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University. 139 p. (In Russ.).
- Gerasimova, K. M. (1995). About the historical forms of the national culture of the Buryats. In: *National intelligentsia, clergy and problems of social and national revival of the peoples of the Republic of Buryatia: collection of articles*. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the SB RAS. 38—50. (In Russ.).

- Manzano, G. E. (2012). Dynamics of religiosity in ethnic Buryatia in the end of XX — beginning of XXI century. *Vestnik BSU*, 7: 133—135. (In Russ.).
- Mukhina, V. S. (2010). Centuries-old mystery of spiritual growth: Buddhism in Buryatia Republic. *Personal Development*, 2: 99—124. (In Russ.).
- Ochirova, N. G. (ed.). (2011). *History of Buddhism in the USSR and the Russian Federation in 1985—1999*. Elista: Ministry of Education, Culture and Science of the Republic of Kalmykia. 392 p. (In Russ.).
- Vanchikova, Ts. P. (2012). Tibetans in Buryatia: a new phenomenon in the ethnic and cultural diversity of the Republic. *Scientific Notes of the Trans-Baikal State University. Series: Philology, History, Oriental Studies*, 2. Chita: ZabGU. 128—135. (In Russ.).
- Zhambalova, S. G. (2011). Folk Buddhism in the modern Buryatia S. G. Gambarova. *Humanitarian vector*, 2: 87—93. (In Russ.).

Батомункуева С. Р. История буддизма в Монголии в сочинении Кенсур Агван-Нимы «Освещение классических источников по истории буддизма» / С. Р. Батомункуева, В. В. Хартаев // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 400—411. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-400-411.

Batomunkueva, S. R., Khartaev, V. V. (2021). History of Buddhism in Mongolia in Essay of Kensur Ngawang-Nima “Coverage of Classical Sources on History of Buddhism”. *Nauchnyi dialog*, 7: 400-411. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-400-411. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-400-411

**История буддизма
в Монголии в сочинении
Кенсур Агван-Нимы
«Освещение классических
источников по истории
буддизма»**

Батомункуева Соелма Ринчиновна
orcid.org/0000-0002-5060-0296
кандидат философских наук,
младший научный сотрудник
soelmul@mail.ru

Хартаев Владимир Владиславович
orcid.org/0000-0001-5596-2416
младший научный сотрудник
buda2004@mail.ru

Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Улан-Удэ, Россия)

Благодарности:

Работа выполнена в рамках
государственного задания
(Памятники письменности народов
России и Внутренней Азии
на восточных языках и архивные
документы XVIII — начала XXI вв.
в контексте межкультурного
взаимодействия, № 121031000302-9)

**History of Buddhism
in Mongolia in Essay
of Kensur Ngawang-Nima
“Coverage of Classical
Sources on History
of Buddhism”**

Soelma R. Batomunkueva
orcid.org/0000-0002-5060-0296
PhD in Philosophy,
Junior Researcher
soelmul@mail.ru

Vladimir V. Khartaev
orcid.org/0000-0001-5596-2416
Junior Researcher
buda2004@mail.ru

The Institute for Mongolian, Buddhist
and Tibetan Studies
of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Ulan-Ude, Russia)

Acknowledgments:

The work was carried out within
the framework of the state assignment
(Monuments of the written language
of the peoples of Russia and Inner Asia
in oriental languages and archival
documents of the 18th — early 21st centuries
in the context of intercultural
interaction, № 121031000302-9)

© Батомункуева С. Р., Хартаев В. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается часть сочинения «Освещение классических источников по истории буддизма» выдающегося бурятского ученого ламы Кенсура Агван-Нимы, посвященная истории распространения буддийского учения в Монголии. В статье приводятся некоторые автобиографические сведения, извлеченные из сочинения ламы. Представлены материалы исследуемого фрагмента, на основании которых можно говорить о том, что автор делит распространение буддизма в Монголии, как и многие исследователи, на три этапа. Названы имена светских и религиозных деятелей, которые сыграли важную роль в распространении и становлении буддизма среди монголов. Отмечается, что при написании своего исторического трактата Кенсур Агван-Нима опирался на труды своих знаменитых предшественников, таких как Далай-лама V Нгаванг Лобсан Гьяцо, Таранатха Гунга Ньинбо, Тхукван Чокьи Нима и др., а часть сочинения, посвященная истории буддизма в Монголии, опирается на работу «Золотая книга / Алтан дэбтэр» знаменитого монгольского ученого ламы Шагдарын Зава Дамдина. Делается вывод об особенностях исследуемого исторического трактата, заключающейся в том, что он является единственным известным и изданным сочинением, написанным бурятском на тибетском языке в жанре тибетской исторической литературы — чойчжун.

Ключевые слова:

буддизм; история буддизма; чойчжун; Монголия; Кенсур Агван-Нима.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article considers a part of the essay “Coverage of classical sources on the history of Buddhism” by the outstanding Buryat scholar Lama Kensura Ngawang-Nima, dedicated to the history of the spread of Buddhist teachings in Mongolia. Some biographical information of the author of the essay is introduced. The materials of the fragment under study are presented, on the basis of which we can say that the author divides the spread of Buddhism in Mongolia, like many researchers, into three stages. Secular and religious figures who played an important role in the spread and formation of Buddhism among the Mongols are noted in the article. It is indicated that when writing his historical treatise, Kensur Ngawang-Nima relied on the works of his famous predecessors, such as the 5th Dalai Lama Ngawang Lobsan Gyatso, Taranatha Gunga Nyingbo, Thukwan Chokyi Nyima, etc., and a part of the essay devoted to the history of Buddhism in Mongolia, based on the work “Golden Book / Altan Debter” by the famous Mongolian scholar Lama Shagdaryn Zava Damdin. The peculiarity of the historical treatise under study is that it is the only known and published work written by a Buryat in the Tibetan language in the genre of Tibetan historical literature — choichzhun.

Key words:

Buddhism; history of Buddhism; choichung; Mongolia; Kensur Ngawang-Nima.

УДК 24(517)+82-941(571.54)“1960/1967”(093)

История буддизма в Монголии в сочинении Кенсур Агван-Нимы «Освещение классических источников по истории буддизма»

© Батомункуева С. Р., Хартаев В. В., 2021

1. Введение

Изучение письменного наследия выдающихся буддийских деятелей и мыслителей имеет большое значение для обогащения общего фонда буддологических исследований. Некоторые исследователи отмечают, что «слабая степень изученности бурятских тибетоязычных сочинений по истории буддизма в современной науке имеет своим следствием ту необоснованную точку зрения, что авторы буряты никогда не создавали исторические сочинения на тибетском языке вообще» [Базаров и др., 2020, с. 173]. К тому же множество сочинений бурятских авторов остаются неизвестными широкому кругу читателей. Несмотря на то, что литература жанра *чойчжун* (тиб. *chos 'byung* — букв. происхождение учения) была очень популярна среди тибетцев и монгол, через которых буддизм пришел к бурятам, подобного рода сочинения не получили особого распространения у бурят. Говоря о том, что *чойчжун* Кенсура Агван-Нимы является единственным известным и изданным сочинением, написанным бурятом на тибетском языке в жанре тибетской исторической литературы, мы не исключаем возможности существования и других подобных работ, однако, пока неизвестных науке.

Ц. П. Ванчикова отмечает, что «данный жанр сочинений включает тексты, посвященные истории тибетского и монгольского буддизма и излагающие в той или иной мере канонизированную историю религии, написанные в основном на тибетском языке. Часть из них была переведена на монгольский язык. В бурятской литературе этот жанр не успел получить распространения» [Ванчикова и др., 2018, с. 73].

Известен *чойчжун* на монгольском языке «Распространение буддизма в Бурятии и краткие биографии некоторых лам — держателей учения», исследованный Ц. П. Ванчиковой и Ю. Ж. Жабон. Авторы пишут: «Это небольшое историческое сочинение на монгольском языке, написанное дорамба-ламой Гэлэгжамцо (Буян-Далай), является первым образцом бурятской традиции написания “историй учения”, где последовательно изложены конкретные факты развития и становления буддизма среди селенгинских бурят. В нем также приведены сведения биографического характера

о некоторых крупных буддийских деятелях раннего этапа истории бурятского буддизма» [Там же, с. 72].

Письменное наследие Кенсура Агван-Нимы относится к числу мало изученных, и поэтому важно подробное исследование и введение в научный оборот произведений из его собрания сочинений. Основной целью статьи является ознакомление с основным содержанием исторического сочинения Кенсура Агван-Нимы, в частности, с историей буддизма в Монголии.

По выражению Йеше Лодоя Ринпоче, Кенсур Агван-Нима являлся «истинным ученым, искателем подлинного смысла» [Кенсур Агван-Нима, 1996, с. 4]. Агван-Нима Цыдыпдоржиев (1907—1990) родился 18 июля в с. Дабатай (Дабаты) Заиграевского района Бурятии. В семь лет он стал послушником в Челутайском (Шулутском) дацане «Гандан Дарджалинг», где начал изучать тибетский язык, классическую монгольскую письменность и в последующем он поэтапно постигал буддийскую мудрость, прошел сложный путь обучения буддийским дисциплинам. В пятнадцатилетнем возрасте, навсегда покинув свою родину, Кенсур Агван-Нима отправился в Тибет через Монголию для продолжения обучения. В те времена путь в далекий Тибет из Бурятии был очень сложным и зачастую опасным для жизни. И этот трудный для преодоления маршрут в действительности становился одним из главных факторов усердного обучения бурятских послушников. Молодой Агван-Нима по дороге в Тибет из-за отсутствия паспорта вместе со спутниками попадает в монгольскую тюрьму, откуда его освобождает Агван Доржиев (1854—1938), и они продолжают путь [Кенсур Агван-Нима, 1996, с. 12]. Агван-Нима, поступив на обучение в монастырь Дрепунг Гоманг, с большим усердием постигает буддийские науки, испытывая при этом лишения и тяготы аскетичного образа жизни. Агван-Ниму отмечают как невероятно усидчивого ученика, образцового «книжника», проводившего все свое свободное время за чтением сутр. Постепенно Агван-Нима становится ученым-философом, осведомленным в различных областях буддийских наук, и его авторитет как высокообразованного ламы возрастает среди окружающих его учителей и послушников. Долгое время он занимался преподавательской деятельностью в Индии и Швейцарии. Одной из наиболее важных должностей, которую он занимал, является назначение в 1978 году настоятелем крупнейшего буддийского монастыря Дрепунг Гоманг в Индии. Подробнее о жизни и деятельности Кенсура Агван-Нимы можно узнать из его переведенной автобиографии [Кенсур Агван-Нима, 1996], которая также вошла в первый том сумбума [Собрание ..., 2003, р. 1—46].

Жанровый спектр работ Кенсура Агван-Нимы очень разнообразен: это работы по философии, чойчжуны, *намтары* (тиб. *nam thar* — агиография,

жизнеописание) выдающихся буддийских учителей и мастеров, он также является автором многочисленных комментариев к различным трактатам авторитетных ученых.

По свидетельству С. С. Дашидондокова, некоторые тексты из его *сумбума* (тиб. *gsung 'bum* — собрание сочинений) включены в образовательные программы не только в Гоман дацане в Индии, но также и в Буддийском университете «Даши Чойнхорлинг» при Иволгинском дацане в Бурятии [Дашидондоков, 2012, с. 22].

Одним из его наиболее значимых трудов является «Чойчжун лунриг домме» — «Освещение классических источников по истории буддизма» (тиб. *chos 'byung lung rigs sgron me*). По определению А. И. Вострикова, под *чойчжунами* подразумеваются не только тексты по истории религии или доктрины, но и общие исторические труды сводного характера, в которых изложение путей развития религии представлено вместе со светской историей страны [Востриков, 2007, с. 76]. В таких сочинениях нередко излагается история определенной народности, характеризуются некоторые выдающиеся не только религиозные, но и государственные деятели, а также описываются отдельные школы. Трактат Кенсура Агван Нимы, часто называемый «*чойчжун* Кенсур Агван Нимы» повествует об истории распространения буддийского учения в Индии, Тибете, Монголии и России: в такой последовательности излагается история буддизма в этих странах.

2. Структурно-содержательные особенности чойчжуна Кенсура Агван-Нимы

Чойчжун Кенсур Агван-Нимы содержится в первом томе его шеститомного *сумбума* на тибетском языке, изданного в Гоман дацане в Индии в 2003 году. Кенсур Агван-Нима в своей автобиографии, которая, предвзялая *чойчжун*, также входит в состав его *сумбума*, говорит о том, что это сочинение было написано им во время пребывания в Варанаси, куда он отправился в 1960 году по просьбе Его Святейшества для преподавания в Институте дисциплин, связанных с тибетологическими исследованиями [Собрание ..., 2003, р. 36]. В самом *чойчжуне* сообщается, что работа была завершена в 1965 году [Ibid, с. 317].

С основным содержанием *чойчжуна* можно ознакомиться в работах [Базаров и др., 2012, с. 304—305; Дашидондоков, 2012, с. 22—23]. Являясь образцовым *чойчжуном*, сочинение Кенсура Агван-Нимы соответствует структуре и правилам составления подобных произведений, включающим в себя следующие части: поклонение Будде, почитание Учителей, описание зарождения вселенной, историю буддизма в Индии; подробные сведения о жизни и деяниях Будды Шакьямуни; историю распростране-

ния буддийского учения в Тибете и т. д. В *чойчжуне* Кенсура Агван Нимы особое внимание уделяется личности Чже Цонкапы — основателя школы *гелук*. В целом же Кенсур Агван-Нима, будучи представителем духовенства, больше описывает религиозную сторону истории. Вместе с тем история буддизма сопровождается некоторыми сведениями, связанными со светской историей страны, представлена также и краткая географическая информация о рассматриваемом регионе. В некоторых частях *чойчжуна* даются очень сжатые сведения об особенностях быта и культуры народов, на территориях проживания которых распространён буддизм.

В сочинении отмечается, что при написании *чойчжуна* Кенсур Агван-Нима опирался на аналогичные работы следующих авторов: Далай-ламы V — Нгаванг Лобсанг Гьяцо (1617—1682), Сакья Пандиты (тиб. *sa skya paN+Di ta kun dga' rgyal mtshan*, 1182—1251), Таранатхи Гунга Ньинбо (тиб. *ta ra nA tha kun dga' snyin po*, 1575—1634), Гуши Цхепела (тиб. *gu shri blo bzang tshe 'phel*, 1760—?), Тхукван Чокьи Нимы (тиб. *thu'u bkwan blo bzang chos kyi nyi ma*, 1737—1802), Сумба Кенпо Еше Балчжора (тиб. *sum pa mkhan po ye shes dpal 'byor*, 1704—1788), Зава Дамдина (тиб. *rtsa ba rta mgrin*, 1867—1937), Лондол-ламы Ринпоче (тиб. *klong rdol bla ma ngag dbang blo bzang*, 1719—1794).

При освещении истории буддизма в Монголии Кенсур Агван-Нима опирался на «Золотую книгу» Зава Дамдина, о чем он пишет в своей работе. «Золотая книга» считается одним из наиболее ценных источников по истории буддизма в Монголии. Ш. Бира говорит о том, что работа над «Золотой книгой» была начата Зава Дамдином в 1919 году, велась с перерывами вплоть до 1931 года и стала продолжением «Благозвучания раковины» (полное название: «Благозвучание раковины, что, источая счастье и блаженство, повествует о возникновении Драгоценного Учения»). Последняя работа по буддизму в Монголии была написана в крайне сжатой стихотворной форме, а «Золотая книга» стала своего рода обширным толкованием к ней [Бира, 1964, с. 14, 22]. Кенсур Агван-Нима также отдельно неоднократно упоминает и «Благозвучание раковины». Заметим также, что в списке источников Кенсура Агван Нимы отсутствует имя одного из наиболее известных авторов «историй» буддизма в Монголии — Гуши Дхарматалы, или Дамчой Гьяцо (тиб. *dam chos rgya mtsho*, XIX век), перу которого принадлежит «История буддизма в Монголии» (1899).

3. История буддизма Монголии в сочинении «*chos byung lung rigs sgron me*»

Часть, описывающая историю распространения буддизма в Монголии, называется «Повествование о появлении людей и министров на северной

стороне — в Монголии и о том, как распространялось там учение Будды в три периода — в начале, середине и конце» [Собрание ..., 2003, p. 259].

Изложение истории буддизма в Монголии автор предваряет легендами, повествующими об этногенезе монгол. Объяснение происхождения монгол не имеет научного обоснования и носит мифологический характер, что также характерно для *чойчжунов*. Согласно одной из них, монголы произошли от богини, превратившейся в ведьму и сосланной за свои проступки на Золотую гору. Другая легенда гласит, что монголы являются потомками народности *мутгал*, которые некогда населяли Индию [Ibid., p. 259—260].

Согласно определению автора, территориальные границы Монголии очень обширны, называлась она раньше «Великая Монголия» и делилась на три основные части: Верхняя, Средняя или Центральная и Нижняя Монголия [Ibid., p. 269].

В своей работе автор делит распространение буддизма в Монголии на начальный, средний и поздний этапы, что не противоречит признанной большинством исследователей периодизации. Здесь необходимо отметить, что, рассматривая этапы распространения буддийского учения в Монголии, исследователи говорят о том, что важно различать буддизм на территории Монголии и буддизм среди монголов [Буддизм ..., 2016, с. 140]. Действительно, если начало проникновения и распространения буддизма на территории Монголии приходится еще на хуннские времена, то распространение буддизма уже среди монгол началось после объединения разрозненных монгольских племен Чингисханом. По этому поводу Ц. П. Ванчикова пишет: «Ранний, начальный период охватывает время эпохи хуннов до Чингис-хана, средний от Чингис-хана, его преемников и монгольской династии Юань в Китае в форме тибетской сакьяской школы, третий — с XVI в. в виде учения тибетской желтошапочной школы гелуг. Данная периодизация поддерживается современными исследователями и подтверждается археологическими данными» [Ванчикова, 2019, с. 13].

Относительно раннего периода распространения буддизма в Монголии Кенсур Агван-Нима пишет, что «через сто лет после нирваны Будды его учение пришло в страну Ли (Хотан) и одновременно в Верхнюю Монголию» [Собрание ..., 2003, p. 261]. По поводу соприкосновения монголов с буддизмом еще в дочингисхановские времена К. Загастер пишет, что степень этого соприкосновения неизвестна, но ясно одно — буддизм проник к монголам с четырех сторон: от уйгуров, от тангутов, из Тибета и Китая [Sagaster, 2012, p. 379]. Интересна переписка учителя Агван-Нимы, выдающегося буддийского деятеля Агвана Доржиева (1854—1938), с Зава Дамдином по поводу раннего распространения буддизма в Монголии, где в ответе он (Зава Дамдин) не указывает даты, а лишь пишет, что это было очень давно [Бира, 1964,

с. 17]. К слову, Агван Доржиев высоко оценил его работу, он отмечал, что «звук дуна (раковины), услышанный им, разбудив сон и просветив невежество в отношении прошлой истории, вызвал у него восхищение» [Там же].

Второй или средний период распространения буддизма в Монголии Агван-Нима связывает с периодом начала эпохи Чингисхана до начала правления Алтан-хана. Он пишет: «Могущественный император Чингисхан расширил свой род и при помощи героического войска завоевал большую часть планеты. Надменных подавлял, слабых и беспомощных защищал, обладающих знаниями поощрял. Установив два закона на всей земле: общий государственный закон и закон дхармы, подобно тибетской традиции, он показал благодетельным людям обширный путь благого рождения. Так, в Китае, Тибете и Монголии установился единый, общий закон» [Собрание ..., 2003, р. 264].

К этому периоду Агван-Нима относит и начало создания монгольской письменности: «Дождь учения, пролившись, очистил в этой стране невежество и способствовал созданию монгольской письменности, связанной с техникой выделки кожи, и по этой схеме была разработана буквенная система, делящаяся на средние, мужские и женские буквы» [Ibid., с. 265]. Заметим, что в сочинении Кенсура Агван-Нимы отсутствует упоминание о Тататунге как разработчике монгольской письменности, и, возможно, строки выше намекают на то, что именно благодаря встрече с Тататунгой Чингисхан познакомился с буддизмом.

В сочинении отмечается, что Хубилай хан особо почитал и возвышал Пагба-тиши и Карма-багшу [Ibid.]. Согласно Агван-Ниме, «Чойжал Пагба (тиб. chos rgyal 'phags pa) и Гунчен Ченбо Чойгу составили среднюю и развернутую грамматику монгольской письменности и начали работы по переводу на монгольский язык буддийских сочинений» [Ibid., с. 266]. Здесь, скорее всего, под разработкой монгольской грамматики имеется в виду создание квадратного письма на основе тибетского шрифта, которое было поручено Пагба-ламе Хубилаем.

Кенсур Агван-Нима также отмечает: «По наставлению Панчена (тиб. pan chen) переведенные в сокращении на небольшие государственные языки Калачакру и Трипитаку объединили на едином монгольском языке» [Ibid.]. Также указывается, что во время правления Тогон-Тимур хана (1320—1370) буддийское учение пришло в упадок, а некогда мощная монгольская держава, созданная Чингисханом, потеряла былую славу и силу.

Упоминание и выделение Сакья Пандиты, Пагба-ламы и Карма-багши вполне закономерно, поскольку именно они считаются одними из первых, кто принял активное участие и прилагал большие усилия в популяризации буддийского учения среди монголов.

Третий период распространения буддизма в Монголии, по мнению автора *чойчжуна*, связан с дружбой Алтан-хана (1507—1582) и Далай-ламы III Соднама Гьяцо (тиб. *bsod nams rgya mtsho*, 1543—1588). Именно этот период считается наиболее успешным и результативным: «В сложившихся социально-политических и экономических условиях третьей волны принципы буддизма, декларирующие идеи сострадания, смирения, непротивления и ненасилия, становятся востребованными. Кроме того, идея единства, составляющая важнейшую часть махаянской философии, стала актуальна для монгольских правителей, перед которыми стояла задача объединения страны» [Буддизм ..., 2016, с. 152].

Кенсур Агван-Нима описывает встречу Далай-ламы и Алтан-хана словами, ставшими крылатым выражением: «они встретились как солнце и луна». Тогда же Алтан-хан вручил ему золотую печать [ngag dbang nyi ma, 2003, р. 267]. После приезда Далай-лама распространил учение Будды по всей монгольской земле, и тогда «кровавые озера превратились в молочные, мрак и тьма озарились светом и в роду самого Алтан-хана появились Далай-ламы» [Ibid.].

Считается, что именно в это время был установлен «Арбан буяны цааз / Закон десяти добродетелей», который не только регулировал религиозную жизнь, но также имел прямое отношение к государственным делам. Это было ярким показателем объединения духовной и светской сфер. Л. Е. Янгутов отмечает, что в этом законе «нашли свое отражение и пропаганда буддийских духовно нравственных ценностей, и идея воздаяния за грехи. Однако это воздаяние было далеко не кармическим, а правовым, светским. Государство брало на себя функции кармического воздаяния за свершение поступков, причисленных буддизмом к негативным деяниям. Это был наиболее эффективный путь внедрения в сознание монголов гуманистических идей, отраженных в десяти добродетельных деяниях, составляющих основу буддийской нравственности» [Янгутов, 2012, с. 139—140]. Так, по мнению Кенсура Агван-Нимы, был установлен единый закон, соответствующий буддийскому учению, действующий для всех граждан Тибета, Китая и Монголии, что способствовало большему распространению буддизма.

Затем Агван-Нима пишет о рождении Далай-ламы IV в роду Алтан-хана, а также упоминает о последующих Далай-ламах, деятельность которых была тесно связана с Монголией [Собрание ..., 2003, р. 267—268].

Далее Кенсур Агван-Нима говорит о предсказании, согласно которому учение Победоносного должно распространиться все дальше и дальше на север и великие мастера из Тибета будут иметь тесную связь с людьми из этих мест [Ibid., с. 268]. По мнению Кенсура Агван Нимы, это пророчество сбылось, ибо учение Будды прошло долгий и сложный путь, достигло всех

окраин Монголии, а также Бурятии и Калмыкии и процветает в настоящее время.

Кроме того, в своей работе Кенсур Агван-Нима рассматривает монгольские монастыри, указывая, что в каждом районе есть свои наиболее значимые. Автор дает краткие сведения о великих монастырях Монголии, которых, по его мнению, пятьдесят семь. Кенсур Агван-Нима отмечает, что в его *чойчжуна* представлена лишь малая и разрозненная часть сведений о монастырях, но более детально с их историей можно ознакомиться по коренному, основному тексту.

4. Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что в своей работе, посвященной истории буддизма в Монголии, Кенсур Агван-Нима не отходит от общепринятых исторических фактов как при представлении избранной им периодизации, так и при выделении наиболее значимых светских и религиозных деятелей. Также очевидно, что большим подспорьем в написании *чойчжуна* послужили работы Зава Дамдина «Благозвучание раковины ...» и «Золотая книга». В целом история распространения буддизма в Монголии написана Кенсуром Агван-Нимой по всем «стандартам» жанра *чойчжун*, и в этой части сочинения утверждается, что распространение буддизма в Монголии является логическим продолжением распространения буддизма из Индии и Тибета. Представляется логичным и актуальным дальнейшее исследование *чойчжуна* Кенсура Агван-Нимы в сравнении с источниками, легшими в основу его повествования об истории буддизма в Монголии. Это необходимо для установления степени заимствования или наличия сведений, отсутствующих в этих источниках, а также определения личного вклада бурятского ученого ламы.

Источники

1. Кенсур Агван-Нима. Переправа через реку сансары. Автобиография / Кенсур Агван-Нима. — Улан-Удэ : Центральное Духовное Управление Буддистов Российской Федерации, 1996. — 41 с.
2. Собрание сочинений постигшего истинный смысл достопочтенного кенсура Палден Дрепунг Таши Гоманг монастыря Агван-Нимы. Т. 1—2. — Дели : Библиотека Дрепунг Гоманг монастыря, Мундгод, 2003. — 710 с. (*ngag dbang nyi ma. gsung 'bum. nges pa don gyi mkhas grub chen po pal ldan 'bras spungs bkra shis sgo mang gi gdan rabs don gnyis pa rje btsun ngag dbang nyi ma'i gsung 'bum bzhugs so. Vol. 1—2 (kha-ga).* — Deli : Drepung Gomang library, Mundgod, 2003. — 710 p.). (на тибетском языке)

ЛИТЕРАТУРА

1. Базаров А. А. Буддийская книжная литература Внутренней Азии и развитие жанра исторической литературы чойчжун в творчестве Кенсура Агван Нимы / А. А. Базаров,

С. С. Дашидондоков // Вестник Бурятского государственного университета. — 2008. — Выпуск 14. — С. 302—306.

2. Базаров А. А. Трактаг Кенсур Агван Нимы «Светильник цитат из классических трудов по истории буддизма»: генезис монастырской системы в Северо-Западном Китае / А. А. Базаров, В. В. Хартаев // Гуманитарный вектор. — 2020. — Т. 15. — № 6. — С. 172—179. — DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-172-179.

3. Бира Ш. О «Золотой книге» Ш. Дамдина / Ш. Бира. — Улан-Батор : Издательство Академии наук МНР, 1964. — 153 с.

4. Буддизм в социокультурных и политических процессах России, Внутренней и Восточной Азии : трансформации и перспективы / отв. ред. Л. Е. Янгутов. — Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2016. — 456 с. — ISBN 978-5-9793-0918-7.

5. Ванчикова Ц. П. Сочинение дорамба Гэлэгжамцо по истории буддизма в Бурятии как уникальный памятник жанра чойнчжун / Ц. П. Ванчикова, Ю. Ж. Жабон // Культура Центральной Азии. — 2018. — Выпуск 11—2. — С. 72—78. — DOI: 10.30792/2304-1838-2018-2-72-87.

6. Ванчикова Ц. П. Буддизм в Монголии : история, духовенство, монастыри : монография / Ц. П. Ванчикова. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2019. — 292 с. — ISBN 978-5-6042914-3-6.

7. Востриков А. М. Тибетская историческая литература / А. М. Востриков. — Москва : Издательство Восточной литературы, 1962. — 425 с.

8. Дашидондоков С. С. Творческий путь Кенсур Агван Нимы и его работа «Чойжунг лунриг донгме» / С. С. Дашидондоков // Буддийские тексты Китая, Тибета, Монголии и Бурятии (социально-философский аспект) : сборник статей / отв. ред. Л. Е. Янгутов. — Улан-Удэ : Издательство Бурятского государственного университета, 2012. — 176 с. — ISBN 978-5-9793-0469-4.

9. Дашидондоков С. С. Творческий путь Кенсур Ринпоче Геше Лхарамба Агван Нимы и его работа «Чойжунг лунриг донгме» Светильник цитат из классических трудов по истории буддизма» / С. С. Дашидондоков // Легшед. — 2012. — С. 16—23.

10. Янгутов Л. Е. О становлении буддизма в Монголии / Л. Е. Янгутов // Вестник БНЦ СО РАН. — 2011. — № 3. — С. 137—142.

11. Sagaster K. The history of Buddhism among the Mongols / K. Sagaster // The spread of Buddhism / ed. by A. Heirman, S. P. Bumbacher. — Leiden ; Boston : Brill, 2012. — 474 p. — ISBN 978-90-04-22675-3.

MATERIAL RESOURCES

Kensur Ngawang-Nyima. (1996). *Pagtawid sa Samsara river. Autobiography*. Ulan-Ude: Central spiritual Administration ng Buddhists ng Russian Federation. 41 p. (In Russ.).

Collected works of the Venerable Kensur Palden Drepung Tashi Gomang of Ngawang-Nyima Monastery, who understood the True Meaning, Vol. 1—2. (2003). Deli: Drepung Gomang library, Mundgod. 710 p. (In Tibet.).

REFERENCES

Bazarov, A. A., Dashidondokov, S. S. (2008). Buddhist book literature of Inner Asia and the development of the genre of historical literature choichung in the works

- of Kensur Ngawang-Nyima. *Bulletin of the Buryat State University*, 14: 302—306. (In Russ).
- Bazarov, A. A., Kartaev, V. V. (2020). Treatise Censor Agvan NIMA “Lamp quotes from classic works on the history of Buddhism”: the origin of the monastic system in Northwest China. *Humanitarian vector*, 15 (6): 172—179. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-172-179. (In Russ).
- Bira, Sh. (1964). *About the “Golden Book” by Sh. Damdin*. Ulaanbaatar: Publishing House of the Academy of Sciences of the MNR. 153 p. (In Russ).
- Buddhism in the socio-cultural and political processes of Russia, Inner and Eastern Asia: transformations and prospects*. (2016). Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University. 456 p. ISBN 978-5-9793-0918-7. (In Russ).
- Dashidondokov, S. S. (2012). The creative path of Kensur Ngawang-Nyima and his work “Chojung lunrig dongme”. In: *Buddhist texts of China, Tibet, Mongolia and Buryatia (socio-philosophical aspect): a collection of articles*. Ulan-Ude: Publishing house of Buryat state University. 176 p. ISBN 978-5-9793-0469-4. (In Russ).
- Designdocs, S. S. (2012). Creative way Khensur Rinpoche Geshe Lharamba Ngawang-Nyima and his work “Caijun Lorig done” Lamp quotes from classic works on the history of Buddhism”. In: *Legged*. 16—23. (In Russ).
- Sagaster, K. (2012). The history of Buddhism among the Mongols. In: *The spread of Buddhism*. Leiden; Boston: Brill. 474 p. ISBN 978-90-04-22675-3.
- Vanchikova, Ts. P. (2019). *Buddhism in Mongolia: history, clergy, monasteries: monograph*. Irkutsk: Ottisk Publishing House. 292 p. ISBN 978-5-6042914-3-6. (In Russ).
- Vanchikova, Ts. P., Zhabon, Yu. Zh. (2018). The work of doramba Gelegzhamtso on the history of Buddhism in Buryatia as a unique monument of the choinzhong genre. *Culture of Central Asia*, 11—2: 72—78. DOI: 10.30792/2304-1838-2018-2-72-87. (In Russ).
- Vostrikov, A. M. (1962). *Tibetan historical literature*. Moscow: Publishing house of Oriental Literature. 425 p. (In Russ).
- Yanguotov, L. E. (2011). On the formation of Buddhism in Mongolia. *Bulletin of the BNC SB RAS*, 3: 137—142. (In Russ).

Веретенко В. А. Типография Министерства внутренних дел Российской империи в середине XIX — начале XX веков : структура, функции, кадровый состав / В. А. Веретенко, Е. Н. Крылова // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 412—427. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-412-427.

Veremenko, V. A., Krylova, E. N. (2021). Printing House of Ministry of Internal Affairs of Russian Empire in Mid-19th — Early 20th Centuries: structure, functions, personnel. *Nauchnyi dialog*, 7: 412-427. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-412-427. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-412-427

Типография Министерства внутренних дел Российской империи в середине XIX — начале XX веков: структура, функции, кадровый состав

Веретенко Валентина Александровна
orcid.org/0000-0002-5217-5609
доктор исторических наук, профессор
заведующая кафедрой истории России
v.a.veremenko@yandex.ru

Крылова Елена Николаевна
orcid.org/0000-0003-2202-6482
кандидат исторических наук, доцент
кафедра рекламы и общественных
коммуникаций
hellennak@yandex.ru

Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта
№ 19-09-00297.

Printing House of Ministry of Internal Affairs of Russian Empire in Mid-19th — Early 20th Centuries: structure, functions, personnel

Valentina A. Veremenko
orcid.org/0000-0002-5217-5609
Doctor of History, Professor
Head of the Department
of Russian History
v.a.veremenko@yandex.ru

Elena N. Krylova
orcid.org/0000-0003-2202-6482
PhD in History, Associate Professor
Department of Advertising
and Public Relations
hellennak@yandex.ru

Pushkin Leningrad State University
(Saint Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The study was carried out with
the financial support of the Russian
Foundation for Basic Research within
the framework of scientific
project № 19-09-00297.

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается общая характеристика правительственной типографии, обслуживавшей интересы Министерства внутренних дел в середине XIX — начале XX веков, с момента создания типографии в 1836 году до 1910-х годов, когда власть была вынуждена включиться в борьбу за общественное мнение. Исследуются штаты типографии МВД, ее структура и изменение кадрового состава и функций. Показано, что начавшаяся Первая русская революция ускорила процесс трансформации типографии МВД из учреждения, занимающегося типографскими работами по документообороту МВД, в структуру, выполняющую важные функции в идеологической борьбе за общественное мнение. Доказано, что в начале XX века приоритетным направлением для типографии МВД стала задача по печатанию правительственных газет: «Правительственный вестник», «Русское государство», «Вечернее прибавление к Правительственному вестнику» и др. Подчеркивается разница между прислугой и рабочими типографии центрального государственного учреждения. Отмечается, что низшие служащие типографии МВД изначально имели право на получение социального пакета, а рабочим типографии это право необходимо было заслужить.

Ключевые слова:

типография МВД; Главное управление по делам печати МВД; Правительственный вестник; низшие служащие центральных государственных учреждений.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The general characteristics of the government printing house that served the interests of Ministry of Internal Affairs in the middle of the 19th and the beginning of the 20th centuries, from the moment the printing house was created in 1836 until the 1910s, when the government was forced to join the struggle for public opinion. The staff of the printing house of the Ministry of Internal Affairs, its structure and changes in personnel and functions are investigated. It is shown that the outbreak of the First Russian Revolution accelerated the transformation of the printing house of the Ministry of Internal Affairs from an institution dealing with printing works on the document circulation of the Ministry of Internal Affairs into a structure that performs important functions in the ideological struggle for public opinion. It is proved that at the beginning of the twentieth century the priority direction for the printing house of the Ministry of Internal Affairs was the task of printing government newspapers “Government Bulletin”, “Russian State”, “Evening addition to the Government Bulletin”, etc. The difference between the servants and the workers of the printing house of the central state institution is emphasized. It is noted that if the servants of the printing house of the Ministry of Internal Affairs initially had the right to receive a social package, then the workers of the printing house had to earn this right.

Key words:

printing house of the Ministry of Internal Affairs; Main Directorate for Press Affairs of the Ministry of Internal Affairs; Government Bulletin; servants in the Ministry of Internal Affairs.

Типография Министерства внутренних дел Российской империи в середине XIX — начале XX веков: структура, функции, кадровый состав

© Верменко В. А., Крылова Е. Н., 2021

1. Введение

Одним из основных инструментов формирования общественного мнения в пореформенной России были периодические издания, прежде всего газеты, а для тиражирования общественно значимой информации необходимы технические средства. Не менее важное место в модернизирующейся России занимали многообразные бюрократические институты, как общественно-государственные, так и частные. Функционирование их постоянно нарастающего документооборота опять-таки было невозможно без специальных инструментов, обеспечивавших печать всевозможных бланков, отчетов, таблиц и т. д. Наконец, развитие производства влекло за собой потребность в рекламе продукции, что в свою очередь предполагало скачкообразный рост полиграфических мощностей. Таким образом, типографское дело стало во второй половине XIX — XX веках одной из наиболее интенсивно развивавшихся отраслей отечественной экономики. Всевозможные скоропечатни, типографии, литографии, типолитографии и т. д. открывались в это время во всех частях страны, а их организаторами выступали как государственные и общественные органы, так и частные лица [Книга в России ..., 1988, с. 32].

Так как данная тема напрямую касается самых разных аспектов изучения пореформенной России: истории предпринимательства и образования; благотворительности и национально-культурного строительства, положения отдельных социальных групп и средств массовой информации, то те или иные сюжеты, посвященные деятельности типографий, постоянно входят в число наиболее востребованных исследователями [Ахтямова, 2016; Баренбаум и др. 1986; Габдельганеева, 2021; Патрушева, 2016; Травникова, 2015; Шаповалова, 2014]. Вместе с тем очевидно, что на данный момент наибольший интерес среди историков вызывает состояние негосударственных, преимущественно провинциальных учреждений. Специфика же статуса и функционирования казенных типографий большей частью только ждет своего исследователя [Любичанковский и др., 2011]. В полной мере это касается типографии МВД, входившей в качестве структурной единицы в это ведомство. Продолжая серию статей, посвященных кадро-

вой политике и положению служащих Министерства внутренних дел начала XX века [Веремченко, 2020; Веремченко и др., 2020; Крылова, 2021], авторы исследования впервые предполагают рассмотреть структуру, кадровый состав, функции и специфику деятельности типографии МВД в качестве самостоятельного предмета изучения.

Таким образом, целью данной статьи является создание общей характеристики правительственной типографии, обслуживавшей интересы Министерства внутренних дел как одного из самых влиятельных министерств Российской империи, в конце XIX — начале XX веков, когда власть была вынуждена начать борьбу за общественное мнение [Лихоманов, 1997].

2. Структура и функции типографии Министерства внутренних дел

Структура и штаты типографии МВД (первоначально в составе Медицинского департамента ведомства) были утверждены специальным Положением от 17 июня 1836 года [ПСЗ, отд. 1, с. 724—726]. Учреждение, в котором должны были работать 66 человек [Там же, отд. 2, с. 327], находилось в ведении директора канцелярии министерства, собственно же контроль над его работой осуществлял управляющий типографией. Главной задачей нового подразделения определялось «печатание официальных бумаг министерства». Вместе с тем управляющему предоставлялось право «принимать для печатания в оной книги и рукописи и от частных лиц, если не препятствует занятия оной по делам министерства» [ПСЗ, отд. 1, с. 725]. Выполняя неказенные заказы, типография МВД должна была соблюдать «правила цензуры» в том же объеме, что и частные типографии [Там же].

21 декабря 1853 года было утверждено новое временное положение и штат типографии МВД. Теперь учреждение состояло в ведении департамента казенных врачебных заготовлений, а управляющим типографией стал инспектор Аптекарского острова [РГИА, ф. 1284, оп. 176, д. 19, л. 10].

Очередное изменение в организации деятельности типографии МВД произошло 6 августа 1872 года. Учреждение, включавшее контору, занимавшуюся оформлением заказов, и собственно «типографию со словолитнею, переплетною и литографией», переходило в ведение департамента общих дел «под ближайшее наблюдение вице-директора» [Временное положение ..., 1872, с. 1]. Устанавливалось *три категории работ*, которые могли выполняться типографией: «А. для центральных учреждений Министерства, Б. для посторонних ведомств и лиц, В. за свой собственный счет, т. е. издания типографии Министерства» [Там же, с. 5]. При этом новое временное положение, с одной стороны, подчеркивало важность того, чтобы четко и своевременно исполнять «печатные работы из центральных учреждений Министерства», и для экстренных поручений разрешало ис-

пользовать при необходимости «ночное и праздничное время», а с другой — настойчиво рекомендовало «изыскивать средства к увеличению доходов заведения» путем получения заказов от посторонних ведомств и частных лиц [Там же, с. 2, 5—6].

Первая группа работ — для центральных учреждений Министерства — должна была выполняться типографией «по твердой таксе», утвержденной министром, и включала не только тиражирование официальной документации: бланков, формулярных списков, отчетов, описей и т. д., — но и работы по издаваемой министерством газете «Правительственный вестник» (с приложением «Сельский вестник»), для чего было подготовлено особое соглашение между департаментом общих дел и редакций газеты [Там же, с. 1, 6].

Объем работ, выполняемых учреждением, постоянно увеличивался. Так, например, в 1900 году типографией МВД были выполнены заказы для канцелярии министра внутренних дел, канцелярии Медицинского совета, редакции «Правительственного вестника», департамента духовных дел иностранных исповеданий, департамента полиции, хозяйственного департамента, Медицинского департамента, Земского отдела, Главного управления по делам печати, Санкт-Петербургского цензурного комитета, техническо-строительного комитета, института гражданских инженеров императора Николая I, Главного управления почт и телеграфов, Центрального статистического комитета, Ветеринарного комитета, Переселенческого управления, Главного тюремного управления, сметы МВД на 1901 год, месяцеслова МВД на 1901 год, списков чинов МВД на 1901 год, наконец, работы для посторонних учреждений и частных лиц, подробнее см. [РГИА, ф. 1284, оп. 177].

Постоянно растущие объемы заказов по второй и третьей группам («для посторонних ведомств и лиц», а также «за свой собственный счет»), с одной стороны, способствовали поддержанию финансовой стабильности учреждения, вынужденного выполнять большую часть работ по твердой таксе, а с другой — стали причиной конфликта структур МВД с Санкт-Петербургской Городской думой.

Осенью 1884 года в контору редакции «Правительственного вестника» было направлено обращение от Санкт-Петербургской торговой депутации, которая напоминала о необходимости оплаты типографией введенного с 1882 года городского сбора в размере 1,5 % оценочной стоимости «промышленного заведения». Редакция, заявив, что не имеет прямого отношения к данной структуре, перенаправила обращение в департамент общих дел МВД. Последний в течение года пытался доказать городским службам, что типография является ведомственным, а не коммерческим учреждением, но в конце концов вынужден был признать очевидный факт, что к печати принимаются «частные объявления», а следовательно, она получает

дополнительные доходы. Интересно, что по итогам оплачивать городской сбор (как за прошедшие годы, так и впредь), а также штраф за 3 просроченных года было поручено редакции «Правительственного вестника» [РГИА, ф. 785, оп. 1, д. 20, л. 1—5; 16]. Эта финансовая обязанность постепенно сформировала, прежде всего, в самом «Правительственном вестнике» представление о том, что типография является учреждением, преимущественно обслуживающим редакцию, и только затем — все остальные структуры МВД.

Последнее утверждение подкреплялось как практикой распределения срочных работ, так и финансированием переоснащения типографии. Дело в том, что при непрерывно растущей загрузке типографии вопрос о покупке новой техники постоянно откладывался. В результате в начале 1890-х годов сложилась ситуация, при которой для выпуска до 33 000 листов ежедневно («Правительственный вестник») и еще около 50 000 раз в неделю («Сельский вестник») «типография вынуждена бывает приостанавливать на время исполнение других часто срочных работ и употреблять исключительно для печатания газет все имеющиеся в ее распоряжении шесть скоропечатных машин, делающих не более 6500 оттисков в час» [Там же, д. 32, л. 4]. Для решения данной проблемы в сентябре 1892 года специально для печатания «Правительственного» и «Сельского» вестников была приобретена скоропечатная ротационная машина завода Кенига и Бауэра с полным стереотипным устройством и производительностью до 12 тысяч листов в час. Причем деньги на эту покупку (35 000 руб.) были переданы в распоряжение департамента общих дел «заимообразно» из запасного капитала редакции правительственной газеты [Там же].

Главенствующий статус редакции в отношении типографии, официально принадлежавшей всему ведомству, окончательно закрепился в начале 1906 года с подачи заведующего вечерней газетой «Русское государство» А. Н. Гурьева, которому предстояло значительно расширить объем правительственных средств массовой информации. С 1 января 1906 года до этого еженедельная газета «Сельский вестник» (приложение к «Правительственному вестнику») стала выходить ежедневно, а с 1 февраля появилось новое ежедневное издание — вечерняя газета «Русское государство» (прибавление к «Правительственному вестнику»), тираж которой должен был составлять 20 000—30 000 экземпляров [РГИА, ф. 785, оп. 1, д. 364, л. 24]. Печать указанных выше правительственных газет потребовала значительного увеличения мощностей типографии Министерства внутренних дел.

Уже 8 января А. Н. Гурьев обозначил свои позиции в письме управляющему типографией П. Н. Суворову: «Ввиду предстоящего назначения меня главным редактором “Правительственного вестника” я имел собеседова-

ние с г. директором департамента общих дел об отношениях моих по должности редактора к типографии, в которой печатается “Правительственный вестник”. Г. директор объяснил мне, что в техническом отношении типография будет находиться в полном моем подчинении. ... Это подчинение я понимаю в том смысле, что каждое мое распоряжение, касающееся личного состава или технических средств типографии должно быть немедленно и беспрекословно исполняемо без всяких сношений с какими бы то ни было инстанциями» [Там же, л. 1].

Результаты проведенной новым редактором в конце января 1906 года ревизии типографии продемонстрировали крайне слабое оснащение казенного учреждения, особенно на фоне работавших в столице частных типографий. Крайнюю степень возмущения А. Н. Гурьева выявленными фактами ярко демонстрирует сохранившийся в РГИА черновик письма редактора: «Меня поражает, что все вышеуказанные предметы оборудования и необходимый личный состав — до сих пор отсутствуют в типографии. Из этого явствует, что типография не только не была оборудована ранее, но и что в ней нет людей ~~сколько-нибудь~~ сведущих в элементарной технике газетного дела, — иначе, в течение протекших трех недель все это уже могло и должно было бы быть на месте» (вычеркнуто в тексте. — В. В., Е. К.) [Там же, л. 6 об].

2 февраля А. Н. Гурьев, заведующий газетой «Русское государство», представил А. В. Бельгарду, начальнику Главного управления по делам печати, перечень расходов на модернизацию типографии с приложением расчетов, составленных управляющим учреждения и помощником архитектора МВД. В смету вошли расширение помещения типографии, приобретение двух ротационных машин [Там же, л. 8], четырех наборных машин с шрифтами, двух сушильных прессов для стереотипа, токарного станка для стереотипа, четырех тискальных станков, двух моторов для ротационных машин, семисот пудов нового шрифта, касс и реалов, оборудования для электрического освещения [Там же, л. 8 об.], устройство фундаментов под новые ротационные машины, переустройство отсылочной экспедиции. В целом расходы на переоборудование составили 212 500 руб. [Там же, л. 9 об.].

В итоге типография МВД была переведена в бывшее помещение архива земского отдела, который, в свою очередь, расположился на 3 этаже надворного флигеля здания Министерства внутренних дел. Интересно, что, выбирая оборудование типографии, решено было остановиться на наборных машинах вида «Типограф». Причем главным достоинством этих агрегатов стало то, что «работа на таких машинах ... настолько проста, что нет надобности ставить к машине непременно наборщика, но вполне возможно заменять его каждым канцелярским чиновником и даже лицами женского пола.

Такая свобода замены наборщиков совершенно другими лицами весьма важна в последнее время непрерывных забастовок, т. е. при полном отсутствии наборщиков, имеющиеся четыре машины заменят 12 или 20 человек, и газета может выходить» [Там же, л. 21]. Данное решение оказалось очень предусмотрительным, и, «несмотря на полный отказ от работы всего личного состава типографии» летом 1906 года, «Правительственный вестник» продолжал выходить [РГИА, 776, оп. 23, д. 50, л. 3].

Затронувшие типографию забастовки привели к спешной передаче учреждения осенью 1906 года в ведение Главного управления по делам печати [Там же, д. 51, л. 6]. Сохранение же зависимости от редакции подкреплялось тем, что заведование типографией было поручено состоящему на службе в «Правительственном вестнике» поручику запаса Н. Д. Грибоедову [Там же, д. 50, л. 3]. Вместе с тем и после реорганизации типографии мощностей на выполнение всех работ не хватало, так что даже пришлось передать печать «Сельского вестника» в другую типографию. По воспоминаниям А. В. Бельгарда, начальника Главного управления по делам печати, «удалось найти для типографии “Сельского вестника” очень хорошее самостоятельное помещение, которое на ассигнованные для этого специальные средства было прекрасно оборудовано двумя ротационными машинами и всеми другими необходимыми техническими средствами, дававшими возможность значительно увеличить ежедневный тираж, а также печатание иллюстраций и широко использовать новую типографию для издания всякого рода брошюр со специальною целью распространения среди крестьян» [Бельгард, 2009, с. 301].

Весь 1906 год типография МВД осуществляла печатание «Правительственного вестника» и вечерних прибавлений к нему, сначала «Русское государство», затем «Вечернее прибавление» [РГИА, ф. 776, оп. 23, д. 56 б, л. 7]. Долг редакции «Правительственного вестника», «главного заказчика типографии МВД» [Там же, л. 10], к концу 1906 года составил 107 576 руб. 36 к. [Там же, л. 12]. Оплачено редакцией было лишь 100 389 руб. 02 к., и долг к январю 1907 года перед типографией МВД составлял 14523 руб. 54 к. [Там же]. Постоянное печатание «Правительственного вестника» по достаточно низкой таксе, как и задолженность редакции, лишала типографию МВД средств, чтобы производить «необходимые улучшения в соответствии развития техники печатного дела» [РГИА, ф. 776, оп. 23, д. 56 б, л. 10]. Это стало одной из причин перевода типографии в Главное управление по делам печати.

Новым управляющим типографией МВД, перешедшей уже из департамента общих дел в Главное управление по делам печати, в августе 1906 года стал чиновник особых поручений, коллежский советник В. Голованов. Со-

держание по должности было определено в 4200 руб. в год (жалованье 3000 р. и квартирные 1200 р.) [РГИА, ф. 776, оп. 23, д. 51, л. 4] и 1800 р. наградных [Там же, л. 24]. Голованов исполнял обязанности управляющего типографией МВД до февраля 1909 года, когда был переведен в качестве управляющего в канцелярию Санкт-Петербургского градоначальника [Там же, л. 28]. При этом место управляющего типографией оказалось вакантно. Был сделан запрос из департамента общих дел начальнику Главного управления по делам печати по поводу «соответствующих соображений по поводу замещения должности управляющего типографией МВД другим лицом» [Там же]. Потребовалось более месяца, чтобы подобрать нового управляющего. Заведывание типографией было «временно поручено» коллежскому советнику Тимофееву, который проработал в этой должности до 1 августа 1914 года [РГИА, ф. 1284, оп. 177, д. 102, л. 2].

Интересно, что по вопросу о замещении должности управляющего типографией МВД к начальнику Главного управления по делам печати МВД обратилось сразу несколько кандидатов. Сделано это было, однако, после назначения Тимофеева. Первым протеже на указанную должность стал советник Гродненского губернского правления, коллежский советник Наумов, лично знакомый министру внутренних дел «с лучшей стороны по службе его в должности заведующего Гродненской губернской типографией» [РГИА, ф. 776, оп. 23, д. 60, л. 1]. Рекомендация была передана через директора департамента общих дел начальнику Главного управления по делам печати 21 октября 1909 года. На тот момент Тимофеев уже 7 месяцев исполнял обязанности управляющего типографией МВД. Второе ходатайство поступило 30 января 1910 года от заведующего работами в мастерской государственной типографии коллежского советника Г. Г. Ходунова [Там же, л. 2]. Оба претендента имели значительный опыт работы, однако ответ А. В. Бельгарда, начальника Главного управления по делам печати, был краток: «Должность управляющего типографией МВД в настоящее время занята и открытие вакансии не предвидится» [Там же, л. 5]. И действительно, лишь после увольнения Тимофеева по собственному желанию летом 1914 года, должность управляющего типографией была передана Осипову [РГИА, ф. 1284, оп. 177, д. 102, л. 2].

Сохранение зависимости от редакции «Правительственного вестника» можно увидеть и в том факте, что, составляя список лиц для получения пособий к Пасхе в 1909 году, главный редактор «Правительственного вестника» включил в него и 14 сотрудников газетного отдела типографии МВД [РГИА, ф. 776, оп. 23, д. 56 б, л. 244—248].

Таким образом, типография МВД, созданная первоначально прежде всего для обеспечения документооборота ведомства, к концу XIX века

превратилась в учреждение, преимущественно предназначенное для публикации правительственных изданий, соответственно изменилась и подчинённость. К этому же времени окончательно сформировалась структура учреждения, включавшая контору, наборное, стереотипное, машинное, книжное, журнальное отделения, переплетную и экспедицию [РГИА, ф. 785, оп. 1, д. 366, л. 2—11].

3. Кадровый состав типографии Министерства внутренних дел

Положение от 17 июня 1836 года [ПСЗ, отд. 1, с. 724—726] определяло кадровый состав типографии, включавший 66 человек: чиновников (управляющий, фактор (смотритель), корректор, два канцелярских служителя) и низших служащих (рабочие / прислуга). И те, и другие выступали как сотрудники министерства, за «службу» в котором получали, помимо жалованья, значительный «социальный пакет». «Все чиновники, мастеровые и служители» помещались в «казенном доме», им полагалась «дача провианта» и обмундирование. Помимо этого, по итогам года «чины, мастеровые и служители» типографии могли рассчитывать на разделение между ними двух третей прибыли, полученной учреждением за выполнение неказенных заказов [ПСЗ, отд. 1, с. 725].

Мастеровых и служителей предполагалось набирать преимущественно из «служительских детей Медицинского, или кантонистов военного ведомства», и только в дополнение к этому контингенту «с утверждением министром» можно было принять вольнонаемных. «В отставку на собственное пропитание» низшие служащие могли выйти «по выслуге 25 лет, считая с 18-ти летнего возраста». «За выслугу» отставникам полагалось денежное пособие [Там же, отд. 2, с. 327—328].

21 декабря 1853 года было утверждено новое временное положение и штат типографии МВД. Причем если по положению 1836 года труд управляющего оценивался в 2000 р., то теперь заведовать типографией инспектор Аптекарского острова должен был не только «заодно», но и «без жалования» [РГИА, ф. 1284, оп. 176, д. 19, л. 1, 6—7]. Остальным чиновникам и служащим жалование было сокращено.

Произшедший в 1872 году переход от характерной для Положения 1836 года «бесплатной» формы работы на министерство (когда служащие в типографии получали фиксированный заработок вне зависимости от того, сколько продукции было напечатано) к «твердой таксе» изменил и систему оплаты труда. Теперь единые штаты упразднились, а размеры содержания заведующего и фактора типографии определялись департаментом общих дел с утверждения министра. Численный же состав служащих и низших чинов (рабочих и прислуги) устанавливался и периодически кор-

ректировался (исходя из экономической целесообразности) вице-директором департамента по представлениям заведующего типографией [Временное положение ..., 1872, с. 3, 5].

К началу XX века в типографии одновременно действовало две формы оплаты труда — сдельная и повременная. Служащие, как высшие, так и низшие (прислуга), получали ежемесячное жалованье, размер которого зависел от характера трудовой деятельности и стажа работы. В среднем конторские служащие, корректоры, приемщики заказов и т. д. получали 600—1200 р. в год, низший же персонал — 360—460 р. [РГИА, ф. 1284, оп. 177, д. 91, л. 10, 41, 43]. Помимо этого, все они могли рассчитывать на предоставление казенного помещения для проживания (или замены его денежными выдачами), обязательные премии (к Пасхе, Рождеству и летом), материальную поддержку в случае тяжелой жизненной ситуации (на лечение, похороны и т. д.) и оказание бесплатной медицинской помощи специально состоящими в штате МВД врачами (за что из сумм типографии последним отпускалось 150 рублей в год) [РГИА, ф. 785, оп. 1, д. 90, л. 2; ф. 785, оп. 1, д. 364, л. 18 об.; ф. 1284, оп. 177, д. 91, л. 70].

Так, например, в здании самой типографии МВД (Фонтанка, 57) до 1892 года занимал 3—4 комнаты во 2-м этаже редактор «Сельского вестника» Ю. М. Богушевич, а в подвальном этаже предоставлялись помещения журналистам, курьерам и сторожам. В здании самого министерства у Чернышева моста в 1906 году были отведены квартиры следующим сотрудникам типографии: в 3 комнаты — фактору типографии Галактионову и метранпажу «Правительственного вестника» Лебедеву, в 2 комнаты — метранпажу книжного отделения типографии Стефановичу, переплетному мастеру Янову, прессовщику Лукину и сторожу при типографии Добрецову [РГИА, ф. 785, оп. 1, д. 364, л. 18 об.].

Положение рабочих несколько отличалось, и, несмотря на то, что наиболее квалифицированные из них могли получать очень значительную заработную плату, далеко не всем предоставлялся социальный пакет, равный даже дополнительному социальному обеспечению прислуги (низших служащих). Последнее определялось характером найма, окончательно закрепленным «Правилами о найме рабочих в типографию Министерства внутренних дел», принятыми в 1906 году. Данный документ устанавливал три варианта трудоустройства: «А. на задельное вознаграждение в тех случаях, когда род работы, безусловно, требует предпочтения этого порядка найма. Б. на срок неопределенный, за плату, исчисляемую из месячного оклада. В. на срок определенный за плату, исчисляемую по контракту из годового оклада» [Там же, д. 90, л. 2 об.].

Изначально установленный размер жалованья рабочих типографии МВД не зависел от вида найма [Там же, д. 364, л. 24, 25]. Он составлял

в среднем на апрель 1906 года в наборном отделении у фактора — 150 р. в месяц, метранпажа — 150 р., помощника — 100 р., тискальщика — 35 р. [Там же, л. 29] (при сдельной оплате наборщики получали по 25 р. с тысячи [Там же, л. 32]). В стереотипном отделении мастер получал 100 р. в месяц, помощник — 60 р., рабочий — 30 р. [Там же, л. 30]. В машинном, соответственно, мастер зарабатывал 125 р. в месяц, помощник — 75 р., рабочий — 30 р., монтер — 60 р.

Также все рабочие типографии пользовались правом обеспечения семьи в случае смерти или увечья, наступивших во время службы или работы в период забастовки. Но только контрактная форма найма гарантировала рабочему значительный социальный пакет, близкий тому, который предоставлялся служащим типографии. Данный вид трудоустройства предоставлял право на бесплатное лечение в случае болезни как самого рабочего (например, 17 января 1914 года приемщику при ротационной машине, на которой печаталась газета «Правительственный вестник», Роману Варфоломееву было выдано пособие на лечение болезни в размере 50 р. [РГИА, ф. 785, оп. 1, д. 196, л. 2.]), так и членов его семьи, а также на пособие в случае увечья или смерти (26 октября 1914 года вдове помощника метранпажа типографии МВД Я. П. Головешкина было выдано денежное пособие на покрытие расходов по лечению и погребению ее мужа в размере 100 р. из оборотных сумм «Правительственного вестника» [Там же, л. 4]). Кроме того, предоставлялись право на отпуск с сохранением половины жалования (продолжительность отпуска не должна была превышать одного месяца в два года), право на пенсию по истечении полных 20 лет службы по контракту в типографии Министерства внутренних дел, а также увеличение оплаты труда «через первые пять лет служения по контракту на 10 %, через вторые пять лет еще на 8 % и за каждое следующее пятилетие на 5 % с первоначального контрактного оклада» [РГИА, ф. 785, оп. 1, д. 90, л. 2 об.].

Заключить годовой контракт могли лишь рабочие, которые прослужили в типографии Министерства внутренних дел не менее трех лет, «выказав свою полную безукоризненность и нравственную надежность», либо это осуществлялось «в особо уважительных случаях с личного разрешения главного редактора» [Там же, л. 2]. Заключивший с типографией МВД контракт рабочий обязывался не участвовать в союзах, допускающих в своей программе забастовки. В случае участия в забастовке, повлекшей прекращение работы типографии, сотрудник терял свои права со всеми указанными выше льготами и преимуществами [Там же].

Предоставляя постоянным работникам перечисленные привилегии и «сравнительно достаточный заработок (жалованье)», руководство учреждения преследовало «главным образом цель сгруппировать в типографии

контингент вполне благонадежных и дорожащих своим положением рабочих, которые могли бы быть кадром, не поддающимся легко агитации по устройству забастовок и которые явились бы противовесом, могущим попасть в типографию неблагонадежным элементом из среды тех наборщиков переменного состава, которых по необходимости приходится менять часто в зависимости от количества работ и пр.» [РГИА, ф. 1284, оп. 177, д. 91, л. 24—24 об].

Таким образом, если прислуга (низшие служащие) типографии МВД, как и другие работники данной категории в государственных учреждениях, изначально имели право на получение социального пакета, то рабочим, даже имевшим в несколько раз большую зарплату, это право необходимо было заслужить. Данное обстоятельство отражало представление современников о разнице в статусе «своей прислуги», нуждавшейся в «хозяйском попечении», и «чужих» рабочих, которые могли стать своими только после длительной проверки, см. подробнее [Верemenko и др., 2020].

Как и многие другие структуры МВД [Верemenko, 2020], типография в начале XX века активно использовала женский труд. Характерно, что применялся он в самых разных областях. Больше всего женщин, до 40 % контингента, было в переплетной мастерской и экспедиции [РГИА, ф. 785, оп. 1, д. 366, л. 7; ф. 1284, оп. 177, д. 91, л. 42, 80; д. 102]. Существенную роль они играли и среди служащих, работая конторщицами и корректоршами. Одна из корректорш — О. Н. Гакен, переведенная в 1907 году в связи с сокращением кадров в конторщицы, периодически исполняла обязанности управляющего конторой, получая за работу, как и ранее, в качестве корректора, до 85 руб. в месяц [РГИА, ф. 1284, оп. 177, д. 91, л. 116, 111].

4. Выводы

Таким образом, типография МВД, созданная первоначально для обеспечения документооборота ведомства, к началу XX века превратилась в учреждение, преимущественно предназначенное для публикации правительственных изданий, соответственно, изменилась и ее подчиненность.

Кадровый состав типографии МВД также претерпел за период ее существования значительные изменения. В определенной степени «военизированное» учреждение с фиксированным штатом и формируемым преимущественно из «служительских детей и кантонистов» контингентом «служащих министерства» превратилось во многом в предприятие, выполняющее функции по формированию общественного мнения о государственной власти. И хотя большую часть работ типография должна была выполнять по твердым ценам, численный состав сотрудников учреждения к началу XX века постоянно менялся в зависимости от экономической необходимости и потреб-

ности искать дополнительные средства к увеличению доходов типографии путем получения заказов от посторонних ведомств и частных лиц.

Патерналистская система отношений между руководителями и подчиненными сохранялась только в отношении прислуги. А социальное обеспечение рабочих мыслилось, прежде всего, как средство от забастовок. Наконец, когда-то исключительно «мужское царство» пополнилось женщинами, некоторые из них даже осуществляли руководящие функции.

Итак, история типографии МВД демонстрирует направления пореформенной эволюции государственных структур в соответствии с экономическими и социальными «веяниями времени»: от задач документооборота к способам обеспечения власти необходимыми средствами для формирования позитивного общественного мнения; от закрепленного в законе штата к рыночным механизмам определения контингента и уровня зарплаты; от патернализма к личной ответственности.

Источники и принятые сокращения

1. Бельгард А. В. Воспоминания / А. В. Бельгард. — Москва : Новое литературное обозрение, 2009. — 688 с. — ISBN 978-5-86793-727-0.
2. *Временное положение о типографии Министерства внутренних дел* : [Утв. 6/VIII 1872 г. — Санкт-Петербург, 1872]. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1872. — 10 с.
3. ПСЗ — *Полное собрание законов Российской империи*. Собрание 2. Т. XI. Отд. 1 : 1836—1837.
4. ПСЗ — *Полное собрание законов Российской империи*. Собрание 2. Т. XI. Отд. 2 : 1836—1837.
5. РГИА — *Российский государственный исторический архив*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахтямова А. Регулирование социально-трудовых отношений в Казанской типографии братьев Каримовых в начале XX в. / А. Ахмятова // Гасырлар авазы — Эхо веков. — 2016. — № 3—4. — С. 269—276.
2. Баренбаум И. Е. Женская издательская артель / И. Е. Баренбаум, Н. А. Костылева. — Ленинград : Книжный Петербург-Ленинград, 1986. — 247 с.
3. Верemenko В. А. Женщины на службе в Министерстве внутренних дел России (вторая половина XIX — начало XX в.) / В. А. Верemenko // Былые годы. — 2020. — № 57 (3). — С. 1202—1217. — DOI: 10.13187/bg.2020.3.1202.
4. Верemenko В. А. Низшие служащие (прислуга) государственных учреждений Российской империи в конце XIX — начале XX в. / В. А. Верemenko, Е. Н. Крылова // Вопросы истории. — 2020. — № 9. — С. 210—218. — DOI:10.31166/VoprosyIstori202009Statyi02.
5. Габдельганеева Г. Г. Еврейские типографии в Казани в конце XIX — начале XX века / Г. Г. Габдельганеева // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусства. — 2012. — № 1. — С. 114—118.
6. Книга в России : 1861—1881 / под общ. ред. И. И. Фроловой. — Москва : Книга, 1988. — Т. 1. — 256 с.

7. Кононова Т. Л. Создание и распространение провинциальных типографий в России во второй половине XIX — начале XX в. (на примере Курской губернии) / Т. Л. Кононова // Ученые записки. Электронный журнал Курского государственного университета. — 2012. — № 2 (22). — С. 43—53.

8. Крылова Е. Н. «... купить правительственную газету в Петербурге — нет никакой возможности»: к вопросу об организации артели газетчиков «Русского государства» / Е. Н. Крылова // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы международной научной конференции. — Санкт-Петербург: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2021. — Т. 1. — С. 240—246.

9. Лихоманов А. В. Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905—1907 гг. / А. В. Лихоманов. — Санкт-Петербург: Издательство РНБ, 1997. — 134 с. — ISBN 5-7196-0982-2.

10. Любичанковский С. В. Место продукции казенных типографий Оренбургской губернии в региональном книжном ассортименте (XIX — начало XX в.) / С. В. Любичанковский, Д. В. Шаргалов // Известия Самарского научного центра РАН. — 2011. — № 3—2. — С. 381—385.

11. Патрушева Н. Г. Циркуляры цензурного ведомства о надзоре за типографиями и книжной торговлей во второй половине XIX — начале XX века / Н. Г. Патрушева // Вестник СПбГИК. — 2016. — № 3. — С. 10—14.

12. Травникова И. В. Факторы, влияющие на развитие типографского и издательского дела в провинциальных городах России в начале XX века / И. В. Травникова // Национальная Ассоциация Ученых. — 2015. — № 4—5. — С. 70—72.

13. Шаповалова Н. А. «Ученический вопрос» на полиграфических предприятиях Российской империи конца XIX — начала XX века / Н. А. Шаповалова // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. — 2014. — № 4. — С. 114—121.

MATERIAL RESOURCES

Bellegard, A. V. (2009). *Memoirs*. Moscow: New Literary Review. 688 p. ISBN 978-5-86793-727-0. (In Russ).

PSZ — *Complete collection of laws of the Russian Empire, 2 (XI) / 1: 1836—1837*. (In Russ).

PSZ — *Complete collection of laws of the Russian Empire, 2 (XI) / 2: 1836—1837*. (In Russ).

RGIA — *Russian State Historical Archive*. (In Russ *Temporary regulations on the printing house of the Ministry of Internal Affairs: [Approved 6 / VIII, 1872. — St. Petersburg, 1872].* (1872). St. Petersburg: [b.i.]. 10 p. (In Russ).

REFERENCES

Akhtyamova, A. (2016). Regulation of social and labor relations in the Kazan printing house of the Karimov brothers at the beginning of the XX century. *Gasyrlar avazy-Echo of centuries*, 3—4: 269—276. (In Russ).

Barenbaum, I. E., Kostyleva, N. A. (1986). *Women's publishing artel*. Leningrad: Knizhnyy Peterburg-Leningrad. 247 p. (In Russ).

Book in Russia. 1861—1881, 1. (1988). Moscow: Book. 256 p. (In Russ).

Gabdelganeeva, G. G. (2012). Jewish printing houses in Kazan at the end of the XIX — beginning of the XX century. *Bulletin of the Kazan State University of Culture and Art, 1*: 114—118. (In Russ).

- Kononova, T. L. (2012). Creation and distribution of provincial printing houses in Russia in the second half of the XIX — early XX century (on the example of the Kursk province). *Scientific Notes. Electronic Journal of the Kursk State University*, 2 (22): 43—53. (In Russ).
- Krylova, E. N. (2021). "... buy a government newspaper in St. Petersburg — there is no possibility": on the question of organizing the artel of newspapermen of the "Russian State". In: *"Challenge" in the daily life of the population of Russia: history and modernity: materials of the international scientific conference, 1*. Saint-Peterburg: LSU named after A. S. Pushkin. 240—246. (In Russ).
- Likhomanov, A. V. (1997). *The struggle of the autocracy for public opinion in 1905—1907*. St. Petersburg: RNB Publishing House. 134 p. ISBN 5-7196-0982-2. (In Russ).
- Lyubichankovsky, S. V., Shargalov, D. V. (2011). The place of production of state-owned printing houses of the Orenburg province in the regional book assortment (XIX — early XX century). *Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 3—2: 381—385. (In Russ).
- Patrusheva, N. G. (2016). Circulars of the censorship department on the supervision of printing houses and book trade in the second half of the XIX — early XX century. *Vestnik SPbGIK*, 3: 10—14. (In Russ).
- Shapovalova, N. A. (2014). "Student question" at the printing enterprises of the Russian Empire of the late XIX — early XX century. *News of higher educational institutions. Problems of printing and publishing*, 4: 114—121. (In Russ).
- Travnikova, I. V. (2015). Factors influencing the development of printing and publishing in the provincial cities of Russia at the beginning of the twentieth century. *National Association of Scientists*, 4—5: 70—72. (In Russ).
- Veremenko, V. A. (2020). Women in the service in the Ministry of Internal Affairs of Russia (the second half of the XIX — beginning of the XX century). *Past years*, 57 (3): 1202—1217. DOI: 10.13187/bg. 2020.3.1202. (In Russ).
- Veremenko, V. A., Krylova, E. N. (2020). Lower employees (servants) of state institutions of the Russian Empire at the end of the XIX — beginning of the XX century. *Voprosy Istorii*, 9: 210—218. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202009Statyi02. (In Russ).

Красильникова Е. И. История городов Западной Сибири в репрезентациях журнала «Сибирские огни»: политические и историко-краеведческие контексты 1920—1940-х годов / Е. И. Красильникова, И. А. Вальдман // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 428—448. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-428-448.

Krasilnikova, E. I., Valdman, I. A. (2021). History of Cities in Western Siberia in Representations of Journal “Siberian Lights”: Political and Historical Contexts of 1920s — 1940s. *Nauchnyi dialog*, 7: 428-448. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-428-448. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-428-448

История городов Западной Сибири в репрезентациях журнала «Сибирские огни»: политические и историко-краеведческие контексты 1920—1940-х годов

Красильникова Екатерина Ивановна ¹

orcid.org/0000-0003-0014-0655

доктор исторических наук
ведущий научный сотрудник
katrina97@yandex.ru

Вальдман Игорь Александрович ²

orcid.org/0000-0002-3225-6444

кандидат философских наук, доцент
кафедра политических наук и технологий
veritasnostra@mail.ru

¹Тобольская комплексная научная станция
Уральского отделения
Российской академии наук
(Тобольск, Россия)

²Сибирский институт управления —
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
Президенте РФ
(Новосибирск, Россия)

Благодарности:

Работа подготовлена при финансовой
поддержке РФФИ и Новосибирской
области, проект № 19-49-540003

History of Cities in Western Siberia in Representations of Journal “Siberian Lights”: Political and Historical Contexts of 1920s — 1940s

Ekaterina I. Krasilnikova ¹

orcid.org/0000-0003-0014-0655

Doctor of Historical Sciences
Leading Researcher
katrina97@yandex.ru

Igor A. Valdman ²

orcid.org/0000-0002-3225-6444

PhD in Philosophy, Associate Professor
Department of Political Science
and Technology
veritasnostra@mail.ru

¹Tobolsk complex scientific station
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Tobolsk, Russia)

²Siberian Institute of Management —
a Branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration
(Novosibirsk, Russia)

Acknowledgments:

This work was prepared with the financial
support of the Russian Foundation for Basic
Research and the Novosibirsk Region, project
№ 19-49-540003

© Красильникова Е. И., Вальдман И. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются изменения в репрезентации истории городов Западной Сибири в журнале «Сибирские огни» в период начала 20-х до середины 40-х годов XX века. Эти изменения интерпретируются посредством анализа общих контекстов развития исторического краеведения в Сибири и деятельности различных субъектов политики памяти как местного, так и государственного уровней. Актуальность исследования обусловлена повышением интереса со стороны общества и государства к проблемам формирования исторической памяти россиян о национальном и региональном прошлом как к одной из основ социальных идентичностей. Новизна исследования видится в том, что до сих пор сибирская журнальная периодика советского времени, в частности «Сибирские огни», слабо осмыслена в качестве одного из значимых средств формирования исторической памяти общества о прошлом Западной Сибири. Характеризуется состав авторов материалов по истории западносибирских городов. Определяются этапы развития репрезентации истории западносибирских городов в публикациях журнала, отразившие различные, идеологически обусловленные оценки исторического прошлого городов Западной Сибири. Доказывается, что в годы Великой Отечественной войны авторы произведений по истории западносибирских городов синтезировали опыт как сибирских краеведов, так и их антагонистов, преследуя задачи стимуляции патриотического подъема и необходимой социальной мобилизации.

Ключевые слова:

сибирское краеведение; политика памяти; историческая память; города Западной Сибири; «Сибирские огни».

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Changes in the representation of the history of cities in Western Siberia in the journal “Siberian Lights” in the period from the beginning of the 20s to the mid 40s of the XX century are considered. These changes are interpreted by analyzing the general contexts of the development of historical local lore in Siberia and the activities of various subjects of the memory policy at both local and state levels. The relevance of the study is due to the increased interest on the part of society and the state in the problems of forming the historical memory of Russians about the national and regional past as one of the foundations of social identities. The novelty of the research is seen in the fact that until now the Siberian magazine periodicals of the Soviet era, in particular, “Siberian Lights”, are poorly understood as one of the significant means of forming the historical memory of society about the past of Western Siberia. The composition of the authors of materials on the history of Western Siberian cities is described in the article. The stages of the development of the history representation of West Siberian cities in the publications of the journal are determined, reflecting various, ideologically determined assessments of the historical past of the cities of Western Siberia. It is proved that during the Great Patriotic War, authors of works on the history of Western Siberian cities synthesized both the experience of Siberian ethnographers and their antagonists, pursuing the task of stimulating patriotic upsurge and the necessary social mobilization.

Key words:

Siberian regional studies; memory politics; historical memory; cities of Western Siberia; Siberian Lights.

История городов Западной Сибири в репрезентациях журнала «Сибирские огни»: политические и историко-краеведческие контексты 1920—1940-х годов

© Красильникова Е. И., Вальдман И. А., 2021

1. Введение

Литературно-художественный и общественно-политический журнал «Сибирские огни» (далее — «СО»), непрерывно издающийся уже почти сто лет, является интересным и информативным источником изучения не только истории региональной журналистики, художественной литературы и краеведения, но и в целом культурной и общественной жизни Сибири на длительном хронологическом отрезке. Начиная с 1920-х годов это много-тиражное издание претендовало на одну из ведущих ролей в сфере политико-идеологического и культурного просвещения, которые в советское время рассматривались в неразрывной взаимосвязи. Журнал участвовал и в реализации государственной политики памяти. С самого начала «СО» работали над формированием исторической памяти своих читателей, прежде всего о прошлом нашего региона. Многочисленные публицистические и художественные произведения на исторические темы, предлагавшиеся журналом, отражали изменения, происходившие на фоне динамики в сфере политики памяти, в оценках «сибирской старины» и недавних событий в регионе. Еще в конце XIX века историю западносибирских городов начали изучать и популяризировать краеведы, многие из которых принимали участие в основании и развитии музеев в Барнауле, Омске, Тобольске и Тюмени, активно привлекавших к изучению истории местного края всех желающих. В начале XX века краеведением в Сибири, помимо музеев, занималось свыше трех сотен общественных организаций, среди которых имелось множество отделов и подотделов Императорского русского географического общества, местные отделения Сибирской парламентской группы в 3-й и 4-й Государственных думах, а также студенческие кружки Томского университета [Шиловский, 2004]. История региона изучалась до революции в разных парадигмах: консервативно — как история успешного освоения Сибири русскими под эгидой царской короны — и в контексте популярного у краеведов областнического концепта «вольно-народной колонизации». А в 1920—1940-е годы журнал «СО» наглядно демонстрировал активное переосмысление истории западносибирских городов — центров общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни региона.

«СО» пропагандировали успехи социалистического строительства в Сибири по сравнению с дореволюционным периодом. А западносибирские города в прошлом и настоящем служили хорошими примерами для раскрытия подобной тематики. По нашему мнению, в изучаемый период журнал внес свою заметную лепту в формирование ряда образов сибирских городов в их историческом прошлом, ставших со временем шаблонными, до сих пор широко узнаваемыми и используемыми с разными целями в рамках различных дискурсов. Это обстоятельство подтверждает актуальность обращения к данной тематике в свете решения научных задач деконструкции исторических мифов, основанных на советских идеологических штампах, и формирования критического взгляда на прошлое региона.

Цель статьи состоит в том, чтобы проследить в динамике влияние политики памяти на создание посредством журнала «СО» образов западносибирских городов в их историческом прошлом, становившихся в 1920—1940-е годы важными источниками формирования исторической памяти читателей этого издания. В задачи исследования входит выяснение важнейших краеведческих и политических контекстов формирования соответствующих образов, а также определение этапов, отразивших разные идеологически обусловленные оценки исторического прошлого городов Западной Сибири.

Варианты репрезентации истории городов Западной Сибири в советских журнальных изданиях до сих пор специально практически не исследовались. Гораздо лучше изучены особенности включения различных фигур памяти, связанных с местной историей, в «локальные культурные пространства» [Алисов и др., 2019, с. 29—31; 38—41], в «культурные ландшафты» [Рыженко, 2019б] городов Западной Сибири, а также в музейное пространство [Рыженко, 2019а]. Эти исследования дают основания судить об общих культурных и идеологических контекстах публичной коммеморативной деятельности в Сибири на разных исторических этапах. Углубляют понимание этих контекстов также и существующие исследования динамики образов Сибири в отечественной журнальной периодике, посвященные, однако, преимущественно дореволюционному периоду [Родигина и др., 2011; Родигина, 2013]. Осмыслению условий и обстоятельств создания литературных произведений способствуют также исследования по истории литературной жизни Сибири и биографий авторов журнала [Очерки ..., 1982; Яновский, 1997].

Базовым методологическим ориентиром исследования является проблемное поле «Memory Studies», в рамках которого, в частности, разрабатываются теоретические и исторические аспекты политики памяти [Миллер, 2009; Memory ..., 2015; Radstone, 2008; Segesten, 2017; Verovšek, 2016]. Нами

политика памяти определяется как борьба основных политических акторов за осуществление политической власти над тем или иным социумом посредством поддержания в нем идеологического доминирования, которое основывается на легитимации существующего порядка путем использования репрезентаций исторического развития, призванных показать обществу преимущества существующего порядка [Красильникова и др., 2020]. В качестве специальных методов исторического анализа нами применялись историко-сравнительный и историко-генетический методы, а также использовались приемы нарративного анализа [Ярская-Смирнова, 1997].

Важнейшими источниками исследования послужили пятнадцать наиболее значимых публицистических и художественных произведений авторов «СО», напечатанных в 1920—1940-х годах. Их основной темой стала история городов Западной Сибири. Подробнее сведения о характере изучаемых произведений и их авторах см. далее (табл. 1).

Таблица 1

История городов Западной Сибири в произведениях авторов
«Сибирских огней» 1920—1940-х годов

ФИО автора, псевдоним	Род занятий, биографическая связь с западносибирскими городами	Виды публикаций	Годы публикаций	Количество публикаций
Болдырев Василий Георгиевич (Болдырев В.)	Государственный, военный деятель. В 1924—1928 годы работал в Сибирской краевой плановой комиссии в Новосибирске, а позже — в редакции «Сибирской советской энциклопедии».	очерк	1926	1
Вегман Вениамин Давидович (Вегман В.)	Известный революционер и общественно-политический деятель Сибири, архивист, историк, краевед, журналист, редактор, просветитель. Жил и работал в Томске и Новосибирске.	очерки	1925 1926 1934	1
Громов В. П.	Прозаик, журналист.	очерк	1939	1
Доронин Георгий Антонович (Доронин Г.)	Поэт, журналист, селькор. Жил и работал в Новосибирске, Сталинске. Фронтовик. Воевал в Сибирской добровольческой Сталинской стрелковой дивизии № 150.	стихи	1939	1

Окончание табл. 1

ФИО автора, псевдоним	Род занятий, биографическая связь с западносибирскими городами	Виды публикаций	Годы публикаций	Количество публикаций
Кожевников Савва Елизарович (Кожевников С.)	Писатель, очеркист, литературовед, литературный редактор. Уроженец Алтайского края. Жил и работал в Новосибирске. С 1940 по 1941 годы, а также с 1946 по 1953 годы — главный редактор журнала «СО».	очерк, литературная критика	1937 1939	2
Кондырев Лев Николаевич (Кондырев Лев)	Поэт, автор песен. Жил и работал в Новосибирске.	стихи	1945	1
Молчанов-Сибирский (Молчанов) Иван Иванович (Молчанов И.)	Поэт. Член первой писательской организации в Сибири — ИЛХО. Жил и работал в Иркутске.	стихи	1924	1
Мягков Иван Михайлович (Мягков И.)	Историк, археолог, музейный работник. Жил, учился и работал в Томске.	очерк	1926	1
Никитин Михаил Александрович (Никитин М.)	Писатель, очеркист. Окончил омский сельскохозяйственный институт. Особое место в его творчестве принадлежит промышленному развитию Кузбасса.	очерки	1927 1929	2
Попов Михаил Александрович (Попов М.)	Революционер-большевик. Сопратник С. М. Кирова. Деятель большевистского подполья в Томске. В советское время занимался профсоюзной деятельностью.	очерк	1935	1
Сайхин П.	Участник революционных событий в Сибири.	очерк	1936	1
Шемелев Владимир Иванович (Шемелев В. И.)	Архивист, историк. Участник революционных событий в Сибири.	очерк	1926	1
Югов Алексей Кузьмич (Югов Ал.)	Писатель, литературовед, переводчик, журналист, врач. Уроженец Оренбургской губернии. Учился в Новониколаевске и Томске. В 1927—1930 годах работал врачом в Колывани.	очерк	1927	1

Составлено по: [Вениамин Вегман ..., 2010, с. 3—21; Историческая энциклопедия, т. 1, с. 233; Краткая литературная энциклопедия, 1962—1978; Малолетко и др., 1993; Новосибирск ..., 2003, с. 278, 418; Общественно-политическая ..., 2019, с. 381; Сибирские огни, 1967, с. 118, 173; Синяев, 1965].

Произведения авторов «Сибирских огней» 1920-х годов, посвященные истории западносибирских городов, необходимо рассматривать, по крайней мере, с учетом двух контекстов: традиций сибирского краеведения и государственной идеологии. Соответственно, комплекс публикаций этого десятилетия отражает столкновение двух нарративов: сформировавшегося в рамках сибирской историко-краеведческой традиции и порожденного государственной политикой памяти. Остановимся на этих контекстах подробнее.

2. Контексты традиций сибирского краеведения

Многие сибирские краеведы 1920-х годов, среди которых были музейщики, историки, писатели и журналисты, в том числе авторы интересующих нас произведений И. М. Мягков и А. К. Югов, мировоззренчески сформировались до революции в культурной атмосфере, создававшейся либерально настроенной интеллигенцией, которая боролась за рост политического равноправия сибиряков с жителями центральной России и активно занималась просветительской деятельностью в регионе. Ее представители стремились влиять на историческую память населения Сибири посредством различных коммемораций, которые представляли в публичном культурном пространстве (музеи, праздничные торжества, периодическая печать и др.), репрезентируя прошлое нашего региона как самоценное, во многом героическое и славное. Одновременно демонстрировалась «драматичная, темная, колониальная» сторона сибирской истории, которую сибирские патриоты надеялись со временем преодолеть через изменение пренебрежительного отношения государства и общества к Сибири. Ее историческая специфика раскрывалась в образах коренных народов — носителей уникальных культур, первопроходцев и казаков — героических покорителей региона, а также каторжан и ссыльных, среди которых изображались как отъявленные преступники, так и благородные борцы с социально-политическими проблемами региона, его культурной и экономической отсталостью [Красильникова и др., 2020, с. 50]. Взгляды краеведов, активно работавших в 1920-е годы, испытали влияние нескольких поколений сибирских просветителей, среди которых, согласно историографической традиции, обычно выделяют политических ссыльных, от декабристов и польских повстанцев до народников, а также сибирских областников. В трудах краеведов начала XX века и 1920-х годов все они становились героями сибирской истории.

Тема истории сибирских городов стала популярной у краеведов еще на рубеже XIX и XX веков. Города (изначально — остроги, а в дальнейшем — центры развивавшейся экономики края и распространения русской культуры) представлялись одним из наиболее очевидных результатов стремитель-

ного освоения Сибири русскими. Именно поэтому история их основания и развития долго не теряла актуальности. До революции наиболее активное развитие краеведение получило в университетском Томске. Любованием «томской стариной» и сентиментально-ностальгическим отношением к прошлому этого города были проникнуты как дореволюционные произведения местных краеведов, многие из которых разделяли идеи сибирских областников (прежде всего, работы А. В. Адрианова), так и сочинения 1920-х годов, принадлежавшие перу музейщиков, сообщество которых после революции возглавлял также областник М. Б. Шатилов. Этому же кругу принадлежал и И. М. Мягков. Соответствующими были и музейные репрезентации истории Томска. Через археологию и этнографию, церковные реликвии, картографические, архитектурные образы, человеческие истории и местные легенды эти репрезентации раскрывали прежде всего историческую уникальность томской земли [Красильникова, 2015, с. 419—427]. Музейщики боролись за признание ценности многих старинных архитектурных сооружений Томска, их сохранение и придание им статуса памятников. В памятникоохранительной деятельности музейных работников Томска проявлялись еще дореволюционные установки краеведов на сохранение следов «ускользающего» прошлого и бережного к ним отношения. В середине 1920-х годов за музейными работниками Томска следовали их коллеги из Новосибирска и Омска, ориентировавшиеся также на краеведческие тренды в городоведении — разработки лидеров этого направления, ленинградцев И. М. Гревса и Н. П. Анциферова, искавших пути к постижению «души города».

Этим историко-краеведческим контекстам отвечают статьи И. Мягкова «Предание о княже Томи и Ушае» [Мягков, 1926] и Ал. Югова «Колывань» [Югов, 1927], написанные для «СО». Оба автора подчеркивали недооценённое массами очарование сибирской старины. Рассказывая о Колывани — бывшем городе, утратившем свой статус из-за смещения торговых путей, Югов выражал позицию местного жителя, призывавшего увидеть прекрасное в сохранившейся здесь архаике и ощутить буквально физическое наслаждение от «опьянения звуком колокольчиков, запахов цветов и сена» [Там же, с. 180]. Он писал: «Да, я знаю, что хозяйственное развитие страны идет от сибирского ходока и телеги к американскому автомобилю, знаю, знаю, что это хорошо, но долго еще близка будет для поэтов романтика дикой ямщицкой езды, идущая из далекого прошлого ...» [Там же]. Югов выражал свое ощущение присутствия в Колывани духа прошлого: «Черный деревянный город, он как будто с часу на час ждет нашествия татарской орды» [Там же, с. 181], — подчеркивая, что это ощущение присуще многим колыванцам. Автор статьи сообщал, что старожилы ходят по городу, показывают купеческие места — «жернаковские» и «пастухов-

ские» (от фамилий местных богатых купцов), что до сих пор помнят обиду на строителей моста через Обь и колыванскую администрацию, которая «не дала взятку» инженерам за то, чтобы мост был сооружен в Колывани, а не там, где позже вырос Новосибирск. Подметил Югов и то, что колыванцы относятся к Новосибирску так же, как «когда-то в эпоху местничества вотчинный родовой боярин к “пересевшему” его худородному боярину», и не устают повторять, что в Новониколаевск из Колывани перетасили лучшие дома: «Николаевск-то, ведь, весь из Колывани построен» [Там же, с. 181—182]. Фактически эта статья зафиксировала бытование локальной компоненты коллективной памяти жителей Колывани, существовавшей в отрыве от официальных советских нарративов. Югов и сам хвалил старую деревянную Колывань, сравнивая ее даже с древними русскими городами: «хорошо, с запасом построена», улицы «широкие, прямые, без всяких тупиков и закоулков» [Там же, с. 181]. В заключительной части статья дополнялась формальной вставкой с рассуждениями о светлом будущем города, которому советская власть дала новый импульс к развитию.

Желание погружаться в атмосферу загадочного прошлого сибирских городов до того этапа, как началась активная колонизация региона русскими, воплотилось в статье томского музейщика И. М. Мягкова [Мягков, 1926], призвавшего собирать и исследовать устные источники (под этим понимался фольклор) по истории местных коренных народов, давших Сибири большинство топонимов. Автор пересказал записанные им еще во время гражданской войны старинные татарские предания и сопоставил приводимые в них сведения с трудами дореволюционных томских антропологов, фольклористов и этнографов, что позволило сделать вывод: «Все-таки изучение предания указывает на время заселения еуштинцами окрестностей г. Томска...; указывает предание и на причину возникновения их, на борьбу между собой двух мелких князей и дает, несомненно, материал для изучения инородческой истории» [Там же, с. 164], ценность которой Мягков призывал не игнорировать и признавать равноценной истории покорения Сибири русскими.

3. Контексты политики памяти

Однако важно понимать, что в условиях реализации советской исторической политики, обретавшей к концу 1920-х годов однозначность, традиции сибирского краеведения, отраженные в этих публикациях, были обречены на критику, а в дальнейшем и на пресечение. Уже с середины 1920-х годов советская пропаганда навязывала сибирякам иные оценки прошлого их родных городов. В противовес советскому настоящему оно всячески дискредитировалось и очернялось. Это хорошо видно на примерах поэзии. В 1924 году «СО» опубликовали стихотворение И. Молчанова «Таежный город» [Молча-

нов, 1924], в котором уже читается основа соответствующего советского нарратива. В прошлом город предстает «угрюмым», «сонным» и «тихим», но эта тишина обманчива: «Тут сгибали на каменных плитах арестантов в бараний рог», заставляя их «в цепях на коленях» «щебень бить». Однако страшные истории о бродягах с котомками ушли, по словам поэта, в прошлое, став в новом веке былью, которую можно услышать лишь от самых древних старух.

Будучи изначально трибуной выражения разных мнений относительно исторического прошлого региона, «СО» постепенно преобразались в однозначно пропагандистское советское издание. И процесс этого преобразования отразила, в частности, статья М. Никитина «Переподготовка города», также посвященная прошлому Колывани [Никитин, 1927]. Ее автор выступил оппонентом А. К. Югова. Статьи этих двух авторов публиковались в одном номере «СО». Для выражения своей позиции Никитин избрал злой, саркастический тон. Он подтвердил гордость колыванцев стариной их «бывшего города», но при этом сразу поставил риторический вопрос: «Кто сказал, что старина почетна»? [Там же, с. 185] В его версии колыванская старина ассоциировалась лишь с глупостью и отсталостью местных обывателей, бесконечной наживой торгашей, произволом городской думы и пристава. Автор заявлял: «В Колывани все бывшее, даже люди» [Там же, с. 186]. Далее следовала череда гротескных образов: кустари, ямщики, чиновники, купцы и мелкие торговцы, преобразившиеся в советское время в спекулянтов, не готовых принять перемены новой советской жизни.

В противоположность таким бесперспективным городам «СО» во второй половине 1920-х годов конструировали образ самого прогрессивного города Сибири, «годившегося в правнуки Колывани», но имевшего гораздо больший потенциал для развития. Речь шла о Новосибирске — административном центре созданного в 1925 году Сибирского края. В очерке, посвященном переименованию города Новониколаевска в Новосибирск, подготовленном для журнала передовым журналистом и активным общественно-политическим деятелем В. Д. Вегманом, выражалось отношение местных партийных и управленческих кадров не только к истории города, но и к истории Сибири в целом [Вегман, 1926]. Вегман рассказал, что выбору имени для города, «неудачно» названного до революции в честь царя Николая II, предшествовало обсуждение этого вопроса на страницах газеты «Советская Сибирь». Мнения участников дискуссии разделились. Среди них были те, кто полагал, что название должно быть модным, абстрактно-советским (Краснооктябрьск), другие считали, что оно должно связываться с политическим событием специфически сибирского содержания (Сибревком — сокращение от Сибирского революционного комитета) либо выражать идею освобождения туземцев Сибири из-под коло-

ниального гнета царизма (Ново-Искер, Курултай). Другие же разделяли возобладавшее мнение председателя Новониколаевского губисполкома А. Ремейко, который объяснял выбор нелогичного с точки зрения топонимических традиций названия «Новосибирск» следующим образом: «В Сибири действительно нет ни Старосибирска, ни Сибирска, но зато на территории нашего союза пока что имеется старая Сибирь вообще, то есть Сибирь, доставшаяся нам в наследство от царизма и капитализма. Эта старая Сибирь на наших глазах перестраивается в новую. Центр, откуда исходит строительство новой Сибири, имеет все основания присвоить имя Новосибирск» [Там же, с. 234]. Таким образом, В. Д. Вегман объяснил, что в новом названии города отразилось обобщенное и максималистское отрицание всего дореволюционного прошлого огромного региона.

Однако обретение Новосибирском статуса административного центра края требовало символического повышения статуса этого еще очень молодого города. Участие «СО» в решении этой проблемы проявилось в выборе традиционной стратегии — показать наличие у города продолжительной истории, достойной столицы. Именно этим обстоятельством можно объяснить публикацию очерка В. Болдырева [Болдырев, 1926], в котором отмечалась, прежде всего, «изумительность» темпов роста города. Болдырев развивал мысль о том, что Новосибирск, возникший изначально как крупный транспортный и торгово-распределительный центр, олицетворял «конец былой Сибири, примитивного хозяйства, Сибири Московского тракта, гужа, верблюда» [Болдырев, 1926, с. 167]. При этом уничижались соседние сибирские города, словно отжившие свой век: «Возникновение Новониколаевска явилось смертельным ударом для Колывани и Томска, игравших до того времени значительную роль крупных торговых центров средней Сибири»; «Колывань захирела и постепенно сошла на нет» [Там же]. Показательно, что после этой публикации в «СО» долгие годы не появлялся ни одной публикации, которая продолжала бы традиции сибирского краеведения, восходившего к дореволюционным исследованиям истории сибирских городов.

При этом прошлое других городов региона, переживавших интенсивное развитие, обесценивалось, изображалось как незамысловатое, «не очень сложное», а их исторически сложившаяся городская среда — как не-суразная. Раскритиковав Колывань, М. Никитин переключил свое внимание на город Кемерово, выросший из деревни Щегловка. Никитин так описал его историческую застройку: «Каменный клин городских кварталов врезался в деревенское чрево Щегловки» [Никитин, 1929, с. 149]. Обратил он внимание и на городской сад почти без деревьев, и на нелепое соседство прадедовских теремов с «особняками строго конструктивистского стиля». Однако Никитин высказал уверенность в том, что с индустриальным рас-

цветом Сибири зацветет и «условный» сад Кемерова, а исторические не-суразности исчезнут [Там же].

С середины 1920-х годов «СО» отражали развитие историко-революционного нарратива, зачинателями которого были не профессиональные историки, а революционеры-очевидцы политических событий самой недавней истории. В это время русская революция и гражданская война воспринимались обществом уже преимущественно как история, поскольку считалось, что после гражданской войны началась новая эпоха. Так, революционеры и деятели периода гражданской войны становились для общества историческими личностями, чьи документальные рассказы воспринимались как подлинная история, которую необходимо фиксировать по горячим следам. Во многом благодаря стараниям основателя Сибистпарта (комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б) в Сибири) В. Д. Вегмана «СО» занялись «летописанием» революционного движения в Сибири. Первым поводом для рефлексии на эту тему стал 1925 год — 20-я годовщина первой русской революции. В этой связи «СО» предложили читателям публикации, основанные на воспоминаниях революционеров о соответствующих событиях в западносибирских городах [Вегман, 1925; Шемелев, 1926].

В подобных очерках этого времени заострялась тема отсталости западносибирских городов в канун революции. Однако эти произведения отражали авторское восприятие атмосферы конкретного города в 1905 году, показывали его собственное место в революционных событиях. В. Д. Вегман изобразил Новониколаевск «разбросанным поселком», «городом только по названию», где, однако, отмечались «первые признаки городской деловой жизни» [Вегман, 1925, с. 173]. В контексте истории революционного движения «деловитость» Новониколаевска преподносилась В. Д. Вегманом в дурном свете, как атмосфера, создававшаяся представителями враждебных классов. «Торгашам» и «косно» мыслящим крестьянско-обывательским элементам автор очерка противопоставил «пионеров рабочего движения в Новониколаевске» — рабочих-железнодорожников, строителей, тружеников мукомольных предприятий [Там же, с. 174]. Пространство города в очерке Вегмана было сегментировано в соответствии с ментальной картой памяти автора. Вокзальный район был представлен как революционный, а прочие — как районы «дельцов, темных личностей, пройдох» и безразличных к революции мещан. Автором отмечались особые памятные места, связанные с революционными событиями: Михайловская улица, по которой прошла первая в истории города первомайская демонстрация, угол Кузнецкой и Кабинетской, где состоялся разгон демонстрации казаками, и лес за рекой, которая называлась 2-я Ельцовка, — место тайных сходок революционеров. Вегман скромно оценил роль Новониколаевска

в революции, не преувеличивая его значения, но подчеркнул общее прогрессивное влияние революции на город, резко выросший в два последующих десятилетия.

Исторический портрет революционного Барнаула был представлен в очерке В. И. Шемелева: «глухой, уездный городок», живущий вдали от рельсовой колеи, слабо развитый в промышленном отношении, населенный служилым людом и кабинетскими чиновниками [Шемелев, 1926, с. 180]. Шемелев показал барнаульскую специфику развития революционного движения, описав вклад в революцию местных рабочих-пимокатов, учащихся, ориентированных на Томск — интеллектуальный центр региона, на интеллигенцию — старых народников, отбывавших ссылку в Сибири. Описал он и наиболее значимые местные события: демонстрации и черносотенный погром. Созданный им образ города, хотя и опирался на шаблон идеологического происхождения, все-таки выражал авторское ощущение старого Барнаула с его особой средой и атмосферой.

Иначе выглядели города Западной Сибири в произведениях авторов «СО» 1930-х годов. Образы городов, представленные в очерках, лишь намечались пунктирными линиями. М. С. Попов, П. Сайхин, Г. Шкилев — авторы этого десятилетия — описывали революционные события, происходившие в Новониколаевске и Томске, преподнося эти города посредством насыщенных описаний как эпицентры революционных событий [Попов, 1935; Сайхин, 1936; Шкилев, 1936]. При этом сами города лишались индивидуальных черт. Их можно было узнать лишь по указаниям на районы, улицы, адреса. Из краеведческих очерков ушла ностальгия и подлинная эмоциональность. Указанные авторы выражались языком революционеров-конспираторов, для которых настало время открыто называть прежде скрывавшиеся ими имена, явки, пароли. Это делало очерки, основанные на воспоминаниях, похожими на дачу показаний. Такая стилистика складывалась под воздействием истпартовского подхода к записи воспоминаний очевидцев революционных событий, при котором мемуарист должен был делать акцент не на личных переживаниях, а на точной фиксации произошедшего, «писать кратко, без лишних комментариев и правдиво», говорить по существу, опускать детали, эмоции, рассуждения [Красильникова, 2015, с. 71]. Однако этот идеал имел все-таки мало общего с практикой. Мемуарная «правда» должна была соответствовать идеологическим стандартам. Так, опыт предыдущих исследований [Красильникова, 2015] позволяет нам сделать вывод о том, что на примере очерков, посвященных пребыванию в Томске молодого С. М. Кирова, заметен тенденциозный отбор имевшихся в неопубликованных мемуарах версий политических событий в пользу повышения значимости роли Кирова в революционном процессе.

В ряду публикаций «СО» 1930-х годов, посвященных истории западно-сибирских городов, обращает на себя внимание и стихотворение Г. Дорони-на о Новосибирске [Доронин, 1939]. Оно отражает развитие соцреалистиче-ского нарратива, служившего в этот период схемой описания прошлого со-ветского города. Сориентировав читателя во времени и пространстве, автор переходил к последовательному изложению основных событий в истории города. Главными событиями ему представлялись победы в боях за город во время гражданской войны («Не за тебя ль в боях упорных мы бились в де-вятнадцатом году?»); восстановление города после разрухи усилиями побе-дившей стороны («Потом по улицам лохматым, по пустырям встревоженной земли прошли с рулеткой и лопатой там, где вчера с винтовкой шли»); его социалистическая реконструкция и модернизация («Мы этажи зимой холод-ной вздымали к небу с песней трудовой»); становление города в качестве промышленного центра и рост его военно-стратегического значения в обо-ронном ключе («И вот, над Обью многоводной наш город встал как зоркий часовой»). Оценка значимости и смысла событий сопрягалась с прославлени-ем гения Сталина, якобы благодаря которому расцветают советские горо-да, а возвращение к настоящему времени сводилось к констатации полного благополучия советского Новосибирска — «нашего города — сына прекрас-ного великой, расцветающей земли» [Там же].

В период Великой Отечественной Войны резко заострились задачи со-циальной мобилизации, решавшиеся, в частности, посредством пропаган-ды патриотизма. В этих условиях пропаганда активно обращалась к геро-ическим примерам прошлого, на которых воспитывались бойцы и труже-ники тыла. Круг этих примеров расширялся за счет героизации не только общенационального, но и локального прошлого. В 1943 году Новосиби-рску исполнилось 50 лет. По случаю этого юбилея в «СО» был опубликован очерк С. Кожевникова «Город на Оби» [Кожевников, 1944], представляв-ший собой расширенный вариант аналогичной публикации в массовой ре-гиональной газете «Советская Сибирь» [Кожевников, 1943]. Экстремаль-ность военной ситуации подтолкнула литератора к преодолению наррати-ва предыдущего десятилетия, потенциал которого был недостаточен для создания эмоционального текста, нацеленного на стимуляцию сильных патриотических чувств читателей. Для описания истории Новосибирска им оказался востребован и краеведческий опыт более раннего времени. Говоря о предыстории города, Кожевников вернулся к героизации рус-ских землепроходцев XVII века, а заодно с ними и всего русского народа, что было вообще присуще пропаганде военных лет: «Через вековую мглу смотрят на нас и строители первых сибирских городов, и защитники их от монгольских и джунгарских ханов, и первые дипломаты. Во всех их

делах мы видим величавые черты характера русского народа, дух вольностей, живой ум и широкий размах богатырской натуры» [Кожевников, 1944, с. 96]. Так же, как и авторы 1920—1930-х годов, Кожевников обобщал и очернял имперское прошлое Сибири: «Вслед за народом пришли в Сибирь царские воеводы и чиновники. Вольный путь землепроходцев они превратили в кандалный тракт» [Там же, с. 97]. Однако появление Новониколаевска — города, рожденного железной дорогой, — отразило, по версии С. Е. Кожевникова, начало нового этапа в истории Сибири. Показательно, что, характеризуя раннюю историю города, автор вернулся к уже известным нам старым краеведческим приемам: он практически отказался от мрачных красок в описании дореволюционного облика Новониколаевска («Новенький, словно сошедший с картинки поселок» [Там же, с. 98]), избрал лирично-сентиментальный тон для этого описания, максимально насытил его именами жителей поселка и характеристиками первопоселенцев, указаниями на постепенно открывавшиеся промышленные, торговые предприятия и учреждения культуры, мягко обошел вниманием тему гражданской войны в истории города, а также попытался показать историческую преемственность: «Потомки отважных русских землепроходцев поднимали новый русский город на берегах Оби ... Новый сибирский город был пришельцем из глубокой русской древности». Однако добавлялось: «Но в характере этого города не было ничего патриархального» [Там же, с. 99—100]. Одновременно С. Е. Кожевников не отказывался от использования нарративных приемов 1930-х годов: он показал современность Новосибирска, внешне уже не похожего на Новониколаевск («город-торговец, мясник и грузчик»), сделав акцент на многочисленных стройках периода индустриализации, определивших новый облик Новосибирска, переросшего свое прошлое («Через несколько лет деревянная чешуя будет снята с городских улиц» [Там же, с. 108]). Новосибирск современный в этом описании представлял передовым борцом за родину.

Наконец, стоит обратить внимание и на стихотворение Л. Кондырева о Томске, опубликованное в 1945 году [Кондырев, 1945]. Для описания дореволюционного прошлого города автор снова использовал нарративную схему 1930-х годов, однако дополнил мрачную картину («у Томского острога звон цепей, сермяжный труп на дорогах») флером таинственности («сумрак лекторий мозаичных»), ностальгии («цокот копыт по мостовой»), богатства и величия («город соболиный», «былинная красота») [Там же]. Во второй половине 1930-х годов на уровне публичной истории тема революционного движения в Томске оказалась практически полностью подчинена идеологической необходимости конструирования героического культа С. М. Кирова. Эта тенденция продолжилась и в 1940-х годах, что

отразило стихотворение Л. Кондырева. Весь революционный этап томской истории характеризовался им двумя предложениями: «Время прочь! Идет товарищ Киров по широким Томским площадям» [Там же]. Преемственность между прошлым героизмом русских революционеров и настоящим героизмом фронтовиков выражалась снова через образ С. М. Кирова. В версии стихотворения легендарное знамя, спасенное Кировым во время революционных событий, «к Берлину донесут потомки-томичи» [Там же].

4. Заключение

В 1920—1940-х годах популярный многотиражный журнал «СО» регулярно обращался к теме региональной истории, значимым аспектом которой была история городов Западной Сибири. О ней повествовали как публицистические, так и художественные произведения, в том числе поэтические. Хотя журнал имел установку на создание принципиально новых исторических нарративов и стремился к изменению смыслов старых исторических мифов, на авторские оценки исторического прошлого городов Западной Сибири изначально все-таки больше влияли традиции краеведения, сложившиеся в регионе еще до революции. В сущности сибирское краеведение первой четверти XX века, развивавшееся во многом под воздействием областничества, не было абсолютно аполитичным. Краеведы утверждали ценность всего уникального сибирского, что отвечало тенденциям роста регионального самосознания на том историческом этапе. Однако к концу 1920-х годов в Сибири, как и в стране в целом, начался процесс «разгрома» краеведения со стороны государства, стремившегося на уровне политики памяти к унификации региональных историй и сведению истории страны к единому нарративу. Именно поэтому контексты государственной политики памяти все отчетливее проявлялись в публикациях следующего десятилетия, а контексты краеведения исчезали.

Первый этап формирования журналом «СО» образов истории городов Западной Сибири мы ограничиваем серединой 1920-х годов. В это время журнал выступал еще в качестве своеобразной дискуссионной площадки: публиковались как ностальгические произведения, проникнутые духом «любования сибирской стариной», так и содержащие актуально-идеологические критические замечания в адрес такого подхода. Фактически краеведы еще имели возможность писать по-старому. Продолжившееся с дореволюционного периода краеведческое подчеркивание сибирской специфики истории лишь формально дстраивалось как прошлое городов региона, в новых советских условиях якобы переставшего быть периферией, каким он был в старой России. В середине 1920-х годов сибирским краеведам ничего еще не мешало воспевать особый колорит прошлого сибирских горо-

дов и просто любоваться «милой стариной» как эстетической ценностью, которую не отвергала страна советов. Авторам следовало лишь добавить мысль о перспективах дальнейшего развития сибирских городов в условиях новой политической системы. На протяжении всех двадцатых годов редакция журнала воздерживалась от выражения собственной позиции по вопросам изображения прошлого западносибирских городов, что оставляет поле для предположения о том, что для самих издателей было основной продвигаемой идеей, а что — оттеняющим ее контекстом противопоставления. Наши предыдущие исследования, посвященные другим аспектам истории мемориальной культуры Сибири (музеи, памятники, торжества), позволили обнаружить тенденции признания (в той или иной мере) на уровне политики памяти ценности местного прошлого, проявлявшиеся вплоть до конца 1920-х годов [Красильникова и др., 2020]. Настоящее же исследование дало возможность проследить постепенное нарастание тенденций негативизации дореволюционного прошлого региона практически с начала деятельности журнала, а именно с середины 1920-х годов. Это свидетельствует о том, что по сравнению со многими другими каналами трансляции политики памяти журнал «СО» быстрее реагировал на актуальные изменения в сфере государственной идеологии, однозначно подчиняясь этим изменениям.

На втором этапе, с конца 1920-х до начала 1940-х годов, редакционная политика «СО» отображает изменившуюся политику памяти в стране и, хоть и по-прежнему не артикулирует собственных руководящих предпочтений, сводит на нет всякую дискуссионность публикаций и сохраняет лишь один общий вектор репрезентации прошлого западносибирских городов в русле его встраивания в единственно ценную общесоюзную, революционно-героическую и социалистически победительную идеологию. Местной истории на этом этапе отводилась роль лишь все более обобщенных воспоминаний о мрачном, но ныне преодоленном прошлом. Образы истории западносибирских городов становились однотипными. Достопримечательность города виделась во взаимосвязи его истории с событиями масштабов страны, а не с локальными событиями и реалиями.

На третьем же этапе, в годы Великой Отечественной войны, авторы «СО» частично реабилитировали дореволюционное прошлое западносибирских городов через подчеркивание роли «великого русского народа» в истории освоения региона. Этот новый нарратив, явившийся продуктом синтеза краеведческого описания истории городов Западной Сибири в первой четверти XX века и опыта авторов 1930-х годов, подчеркивающих успехи социалистического строительства в Сибири, отражал, с одной стороны, требования государственной политики памяти, нацеленной на стимуляцию патриотизма и социальную мобилизацию, с другой — новый

подъем регионального самосознания, связанный с ростом городов Западной Сибири как промышленных центров, игравших свою незаменимую роль в борьбе за Победу.

Источники и принятые сокращения

1. *Болдырев В.* Столица Сибирского Края. Краткая история Новосибирска / В. Болдырев // Сибирские огни. — 1926. — № 5—6. — С. 167—176.
2. *Вегман В.* 1905 г. в Новониколаевске / В. Вегман // Сибирские огни. — 1925. — № 4—5. — С. 174—179.
3. *Вегман В.* Переименование Новониколаевска в Новосибирск / В. Вегман // Сибирские огни. — 1926. — № 3. — С. 234—235.
4. *Доронин Г.* Наш город : стихи / Г. Доронин // Сибирские огни. — 1939. — № 6. — С. 51.
5. *Кожевников С.* Город на Оби / С. Кожевников // Сибирские огни. — 1944. — № 4. — С. 94—111.
6. *Кожевников С.* Город на Оби / С. Кожевников // Советская Сибирь. — 1943. — 3 ноября.
7. *Кондырев Л.* Город на Томи / Л. Кондырев // Сибирские огни. — 1945. — № 6. — С. 105.
8. *Молчанов И.* Таежный город / И. Молчанов // Сибирские огни. — 1924. — № 3. — С. 99.
9. *Мягков И.* Предание о княжне Томи и Ушае / И. Мягков // Сибирские огни. — 1926. — № 3. — С. 158—164.
10. *Никитин М.* Кемерово : очерк / М. Никитин // Сибирские огни. — 1929. — № 4. — С. 149—164.
11. *Никитин М.* Переподготовка города / М. Никитин // Сибирские огни. — 1927. — № 5. — С. 185—189.
12. *Попов М. С.* М. Киров в Томске / М. С. Попов // Сибирские огни. — 1935. — № 6. — С. 105—116.
13. *Сайхин П.* Октябрьские дни в Новониколаевске : воспоминания / П. Сайхин // Сибирские огни. — 1936. — № 5. — С. 117—121.
14. *Сибирские огни.* Литературно-художественный и общественно-политический журнал. Указатель содержания. 1922—1964. — Новосибирск : Западно-Сибирское книжное издательство, 1967. — 431 с.
15. *Шемелев В. И.* Барнаул в 1905—06 гг. По личным воспоминаниям / В. И. Шемелев // Сибирские огни. — 1925. — № 4—5. — С. 180—200.
16. *Шкилев Г.* Товарищ Киров в Томске / Г. Шкилев // Сибирские огни. — 1936. — № 6. — С. 120—124.
16. *Югов А.* Колывань / А. Югов // Сибирские огни. — 1927. — № 5. — С. 180—184.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алисов Д. А.* Культурные ландшафты советского города : сибирские города позднего социализма / Д. А. Алисов, О. В. Гефнер, Т. Н. Золотова, Н. Ф. Хилько. — Москва : Институт Наследия, 2019. — 98 с. — ISBN: 978-5-86443-273-0.
2. *Вениамин Вегман* : государственная, научная и общественная деятельность : сборник документов к 90-летию Сибархива / сост. Л. С. Пашенко и др. — Новосибирск : ООО «Альфа-Порте», 2010. — 447 с. — ISBN 978-5-91864-009-8: 483.
3. *Историческая энциклопедия Сибири* : в 3-х т. / главный редактор В. А. Ламин, ответственный редактор П. И. Клименко. — Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2010. — 783 с. — ISBN 5-8402-0248-7.

4. Красильникова Е. И. Политика памяти : исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции Сибирского региона в XX — начале XXI вв. / Е. И. Красильникова, И. А. Вальдман // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2020. — Т. 26. — № 1. — С. 47—54. — DOI: 10.18287/2542-0445-2020-26-1-47-54.
5. Красильникова Е. И. Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 — середина 1941 г.) / Е. И. Красильникова. — Новосибирск : Издательство Новосибирского государственного технического университета, 2015. — 572 с. — ISBN 978-5-7782-2762-0.
6. Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. [Электронный ресурс]. — Москва : Советская Энциклопедия, 1962—1978. — Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/default.asp> (дата обращения 12.11.2020).
7. Малолетко А. М. Памяти Мягкова (1899—1891) / А. М. Малолетко, Л. А. Чиндина // Вопросы географии Сибири. — Томск : Томский государственный университет, 1993. — Выпуск 20. — С. 186—190.
8. Миллер А. И. Россия : власть и история / А. И. Миллер // Pro et Contra. — 2009. — Т. 13. — № 3—4. — С. 6—23.
9. Новосибирск : энциклопедия / [редколлегия : Ламин В. А. (гл. ред.) и др.]. — Новосибирск : Книжное издательство, 2003. — 1071 с. — ISBN 5-7620-0968-8.
10. Общественно-политическая жизнь в Сибири в конце XXI — начало XX в. : энциклопедический словарь / ответственный редактор М. В. Шиловский. — Новосибирск : Параллель, 2019. — 398 с. — ISBN 978-5-98901-237-4.
11. Очерки русской литературы Сибири. — Т. 2. Советский период / главный редактор А. П. Окладников. — Новосибирск : Наука : Сибирское отделение, 1982. — 627 с.
12. Родигина Н. Н. Журнал «Всемирная иллюстрация» и репрезентации Сибири на его страницах / Н. Н. Родигина // Гуманитарные науки в Сибири. — 2013. — № 1. — С. 76—80.
13. Родигина Н. Н. Тема Сибири в частных и официальных педагогических журналах второй половины XIX — начало XX в. / Н. Н. Родигина, Т. А. Кузнецова // Гуманитарные науки в Сибири. — 2011. — № 4. — С. 19—24.
14. Рыженко В. Г. Исторические парки «Россия — моя история» в локальном постсоветском пространстве (к проблеме трансляции памяти о местной истории) / В. Г. Рыженко // Омские научные чтения. материалы Третьей Всероссийской научной конференции. — Омск : Омский государственный университет, 2019а. — С. 281—283.
15. Рыженко В. Г. Фигуры и символы памяти о прошлом в локальном культурном пространстве Западной Сибири (конец XX — начало XXI в.) : ишимская версия / В. Г. Рыженко // Вестник Омского университета. Серия: исторические науки. — 2019б. — № 1. — С. 134—141. — DOI: 10.25513/2312-1300.2019.1.134-141.
16. Синяев В. Кировские строки : о письме С. М. Кирова сибирскому революционеру М. А. Попову в Томск / В. Синяев // Красное знамя. — Томск. — 1965. — 26 июня.
17. Шиловский М. В. Актуальные вопросы истории и современной практики исторического краеведения в Сибири / М. В. Шиловский // Земля тюменская. — 2004. — Выпуск 17. — С. 32—42.
18. Яновский Н. Н. Русские писатели Сибири XX века. Материалы к словарю / Н. Н. Яновский. — Новосибирск : Горница, 1997. — 190 с.
19. Ярская-Смирнова Е. С. Нарративный анализ в социологии / Е. С. Ярская-Смирнова // Социологический журнал. — 1997. — № 3. — С. 38—61.
20. Memory : A History. — Oxford : Oxford University Press, 2015. — 397 p.

21. Radstone S. Memory studies : For and against / S. Radstone // Memory studies. — 2008. — Vol. 1. — № 1. — Pp. 31—39. — DOI: 10.1177/1750698007083886.
22. Segesten A.-D. Memory studies : The state of an emergent field / A.-D. Segesten, J. Wüstenberg // Memory Studies. — 2017. — Vol. 10. — Issue 4. — Pp. 474—489. — DOI: 10.1177/1750698016655394.
23. Verovšek P. J. Collective memory, politics, and the influence of the past : the politics of memory as a research paradigm / P. J. Verovšek // Politics, Groups, and Identities. — 2016. — Vol. 4, Is. 3. — Pp. 529—543. — DOI: 10.1080/21565503.2016.1167094.

MATERIAL RESOURCES

- Boldyrev, V. (1926). The capital of the Siberian Region. Brief history of Novosibirsk. *Siberian lights*, 5—6: 167—176. (In Russ).
- Doronin, G. (1939). Our city: poems. *Siberian lights*, 6: 51. (In Russ).
- Kozhevnikov, S. (1943). City on the Ob River. *Soviet Siberia. November 3*. (In Russ).
- Kozhevnikov, S. (1944). City on the Ob River. *Siberian lights*, 4: 94—111. (In Russ).
- Kondyrev, L. (1945). City on Tomi. *Siberian lights*, 6: 105. (In Russ).
- Molchanov, I. (1924). Taiga city. *Siberian lights*, 3: 99. (In Russ).
- Myagkov, I. (1926). The legend of Princess Tomi and Ushai. *Siberian Lights*, 3: 158—164. (In Russ).
- Nikitin, M. (1927). Retraining of the city. *Siberian lights*, 5: 185—189. (In Russ).
- Nikitin, M. (1929). Kemerovo: essay. *Siberian lights*, 4: 149—164. (In Russ).
- Popov, M. S. (1935). M. Kirov in Tomsk. *Siberian lights*, 6: 105—116. (In Russ).
- Saikhin, P. (1936). October days in Novonikolaevsk: memoirs. *Siberian Lights*, 5: 117—121. (In Russ).
- Siberian lights. Literary-artistic and socio-political magazine. Content index. 1922—1964*. (1967). Novosibirsk: West Siberian Book Publishing House. 431 p. (In Russ).
- Shemelev, V. I. (1925). Barnaul in 1905—06. According to personal memoirs. *Siberian lights*, 4—5: 180—200. (In Russ).
- Shkilev, G. (1936). Comrade Kirov in Tomsk. *Siberian lights*, 6: 120—124. (In Russ).
- Yugov, A. (1927). Kolyvan. *Siberian lights*, 5: 180—184. (In Russ).
- Wegman, V. (1925). 1905 in Novonikolaevsk. *Siberian lights*, 4—5: 174—179. (In Russ).
- Wegman, V. (1926). Renaming Novonikolaevsk to Novosibirsk. *Siberian lights*, 3: 234—235. (In Russ).

REFERENCES

- Alisov, D. A., Gefner, O. V., Zolotova, T. N., Khilko, N. F. (2019). *Cultural landscapes of the Soviet city: Siberian cities of late socialism*. Moscow: Institute of Heritage. 98 p. ISBN: 978-5-86443-273-0. (In Russ).
- Brief literary encyclopedia: in 9 vols*. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1962—1978. Available at: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/default.asp> (accessed 12.11.2020). (In Russ).
- Essays of Russian literature in Siberia: in 2 vols. The Soviet period*. (1982). Novosibirsk: The science: Siberian branch. 627 p. (In Russ).
- Historical Encyclopedia of Siberia: in 3 volumes*. (2010). Novosibirsk: Historical heritage of Siberia. 783 p. ISBN 5-8402-0248-7. (In Russ).
- Krasilnikova, E. I., Waldman, I. A. (2020). Politics of memory: historical symbols and commemorative practices in the system of socio-political self-regulation of the Si-

- berian region in the XX-early XXI centuries. *Bulletin of the Samara University. History, pedagogy, philology*, 26 (1): 47—54. DOI: 10.18287/2542-0445-2020-26-1-47-54. (In Russ).
- Krasilnikova, E. I. (2015). *To remember it is impossible to forget? Memorable places and commemorative practices in the cities of Western Siberia (late 1919 — Mid-1941)*. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University Press. 572 p. ISBN 978-5-7782-2762-0. (In Russ).
- Maloletko, A. M., Chindina, L. A. (1993). In memory of Myagkov (1899—1891). *Questions of the geography of Siberia*, 20. Tomsk: Tomsk State University. 186—190. (In Russ).
- Memory: A History. (2015). Oxford: Oxford University Press. 397 p.
- Miller, A. I. (2009). Russia: power and history. *ProetContra*, 13 (3—4): 6—23. (In Russ).
- Novosibirsk: encyclopedia. (2003). Novosibirsk: publishing house. 1071. ISBN 5-7620-0968-8. (In Russ).
- Radstone, S. (2008). Memory studies: For and against. *Memory studies*, 1 (1): 31—39. DOI: 10.1177/1750698007083886.
- Rodigina, N. N. (2013). Journal “World Illustration” and representations of Siberia on its pages. *Humanities in Siberia*, 1: 76—80. (In Russ).
- Rodigina, N. N., Kuznetsova, T. A. (2011). Theme of Siberia in private and official pedagogical journals of the second half of the XIX — beginning of the XX century. *Humanities in Siberia*, 4: 19—24. (In Russ).
- Ryzhenko, V. G. (2019). Historical parks “Russia — my history” in the local post-Soviet space (on the problem of translation of memory about local history). In: *Omsk Scientific Readings. materials of the Third All-Russian Scientific Conference*. Omsk: Omsk State University. 281—283. (In Russ).
- Ryzhenko, V. G. (2019). Figures and symbols of memory of the past in the local cultural space of Western Siberia (late XX — early XXI century): Ishim version. *Bulletin of the Omsk University. Series: historical Sciences*, 1: 134—141. DOI: 10.25513/2312-1300.2019.1.134-141. (In Russ).
- Segesten, A.-D., Wüstenberg, J. (2017). Memory studies: The state of an emergent field. *Memory Studies*, 10 (4): 474—489. DOI: 10.1177/1750698016655394.
- Shilovsky, M. V. (2004). Actual issues of history and modern practice of historical local lore in Siberia. *Tyumen Land*, 17: 32—42. (In Russ).
- Sinyaev, V. (1965). Kirov lines: about the letter of S. M. Kirov to the Siberian revolutionary M. A. Popov in Tomsk. In: *Red Banner*. Tomsk. June 26. (In Russ).
- Social and political life in Siberia at the end of the twenty — beginning of XX century: encyclopedia*. (2019). Novosibirsk: Parallel. 398 p. ISBN 978-5-98901-237-4. (In Russ).
- Yanovsky, N. N. (1997). *Russian writers of Siberia of the XX century. Materials for the dictionary*. Novosibirsk: Gornitsa. 190 p. (In Russ).
- Yarskaya-Smirnova, E. S. (1997). Narrative analysis in sociology. *Sociological Journal*, 3: 38—61. (In Russ).
- Veniamin Wegman: state, scientific and public activities: collection of documents for the 90th anniversary of the Sibarchiv. (2010). Novosibirsk: LLC “Alfa-Port”. 447 p. ISBN 978-5-91864-009-8: 483. (In Russ).
- Verovšek, P. J. (2016). Collective memory, politics, and the influence of the past: the politics of memory as a research paradigm. *Politics, Groups, and Identities*, 4 (3): 529—543. DOI: 10.1080/21565503.2016.1167094.

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Сагимбаев А. В. Концепция Британского Содружества в деятельности группы «Круглого стола» в начале XX века / А. В. Сагимбаев // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 449—462. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-449-462.

Sagimbaev, A. V. (2021). Concept of British Commonwealth in Activities of Round Table Group at Beginning of Twentieth Century. *Nauchnyi dialog*, 7: 449-462. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-449-462. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-449-462

**Концепция Британского
Содружества
в деятельности
группы «Круглого стола»
в начале XX века**

Сагимбаев Алексей Викторович
orcid.org/0000-0002-1872-7297
доктор исторических наук, доцент
sagimbaev@yandex.ru

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского
(Брянск, Россия)

**Concept of British
Commonwealth in Activities
of Round Table Group
at Beginning of XX Century**

Alexey V. Sagimbaev
orcid.org/0000-0002-1872-7297
Doctor of History, Associate Professor
sagimbaev@yandex.ru

Bryansk State
Academician I. G. Petrovski University
(Bryansk, Russia)

© Сагимбаев А. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются отдельные аспекты сложной интеллектуальной дискуссии, сопровождавшей процессы трансформации британской колониальной системы в начале XX века. На основании анализа опубликованных произведений дается обобщенная характеристика концептуальных взглядов членов группы «Круглого стола» в отношении формирования политико-правовых основ Британского Содружества, а также развития тесной кооперации Великобритании и самоуправляемых доминионов. Особое внимание при этом уделяется исследованию практического значения идей А. Милнера, Л. Кертиса и других входивших в группу интеллектуалов для трансформации форм и методов управления обширными владениями британской короны. Утверждается, что данная трансформация была обусловлена комплексом факторов социально-экономического, политического, морально-психологического характера, с которыми была вынуждена столкнуться Великобритания в первые десятилетия XX века. Отмечается, что изменения, происходившие в системе управления крупнейшей в истории колониальной империей способствовали последующему формированию механизмов международного влияния, получивших в начале XXI века наименование «мягкой силы». Показано, что, с другой стороны, в своих теоретических построениях А. Милнер и его последователи стремились сохранить преемственность идеологии империализма, снискавшей популярность в британском истеблишменте в поздневикторианский период.

Ключевые слова:

Британское Содружество; группа «Круглого стола»; формы и методы колониального управления.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Some aspects of the complex intellectual discussion that accompanied the transformation of the British colonial system at the beginning of the 20th century are considered. Based on the analysis of published works, a generalized description of the conceptual views of the members of the “Round Table” group regarding the formation of the political and legal foundations of the British Commonwealth, as well as the development of close cooperation between Great Britain and self-governing dominions is given. At the same time, special attention is paid to the study of the practical significance of the ideas of A. Milner, L. Curtis and other intellectuals who were part of the group of intellectuals for transforming the forms and methods of managing the vast domains of the British crown. This transformation was due to a complex of factors of a socio-economic, political, moral and psychological nature, which Great Britain was forced to face in the first decades of the 20th century. It is noted that the changes that took place in the governing system of the largest colonial empire in history, among other things, contributed to the subsequent formation of mechanisms of international influence, which at the beginning of the 21st century were called “soft power”. It is shown that, on the other hand, in their theoretical constructions A. Milner and his followers strove to preserve the continuity of the ideology of imperialism, which gained popularity in the British establishment in the late Victorian period.

Key words:

British Commonwealth; round table group; forms and methods of colonial administration.

Концепция Британского Содружества в деятельности группы «Круглого стола» в начале XX века

© Сагимбаев А. В., 2021

1. Проблема трансформации имперской идеи в Великобритании под влиянием событий Первой мировой войны

Истоки современных глобализационных процессов в немалой степени связаны с особенностями генезиса крупных колониальных империй, основной период формирования которых пришелся на рубеж XIX—XX веков. В их ряду особо выделялась Британская империя, занимавшая по сравнению со своими конкурентами роль лидера по ряду важных позиций. Влияние Великобритании на международную систему начала XX века определялось экономическим и военно-политическим присутствием практически во всех крупных регионах мира, а также способностью британского руководства к интеграции разобщенных территорий путем развития всесторонних политических, торгово-экономических и культурных взаимосвязей между ними.

Важнейшим рубежом в эволюции британской имперской системы являлась Первая мировая война, после которой наметился заметный кризис сложившихся ранее форм и методов колониального администрирования и начался постепенный процесс ее децентрализации. Обозначившиеся в военный период проблемы послужили отправной точкой для сложной дискуссии, в рамках которой политическая элита Великобритании пыталась сформулировать эффективную модель реформирования системы управления в отдельных частях обширной колониальной империи. Данные реформы обозначили вектор эволюции колониальной политики Великобритании на последующий период.

Итогом начавшихся преобразований явился процесс трансформации имперского механизма в Британское Содружество, существующее в измененном формате до сегодняшнего дня. Концептуальной составляющей колониальной экспансии стала специфическая идеология британского империализма, восходившая своими идейно-философскими корнями к уникальной традиции английской Реформации и английского Просвещения [Лурье, 2012, с. 158]. В поздневикторианский период империалистическая доктрина приобрела весьма широкую популярность среди различных слоев британского общества, распространяясь посредством различного рода неформальных организаций и объединений. Она в равной мере принима-

лась представителями как консервативного, так и либерального «флангов» политического истеблишмента.

Стремительные изменения, происходившие в первые десятилетия XX века как в самой Великобритании, так и в международной системе в целом, поставили под сомнение некоторые тезисы классической либеральной доктрины. Быстрый рост экономической конкуренции, снижение доли Великобритании в мировом промышленном производстве приводили к росту популярности идей, связанных с отказом от принципа фритреда, и использованию элементов политики протекционизма. В то же время империалистическая доктрина предусматривала масштабную территориальную экспансию и нивелировала значимость появившихся в середине XIX века либеральных концепций «неформальной империи» и «Малой Англии» [Berard, 1906, p. 42].

2. Группа «Круглого стола» как один из интеллектуальных центров обсуждения будущего имперской системы в начале XX века

Одним из наиболее известных примеров, связанных с попыткой анализа перспективных моделей трансформации имперской системы в контексте традиционных британских либеральных ценностей, явилась деятельность возникшего в начале XX века неформального объединения «Круглого стола». Его создание связано с деятельностью одного из наиболее известных среди британского истеблишмента сторонников империалистической доктрины А. Милнера. Свою популярность он снискал, находясь в должности верховного комиссара в Южной Африке и губернатора Капской колонии, где он стал активным приверженцем империалистических идей С. Родса. На фоне драматических событий англо-бурской войны Милнером была предпринята попытка реализовать на местном уровне концепцию «имперской федерации» [Nimocks, 1968, p. 206]. Его деятельность на юге Африки воплотилась в создание нового британского доминиона Южно-Африканский Союз, в рамках которого британские власти попытались реализовать идею политического компромисса со своими основными оппонентами — бурами [Gollin, 1964, p. 16].

Наиболее важный этап деятельности группы «Круглого стола» пришелся на период с 1909 по 1919 годы. В данный период в состав группы входили Л. Эмери, Ф. Керр и ряд других деятелей, ставших в последующем известными британскими политиками. Осенью 1909 года в рамках подготовки к Имперской конференции членами группы был разработан проект создания «имперской федерации». Главным его автором явился Л. Кертис, ставший к тому времени наиболее известным представителем «Детского сада» А. Милнера (Группа, получившая нарицательное наименование «Детский сад» («Kindergarten»)), сложилась вокруг А. Милнера в период

его деятельности в Южной Африке и включала в основном выпускников Оксфорда, служивших в британской колониальной администрации. В их числе были Дж. Ф. Пери, Л. Кёртис, Х. Уиндхэм, П. Дункан, Дж. Робинсон, Ф. Керр, Л. Киккенс, Р. Фиктхэн и Р. Брэнд. Важной теоретической основой деятельности группы являлись идеи С. Родса). В подготовленном по итогам обсуждения документе отмечалось, что «в долгосрочной перспективе некая форма органического союза будет являться единственной альтернативой разрушения единства империи» [Nimocks, 1968, p. 132].

Накануне состоявшейся в 1911 году имперской конференции члены группы «Круглого стола» попытались активизировать свою деятельность и через различные формальные и неформальные каналы убедить представителей доминионов в необходимости принятия плана «имперской федерации». Л. Кертис выступил инициатором принципиально нового подхода к устройству британской колониальной системы, впервые предложив заменить термин *Британская империя* на *Содружество Наций*. Кроме того, он стал одним из первых инициаторов трансформации системы имперского управления, предполагавшей включение в нее представителей самоуправляющихся доминионов. Большое внимание члены группы «Круглого стола» уделили роли и значению Индии в системе имперских интересов, выдвинув идею возможного распространения системы доминиона и на это крупнейшее британское владение.

Накануне и в годы Первой мировой войны в рамках группы «Круглого стола» был сформулирован ряд идей, нашедших позднее свое воплощение в организации Британского Содружества наций. Результаты данного интеллектуального поиска нашли свое отражение в публиковавшемся ежеквартально периодическом издании «Круглый стол», а также в ряде изданных членами объединения отдельных исследований, среди которых обращает на себя внимание опубликованное в 1916 году под руководством Л. Кертиса коллективное исследование «Содружество Наций: исследование природы гражданства в Британской империи и взаимоотношений различных общин».

Первая часть обстоятельного труда оказалась посвящена анализу британского имперского опыта с момента обретения независимости североамериканскими колониями в 1783 году до начала XX века. Разнообразие сложившихся в течение данного периода форм и методов управления колониальными владениями предшествовало появлению идеи Британского Содружества. Исследование включало в себя пять разделов, четыре из которых были подготовлены членами группы «Круглого стола» к 1911 году под названием «Проект Содружества»» [Commonwealth of Nations ..., part I, 1916, p. ii].

3. Исторические предпосылки формирования Британского Содружества в творчестве представителей «Круглого стола»

Наличие «особой ответственности» Британской империи за сохранение существующего миропорядка требовало, по мнению Л. Кертиса и других авторов издания, её «рассредоточения» «за пределы Британских островов» и распространения на наделенные широкой автономией доминионы. Характеризуя политико-правовую природу британского гражданства, Л. Кертис особо подчеркивал, что «рассеянные общины могут надеяться сохранить свой нынешний статус лишь в рамках общего государства ...», каковым на данный момент являлась Британская империя [Ibid., p. 2].

Имперская система, созданная Великобританией, являлась, с точки зрения членов группы, абсолютно уникальным историческим явлением, что обуславливалось как ее географическим масштабом, так и крайне разнородным с позиции расового, религиозного и этнического критериев населением [Wrench, 1958, p. 45]. При этом в основе британского имперского механизма лежали основания, принципиально отличные от тех, на которых строились традиционные империи. Великобритания использовала в управлении своими владениями сформировавшуюся на основе идей Реформации и европейского Просвещения концепцию администрирования. Одним из ключевых ее компонентов являлись общественные институты, влияние которых базировалось на бесспорном моральном и правовом авторитете общественного мнения. Данный принцип предполагал, что любой гражданин, обладающий необходимыми качествами и способностями, мог принимать участие в отстаивании общих интересов и внести свой интеллектуальный вклад в управление государством. С точки зрения Л. Кертиса, именно фактор ключевой роли общественного мнения формировал уникальный демократический фундамент Британской империи, позволяющий сочетать в рамках одного имперского механизма либеральное и автократическое начала с преобладанием первого [Commonwealth of Nations ..., part I, 1916, p. 12].

Наряду с наличием системы разнообразных экономических и социально-культурных связей важной морально-политической основой будущего Содружества, по мысли Л. Кертиса, являлся институт британской монархии. Согласно его точке зрения, «британский монарх, фактически являясь не патриархом или автократом, а президентом Содружества ..., объединяющего практически четверть населения всей Земли» [Ibid., p. 23].

Характеризуя британскую имперскую систему как образование, основанное на принципах либерализма и гражданского самоуправления, Л. Кертис выражал общее мнение членов группы «Круглого стола». Он подчеркивал, что «административный ресурс Содружества был в значительной степени ограничен исключительно населением метрополии» [Ibid., p. 25]. В то же

время члены группы разделяли стереотипную для британского имперского мышления точку зрения, согласно которой либеральные ценности и институты, формируемые в рамках Британской империи, могут эффективно работать лишь там, где утвердилась европейская система ценностей и политическая культура [Ibid.]. Возможная перспектива распространения системы доминиона на азиатские или африканские владения, где «... мышление народа еще в значительной степени основано на патриархальных или теократических идеалах...», воспринималась в данной связи со значительным скепсисом [Ibid., p. 26]. Более того, Л. Кертисом особо подчеркивалось, что «преждевременное введение элементов самоуправления (в азиатских и африканских колониях. — А. С.) представляет собой кратчайший путь к анархии» [Ibid.].

Одним из ключевых элементов, призванных упрочить политико-административное единство империи, должно было стать расширение системы избирательных прав и самоуправления доминионов, в число которых на тот момент входили Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз и Ньюфаундленд. При этом особо подчеркивалось, что «самоуправление (доминионов. — А. С.) ни в коей мере не должно было рассматриваться в качестве эквивалента независимости ...» [Curtis, 1918, p. 17]. Кроме того, право на самоуправление не должно было предполагать возможности доминионов «... противопоставлять свой голос Имперскому правительству и ограничивать его в использовании своих ресурсов...» [Elliott, 1932, p. 472]. Особое внимание участники «Круглого стола» уделяли вопросам, связанным с согласованием и обеспечением представительства интересов доминионов в рамках имперской системы управления. Данный механизм был призван гарантировать сохранение баланса прав самоуправляемых территорий и их обязанностей перед британской Коронаой.

Уникальная историческая роль Британской империи заключалась, по мнению другого известного члена группы Ф. Керра, в том, что, являясь «... мировым государством, опоры которого находятся на четырех континентах, ... она обеспечивает проживающим в его пределах социумам невиданную до того времени стабильность <...> Выступая в качестве Мирового Содружества и являясь возможной основой будущего Мирового правительства, (Британская империя. — А. С.) выполняет важнейшую функцию предотвращения глобальной войны» [Kerr, 1920, p. 145—146]. Ф. Керр подчеркивал, что эффективность выполнения данной функции во многом зависит от понимания и поддержки со стороны институтов гражданского общества, основными центрами формирования которых наряду с метрополией призваны стать самоуправляемые доминионы. Чрезмерная концентрация властных полномочий и связанной с ними ответственности в одном центре приведет лишь к постепенному ослаблению имперского организма.

Анализируя опыт развития институтов самоуправления в североамериканских колониях, члены «Круглого стола» подчеркивали принципиальное отличие их политико-административной модели от системы управления азиатскими и африканскими владениями. В отдельных компонентах их взгляды являлись прямым следствием влияния идеологии социал-дарвинизма. Так, по мнению А. Милнера, расширение системы «ответственного» управления на азиатские и африканские колонии, за исключением Индии, явилось бы «... неразумным, поскольку наивно надеяться на интеллектуальную готовность (местного населения. — А. С.) к этому» [Commonwealth of Nations ..., part I, 1916, p. 699]. Более того, ученики А. Милнера выступали последовательными сторонниками активно формировавшейся в тот период на юге Африки концепции расовой сегрегации. «Опыт свидетельствует, — отмечалось в одной из публикаций, — что неконтролируемые сексуальные контакты примитивных обществ с представителями европейской цивилизации способны привести лишь к падению качества последней» [Tyler, 1938, p. 46]. Л. Кертис полагал вполне естественным «внушение отсталым народам убеждения в выгоде покровительства со стороны развитой цивилизации» [Commonwealth of Nations ..., part I, 1916, p. 699]. В данной связи роль Содружества виделась членам объединения в том числе и в качестве важнейшего механизма, благодаря которому «... около 45 миллионов европейцев оказались способными привести моральные и материальные ресурсы, необходимые для того, чтобы наладить данное управление» [Lavin, 1995, p. 131]. Таким образом, основой будущего Содружества, способного нести «исключительную ответственность за мир, порядок, безопасность, а также надлежащее управление около 350 миллионов представителей отсталых рас, составляющих практически одну треть от всего неевропейского населения мира», должны стать те британские владения, где утвердились европейская система социального устройства и политико-правовых ценностей [Curtis, 1918, p. 15].

Постепенное «расширение ответственности» в рамках империи должно было способствовать наиболее полной реализации «морального долга» европейской цивилизации по устройству «эффективного управления» в остальном мире. Политико-административный опыт, полученный Великобританией в Канаде, Австралии, Новой Зеландии, а также на юге Африки, предполагалось впоследствии использовать для развития элементов самоуправления в других частях обширных британских владений.

Отражая точку зрения значительной части британской политической элиты, представители группы «Круглого стола» указывали на важность всестороннего анализа опыта формирования системы доминиона в Канаде, подчеркивая в то же время, что его вряд ли можно будет в скором времени

использовать в отношении «туземных» колоний [Louis, 1992, p. 47]. «Перераспределение ответственности» между метрополией и доминионами выдвинулось в данном контексте в качестве важного механизма сохранения и развития Британской империи [Louis, 2006, p. 251]. Одной из основных проблем, в полной мере проявившихся в период Первой мировой войны, явилось формирование нового механизма координации оборонной политики и дипломатии с правительствами доминионов. В то же время расширение самоуправления, с точки зрения Л. Кертиса и других членов группы, не должно было полностью нивелировать принципы уже сложившейся имперской системы. Напротив, элементы будущего Содружества были призваны органически дополнить уже существующую структуру имперской организации.

4. Политико-правовая модель Содружества в концепции членов группы «Круглого стола»

Формирование системы Содружества тесно увязывалось представителями «Круглого стола» с процессом складывания в доминионах национального самосознания. Появление основ их государственности оказалось напрямую связано с осознанием проживающим на данных территориях населением своей гражданской принадлежности, являющейся фундаментом для последующего развития эффективных правительственных институтов. Данный процесс представлялся принципиально важным с точки зрения распространения присущих Великобритании политико-правовых ценностей. Миссия британского правления, как отмечал Л. Кертис, состояла в последующей передаче ответственности за собственную судьбу любой общине, которая продемонстрирует готовность к эффективному самоуправлению. Отсутствие своевременной реакции на процессы политического и социально-экономического развития колониальных территорий неминуемо подтолкнуло бы их по пути первых американских колоний XVIII века [Commonwealth of Nations ..., part I, 1916, p. 703]. Идея Содружества предполагала не просто «распределение ответственности между цивилизованными людьми», а постепенное ее распространение среди «более слабых и отсталых общностей ...» [Ibid.]. Будущее Содружество рассматривалось членами группы «Круглого стола» как принципиальная антитеза деспотизму, поскольку в основу его устройства будет положено верховенство закона и прав граждан. Его появление, по их мысли, должно стать логическим итогом развития имперской системы, «представляющей собой величайшую загадку человечества на пути к достижению идеала свободы» [McIntyre, 1966, p. 340].

Одним из уникальных элементов, призванных, с точки зрения представителей «Круглого стола», составить фундамент будущего Содружества, являлась англо-саксонская правовая модель. Сравнивая ее с немецкой и

другими континентальными аналогами, они отмечали ее преимущества, выражающиеся в «очевидном приоритете прав личности» [Commonwealth of Nations ..., part I, 1916, p. 175]. Система англо-саксонского права, распространенная и на колониальные владения Великобритании, способствовала прогрессивным изменениям в их общественно-политическом развитии и утверждению на их территории «верховенства закона» [Elliot, 1932, p. 459]. Сам факт подчинения огромных масс туземного населения контролю немногочисленной английской администрации, согласно точке зрения Л. Кертиса, являлся наглядным свидетельством «... очевидного превосходства британских институтов» [Curtis, 1918, p. 25]. В силу этого представители «Круглого стола» принципиально отказывались приравнивать британскую экспансию к колониализму Франции, а также других континентальных европейских государств. По их мнению, распространяя в различных регионах мира опыт деятельности собственных политико-административных институтов, Великобритания создавала фундамент для принципиально нового «объединения народов», в рамках которого должно было утвердиться понимание «о гражданском долге человека перед человеком» [Tyler, 1938, p. 46]. Британские политические институты, как отмечал А. Милнер, являются весьма привлекательными для восточных обществ, менталитет которых основан, в числе прочего, и на твердой приверженности монархической традиции. Весь опыт развития и распространения британских политико-правовых институтов, по мнению аналитиков «Круглого стола», представлял собой уникальную основу для формирования более гибкой системы объединения принципиально разных по характеру своего развития территорий в рамках Британского Содружества. Особо важную роль подобная система, сочетавшая современные политико-правовые элементы и традицию, основанную на авторитете религиозных институтов, играла для укрепления британских позиций в Индии.

Одним из важных тезисов, выдвигавшихся членами «Круглого стола», стала идея о ключевой миссии Великобритании в модернизации социально-политических систем государств Востока. Основную причину европейской колонизации они видели в архаичной природе восточных обществ, которые оказались в состоянии глубокого кризиса, столкнувшись с западной индустриальной цивилизацией. Единственным выходом для них, с данной точки зрения, являлось пребывание в рамках нового Содружества, способного обеспечить оптимальные условия для прогресса социумов, находящихся на различных уровнях своего развития [Commonwealth of Nations ..., part I, 1916, p. 688].

В произведениях, издававшихся группой «Круглого стола», был приведен детальный анализ исторических предпосылок создания Британского

Содружества, включающий подробное сравнение особенностей развития британской политико-правовой системы с аналогичными моделями других крупных имперских образований прошлого и современного авторов периодов. Особое место отводилось авторами рассмотрению исторических процессов, предопределивших утрату Англией в конце XVIII века ее североамериканских колоний и приведших в итоге к созданию системы доминиона в Канаде. Данные события, как отмечал Л. Эмери, явились первыми шагами на пути к формированию основ будущего Содружества [Quigley, 1962, p. 204].

Процесс создания США явился весьма показательным с точки зрения понимания возможных моделей развития самоуправления в британских колониях. Реализация данного опыта в Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Южно-Африканском Союзе подготовила необходимые предпосылки для появления концепции Содружества. По мнению Л. Кертиса, «Британское Содружество остается в неизмеримом долгу перед тем примером, который был подан первыми колониями после их отделения ...» [Commonwealth of Nations ..., part I, 1916, p. 688]. Политический опыт формирования подобной системы самоуправления, отмечал он, может быть потенциально использован и любой другой общиной, которая «окажется способной к самоуправлению ...» [Ibid., p. 704].

Важной предпосылкой, предшествовавшей появлению концепции Содружества, являлось осознание английским интеллектуальным сообществом идеи о том, что «... свобода является конечной целью не только для самих британцев, но и для других рас, с которыми они взаимодействовали» [Ibid.]. Идея Содружества, как отмечалось в трудах членов «Круглого стола», предполагала «... усвоение принципа, согласно которому другие народы не должны использоваться как некие инструменты, а рассматриваться в качестве самоценных единиц ...» [Marlowe, 1976, p. 336]. Пребывание в составе данного объединения характеризовалось как несомненное благо, благодаря которому «... они научатся со временем самостоятельно распоряжаться властью» [Commonwealth of Nations ..., part I, 1916, p. 690—691]. Вступая в коммерческие отношения с народами Африки или Индии, англичане выступали подобно «... промышленникам, которые, нанимая тысячи наемных работников, берут на себя моральную ответственность за их будущее благополучие» [O'Brien, 1979, p. 667].

В условиях развития британской экономической и социально-политической системы, а также стремительного расширения колониальных владений Великобритании, с точки зрения представителей «Круглого стола», англичане приняли на себя особую моральную ответственность за судьбы менее прогрессивных, с их точки зрения, народов. Она заключалась

в «необходимости рассадить в до сих пор неосвоенных областях Земли родственные по духу сообщества, способные управлять собственной судьбой ...» [Rose, 2000, p. 252].

Подчеркивая присущую Британскому Содружеству исключительно либеральную природу, Л. Кертис отмечал особое отношение британцев к «отсталым народам, включенным с ними в одно Содружество, <...> с тем, чтобы они в дальнейшем смогли претендовать на более широкие привилегии». Британская империя «исключительна по своей природе ..., поскольку ... она приняла в свой состав бесчисленное множество людей, чьи политические воззрения еще не поднялись выше обязанности повиноваться племенному патриарху, или монарху, наделенному сакральной властью» [Commonwealth of Nations ..., part I, 1916, p. 692].

Складывание колониальной системы Великобритании, как отмечалось представителями «Круглого стола», «вовсе не явилось следствием ошибок, несчастных случаев и преступлений»; ими последовательно проводилась мысль о том, что «... появление Британской империи явилось следствием глубочайших потребностей развития человеческого общества» [Tyler, 1938, p. 26]. Задача британской политической и интеллектуальной элиты в данных условиях сводилась к «исправлению анархии, которую привносили в общество примитивных рас торговцы, наделенные ресурсами цивилизации» [Commonwealth of Nations ..., part I, 1916, p. 696]. Вследствие этого Британское Содружество должно выступить в качестве приемника имперской системы, «взвалившего на себя особое бремя по подготовке к свободе огромного множества людей, никогда до этого не имевших о ней представления» [McIntyre, 1966, p. 307]. При этом Л. Кертис обращал особое внимание на необходимость более тесной координации между Великобританией и США, совместные усилия которых должны, по его мнению, стать важнейшим фактором дальнейшей реализации «цивилизаторской миссии» [Commonwealth of Nations..., part I, 1916, p. 696]. Важными функциями Содружества, которые также предполагали тесное взаимодействие с США, обозначались обеспечение международного порядка и предотвращение масштабных военных конфликтов.

5. Заключение

Первая мировая война явилась важным рубежом, ознаменовавшим существенную трансформацию механизма формирования колониальной политики Великобритании. Одним из важных интеллектуальных центров, с которым было связано осмысление дальнейших перспектив реформирования британской имперской системы, явилась группа «Круглого стола». Многие входившие в нее политические деятели активным образом влияли на при-

нятие важных политических решений британского правительства накануне и в годы войны. Благодаря деятельности Л. Кертиса, ставшего наиболее известным из последователей А. Милнера и С. Родса, был найден выход из идейного кризиса, связанного с осмыслением места и роли Британской империи в рамках формировавшегося в послевоенный период нового миропорядка. Интеллектуальный опыт группы «Круглого стола» оказался востребованным в условиях бурных изменений, которыми оказалась охвачена колониальная система Великобритании в последующие десятилетия.

Источники

1. *Berard V.* British Imperialism and Commercial Supremacy / V. Berard. — London : Longmans, Green and Co, 1906. — 324 p.
2. *Commonwealth of Nations : An Inquiry into the Nature of Citizenship in the British Empire, and into the Mutual Relations of Several Communities Thereof. Part I.* — London : Mackmillan and Co. Ltd., 1916. — 711 p.
3. *Curtis L.* The Windows of Freedom / L. Curtis // «The Round Table». — December 1918. — Pp. 5—33.
4. *Kerr Ph.* The British Empire, the League of Nations and the United States / Ph. Kerr // «The Round Table». — March 1920. — Pp. 138—154.
5. *Tyler J. E.* The Struggle for Imperial Unity / J. E. Tyler. — London : Longmans, Green and Co, 1938. — 219 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лурье С.* Imperium. Империя — ценностный и этнопсихологический подход / С. Лурье. — Москва : АИРО-XXI, 2012. — 174 с. — ISBN 978-5-91022-200-1.
2. *Elliot W. Y.* The New British Empire / W. Y. Elliot. — New York, London : Whittlesey House, 1932. — 532 p.
3. *Gollin A. M.* Proconsuls in Politics : A Study of Lord Milner in Opposition and in Power / A. M. Gollin. — New York : Macmillan, 1964. — 247 p.
4. *Kendle J. E.* The Round Table Movement and Imperial Movement / J. E. Kendle. — Toronto, Buffalo : University of Toronto press, 1975. — 332 p.
5. *Lavin D.* From Empire to International Commonwealth : A Biography of Lionel Curtis / D. Lavin. — London : Hardcover, 1995. — 384 p. — ISBN: 978-0198126164.
6. *Louis R. W.* Ends of British Imperialism : the Scramble for Empire, Suez and Decolonization / R. W. Louis. — London, New York : I. B. Tauris, 2006. — 1082 p. — ISBN: 978-1845113476.
7. *Louis R. W.* In the Name of God : Go! Leo Emery and the British Empire and the Age of Churchill / R. W. Louis. — Oxford : W. W. Norton & Co., 1992. — 204 p.
8. *Marlowe J.* Milner : Apostle of Empire / J. Marlowe. — London : Hamish Hamilton, 1976. — 394 p.
9. *McIntyre W. D.* Colonies into Commonwealth / W. D. McIntyre. — London : Blandford Press, 1966. — 383 p.
10. *Nimocks W.* Milners Young Men : The «Kindergarten» in Edwardian Imperial Affairs. — Durham, N.C : Duke University Press, 1968. — 452 p.

11. O'Brien T. H. Milner : Viscount Milner of St. James's and Cape Town, 1854—1925 / T. H. O'Brien. — London : Constable, 1979. — 704 p.
12. Quigley C. The Round Tables Groups in Canada / C. Quigley // Canadian Historical Review. — September 1962. — Pp. 204—218.
13. Rose N. The Cliveden Set : Portrait of an Exclusive Fraternity / N. Rose. — London : Jonathan Cape, 2000. — 287 p. ISBN: 978-0224060936.
14. Wrench J. E. Alfred Lord Milner : The Man of No Illusions, 1854—1925 / J. E. Wrench. — London : Spottiswoode Eyre &, 1958. — 392 p.

MATERIAL RESOURCES

- Berard, V. (1996). *British Imperialism and Commercial Supremacy*. London: Longmans, Green and Co. 324 p.
- Commonwealth of Nations: An Inquiry into the Nature of Citizenship in the British Empire, and into the Mutual Relations of Several Communities Thereof, I.* (1916). London: Mackmillan and Co. Ltd. 711 p.
- Curtis, L. (1918). The Windows of Freedom. «*The Round Table*». December. 5—33.
- Kerr, Ph. (1920). The British Empire, the League of Nations and the United States. «*The Round Table*». March. 138—154.
- Tyler, J. E. (1938). *The Struggle for Imperial Unity*. London: Longmans, Green and Co. 219 p.

REFERENCES

- Elliot, W. Y. (1932). *The New British Empire*. New York, London: Whittlesey House. 532 p.
- Gollin, A. M. (1964). *Proconsuls in Politics: A Study of Lord Milner in Opposition and in Power*. New York: Macmillan. 247 p.
- Kendle, J. E. (1975). *The Round Table Movement and Imperial Movement*. Toronto, Buffalo: University of Toronto press. 332 p.
- Lavin, D. (1995). *From Empire to International Commonwealth: A Biography of Lionel Curtis*. London: Hardcover. 384 p. ISBN: 978-0198126164.
- Louis, R. W. (1992). *In the Name of God: Go! Leo Emery and the British Empire and the Age of Churchill*. Oxford: W. W. Norton & Co. 204 p.
- Louis, R. W. (2006). *Ends of British Imperialism: the Scramble for Empire, Suez and Decolonization*. London, New York: I. B. Tauris. 1082 p. ISBN: 978-1845113476.
- Lurie, S. (2012). *Imperium. Empire-a value and ethnopsychological approach*. Moscow: AI-RO-XXI. 174 p. ISBN 978-5-91022-200-1. (In Russ).
- Marlowe, J. (1976). *Milner: Apostle of Empire*. London: Hamish Hamilton. 394 p.
- McIntyre, W. D. (1966). *Colonies into Commonwealth*. London: Blandford Press. 383 p.
- Nimocks, W. (1968). *Milners Young Men: The «Kindergarten» in Edwardian Imperial Affairs*. Durham, N.C: Duke University Press. 452 p.
- Quigley, C. (1962). The Round Tables Groups in Canada. *Canadian Historical Review*. September. 204—218.
- O'Brien, T. H. (1979). *Milner: Viscount Milner of St. James's and Cape Town, 1854—1925*. London: Constable. 704 p.
- Rose, N. (2000). *The Cliveden Set: Portrait of an Exclusive Fraternity*. London: Jonathan Cape. 287 p. ISBN: 978-0224060936.
- Wrench, J. E. (1958). *Alfred Lord Milner: The Man of No Illusions, 1854—1925*. London: Spottiswoode Eyre &. 392 p.

Солнышкин А. А. Ответственность за святотатство в Российской империи XIX — начала XX веков (право и правоприменение) / А. А. Солнышкин, Н. М. Корнева // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 463—478. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-463-478.

Solnyshkin, A. A., Korneva, N. M. (2021). Responsibility for Sacrilege in Russian Empire of 19th — early 20th Centuries (Law and Enforcement). *Nauchnyi dialog*, 7: 463-478. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-463-478. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-463-478

**Ответственность
за святотатство
в Российской империи
XIX — начала XX веков
(право и правоприменение)**

Солнышкин Андрей Александрович¹
orcid.org/0000-0002-6660-5067
архивист
aas98@bk.ru

Корнева Надежда Михайловна²
orcid.org/0000-0002-9198-2243
кандидат исторических наук, доцент
кафедры источниковедения
истории России
n.korneva@spbu.ru

¹ Санкт Петербургское государственное
казенное учреждение
«Центральный государственный архив
Санкт Петербурга»
(Санкт-Петербург, Россия)

² Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

**Responsibility for Sacrilege
in Russian Empire
of 19th — early 20th
Centuries
(Law and Enforcement)**

Andrei A. Solnyshkin¹
orcid.org/0000-0002-6660-5067
archival specialist
aas98@bk.ru

Nadezhda M. Korneva²
orcid.org/0000-0002-9198-2243
PhD in History, Associate Professor
Department of Source Study
of the History of Russia
n.korneva@spbu.ru

¹ St. Petersburg State
Treasury Institution
“Central State Archives of St. Petersburg”
(St. Petersburg, Russia)

² St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

© Солнышкин А. А., Корнева Н. М., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются вопросы истории взаимоотношений православной церкви с государством и обществом. Подчеркивается важность религиозной составляющей как фактора, игравшего одну из ключевых ролей во взаимоотношениях между государством и обществом в России в XIX — начале XX веков. Прослеживается история развития ответственности за преступления против веры. Особое внимание уделяется такому виду религиозного преступления, как святотатство. Приводится определение святотатства как имущественного посяательства, направленного на священные или освященные предметы, а также на церковное имущество. Дается подробная характеристика данного вида преступления, и на примерах судебных прецедентов правоприменительной практики Российской империи XIX века показываются его особенности. Новизна исследования состоит в том, что в нем прослеживается эволюция понятия «святотатство» в российском законодательстве XIX — начала XX веков. Определяются основные тенденции в сфере правоприменения в отношении этих преступлений. Доказывается, что, несмотря на общероссийскую тенденцию по постепенному смягчению наказаний за совершение многих религиозных преступлений в начале XX века, смягчение ответственности в отношении святотатства так и не произошло.

Ключевые слова:

православная церковь; веротерпимость; преступления против веры; Свод законов Российской империи; святотатство; Уголовное право; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных; Уголовное уложение.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the history of relations between the Orthodox Church and the state and society. The importance of the religious component as a factor that played one of the key roles in the relationship between the state and society in Russia in the 19th — early 20th centuries is emphasized. The history of the development of responsibility for crimes against faith is traced. Particular attention is paid to this type of religious crime as sacrilege. The definition of “sacrilege” is given as a property encroachment directed at sacred or consecrated objects, as well as at church property. A detailed description of this type of crime is given and, using examples of judicial precedents of the law enforcement practice of the Russian Empire of the 19th century, its features are shown. The novelty of the study lies in the fact that it traces the evolution of the concept of “sacrilege” in Russian legislation of the 19th — early 20th centuries and determines the main trends in the field of law enforcement in relation to these crimes. It is proved that, despite the all-Russian tendency to gradually mitigate punishments for committing many religious crimes at the beginning of the 20th century, mitigation of responsibility in relation to sacrilege did not happen.

Key words:

Orthodox Church; religious tolerance; crimes against faith; Code of Laws of the Russian Empire; sacrilege; Criminal law; Code on penal and correctional punishments; Criminal Code.

Ответственность за святотатство в Российской империи XIX — начала XX веков (право и правоприменение)

© Солнышкин А. А., Корнева Н. М., 2021

1. Введение

Исследование проблемы ответственности за преступления против веры в России XIX — начала XX веков представляет определенный интерес при изучении как истории религиозно-правовых отношений в России, так и российского уголовного материального и процессуального права XIX — начала XX веков. Взаимоотношения между государством и религией занимали и продолжают занимать в жизни общества важное, и порой даже ключевое место. Религиозные нормы были наиболее эффективным средством для регулирования поведения членов социума и поддержания в нем стабильных взаимоотношений, способствовали становлению светского права.

Религиозная сфера в Российской империи в XIX — начале XX веков играла одну из ключевых ролей во взаимоотношениях между государством и обществом. Российская империя была многонациональным и многоконфессиональным государством. В период активного территориального роста страны в XVIII — начале XIX веков в состав населения России вошли многочисленные представители различных вероисповеданий: иудеи, католики, протестанты, униаты, мусульмане, язычники и т. д. В данных условиях российскому государству было необходимо достичь сохранения определенной целостности и политической стабильности. Этим целям служила специфическая национально-религиозная политика по отношению к новым присоединенным к империи народам. В ее основу был положен принцип религиозной терпимости ко всем народам, населявшим Российскую империю, конфессиональной и этнической толерантности, легитимации существующих в империи религий, что позволило не допустить на территории государства масштабных религиозных войн, характерных для истории развития многих государств Европы.

Важнейшим источником по избранной теме является российское законодательство XIX — начала XX веков, представленное в Полном собрании законов (ПСЗ) и Своде законов Российской империи (СЗРИ). Анализ законодательства Российской империи позволяет выявить позицию российской власти по отношению к уголовно-правовой охране интересов православной церкви, а также характер отношений между государством и церковью и направление их развития.

Особую значимость при изучении истории преступлений против веры представляют собой документы таких архивов, как РГИА (Ф. 796 — Канцелярия Синода; Ф. 1151 — Департамент гражданских и духовных дел Государственного совета; Ф. 1345 — Пятый (уголовный) департамент Сената; Ф. 1363 — Уголовный кассационный департамент Сената) и ЦГИА СПб (Ф. 487 — Прокурорский надзор Петроградского окружного суда).

В дореволюционной литературе проблема преступлений против веры и ответственности за их совершение поднималась авторами трудов по истории отечественного права, церкви и церковного права. Некоторые специфические особенности преступлений против веры в Российской империи XIX — начала XX веков освещаются в исследованиях таких известных ученых-правоведов, как С. В. Познышев [Познышев, 1906, 313 с.], В. В. Есипов [Есипов, 1893, с. 142] и др. Святотатство как особый вид кражи изучалось в трудах Л. С. Белогриц-Котляревского [Белогриц-Котляревский, 1883, 222 с.] и К. Ф. Хартулари [Хартулари, 1863, с. 489—504].

В исследованиях советских авторов внимание было сконцентрировано как на проблеме государственно-церковных отношений, так и на положении отдельных представителей негосударственных вероисповеданий [Клочков, 1982, 160 с.]. В целом советские исследователи в своих работах, посвященных преступлениям против веры в Российской империи XIX — начала XX веков, рассматривали деятельность российских властей лишь как защиту интересов самодержавия.

Современные исследователи изучают не только историю дореволюционных учреждений, деятельность которых была направлена на противодействие преступлениям против веры, но и историю указанных преступлений на протяжении нескольких веков. Так, В. Л. Ефимовских проследил историю развития преступлений против веры в российском законодательстве в период X—XX веков и осуществил их комплексный анализ [Ефимовских, 2002]. Одной из крупнейших работ, посвященных преступлениям против веры в Российской империи XIX — начала XX веков, является монография В. В. Андрощука [Андрощук, 2016]. Автор осветил эволюцию законодательства Российской империи в сфере преступлений против веры, а также показал на конкретных случаях, как применялись нормы уголовного права против данного вида правонарушений.

В современной историографии можно обнаружить ряд работ, посвященных ответственности за святотатство. В качестве примера можно привести статьи С. А. Лукьянова [Лукьянов, 2016, с. 150—156] и статью одного из авторов настоящей статьи [Солнышкин, 2019, с. 32—35]. Однако в них не представлен комплексный всесторонний анализ такого религиозного преступления, как святотатство. Историография трудов

о преступлениях против веры и ответственности за их совершение свидетельствует об определенном интересе к данной проблеме. В данной статье предполагается дать подробную характеристику этого вида преступления против веры и на судебных прецедентах правоприменительной практики Российской империи XIX — начала XX веков показать его особенности.

2. Понятие «святотатство» в русском и российском праве до издания Свода законов Российской империи

Случаи святотатства как имущественного посяательства на священные или освященные предметы, а также на церковное имущество фиксировались в российском обществе еще с древнейших времен [Ефимовских, 2002, с. 43]. Статьи, предусматривавшие ответственность за кражу, совершенную в церкви, имелись в Псковской судной грамоте, Судебнике 1497 года, Судебнике 1550 года и Уставной книге Разбойного приказа. В Соборное Уложение 1649 года правило об ответственности за данное преступление было включено не в I главу «О богохульниках и церковных мятежах», но оно составило 14-ю статью главы XXI «О разбойных и татинных делах». В статье предписывалось «церковных татей казнить смертью же безо всякого милосердия, а животы их отдавати в церковные татбы» [Полное собрание законов ..., т. I, № 1, с. 139]. Законами 22 января 1669 года было проведено различие между святотатством и церковной татбой, названы объекты, в отношении которых предпринимались преступные действия (святые сосуды, потиры и другое освященное имущество или «нечто, ежели Богу не освящено, а поставлено быть в церкви сохранения ради») [Там же, № 441, 442, с. 774—802]. Также различаются и субъекты преступления: миряне и лица духовного звания.

3. Святотатство в Своде Законов 1832 года

С наибольшей определенностью в российском законодательстве понятие данного вида преступления против веры было сформулировано лишь в XIX веке. Современный исследователь С. А. Лукьянов отмечает, что уже в 1827 году Государственный совет предпринял попытку законодательно сформулировать понятие «святотатство» [Лукьянов, 2016, с. 153]. Однако только в 1832 году в Своде законов впервые были собраны и выделены статьи, касающиеся данного вида преступлений. Святотатство было отнесено к преступлениям против веры, и статьи о нем были включены в шестую главу второго раздела книги первой Свода законов уголовных. Святотатство, согласно 210 статье книги первой раздела второго «О преступлениях против веры» XV тома Свода Законов, определялось законодателем как

«похищение церковных вещей и денег, как из самых церквей, так и из часовен, ризниц и временных и постоянных церковных хранилищ, хотя бы они и вне церкви состояли» [Свод законов ..., 1833, т. 15, с. 75]. За совершение данного вида преступления законом предписывалось обвиняемого лишать всех прав состояния, наказывать кнутом и ссылать на каторжную работу. Надо сказать, что случаи святотатства были широко распространены в российском государстве в XIX веке. Объектами святотатства в основном выступали либо церковные предметы (свечи, ризы икон и т. д.), либо деньги, которые церковь собирала от пожертвований прихожан или от продажи предметов, необходимых для совершения богослужений.

4. Святотатство в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года

В четвертой главе Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года дается оценка святотатству как виду преступления против веры. Статьи 242—245 «Уложения 1845 г.» повторяют ряд положений Свода законов издания 1832 и 1842 годов. Но между ними есть ряд отличий. Законодатель уточнил, что степень ответственности за совершение преступления увеличивается, если оно сопровождается взломом места, где хранились украденные предметы. Так, например, в 243 статье говорилось о том, что «за похищение со взломом из самой церкви или церковной ризницы предметов священных: потиров, дисков, дарохранительниц, лжиц, копий, при совершении проскомидии употребляемых, крестов, евангелий, образов, мощей, разумея в том числе и оклады и украшения на крестах, образах и мощах, а равно антиминсов, покрывал с священных сосудов и одежд с престолов и жертвенников» виновные приговариваются либо к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу от 10 до 12 лет, либо, если святотатство было совершено без взлома, к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу от 6 до 8 лет [Российское законодательство X—XX веков, т. 6, с. 226]. Так, по данной статье в 1854—56 годах был осужден сын титулярного советника Владимир Каменцев [РГИА, ф. 1151, оп. 4, 1856, отд. уг. дел и гер., д. 73]. 1 января 1854 года из Смоленского кафедрального собора была украдена икона Владимирской Божией Матери в серебряной ризе весом в 19 золотников. Обвиняемый был в церкви на заутрене, выходя из церкви, он увидел икону на окне и спрятал ее под шинель, а затем, отстояв службу, ушел домой, где ее и спрятал от всех домашних. Позднее он понес ее местному мастеру по серебру для продажи, где и был взят полицией с поличным. По уже упомянутой статье обвиняемого приговорили к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу на заводы сроком на 6 лет.

5. Участие духовенства в святотатстве и смягчающие факторы по российским законам XIX века: чистосердечное раскаяние

Дела по религиозным преступлениям в XIX веке, в которых участвовали лица духовного звания, рассматривались в церковном суде. Однако в случае со святотатством, когда происходила кража церковной собственности, представители духовенства подлежали суду общей юрисдикции. В отношении духовных лиц по делам о преступлениях против веры представители судебной власти в Российской империи XIX веке в целом не шли какое-либо смягчение обвинительного приговора. Возможно, это было связано с особой ролью, которую российские власти отводили православной церкви в жизни империи. Поэтому к ее представителям, которые совершали различные преступления против веры, применялись самые жесткие уголовные санкции. Однако, несмотря на общую тенденцию такой позиции по отношению к лицам духовного звания, в российской судебной практике данного периода встречаются случаи, когда власти шли на смягчение судебного приговора для священнослужителей. Так, 17 июля 1851 года из церкви Багаевской станицы Области Войска Донского диакон Петр Байзоренков украл станичных денег на сумму 1934 р. 14,5 копеек [РГИА, ф. 796, оп. 132, д. 1473]. Он сам на следующий же день пришел к местному управляющему, чистосердечно во всем сознался и вернул украденные деньги. Согласно 242 статье Уложения 1845 года этот диакон был приговорен судом к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на заводы сроком от 12 до 15 лет [Российское законодательство X — XX веков, т. 6, с. 226]. Однако при рассмотрении дела Правительствующий Сенат обратился к 140 статье Уложения 1845 года, пункту 1, который гласил, что если «виновный добровольно, нежели на него пало какое-либо подозрение, явился в суд или же к местному или другому начальству и вполне чистосердечно с раскаянием сознался в учиненном преступлении», то приговор, вынесенный ему, подлежит смягчению [Там же, с. 201]. На основании данной статьи Правительствующий Сенат приговорил диакона к лишению всех особенных лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и к ссылке на житье в Енисейскую губернию на 2 года и 6 месяцев.

6. Участие дворян в святотатстве в Российской империи в XIX веке

Преступниками, совершавшими святотатство в XIX веке в Российской империи, были представители не только духовенства и крестьянства, но и привилегированного слоя Российской империи — дворянства. Так, например, в 1842 году в Подольской губернии была судима за святотатство дочь коллежского секретаря, Александра Гонсиоровская

[РГИА, ф. 1151, оп. 3, 1842, отд. уг. дел и гер, д. 96]. 18 октября 1841 года обвиняемая пришла в Винницкий капуцинский монастырь к вечерне, где украла из подсвечника, стоявшего на престоле, свечу на 3 коп. серебром и скрыла под платьем, но при выходе из церкви была поймана с поличным. В ходе следствия обвиняемая чистосердечно созналась в содеянном. Уездный суд приговорил ее к лишению дворянства и ссылке в каторжную работу в Сибирь на основании 210 и 212 статьи XV т. Свода законов изд. 1842 года. В Общем Собрании Государственного совета приняли решение осудить ее за совершение святотатства, но, вместо каторжных работ, приговорить обвиняемую к тюремному заключению в Сибири на 1 год и после истечения срока оставить там на «вечное проживание».

7. Совершение святотатства в нетрезвом виде

Святотатство в XIX веке, как и многие другие преступления, распространенные в Российской империи, часто совершалось людьми в нетрезвом состоянии. Некоторые исследователи отмечают, что судебные органы империи нередко учитывали, что преступление против веры было совершено в состоянии опьянения и преступник порой не осознавал характер совершенных им преступных действий. На основании этого судебные органы в определенных случаях шли на смягчение наказания для обвиняемого [Андрощук, 2016, с. 172]. Как показало наше исследование, судебные органы Российской империи в указанный период не шли на смягчение приговора, касающегося какого-либо случая святотатства, в связи со спецификой состояния здоровья обвиняемого на момент совершения преступления. Так, в 1850 году вдова подполковника Ангелина Чувашева похитила в пьяном состоянии из римско-католического костела Шавельского прихода Ковенской губернии серебряный сосуд, используемый при литургии [РГИА, ф. 1151, оп. 4, 1852, отд. уг. дел и гер, д. 66]. На судебном заседании свидетели показали, что она любит горячительные напитки и нередко их употребляет. Дочь обвиняемой, прося суд смягчить приговор, утверждала, что обвиняемая больна, теряет рассудок несколько раз в год и «решается на все худые поступки» [Там же, л. 3]. Уездный суд не принял во внимание данное утверждение и постановил лишить обвиняемую всех прав состояния, сослать в каторжную работу на заводы сроком на 4 года, а затем оставить ее там в Сибири на «вечное поселение». Государственный совет постановил на основании 244 статьи Уложения 1845 года лишить Ангелину Чувашеву всех прав состояния и сослать в каторжные работы на заводы на 5 лет [Российское законодательство X—XX веков, т. 6, с. 227].

8. Смягчающие факторы для святотатства: незначительность суммы украденного

На смягчение приговора российские власти шли в случае незначительной суммы украденного. Данный факт подтверждается примером из судебной практики того времени. Так, в 1850 году жена отставного поручика Авдотья Яковенкова похитила из церкви Ставропольского монастыря подсвечник и церковных денег на 1 руб. [РГИА, ф. 1151, оп. 4, 1850, отд. уг. дел и гер., д. 50]. Уездный суд приговорил ее на основании 251 статьи Уложения о наказаниях 1845 года к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и ссылке на житье в отдаленную губернию, но не в Сибирь [Российское законодательство X—XX веков, т. 6, с. 229]. Высочайше утвержденным мнением членов Государственного совета приговор был несколько изменен. К обвинительному приговору была также приобщена 2 ч. 247 ст. Уложения 1845 года, согласно которой постановили: обвиняемую лишить всех прав состояния и сослать на житье в Енисейскую губернию с заключением там на 3 года. Но она после истечения срока, в отличие от многих осужденных по данной статье за святотатство, могла вернуться на прежнее место жительства, если бы захотела.

9. Участие крестьян в святотатстве в Российской империи в XIX веке и святотатство в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года

Святотатство в XIX веке, кроме представителей местного духовенства и дворянства, совершали и российские крестьяне, которые нередко, если удавалось, крали предметы религиозного предназначения. Например, в 1871 году в Санкт-Петербурге был судим лифляндский крестьянин Гавриил Денисов [ЦГИА, ф. 487, оп. 1, д. 1035]. Стоит отметить великолепную работу петербургской полиции, которая сумела быстро поймать преступника. Вечером 8 мая 1871 года обвиняемый зашел в церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы, где купил свечку. Помолившись, он поставил ее перед алтарем, а затем, убедившись в том, что в церкви никого не было, взял вызолоченный крест с алтаря и незаметно с ним ушел. Поймали его на следующий день, в 10 часов утра, когда он пытался на местном рынке продать похищенное. На следствии он во всем сознался. Санкт-Петербургская судебная палата в соответствии 242 статьей Уложения о наказаниях приговорила обвиняемого изначально к ссылке в каторжные работы. Однако в ходе судебных прений, приняв во внимание, что преступник чистосердечно раскаялся на дознании, обвиняемому смягчили приговор и лишь отправили в Петербургское исправительное учреждение на продолжительное время. Издание в 1885 году новой редакции Уложения

о наказаниях уголовных и исправительных в сущности не изменило статей (219—233 статьи четвертой главы Уложения 1885 года), касающихся святотатства, и они оставались без изменений вплоть до начала XX века.

10. Святотатство в российском Уголовном праве начала XX века

В начале XX века основу духовной жизни Российской империи по-прежнему составляла русская православная церковь. Российские власти не стремились ослабить свой контроль над данной сферой. Так, Уголовное Уложение 1903 года должно было лишь подтвердить и закрепить господствующее положение православного вероисповедания. Часть его глав была принята в исполнение, но глава, касающаяся преступлений против веры, была введена лишь в 1906 году. Последующие события в истории Российской империи заставили власти отложить вопрос о сохранении господствующего положения православной церкви, которое бы подтвердило Уголовное Уложение 1903 года. Первая Русская революция 1905 года вынудила российское правительство пойти на либерализацию духовной сферы жизни империи, нашедшую отражение в издании Указа от 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости». Как отмечает ряд современных исследователей, данные события выявили две противоречивые тенденции в политике императорской власти: с одной стороны, российское правительство стремилось сохранить господствующее положение православной церкви, с другой стороны, оно не могло не считаться с изменениями, произошедшими в политической жизни страны [Немытина, 1999, с. 202]. В связи с этим святотатство как преступление против веры было исключено из Нового Уголовного Уложения [Шингарева, 2015, с. 149]. Исследователи-правоведы XIX века в своих работах не раз критиковали несовершенство сформулированного в российском законодательстве понятия святотатства. Так, например, российский ученый-правовед П. П. Пусторослев в своих работах писал, что с позиции точной классификации святотатство является не преступлением против веры, а преступлением, направленным против какого-либо имущества, которое может быть квалифицировано «во множестве случаев нарушением уважения христиан к священным или освященным предметам, а также к молитвенным помещениям или другим хранилищам движимого церковного имущества, посвященным Богу» [Пусторослев, 1902, с. 123].

Составители Уложения удалили из данного законодательного источника статьи, посвященные святотатству, в связи с тем, что «в захватах церковного имущества, не соединенных с каким-либо поруганием святыни, на первом плане стоит осуществляемая виновными корысть, противозаконная нажива» [Попов, 1904, с. 477]. Теперь святотатство нужно было ис-

ключить из состава преступлений против веры и отнести к виду обычных совершаемых преступлений. Однако этого не произошло. В подтверждение приведем два дела из РГИА. Так, в 1907 году в Петрозаводском окружном суде были приговорены в каторжные работы на четыре года уроженец дагестанской области Джан-ага Аббас-ага-оглы и рядовой 93-го Иркутского пехотного полка М.-Я. В. Хоцишевский на основании п. 1, ч. 1, 225 ст. Уложения 1885 года [РГИА, ф. 1363, оп. 3, д. 241]. Джан-ага Аббас-ага-оглы, сговорившись со вторым обвиняемым, в ночь на 21 января 1906 года проник в запертую и охраняемую сторожем кладбищенскую церковь города Вытегры, где, сломав замки, похитил из запертого свечного ящика денег на сумму 86 р. 95 к. Далее он пытался взломать еще один сундук, где хранилось 807 рублей, но ему это не удалось, поэтому, взломав кружку для пожертвований, он взял оттуда деньги и сбежал с места преступления вместе с обвиняемым рядовым. Вскоре они были пойманы местной полицией. Присяжные заседатели на суде признали их виновными, и окружной суд приговорил: обвиняемых лишить всех прав состояния, а рядового — и воинского звания, и сослать в каторжную работу. Обвиняемые попытались обжаловать вынесенный им судебный приговор, обратившись в Уголовный кассационный департамент Правительствующего Сената, но Сенат своим решением оставил приговор в силе.

Второй судебный прецедент имел место в 1909 году [РГИА, ф. 1363, оп. 4, д. 328]. В это время в Московском окружном суде проходил процесс над мещанином Ф. И. Реутовским, обвиненным в святотатстве. На основании 1 ч. 221 статьи Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года он был осужден на 6 лет каторжных работ [Таганцев, 1892, с. 200]. Кассационная жалоба, поданная обвиняемым в Уголовный кассационный департамент Сената, не была удовлетворена, и приговор остался в силе. В Уголовном Уложении 1903 года уже нет понятия «святотатство», оно отнесено к разряду имущественных преступлений. Однако на основании уже упомянутого судебного прецедента можно убедиться в том, что святотатство продолжало по-прежнему оставаться в числе преступлений против веры. Возможно, акт отнесения святотатства в 1909 году к разряду преступлений против веры связан с парадоксальной ситуацией, возникшей в российском законодательстве. Как отмечает дореволюционный исследователь С. В. Познышев, «постановления старого Уложения о святотатстве не показаны отмененными в Высочайшем повелении 14 марта 1906 г., и, значит будут еще вместе действовать со второй главой нового Уложения» [Познышев, 1906, с. 229]. Поэтому говорить о полной либерализации российского законодательства, касающегося преступлений против веры, после издания Указа от 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости» не приходится.

Несмотря на то, что в Уголовном Уложении 1903 года мы не находим такой суровой степени ответственности за совершение религиозного преступления, как ссылка на каторжную работу в Сибирь, все-таки действующая часть «старого» Уложения позволила ее сохранить. При этом, как отмечает современный исследователь В. В. Андрощук, действие нормы «старого» Уложения 1885 года распространялось «только на признанные государством христианские вероисповедания», что полностью противоречило принципу Указа от 17 апреля 1905 года о равноправии всех конфессий Российской империи перед законом [Андрощук, 2016, с. 120].

Данное положение еще раз подтверждает тот факт, что после 1905 года в Российской империи по отношению к религиозной жизни страны наблюдались две противоречивые тенденции. С одной стороны, в религиозной сфере российское правительство пошло на частичную либерализацию законодательства, касающегося преступлений против веры. Это нашло отражение в распространении в российской судебной практике большего количества оправдательных приговоров по делам, касающихся религиозных преступлений, по сравнению с XIX веком. С другой стороны, российские власти не отказались от особого, главенствующего положения православной церкви по отношению к другим вероисповеданиям.

11. Заключение

Преступления против веры (в том числе и святотатство) составляли большую часть от всех уголовных преступлений в России в XIX — начале XX веках (приблизительно 1 %) [Тарановский, 1899, с. 1—3]. Однако они признавались значимыми. Большое внимание уделялось уголовно-правовым нормам в этой области, их применению в судебной практике, изменению и разработке новых. В числе социальных групп Российской империи XIX — начала XX веков, представители которых допускали случаи святотатства, были представители дворянского сословия. Также «святотатцами» выступали представители местного духовенства и крестьяне. Предметами, которые крали святотатцы, выступали обычно либо церковные деньги, либо иконы и церковный инвентарь. Святотатство иногда совершалось людьми в нетрезвом виде. Однако если в случае других преступлений против веры российские власти в указанный период учитывали состояние преступника, его «невежество» и старались смягчить приговор, то при совершении святотатства преступник наказывался по всей строгости закона. Смягчению меры наказания, вынесенной обвиняемому в святотатстве в соответствии утвержденными законами Российской империи XIX века, способствовали незначительность суммы украденного и чистосердечное раскаяние преступника. При этом на всем протяжении XIX века российские власти неохотно шли на

смягчение приговоров по судебным делам, касающимся преступлений против веры. В законодательных актах Российской империи XIX века не было большого количества положений, направленных на облегчение участи человека, совершившего религиозное преступление.

В начале XX века в Российской империи ситуация, связанная с преступлениями против веры, изменилась. Так, 17 апреля 1905 года был издан Указ «Об укреплении начал веротерпимости», согласно которому закон должен «обеспечить каждому из поданных свободу верования и молитв по велению его совести» [Ширяев, 1909, с. 332]. Издание российскими властями Указа 17 апреля 1905 года положило начало процессу по смягчению ответственности за совершение преступлений против веры, правоприменительно отразившемуся в старании власти облегчить положение лиц, осужденных за совершение данных правонарушений. Российские власти осуществили пересмотр ряда некоторых норм уголовного законодательства об ответственности за преступления против веры. Так, 14 марта 1906 года при введении в действие статей Уголовного Уложения 1903 года, посвященных преступлениям против веры, были задействованы положения, которые предполагали в случае совершения некоторых религиозных преступлений (например, богохульства) по «невежеству, неразумению или пьянству» применение к обвиняемому самой «мягкой» формы ответственности — временного ареста на непродолжительный срок. Также святотатство было окончательно исключено из числа преступлений против веры согласно Уголовному Уложению 1903 года, однако на практике оно по-прежнему некоторое время расценивалось как религиозное преступление.

Источники и принятые сокращения

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. Том I. С 1649 по 1675. От № 1 до 618 — Санкт-Петербург : типография II-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. — 1072 с.

2. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 796 (Канцелярия Синода). Оп. 132. Д. 1437. По рапорту Иоанна, Архиепископа, Донского и Новочеркасского о похищении диаконом Багаевской станицы Петром Байзоренковым из церкви станичных денег 1934 руб. 14.5 к. ; Ф. 1151 (Департамент Гражданских и духовных дел Государственного Совета). Оп. 3. 1842. Отделение уголовных дел и герольдии. Д. 96. Об обер-офицерской дочери Александре Гонсиоровской, судимой за святотатство ; Оп. 4. 1856. Отд. уг. дел и гер. Д. 73. О сыне титулярного советника из дворян Владимире Петрове Каменцеве, судимом за святотатство ; Оп. 4. 1850. Отд уг. дел и гер. Д. 50. О жене отставного поручика, Авдотье Яковенковой, судимой за святотатство (кража из церкви Ставропольского монастыря подсвечника и денег) ; Оп. 4. 1852. Отд. уг. дел и гер. Д. 66. О вдове подполковника Ангелине Чувашевой, судимой за святотатство (кража из костела серебряного сосуда) ; Ф. 1345 (Пятый (уголовный) департамент Сената).

Оп. 334. Д. 463. Об арестанте, судимом за намерение учинить воровство денег из церкви ; Ф. 1363. (Уголовный кассационный департамент Сената). Оп. 3. Д. 241. Об отмене приговора по делу Джана-ага Аббас-ага-оглы и М-Я. В. Хоцишевского, осужденных за ограбление церкви ; Оп. 4. Д. 328. О пересмотре дела Ф. И. Реутовского, обвиненного в святотатстве.

3. *Российское законодательство X—XX веков* : в 9 т. / Под ред. О. И. Чистякова. Том 6. Законодательство первой половины XIX в. — Москва : Юридическая литература, 1988. — 432 с.

4. *Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный*. — Изд. 1832 г. Т. 15. — Санкт-Петербург : типография II-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1833. — 565 с.

5. *Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г.* / Н. С. Таганцев — 5 — е изд., доп. — Санкт-Петербург : Типография М. Стасюлевича, 1866. — 714 с.

6. ЦГИА СПб — *Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга*. Ф. 487 (Прокурорский надзор Петроградского окружного суда. Петроград. 1866—1917). Оп. 1. Д. 1035. По делу крестьянина Н. Денисова, обвиняемого в святотатстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андрощук В. В. Преступления против религии по законодательству России (конец XIX — начало XX века)* / В. В. Андрощук. — Москва : Юриспруденция, 2016. — 208 с. ISBN 978-5-9516-0782-9.

2. *Белогриц-Котляревский Л. С. Особые виды воровства-кражи по русскому праву (оттиск из Университетских известий)* / Л. С. Белогриц-Котляревский. — Киев : Univ. тип. (И.И. Завадского), 1883. — 222 с.

3. *Есипов В. В. Святотатство в истории русского законодательства* / В. В. Есипов // Варшавские университетские известия. — 1893. — Книга VIII. — С. 1—42.

4. *Ефимовских В. Л. Религиозные преступления в русском праве X — начала XX в. : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01* / В. Л. Ефимовских. — Нижний Новгород, 2002. — 229 с.

5. *Клочков В. В. Закон и религия : от государственной религии в России к свободе совести в СССР* / В. В. Клочков. — Москва : Политиздат, 1982. — 160 с.

6. *Лукьянов С. А. Святотатство как вид религиозного преступления в российском законодательстве (X — начало XX вв.)* / С. А. Лукьянов // Вестник экономической безопасности. — 2016. — № 1. — С. 150—156.

7. *Немытина М. В. Суд в России : вторая половина XIX — начало XX вв.* / М. В. Немытина. — Саратов : Саратовский юридический институт МВД РФ, 1999. — 256 с. ISBN 5-7485-0021-3.

8. *Познышев С. В. Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы* / С. В. Познышев. — Москва : Университетская типография, 1906. — 313 с.

9. *Попов А. В. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву* / А. В. Попов. — Казань : Типолитография Университета, 1904. — 516 с.

10. *Пусторослев П. П. Конспект лекций по особенной части русского уголовного права* / П. П. Пусторослев. — Юрьев : Типография К. Маттисена, 1902. — 260 с.

11. *Солнышкин А. А. Преступления против веры в Российской империи в XIX — начале XX вв. : святотатство* / А. А. Солнышкин // Поколение будущего : сборник из-

бранных статей Международной студенческой научной конференции (Санкт-Петербург, Ноябрь 2019). — Санкт-Петербург : ГНИИ Нацразвитие, 2019. — 234 с. — ISBN 978-5-6045522-3-0.

12. Тарановский Е. Н. Религиозные преступления в России / Е. Н. Тарановский // Вестник права. — 1899. — № 4. — С. 1—27.

13. Хартулари К. Ф. О святотатстве / К. Хартулари // Журнал Министерства Юстиции. — 1863. — Том XVII, Сентябрь. — С. 489—504.

14. Шингарева Н. В. Религиозные преступления и ответственность за их совершение в Уголовном Уложении 1903 г. / Н. В. Шингарева // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. — 2015. — № 5. — С. 148—150.

15. Ширяев В. Н. Религиозные преступления. Историко-догматические очерки / В. Н. Ширяев. — Ярославль : Типография Губернского правления, 1909. — 423 с.

MATERIAL RESOURCES

RGIA. *The Russian State Historical Archive. F. 796. F. 1151 (Office of the Synod). F. 1345 (Fifth (Criminal) Department of the Senate). F. 1363. (Criminal Cassation Department of the Senate).* (In Russ).

Russian legislation of the X—XX centuries: in 9 volumes, 6. Legislation of the first half of the XIX century. (1988). Moscow: Legal literature. 432 p. (In Russ).

Tagantsev, N. S. (1866). *The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885.* St. Petersburg: Printing house of M. Stasyulevich. 714 p. (In Russ).

The code of laws of the Russian Empire, compiled by the order of the sovereign Emperor Nikolai Pavlovich. (1833). St. Petersburg: printing House of the II-th Department of His Imperial Majesty's Own Chancery. 565 p. (In Russ).

The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ). (1830). The first meeting. From 1649 to December 12, 1825. Volume I. From 1649 to 1675. From No. 1 to 618 — St. Petersburg: printing house of the II-th Department of His Imperial Majesty's Own Chancery. 1072 p. (In Russ).

TSGIA SPb — *Central State Historical Archive of St. Petersburg. F. 487 (Prosecutor's supervision of the Petrograd District Court. Petrograd. 1866—1917). Op. 1. d. 1035. In the case of the peasant N. Denisov, accused of sacrilege.* (In Russ).

REFERENCES

Androschuk, V. V. (2016). *Crimes against religion under the legislation of Russia (late XIX — early XX century).* Moscow: Jurisprudence. 208 p. ISBN 978-5-9516-0782-9. (In Russ).

Belogrits-Kotlyarevsky, L. S. (1833). *Special types of theft-theft under Russian law (an impression from the University News).* Kiev: Univ. tip. (I. I. Zavadsky). 222 p. (In Russ).

Efimovskikh, V. L. (2002). *Religious crimes in Russian law of the X-beginning of the XX century.* PhD Diss. Nizhny Novgorod. 229 p. (In Russ).

Esipov, V. V. (1893). Sacrilege in the history of Russian legislation. *Warsaw University News, VIII:* 1—42. (In Russ).

Khartulari, K. F. (1863). *On sacrilege. Journal of the Ministry of Justice, XVII.* September. 489—504. (In Russ).

- Klochkov, V. V. (1982). *Law and religion: from the state religion in Russia to freedom of conscience in the USSR*. Moscow: Politizdat. 160 p. (In Russ).
- Lukyanov, S. A. (2016). Sacrilege as a type of religious crime in Russian legislation (X — beginning of XX centuries). *Bulletin of Economic Security*, 1: 150—156. (In Russ).
- Nemytina, M. V. (1999). *The court in Russia: the second half of the XIX — the beginning of the XX centuries*. Saratov: Saratov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 256 p. ISBN 5-7485-0021-3. (In Russ).
- Popov, A. V. (1904). *The trial and punishment for crimes against faith and morality in Russian law*. Kazan: Typolithography of the University. 516 p. (In Russ).
- Poznyshev, S. V. (1906). *Religious crimes from the point of view of religious freedom*. Moscow: University Printing House. 313 p. (In Russ).
- Pustoroslev, P. P. (1902). *Summary of lectures on a special part of Russian criminal law*. Yuryev: Printing house of K. Mattisen. 260 p. (In Russ).
- Shingareva, N. V. (2015). Religious crimes and responsibility for their commission in the Criminal Code of 1903. *Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 5: 148—150. (In Russ).
- Shiryaev, V. N. (1909). *Religious crimes. Historical and dogmatic essays*. Yaroslavl: Printing house of the Provincial government. 423 p. (In Russ).
- Solnyshkin, A. A. (2019). Crimes against faith in the Russian Empire in the XIX — early XX centuries: sacrilege. In: *Generation of the future: a collection of selected articles of the International Student Scientific Conference (St. Petersburg, November 2019)*. St. Petersburg: State Research Institute of National Development. 234 p. ISBN 978-5-6045522-3-0. (In Russ).
- Taranovsky, E. N. (1899). Religious crimes in Russia. *Bulletin of Law*, 4: 1—27. (In Russ).

Старикова Н. В. Официальная и реальная биографии в контексте советской традиции нематериального стимулирования труда в годы Великой Отечественной войны / Н. В. Старикова, А. В. Шуршикова, М. Ю. Шляхов // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 479—495. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-479-495.

Starikova, N. V., Shurshikova, A. V., Shlyakhov, M. Y. (2021). Official and Real Biographies in Context of Soviet Tradition of Non-Material Incentives for Labor during Great Patriotic War. *Nauchnyi dialog*, 7: 479-495. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-479-495. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-479-495

Официальная и реальная биографии в контексте советской традиции нематериального стимулирования труда в годы Великой Отечественной войны

Старикова Нина Владимировна

orcid.org/0000-0001-6631-0296

кандидат исторических наук, доцент
кафедра истории России и
вспомогательных исторических дисциплин
ninast78@yandex.ru

Шуршикова Анна Владимировна

orcid.org/0000-0002-8012-4630

кандидат исторических наук, доцент
заведующая кафедрой истории России
и вспомогательных исторических
дисциплин
annashurshikova@yandex.ru

Шляхов Михаил Юрьевич

orcid.org/0000-0002-4398-4391

кандидат исторических наук, доцент
кафедра истории России
и вспомогательных исторических дисциплин
mik-shlyakhov@yandex.ru

Нижегородский государственный
педагогический университет
имени Козьмы Минина
(Нижний Новгород, Россия)

Official and Real Biographies in Context of Soviet Tradition of Non-Material Incentives for Labor during Great Patriotic War

Nina V. Starikova

orcid.org/0000-0001-6631-0296

PhD in History, Associate Professor
Department of Russian History and Auxiliary
Historical Disciplines
ninast78@yandex.ru

Anna V. Shurshikova

orcid.org/0000-0002-8012-4630

PhD in History, Associate Professor
Head of the Department of Russian History
and Auxiliary Historical Disciplines
annashurshikova@yandex.ru

Mikhail Y. Shlyakhov

orcid.org/0000-0002-4398-4391

PhD in History, Associate Professor
Department of Russian History
and Auxiliary Historical Disciplines
mik-shlyakhov@yandex.ru

Minin Nizhny Novgorod
State Pedagogical University
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Старикова Н. В., Шуршикова А. В., Шляхов М. Ю., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос об использовании официальной трудовой биографии в 30—40-е годы XX века как средства воспитания у советского человека сакрального отношения к труду, способа нематериального стимулирования производственного процесса. Актуальность исследования обусловлена обращением авторов к проблеме формирования нового отношения к труду в период индустриализации и годы Великой Отечественной войны. Уделяется внимание роли периодической печати. Представлены результаты сопоставительного анализа официальной и реальной биографии, восстановленной по материалам личного дела. Поднимается вопрос о задачах официальной биографии Героя Социалистического труда в указанный период. Новизна исследования видится в привлечении неопубликованных данных производственного архива Горьковской железной дороги, в реконструкции реальных биографических данных. Авторы останавливаются на сравнении официальной и реальной биографий. Доказана возможность использования героической биографии как способа нематериального стимулирования труда. Представлена авторская реконструкция биографии Ивана Георгиевича Макарова — Героя Социалистического труда. Описан опыт аналитического исследования документальных исторических источников и их сопоставления с нарративной традицией.

Ключевые слова:

стимулирование труда; мотивация; делопроизводственные документы; автобиография как исторический источник; реконструкция биографии; труд в годы войны.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question of the use of the official labor biography in the 30—40s of the twentieth century as a means of instilling a sacred attitude to work in a Soviet person, a method of non-material stimulation of the production process is considered. The relevance of the study is due to the interest in biography in the context of the history of labor, in the authors' appeal to the problem of forming a new attitude to work during the period of industrialization and the years of the Great Patriotic War. Attention is paid to the role of periodicals. The results of a comparative analysis of the official and real biography, recovered from the materials of the personal file, are presented. The question is raised about the tasks of the official biography of the Hero of Socialist Labor in this period. The novelty of the research is seen in the attraction of unpublished data from the production archive of the Gorky Railway, in the reconstruction of real biographical data. The authors compare the official and real biographies. The possibility of using heroic biography as a method of non-material stimulation of labor has been proved. The author's reconstruction of the biography of Ivan Georgievich Makarov — Hero of Socialist Labor is presented. The experience of analytical research of documentary historical sources and their comparison with the narrative tradition is described.

Key words:

stimulation of labor; motivation; clerical documents; autobiography as a historical source; reconstruction of the biography; labor during the war.

Официальная и реальная биографии в контексте советской традиции нематериального стимулирования труда в годы Великой Отечественной войны

© Старикова Н. В, Шуршикова А. В, Шляхов М. Ю., 2021

1. Введение

Антропологический поворот, совершенный современной исторической наукой, привел к всплеску исследовательского интереса к жанру исторической биографии [Абуев, 2014, с. 26—30; Замалеев и др., 2019]. Индивидуальная биография становится специфическим исследовательским приемом, препарирующим исторические события и позволяющим взглянуть на них «изнутри», через человеческую личность [Репина, 2004, с. 264; Репина, 2009, с. 270—304; Репина, 2011, с. 163—175]. Одним из популярных направлений современной науки стала так называемая «история снизу», значительную часть которой составляют биографии «простых» людей (рабочих, служащих), локальных политических, профсоюзных или рабочих лидеров [Историческая биография ..., 2011, с. 10—12; Осмаченко, 2009; Smirnova et al., 2020, с. 391—401]. Биографический метод нередко применяется в «истории труда» — отдельном, переживающем «второе рождение» направлении исторических исследований [Пушкарёва и др., 2004, с. 5—68; Garina et al., 2020, с. 170—178].

Советская историография сосредоточивала внимание на процессах становления, развития и функционирования производства, отраслей народного хозяйства и т. д. Как справедливо отмечает А. К. Соколов, сложившийся в советской исторической науке стереотип идеализированного и романтизированного социалистического труда не соответствует реальному процессу формирования новых трудовых отношений в молодом советском государстве [Соколов, 2010, с. 175]. Этим обстоятельством обусловлен исследовательский интерес к проблемам мотивации и стимулирования труда, мироощущению человека в процессе трудовой деятельности, его социальным взаимосвязям, способам взаимодействия в коллективе и активизации профессиональной деятельности. Центром новых исторических изысканий становится человек как «механизм» осуществления производственных задач [Кисляков и др., 2020, с. 786].

Настоящая статья содержит попытку реконструкции социальной биографии Героя Социалистического труда, работника Горьковской железной дороги Ивана Георгиевича Макарова в контексте исторических событий

периода Великой Отечественной войны и послевоенного времени. Привлечение архивных материалов из личного дела И. Г. Макарова дало возможность воссоздать его реальную биографию, отличающуюся от многочисленных газетных публикаций и справочников. Сравнительный анализ двух биографических линий — официальной и реальной — позволил показать принцип отбора и значение биографических данных героев в процессе воспитания необходимого советскому обществу в военные годы отношения к труду, в решении задач внутренней мотивации и нематериального стимулирования профессиональной деятельности.

Методологическую базу исследования составили биографический метод, позволивший реконструировать подлинную биографию героя, а также источниковедческий и сравнительный анализ письменных источников двух типов: документальных свидетельств из личного дела И. Г. Макарова (приказы, характеристики, справки и другие делопроизводственные документы) и нарративной традиции, представленной в официальных средствах массовой информации.

2. Система стимулирования труда в СССР в 20—40-е годы XX века

Одной из главных задач молодого Советского государства стало создание нового типа трудовых отношений, которые должны были отвечать идеологическим установкам советской власти и быть достаточно эффективными для вывода страны из экономического кризиса 20-х годов. Первыми же мероприятиями в этой области был заложен главный конфликт, длившийся всю советскую эпоху: борьба уравнительной и дифференцированной политики в области вознаграждения за труд [Соколов, 2010, с. 179]. Уже на первом этапе существования СССР руководство страны пытается решить данный конфликт путем сочетания репрессивных мер, стимулирующих трудовую дисциплину и рост производительности труда (введение всеобщей трудовой повинности), с пропагандистской и агитационной работой, направленной на воспитание нового, высоко сознательного отношения к труду. Еще в 1919 году работой Ленина «Великий почин» было положено начало трудовым субботникам и ударническому движению, основной смысл которых сводился к выполнению производственных задач сверх установленной нормы и в нерабочее время. В середине 20-х годов в целях стимулирования ударничества были учреждены специальные знаки и жетоны отличия: «ударник», «лучший ударник». С 1928 года в Советском Союзе регулярно проходят отраслевые конкурсы, для победителей которых также был учрежден специальный знак. Вместе с тем в трудовые коллективы внедрялась мысль о почетности высоких производственных показателей и моральной ответственности за результаты труда.

В условиях начавшейся в стране индустриализации, направленной на строительство социализма, усилилась пропаганда моральных обязательств каждого человека перед отдельным трудовым коллективом и страной в целом. Исследование А. К. Соколова показало, что в этот период имело место сочетание различных способов стимулирования производственных процессов, от материальных (путем увеличения заработной платы и применения других способов вознаграждения) до принудительных (ГУЛАГ), но именно моральные стимулы и обязательства вышли на первое место [Соколов, 2010, с. 185]. Постановлением ЦК ВКП(б) «О социалистическом соревновании фабрик и заводов» была продолжена традиция нематериального стимулирования и воспитания нового, коммунистического отношения к труду [О социалистическом ..., 1967, т. 2, с. 53—55]. Центральная и ведомственная печать тиражировала и пропагандировала трудовые успехи, достигнутые в ходе социалистических соревнований.

Следом за ударничеством и социалистическими соревнованиями последовало стахановское движение, ставившее своей целью внедрение в производство новаторских методов и улучшение условий труда. Пропаганда «стахановского отношения к труду» также выдвигала на первый план нематериальные стимулы. В трудовые коллективы активно внедрялось представление о высокой почетности труда на благо общества. В прессе воспевался образ «трудовых подвигов» и «трудовой борьбы» как главных способов построения социализма, постепенно складывался романтизированный образ «героя» труда. Указом Верховного Президиума совета СССР от 27 декабря 1938 года устанавливалась высшая степень отличия в области хозяйственного и культурного строительства — звание Героя Социалистического труда, сопровождавшееся вручением высшей награды — ордена Ленина и Грамоты Президиума Верховного совета СССР (в 1940 году дополненное вручением золотой медали «Серп и Молот»). К этому времени в периодической печати оформилась традиция «героических» трудовых биографий, призванных показать превосходство социалистической системы трудовых отношений через жизненный путь «представителей первого поколения советских людей, чьи интересы тесно переплетались с интересами партии» [Наволоцкая, 2019, с. 431]. С этой целью в биографиях «героев» подчеркивалось их рабоче-крестьянское происхождение, участие в революционной борьбе, наличие четких идеологических установок, соответствующих партийным ценностям, ответственное отношение к труду. Сознательно «опускались» факты, не вписывающиеся в «успешный» жизненный сценарий и не соответствующие идеологии времени. Трудовой путь, получивший высшее признание руководства страны и всего общества, представлялся как борьба за высокие производственные показатели, которая ведется невзирая на трудности и лишения.

Высокие государственные награды, нагрудные знаки отличия, публикации в прессе биографических очерков — все это в комплексе должно было способствовать формированию нового отношения к труду как к почетному праву советского гражданина, единственному пути достижения общественного блага.

Во время Великой Отечественной войны введение чрезвычайных мер способствовало усилению принудительных способов трудовой мотивации. Однако на волне патриотизма продолжали использоваться и методы пропаганды социалистического труда, получившие в этот период новое актуальное звучание.

3. Официальная биография и материалы личного дела

В период Великой Отечественной войны железные дороги СССР были на особом положении, что определялось их существенной ролью в организации движения эвакуационных и воинских эшелонов. От бесперебойной и безотказной работы всех структур железнодорожного транспорта зависели сотни тысяч жизней и исход боевых операций. Уже 23 июня 1941 года приказом НКПС движение поездов было переведено на военный график, предусматривавший первоочередной пропуск воинских эшелонов и грузов [Снегирева, 2015, с. 21]. Этим же документом устанавливалось предписание четкой работы станций. В период войны крупные железнодорожные станции, особенно те, вблизи которых находились важные стратегические объекты, выполняли немислимый объем работы: встречали, распределяли и отправляли далее по маршруту эвакуационные эшелоны, формировали и отправляли воинские составы, осуществляли регулировку движением гражданских и санитарных поездов. Начальник станции организовывал и контролировал весь рабочий процесс, принимал решения, ориентируясь на текущую ситуацию, и нес за них личную ответственность. Особенно трудным для железнодорожников стал 1942 год. В этот период железнодорожники Горьковского узла столкнулись с нехваткой топлива и локомотивов, многократно возросшим потоком эвакуационных поездов, отсутствием ремонтных баз. Положение осложнялось тем, что город Горький стал первым приемным пунктом эвакуационных потоков, пути Товарной станций были заставлены вагонами, что делало невозможным формирование поездов с военной техникой [История паровозного ..., 1982, с. 26]. В мае 1942 года должность начальника станции Горький-Товарная, ставшей одним из ключевых звеньев, связывающих фронт и тыл, занял Иван Георгиевич Макаров. Ему предстояло решить обозначенные проблемы и организовать бесперебойность движения и своевременный пропуск воинских эшелонов.

В 1943 году за организацию отлаженной работы станции И. Г. Макаров был награжден званием Героя Социалистического труда. Практически сразу в газетах появились статьи, излагающие биографию героя. Однако если попытаться реконструировать события трудовой жизни Ивана Георгиевича, опираясь на материалы его личного дела, то нам откроется иной жизненный путь этого человека со своими взлетами и падениями, отражающий нелегкий период истории нашей страны.

И. Г. Макаров не оставил воспоминаний, дневников или личного архива. Сведения о его трудовой жизни мы можем почерпнуть из нескольких источников. Во-первых, это весьма «увесистое» личное дело, состоящее из 77 листов. В состав дела входит личный листок по учету кадров, приказы начальника Горьковской дороги, наградные листы, характеристики разных лет за период службы, представление, выписки из приказов начальника дороги, Народного комиссариата путей сообщения (НКПС) и указов Президиума верховного совета СССР, листы служебных аттестаций, докладная записка, телеграммы начальника дороги и автобиография. Личное дело формировалось в течение службы Макарова на Горьковской дороге, поэтому содержит подробные и обстоятельные данные длительного отрезка трудовой биографии. Документы личного дела, несомненно, носят официальный характер, но при этом не являются «парадными», в них фиксируются не только карьерные «взлеты», заслуги и награды, но и просчеты, «сложные времена» и взыскания. Кроме того, некоторые данные личного дела могут пролить свет на внутреннюю обстановку в коллективе, на факты, имеющие значение для реконструкции подлинной биографии героя и дополнительной характеристики глобальных исторических событий указанного периода.

Другим источником информации стали публикации в ведомственном периодическом печатном органе — газете «Волжская Магистраль». Нами были изучены газетные номера за 1942—1946 годы, выявлены статьи и заметки о И. Г. Макарове. В отличие от документов делопроизводственного характера, периодика не только являет собой яркий пример официальной оценки трудовой деятельности, но по существу представляет собой ретранслятор важнейших идеологических установок, выполнявших воспитательную задачу по отношению к трудовому коллективу.

Немаловажное значение для установления некоторых фактов биографии Макарова имел сборник воспоминаний ветеранов локомотивного депо Горький-Сортировочный. Воспоминания об истории станции и депо и о людях, которые там работали, были собраны в 80-е годы прошлого столетия и напечатаны Дорожным центром научно-технической информации и библиотек Горьковской железной дороги в 1982 году. В настоящее время рукопись хранится в музее истории развития Горьковской железной дороги.

5 ноября 1943 года Ивану Георгиевичу Макарову, начальнику железнодорожной станции Горький-Московский, указом Президиума верховного совета СССР за «особые заслуги в обеспечении перевозок для фронта и народного хозяйства» было присвоено звание Героя Социалистического труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот» [О присвоении ...]. Уже 18 ноября в ведомственном печатном издании появилась обширная статья, излагающая трудовую биографию героя. В ней встречаем такую характеристику: «Много вложил Иван Георгиевич в организацию технологического процесса станции, положив начало превращения ее в передовое предприятие дороги. Будучи начальником движения Горьковского отделения дороги, он обеспечивал бесперебойное движение поездов на фронт и перевозки, связанные с эвакуацией. Огромный труд старейшего железнодорожника отмечен высокой правительственной наградой» [Герой ..., 07.11.1943]. В статье подробно описывается трудовой путь Макарова, начиная с раннего детства. При сличении данных статьи с автобиографией из личного дела и материалами официального делопроизводства нами было отмечено несколько несоответствий. В целом они не изменили по существу характеристику Ивана Георгиевича и оценку его вклада в работу станции, но дали материал для дополнительной детализации его трудовой деятельности и характеристики эпохи. Разночтения начинаются буквально с первого этапа жизненного пути будущего героя.

Иван Георгиевич родился в 1892 году в крестьянской семье в селе Любониково Тамбовской губернии (теперь — Сасовский р-н Рязанской области). С 12 лет он работал на местного помещика, был и пастухом, и ключником, и конюхом. Такие данные сообщает о нем «Волжская Магистраль» в подробнейшей статье, опубликованной по случаю присвоения Макарову звания Героя социалистического труда. Из автобиографии 1948 года, содержащейся в личном деле, следует, что до 15-ти лет Иван Георгиевич жил при матери, зимой учился, а весной и летом помогал ей в поле и присматривал за детьми, которых в семье было пятеро [МИРГЖД НН, л. 76]. Батрачить на помещика он стал лишь в 1907 году. В солдаты Макарова не взяли «по льготе». Можно отметить, что официальная печать несколько приукрашивает стандартные биографические данные крестьянского сына, формируя образ героя-труженика, с ранних лет испытывавшего на себе все трудности крестьянской жизни и батрачества.

В 1913 году Макаров поступил на фабрику Саввы Морозова в Орехово-Зуево сначала холстовщиком, затем слесарем. В 1916 году, как отмечает «Волжская магистраль», по подозрению в стачечной деятельности его уволили. По данным газеты, несколько рабочих сбросили в воду директора фабрики, что и послужило поводом для следствия и увольнения. В автобиогра-

фии И. Г. Макаров, описывая этот эпизод своей жизни, употребляет формулировку «по неизвестным мне причинам» [МИРГЖД НН, л. 76]. В личном деле, как и в автобиографии, нет упоминаний об инциденте, нет данных об участии Макарова в стачечной деятельности. Возникает вопрос, действительно ли газетчики были лучше осведомлены о сложившейся в 1915 году обстановке на фабрике? Или здесь опять имеет место несколько «приукрашенный» факт биографии для создания наиболее полноценного героического образа? Второй вариант представляется более вероятным. Фактически биография, обозначенная газетными публикациями, формировала романтический образ героя-труженика, борца с угнетателями, добившегося своим трудом (что немаловажно) наивысшего признания руководства страны, партии и народа. В условиях военного времени такая воспитательная функция образа труженика была оправдана и понятна. Она служила своего рода продолжением зародившейся еще в тридцатые годы традиции нематериального стимулирования труда и должна была способствовать укреплению трудовой дисциплины, внушать уважение к человеку-труженику.

Однако для получения более достоверных сведений, отражающих реальные факты интересующего нас периода, необходимо обратиться к материалам личного дела и к воспоминаниям сослуживцев Макарова.

В 1916 году он устроился кондуктором на станции Лихоборы Московско-Окружной железной дороги. Во время Октябрьской революции Макаров уже работал стрелочником. Иван Георгиевич действительно включился в процесс революционной борьбы. Его избрали секретарем местного профсоюзного комитета. В 1917 году он был направлен в военную коллегию по всеобучу. Эти подробности мы узнаем из автобиографии будущего героя. Ведомственная печать упускает данный этап, акцентируя внимание на следующем. За новую власть Макаров боролся не только на идеологическом фронте. В 1919 году он был мобилизован в Красную Армию в 36 запасный батальон в г. Усмань [Герой ..., 07.11.1943]. Через некоторое время, после прохождения коротких курсов строевого командира в Москве, Макарова отправили на фронт под Петроград. После получения тяжелого ранения (был ранен трижды) в апреле 1920 года он вновь вернулся на станцию Лихоборы. В том же году И. Г. Макарова избрали секретарем местной партийной организации. Автобиография, являющаяся составной частью личного дела, уточняет факт демобилизации — в соответствии с декретом о возвращении железнодорожников на транспорт. Таким образом, возвращение к мирной жизни было обусловлено скорее потребностью новой власти в профессиональных кадрах и восстановлении железнодорожного движения, чем следствием тяжелого ранения. Однако для революционного образа было необходимо показать, что наш герой пострадал за дело революции.

До 1923 года Иван Георгиевич успел поработать составителем, конторщиком, дежурным по станции. Таким образом, он не понаслышке, изнутри изучил всю специфику станционной работы.

В 1928 году Макаров поступил в Московский институт инженеров транспорта, который закончил в 1930 году с квалификацией техника путей сообщения первого разряда. Так описывает этот отрезок жизненного пути Ивана Георгиевича «Волжская магистраль». В личном деле детали этого временного отрезка уточняются. В первый раз И. Г. Макаров был командирован на учебу (рабфак) в 1921 году — сказывалась нехватка квалифицированных кадров. Однако, как говорится в автобиографии, в 1923 году, будучи на третьем курсе, «по семейным обстоятельствам и материальному положению» учебу Макаров бросил и вернулся на железную дорогу. С 1923 по 1925 годы он был секретарем базовой ячейки ВКП(б). В 1925 году на профсоюзном съезде Московско-Курской железной дороги был избран в президиум. Следующие три года занимался партийной работой. В дальнейшем сведения совпадают с данными статьи.

После завершения учебы Макаров был командирован на Московско-Курскую железную дорогу (в состав которой входила в то время будущая Горьковская железная дорога) начальником станции Шахунья. Отработав 5 месяцев, Макаров получил назначение на должность начальника крупной станции Горький-Товарная. В 1935 году вступила в эксплуатацию новая станция Горький-Сортировочная, построенная по проекту В. Н. Образцова, с новейшим по тому времени техническим оснащением. Руководить станционной работой назначили И. Г. Макарова. Он взялся за дело по-новому, начал с организации на станции курсов подготовки квалифицированных кадров, нехватка которых остро ощущалась, внедрил показатели качества работы: средний вес поезда брутто, оборот вагона, простой и порожний пробег вагонов [История паровозного ..., 1982, с. 29—30].

В мае 1940 года приказом заместителя народного комиссара путей сообщения И. Г. Макаров был назначен на пост начальника Горьковского отделения движения. Здесь его и застала Великая Отечественная война, первые годы которой были особенно напряженными для транспорта. Когда с запада на восток потянулись поезда с оборудованием промышленных предприятий, дороги, в том числе и Горьковская, были перегружены, а станции забиты составами. Если прибавить к этому количество прибывавших в это время в Горький эвакуированных с людьми, то можно себе представить, что загруженность станционных путей была запредельная.

Из архивных данных следует, что только в декабре 1941 года через Горьковский эвакуопункт проследовало 19 995 человек (вагоны никто не считал). За 1942 год через эвакуопункт № 1 прошло 38 584 человека,

1 253 теплушки [ГКУ ЦАНО, ф. р-2548, оп. 1, д. № 2, л. 4—8]. Начальник эвакопункта отмечал в отчетах, что простои вагонов с людьми на станции составляли от двух часов до более чем двух суток из-за перегруженности пути. Справиться с «зашивкой» пути И. Г. Макарову не удалось, в марте 1942 года он был отстранен от занимаемой должности с формулировкой: «начальник Горьковского отделения Движения Макаров допустил зашивку Горьковского отделения Движения и особенно станции Горький Сортировочная и не обеспечивал работы в военное время» [МИРГЖД НН, л. 39]. Информация об этой профессиональной неудаче отсутствует в официальной биографии Макарова, и газетная статья тоже о данном факте умалчивает: у героя не может быть неудач. Данные о работе в должности руководителя службой движения явно приукрашены, в них нет ни намека на провал. Такую избирательность в информировании трудовых коллективов вполне возможно списать на требования военного времени и необходимость воспитывать дисциплинированный, исполнительный и ответственный трудовой коллектив.

Между тем критическая ситуация сложилась на станции Горький-Товарная, начальника которой не только сняли с должности, но и заключили под стражу. В этих условиях начальник Горьковской железной дороги Я. И. Соколинский написал служебную записку в главное управление кадров НКПС. В ней он разъяснил, что «Товарищ Макаров ... в условиях мирного времени с работой отделения справлялся», и что «для руководства станцией Горький-Товарная т. Макаров имеет достаточный опыт и с работой справится» [МИРГЖД НН, л. 45].

Таким образом, решая вопрос о кандидатуре на должность начальника станции, имевшей стратегическое значение, Я. И. Соколинский поддержал И. Г. Макарова, совсем недавно снятого с должности. Это не рядовое явление, тем более в условиях военного времени, когда репутация, заслуги и просчеты рассматривались и изучались особенно пристально. Значит, Иван Георгиевич Макаров действительно имел авторитет у коллектива и руководства и вызывал у них доверие. К мнению начальника Горьковской дороги прислушались, и в мае 1942 года приказом НКПС И. Г. Макаров был назначен начальником станции. Однако работа в новой должности не сразу пошла гладко. Об этом мы узнаем из материалов личного дела. Главной задачей Макарова стала организация транспортировки воинских грузов горьковских заводов. Нужно было на ходу перестраивать технологический процесс, применять его к новой дислокации заводов, к задачам внутриузловых перевозок, к новому направлению грузопотока [Герой ..., 07.11.1943]. Новому руководителю станции не сразу удалось решить эти проблемы. Информации о первых нелегких месяцах работы в новой долж-

ности нет в газетных статьях, однако в личном деле сохранилась докладная записка на имя начальника дороги и его заместителя по политической части, суть которой сводится к обвинению И. Г. Макарова в бездействии и неумелом руководстве. Автор записки, заместитель начальника дороги по службе движения, писал, что «... наличный парк вагонов за время с 5 по 12/VIII снижен лишь на 406 вагонов ... из рабочего парка 1954 вагонов — стояли 575 вагонов без разметок ... специализация путей по всем паркам нарушена ... единых смен не было ... Мне не удалось установить до конца, кто руководит станцией, советский командир или кто-то другой?» [МИРГЖД НН, л. 43]. Формулировки докладной записки жесткие и беспартийные, обвинения весьма серьезные. После таких обвинений можно было ожидать не только снятия с должности, но и более сурового наказания вплоть до заключения под стражу и судебного расследования. Однако снятия с должности не последовало. Возможно, потому, что Иван Георгиевич находился в должности всего 3 месяца и справлялся с работой настолько, насколько это было возможно в данный период, и записки не дали хода. Возможно, были другие причины, сохранившие начальнику станции и жизнь, и должность. Какова была непосредственная реакция руководства на данную записку, неизвестно. В личном деле сведений не сохранилось. Однако оно содержит массу положительных характеристик, написанных начальником дороги и его заместителями как до, так и после инцидента: «... владеет полной эрудицией работы железнодорожного транспорта. Очень дисциплинирован и исполнительен ... Свои обязанности осваивает быстро ... К работе относится серьезно и вдумчиво» [Там же, л. 16]. Что пришлось испытать И. Г. Макарову, находясь под пристальным вниманием и постоянным давлением? Об этом остается только догадываться. Однако ему удалось не только оправдать доверие руководства и выполнить плановые показатели, но и вывести станцию Горький-Товарная на первое место по железной дороге. Новым руководителем был разработан особый способ погрузки на железнодорожные платформы грузовиков-полуприцепов, изготавливаемых горьковским Автозаводом. Каждый следующий грузовик ставился в кузов предыдущего. Уплотненная погрузка «ёлочкой» помогла сэкономить от 5 до 6 платформ на каждом маршруте [Герои ..., 2004, с. 254]. Освобожденные платформы использовались для дополнительной отправки на фронт танков с завода «Красное Сормово».

Не раз руководство дороги характеризовало Ивана Георгиевича как человека технически развитого, дисциплинированного, инициативного, решительного, умелого управленца и командира. В 1945 году за умелую организацию работы, за «успешное выполнение заданий Правительства и военного командования по перевозкам оборонных и народнохозяйствен-

ных грузов» Иван Георгиевич Макаров был награжден медалью «За оборону Москвы» [О награждении ...].

В дальнейшем карьера И. Г. Макарова была довольно успешной. 14 августа 1944 года ему было присвоено персональное звание директора-подполковника движения. В 1947 году его избрали депутатом городского Совета, в 1948 году назначили начальником воинских перевозок. В 1950 году Макарова отправили в длительную командировку в Германскую Демократическую Республику для работы в Советской контрольной комиссии, организованной в 1949 году. По решению Совета министров СССР вместо Советской военной администрации по управлению советской зоной оккупации в Германии была создана Советская контрольная комиссия, деятельность которой была прекращена 27 мая 1953 года.

По возвращении из командировки И. Г. Макаров был награжден вторым орденом Ленина [Герои ..., 2004, с. 255]. В 1955 году он стал начальником военно-мобилизационного сектора Горьковского отделения. 6 мая 1957 года Ивана Георгиевича Макарова не стало.

5. Выводы

Проведенное нами сравнение двух типов биографий одного и того же человека показало, что советской властью активно использовался образ героя-труженика, призванный воспитать у советских граждан новое восприятие трудового процесса. Основой нового отношения должен был стать формирующийся политической элитой архетип труда, ориентированный не на материальные ценности, а прежде всего на нравственные идеалы социалистического общества. В таком контексте трудовой процесс должен был ассоциироваться не с тяжелой обязанностью, а с радостным правом советских граждан, с борьбой за победу социализма и коммунизма и строительством «государства рабочих». Тиражируемые средствами массовой информации романтизированные образы Героев Социалистического труда стали одним из приемов, с помощью которых политическая элита утверждала среди населения новую производственную культуру. Недаром в официальной биографии акцентировалось внимание на рабоче-крестьянском происхождении героя, на его приверженности коммунистическим идеалам, на трудовом процессе как главном смысле жизни. Такие биографии показывали, как «простой советский человек» с самых «низов» может достигнуть высокого общественного положения и уважения посредством «ударного» труда, основанного на социалистических идеалах. Сверхшения и подвиги на производстве должны были стимулировать и активизировать трудовые коллективы, ориентировать их на новое восприятие труда. Факты жизненного пути, не укладывающиеся в эту концепцию, просто «замалчивались»,

не упоминались в официальной биографии. В целом такой подход к трудовому процессу стал составной частью «исторической политики» советской власти, направленной на мифологизацию нового этапа в истории страны, начавшегося с Октябрьской революции 1917 года. Основой понимания этого исторического этапа должен был стать миф о строительстве трудового государства, где производственный процесс, ориентированный не на материальные, а на духовные ценности страны Советов, является основой всеобщего социального блага.

Источники и принятые сокращения

1. *Герой Социалистического труда* // Волжская магистраль от 07.11.1943 г., № 133—134.
2. *Герой Социалистического труда* // Волжская магистраль от 18.11.1943 г., № 138.
3. ГКУ ЦАНО — *Государственное* казенное учреждение Центральный архив Нижегородской области. Ф. Р-2548. Оп. 1. Д № 2. Л. 5.
4. МИРГЖД НН — *Музей истории развития Горьковской железной дороги*. НН/ОФ (Нижний Новгород, Основной фонд) 544. Личное дело И. Г. Макарова.
5. *О награждении орденами и медалями работников Московско-Рязанской, Северной, Ярославской, Горьковской, Казанской, Северо-Печерской и Московско-Окружной железных дорог* : Указ Президиума Верховного Совета СССР № 222/274 от 29.07.1945 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://podvignaroda.ru/?#id=1560887524&tab=navDetailDocument> (дата обращения 23.09.2020).
6. *О присвоении звания Героя Социалистического Труда начальствующему составу и рядовым работникам железнодорожного транспорта, генералам, офицерам, рядовому составу железнодорожных войск* : Указ Президиума Верховного Совета СССР № 215/139 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://podvignaroda.ru/?#id=1560639720&tab=navDetailDocument> (дата обращения 23.09.2020).
7. *О социалистическом соревновании фабрик и заводов* : Постановление ЦК ВКП(б) // Решения партии и правительства. — Москва : Политиздат, 1967. — Т. 2. — 797 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абуев К. «Новая биографическая история» : исторические личности / К. Абуев // Современная история Казахстана : актуальные проблемы и историография. О периодизации истории Казахстана. Сборник материалов Республиканского семинар-тренинга историков Казахстана.* — Алматы : «Литера-М», 2014. — С. 26—30.
2. *Герои стальных магистралей. 1941—1945* / под ред. Г. М. Фадеева. — Москва, 2004. — Книга 3. — 376 с.
3. *Замалеев А. Ф. Лев Евгеньевич Шапошников в пространстве русской философии* [Электронный ресурс] / А. Ф. Замалеев, Л. Е. Криштапович, М. А. Маслин, О. В. Париллов, С. Н. Пушкин, В. В. Сербиненко, И. А. Треушников, Н. В. Якимец // Вестник Мининского университета. — 2019. — № 2. — Т. 7. — DOI: 10.26795/2307-1281-2019-7-2-13. — Режим доступа : <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/993> (дата обращения 11.11.2020).

4. *Ильюхов А. А.* Организация труда в Советском государстве (1917—1930 гг.) : монография / А. А. Ильюхов. — Москва : Издательский дом ГУУ, 2016. — 193 с. — ISBN 978-5-215-02812-4.

5. *Историческая биография : современные подходы и методы исследования : сборник обзоров и рефератов / ответственный редактор Ю. В. Дунаева.* — Москва : РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований, 2011. — 172 с. — ISBN 978-5-248-00595-6.

6. *История* паровозного-локомотивного депо Горький-Сортировочный 1936—1968 гг. / под ред. В. И. Каменева. — Горький : Самиздат, 1982 г.

7. *Кисляков П. А.* Показатели психологической устойчивости личности к социокультурным угрозам и негативному информационному воздействию [Электронный ресурс] / П. А. Кисляков, А.-Л. Меерсон, П. А. Егорова // Вестник Мининского университета. — 2020. — № 2. — Т. 8. — DOI: 10.26795/2307-1281-2020-8-2-11. — Режим доступа : <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/1093> (дата обращения 18.11.2020).

8. *Новолоцкая Д. И.* Создание героини : трудовой рекорд Дуси Виноградовой / Д. И. Новолоцкая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : История России. — 2019. — № 2. — Т. 18. — С. 431—452. — DOI: 10.22363/2312-8674-2019-18-2-431-452.

9. *Осмаченко Н. В.* Анализ социальных биографий как метод социологической рефлексии / Н. В. Осмаченко // Вологодские чтения. — 2009. — № 74. — С. 192—195.

10. *Пушкарёва И. М.* «Новая рабочая история» в зарубежной историографии / И. М. Пушкарёва, Н. Л. Пушкарёва // Социальная история. Ежегодник, 2001/2002. Москва : РОССПЭН, 2004. — С. 5—68.

11. *Репина Л. П.* «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, исправления и дополнения / Л. П. Репина. — Москва : ЛКИ, 2009. — 320 с.

12. *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX—XXI веков. Социальные истории и историографическая практика / Л. П. Репина. — Москва : Круг, 2011. — 560 с. — ISBN 978-5-7396-0203-9.

13. *Репина Л. П.* История исторического знания : Пособие для вузов / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. — Москва : Дрофа, 2004. — 288 с. — ISBN 978-5-534-06384-4.

14. *Снегирева Л. И.* Эвакуация населения и железнодорожный транспорт в годы Великой Отечественной войны (на материалах Западной Сибири) / Л. И. Снегирева // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2015. — № 2 (155). — С. 21—28.

15. *Соколов А. К.* Проблемы мотивации труда на советских предприятиях / А. К. Соколов // Труды Института российской истории / Российская академия наук, Институт российской истории. — Москва ; Тула : Гриф и К, 2010. — Выпуск 9. — С. 174—224.

16. *Garina E. P.* Formation of the Determinants of Socio-Economic Development of Territories / E. P. Garina, N. S. Andryashina, V. P. Kuznetsov, E. V. Romanovskaya, M. Z. Muzayev // Lecture Notes in Networks and Systems. — 2020. — № 91. — Pp. 170—178. — DOI:10.1007/978-3-030-32015-7_21.

17. *Smirnova Zh.* Analysis of the Socio-Psychological Climate in the Labor Group / Zh. Smirnova, N. Bystrova, O. Golubeva, T. Lebedeva, S. Kaznacheeva // Lecture Notes in Networks and Systems. — 2020. — № 73. — Pp. 391—401. — DOI:10.1007/978-3-030-15160-7_40.

MATERIAL RESOURCES

- GKU TSANO — *State institution, the Central archive of the Nizhny Novgorod region. F. R-2548. Op. 1. D № 2. L. 5.* (In Russ).
- Hero of Socialist labor. *Volga highway from 07.11.1943, № 133—134.* (In Russ).
- Hero of Socialist labor. *Volga highway from 18.11.1943, № 138.* (In Russ).
- MERGED NN — *Museum of the history of development of the Gorky railway. NN / OF (Nizhny Novgorod, Main Fund) 544. Personal file of I. G. Makarov. L. 76.* (In Russ).
- On awarding orders and medals to employees of the Moscow-Ryazan, Northern, Yaroslavl, Gorky, Kazan, North-Pechersk and Moscow-Okrug Railways: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR № 222/274 dated 29.07.1945.* Available at: <http://podvignaroda.ru/?id=1560887524&tab=navDetailDocument> (accessed 23.09.2020). (In Russ).
- On awarding the title of Hero of Socialist Labor to the commanding staff and ordinary employees of railway transport, generals, officers, and ordinary personnel of railway troops: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR № 215/139* Available at: <http://podvignaroda.ru/?id=1560639720&tab=navDetailDocument> (accessed 23.09.2020). (In Russ).
- Resolution of the Central Committee of the CPSU (b) “On the socialist competition of factories and factories”. (1967). In: *Decisions of the Party and the Government, 2.* Moscow: Politizdat. 797 p. (In Russ).

REFERENCES

- Abuyev, K. (2014). “New biographical history”: historical personalities. In: *Modern History of Kazakhstan: actual problems and historiography. On the periodization of the history of Kazakhstan. Collection of materials of the Republican seminar-training of historians of Kazakhstan.* Almaty: “Litera-M”. 26—30. (In Russ).
- Garina, E. P., Andryashina, N. S., Kuznetsov, V. P., Romanovskaya, E. V., Muzayev, M. Z. (2020). Formation of the Determinants of Socio-Economic Development of Territories. *Lecture Notes in Networks and Systems, 91:* 170—178. DOI: 10.1007/978-3-030-32015-7_21.
- Heroes of steel highways. 1941—1945, 3.* (2004). Moscow. 376 p. (In Russ).
- Historical biography: modern approaches and research methods: a collection of reviews and abstracts.* (2011). Moscow: RAS. INION. Center for Social Scientific and Information Research. 172 p. ISBN 978-5-248-00595-6. (In Russ).
- Ilyukhov, A. A. (2016). *Organization of labor in the Soviet State (1917—1930): monograph.* Moscow: GUU Publishing House. 193 p. ISBN 978-5-215-02812-4. (In Russ).
- Kamenev, V. I. (ed.). (1982). *History of the Gorky-Sortirovochny locomotive depot 1936—1968.* Gorky: Samizdat. (In Russ).
- Kislyakov, P. A., Meerson, A.-L., Egorova, P. A. (2020). Indicators of psychological stability of the individual to sociocultural threats and negative information impact. *Bulletin of the Minin University, 2 (8).* DOI: 10.26795/2307-1281-2020-8-2-11. Available at: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/1093> (accessed 18.11.2020). (In Russ).
- Navolotskaya, D. I. (2019). Creation of a heroine: Dusi Vinogradova’s labor record. *Bulletin of the People’s Friendship University of Russia. Series: History of Russia, 2 (18):* 431—452. DOI: 10.22363/2312-8674-2019-18-2-431-452. (In Russ).

- Osmachenko, N. V. (2009). Analysis of social biographies as a method of sociological reflection. *Vologda Readings*, 74: 192—195. (In Russ).
- Pushkareva, I. M., Pushkareva, N. L. (2004). “New working history” in foreign historiography. In: *Social History. Yearbook, 2001/2002*. Moscow: ROSSPEN. 5—68. (In Russ).
- Repina, L. P. (2009). “*New historical science*” and social history. Moscow: LKI. 320 p. (In Russ).
- Repina, L. P. (2011). *Historical science at the turn of the XX—XXI centuries. Social stories and historiographical practice*. Moscow: Krug. 560 p. ISBN 978-5-7396-0203-9. (In Russ).
- Repina, L. P., Zvereva, V. V., Paramonova, M. Yu. (2004). *The history of historical knowledge: a guide for universities*. Moscow: Bustard. 288 p. ISBN 978-5-534-06384-4. (In Russ).
- Smirnova, Zh., Bystrova, N., Golubeva, O., Lebedeva, T., Kaznacheeva, S. (2020). Analysis of the Socio-Psychological Climate in the Labor Group. *Lecture Notes in Networks and Systems*, 73: 391—401. DOI:10.1007/978-3-030-15160-7_40.
- Snegireva, L. I. (2015). Evacuation of the population and railway transport during the Great Patriotic War (based on the materials of Western Siberia). *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*, 2 (155): 21—28. (In Russ).
- Sokolov, A. K. (2010). Problems of labor motivation at Soviet enterprises. In: *Proceedings of the Institute of Russian History*, 9: 174—224. (In Russ).
- Zamaleev, A. F., Krishtapovich, L. E., Maslin, M. A., Parilov, O. V., Pushkin, S. N., Serbinenko, V. V., Treushnikov, I. A., Yakimets, N. V. (2019). Lev Yevgenyevich Shaposhnikov in the Space of Russian Philosophy. *Bulletin of the Minin University*, 2 (7). DOI: 10.26795/2307-1281-2019-7-2-13. Available at: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/993> (accessed 11.11.2020). (In Russ).

Фоменко В. А. История колонии Каррас и близлежащих поселений европейцев XIX — первой половины XX веков на современном этапе изучения / В. А. Фоменко, А. Т. Джумагулова // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 496—512. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-496-512.

Fomenko, V. A., Dzhumagulova, A. T. (2021). History of Karras Colony and Nearby Settlements of Europeans in 19th — First Half of 20th Centuries at Present Stage of Study. *Nauchnyi dialog*, 7: 496-512. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-496-512. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-496-512

История колонии Каррас и близлежащих поселений европейцев XIX — первой половины XX веков на современном этапе изучения

Фоменко Владимир Александрович¹

orcid.org/0000-0001-7994-7106

кандидат исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
fva2005@gmail.com

Джумагулова Айгуль Темерхановна²

orcid.org/0000-0002-4067-956X

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории, права
и общественных дисциплин
aigul-men@mail.com

¹ Институт гуманитарных исследований — филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»» (Нальчик, Россия)

² Ставропольский государственный педагогический институт, филиал в г. Ессентуки (Ессентуки, Россия)

History of Karras Colony and Nearby Settlements of Europeans in 19th — First Half of 20th Centuries at Present Stage of Study

Vladimir A. Fomenko¹

orcid.org/0000-0001-7994-7106

PhD in History, Associate Professor
Leading Researcher
fva2005@gmail.com

Aigul T. Dzhumagulova²

orcid.org/0000-0002-4067-956X

PhD in History, Associate Professor
Department of History, Law
and Social Disciplines
aigul-men@mail.com

¹ The Institute for the Humanities Research — Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment “Federal Scientific Center “Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (Nalchik, Russia)

Stavropol State Pedagogical Institute, a branch in Essentuki (Essentuki, Russia)

© Фоменко В. А., Джумагулова А. Т., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются вопросы современного этапа изучения истории колонии Каррас и близлежащих поселений европейцев в XIX и первой половине XX века. Выполнены обзор и анализ новых источников и историографии с 2000 по 2020 годы. Актуальность исследования обусловлена малоизученностью и фрагментарной освещенностью истории поселений европейцев центральной части Северного Кавказа в XIX — первой половине XX веках в отечественной историографии. Авторы останавливаются на вопросах терминологии. Подчеркивается, что термины-штампы *горцы* и *татары* характерны для исторической литературы XIX века и неточно используются некоторыми авторами в наши дни. Новизна исследования видится в том, что в настоящей работе история колонии Каррас и соседних поселений европейцев XIX — первой половины XX веков рассмотрена с опорой на публикации 2000—2020 годов. Сделан вывод о том, что существует возможность и необходимость самостоятельного рассмотрения истории шотландской миссии, центр которой первоначально располагался в Каррасе. Авторы исходят из того, что история поселений колонистов имеет более широкие хронологические рамки и основной задачей колонистов не всегда была миссионерская деятельность.

Ключевые слова:

Северный Кавказ, XIX — первая половина XX веков; селение Каррас; ногайцы; кабардинцы; абазинцы; миссионеры; поселения европейцев; шотландцы; немцы; итальянцы; современный этап изучения.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issues of the current stage of studying the history of the Karras colony and nearby European settlements in the 19th and first half of the 20th centuries are considered. A review and analysis of new sources and historiography from 2000 to 2020 has been carried out. The relevance of the study is due to the poorly studied and fragmentary coverage of the history of European settlements in the central part of the North Caucasus in the 19th — first half of the 20th centuries in Russian historiography. The authors dwell on terminology issues. It is emphasized that the terms-cliches '*mountaineers*' and '*Tatars*' are characteristic of the historical literature of the 19th century and are inaccurately used by some authors today. The novelty of the research is seen in the fact that in this work the history of the Karras colony and neighboring settlements of Europeans in the 19th — first half of the 20th centuries is considered based on publications of 2000—2020. It is concluded that there is a possibility and a need for an independent review of the history of the Scottish mission, the center of which was originally located in Karras. The authors proceed from the fact that the history of the settlements of the colonists has a broader chronological framework and the main task of the colonists was not always missionary activity.

Key words:

North Caucasus; 19th — first half of 20th centuries; the village of Karras; Nogais; Kabardians; Abazins; missionaries; settlements of Europeans; Scots; Germans; Italians; the modern stage of study.

История колонии Каррас и близлежащих поселений европейцев XIX — первой половины XX веков на современном этапе изучения

© Фоменко В. А., Джумагулова А. Т., 2021

1. Введение

Селение Каррас было основано в конце XVIII века. С 1802 года здесь действовала миссия Эдинбургского общества. В 1811 году местное (не-европейское) население покинуло Каррас, и далее этот населенный пункт развивался как шотландско-немецкая колония. Деятельность миссии в России была прекращена в 1835 году. Соседние немецкие сельскохозяйственные колонии Николаевская и Константиновская являлись как будто бы продолжением Карраса, так как их основали позднее, в 1819 и 1831 годах соответственно. Их история, особенно история Николаевской, очень тесно связана с постмиссионерским периодом жизни Карраса [Краснокутская, 2002, с. 31—46]. Появление колоний Темпельгоф и Орбелиановка на северо-западной периферии региона Кавказских Минеральных Вод связано с сельскохозяйственным освоением долины реки Кумы. В 1867 году здесь близ горы Верблюд поселились немцы-меннониты. Они основали колонию Темпельгоф, а через несколько лет — Орбелиановку. Население итальянской колонии (Калабрия, или Италияновка), основанной недалеко от Орбелиановки в конце XIX века, первоначально было занято выращиванием винограда и виноделием. Колония располагалась на месте современных поселков Калаборка и Верблюдогорка [Скрипник и др., 2013а, с. 74—75, 78]. В 1941 году немецкое население депортировали с территории Северного Кавказа в Казахстан и Сибирь. В 1959 году Каррас и Николаевская были объединены в поселок Иноземцево.

История поселений европейцев, существовавших в центральных районах Северного Кавказа в XIX и первой половине XX веков, и особенно колонии Каррас, была и остается актуальной и недостаточно изученной темой. Это направление в региональной и общероссийской истории не всегда было одинаково интересным и приемлемым для властных структур. Так, в 30—80-е годы XX столетия историю шотландских миссионеров и немецких колонистов старались забыть как нежелательное явление, противоречащее существовавшим в то время идеологическим ценностям.

В наши дни в историческом кавказоведении важнейшее значение имеют общечеловеческие ценности и все то полезное и взаимовыгодное, что

было достигнуто в развитии межнациональных контактов народов Северного Кавказа с ближними и дальними странами в прошлом.

Целью нашей статьи является обзор и анализ истории изучения поселений европейцев центральной части Северного Кавказа XIX — первой половины XX веков в современный период (с 2000 по 2020 годы). Данная работа позволяет увидеть некоторые итоги, обозначить перспективы и выявить отдельные негативные тенденции в исследовании истории колонии Каррас и близлежащих поселений немцев и итальянцев.

В настоящей работе использованы принципы историзма и системности, а также сравнительно-исторический, ретроспективный и другие методы научного исследования.

Число источников, введенных в научный оборот в 2000—2020 годы, относительно невелико, поэтому наше и другие современные исследования опираются на опубликованные документы, данные периодической печати и статистики, дневники, мемуары, а также полевые наблюдения одного из авторов данной статьи, собранные в 1986—2020 годах во время осмотра исторических памятников поселка Иноземцево (Каррас и колония Николаевская), а также других соседних поселений европейцев XIX и первой половины XX веков.

Кратко охарактеризуем источники по изучаемой нами теме, опубликованные в 2000—2020 годы.

В 2000 году А. И. Мусукаевым и Й. Маттисом была издана книга «Загадочный мир народов Кавказа», содержащая в себе переводы на русский язык отчетов из архивов Эдинбургского миссионерского общества (1817—1818) и отчета об основании Ирландского миссионерского общества в Татarii и Черкесии (1819). В названных отчетах содержатся ценнейшие сведения по истории Карраса и шотландской миссии, но, к сожалению, только до 1819 года [Загадочный мир ..., 2000, с. 55—269].

В 2006 году впервые опубликована на русском языке книга шотландского библиста и миссионера Эбенезера Гендерсона, в 1821—1822 годах совершившего путешествие по России [Гендерсон, 2006; Henderson, 1826] и побывавшего в Каррасе и Астрахани. Э. Гендерсон собрал ценные сведения о деятельности шотландских миссионеров на Северном Кавказе и в Нижнем Поволжье.

Значительную работу по сбору и публикации документов в начале нынешнего века проделала Т. Н. Плохотнюк. Она издала сборник документов, характеризующих жизнь немецкого населения Северного Кавказа, включая социально-экономические, политические и религиозные аспекты [Немецкое население ..., 2002]. В сборник среди прочего включены документы по истории Карраса, Николаевской и Константиновской колоний, Темпельгофа.

Важными источниками по истории шотландской миссии являются изданные в Каррасе (1806—1813) и Астрахани (с 1815) переводы библейской литературы. Перевод книг на местный тюрки (разновидность письменного языка) осуществил глава миссии Генри Брунтон (Henry Brunton, 1770—1813). По данным филолога А. Н. Гаркавца, он основывался на адаптации текста Евангелия, переведенного ранее на османский. В 1815 году большинство шотландцев перебрались из Карраса в Астрахань, забрав печатный станок. Миссионерская, переводческая и издательская деятельность в Астрахани была продолжена. Миссионеры Джон Дик и Чарльз Фрейзер улучшили переводы Евангелия, приблизив его к разговорной и письменной речи местного ногайского и казахского населения [Гаркавец, 2019, с. 6—11].

К сожалению, полный филологический и исторический анализ изданных миссионерами работ в Каррасе и в Астрахани не проведен в виду малодоступности этих книг, а также по причине использования для печати арабских шрифтов. Тем не менее исследования в этом направлении проводятся [Оразаев, 2014].

Особенно в данном отношении интересны недавние публикации А. Н. Гаркавца «Кыпчакское Бытие» и «Кыпчакское Евангелие» [Гаркавец, 2013; Гаркавец, 2019]. В книгах представлены транслитерированные тексты двух выпущенных миссионерами изданий, очень редких в наши дни. Перевод был осуществлен миссионером Ч. Фрейзером на язык, понятный местным жителям. Начав свой труд в 1803 году, Ч. Фрейзер завершил его уже после переселения в 1815 году с Кавказа в Астрахань, а затем в Оренбург. Книги опубликованы Дж. Митчелом в Астрахани в 1819 и 1820 годах. Заметим, что А. Н. Гаркавец, оставив интересные исторические сведения о главе миссии в Каррасе Г. Брунтоне и переводах Евангелия миссионерами, неточно называет местный тюркский язык кыпчакским [Там же]. Ближайшее окружение шотландских миссионеров в Каррасе составляли ногайские общества, язык которых входит в группу современных кыпчакских языков, но не является тождественным кыпчакским диалектам эпохи Средневековья. Подтверждение этим данным есть на страницах монографии одного из авторов настоящей статьи А. Т. Джумагуловой. Представляя историю ногайских обществ XVIII—XIX веков, исследователь отмечает сложности и противоречия во взаимоотношениях шотландских миссионеров и бештово-кумских ногайцев. У степного населения в пользу шотландцев было отобрано 6 тысяч десятин земли, которые входили в состав Бештово-кумского приставства [Джумагулова, 2019, с. 101, 145—146].

Ценным источником по истории колонии Каррас и шотландской миссии является рукопись «Дневник наблюдений за природой и записки» [Патерсон, 1826], составленная в 1807—1826 годах одним из основателей и

главой миссии (с 1813) Александром Патерсоном (1779—1844) [Краснокутская, 2005, с. 104—120]. Рукопись переведена в конце XX века на русский язык и хранится в фондах Пятигорского краеведческого музея. К сожалению, этот документ не опубликован полностью, но сведения из него о буднях миссионеров использовались в публикациях 2000—2020 годов.

Кроме того, считаем необходимым уделить внимание вопросам терминологии. В публикациях, касающихся истории селения Каррас и шотландской миссии, важно использовать корректные термины. Для текстов, написанных миссионерами или другими авторами XIX и даже начала XX веков, вполне обычны термины-штампы, такие как горцы и татары. Название горцы применительно к представителям ногайского, кабардинского, абазинского этносов является неправильным, так как представители этих народов традиционно жили на равнинах или в предгорьях (за исключением части абазин (ашхарцев), которые к истории Карраса отношения не имели). Также в те времена довольно часто местное мусульманско-языческое население обобщенно называлось татарами, что, конечно, недопустимо переносить в научные работы в настоящее время. В современном языке этноним татары применим в основном к казанским татарам либо должен быть конкретизирован — татары крымские, сибирские и другие. Название татары некорректно по отношению к предкам современных ногайцев, абазин и кабардинцев. К сожалению, эти термины, характерные для исторической литературы XIX века, продолжают ошибочно или неточно использоваться некоторыми авторами и в наши дни.

2. О работах по истории колонии Каррас и соседних поселений европейцев, опубликованных в XIX—XX веках

История миссии Эдинбургского общества и колонии Каррас начала создаваться еще в первой четверти XIX века учеными, путешественниками, миссионерами. Публикации по этой теме довольно многочисленны, но часто повторяют опубликованные ранее сведения.

История шотландских, немецких и других европейских переселенцев, живших на Северном Кавказе, интересна не только их деятельностью миссионерского характера, но и наличием экономического и культурного влияния переселенцев как на русское, так и на местное автохтонное население региона. Многие отечественные исследователи обращались к теме истории миссионеров из Шотландии и колонии Каррас на Северном Кавказе, однако чаще всего это были небольшие публикации, со сведениями краткого и фрагментарного характера.

В качестве типичного примера можно привести исследование, принадлежащее краеведу И. И. Апухтину, который издал в начале XX века не-

большую работу «Колония Каррас, ее прошлое и настоящее» [Апухтин, 1903]. В работе имеется обзор важнейших событий и этапов развития колонии в XIX — начале XX веках. Кроме того, И. И. Апухтин говорит о взаимоотношениях шотландских миссионеров и немецких колонистов, а также выражает свое негативное отношение к проживавшим в Каррасе немцам, которые, как он считал, погубили дело миссии по распространению христианской веры [Там же, с. 4].

С 30-х по 80-е годы XX века публикации отечественных историков о шотландской миссии в Каррасе были редки и по причине внешнеполитических и атеистических установок касались в основном вопросов социально-экономического [Чекменев, 1967, с. 68—76; Чекменев, 1971] либо лермонтоведческого характера [Симанская, 1981].

В начале 90-х годов прошлого века интерес к истории шотландцев Карраса возрождается благодаря усилиям историка-кавказоведа Рашада Умаровича Туганова (1928—2000), который в 50—80-е годы прошедшего столетия собрал значительный архивный материал, а также публикации по истории Кабардино-Балкарии и соседнего Пятигорья в архивах и библиотеках Ленинграда. Р. У. Туганов, используя эти данные, издал несколько монографий и множество статей регионоведческого характера [Адыгская ..., 2006, с. 1057], хотя по истории шотландской миссии в Каррасе, насколько нам известно, успел опубликовать в соавторстве только одну небольшую статью [Туганов, 1991], но именно эта интересная работа привлекла внимание краеведов и местных ученых к данной проблематике. После смерти Р. У. Туганова часть материалов из его архива, относящихся к истории Карраса, была опубликована [Загадочный мир ..., 2000, с. 55—269].

Краткие обзоры источников и литературы об истории шотландской миссии в Каррасе были опубликованы историком Л. И. Краснокутской только в 2002 и 2005 годах [Краснокутская, 2002, с. 3—9; Краснокутская, 2005, с. 5—12, 127—137].

3. Современный этап изучения истории колонии Каррас и близлежащих поселений европейцев

В 2000 году историком и краеведом Л. И. Краснокутской была защищена диссертация по истории Шотландской миссии на Северном Кавказе [Краснокутская, 2000]. Текст данной работы стал основой опубликованной в 2005 году монографии «Шотландская миссия на Северном Кавказе (1802—1835 годы)» [Краснокутская, 2005]. Эта книга стала первым в отечественной историографии многоаспектным исследованием деятельности Шотландской миссии Эдинбургского Библейского общества. Основной целью миссионеров, по мнению исследователя, было распростране-

ние трудолюбия и ремёсел, просвещения и христианства среди местного мусульманско-языческого населения. Миссия в Каррасе рассмотрена не только как религиозный и культурный центр, но и как образец местного самоуправления по европейскому типу. Освещены основные направления работы миссионеров в переводческой и издательской областях, в распространении сельскохозяйственных и санитарно-гигиенических знаний [Там же]. В диссертации и монографии Л. И. Краснокутской довольно детально отражена история колонии Каррас до закрытия миссии в 1835 году.

В 2002 году Л. И. Краснокутской была выпущена книга «Иноземцево (1802—2002). Страницы истории». Издание включает в себя ряд очерков по истории Карраса и его краткую летопись с 1802 по 2002 годы. Здесь же приведены краткие сведения о колониях Николаевская и Константиновская [Краснокутская, 2002].

В работе Т. Н. Плохотнюк суммарно освещена социально-экономическая, общественная и религиозная жизнь немецких колонистов на Северном Кавказе в XIX — середине XX веках [Плохотнюк, 2001].

В 2002 году была опубликована монография Л. А. Скрипник, посвященная малоисследованной теме влияния немцев, в том числе и колонистов, на развитие курортов Кавказских Минеральных Вод [Скрипник, 2002]. Со второй половины XIX века немецкие колонии оказывали сильное экономическое влияние на развитие курортов Кавминвод. К концу XIX века в Пятигорском отделе Терской области, то есть в окрестностях курортов, немцы по численности заняли второе после русских место. Относительно многочисленное немецкое население сохранялось здесь до 1941 года.

В диссертационном исследовании М. В. Корниловой обобщены сведения об истории немецких переселенцев на Северном Кавказе в XIX — начале XX веках [Корнилова, 2006].

О влиянии иностранных колоний и западных миссий на религиозную жизнь народов Кавказа говорится в статье О. Б. Халидовой. Исследователь отмечает, что основным направлением деятельности миссионеров на Северном Кавказе было распространение христианства среди нехристианских народов. Однако автор отмечает, что, несмотря на недавнее христианское прошлое некоторых здешних народов, достучаться до их массового сознания было чрезвычайно трудно. О. Б. Халидова также считает, что появление первых протестантов (колонистов и миссионеров) на Северном Кавказе в начале XIX века привело к созданию благоприятной среды для формирования оппозиционного течения к доминирующей в Российской империи православной церкви [Халидова, 2008].

Определенный вклад в изучение истории колоний Каррас и Николаевская вносит брошюра «Из истории поселка Иноземцево» А. В. Данило-

ва и В. А. Фоменко [Из истории ..., 2012]. Эта работа была посвящена 210-летию основания колонии Каррас и представляет собой попытку детализации картины жизни здешнего населения. В брошюре представлены культурно-исторические, в том числе и археологические, памятники, расположенные в данной местности [Там же, с. 16—22, 28—31].

Важным было проведение в 2012 году региональной научно-практической конференции «Карасские научные чтения, посвященные 210-летию со дня основания поселка Иноземцево». В опубликованных материалах чтений представлены результаты исследований в области истории поселка Иноземцево от образования колонии Каррас. В докладах и сообщениях конференции рассмотрены аспекты миграционной политики на Кавказе, меры правительства Российской империи по обустройству миссионеров на Кавказских Минеральных Водах, вклад шотландских, немецких и итальянских миссионеров в развитие курортов, этапы совершенствования местного самоуправления, а также другие вопросы региональной истории района Кавказских Минеральных Вод [Карасские ..., 2013].

В названном сборнике представлен доклад Т. Н. Плохотнюк об истории колонии Каррас. Среди других здесь рассмотрен вопрос о происхождении топонима *Каррас*. Автор прослеживает этимологию этого названия от английского термина *to carry* — ‘поддерживать, передавать, увлекать за собой, проводить’. Автор предполагает, что именно миссионерская деятельность обусловила появление названия колонии Каррас, и этим объясняет написание названия с удвоенной «р» [Плохотнюк, 2013, с. 14].

История развития местного самоуправления в колонии Каррас изучена в публикации Л. А. Скрипник и А. В. Скрипника. Авторы полагают, что для колонии Каррас, а также близлежащих немецких колоний Николаевской и Константиновской было характерно сочетание общественных и религиозных черт в управлении, что проявлялось в наличии управы (правления), старшины, казначея и миссионерского совета. Также исследователи отмечают, что европейские переселенцы имели ряд материальных и юридических льгот [Скрипник и др., 2013б, с. 62—71].

Те же авторы в отдельной статье сборника «Карасских научных чтений» кратко характеризуют историю Итальянской колонии у подножия горы Верблюд, а также соседних немецких колоний Орбелиановка и Темпельгоф. Однако приводимая в статье информация носит скорее краеведческий, нежели научный характер. Большая часть исторических сведений здесь основывается на воспоминаниях местных жителей [Скрипник и др., 2013а].

Важный аспект истории миссии в Каррасе рассмотрен в отдельной публикации А. И. Мусукаева. В ней автор дает общую оценку значения отчетов Эдинбургского общества о пребывании его представителей на Северном

Кавказе с 1817 по 1819 годы. Миссионеры из Эдинбурга сохранили для потомков свои наблюдения по истории и культуре адыгов, ногайцев, а также других народов Северного Кавказа начала XIX века [Мусукаев, 2014].

Некоторым аспектам малоразработанной темы взаимоотношений европейских колонистов с жителями евангелическо-лютеранского и римско-католического вероисповедания в соседних городах (Георгиевск, Пятигорск, Кисловодск), а также единоверцами-служащими размещенных вблизи воинских частей, посвящена работа одного из авторов настоящей статьи В. А. Фоменко [Фоменко, 2015].

В 2016 году была издана работа «Иноземцы у Бештовых гор» С. В. Боглачева по истории колоний Каррас, Николаевская и поселка Иноземцево [Боглачев, 2016]. В книге говорится о возникновении в конце XVIII века ногайского селения, где в 1802 году была основана шотландская христианская миссия. Также в работе рассказывается об истории появившейся здесь через несколько лет сельскохозяйственной колонии Каррас, основное население которой составляли немцы, жившие до того в Поволжье (Сарепта). Далее рассмотрены многие аспекты истории Карраса (ныне поселка Иноземцево) вплоть до недавнего прошлого. Бесспорно то, что книга С. В. Боглачева является ценным вкладом в изучение истории Карраса и находившейся здесь шотландской миссии. Однако большая часть сведений, приведенных в этой публикации, не подтверждена ссылками на источники, то есть невозможно проверить их точность. Также вызывает сомнения правильность современных реконструкций видов селения Каррас рубежа XVIII—XIX столетий [Там же, с. 18, 29].

В статье Т. Н. Плохотнюк рассмотрен религиозный фактор миграции протестантов на Северный Кавказ. Эта окраина империи в XIX веке отвечала запросам миссионеров: своей необустроенностью и проблемами в социальной жизни, а также удаленностью от российских властей. Здесь они проповедовали среди мусульманско-языческого населения (миссионеры-протестанты), берегли чистоту веры (меннониты), искали место для спасения на земле (последователи Движения Исхода) [Плохотнюк, 2017]. Эти факторы и процессы должны были способствовать созданию крупного реформаторского миссионерского центра на Кавказе.

В работе З. Б. Кипкеевой приведены сведения о жизни и деятельности одного из последователей шотландских миссионеров — султана Каты-Гирея (Катте-Гирея). Он являлся одним из владельцев селения Каррас, а также окружающих земель. Его семья имела огромное влияние на ногайцев, живших на Северном Кавказе, и на соседние народы. Каты-Гирей в крещении был наречён Александром, служил в Грузии, потом оставил военную карьеру в 1816 году в чине поручика и включился в миссионерскую де-

тельность. Александр I разрешил А. Султан-Крым-Гирею (Каты-Гирею) ехать в Англию и получить духовное образование. В 1820 году А. Султан-Крым-Гирей вернулся из Англии в Санкт-Петербург, а через несколько лет поселился с семьёй в Крыму, продолжая помогать христианским миссионерам [Кипкеева, 2017, с. 92].

Обобщение сведений по истории Итальянской колонии проведено в публикации М. В. Дарендорф. Исследователь отмечает, что это поселение развивалось в тесном взаимодействии с соседними немецкими колониями Орбелиановка и Темпельгоф [Дарендорф, 2017].

В 2018 году Л. И. Краснокутская переиздала упомянутую выше монографию об истории Шотландской миссии, добавив к собственному тексту опубликованные ранее переводы на русский язык отчетов за 1817 и 1818 годы из архивов Эдинбургского миссионерского общества и отчета об основании в 1819 году Ирландского миссионерского общества в Татарии и Черкесии [Краснокутская, 2018].

Следует сказать и о продолжающейся традиции проведения «Казембековских чтений» в память Александре Касимовиче Казем-беке. Мирза Мухаммед-Али (Александр) Касимович Казем-бек (1802—1870), принявший христианскую веру после многочисленных бесед и споров с шотландскими миссионерами, стал позднее крупным российским ученым-востоковедом [Казембековские чтения ..., 2019]. Ранее конференция, посвященная этому талантливому человеку, где обсуждались вопросы его научной биографии и творческого наследия, проводилась в 2001 году [Мирза Казем-Бек ..., 2001].

В публикации М. В. Дарендорф и И. Н. Колесникова рассмотрен ряд аспектов истории шотландской, немецких и итальянской колоний в регионе Кавказских Минеральных Вод в XIX — начале XX веках, а также социально-экономические и культурно-этнические процессы взаимовлияния их населения [Дарендорф и др., 2020].

4. Заключение

Приведенная характеристика современных работ по истории поселения Каррас показывает, что история Карраса до ухода оттуда в 1811 году местного населения и история шотландско-немецкой колонии с 1811 по 1941 годы часто смешиваются с историей шотландской миссии, центр которой первоначально там находился. Однако вопросы существования миссии и самой колонии могут и должны рассматриваться отдельно. Важно, что история изучаемых поселений колонистов имеет более широкие хронологические рамки, а их основной задачей не всегда была миссионерская деятельность.

Рассмотрение современного этапа изучения истории колонии Каррас и близлежащих поселений европейцев, существовавших в XIX и первой половине XX веков, позволяет констатировать наличие значительных различий в объеме и полноте исторических данных о Каррасе и других поселениях европейцев (Николаевская, Константиновская, Темпельгоф, Орбелиановка, Италияновка). Причина этого дисбаланса носит субъективный характер.

Особенно слабо изученным остается период истории селения Каррас от основания в конце XVIII века до ухода отсюда в 1811 году местных жителей (ногайцев, абазин, адыгов). До сих пор не существует точно установленного и общепринятого учеными объяснения происхождения названия Каррас.

Некоторая часть рассмотренной нами литературы носит полукраеведческий и полупопулярный характер. Можно предположить дальнейшее развитие тенденции регионализации истории колонии Каррас и близлежащих поселений европейцев XIX — первой половины XX веков.

Источники

1. *Гаркавец А. Н.* Кыпчакское Евангелие / А. Н. Гаркавец. — Алматы : Баур, 2013. — 556 с. — ISBN 978-9965-854-31-6.
2. *Гаркавец А. Н.* Musanîŋ ilk kitabı. Кыпчакское Бытие / А. Н. Гаркавец. — Алматы : Баур, 2019. — 140 с. — ISBN 978-9965-854-48-4. (на рус., латин., кыпчакском яз.)
3. *Гендерсон Э.* Библейские разыскания и странствия по России, включая Путешествие по Крыму и переход через Кавказ с обзором положения евреев, раввинистов и караимов, магометан и языческих народов, обитающих в южных губерниях Российской империи / Э. Гендерсон. — Санкт-Петербург : Российское библейское общество, 2006. — 352 с. — ISBN 5-85524-290-0.
4. *Загадочный мир народов Кавказа : записки из архивов Эдинбургского миссионерского общества и других источников конца XVIII — XIX веков / составители А. И. Мусукаев, Й. Маттис.* — Нальчик : Эльфа, 2000. — 440 с. — ISBN 5-88195-416-5.
5. *Немецкое население Северного Кавказа : социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (последняя четверть XVIII — середина XX в.). Сборник документов / составитель Т. Н. Плохотнюк.* — Ставрополь : Издательство Ставропольского государственного университета, 2002. — 272 с. — ISBN 5-88648-319-5.
6. *Патерсон А.* Дневник наблюдений за природой и записки / А. Патерсон. — Каррас, 1826. — 79 с. (Рукопись хранится в фондах Пятигорского краеведческого музея).
7. *Henderson E.* Biblical researches and travels in Russia, including a tour in the Crimea, and the Passage of the Caucasus : with observations on the state of the rabbinical and karaite Jews, and the mohammedan and pagan tribes, inhabiting the southern provinces of the Russian empire : with maps and plates by E. Henderson / E. Henderson. — London, 1826. — 531 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адыгская (черкесская) энциклопедия.* — Москва : Фонд имени Б. Х. Акбашева, 2006. — 1248 с. — ISBN 5-99003-371-0.

2. *Апухтин И.* Колония Каррас, ее прошлое и настоящее. Окрестности Пятигорска / И. Апухтин. — Пятигорск : Типография Е. П. Садовникова. 1903. — 12 с.
3. *Боглачев С. В.* Иноземцы у Бештовых гор / С. В. Боглачев. — Эссенцуки : Творческая мастерская БЛГ, 2016. — 464 с.
4. *Дарендорф М. В.* Из истории поселений европейских колонистов в регионе Кавказских Минеральных Вод (XIX — начало XX в.) / М. В. Дарендорф, И. Н. Колесников // Вопросы истории. — 2020. — № 12 (1). — С. 231—236. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202012Statyi18.
5. *Дарендорф М. В.* Об основании, расположении и названиях итальянской колонии на Кавказских Минеральных Водах / М. В. Дарендорф // Современные тенденции развития науки и технологий. — 2017. — № 3—7. — С. 14—18.
6. *Джумагулова А. Т.* Ногайцы Северного Кавказа, Крыма и Северного Причерноморья в социально-политических и экономических коллизиях XVIII — 60-х гг. XIX вв. / А. Т. Джумагулова. — Пятигорск : РИА-КМВ, 2019. — 248 с.
7. *Из истории поселка Иноземцево* / авторы и составители В. А. Фоменко, А. В. Данилов. — Пятигорск : Издательство «Северо-Кавказский федеральный университет», 2012. — 60 с. — ISBN 978-5-905989-12-4.
8. *Казембековские чтения* : материалы Международной научно-образовательной конференции. 26—27 февраля 2019 г. — Махачкала : Дагестанский гуманитарный институт, 2019. — 371 с.
9. *Каррасские научные чтения*, посвященные 210-летию со дня основания поселка Иноземцево : материалы региональной научно-практической конференции (сентябрь, 2012). — Пятигорск : Вестник Кавказа, 2013. — 216 с. — ISBN 978-5-85714-102-1.
10. *Кипкеева З. Б.* Потомки Чингизхана в истории Северного Кавказа XVIII—XIX вв. / З. Б. Кипкеева. — Ставрополь : Издательство Северо-Кавказского федерального университета, 2017. — 330 с. — ISBN 978-5-9296-0891-9.
11. *Корнилова М. В.* Немецкие поселения на Северном Кавказе в XIX — начале XX вв. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02. / М. В. Корнилова. — Владикавказ, 2006. — 22 с.
12. *Краснокутская Л. И.* Иноземцево (1802—2002). Страницы истории / Л. И. Краснокутская. — Пятигорск : Россия, 2002. — 92 с. — ISBN 5-89966-345-6.
13. *Краснокутская Л. И.* История Шотландской миссии на Северном Кавказе (1802—1835 годы) : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02. / Л. И. Краснокутская. — Пятигорск, 2000. — 208 с.
14. *Краснокутская Л. И.* Шотландская миссия на Северном Кавказе (1802—1835 годы) / Л. И. Краснокутская. — Пятигорск — Москва : Литературно-издательское объединение «Пятигорье», 2005. — 140 с.
15. *Краснокутская Л. И.* Шотландская миссия на Северном Кавказе, 1802—1835 гг. / Л. И. Краснокутская. — Пятигорск : РИА-КМВ, 2018. — 307 с.
16. *Мирза Казем-Бек* и отечественное востоковедение : доклады и сообщения научной конференции, 23—25 мая 2000 г. — Казань : Издательство Казанского университета, 2001. — 324 с. — ISBN 5-7464-0350-4.
17. *Мусукаев А. И.* Единбургское миссионерское общество о народах Северного Кавказа / А. И. Мусукаев // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия : общественные науки. — 2014. — № 4. — С. 41—45.
18. *Оразаев Г. М.-Р.* К археографии арабописьменных памятников на ногайском языке / Г. М.-Р. Оразаев // Ногайцы : XXI век. История. Язык. Культура. От истоков —

к грядущему. — Черкесск : Карачаево-Черкесский государственный университет им. У. Д. Алиева, 2014. — С. 315—320. — ISBN 978-5-8307-0298-0.

19. *Плохотнюк Т. Н.* Образование шотландской колонии Каррас в контексте миграционной политики России на Кавказе (последняя четверть XVIII—XIX вв.) / Т. Н. Плохотнюк // Каррасские научные чтения, посвященные 210-летию со дня основания поселка Иноземцево : материалы региональной научно-практической конференции (сентябрь, 2012). — Пятигорск : Вестник Кавказа, 2013. — С. 8—19. — ISBN 978-5-85714-102-1.

20. *Плохотнюк Т. Н.* Протестантизм и миграция : религиозный фактор переселения немцев на Северный Кавказ / Т. Н. Плохотнюк // Гуманитарные и юридические исследования. — 2017. — № 2. — С. 116—122.

21. *Плохотнюк Т. Н.* Российские немцы на Северном Кавказе / Т. Н. Плохотнюк. — Москва : Общественная академия наук российских немцев, 2001. — 238 с. — ISBN 5-93227-001-2.

22. *Симанская В. Я.* Шотландка (Каррас) / В. Я. Симанская // Лермонтовская энциклопедия. — Москва : Советская энциклопедия, 1981. — С. 627.

23. *Скрипник А. В.* История итальянской колонии на Кавминводах / А. В. Скрипник, Л. А. Скрипник // Каррасские научные чтения, посвященные 210-летию со дня основания поселка Иноземцево : материалы региональной научно-практической конференции (сентябрь, 2012). — Пятигорск : Вестник Кавказа, 2013а. — С. 71—82. — ISBN 978-5-85714-102-1.

24. *Скрипник Л. А.* Историческое значение немцев в становлении и развитии курортов на Кавказских Минеральных Водах / Л. А. Скрипник. — Пятигорск : Интер-Весы, 2002. — 148 с. — ISBN 5-86490-097-X.

25. *Скрипник Л. А.* О развитии местного самоуправления в немецких колониях на юге России / Л. А. Скрипник, А. В. Скрипник // Каррасские научные чтения, посвященные 210-летию со дня основания поселка Иноземцево : материалы региональной научно-практической конференции (сентябрь, 2012). — Пятигорск : Вестник Кавказа, 2013б. — С. 62—71. — ISBN 978-5-85714-102-1.

26. *Туганов Р. У.* Шотландская миссия в Кабарде / Р. У. Туганов, В. М. Аталиков // Живая старина. — 1991. — № 1. — С. 55—57.

27. *Фоменко В. А.* Об одном престижном захоронении на старом кладбище в поселке Иноземцево / В. А. Фоменко // Виноградовские чтения : материалы Международной научно-практической конференции (Армавир, 11 апреля 2015 г.). — Армавир : Дизайн студия Б, 2015. — С. 141—144. — ISBN 978-5-906137-48-7.

28. *Халидова О. Б.* Влияние иностранных колонистов и западных миссий на религиозную жизнь народов Кавказа / О. Б. Халидова // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. — 2008. — № 3—4. — С. 44—50.

29. *Чекменев С. А.* Иностранные поселения на Ставрополье в конце XVIII и первой половине XIX в. / С. А. Чекменев // Материалы по изучению Ставропольского края. — Ставрополь : Ставропольское книжное издательство, 1971. — Выпуск 12—13. — С. 243—253.

30. *Чекменев С. А.* Социально-экономическое развитие Ставрополья и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX века / С. А. Чекменев. — Пятигорск : Пятигорский государственный педагогический институт иностранных языков, 1967. — 352 с.

MATERIAL RESOURCES

Garkavets, A. N. (2013). *Kipchak Gospel*. Almaty: Baur. 556 p. ISBN 978-9965-854-31-6. (In Russ.).

- Garkavets, A. N. (2019). *Musanıy ilk kitabı. Kipchak Genesis*. Almaty: Baur. 140 p. ISBN 978-9965-854-48-4. (In Russ., Lat., Kipch.).
- Henderson, E. (1826). *Biblical researches and travels in Russia, including a tour in the Crimea, and the Passage of the Caucasus: with observations on the state of the rabbinical and karaite Jews, and the mohammedan and pagan tribes, inhabiting the southern provinces of the Russian empire*. London. 531 p.
- Henderson, E. (2006). *Biblical searches and wanderings in Russia, including a trip to the Crimea and crossing the Caucasus with an overview of the situation of Jews, Rabbinites and Karaites, Mohammedans and pagan peoples living in the southern provinces of the Russian Empire*. St. Petersburg: Russian Bible Society. 352 p. ISBN 5-85524-290-0. (In Russ.).
- Paterson, A. (1826). *Diary of observations of nature and notes*. Karras. 79 p. The manuscript is kept in the funds of the Pyatigorsk Museum of Local Lore. (In Russ.).
- The German population of the North Caucasus: socio-economic, political and religious life (the last quarter of the XVIII — mid-XX century). Collection of documents*. (2002). Stavropol; Stavropol State University Publishing House. 272 p. ISBN 5-88648-319-5. (In Russ.).
- The mysterious world of the peoples of the Caucasus: notes from the archives of the Edinburgh Missionary Society and other sources of the late XVIII—XIX centuries*. (2000). Nalchik: Elfa. 440 p. ISBN 5-88195-416-5. (In Russ.).

REFERENCES

- Apukhtin, I. (1903). *Karras colony, its past and present. Surroundings of Pyatigorsk*. Pyatigorsk: Printing house of E. P. Sadovnikov. 12 p. (In Russ.).
- Boglachev, S. V. (2016). *Foreigners at the Beshtov Mountains*. Essentuki: Creative workshop of BLG. 464 p. (In Russ.).
- Chekmenev, S. A. (1967). *Socio-economic development of Stavropol and Kuban at the end of the XVIII and in the first half of the XIX century*. Pyatigorsk: Pyatigorsk State Pedagogical Institute of Foreign Languages. 352 p. (In Russ.).
- Chekmenev, S. A. (1971). Foreign settlements in Stavropol at the end of the XVIII and the first half of the XIX century. In: *Materials for the study of the Stavropol Territory, 12—13*. Stavropol: Stavropol Book Publishing House. 243—253. (In Russ.).
- Darendorf, M. V. (2017). On the foundation, location and names of the Italian colony in the Caucasian Mineral Waters. *Modern trends in the development of science and technology*, 3—7: 14—18. (In Russ.).
- Darendorf, M. V., Kolesnikov, I. N. (2020). From the history of settlements of European colonists in the region of Caucasian Mineral Waters (XIX — early XX century). *Questions of History*, 12 (1): 231—236. DOI: 10.31166/VoprosyIstori202012Statyi18. (In Russ.).
- Dzhumagulova, A. T. (2019). *Nogais of the North Caucasus, Crimea and the Northern Black Sea region in the socio-political and economic conflicts of the XVIII — 60s of the XIX centuries*. Pyatigorsk: RIA-KMV. 248 p. (In Russ.).
- Fomenko, V. A., Danilov, A. V. (eds.). (2012). *From the history of the village of Inozemtsevo*. Pyatigorsk: North Caucasus Federal University. 60 p. ISBN 978-5-905989-12-4. (In Russ.).
- Fomenko, V. A. (2015). About one prestigious burial at the old cemetery in the village of Inozemtsevo. In: *Vinogradov readings. Materials of the International scientific*

- and Practical Conference (Armavir, April 11, 2015)*. Armavir: Design Studio B. 141—144. ISBN 978-5-906137-48-7. (In Russ).
- Kazembekov readings: materials of the International Scientific and Educational Conference. February 26—27, 2019. (2019). Makhachkala: Dagestan Humanitarian Institute. 371 p. (In Russ).
- Karras scientific readings dedicated to the 210th anniversary of the founding of the village of Inozemtsevo: materials of the regional scientific and practical conference (September, 2012). (2013). Pyatigorsk: Vestnik Kavkaza. 216 p. ISBN 978-5-85714-102-1. (In Russ).
- Khalidova, O. B. (2008). The influence of foreign colonists and Western missions on the religious life of the peoples of the Caucasus. *Voice of the past. Kuban Historical Magazine*, 3—4: 44—50. (In Russ).
- Kipkeeva, Z. B. (2017). *Descendants of Genghis Khan in the history of the North Caucasus of the XVIII—XIX centuries*. Stavropol: Publishing House of the North Caucasus Federal University. 330 p. ISBN 978-5-9296-0891-9. (In Russ).
- Kornilova, M. V. (2006). *German settlements in the North Caucasus in the XIX — early XX centuries*. Abstract of PhD Diss. Vladikavkaz. 22 p. (In Russ).
- Krasnokutskaya, L. I. (2000). *History of the Scottish mission in the North Caucasus (1802—1835)*. Abstract of PhD Diss. Pyatigorsk. 208 p. (In Russ).
- Krasnokutskaya, L. I. (2002). *Inozemtsevo (1802—2002). Pages of history*. Pyatigorsk: Rossika. 92 p. ISBN 5-89966-345-6. (In Russ).
- Krasnokutskaya, L. I. (2005). *The Scottish mission in the North Caucasus (1802—1835)*. Pyatigorsk-Moscow: Literary and publishing association “Pyatigorsk”. 140 p. (In Russ).
- Krasnokutskaya, L. I. (2018). *The Scottish mission in the North Caucasus, 1802—1835*. Pyatigorsk: RIA-KMV. 307 p. (In Russ).
- Mirza Kazem-Bek and domestic Oriental studies. Reports and reports of the scientific conference. May 23—25, 2000. (2001). Kazan: Kazan University Press. 324 p. ISBN 5-7464-0350-4. (In Russ).
- Musukaev, A. I. (2014). Edinburgh Missionary Society about the peoples of the North Caucasus. *Bulletin of Universities. The North Caucasus region. Series: Social Sciences*, 4: 41—45. (In Russ).
- Orazaev, G. M.-R. (2014). On the archeography of Arabic-written monuments in the Nogai language. In: *Nogais: XXI century. History. Language. Culture. From the origins-to the future*. Cherkessk: Karachay-Cherkess State University named after U. D. Aliyev. 315—320. ISBN 978-5-8307-0298-0. (In Russ).
- Plokhotnyuk, T. N. (2013). The formation of the Scottish colony of Karras in the context of Russia’s migration policy in the Caucasus (the last quarter of the XVIII—XIX centuries). In: *Karras scientific readings dedicated to the 210th anniversary of the founding of the village of Inozemtsevo: materials of the regional scientific and practical conference (September, 2012)*. Pyatigorsk: Bulletin of the Caucasus. 8—19. ISBN 978-5-85714-102-1. (In Russ).
- Plokhotnyuk, T. N. (2001). *Russian Germans in the North Caucasus*. Moscow: Public Academy of Sciences of Russian Germans. 238 p. ISBN 5-93227-001-2. (In Russ).
- Plokhotnyuk, T. N. (2017). Protestantism and migration: the religious factor of the resettlement of Germans to the North Caucasus. *Humanitarian and legal Studies*, 2: 116—122. (In Russ).

- Simanskaya, V. Ya. (1981). Shotlandka (Karras). In: *The Lermontov Encyclopedia*. Moscow: Soviet Encyclopedia. 627. (In Russ).
- Skripnik, L. A. (2002). *The historical significance of the Germans in the formation and development of resorts in the Caucasian Mineral Waters*. Pyatigorsk: Inter-Libra. 148 p. ISBN 5-86490-097-X. (In Russ).
- Skripnik, A. V., Skripnik, L. A. (2013a). The history of the Italian colony on Kavminvody. In: *Karras scientific readings dedicated to the 210th anniversary of the founding of the village of Inozemtsevo: materials of the regional scientific and practical conference (September, 2012)*. Pyatigorsk: Bulletin of the Caucasus. 71—82. ISBN 978-5-85714-102-1. (In Russ).
- Skripnik, L. A., Skripnik, A. V. (2013b). On the development of local self-government in the German colonies in the south of Russia. In: *Karras scientific readings dedicated to the 210th anniversary of the founding of the village of Inozemtsevo: materials of the regional scientific and practical conference (September, 2012)*. Pyatigorsk: Bulletin of the Caucasus. 62—71. ISBN 978-5-85714-102-1. (In Russ).
- The Adyghe (Circassian) encyclopedia*. (2006). Moscow: B. H. Akbashev Foundation. 1248 p. ISBN 5-99003-371-0. (In Russ).
- Tuganov, R. U., Atalikov, V. M. (1991). The Scottish mission in Kabarda. *Zhivaya starina*, 1: 55—57. (In Russ).

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года
Индексируется в WoS <Emerging Sources Citation Index>
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в международную базу ERIH с 11 июня 2015 года.
Идентификационный номер журнала в ERIH – 485900.
Включен в Международный реестр периодических изданий Global Serials Directory Ulrichs Web
Размещается на платформах EBSCO, НЭБ-РИНЦ (eLibrary), на сайте журнала и др.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России»
Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книжную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru
Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Группы научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК**Научные специальности в рамках групп научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК**

10.01.00 Литературоведение	10.01.01 Русская литература 10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) 10.01.08 Теория литературы. Текстология 10.01.09 Фольклористика 10.01.10 Журналистика
10.02.00 Языкознание	10.02.01 Русский язык 10.02.03 Славянские языки 10.02.04 Германские языки 10.02.19 Теория языка 10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание
07.00.00 Исторические науки и археология	07.00.02 Отечественная история 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода) 07.00.07 Этнография, этнология и антропология 07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования 07.00.15 История международных отношений и внешней политики

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля. Издаётся с 2012 года.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащённость научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **60** дней. Издательство берет на себя обязательство опубликовать статью не позднее четырех месяцев с момента получения положительной рецензии на статью. Сроки публикации 2—4 месяца.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

Шрифт Times New Roman, 14 pt (при использовании дополнительных шрифтов они должны быть представлены в редакцию в электронном виде). Межстрочный интервал — полуторный. Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25.

В начале статьи слева без отступа указывается УДК (для получения обращаться к сотрудникам библиотек).

Ниже (через строку) с выравниванием по левому краю без отступа полужирным шрифтом приводится название статьи.

Далее — сведения об авторе / авторах (шрифт — 11 pt) по образцу:

© **Иванова Анна Ивановна** (2021), orcid.org/0000-0001-3815-8615, доктор филологических наук, доцент кафедры славистики филологического факультета, Белградский государственный университет (Белград, Сербия), ivanova@mail.ru.

Аннотация – шрифт 12 pt (не менее 150 слов), выравнивание «по ширине», абзацный отступ 1,25 (с использованием клише: *Рассматривается вопрос... Уделяется внимание... Представлены результаты сопоставительного анализа... Поднимается вопрос о... Особое внимание уделяется... Новизна исследования видится в том, что... Актуальность исследования обусловлена... Приводятся определения... Автор останавливается на... Доказано, что... Предлагается классификация... Выполнен обзор... Представлена авторская разработка... Описан опыт многолетней работы автора ... и под.*).

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–9 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Основной текст – выравнивание «по ширине», абзацный отступ автоматический — 1,25. Структурирование статьи подразумевает деление текста на смысло-

вые части. Каждый подраздел должен иметь краткий тематический заголовок. Если исследование имеет характер эксперимента, то структурировать статью допускается по модели, традиционной для публикаций в международных изданиях: Введение, Методика, Результаты и обсуждение, Выводы.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001a; Иванов, 2001b]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Список литературы приводится после текста статьи, составляется по алфавиту, нумеруется, предваряется словом «Литература», выполняется шрифтом 12 pt. Сначала в алфавитном порядке приводится перечень работ на русском языке (кириллица), затем, также по алфавиту, работ на иностранных языках (латиница). Список литературы должен свидетельствовать о том, что автор знаком с научной литературой по теме статьи, поэтому рекомендуется включать в библиографический список не менее чем 15 позиций, в том числе желательно, если позволяет область исследования, представлять библиографические описания зарубежных публикаций по данной теме. Если статья написана с использованием лексикографических источников (словарей), архивных материалов, картотек, то они подаются отдельным списком перед списком литературы под заголовком «Источники и принятые сокращения».

Библиографические описания выполняются по ГОСТ Р 7.0.9-2009 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическое обеспечение издательских и книготорговых процессов. Общие требования» (<http://www.gosthelp.ru/gost/gost48640.html>). Фамилия автора книги или (при его отсутствии) первое слово названия книги выделяется курсивом. При наличии у книги двух или трех авторов первым элементом библиографической записи указывают только имя первого автора. Имена всех авторов приводят за косой линией. Если авторов четыре и более, описание книги начинают с заголовка, а за косой линией приводят имя первого автора с пометкой «[и др.]». Необходимо указывать изда-

тельство, в котором выпущена книга. Обязательно указывается общее количество страниц в книге либо диапазон страниц, на которых размещена, например, статья в журнале.

ПРИМЕРЫ:

Источники и принятые сокращения

1. Женщина — председатель колхоза // За Родину : газета. — 1946. — № 10. — С. 1.
2. КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров (хранится в Институте лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург).
3. Николаев А. Председатель во хмелю / А. Николаев // Сталинский призыв : газета. — 1953. — № 126 (990). — С. 4.
4. ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. — Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1967—2008. — Вып. 1—20.
5. СПГ — Словарь пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. — Пермь : Книжный мир, 2000—2002. — Вып. 1—2.
6. ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.
7. ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф.4. (Обком КПСС). Оп.53. Д.187. Лл. 2, 6.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. — Москва : Искусство, 1986. — 329 с.
2. Вьюговская Е. Схемы выдвижения в стандартизированном интервью / Е. Вьюговская, А. Ипатова, Д. Рогозин // Телескоп : журнал социологических и маркетинговых исследований. — 2012. — № 4. — С. 40—45.
3. Карасик В. И. Религиозный дискурс / В. И. Карасик // Языковая личность : проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики : сборник научных трудов. — Волгоград : Перемена, 1999. — С. 5—19.
4. Матвеева А. С. Служебное деловое письмо : теория, история, трансформация в условиях информатизации общества : автореферат диссертации ... кандидата педагогических наук : 05.25.02 / А. С. Матвеева. — Краснодар, 2012. — 22 с.
5. Мунье Э. Персонализм : краткое введение к вопросу [Электронный ресурс] / Э. Мунье. — Режим доступа : http://anthropology.rchgi.spb.ru/munie/munie_s1.html.
6. Некоторые перспективы исследования смысловых образований личности / А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, Б. В. Зейгарник, В. А. Петровский, Е. В. Субботский, А. У. Хараш, Л. С. Цветкова // Вопросы психологии. — 1979. — № 4. — С. 118—127.
7. Собкин В. С. Психологический анализ уровней литературного развития старшеклассников : диссертация кандидата психологических наук / В. С. Собкин. — Москва, 1982. — 169 с.
8. Garibaldi L. Mussolini e il Professore : Vita e diari di Carlo Alberto Biggini / L. Garibaldi (ed.). — Milano : Mursia, 1983. — 362 p.

9. Giglio C. Dodecaneso / C. Giglio // Oriente moderno. — 1929. — № 8. — P. 347.
10. Rosselli A. Come l'Italia conquista il Dodecanneso [Electronic resource] / A. Rosselli. — Access mode : <http://www.anpi.it/militari/rodi.html>.

Англоязычные сведения о статье и ее авторах готовятся редакцией после принятия статьи к публикации (авторские переводы не принимаются) и размещаются в конце статьи.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. **(343)3458984, 89120458984.**

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то УКАЗЫВАЙТЕ номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Babenko, L. G., Elston-Biron, A. V.</i> Discourse “Declaration of Love”: Problem of Automatic Identification (Works of A. P. Chekhov).....	9
<i>Berestnev, G. I.</i> Cognitive Structure of Randomness.....	27
<i>Bushueva, L. A.</i> Frame of Act of “Infidelity in Love” and Its Euphemistic Representations in Russian and English Linguocultures.....	45
<i>Golovko, N. V., Sheiko, D. V.</i> Review of Current Research on Translanguaging as a Communicative Practice of Multilinguals	60
<i>Klimova, M. V., Turko, U. I., Abreimova, G. N.</i> Meaning of Word ‘Content’ in Linguistic Consciousness of Young People	91
<i>Orlova, N. V.</i> Semantic Series as a Discourse Analysis Tool (Discourse about Generations).....	108
<i>Ruzhentseva, N. B., Koshkarova, N. N.</i> Phenomenon of Information Misrepresentation in Mass-Media: Versions of Facts	123

LITERARY STUDIES. JOURNALISM. FOLKLORE

<i>Borunov, A. B., Afanasyeva, O. V.</i> Taxonomy as a Genre and Cycle-Forming Pattern of “Fandorin corpus” by B. Akunin	140
<i>Wang, Yu, Shelemova, A. O., Kovalenko, A. G.</i> Ornithological Mythologeme Falcon in «The Tale of Igor’s Campaign» and Ancient Chinese Literature	154
<i>Zintsova, Yu. N., Matveeva, I. V., Samozhenov, S. N.</i> Originality of Author’s Position as a Playful Dialogue with Reader in Novel by M. Ende «Der Spiegel im Spiegel»	165
<i>Kudaeva, Z. Zh., Paranuk, K. N., Golodova, A. P.</i> Ethical Traditions of Adyghe: Genre Criteria and Main Motives.....	183
<i>Lyapina, A. V.</i> Magazine “Okhotnichy Vestnik”: History of its Origin and Functioning in Specialized Printing Market.....	198
<i>Martynenko, E. A.</i> Glasgian Novel in Work of Alasdair Gray	212
<i>Osovsky, O. E., Dubrovskaya, S. A.</i> Bakhtin, Russia and World: Reception of Scientist’s Ideas and Works in 1996—2020 Research.	227
<i>Satanar, M. T.</i> Semantics of Mythological Image of Yuryung Aiyy Toyon in Its Fundamental Principle (Archaic Texts of Olonkho).....	266
<i>Chernov, A. V., Vsevolodov, A. V.</i> Publicistic Reflection of Russian Entrepreneurship in Second Half of 19 th — early 20 th Centuries in Context of History of Russian Journalism.....	286

HISTORICAL SCIENCES

<i>Abdrakhmanov, B. D., Altymyshova, Z. A.</i> Implementation of Repression Policy in Kirghiz SSR in 1937—1938	307

<i>Adonyeva, I. G.</i> Russian Lawyers of Second Half of 19 th Century on Political and Legal Concepts of Catherine II	325
<i>Aksarin, V. V., Korolev, K. P.</i> Flax Growing in Tyumen Region: History of Formation and Development in XX Century	341
<i>Aktamov, I. G., Grigoreva, Yu. G.</i> Mongolian Labor Migration to Republic of Korea in Recent Historical Period: Forced Mobility and Social Event.....	359
<i>Amogolonova, D. D.</i> Buddhist Traditional Sangha of Russia in Socio-Cultural Processes Modern Buryatia	381
<i>Batomunkueva, S. R., Khartaev, V. V.</i> History of Buddhism in Mongolia in Essay of Kensur Ngawang-Nima “Coverage of Classical Sources on History of Buddhism”	400
<i>Veremenko, V. A., Krylova, E. N.</i> Printing House of Ministry of Internal Affairs of Russian Empire in Mid-19 th — Early 20 th Centuries: structure, functions, personnel.....	412
<i>Krasilnikova, E. I., Valdman, I. A.</i> History of Cities in Western Siberia in Representations of Journal “Siberian Lights”: Political and Historical Contexts of 1920s — 1940s.....	428
<i>Sagimbaev, A. V.</i> Concept of British Commonwealth in Activities of Round Table Group at Beginning of Twentieth Century	449
<i>Solnyshkin, A. A., Korneva, N. M.</i> Responsibility for Sacrilege in Russian Empire of 19 th — early 20 th Centuries (Law and Enforcement).....	463
<i>Starikova, N. V., Shurshikova, A. V., Shlyakhov, M. Y.</i> Official and Real Biographies in Context of Soviet Tradition of Non-Material Incentives for Labor during Great Patriotic War....	479
<i>Fomenko, V. A., Dzhumagulova, A. T.</i> History of Karras Colony and Nearby Settlements of Europeans in 19 th — First Half of 20 th Centuries at Present Stage of Study	496
TO AUTHORS.....	513

ПОДПИСКА

на журнал

«Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий

Global Serials Directory Ulrichs Web
(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

Компьютерная верстка и дизайн:
Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 23.07.2021. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 30,32. Тираж 500 экз. Заказ 23/07-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.
Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2021
Свободная цена